

РАССКАЗЫВАЮТ
ФРОНТОВИКИ
1941 — 1945

НА ЗЕМЛЕ,
В НЕБЕСАХ
И НА МОРЕ

В. С. ШАПКОВ
НА ИЛЬИНСКОМ РУБЕЖЕ

Ф. Г. ШАПОВАЛОВ
ТАК СРАЖАЛИСЬ ПАРОХОДЫ

И. А. ВЯЗАНКИН
БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

С. П. ИВЛЕВ
НА ФРОНТОВЫХ АЭРОДРОМАХ

С. М. ЛИСОГОР
ПОЛЕВЫЕ КРЕПОСТИ

А. И. НИКУЛИН
НА ОГНЕННОЙ ЗЕМЛЕ

А. А. СОСЕНКОВ
ВОЗРОЖДЕНИЕ ТАНКОВ

А. И. СОРОКИН
СТРОКИ ПОБЕДЫ

В. А. ВОРОБЬЕВ
ЭТО БЫЛО ПОД БРЕСТОМ

И. Т. АРТЕМЕНКО
ПОСЛЕДНЕЕ ЗАДАНИЕ

РАССКАЗЫВАЮТ
ФРОНТОВИКИ
1941 — 1945

НА ЗЕМЛЕ, В НЕБЕСАХ И НА МОРЕ

Москва
Военное издательство
1985

FURY

ББК 63.3.(2) 722
Н12

На земле, в небесах и на море.— М.: Воениздат, 1985.—
Н12 384 с., ил.— (Рассказывают фронтовики).
В пер.: 2 р.

В седьмом сборнике читатель найдет воспоминания курсанта-артиллериста, двух пехотинцев, летчика-истребителя, двух военных инженеров, моряка, военного издателя, руководителя парламентерской группы, который вручал командующему Квантунской армией ультиматум о ее безоговорочной капитуляции. Авторы сборника рассказывают о пережитом и передуманном на войне, о нерушимом фронтовом братстве, о живых и погибших товарищах, память о которых навсегда сохранили в своих сердцах.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Н $\frac{1304010000-179}{068(02)-85}$ 62-85

ББК 63.3(2) 722
9(С)27

© Воениздат, 1985
FURY

Владимир Степанович Шапков стал курсантом Подольского артиллерийского военного училища в июле 1941 года. А уже в октябре он с товарищами участвовал в тяжелых боях на ильинском рубеже под Малоярославцем, в ходе которых подольские курсанты ценой больших потерь преградили путь гитлеровцам, рвавшимся к Москве. Автору в то время было неполных 18 лет. Эти события, опалившие юность майора запаса Шапкова и его боевых друзей, навсегда остались для него незабываемой страницей жизни, о которой он и решил поведать читателям.

Слава вам, шагнувшим в бессмертие...

(Надпись на памятнике Подольским курсантам в селе Ильинское Калужской области)

НА ИЛЬИНСКОМ РУБЕЖЕ

5 октября 1941 года немецкие танки ворвались в Юхнов. Наши малочисленные, поредевшие в боях войска отступали. Резервные части и соединения подойти не успели, и дорога на Москву, по существу, оказалась открытой.

В той тяжелой и опасной обстановке командованию не оставалось ничего иного, как пойти на крайнюю меру — послать навстречу противнику то, что имелось под рукой на этом направлении: курсантов Подольских пехотного и артиллерийского военных училищ.

Боевую тревогу училищам объявили во второй половине дня 5 октября. Командиром сводного курсантского отряда был назначен начальник пехотного училища генерал-майор В. А. Смирнов, а его заместителем и начальником артиллерии отряда — начальник артиллерийского училища полковник И. С. Стрельбицкий.

Наша батарея повзводно построилась возле казармы, напротив штаба училища.

— Командиры отделений — ко мне! — скомандовал взводный Гуляев, строгий, подтянутый лейтенант, в длинной артиллерийской шинели, с пистолетом и полевой сумкой. — Проверить экипировку личного состава и доложить!

В путь отправились, когда уже стемнело. Шли по хорошей, асфальтированной дороге. На короткий отдых расположились в придорожных кустах.

— Товарищи курсанты, по приказу командования мы отправляемся на фронт, — объявил на привале взводный. — Вперед, навстречу врагу! — решительно сказал он. — Преградим ему путь к нашей столице!

Вот и свершилось то, о чем постоянно думали, чего с нетерпением и тревогой мы ждали. На фронт, наконец-то на фронт, туда, где стойко держатся советские воины, защищая Родину-мать!

Быстро раздали хлеб и мясные консервы.

— В такой темноте запросто попадешь ложкой в чужой котелок, — слышался веселый голос курсанта Лобова.

Петр Лобов отслужил срочную на флоте и любил щегольнуть морскими словечками. Товарищей он упорно называл не артиллеристами, а комендорами.

— Только вернулся со службы — а тут война, — рассказывал он. — Меня, краснофлотца запаса, послали в училище. И вот вместо морской суконки с синим форменным воротником пришлось надеть хлопчатобумажную гимнастерку. А душа моя все равно с флотом, — любил повторять Лобов, расстегнув при этом гимнастерку и поглаживая полосатую тельняшку.

Наше отделение назначили в боковой дозор.

— Не отрываться! — приказал Гуляев. — Держать зрительную и голосовую связь!

Моросил дождь. Шинель намокла, стала тяжелой, неуклюжей. Потяжелели, казалось, и карабин, и противогаз, и ранец с пищевыми концентратами. Ноги вязли в мягкой и топкой почве.

Невольнo вспомнилась теплая курсантская казарма. Там, в тумбочке, остались учебники по артиллерии, конспекты политзанятий, уставы, наставления. Альбом с фотографиями моих близких. Флакончик тройного одеколона. Неотправленное письмо домой и четвертая часть «Тихого Дона», которую только накануне взял в библиотеке. А вот блокнот — всегда при мне. В нем короткие записи, которые любил делать в свободную минуту.

Приближалась полночь, а мы все шагали.

Сверху донесся знакомый гул: немецкий самолет. В лесу, в стороне от дороги, прогремел взрыв.

Вскоре приблизились к каким-то баракам и избушкам. Лейтенант Гуляев объявил привал, выставил парные дозоры, а тем, кто свободен от наряда, разрешил отдыхать.

— За мной, ребята, — позвал сержант Колышкин.

Вошли в барак, скупо освещенный копилками. С трудом втиснулись среди тех, кто сладко похрапывал на полу. Ранец под голову, карабин на грудь — и мгновенно заснули.

Выбежали на улицу, едва забрезжил рассвет. На дороге стояли автомашины с сорокапятками на прицепах. В кузовах — курсанты нашего училища.

Двинулись по Варшавскому шоссе. Дождь к утру перестал, но небо по-прежнему хмурилось. По обочинам шагали в сторону фронта бойцы народного ополчения, кто в пальто и куртках, кто в новеньких шинелях и плащ-палатках.

Проехали Малоярославец. Город был пуст и безлюден.

Несколько раз над дорогой появлялись вражеские самолеты. Мы бросались врассыпную, кто куда: в придорожные канавы, под деревья,

в кусты. А что ожидало нас там, на передовой? Об этом думал, наверное, не только я...

Холодный ветер обжигал легкие, бил в глаза, высекая слезы, но никто из нас не отворачивался, не прятал лицо в воротник шинели. Все напряженно всматривались в тревожную серую даль.

Совершив марш из Подольска, курсанты обоих училищ сосредоточились в селе Ильинское и соседних деревнях. Оставленные жителями, сиротливо жались друг к другу старые избышки с соломенными и драночными крышами. На берегу речушки и в селе, по обе стороны шоссе, стояли железобетонные доты.

Ильинский (центральный) сектор Малоярославецкого укрепления Можайской линии обороны с заранее сооруженными дотами и противотанковыми препятствиями прикрывал подступы к Малоярославцу по Варшавскому шоссе. С прибытием курсантов ильинский сектор обороны возглавил генерал-майор В. А. Смирнов. Полковник И. С. Стрельбицкий вступил в командование артиллерией сектора.

В дотах и дзотах установили сорокаятки и пулеметы. Другие орудийные расчеты заняли позиции в кустарнике, на окраинах села Ильинское. За дотами, в окопах и траншеях, размещались курсанты-пехотинцы, бойцы стрелковых подразделений и курсанты нашего артиллерийского училища, не имевшие орудий. На опушке рощи спешно рыли окопы зенитчики.

Наш взвод окопался слева от шоссе, в густом низкорослом кустарнике, по соседству с курсантами пехотного училища. Разложили в нишах патроны, гранаты, протерли, привели в порядок карабины.

Перед нами — речушка с пологими берегами, за ней — заросшая лощина. Справа и слева — лес. Впереди — тоже лес. Где-то там, за лесом, гитлеровцы. Туда, к реке Угра, под Юхнов, послан наш передовой отряд — две батареи курсантов-артиллеристов и рота курсантов-пехотинцев. А здесь, в Ильинском, закреплялись основные силы артиллерийского и пехотного училищ. Рыли траншеи и землянки, сооружали блиндажи.

Разобрав сарай, мы натаскали бревен для перекрытия.

— Сделаем накат — никакая бомба не возьмет, — сказал сержант Колышкин.

Он не только руководил и командовал, но и работал вместе с нами. Не торопил, не подгонял, понимая, что трудно. И хотя лопата казалась тяжелее кувалды, а руки деревенели от усталости, мы упрямо рыли землю, равняясь на командира отделения.

Для нас, курсантов, Федор Колышкин — авторитет: службу в армии он уже прошел и военное дело знал назубок.

— Буду учить вас, чему учили меня. Учить по всем военным правилам, — говорил он. — И не взыщите, коли что придется не по вкусу. Я ведь хочу одного — чтобы мы быстрее разделились с фашистами. А без труда, без воинского мастерства этого не добьешься. И запомните крепко: в нашем деле прежде всего взаимная выручка. За товарища — в огонь и в воду. Это и есть боевая дружба...

Пехотинцы маскировали пулеметы, выбирали ориентиры, определяли расстояние до них.

А у нас во взводе — только карабины да гранаты. Сорокапятки пришлось отдать передовому отряду.

Лобов принес откуда-то десяток картофелин.

— Приготовлю общий обед... Символический, конечно, — улыбнувшись, добавил он.

Мы сгрудились возле костра. Вкусный запах печеной картошки напомнил далекое детство и костры в поле.

«Как-то сейчас дома? — подумал я. — Вот если бы увидели меня, курсанта, мать с отцом, наверное, не узнали бы...»

Я не думал стать кадровым военным. После средней школы собирался поступить в педагогический институт. И вдруг — война. Не раздумывая, пошел с ребятами в военкомат. Не зря же занимались в школьных оборонных кружках и с гордостью носили на груди значки «Ворошиловский стрелок» и «Готов к ПВХО».

«Повременил бы, — отговаривала меня мать. — Твой год еще не призывают».

Но я не послушался. Стал курсантом Подольского артиллерийского училища. А товарищей, с которыми ходил в военкомат, направили в другое училище...

— Иди помоги, — позвал меня сержант Колышкин.

Он раздобыл где-то не совсем исправный ручной пулемет и каску. Каску отдал мне, а пулемет оставил себе. Не спеша, по-хозяйски разобрал его, покопался в механизме, аккуратно протер и смазал каждую деталь.

— А теперь проверим, готов ли наш пулемет к разговору с фашистами, — решительно сказал Колышкин и дал очередь в воздух.

Пулемет действовал отлично. Сержант остался доволен...

Поздно вечером нам разрешили отдыхать. Я прижался в окопе к товарищу. Только было задремал, как кто-то толкнул меня в бок и закричал:

— В кармане горит!

Я вскочил и выдернул из кармана шинели бутылку с горючей смесью, которая светилась голубыми огоньками. Ребята стащили с меня шинель и присыпали землей тлевшую полу.

Еще днем мы получили такие бутылки. Разложили их в нишах окопа. А одну я сунул в карман шинели — чтобы была под руками. Пробка оказалась негодной, потому и просочились капельки самовоспламеняющейся жидкости...

С наступлением рассвета ребята принялись углублять окопы и траншеи, а я занялся шинелью. Хотя латка получилась не такой, как хотелось, Колышкин воздержался от замечания: дело фронтное, тут не до шика...

Подожел генерал-майор Смирнов. Он сразу увидел рядом с нами пустые окопы, спросил у сержанта-пехотинца, чьи они.

— Бойцы тут были, товарищ генерал.

— Были... А куда подевались?

— За ними командир приходил. Увел куда-то...

Днем в нашем расположении побывало начальство из Москвы. Среди тех, кто проверял организацию обороны, находился незнако-

мый генерал, сопровождаемый командирами. Он, не торопясь, переходил от окопа к окопу и накоротке беседовал с ребятами, напоминая, что нам доверено защищать Москву...

К вечеру к нам пришли из соседнего отделения трое курсантов, и среди них — веселый паренек, москвич Игорь Смирнов.

— К вам на подмогу послали, — сообщил он. — Мы — ребята удалые. Нам что песни петь, что воевать! — весело заявил он и сразу запомнился мне.

Орудийные расчеты укрылись в дотах и блиндажах. Наш взвод не имел пушек, а потому сидел в окопах и траншеях. Здесь нас хорошо укрывал кустарник, но очень донимал холод.

Фашистские самолеты то улетали, то снова возвращались, каруселью кружили над лесом, над нами, снижались, барражировали вдоль противотанкового рва, над завалами и дотами да постреливали из пулеметов. Немецкие летчики чувствовали себя вольготно. Но это продолжалось недолго. Появились наши ястребки. Они подбили одного стервятника, и он резко пошел вниз, оставляя за собой черный хвост дыма. Из горящего самолета вывалился темный комок, над ним раскрылся парашют.

Вражеский летчик приземлился невдалеке. Он что-то лопотал на своем языке и указывал рукой на запад. Мы разглядывали его со смешанным чувством удивления и ненависти. Вскоре немца увезли, и наше возбуждение улеглось...

Старшина батареи, розовощекий крепыш, привез горячую пищу.

Жизнь в окопах налаживалась. Мало-помалу мы обживались, привыкали к боевой обстановке.

Пришел с поста продрогший, с посиневшим лицом Игорь Смирнов. Я поставил перед ним котелок с картофелем и мясными консервами. Ели мы с ним из одного котелка и наперебой хвалили заботливых товарищей.

Подошла Маша, улыбнулась, и будто солнечным светом всех озаорило: лица у ребят засияли.

— Маша, иди сюда, — позвал Лобов. — У нас картошка первый сорт — жареная...

Маша у нас недавно. Говорили, она — здешняя, то ли из Кудиново, то ли из Ильинского. В расположении взвода появилась неожиданно-негаданно, как в сказке.

— Зачем пожаловала? — строго спросил тогда лейтенант Гуляев. — Здесь не место посторонним.

— А я не посторонняя, — спокойно возразила невысокая девушка в ватной куртке, лыжных шароварах и в заячьей шапке-ушанке, из-под которой выбивались светлые кудряшки. — Я умею стрелять и санитарное дело знаю. Вот, смотрите. — Расстегнула куртку — на груди значок «Готов к санитарной обороне».

Маша осталась на передовой. Она довольно быстро разобралась в устройстве карабина и пистолета ТТ, научилась стрелять.

— Теперь, Маша, тебе не страшна самая строгая инспекторская проверка, — с одобрением говорили курсанты.

Трогательно и заботливо относились мы к девушке. Несли ей все, что могли, — кто веточку березы с золотистыми листьями, кто какие-то поздние поблекшие цветы. А Смирнов даже притащил кустик шиповника с красно-бурыми ягодами.

— Не бойся, Маша, ветки не колются. Иголочки, видишь, среза-ны,— трогательно пояснил он.

Тесными группками сидели мы в окопах, ели картошку с мясными консервами, шутили и даже смеялись, наслаждаясь недолгим за-тишьем.

Лейтенант Сергей Гуляев поел быстрее всех. И сразу — из одного отделения в другое:

— А как, ребята, у вас?

Наш взводный окончил Харьковское артиллерийское училище. Хороший командир и воспитатель, он строго, но заботливо относился к курсантам. Сам отличался безукоризненной выправкой и требовал того же от нас. Многое нравилось нам в лейтенанте, но особенно покоряла его любовь к артиллерии, и каждому очень хотелось быть похожим на него.

— Смело штурмуйте трудности, товарищи курсанты, берите их атаккой в лоб, маневром и натиском, военной хитростью, смекалкой. И тогда любое дело будет вам по плечу,— говорил Гуляев.— Великая честь быть курсантом военного училища, стать командиром нашей славной Красной Армии и вести за собой бойцов.

Как-то на стрельбище один из курсантов послал все пули «за молоком». «Карабин не пристрелян»,— заявил он в оправдание. Тогда наш лейтенант взял у него карабин, быстро прицелился и вы-стрелил три раза в дальнюю мишень. Проверили результаты: три пробоины, одна возле другой, чернели в яблочке.

Занятия в училище сплотили нас, закалили, сделали выноси-выми, ловкими, пробудили горячее желание защищать Родину. Это чувство переполняло сердца. И не случайно в тот далекий осенний день все мы с тревожным нетерпением ждали противника, чтобы встретить его огнем сорокапяток, пулеметов, карабинов, а также гранатами, ножами, бутылками с горючей смесью.

А пока мы с товарищами протирали и перекладывали гранаты, боеприпасы. Ни минуты не сидел без дела и дядя Егор — местный житель, инвалид гражданской войны, полновластный хозяин повозки, доставлявший нам патроны, воду и пищу.

Дядя Егор не смог поспеть за земляками, которые во время бомбежки разбежались по окрестным лесам. Выбившись из сил, он решил оставаться до поры до времени в Ильинском и попросил принять его хотя бы в кашевары.

Определили его помощником старшины — завхозом.

— А немцев, ребята, я знаю,— говорил дядя Егор.— В восемна-дцатом под Нарвой с ними встречался... В гражданскую, помню, в лантях, с трехлинейкой, и все же одолели мы их. А сейчас, раз уж вынудили нас взяться за оружие, тем паче поколотим. Так оно и будет.

— Ну, как настрояние, браток? — спросил у меня Смирнов.— Первишки не шалят?

— Вроде не шалят, а все же страшновато...

— Это ничего, терпимо... О чем думаешь?

— Известно, о чем... О том, чтобы не пропустить фашистов. А ты?

— И я о том же. А еще — о матери, — вздохнул Игорь. — Из головы не выходит: как она там одна, как справляется на заводе. Она у меня маленькая и худенькая. Я всегда ей помогал. Отец ведь тоже на фронте.

— А мой отец — железнодорожник, дежурный по станции. Бывало, придет с ночного дежурства и обязательно положит на стол пакет с печеньем и конфетами: «Вот, принимайте гостинiec. Сорока на хвосте принесла...»

Удивительное дело: поговорили о доме, о родных, и на душе стало легче, спокойнее.

А в это время в районе Юхнова, на берегу Угры, наш передовой отряд отражал натиск пехоты и танков противника. Отряд имел задачу оседлать Варшавское шоссе, задержать гитлеровцев и тем самым дать возможность закрепиться в Ильинском основным силам пехотного и артиллерийского училищ.

В первом же бою, 6 октября, курсантская рота старшего лейтенанта Л. А. Мамчича бросилась в контратаку, рассеяла фашистских автоматчиков и заняла рубеж Кувшиново, Красный Столб. А когда, пытаясь форсировать Угру, на курсантов пошли бронемашинны, в дело вступили батареи капитана В. И. Базыленко и старшего лейтенанта Т. Г. Носова, подбили несколько бронемашин и мотоциклов. Только на другой день, вечером 7 октября, фашистам удалось переправиться через Угру.

— Смотрите — «кукушка»! — Командир роты Мамчич указал рукой на тригонометрическую вышку, стоявшую метрах в ста от огневой, на опушке рощи.

Старший лейтенант Носов бросился к орудию и первым же снарядом снял вражеского снайпера.

На помощь курсантам-артиллеристам пришли две роты пехотного училища, общими силами остановили врага и закрепились. А танки напирали, пытались обойти курсантов с флангов — рвались к Медыни и Малоярославцу. Измотанные, поредевшие, орудийные расчеты и отделения продолжали отбиваться. Встречали противника огнем орудий и пулеметов, гранатами и бутылками с горючей смесью. И не только отбивались. Нередко вынуждали гитлеровцев отступать.

В течение трех дней, с 6 по 8 октября, держались курсанты на берегах Угры и Извери, сутки под Мятлево и еще сутки под Медыню. Противник наращивал силы, а курсантов становилось все меньше. Пали в боях старший политрук М. М. Постнов, наводчики орудий Анатолий Логинов, Василий Сапожников, был контужен старший лейтенант Л. А. Мамчич.

В бою под Мятлево командир батареи Т. Г. Носов занял у орудия место погибшего наводчика и бил по гитлеровцам до тех пор, пока не угодила в плечо вражеская пуля...

Пять суток сдерживал немцев передовой курсантский отряд. Тем временем основные силы артиллерийского и пехотного училищ закрепились на ильинском рубеже...

Запомнилось комсомольское собрание. Каждый расчет, каждое отделение послали на собрание по одному представителю. С информацией выступил секретарь партийного бюро дивизиона политрук Н. М. Иванов.

В период учебы политрук ходил с нами на стрельбище и полигон, проводил беседы. Когда надо — требовал, учил, когда надо — просто, по-дружески давал советы, рассказывал что-нибудь веселое, смешное. По вечерам, после занятий, предлагал: «Споемте, товарищи курсанты!»

В присутствии политрука Иванова мы чувствовали себя увереннее, спокойнее. И не только в дни учебы. Здесь, в боевой обстановке, он тоже постоянно был с нами, внимательный и чуткий, как всегда.

— Я только что из передового отряда, — начал свое короткое выступление политрук. — Дерутся ребята отчаянно. Ценою жизни сдерживают гитлеровцев... Впереди — вражеские танки. Стоять на смерть, товарищи! — призвал он комсомольцев.

Ребята поклялись, что не пропустят фашистов.

Сразу после собрания наш политрук уехал в машине со снарядами в район Медыни, где поредевший передовой отряд, выбиваясь из сил, с трудом сдерживал гитлеровцев.

Утром 11 октября к нашим позициям вышла группа курсантов из передового отряда. Ребята чуть не падали от усталости. Сильно вымотались они за эти пять суток, пока отражали натиск врага, пока отходили с боями к ильинскому рубежу...

Жалобно завыл ветер, погнав над землей черные тучи. Пошел дождь.

Мы сидели в окопах и молча глядели вперед. Ни одной жалобы на холод, ни тени страха перед грядущим. Суровые, обветренные лица, в глазах — решимость сделать все возможное и невозможное, чтобы сдержать клятву, не пропустить врага.

Впереди речушка, а дальше — луг, поляна, роща. Там, за поляной, прикрытый деревьями и кустами, притаился наш смертельный враг.

Как только кончился дождь и прояснилось небо, прозвучал сигнал тревоги: «Воздух!»

Черные смерчи заслонили небо. Вокруг потемнело, будто наступили сумерки. Гудела, дрожала, ходуном ходила земля. Мы притихли, забились в окопы. А фашистские самолеты висели прямо над головой. По спине ударили тяжелые комья земли. Я выглянул из укрытия. На месте соседнего окопа чернела и дымилась воронка. Рядом лежало вырванное с корнями дерево, а на его обломанных и обгорелых ветвях трепетали лохмотья шинелей... Сжимая в руках карабин, чуть не заплакал от обиды и злости: ну почему не сбивают этих проклятых стервятников?!

Стиснул зубы. Взял себя в руки. Поглядел на товарищей, вскинул карабин и начал стрелять по фашистскому самолету.

На следующее утро, 12 октября, «юнкеры» снова обрушили на наши позиции свой смертоносный груз. Опять застонала, будто жалуюсь, земля.

Не успели отряхнуться и отдышаться после бомбежки, как наблюдатели донесли: «Танки!»

Прислушались к отдаленному гулу.

— Да, сила, видать, движется большая. Выдержим, ребята, все выдержим, — сказал сержант Колышкин и поправил установленный на бруствере ручной пулемет, проверил запасные диски. Чувствовалось, он волновался перед боем не меньше нас. Возбужденно скомандовал: — Приготовить гранаты и бутылки!

А мы и без команды давно были готовы к бою.

Рядом с нашими окопами, в кустах, огневая сорокапятки. Одного курсанта из оружейного расчета — наводчика Мишу Круглова я знал. Заметив меня, Круглов улыбнулся и помахал мне. Потом еще раз проверил прицел, механизмы наводки, бережно погладил ствол орудия.

Тяжелый, устрашающий гул нарастал с каждой минутой. Вскоре из-за темных деревьев и кустов выползли семь или восемь танков. Ребята застыли в тревожном ожидании. За спиной у нас были Малоярославец и Подольск. И до Москвы, что называется, рукой подать — всего 130 километров.

Танки двигались по шоссе колонной, как на параде. Гитлеровцы, видимо, были уверены в полной безнаказанности. Еще бы! Победным маршем прошли их войска по дорогам Европы, в считанные дни покорили многие государства. А тут — всего-навсего какая-то безвестная деревушка...

— Больше выдержки и спокойствия, — подбадривал нас лейтенант Гуляев. — Больше ненависти и злости. Фашистов надо уничтожить, иначе они уничтожат нас!

Танки открыли плотный огонь. Просвистели снаряды, и где-то позади нас раздались взрывы. Огрызнулись наши передовые доты.

— Бронебойным — огонь! — послышался голос командира соседней сорокапятки.

А танки уже приближались к речушке, к нашим дотам, окопам.

Усилили стрельбу доты. Две стальные машины задымили и оставились.

— Смотрите, горят! — радостно закричал Игорь Смирнов.

И вот уже танки показались перед нашими окопами. Ребята притихли, с беспокойством переглядывались: что будет?

— Полундра! — раздался рядом голос Лобова.

Схватив бутылки с горючей смесью, он пополз навстречу вражеской машине. Несколько курсантов последовали за ним. Вскочил из окопа и Смирнов. Сердито оглядевшись по сторонам, он быстро и решительно взял противотанковую гранату.

— Стойте! — закричал Колышкин. — Пусть подойдут ближе. Тогда — вперед.

Курсанты, видимо, не расслышали его слов. Но уничтожить прорвавшийся танк им не пришлось: ребят опередили артиллеристы.

Один из дотов окутало темно-бурое облако взрыва. Неужели прямое попадание?

— За мной! — скомандовал сержант Колышкин и пополз с ручным пулеметом к доту. Ребята — за ним. В ту же минуту дот ожил, открыл огонь по приближавшимся стальным машинам.

Наши товарищи били по фашистам из орудий, а мы сидели в окопах, с обидой и злостью сжимали в руках противотанковые гранаты и бутылки с горючей смесью.

— Огонь!

Один за другим были остановлены еще три танка. Остальные повернули вспять.

Над поляной стелился густой черный дым. Наступила тишина, но длилась она недолго.

Сразу после артиллерийского налета гитлеровцы под прикрытием пулеметного и минометного огня бросились в атаку. Бежали густой цепью, падали, поднимались и снова бежали.

Звучно заговорил пулемет Колышкина, захлопали выстрелы карабинов.

— Осколочным — огонь! — донесся хриплый голос командира сорокапятки.

Но орудие молчало.

— Надо помочь, — указал в сторону огневой лейтенант Гуляев. Лобов и Смирнов бросились к сорокапятке. Окровавленные, заряжающий и замковый лежали возле станин.

— Снаряды! — требовал уцелевший наводчик Михаил Круглов.

— Есть, снаряды!

Смирнов так быстро подавал снаряды, что Лобов едва успевал заряжать.

А гитлеровцы наседали. Они подошли к речушке и могли вот-вот переправиться через нее. Тут и произошло то, что врезалось в память на всю жизнь. Из окопов выскочили курсанты-пехотинцы, а за ними — один за другим — ребята нашего взвода. Казалось, всю жизнь ждали они именно этого боя, а потому яростно ринулись на противника.

Я помчался вслед за товарищами. Они летели словно на крыльях, я догнал их только тогда, когда все залегли.

После короткой перестрелки мы по чьей-то команде опять поднялись и устремились к речке. Впереди, на противоположном берегу, от куста к кусту перебегали фашисты, раздавались короткие автоматные очереди. Мы залегли и открыли огонь из ручного пулемета и карабинов. Несколько человек швырнули гранаты, но они разорвались в воде. Курсанты-пехотинцы били по врагу из станкового пулемета.

Гитлеровцы отошли. Перестрелка прекратилась, и стало непривычно тихо. А на поляне, возле шоссе, дымились вражеские танки.

На другой день, 13 октября, курсанта Дорошенко и меня послали с заданием на левый фланг ильинского рубежа, в деревню Машково, где оборонялись курсантский взвод пехотного училища и взвод

курсантов-артиллеристов. Вторые сутки не было от них донесений, и нам поручили выяснить, что случилось с ребятами.

Григорий Дорошенко был старше меня лет на восемь, он уже отслужил действительную в армии, но относился ко мне, как к равному.

Немецкие самолеты не давали идти: кружили над нами, пикировали, стреляли из пулеметов. До Машково мы добрались только в полдень. Тут мы узнали, что накануне здесь побывали вражеские мотоциклисты. Курсанты уничтожили многих. Но и наших полегло немало. В отделениях осталось по пять-шесть человек, вышла из строя одна сорокапятка.

— Главное, чтоб фашисты не прорвались, не обошли нас. Мы понимаем это и сделаем все возможное. Так и передайте командованию, — сказали нам товарищи. — Может, кого пришлют на подмогу... А связного мы послали еще вчера. Видимо, не дошел...

Мы с Дорошенко наскоро перекусили и собрались возвращаться в Ильинское с донесением, да не успели: нагрянули фашисты.

Загорелась ближайшая избушка. Густой дым застилал глаза, в ушах гудело. Гитлеровцы не переставая строчили из автоматов и лезли на нас, как очумелые. Но курсанты держались. До самого вечера отбивали атаки врага. И откуда только брались у них силы?!

Мы с Дорошенко находились на огневой. Подносили снаряды, заряжали сорокапятку. Когда был ранен наводчик, Дорошенко занял место у прицела, а я до конца боя выполнял обязанности заряжающего.

Мало кто уцелел в том пекле...

Когда стемнело, решили с Дорошенко пробиваться в Ильинское, а до него — добрый десяток километров, если не больше. Застряли в каком-то овраге. Только выкарабкались, поблизости послышалась чужая речь: гитлеровцы! Неужели заметили нас? Вспыхнула и повисла в воздухе осветительная ракета, ударили выстрелы. Дождались, пока все стихло и зашагали дальше. От Малой Шубинки добрались до Ильинского по противотанковому рву. Доложили обо всем политуру Ивану.

Перед нами были танки и бронемашины, а нас, курсантов, всего небольшая горстка. Но мы держались до последней возможности. Только смерть вырывала наших ребят из боевых рядов.

Во время боя к нам в окоп приполз окровавленный, без шинели и пилотки, курсант из соседнего дота.

— Танки на нас, а мы — по танкам... А они — по амбразуре... Прямое попадание... И командира, и ребят — всех наповал. Пушка разбита, патроны и гранаты кончились. Еле выбрался... А фашистские автоматчики прут, проклятые...

Доты в тот период не имели, к сожалению, броневых щитов на амбразурах, а гитлеровцы вели стрельбу прямой наводкой. Вот и погиб расчет. Может быть, курсанты и смогли бы выкатить орудие на запасную позицию, да только в горячке перестрелки об этом никто не подумал.

— Передайте на КП: наш дот держался до последнего, — попросил нас приползший курсант. — До последнего...

— К доту! — скомандовал лейтенант Гуляев и взмахнул пистолетом. — За мной! — И мы, не чуя под собой ног, не слыша выстрелов, поползли за ним к доту.

Подоспели курсанты-пехотинцы. Ребята — орлы. Забросали фашистов гранатами, отбили дот, закрепились в близлежащих окопах. Но затишье оказалось коротким: гитлеровцы захватили дзот, установили в нем крупнокалиберный пулемет. Из амбразуры вырывались яркие вспышки.

— Обезвредить! — приказал лейтенант Гуляев.

— Разрешите мне, — обратился к нему Григорий Дорошенко и, сбросив шинель, тут же пополз в сторону дзота.

Полз он медленно, с остановками, выбирая путь понадежнее. И с каждой минутой приближался к цели. Из амбразуры, не переставая, хлестал огонь. На несколько секунд Дорошенко замер, передохнул, затем сильно размахнулся, и в огненную пасть дзота полетела связка гранат. Фашистский пулемет умолк.

Окровавленный Дорошенко с трудом приполз обратно и свалился в окоп. Ребята оказали ему первую помощь, помогли натянуть шинель, повели в тыл.

— Куда вы меня, хлопцы? — возбужденно спрашивал он. — Разве я смогу без вас...

С восторгом и удивлением слушали мы в тот день грозный гул реактивных снарядов и грохот их далеких разрывов в стане противника.

— Вот это дали фашистам прикурить! Поглядеть бы, как они чувствуют себя после такого огонька! — слышалось вокруг.

Это были первые на нашем участке залпы прославленных гвардейских минометов — «катюш». Тогда мы еще не знали, что это за оружие и как оно называется, но почувствовали его могучую силу.

— За Родину! За Москву! — раздался боевой клич, и курсанты-пехотинцы, выскочив из окопов, ринулись на гитлеровцев.

Густо рвались снаряды и мины. Не всегда удавалось проскочить сквозь завесу раскаленного металла.

Поблизости разорвался снаряд. Игорь Смирнов бросился на землю. Когда рассеялся дым, он увидел возле себя раненого курсанта, а чуть подальше — еще одного. Где волоком, а где на закорках он протаскивал раненого метров двести, пока добрался до своих.

Передохнув, пополз обратно.

— Стой! Там немцы! — закричали ему.

— Но там еще один раненый...

Игорь Смирнов спас и второго курсанта. А когда немного отдыхался и занял место рядом с товарищами, мы увидели, что его довольно сильно царапнуло осколком.

— Беги в медпункт, — посоветовали ребята.

— Вы что, смеетесь? — оскорбился Игорь. — Степан Разин и Емельян Пугачев, когда их казнили, и то молчали. А мне из-за царапины хныкать! Как бы не так!

Он всегда оставался самым собой — удалым, чуточку рисующимся пареньком...

Наши окопы находились под надежной защитой дотов и дзотов, а потому мы больше опасались автоматчиков, чем танков. С танками и бронемашинами справлялись орудия, а вот автоматчики могли незаметно просочиться, выйти к нам в тыл и причинить серьезные неприятности.

Так и получилось.

— Немцы! — закричал кто-то рядом.

Позади окопов, в кустах, мелькали зеленовато-серые фигуры. В ту же минуту раздалась трескотня автоматов, и над нами засвистели пули. Но никто не суетился, не горячился. Мы подпустили фашистов поближе, затем дружно ударили из пулемета и карабинов.

А один курсант-пехотинец не выдержал, выскочил из окопа и, что-то крича, бросился на гитлеровцев. За ним последовали другие...

После боя Лобов принес откуда-то объемистую сумку, набитую перевязочными пакетами и бинтами.

— Берите, друзья. В бою все пригодится.

После этого случая его прозвали «братом милосердия».

Ночью Петр Лобов с разрешения командира пробрался в расположение немцев и заколол офицера. Возвратился с пистолетом и полевой сумкой, с какими-то бумагами и фотографиями.

Мы восхищенно смотрели на Лобова, а он только смущенно улыбался.

— И как это тебе удалось? — допытывались ребята.

— Да поначалу я и сам не верил, что получится. Страшновато все-таки. А потом сказал себе: получится! Если, конечно, очень захочешь. Об этом и думал, когда полз в темноте. А там уж, видно, мне просто повезло...

Гитлеровцы не смогли взять Ильинское атаками в лоб и решили прорываться на флангах.

14 октября они потеснили курсантов на левом фланге ильинского рубежа, в районе Большой Шубинки, и вышли через рощу к соседней деревушке — Малой Шубинке, где оборонялся взвод курсантов-пехотинцев лейтенанта И. И. Тимофеева. На помощь ему послали нашего взводного Сергея Гуляева с двумя отделениями.

С крутого склона оврага, поросшего кустарником, гитлеровцы били из минометов по Малой Шубинке, по доту и окопам курсантов. Погиб пулеметчик. Место за пулеметом занял лейтенант Тимофеев, полоснул длинной очередью поседавшим фашистам. Но вскоре перед амбразурой разорвались мины, и пулемет замолчал. Раненый Тимофеев устранил неисправность и продолжал вести огонь.

Немцы залегли, на какое-то время притихли. А затем, прикрываясь кустарником, снова полезли к доту. На помощь пулеметчикам бросились вовремя подоспевшие курсанты во главе с лейтенантом Гуляевым. Заняв окопы, они остановили фашистов гранатами.

Бой продолжался весь день. В сумерках враг подтянул подкрепление, окружил дот и окопы, усилил огонь из минометов и автоматов.

После второго ранения лейтенант Тимофеев уже не смог стрелять, окровавленные руки не слушались его. К прицеле пулемета припик кто-то из ребят и нажал на спуск. В перерыве между очередями он крикнул товарищам:

— Спасайте лейтенанта!

Курсант пехотного училища Фаск Бахтиозин вытащил Тимофеева из дота, укрыл в кустах и пополз обратно к доту, где оставался с товарищами лейтенант Гуляев. Оттуда донеслись разрывы гранат, крики. Бахтиозина ранило. Кое-как он выкарабкался из окопа, безрезультатно поискал в кустах лейтенанта Тимофеева, а затем добрался до рощи. Всю ночь, ориентируясь по противотанковому рву, полз раненый Бахтиозин в сторону Ильинского. Утром его подобрали и на повозке отправили в тыл...

15 октября немецкие танки и бронетранспортеры прорвались южнее Ильинского, вышли к Варшавскому шоссе и с тыла двинулись на курсантов.

Перед колонной взметнулись разрывы снарядов. Три подбитых немецких танка загородили дорогу остальным. Это удачно ударили по гитлеровцам орудийные расчеты лейтенантов И. И. Мусеридзе и А. Г. Шаповалова. Затем расчеты стремительным броском сменили позиции и произвели по врагу огневой налет, который не только остановил, но и расстроил колонну.

— По голове их, гадов, по голове! — азартно кричал Ирадион Мусеридзе. — А теперь по хвосту! Бей по хвосту! Огонь!

Осколки вражеского снаряда повредили орудие: застыл механизм наводки. Лейтенант Мусеридзе устранил неисправность, проверил и закрепил прицел.

— Вы ранены, товарищ лейтенант...

— Заряжай! — скомандовал Мусеридзе. — Какое может быть ранение, когда рядом фашистские танки. Вот они, перед орудием! Огонь!

Курсант Юрий Добрынин занял место погибшего наводчика, дернул шнур спусковой рукоятки.

— Отлично! Действует! — В глазах у него горячий блеск, он полон решимости любой ценой задержать и уничтожить врага.

С подбитого бронетранспортера высадились автоматчики. Одни бежали, а другие ползли к позициям курсантов.

Не отрываясь от прицела, Добрынин крутил рукоятки механизма наводки, со злостью приговаривая при этом: «Вот, еще получайте!»

Кругом все гремело, свистели осколки и пули. Разгоряченный, взмокший от пота, Добрынин сбросил шинель. С короткой дистанции он уверенно посылал в цель снаряд за снарядом.

В этом бою курсанты подбили девять танков!

Одновременно с наступлением на флангах гитлеровцы усилили атаки на центральном участке ильинского сектора. А после артиллерийского налета устремились к доту.

Увидев приближавшихся немцев, Колышкин распорядился:

— Курсант Лобов, берите пять-шесть человек — и в обход слева! Отвлеките противника на себя. А мы — справа...

Группа Лобова скрылась в кустах. Вскоре там завязался бой. Тем временем наша группа, которой командовал Колышкин, вышла во фланг врага и открыла прицельный огонь из ручного пулемета и карабинов. Немцы ответили беспорядочной стрельбой из автоматов.

— Пошли! — взмахнул рукой Колышкин и пополз с ручным пулеметом к кустам, где укрылись фашисты.

Мы устремились за сержантом. Рядом со мной — Игорь Смирнов. Он проворно полз по-пластунски, рассчитывая каждое движение. На минуту задерживался, вскидывал карабин, стрелял — и спешил дальше, пытаясь не отставать от товарищей.

— Разрешите, я их гранатой? — обратился он к Колышкину. — А вы — прикройте.

— Давай! — бодро откликнулся сержант.

Игорь рванулся вперед. Я полз за ним. Увидел, как сбоку, из-за куста, на него набросился немец и прижал к земле. Кинулись с ребятами на выручку. Мы скрутили фашиста, когда тот уже занес над Игорем нож.

Соединились с группой Лобова. Передвигались то короткими перебежками, то ползком, прикрывая друг друга огнем. К счастью, подоспели курсанты-пехотинцы, цепью рассыпались по кустам, ударили из ручных пулеметов.

Враг стал отходить, но не прекращал беспорядочной стрельбы.

И все же силы были неравные. На левом фланге гитлеровцы переправились через речушку и устремились к шоссе.

Наводчик орудия Михаил Круглов почти в упор ударил по головному танку. Но в тот же миг на огневой разорвался вражеский снаряд. Кто был убит, кто ранен. Ранило и наводчика. Помощников у него не осталось. Пришлось самому и заряжать, и наводить орудие.

«Если в расчете останется хоть один человек, орудие не смолкнет перед фашистами», — сказал Круглов накануне. И вот случилось то, о чем он говорил. Вчерашний школьник Миша Круглов остался один у орудия. Он с трудом держался на ногах, перекрестие прицела расплывалось перед глазами, и все же курсант находил в себе силы, чтобы заряжать и наводить орудие. Глядя поверх прицела, в цель орудийного щита, он прямой наводкой бил по фашистским танкам.

Ребята из других расчетов заметили неладное, бросились на помощь товарищу. Путь им преградили частые и плотные разрывы, опоясывавшие огневую Круглова. А когда рассеялся дым, они увидели разбитое орудие и лежавшего рядом неподвижного, смертельно раненного наводчика...

Противник озверело рвался к Малоярославцу, а единственную дорогу на этом направлении, Варшавское шоссе, наглухо перекрыли курсантские роты и батареи. Все ожесточеннее становились атаки фашистов. Но курсанты дрались с невиданным упорством, они сдерживали врага, не щадя своей жизни.

Вот уже и 16 октября. Выпал снег. Кругом стало белым-бело. Морозный ветер пощипывал уши, забирался под шинель. Впрочем, ни ветер, ни морозы нам были теперь не страшны: мы получили теплое белье, шапки-ушанки, байковые портянки.

К вечеру снег растаял. Не иначе как от жарких боев, что непрерывно гремели на ильинском рубеже. Гитлеровцы не жалели сил, чтобы выбить курсантов из Ильинского и прорваться на Малоярославец. А потому ни днем, ни ночью не прекращались артобстрелы, бомбежки, танковые атаки.

На наших глазах два ярких ястребка ринулись на стаю фашистских стервятников и сбили три самолета, но и сами рухнули на землю...

После бомбежки показались танки.

Три наши боевые машины вступили в схватку с дюжиной немецких. Жестокий бой продолжался всего несколько минут. Фашисты потеряли половину танков. Но и наши машины вышли из строя...

Горели самолеты и танки, а курсанты, вчерашние школьники и студенты, держались, хотя силы их таяли с каждым боем. Особенно большие потери причиняли нам вражеские танки, приближавшиеся то развернутым строем, то колоннами. В тот октябрьский день три танка переправились через речушку на правом фланге села Ильинское. Встреченные огнем наших замаскированных дотов, две машины остановились, окутавшись дымом. Но третьей удалось почти вплотную приблизиться к доту. Поединок продолжался до тех пор, пока немецкий снаряд не угодил в амбразуру...

Курсанты, засевшие в дотах на берегу речушки, у моста, держали под прицелом пологий берег и шоссе. Они сумели подбить несколько танков и бронемашин. Однако прямое попадание снарядов в амбразуры заставило доты умолкнуть...

Погиб командир батареи старший лейтенант А. М. Солодухин. При всей своей строгости он был внимателен и добр к нам. «Заботливый и строгий, как отец», — говорили о нем ребята. Каждое утро Солодухин провожал нас на занятия и всегда встречал, когда мы возвращались. Мы проходили мимо него, как на смотре — строевым шагом, соблюдая равнение, и видели, как он едва заметно улыбался. «Значит, доволен», — радовался каждый и изо всех сил старался идти еще лучше.

Почти ежедневно старший лейтенант Солодухин приходил на занятия по огневой подготовке и неизменно спрашивал у командира взвода:

— Ну как мои орлята? — Затем обращался к курсантам: — Покажите, товарищи, как вы бьете по танкам!

Вдали от огневой ползли макеты танков, и мы били по ним из сорокапятков, как по настоящим боевым машинам...

Мы знали, комбатр рвался на фронт. Начальник училища уступил его настойчивым просьбам и выдал необходимые документы. Вечером 4 октября Солодухин пришел в батарею проститься.

— Замечательные вы ребята, жаль расставаться, — сказал он перед строем батареи. Пожал нам руки, а с командирами взводов обнялся. — До свиданья, товарищи курсанты. Будьте смелыми, волевыми командирами.

Еще с минуту Солодухин молча постоял перед строем, отдал честь и ушел, невысокий, решительный, властный. Мы очень

уважали его, нашего комбата, и мечтали пойти вместе с ним на фронт.

А на другой день, в воскресенье, 5 октября, училище было поднято по боевой тревоге. Комбатр Солодухин вернул начальнику училища командировочное предписание и ушел с курсантами на ильинский рубеж.

Мы чаще видели его на огневых, чем на КП. Впрочем, КП, как такового, у старшего лейтенанта Солодухина не было. Он знал, как трудно приходится ребятам, и, видимо, очень хотел помочь каждому — кому словом, кому делом. А потому в критические моменты не только командовал расчетами, но вместе с курсантами тащил сорокапятаки на запасные позиции, наводил орудия, подносил снаряды.

А мы старались во всем походить на командира, быть такими же, как он, смелыми и волевыми, хотя это не всегда удавалось...

На позиции сорокапятаков обрушился шквал артиллерийского и минометного огня. Многие видели, как старший лейтенант Солодухин вдруг схватился за грудь, покачнулся и упал. Ребята подняли его и вынесли на опушку рощи. Потом сняли с себя шинели, разостлали под деревом, бережно уложили на них истекавшего кровью командира.

— Бегите к орудиям... Берегите себя... — услышали мы последние слова комбата Солодухина.

И по щекам у нас покатились слезы...

Одно за другим поступали донесения о потерях, о захваченных врагом дотах. Но даже в этой огненной круговерти наши командиры оставались спокойными и распорядительными.

— Молодцы, ребята, — подбадривал курсантов сержант Федор Колышкин. — Так и держитесь.

— Попробуй тут продержись, — с раздражением произнес кто-то из ребят. — Вон у них сколько танков и самолетов...

— Не вешай носа, парень, — улыбнулся Колышкин. — Нам трудно, это верно. Но победа никому легко не давалась. Не расслабляйся и делай, что положено. Мы еще погуляем на твоей свадьбе...

В минуты затишья пришел к нам в окопы начальник училища полковник И. С. Стрельбицкий. Высокий, собранный, энергичный, он вызывал у всех восхищение и желание «быть таким».

Расспросив о положении на нашем участке, полковник сказал озабоченно:

— Вижу... Все вижу. Не горячитесь, мальчики, не рвитесь вперед сломя голову. И всегда помните: не так страшны танки, как танкобоязнь.

Нам от этих по-отечески теплых слов хотелось мчаться на гитлеровцев и рвать их, гадов, на части, а отнюдь не беречь себя...

В наш окоп приползли два курсанта.

— С командного пункта, — пояснили они. — Полковник Стрельбицкий прислал... Они там с комиссаром, да еще группа курсантов. А вы как?

— Держимся, — ответил Колышкин. — И будем держаться. Так и передайте на КП.

— Рады бы передать, да не сможем. Мы остаемся у вас. Так приказал полковник...

Рано утром 17 октября немецкий танк беспрепятственно переправился через речушку и двинулся на наши окопы. Разбитые бомбами и снарядами, доты на берегу бездействовали. Каким-то чудом уцелел лишь один — накануне он бил по фашистам без передышки. Но и этот дот почему-то молчал. Возможно, засевшие в нем курсанты не захотели обнаруживать себя из-за единственного танка.

Мы взялись за противотанковые гранаты и бутылки с горючей смесью. Приготовился к встрече с фашистами и огнеметчик, хмурый боец средних лет. Впрочем, он всегда находился в состоянии готовности: даже ночью не расставался со своим огнеметом.

Танк, приблизившись к окопам, открыл огонь. Снаряды разорвались где-то позади нас. Огнеметчик не выдержал, вылез из окопа и пополз кустарником навстречу боевой машине.

Мы поползли следом и увидели, как полоснул он огненной струей по танку. Но в окоп огнеметчик не вернулся...

Вскоре к речушке подошли еще три стальные машины. Вот тогда и подал свой голос дот на берегу. Это так огорошило немецких танкистов, что они не успели даже развернуться. Машины замерли, задымили, затихли.

После очередной бомбежки и артобстрела от ожившего дота, казалось, не осталось и следа. Но как только танки и бронемашинны с пехотой подошли к речушке, из дота почти в упор ударили по фашистам. Открыли также стрельбу доты, расположенные вдоль шоссе, в глубине Ильинского и за ним.

Гитлеровцы били в одну точку — по доту на берегу. Тот какое-то время еще огрызался, но вскоре окутался дымом и умолк...

Несколько вражеских машин переправились через речушку.

— Ничего, блиндажи у нас — лучше некуда, — оглядев ребят, сказал Смирнов. — Надежные блиндажи.

— Да, блиндажи надежные, — подтвердил сержант Колышкин. — Но их все же придется оставить... — И тут же приказал сменить позиции.

Под огнем танков мы быстро перебрались в окопы соседей — курсантов-пехотинцев.

А с бронемашин уже высадились автоматчики. Устремились к нашим окопам. Их встретил дружный огонь пулеметов и карабинов. В каждый выстрел, в каждую пулеметную очередь мы вкладывали всю силу своей злости и ненависти к врагу. И противник не выдержал, отошел.

Атаку танков отбили доты второй линии. Машины повернули в сторону рощи и скрылись.

Следующая бомбежка продолжалась не меньше часа. Столько же длился сильнейший артиллерийский обстрел.

Вражеские танки обошли Ильинское и приблизились к КП нашего училища. Курсантские расчеты трех сорокапятков заняли запасные позиции и подбили несколько машин. А затем, увлеченные

примером Дмитрия Бысько и Николая Дикарева, бросились с гранатами на автоматчиков...

И все же вечером под прикрытием минометного огня гитлеровцы окружили наши окопы. Раздались взрывы гранат, заработали автоматы. Умолк пулемет сержанта Колышкина. У нас остались только гранаты и карабины. Запас патронов таял на глазах. А гитлеровцы подкатывали на бронемашинах прямо к окопам и лезли со всех сторон. Наш полувзвод оказался раздробленным на мелкие группы.

— Прoberись вон к тому бугорку — и шарахни гранатами, — сказал мне Лобов. — А я — по окопам, соберу одиночек.

С гранатами в руках и карманах шинели я пополз — от куста к кусту, от воронки к воронке — к небольшому холмику, за которым, в редком кустарнике, накапливались фашисты.

Достигнув холмика, бросил одну за другой четыре гранаты. Почти в тот же момент услышал за спиной частые выстрелы из карабинов. Это наши ребята, собравшись в одну группу, открыли огонь по фашистам.

Вернувшись в окоп, с радостью увидел Лобова, Смирнова и других курсантов.

— Ребята, подкиньте патронов, — просил раненый курсант-пехотинец. — Я задержу их...

Фашисты палили из автоматов, что-то кричали.

— Занять круговую оборону! — скомандовал Лобов. — Спокойно, братва! Бить наверняка!

Патроны у нас оказались на исходе. В запасе имелись только гранаты — последняя наша надежда на самый крайний случай.

А враг все наседал.

— Будем прорываться! — решительно сказал Лобов.

По его команде мы одновременно швырнули в фашистов гранаты, а затем бросились на них. Лобов, Смирнов, два курсанта-пехотинца и я с ними с трудом вырвались из огненного кольца.

В Ильинском полыхали пожары: горели избушки. Только вчера мы грелись в одной из них, на окраине села. С удовольствием пили кипяток из большого, установленного прямо на улице «титана». А в тот момент к Ильинскому приближались танки...

Семь суток стояли курсанты на ильинском рубеже.

Гитлеровцы прорвались южнее Ильинского, вышли у нас за спиной к Варшавскому шоссе и тем самым отрезали Ильинское от Малоярославца.

Положение сложилось отчаянное. Курсанты остались без боеприпасов и продовольствия и вынуждены были группами и в одиночку пробиваться из окружения.

К утру 18 октября мы вышли на правый фланг ильинского рубежа, к деревне Лукьяново, где из последних сил сдерживали немцев наши товарищи-пехотинцы.

После боев в Лукьяново нас осталось всего несколько человек, и мы двинулись на северо-восток, в сторону Малоярославца. Никто из нас не знал в тот момент, что в Малоярославце тоже находятся уже вражеские танки.

— А может, не туда идем? — спросил вдруг Игорь Смирнов.

— Помолчи, — сердито одернул его Петр Лобов.

Лобову было вдвойне тяжелее, чем нам. Он — старший, он за все в ответе: и за нас, и за свои распоряжения.

Кстати, старшим Петра Лобова никто не назначал. Мы сами, каждый про себя, решили это, потому что считали себя не просто группой курсантов, а боевой единицей и, значит, обязаны были иметь командира. И Лобов оправдал наше доверие: благодаря ему мы отбились от гитлеровцев и в Ильинском, и в Лукьяново.

Шагали молча. Думали о товарищах, командирах. Никто не знал, что стало с лейтенантом Гуляевым, с сержантом Колышкиным, с курсантами, что были с ними.

— Где-то они, наши ребята? — будто прочитав наши мысли, сказал, ни к кому не обращаясь, Игорь Смирнов и вздохнул.

— Думаю, где-нибудь поблизости, — сказал Лобов. — Они пробьются. Мы же пробились...

— А где дядя Егор? Где Маша? Что с ними?

Мы не знали фамилий ни русой девушки Маши, ни хлопотливого, заботливого дяди Егора.

— Я тоже был комсомольцем, — с гордостью сказал он однажды. — Горячая это была пора, очень горячая. Вот, помню, в гражданскую...

Пройдет много лет, и я с такой же гордостью скажу своим сыновьям: в войну я был комсомольцем!..

Лес сменился редким кустарником. Перед нами лежала широкая поляна со стогом сена, а дальше, на пригорке, виднелась деревушка. Только расположились в кустах перекусить, из-за леса вынырнул вражеский самолет, сделал круг над поляной, дал пулеметную очередь. И тут мы увидели женщину: она бежала к стогу. А самолет все кружил и постреливал. Видно, фашистский летчик решил поразвлечься.

— Ложись! — кричали мы женщине, а она все бежала к стогу, где надеялась укрыться от смерти. Навстречу ей, размахивая руками и что-то крича, бросился Игорь Смирнов.

Самолет развернулся, снизился, застрочил из пулемета, и Игорь, словно споткнувшись, упал. Летчик взял круто вверх и скрылся за лесом.

Мы подбежали к товарищу и очень обрадовались, увидев его живым и невредимым.

— Надо же было, ребята, отвлечь внимание фашиста от намеченной жертвы, — виновато пояснил нам Игорь, кивая на перепуганную женщину...

Трудно подсчитать, сколько мы отшагали, сколько земли перепахали лопатами в те тяжелые дни. Ползали по-пластунски, месили грязь, мокли под дождем, мерзли в окопах. А танковые атаки, бомбежки, артобстрелы?! Все выдержали, все перенесли. Привыкли? Нет, к войне никогда не привыкнешь. Просто мы стали сильнее и крепче. И этим были обязаны не только боевому крещению, а еще и тому, что получили хорошую закалку в училище.

Земной поклон за это нашим командирам и политработникам,

нашим преподавателям. Мудрые, строгие и заботливые, наши наставники не только многому научили, но и воспитали в нас качества, необходимые бойцу. Они сделали все, чтобы вчерашние школьники и студенты в предельно сжатые сроки стали грозными для противника воинами. Они, наши наставники, первыми шли в бой и увлекали за собой курсантов. И как же пригодилось нам то, чему они нас учили!

21 октября мы переправились через какую-то речушку севернее Малоярославца, вышли к позициям советской артиллерийской части и в тот же день попали под бомбежку.

Я лежал в окне рядом с пожилым артиллеристом-наводчиком, которого и бойцы, и командиры уважительно называли по имени-отчеству — Семеном Ивановичем. Тихий и спокойный, он напоминал мне отца.

После бомбежки и артобстрела показались танки. Окопы, огневые позиции ожили, ответили дружным артиллерийским огнем. Но одному танку удалось прорваться и подойти к огневой. Навстречу ему бросился Игорь Смирнов со связкой гранат.

— Куда он один? — Лобов вылез из окопа, осмотрелся, поправил на поясе противотанковую гранату и пополз вслед за Смирновым. Вскоре раздался взрыв, немецкий танк остановился.

Лобов вернулся один.

— Где Игорь? — кинулись мы к старшóму.

— Нет больше Игоря, — сквозь слезы ответил Лобов. — Жалко... Обидно... И ничем невозможно помочь...

Я тоже чуть не заплакал, услышав о гибели друга.

Голос наводчика Семена Ивановича, с которым мы стояли у орудия, вывел меня из состояния отрешенности. Я подавал снаряды, помогал заряжать и наводить орудие, а думал об Игоре и будто видел его живого перед собой...

— Ничего, сынок, выдержим, — подбадривал Семен Иванович. — Молодец, сынок, молодец, — повторял он спокойно. — Вот уже покажем им кузькину мать...

Атаку гитлеровцев мы отбили.

А после боя я увидел погибшего друга. Он лежал на боку, прижав к окровавленной груди руки. В глазах застыло удивление. Казалось, он спрашивал: «Почему?»

От этого зрелища у меня что-то словно оборвалось в груди. Прижался мокрой щекой к холодной щеке Игоря. Ветер, будто прощаясь, потрепал русский ежик его волос, а солнце, на минуту выглянув из-за туч, коснулось лучами лица, в последний раз озарило его розовым светом...

Нас привели в штаб дивизии.

— Спасибо за службу, товарищи курсанты. Славно вы воевали, — сказал рослый, моложавый полковник. — А сейчас выходите на дорогу и на попутных машинах — в Подольск.

— Почему? — удивились ребята.

— Курсанты выполнили свою задачу. Приказано отправить вас в училище для продолжения учебы. Война только началась, и еще потребуются много хорошо подготовленных командиров... Вчера про-

билась к нам группа курсантов из-под Ильинского. Настоящие богатыри... Ну, будьте здоровы, товарищи курсанты, и до свиданья, — полковник пожал нам руки. — Кто знает, может, еще встретимся на фронтовых дорогах...

Итак, мы возвращались в училище. А очень многие ребята уже никогда не вернутся туда. Две с половиной тысячи курсантов — наших товарищей погибли под Юхновом и Мятлево, на ильинском рубеже и под Детчино, свято выполнив свой воинский долг перед Родиной...

*
* *

В канун 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне Подольский горком КПСС, исполком городского Совета депутатов трудящихся и горком ВЛКСМ организовали юбилейную встречу бывших курсантов, командиров и политработников Подольских пехотного и артиллерийского военных училищ.

Из разных уголков нашей необъятной страны в Подольск приехали бывший начальник артиллерийского училища генерал-лейтенант Иван Семенович Стрельбицкий, бывший командир курсантской батареи полковник запаса Т. Г. Носов, бывшие командиры курсантских рот И. Д. Яровой и Л. А. Мамчич, бывшие командиры и курсанты И. И. Мусеридзе, А. Т. Горайнов, Е. Д. Денисов, Р. М. Портной, Ф. Х. Бахтиозин, Н. К. Берестовой, Н. М. Дикарев, А. В. Немешаев, М. М. Катков, Б. А. Калабин, В. И. Велик, П. В. Головкин, Д. И. Равинский, Н. С. Цветков, Н. И. Вшивцев, Г. И. Алексеев, Д. М. Бысько, Н. И. Волков, И. И. Макуха, А. Г. Шаповалов, А. А. Пахомов, К. П. Устюжанин, А. Ф. Ремезов, а всего около семидесяти человек. Был в Подольске и автор этих строк.

— Боря, дорогой Борис, — взволнованно повторял бывший командир курсантской роты Леонтий Акимович Мамчич, обнимая бывшего курсанта Калабина. — А ведь я думал, что ты погиб... — И они опять стиснули друг друга в крепких объятиях.

Это он, курсант Борис Калабин, невысокий чернявый паренек, будучи раненым, вытащил с поля боя под Мятлево тяжело контуженного старшего лейтенанта Мамчича. В боях курсант ни на шаг не отставал от командира, готовый в любую минуту прийти на помощь. И такая минута однажды наступила...

После долгой разлуки встретились в Подольске тбилисец Ирадион Илларионович Мусеридзе и подольчанин Тимофей Гаврилович Носов. В далеком сорок первом они вместе служили в Подольском артиллерийском училище и вместе вышли на ильинский рубеж. Им было что вспомнить...

После октябрьских боев 1941 года Т. Г. Носов командовал в училище нашей батареей. Много лет прошло с той поры, и все же мы узнали друг друга и по-дружески обнялись.

— Мой дорогой курсант, — с улыбкой повторял Тимофей Гаврилович и все разглядывал меня, а я — его.

Вспомнили курсантов, командиров, преподавателей. Вспомнили

политрука Иванова. Тут-то я и услышал, что после войны Николай Михайлович Иванов длительное время был в Подольске председателем райисполкома, но, к великому сожалению, не дожил до нашей встречи.

С особой радостью обнимал я Дмитрия Бысько, Войцеха Велика и Николая Цветкова, с которыми расстался в 1942 году, после окончания училища, когда все четверо были молоденькими младшими лейтенантами. А вот Гуляева, Колышкина, Дорошенко, Лобова, Можайкина, Бляшенко, Ткачева, Костина, Стрельченко, Кобзева, Рубцова, которых хорошо знал и помнил, увидеть не привелось.

С волнением слушал я рассказ бывшего начальника штаба курсантского батальона полковника в отставке А. Т. Горяйнова о боях на левом фланге можайской линии обороны, в районе Детчино. В течение семи суток стояли здесь курсанты-пехотинцы под командованием майора П. С. Медведева и старшего батальонного комиссара Д. В. Панкова, днем и ночью отбивали пехоту и танки противника, не раз бросались в контратаки.

17 октября у деревни Савиново враг окружил позиции артиллерийского взвода лейтенанта П. С. Гранина. Бой шел весь день. Фашистам удалось разбить сорокапятку, сжечь нашу автомашину и вдобавок ко всему подтянуть свежие силы. Для многих ребят окопы стали тогда братской могилой...

— Мы с расчетом сорокапятки стояли в боевом охранении, в трех-четырех километрах впереди Ильинского, возле Варшавского шоссе, — вспоминал бывший курсант артиллерийского училища Алексей Владимирович Немешаев. — Окопались, как полагается, замаскировали орудие, разложили в ровиках снаряды, гранаты, бутылки с зажигательной смесью. Ждем противника. А его все нет. Можно сказать, устали от ожидания. И вот вечером 10 октября на шоссе показались бронемашины. Раздалась команда: «К бою!» Били по гитлеровцам из пушки и пулеметов... И вдруг, как на грех, отказала наша сорокапятка: заклинило затвор. А немцы — все ближе, вот-вот ворвутся на огневую. Что делать? Бросить орудие и спасти свою жизнь? Нет! Командиры учили нас другому. Наладили мы сорокапятку, можно сказать, под носом у фашистов да так ударили по ним, что только держись!..

— В передовом отряде я командовал расчетом сорокапятки, — рассказывал бывший курсант Рувим Моисеевич Портной. — Но чаще наводил и стрелял, чем командовал. В нашем расчете каждому пришлось быть наводчиком. Кто быстрее всех успевал к прицелу, тот и стрелял... Очень правильно, толково учили нас командиры: «Умейте заменять друг друга в бою!» Это и пригодилось...

Бывший командир курсантского взвода А. Г. Шаповалов поведал о последнем бое своего товарища — лейтенанта Афанасия Алешкина. Ночью, ползком, Шаповалов пробрался к разбитому доту, вытащил погибших курсантов и лейтенанта и похоронил их в воронке, возле дота...

— Да, страшное было время, страшное и вместе с тем героическое, — заметил, выслушав товарищей, бывший командир курсант-

ской роты пехотного училища Иван Дмитриевич Яровой.— И все равно в те трудные дни мы думали о жизни, о том, какой будет она после войны. Великое это дело сила жизни, скажу я вам. На себе испытал. Помнится, в одной из деревушек подобрал на дороге книгу, отряхнул ее, сунул в карман шинели. В солнечном небе кружил немецкий самолет-разведчик, а я сидел в ровике под кустом и с упоением читал книгу. Ну разве это не удивительно? А ведь именно так и было!..

Пять дней гостили в Подольске бывшие курсанты. Посетили музей В. И. Ленина, Краеведческий музей и другие памятные места; побывали в новых жилых районах, на стройках, в бывшем военном городке, откуда в октябре сорок первого курсанты-артиллеристы ушли на ильинский рубеж; из конца в конец прошли по красивой, зеленой улице имени Подольских курсантов, молча постояли у мемориальной доски, с волнением перечитывая слова:

*Улица имени Подольских курсантов.
Названа в честь их бессмертного подвига
в боях за Москву в октябре. 1941 года.*

Побывали мы и в школах, и в учреждениях, и на предприятиях города, выступали с беседами и докладами о подвигах советских воинов, о великой Победе советского народа над фашистской Германией. И всюду, куда приходили ветераны войны, их встречали как самых дорогих и близких людей.

7 мая в Подольске состоялся торжественный митинг, посвященный открытию мемориального памятника Подольским курсантам. Многие тысячи людей собрались на площади, где увековечены в металле советские воины-богатыри, воины-герои. Особенно запомнилось мне выступление бывшего начальника нашего Подольского артиллерийского военного училища генерал-лейтенанта И. С. Стрельбицкого.

— Я старый солдат, у меня за плечами четыре войны,— сказал он.— Но когда у меня спрашивают, что помнится больше всего из моей военной биографии, отвечаю не колеблясь: те октябрьские дни сорок первого, когда курсанты — комсомольцы двух подольских военных училищ остановили на своем участке рвавшихся к Москве гитлеровцев. Подольские курсанты показали себя стойкими и бесстрашными воинами, они с честью выполнили свой воинский долг...

9 мая по приглашению Малоярославецкого райкома КПСС ветераны училищ выехали в село Ильинское Калужской области. Незнаваемо ныне Ильинское. Новые дома, магазины, прекрасная школа-интернат, богатый совхоз. Новый мост через Выпрейку. И тут же, у моста, по обе стороны Варшавского шоссе, сохранившиеся доты. А рядом — два старых могучих дерева, которые вместе с людьми выдержали натиск огня и металла.

Торжественный митинг, посвященный открытию мемориального комплекса «Ильинские рубежи», был очень многолюдным. В нем принимали участие не только жители окрестных деревень, но и гости из Калуги и Малоярославца. Все вокруг утопало в цветах. Взволно-

ванные, растроганные происходящим, стояли мы, бывшие курсанты, на зеленом кургане, неподалеку от белоснежных, изваянных из камня воинов мемориала и горячо благодарили школьников за то, что берегут в своих сердцах память о наших павших товарищах. Мы знали, юные патриоты совершили накануне поход по местам боев на ильинском оборонительном рубеже и собрали ценные материалы для школьного музея боевой Славы...

После открытия мемориала все — октябрята, пионеры, комсомольцы, ветераны училищ и ветераны войны — взялись за лопаты и посадили деревья, чтобы здесь, на земле, обильно политой кровью советских воинов, поднялась аллея имени Подольских курсантов.

Закончить свой рассказ о пережитом мне хочется волнующими строчками из стихотворения Роберта Рождественского, которые начертаны на памятнике в Подольске:

...Родина, в тот самый
горький час,
Встретив смерть свою
на поле боя,
Сыновья твои
в последний раз
Заслонили Родину собою.

Федор Григорьевич Шаповалов в годы гражданской войны защищал молодую Советскую Республику, затем служил на Балтийском флоте, после увольнения в запас занимался партийной работой. В первый же день Великой Отечественной войны был направлен на Пинскую военную флотилию. В дни героической обороны Киева являлся комиссаром дивизиона канонерских лодок, о боевых действиях которого на Днепре рассказывается в воспоминаниях. После войны Ф. Г. Шаповалов продолжал службу на флоте. В 1958 году уволился в запас в звании подполковника. В настоящее время живет в Одессе и ведет активную военно-патриотическую работу. Член КПСС с 1928 года.

ТАК СРАЖАЛИСЬ ПАРОХОДЫ

Перед выходом на линию огня

22 июня 1941 года согласно предписанию я пришел в политотдел Пинской военной флотилии, располагавшийся на Киевской базе, и сразу получил назначение заместителем командира по политической части дивизиона канонерских лодок. Сдавать дела заведующего отделом пропаганды и агитации Украинского радиокомитета меня уже не отпустили: приказали получить обмундирование, снаряжение, представиться капитан-лейтенанту Анастасьеву и немедленно приступить к работе.

Многих командиров в штабе Киевской базы я знал прежде, а с Леонидом Дмитриевичем Анастасьевым познакомился еще летом 1940 года, когда проходил стажировку в качестве дублера заместителя командира по политической части монитора «Флягин». Поэтому, встретив меня в коридоре штаба, он улыбнулся как старому знакомому. Заговорил торопливо:

— Здравствуй, Федор Григорьевич, и будь здоров. Извини, дел — невпроворот. Заходи на досуге в дивизион канлодок. Мы располагаемся пока здесь, в объединенной школе.

— Почему же на досуге, — отозвался я, — если назначен вашим замполитом?

— Вот как! — заметно посветлел лицом капитан-лейтенант. — Значит, вместе создавать его будем. Мне бы сейчас мой «Передовой»... Лучшего бы и не желал.

Я уже знал, что из шести кораблей дивизиона в строю находились только два — «Верный» под командованием старшего лейтенанта А. Ф. Терехина и «Передовой», где командиром был капитан-лейтенант А. З. Павлов. Они сражались на Припяти. А четыре будущие канонерки — основная сила дивизиона — существовали пока еще в качестве грузовых и буксирных судов Днепровского государственного пароходства.

Превращение мирных речных кораблей в боевые — дело технически сложное и трудоемкое. Требовалось установить на каждом судне два 120-миллиметровых морских орудия, трехдюймовую зенитную пушку, пулеметы. Кроме того, предстояло произвести ремонт электро-механических боевых частей, оборудовать артиллерийские погреба для 800 снарядов и зарядов, пулеметного боекомплекта, каюты и кубрики примерно на 50 человек, лазарет, операционную.

И работа закипела с первого же дня, как было принято решение о переоборудовании колесных пароходов «Димитров», «Кремль», «Смольный», «Кременчуг» в канонерские лодки. Коллектив Киевского судостроительного и судоремонтного завода во главе с директором А. З. Бабенко трудился круглые сутки.

Я сразу же вступил в контакт с парткомом, который возглавлял Ф. М. Кушников, с завкомом и комитетом ЛКСМУ. Были проведены отдельные и совместные партсобрания, решения которых оказали большое мобилизующее влияние на рабочих и членов будущих экипажей. Самоотверженно трудились работники корпусного цеха во главе с Л. С. Тихиенко, на долю которых выпал наибольший объем работы.

Одновременно шло сколачивание и обучение экипажей, состоящих в основном из призванных из запаса речников. Мы с капитан-лейтенантом Анастасьевым от подъема до отбоя крутились, что называется, как белка в колесе. Начальника штаба к нам еще не назначили, поэтому его обязанности выполняли сообща. Разумеется, я ни на минуту не забывал о своем главном деле — политработе. Организовывал политинформации, митинги, встречи с ветеранами, участниками гражданской войны. Конечно, частенько приходилось браться и за сугубо хозяйственные дела, если где-то намечались сбои или зазоры.

Как-то зашел ко мне лейтенант Житомирский, невысокий черноволосый крепыш, и говорит:

— Товарищ старший политрук, меня прислал капитан третьего ранга Нацкий. Тыловая база задерживает доставку артиллерийского оборудования, график монтажа может сорваться.

Капитан 3 ранга В. Д. Нацкий был представителем командования Пинской флотилии на заводе. Лейтенант Житомирский, назначенный командиром БЧ-2 канонерской лодки «Кременчуг», помогал ему по артиллерийской части. С первого дня переоборудования пароходов в боевые корабли мы стремились предупредить возможные срывы, принимали своевременные меры. Понимали, что иначе в поставленный нам жесточайший срок — счет шел не только на дни, но и на часы — с задачей не справиться. Мы немедленно отправились на базу.

Начальник военного порта Киевской базы Пинской флотилии капитан 2 ранга С. С. Степанов встретил нас у приземистого складского помещения.

Семен Степанович — член партии с 1917 года. Во время гражданской войны командовал матросскими отрядами. Легендарный Анатолий Железняков был его другом, они вместе сражались на юге

Украины. За два года до начала Великой Отечественной войны Степанов избрали депутатом Верховного Совета Украинской ССР от Подольского избирательного округа.

Едва мы поздоровались с ним, раздался сигнал воздушной тревоги. Началась очередная бомбардировка порта. Причалы содрогались от взрывов, в разных местах вспыхивали зажигалки. Однако налет не прошел безнаказанным для врага. На наших глазах был сбит «юнкерс».

Мы тоже приняли участие в тушении зажигательных бомб, руководил которым Степанов. Так что поговорить о деле удалось лишь после окончания бомбежки.

— Значит, задерживаю оборудование, говорите? — спросил Степанов и оглядел нас с высоты своего гигантского роста. — Есть маленько, товарищи бомбардиры, есть... А вы не догадались прихватить с собой десяток краснофлотцев? Не догадались, вижу. А ведь и человеческим силам есть предел. Мои вольнонаемные грузчики третьи сутки почти по двенадцать часов подряд работают. Вконец вымотались. Легли и лежат. Даже бомбежка их не подняла. Знаете, сколько перевалили они за эти дни грузов? Не поверите...

Действительно, первые же дни войны потребовали от коллектива военного порта, особенно от складских рабочих, огромного напряжения. Боеприпасы, различное оборудование, продовольствие, обмундирование принимались и выдавались непрерывными потоками. Понять Степанова поэтому можно. Однако наши краснофлотцы тоже ведь заняты по горло: в дивизионе полным ходом шла переподготовка призванных из запаса. Мы сняли китель и двинулись к воротам склада. Глаза у капитана 2 ранга потеплели.

— Давайте ваши требования, — протянул он руку.

Нацкий отдал бумаги. Степанов бегло просмотрел их.

— Стецура! Эй, Стецура! — крикнул он в сторону, где стояли два грузовика. — Подгоняй машину.

Тяжелые ящики с оборудованием для артиллерийских систем, с разобранными пулеметами стояли в глубине склада. Мы прошли к ним мимо лежащих без движения рабочих в обтрепанных спецовках. Степанов на ходу снял китель, тельняшку. На мускулистом теле багровели глубокие рубцы от старых ран — осколочных и сабельных. Они прямо-таки налились темной кровью, когда капитан 2 ранга напрягся под тяжестью приподнятого ящика.

— Семен Степанович, — раздался тихий голос одного из грузчиков. — Мы идем, мы сейчас. Вставайте, хлопцы! Да вставайте же. Командир порта работает, а мы... Глядеть стыдно!

Немолодые грузчики вяло поднимались и, пошатываясь, шли к ящикам...

Не только складские рабочие выбивались из сил. С огромным напряжением трудились люди в цехах. И впечатляющая картина, которую мы наблюдали на складе вооружения, еще раз подтвердила важность оказания помощи заводу. На кораблях были проведены открытые партийные собрания. Первые пункты принятых решений подчеркивали необходимость каждый день дополнительно посылать

на завод часть личного состава для работы в цехах, но не в ущерб занятиям по боевой подготовке.

Как заместитель командира по политической части (институт комиссаров был введен несколько позже), я понимал, что надо всесторонне готовить людей к предстоящим боям. Большую роль в этом сыграло совещание партийного и комсомольского актива флотилии. Доклад на нем о характере Великой Отечественной войны и задачах личного состава сделал полковой комиссар Г. В. Татарченко. Об организации агитационно-пропагандистской работы говорил начальник политотдела полковой комиссар П. П. Апреленко. Выступили также другие опытные политработники. Это совещание-семинар помогло нам четко определить формы и методы партийно-политической работы на подготовительный период.

На политических занятиях, политинформациях темы были самые актуальные: руководящая и направляющая роль партии в строительстве социализма и борьбе с врагами, героизм советских людей в годы гражданской, финской и начавшейся Великой Отечественной войн, трудовые и боевые традиции, опыт отличившихся в боях частей, кораблей и отдельных воинов. В агитационной работе изоблачались звериное лицо фашизма, его преступления. Особое действие оказывали на людей приводимые в беседах примеры зверств гитлеровских захватчиков на оккупированной территории нашей страны.

Помню, с каким нетерпением мы ждали вестей из Припятского отряда флотилии, чтобы рассказать личному составу о героической борьбе наших воинов с врагом. Дело в том, что часть кораблей Пинской флотилии сражалась на Припяти, оказывая поддержку соединениям 4-й армии Западного фронта. Там сбили свой первый фашистский самолет зенитчики «Верного».

В начале июля в Киев для замены орудий пришли плавучие батареи с Припяти. Мы пригласили к себе из отряда старшего политрука Г. К. Вака и нескольких командиров орудий, чтобы они рассказали комендорам дивизиона об опыте боев, и в частности стрельбы по воздушным целям. Ведь эти батареи в первый же день защиты Пинска сбили несколько фашистских самолетов, затем поддерживали огнем батальон морской пехоты, действовавший в Пинских болотах. Тогда мы услышали, что немцы, испытывавшие на себе силу удара, отвагу и мужество моряков, стали бояться их и сразу отходили, не решаясь вступать в рукопашную.

В такой вот обстановке рождался наш дивизион канонерских лодок, который разворачивался по мобилизационному плану на технической и кадровой базе Днепровского государственного пароходства. Командирами преимущественно остались капитаны бывших пароходов, которые знали на Днепре каждую излучину. Им было присвоено воинское звание, выдано обмундирование. И сорокалетние, бывалые капитаны становились лейтенантами военной флотилии. А вчерашние сухогрузы грозно ошестинивались мощными 120-миллиметровыми орудиями, 76-миллиметровыми зенитками, крупнокалиберными пулеметами ДШК. Машинные команды практически состав-

ляли те же, кто водил суда по Днепру в мирные годы, но комендоры и остальные специалисты назначались с других кораблей флотилии или из запаса. Многих приходилось учить как бы заново. Наводчики, заряжающие, командиры орудий напряженно тренировались в учебных кабинетах. И лишь коков обучать особенностям новой службы было легче. Почти все они до 22 июня работали поварами в киевских ресторанах.

Срок для переоборудования судов, обучения людей и сколачивания экипажей был отведен жесточайший — начиная с 22 июня, не более трех недель. А в эти дни на западной границе происходили ожесточенные сражения с врагом. Радио и газеты сообщали о них каждый день. «После тяжелых боев наши войска оставили город...» И сообщения эти отдавались в сердцах людей тяжелой болью. Мы знали, как героически сражаются советские воины. Знали, что гитлеровцы несут огромные потери. Но фронт с каждым днем приближался к столице Советской Украины. К концу июня, как свидетельствует ныне «История второй мировой войны», «танковые дивизии Клейста прорвались к Житомиру и тем самым создали реальную угрозу Киеву». 10 июля фашисты вышли к реке Ирпень. Наши 5-я и 6-я армии вели упорные и тяжелые бои. В последующие дни 5-я армия генерала М. И. Потапова нанесла контрудары из Коростенского укрепленного района в южном направлении, во фланг 1-й танковой группы и 6-й полевой армии противника. В результате враг не смог продолжать наступление на Киев. Активизировала свои действия и наша 26-я армия юго-западнее столицы Украины. Тем не менее враг был уже недалеко от города.

В начале июля мы собрали личный состав перевооружавшихся кораблей в клубе Киевского полуэкипажа на встречу с капитаном 2 ранга Семеном Степановичем Степановым. Днепровский отряд становился как бы преемником Днепровской военной флотилии, прославившей себя в гражданскую войну. Семен Степанович отдал службе на ней около двенадцати лет. Ветеран рассказал о боях с денikinцами и белополяками, о героизме моряков флотилии, проявленном в схватках с врагом в районе Лоева, под Печками и Новоселами, во время разгрома трипольских укреплений белополяков, о том, что Северный отряд флотилии был награжден Почетным революционным Красным знаменем. Степанов обратился к личному составу дивизиона с призывом быть достойными наследниками революционных матросов Днепровской флотилии, не жалеть жизни для защиты Родины, крепко бить захватчиков.

В первых рядах — командование дивизиона, командиры и политработники канонерских лодок «Димитров», «Кремль», «Смольный», «Кременчуг». Многих я уже знал не только в лицо: командира «Димитрова» лейтенанта Н. Я. Мамоюлика, командира «Кременчуга» — опытного днепровского капитана, а ныне лейтенанта И. И. Подгорного. Рядом с ним сидел командир БЧ-2 лейтенант Борис Житомирский, деятельный и непоседливый. Над всеми возвышался истинный богатырь — командир «Смольного» лейтенант П. Е. Кильчицкий, спокойный и уверенный в себе. Возле него

примостился командир «Кремля» лейтенант Ф. Я. Градинович, тщательно выбритый, элегантный...

Это была последняя возможность собрать вместе экипажи дивизиона. Четыре новые канонерские лодки 10 июля были готовы к бою и вышли на линию огня.

«Кременчуг» вступает в бой

Утром 12 июля командующий Пинской военной флотилией контр-адмирал Д. Д. Рогачев собрал командиров и политработников на совещание. Оно проходило на флагманском корабле «Припять».

— Я доложил Главному штабу Военно-Морского Флота, — сказал командующий, — что боевая выучка, дисциплина и организованность на кораблях хорошие, а политико-моральное состояние личного состава — здоровое.

Полковой комиссар Г. В. Татарченко призвал нас быть готовыми к защите днепровских берегов, ибо враг силен, у него немало преимуществ — в техническом оснащении, вооружении, численности войск.

Чудная погода стояла в то июльское утро. В зарослях, которыми был замаскирован флагман флотилии «Припять», беззаботно резвились птицы. Вместе с их щебетанием в салон проникал аромат трав и полевых цветов. Днепровская гладь сияла от солнечного блеска, которым был наполнен начавшийся день. По ней шлепал работяга буксир, ведя за собой несколько барж. В районах Пирогова, Осокорок и Козина создавались базы для пополнения кораблей флотилии топливом, боеприпасами, продовольствием. Туда и направлялся этот очередной караван с углем, нефтью, снарядами и продуктами.

Участники совещания говорили о значении мужества и хладнокровия в бою. И никто, конечно, не подозревал, сколь близка серьёзная проверка боевых качеств одного из только что созданных экипажей.

Видимо, вражеский разведчик (потом его обнаружили в лесу) передал сообщение о выходе из порта грузового каравана. И сейчас же над рекой появились фашистские бомбардировщики.

Во время объявленного адмиралом перерыва мы слышали рев авиационных моторов и свист бомб. Кинулись к иллюминаторам. Первые фонтаны воды поднялись слева и справа от каравана, который был почти на траверзе штабного корабля. На бомбежку заходил второй «юнкерс», за ним — третий...

— Неужели накроют? — послышался голос лейтенанта Подгорного, с которым мы сидели на совещании рядом. — Сманеврировать бы ему!

— С таким хвостом не сманеврируешь, — тихо произнес кто-то.

— Все можно, только не растерялся бы капитан, — снова сказал Подгорный.

Иван Игнатьевич так смотрел на реку, словно весь был там, в рулевой рубке речного буксирного парохода, оказавшегося сейчас

под немецкими бомбами. Коренной киевлянин, он не представлял себе жизни без реки, без родного Днепра. Плавал на судах юнгой и матросом. Затем учился и вскоре уже самостоятельно водил суда по Славутичу, в том числе сильный буксирный пароход «Кременчуг». Он же стал и командиром этого судна, теперь переоборудованного в канонерскую лодку. Подгорному было уже сорок. Несколько дней назад я от всего сердца поздравлял Ивана Игнатьевича с рождением дочери, которую он назвал Людмилой. За мимолетным застольем по этому поводу Подгорный сказал мне, что имя выбрал из «преданий старины глубокой». Потом мы еще обменялись несколькими фразами о том, что его Людмиле судьба посылает тяжкие испытания с первого часа жизни. Родилась она во время одной из бомбардировок Киева фашистской авиацией.

Между тем две бомбы подряд подняли высоченные столбы воды прямо по курсу каравана. Ближняя легла метрах в тридцати от форштевня буксира. На палубе парохода металось несколько человек. И тут до нас явственно донесся усиленный мегафоном сдавленный голос капитана: «Рубить буксирный трос!» Один из членов команды бросился на корму. И через несколько секунд туго натянутый буксирный трос взвился плетью в сторону барж.

— Что он делает? — воскликнул капитан 2 ранга Степанов. — Там же столько добра!

Буксирный пароход, набирая ход и лавируя, ушел и скрылся где-то под лесистым берегом. Брошенные на середине реки баржи некоторое время плыли вниз по течению, а затем сели на мель.

— Кто командует буксиром? — строго спросил командующий флотилией. — Узнать и доложить!

— Есть, товарищ командующий! — ответил Степанов и назвал фамилию капитана. — Необстрелянный он еще... Вот и растерялся.

— Примите меры к спасению груза и доставке его по назначению, — приказал контр-адмирал Рогачев.

Капитан 2 ранга Степанов подошел к капитан-лейтенанту Анастасьеву.

— Леонид Дмитриевич, выручай. Хотя ваши пароходы теперь и бомбардирные, днепровские капитаны, надеюсь, не забыли вчерашних профессий?

Анастасьев весело поглядел на меня:

— Ну что, комиссар, выручим?

— Надо. — Я повернулся к Подгорному: — Возьмешься, Иван Игнатьевич?

Лейтенант Подгорный ответил, пожав плечами:

— Какие могут быть разговоры! Разрешите действовать?

— Товарищ адмирал, — обратился к командующему Анастасьев. — Снятие барж с мели и буксировка их по назначению поручены командиру канонерской лодки «Кременчуг».

— Добро, — согласился Рогачев. — Действуйте, лейтенант. Оперативный! Полуглиссер к трапу. Отправить лейтенанта Подгорного на его корабль!

Я подошел к Анастасьеву вплотную и шепнул:

— Наверно, и мне сейчас там следует быть, дело-то серьезное. Разрешите вместе с Подгорным?

Командир дивизиона обменялся несколькими фразами с командующим и разрешил. Как раз причалил полуглиссер. Я сошел на его палубу следом за Подгорным. Командир «Кременчуга» поглядел на меня с удивлением и укоризной.

— Не опекать тебя иду, а к твоим ребятам! — объяснил я.

Ну, прямо под окулярами какого-то невидимого немецкого бинокля находились река и ее берега. Только замаскированный в кустарнике «Кременчуг» отвалил от берега, как на западе показались три точки. Видимо, вражеские разведчики определили местонахождение и флагманского корабля «Припять», и «Кременчуга» по курсированию полуглиссера. Впрочем, для этого не требовалось обладать большой сообразительностью. Чего бы это катеру, явно предназначенному для начальства, курсировать меж пустых берегов?

Пока Подгорный совещался со своим помощником лейтенантом Иваном Бондарем и боцманом старшиной 1-й статьи Борисенко о том, как лучше снять баржи с мели, я поспешил к зенитчикам. 76-миллиметровое орудие и счетверенные пулеметы располагались на широких рострах. Трехдюймовка была установлена между командирским мостиком и трубой, а пулеметы — на углах крыши надстройки, которая накрывала гребные колеса. Ее края были вровень с бортами канонерки. У зенитки меня встретил лейтенант Житомирский.

— А, главный бомбардир? — воскликнул я. — Мы ведь с вами уже побывали вместе в небольшой переделке. Китель заштопали? Вам тогда досталось от зажигалок больше всех.

— Так точно, товарищ старший политрук! — ответил лейтенант. — Жена починила. Она еще здесь, в Киеве. И сынишка.

Я вздохнул. Моя жена и сын еще в субботу 21 июня отправились к родственникам в село. Начало войны застало их там. Я связывался по телефону с военкоматом. Обещали позаботиться, эвакуировать. Но когда и куда? От этой неизвестности болела душа.

Над рекой уже гудели «юнкерсы», нацеливаясь на «Кременчуг».

— По головному самолету! Слева сто сорок!.. — скомандовал Житомирский, и его густой баритон словно подстегнул зенитчиков.

Наводчики заработали штурвалами, с глухим стоном звякнул клиновой затвор, проглотивший длинный патрон с медной гильзой.

— Огонь!

Каждые восемь — десять секунд рвалось из ствола желтое пламя, звенели выкидываемые экстрактором гильзы, плотнела над рострами пороховая гарь. А затем ударили пулеметы... «Юнкерсы», пролетая в рваных хлопьях разрывов, не рискнули снизиться. Головной сбросил завывшую бомбу и отвернул. За ним начали отваливать и другие два самолета. Бомба вздыбила воду и грязь далеко от нашего корабля. «Юнкерсы» улетели к «Припяти», но и там путь им преградил плотный огонь. Зенитчики флагмана, а также дивизионного штабного корабля «Димитров» под командованием лейтенанта Ивана Симоненко умело поставили огневую завесу.

Тем временем «Кременчуг» подошел к баржам. Боцман Борисенко орудовал у борта шестом. Он, измеряя глубину, очень быстро установил, что наиболее плотно села на песок головная баржа, груженная углем. Средняя, с боеприпасами (где находилась и охрана), зацепилась лишь носовой частью. А третья баржа, развернутая течением поперек реки, вообще была на чистой воде, и держал ее трос сцепления. Подгорный, внимательно выслушав доклад и соображения боцмана, взял мегафон:

— На второй барже — слушай мою команду. Отдать сцепление с первой баржой!

Три краснофлотца, отложив винтовки, кинулись на нос.

— По носу чисто! — прозвучал вскоре доклад.

А «Кременчуг» тем временем работал колесами враздрай, подгоняя корму к развернутой против течения барже. Борисенко приказал одному из своих краснофлотцев быть готовым к прыжку, как только суда сблизятся. И вот краснофлотец прыгнул, принял от боцмана толстый стальной швартовый, протянул его через клюз и набросил на кнехт. Подгорный приказал дать малый вперед обеими машинами.

Две баржи были без труда отбуксированы в сторону и поставлены на якорь. Затем Иван Игнатьевич подвел канлодку к оставшейся на мели, высадил несколько краснофлотцев с шестами и лопатами. Они стали ворошить и отбрасывать песок, который уносило течением. «Кременчуг» стал маневрировать, чтобы бегущими от плещ струями воды размыть песок, на котором сидело судно. Пока шла эта работа, вновь прилетели «юнкеры» и устремились в атаку. Но комендоры лейтенанта Житомирского, ободренные предыдущим успехом, на этот раз действовали еще увереннее. Снова размеренно била трехдюймовка, деловито стучали пулеметные установки. Когда один из самолетов, пустив дымную струю, отвалил в сторону и ушел на запад, на рострах грянуло дружное «ура». Два оставшихся самолета врага сбросили бомбы с большой высоты. Взрывы прогремели на безопасном от корабля расстоянии.

Старшина группы зенитчиков мичман Коротенко прямо-таки сиял всем своим медным от загара лицом.

— Рыбешку глушат! — крикнул он с ростр на корму своему другу — главному старшине Галете, старшине группы главного калибра.

Наконец на баржу был подан буксирный конец. Краснофлотцы, отгребавшие песок, вернулись на корабль.

— Самый малый вперед! — приказал лейтенант Подгорный.

Трос натянулся. Все находившиеся на палубе напряженно смотрели на баржу.

«Малый!» — раздалось на мостике, затем — «Средний!». Что-то заскрежетало под плоским днищем баржи, и стальная посуда с горой поблескивающего на солнце антрацита сдвинулась с места.

Иван Игнатьевич облегченно вздохнул, сдвинул на затылок фуражку, вынул из кармана белоснежный платок и вытер с лица пот.

Все три баржи затем были сцеплены, якорь поднят, и караван взял курс вниз по Днепру.

Пока шли к месту назначения, я побывал на всех боевых постах канлодки, затем пригласил в небольшую каюту секретаря партийной организации старшину 1-й статьи Дубинского. Семен Дубинский, химик по специальности, был в аккуратной, свежевыстиранной холщовой рабочей форме, тщательно выбрит. «Молодец! — подумал я. — Пример хороший показывает».

В связи с заводскими хлопотами некоторые краснофлотцы забывали о внешнем виде. Командиры же, вчерашние капитаны, к строгой требовательности в отношении формы одежды еще не привыкли.

— Как настроение у команды? — спросил я у парторга.

— Боевое, товарищ старший политрук, — ответил он.

— А у призванных из запаса? Вы учитываете, что им труднее других — неожиданно расстались с семьями, с родными местами?

— Учитываем, товарищ старший политрук. Все делаем, чтобы они быстро вошли в нашу корабельную семью. Беседуем, наиболее интересные, патристические письма из дому зачитываем во время бесед. Только вот с одним вопросом неясность получается... Трудно отвечать на него. Ведь на политзанятиях мы всегда говорили, что если начнется война, то врага сразу отбросим и вести войну будем на чужой территории.

Долгий разговор со старшиной 1-й статьи Дубинским заставил меня подумать о более основательной подготовке к подобным беседам. Ведь политических информации и других официальных, так сказать, выступлений перед личным составом в данной обстановке явно мало. В настоящее время важно шире использовать индивидуальные беседы для разъяснительной работы. На это я нацеливал партийных и комсомольских активистов...

К вечеру баржи были доставлены в район Осокорок. К ним тут же подошел монитор, чтобы пополнить запасы топлива, боеприпасов и продовольствия. Рассредоточенные у берегов и замаскированные ветвями деревьев, другие корабли ожидали очереди.

— Ну, теперь воевать есть чем, а то собирались сами шлепать на базу. С пустыми погребамй что тут делать... — сказал мне один из полнработников, прибежавший на «Кременчуг».

Вскоре радист принес радиограну. В ней говорилось, что командующий флотилией за успешное выполнение задания и за мужество при отражении авианалетов объявил всему личному составу канлодки «Кременчуг» благодарность. Уставшие краснофлотцы, которые помогали разгружать баржи, приободрились, снова на палубе слышались возгласы, шутки.

Главный старшина Галета расстегнул свой изрядно помятый в работе китель, до отказа затынул флотский ремень на оголенном животе с мощными, рельефно выделяющимися мышцами брюшного пресса и подошел к иллюминатору камбуза.

— Эй, Вася! — крикнул он коку. — Выглянь на белый свет. Ты же не мог не слышать, что нам объявлена благодарность. Самим

командующим! Знаешь, какой аппетит приходит после этого... А ужин был три часа назад.

— Да что мне, жалко? — ответил Вася. — На базе такой керченской селедкой загрузились, в ресторане не каждый день бывала!

— Нет, вы посмотрите, он же добывает лежащего! — воскликнул комендор. — Керченская? Вот с такой спинкой?

— Но я же не могу без приказа! — взмолился кок. — По норме на сегодня все израсходовано.

Ставший невольным и невидимым свидетелем этого шутивного разговора, я сразу пошел к Подгорному. Ведь мы и сами ощущали, что прежние нормы и часы приема пищи не совсем соответствуют напряжению истинно боевого дня. Иван Игнатьевич сейчас же распорядился выдать личному составу второй ужин. Приготовлена была и великолепная керченская сельдь. Кок добавил к ней раздобытый еще утром в одном из прибрежных селений сочный зеленый лук.

Я по-настоящему радовался, что краснофлотцев и старшин и в боевой обстановке не покидает присущее советским морякам боевое настроение. Экипаж сохранял атмосферу спокойных взаимоотношений, отлично сдобренную флотским юмором, дружескими подначками и розыгрышами. Не действовала на ребят ни угнетающая обстановка на фронте, ни назойливость сильного врага с воздуха.

Прикрываем днепровские мосты

С тех пор как немецко-фашистские войска подошли к Житомиру и Бердичеву, стал я носить в своем планшете карту Киевской области. Почти каждое утро в наших сводках о положении на Юго-Западном фронте назывались все новые населенные пункты, оставленные врагу. Я помечал для себя эти пункты черным карандашом. И мрачные отметины придвигались все ближе к Днепру, затем неровным полукольцом начали охватывать Киев. Не занятая фашистами территория западнее Киева с трагической неуклонностью сжималась и сжималась.

Враг приближался к Днепру. Мосты и переправы у Триполья, Ржищева, Канева, Черкасс подвергались частым налетам фашистской авиации. Поэтому первой боевой задачей, поставленной перед дивизионом канонерских лодок, было прикрытие этих мостов и переправ вместе с другими кораблями Днепровского отряда (всего 15 вымпелов). В ночь на 13 июля «Кремль», «Смольный», «Кременчуг», «Димитров», «Верный» и «Передовой» рассредоточились на сто с лишним километров, от Пирогово до Каневского шоссеного моста.

К середине июля черные отметины на моей карте поглотили Белую Церковь. Это всего лишь 50—60 километров по прямой до Днепра, до трипольской и ржищевской переправ, чуть южнее Киева. На кораблях была объявлена и сохранялась круглые сутки боевая готовность номер два. Это значит, что половина каждого расчета все время находилась на боевом посту. Боевая тревога объявлялась при отражении воздушных налетов.

Практически невозможно было в таких условиях проводить какие-то массовые мероприятия. Коммунисты беседовали с краснофлотцами на боевых постах, в кубриках, усилили индивидуальную работу. И все же мы старались всячески оживлять и разнообразить политработу.

«Верный», «Передовой», «Смольный» стояли в 100—110 километрах ниже Киева, неподалеку от Чернечьей горы, где находится могила великого кобзаря Тараса Григорьевича Шевченко. Мы собрали активистов, по несколько человек от каждого экипажа, и организовали экскурсию. Политработник отряда плавучих батарей, бывший лектор ЦК КП Украины Г. К. Вак по моей просьбе непосредственно у могилы поэта провел инструктаж актива по теме для бесед: «Тарас Григорьевич Шевченко — пламенный патриот и враг угнетателей Родины». После этого у орудий, в рубках, в машинных отделениях звучали его стихи. Читал их и я. Краснофлотцы слушали волнующие слова из «Кобзаря», из поэмы «Гайдамаки» и небольших лирических стихотворений. Мы говорили людям о том, что сбылась мечта Шевченко, народы России под руководством партии большевиков сбросили царское и капиталистическое иго, сами стали хозяевами своей судьбы и нашей великой многонациональной страны. Теперь настал час тяжелых испытаний. Фашистских захватчиков надо уничтожать как нечисть. После экскурсии вокруг ее участников собирались в минуты затишья краснофлотцы, чтобы послушать волнующие рассказы о посещении могилы великого поэта.

...Дни стояли жаркие. Солнце жгло нещадно. Над западным высоким берегом Днепра образовалась рыжая пылевая завеса. Оттуда доносился напряженный гул от повозочных колес, солдатских ног. Время от времени из этого ровного гула выделялся рев двигателей, лязг гусениц. Но все смешивалось, когда начинался очередной авиационный налет. Тогда воздух над Днепром дрожал от пушечной пальбы, от утробного грохота взрывов.

Поток наших войск вливался с запада на Каневский мост и растекался по левобережью. Напряженно было на днепровских переправах. Наседавшие гитлеровцы стремились выйти к реке. Наши арьергарды упорно оборонялись, давая возможность тылам и некоторым частям отойти за Днепр. Много дней подряд фашистские летчики наносили бомбовые удары по Каневскому мосту. Или, вернее, пытались наносить, потому что бомбы их обрушивались не туда, куда предназначались. Пилоты «юнкерсов» чаще всего, по выражению зенитчиков, глушили рыбу в Днепре. Отбомбиться прицельно им мешал огонь с плавбатарей и канонерских лодок.

В один из таких дней мы с новым командиром дивизиона капитаном 3 ранга Н. А. Нелюбовым (капитан-лейтенант Л. Д. Анастасьев получил новое назначение — командиром отряда сторожевых кораблей) подошли на полуглиссере к «Верному». У трапа нас встретил старший лейтенант Терехин. Он четко отрапортовал о состоянии корабля и выполняемой им боевой задаче. Я крепко пожал Алексею Федосеевичу руку. Всего неделю назад мы сидели рядом на корабель-

ном комсомольском собрании. Тогда командир «Верного» выступил с короткой, но горячей речью. В молодости рабочий одного из ленинградских заводов, а сейчас командир боевого корабля и коммунист с десятилетним стажем, он сохранил в характере много огня и задора.

У трапа Нелюбову представились дивизионный механик воентехник 1 ранга Огороков, заместитель командира по политической части старший политрук Трутнев, Саша Жигалов — «главный бомбардир» и комсорг «Верного». Иван Михайлович Огороков до войны служил на этой канонерке, остался на ней жить и после назначения его дивизионным специалистом. Лейтенант Жигалов прибыл на канлодку из училища. Совсем еще юный, с нежным румянцем на щеках, симпатичный Саша буквально заражал всех своей энергией и жизнерадостностью. У экипажа «Верного» был также, как и у «Передового», наибольший боевой опыт. Если орудия главного калибра остальных четырех канлодок еще не выпустили по врагу ни одного снаряда, то «Верный» и «Передовой» уже имели на своем счету уничтоженные наземные и воздушные цели. Ведь они вступили в бой с наступающим противником еще на Припяти.

Только мы поднялись на ходовой мостик, как снова начался налет. Жигалов кинулся к своим комендорам. И сейчас же зенитчики открыли огонь. Капитан 3 ранга Нелюбов с удовлетворением наблюдал, как спокойно и расчетливо действуют опытные артиллеристы. По самолетам, вереницей выплывавшим с запада, стреляли также с «Передового» и плавучей батареей. Плотная завеса из снарядных разрывов возникла перед вражеской эскадрильей. Самолеты изменили курс, но опытные зенитчики тут же поставили новую завесу. «Юнкерсы» рассыпались, чтобы спутать расчеты защитников Каневского моста. Однако вражеские пилоты, видимо, не знали, что и на этот случай у зенитчиков было все отработано — заранее распределены секторы огня.

Через несколько минут один из самолетов загорелся и рухнул в Днепр ниже моста. Были подожжены и врезались в береговые кручи еще два «юнкерса». Экипажи этих самолетов успели выбраться с парашютами.

— Передайте береговому охранению: поймать парашютистов! — приказал командир дивизиона.

Вражеская эскадрилья, потеряв треть состава, повернула назад. На мост не упала ни одна бомба.

Нелюбов продолжил обход корабля. Он нагнулся было, чтобы спуститься в люк к машинистам, но взглянул на ют и тут же выпрямился.

— Щербина, вы? — с ноткой тепла в голосе спросил капитан 3 ранга.

— Так точно, товарищ комдив! — отозвался ладного и крепкого сложения старшина.

Это был хорошо знакомый мне боцман «Верного», коренной херсонский рыбак и отменный спортсмен. Корабельное дело он знал так, как домовитая казачка свое хозяйство. В манере поведения

Щербины было столько солидности и обстоятельности, что лейтенант Саша Жигалов, ровесник старшины, сразу стал называть его по имени и отчеству — Леонидом Силычем.

Частенько так обращался к нему во время отдыха и замполит Трутнев. Константин Иванович Трутнев и Саша Жигалов были земляками, оба родом из Ярославля. Между ними и Щербиной нередко завязывались беседы о характерах речных течений, привычках различных видов рыб. И краснофлотцы в шутку говорили, завидя Щербину, Трутнева и Жигалова вместе: «Канал Волга — Днепр работает». Оказалось, что боцман Щербина знаком и с нашим новым комдивом.

— Служил у меня в тридцать восьмом году, — сказал Нелюбов. — Толковый был краснофлотец.

— Здравствуйте, товарищ капитан третьего ранга! — обрадованно загудел подошедший Щербина. — А я вас сразу узнал. Вот... воюем помаленьку.

— Рад, что встретились, — улыбнулся Нелюбов, крепко пожимая руку старшине. — Будем теперь вместе воевать. Вижу, что три года не прошли для вас даром.

Они поговорили еще несколько минут, вспомнили бывших сослуживцев. И боцман отошел к себе на ют.

Через несколько часов, когда мы спускались в полуглиссер, вновь ударили зенитки. Начинался налет на Каневский мост. «Юнкерсы» сбрасывали бомбы с большой высоты. Вероятность попадания в цель была ничтожной. Бомбы с воем обрушивались в реку, одна угодила в берег у моста, подняв тучу пыли.

Полуглиссер помчался в район Ржищева. Вскоре Нелюбова и меня уже встречал на борту «Смольного» богатырь с черными кустистыми бровями на суровом лице. Было даже удивительно, как только палуба канлодки не кренилась под тяжестью ее командира лейтенанта Кильчицкого. В левой руке Петр Ефимович, тоже в прошлом бывалый днепровский капитан, держал курительную трубку.

Заканчивая доклад, лейтенант Кильчицкий сказал:

— Огнем зенитного орудия сбит один бомбардировщик.

— Летчиков изловили? — спросил Нелюбов.

— Никак нет, товарищ комдив. Самолет от прямого попадания взорвался в воздухе. Остались одни ошметья.

— Молодцы ваши комендоры! За отличную боевую работу объявляю им благодарность.

— А вот и «ошметья». — Кильчицкий показал на кусок брезента, где лежала чуть опаленная дамская сумочка красной кожи.

Нелюбов недоуменно вскинул глаза на командира. Кильчицкий отогнул крышку сумочки и достал несколько бумажек. Это были деньги — немецкие марки, польские злоты, два билета в кино или театр с неотторванными контрольными талонами. От «трофея» повеяло чем-то тоскливо-грязным, как веет из ночлежки, где живут мелкие неопрятные воришки. Комиссар корабля Бирюков показывал потом краснофлотцам эту находку во время беседы о грабительской и мародерской сущности гитлеровского вермахта.

В конце июля были получены директивы начальника Главного управления политпропаганды об итогах первых трех недель войны, о повышении авангардной роли коммунистов и комсомольцев в бою и Указ Президиума Верховного Совета СССР о реорганизации органов политпропаганды и введении в Красной Армии и Военно-Морском Флоте института военных комиссаров.

На кораблях завершалась подготовка к непосредственной огневой поддержке наших армейских частей. Враг подходил на дальность огня главного калибра канонерских лодок. Мы предложили командованию отряда послать с кораблей лучших артиллерийских командиров в наземные части для координации действий и корректировки огня главного калибра. Предложение было принято, и вскоре появились соответствующий приказ. Начали создавать и свои корректировочные пункты на берегу. Мы использовали для этого наблюдательные вышки, высокие здания в селах, деревья на холмах. Непосредственно работой руководили флагман отряда капитан 3 ранга Драбков и дивизионный артиллерист капитан-лейтенант Кришталь. Корректировочные посты оборудовали каждый для своего корабля лейтенанты Храпай, Житомирский, Симоненко, Шепельский, Жигалов и другие командиры артиллерийских боевых частей. Изучалась местность предстоящих боев, выбирались и пристреливались реперы и ориентиры, подготавливались исходные данные для стрельбы по различным наземным целям, составлялись таблицы, схемы, карты.

Вместе с командиром дивизиона мы тщательно проверили состояние корректировочных пунктов. Наш штабной «Димитров» занимал позицию у села Стайки. Туда мы и отправились для начала.

У входа в двухэтажное здание школы нас встретил лейтенант И. Симоненко. Он четко доложил, что корректировочный пункт состоит из двух постов наблюдения. Один расположен на чердаке школы, другой — на колхозной пожарной вышке. Комдив сразу оценил предусмотрительность артиллеристов. Рассредоточение наблюдателей на двух самостоятельно оборудованных постах повышало живучесть корпункта. В случае выхода из строя одного мог продолжать корректировку огня другой. Побывали на чердаке, затем на вышке. Обзор был широкий.

Симоненко показал нам специальную таблицу стрельбы, схему местности с ориентирами, копии которых имелись у артиллерийского командира, располагавшегося на корабле. Краснофлотцы корпункта и их командир были бодры, настроены по-боевому. Поблагодарив бойцов за отличную службу, мы отправились пешком в Триполье — это десять километров в сторону Киева. У Трипольской кручи возвышалась ветряная мельница. Здесь нас встретил лейтенант Житомирский с «Кременчуга». За последние дни он заметно изменился: смуглое лицо осунулось, веки покраснели. Досталось, видно, Борису. Он вместе с несколькими краснофлотцами оборудовал свои корректировочные пункты и помогал старшему лейтенанту Диденко с монитора «Флягин», которому по распоряжению командира отряда предстояло управлять огнем нескольких кораблей. Второй корректировочный пункт Житомирского был вынесен непосредственно в боевые

порядки 7-й механизированной дивизии и располагался на триангуляционной вышке, хорошо видной от мельницы.

— Ну, как тут у вас? — спросил Нелюбов, поднимаясь по скрипучим лесенкам вслед за Житомирским.

— Видимость отличная. Связь проложена через два рукава и действует надежно. Комендоры наготове, ждут команды.

Мы были уже на самой верхотуре мельницы. Два краснофлотца — сигнальщик и телефонист (дальномерщик в это время дежурил с винтовкой внизу) — приняли положение «смирно». Я оглядел их суровые, обветренные лица. Каково у ребят настроение? Знают ли они, что враг уже навис над Днепром огромными силами? О чем думают в данный момент? Как поведут себя под огнем? Уж больно сумрачны. Как поднять им настроение?

И тут я увидел в руках одного из краснофлотцев книжку, небольшую, в бумажном переплете.

— Можно взглянуть?

— Пожалуйста, товарищ комиссар, — сказал с готовностью телефонист.

«Трипольская трагедия» — рваные, кровавого цвета буквы занимали пол-обложки. Это был знакомый мне очерк о мужественных киевских комсомольцах, захваченных в 1919 году бандой атамана Зеленого и расстрелянных вот здесь, у Трипольской кручи.

— Прочитали уже?

— Так точно. Еще раз просматриваю. Такие хлопцы были! А правда, товарищ комиссар, что атаман Зеленый жив и пришел сюда с немцами?

Мне было известно, что разбитая в 1919 году банда Зеленого просочилась в Польшу, там пришла в себя и вновь продолжала активную борьбу с Советской властью на Украине. После разгрома гитлеровской Германией польского государства бандиты Зеленого предложили свои услуги фашистам, стали их агентами.

— Насчет самого Зеленого не знаю, — ответил я. — Но шпионы и диверсанты, разные провокаторы, которые забрасываются в тылы наших войск, имеют отношение и к этой банде. Так что Трипольский комсомольский поход против врагов Советской власти продолжается.

— Вот бы попался мне хоть один из этих гадов! — сжал налитой кулак телефонист, и лицо его посуровело.

Я понял, что мое намерение предстать перед краснофлотцами эдаким бодрячком с целью поднять настроение было совсем не к месту. Не нуждаются ребята в искусственном бодрчестве. Настроены они сурово и решительно. Это, конечно, больше всего подходило к обстановке.

Капитан 3 ранга Нелюбов тем временем изучал в стереотрубу открывшийся за селом Триполье ландшафт. И невооруженным глазом было хорошо видно обращенный к нам пологий склон возвышенности, где километрах в пяти зеленели сады села Жуковцы. От Жуковцов шла в нашем направлении тесемочка дороги. Ближе к Триполю виднелись темные расплывчатые черточки, закорючки и точки. Это были окопы и стрелковые ячейки подразделений 27-го полка 7-й меха-

низированной дивизии. Закончив изучение местности, Нелюбов повернулся к Житомирскому. Будучи приверженцем старой корабельной традиции русского флота — обращаться к младшим по званию командирам по имени и отчеству, что очень способствовало спокойной и доверительной обстановке, он не изменил этой привычке и сейчас.

— Борис Николаевич, я думаю, что, скорее всего, противник сосредоточиваться будет в садах в районе Жуковцов. К переправам станет прорываться по дорогам. Немцы любят дороги.

Когда мы уже прощались, Житомирский спросил меня:

— Неужели оставим Киев? Мои еще в городе...

Я сказал Житомирскому, что у командира порта капитана 2 ранга Степанова есть план эвакуации семей командиров и сверхсрочников флотилии. Он будет выполнен в указанные сроки.

— Надо, Борис Николаевич, надо. И нам воевать будет спокойнее. Нервы для большего понадобятся. А горя и так хватает. Иду вот к Диденко и не знаю, с какого края разговор с ним начинать. Шохин просил побеседовать...

— А что у него случилось? — спросил Житомирский.

— Дошли до политотдела известия, что родное его село Мажиричь уничтожено. Это недалеко отсюда, в Каневском районе.

— А может, не надо ему говорить об этом?

— Знает уже. Слухами земля полнится. Я о настроении его думаю...

Старшего лейтенанта А. В. Диденко я встречал не раз, еще когда выступал с лекциями на кораблях флотилии. Это был молодой, хорошо подготовленный морской офицер, член партии. С детства мечтал о флоте. В 1937 году окончил Высшее военно-морское училище имени М. В. Фрунзе. И сразу был направлен на Днепр. Диденко настойчиво тренировал своих комендоров. Монитор «Флягин», где он командовал второй боевой частью, не раз отличался на учебных стрельбах.

До триангуляционной вышки расстояние было немалое. К тому же идти пришлось все время на подъем.

Этот корректировочный пост располагался в боевых порядках дивизии, он имел радио- и телефонную связь со всеми корпунктами и кораблями. А совсем рядом, в узком канале, соединявшемся с Днепром, стояли бронекатера под командованием лейтенанта И. П. Гончара. Из-под ветвей выглядывали 45-миллиметровые пушки и крупнокалиберные зенитные пулеметы. В составе команды были дальномерщики и связисты.

Старший лейтенант Диденко доложил, что противника пока не видно, местность просматривается в общем хорошо, за исключением дороги из Василькова на Козин — лес загораживает. Но мосты на этой дороге разрушены.

Его запекшиеся тонкие губы почти не шевелились при докладе. И вообще, всегда оживленный, свежий, Диденко вроде бы постарел, осунулся. Только глаза оставались по-прежнему живыми, выразительными. Корпункт не вызвал замечаний. Раздав краснофлотцам газеты, я провел краткую политинформацию о положении на нашем участке фронта, призвал их сражаться мужественно и умело, с честью выдержать испытание боем.

За ночь обстановка еще более обострилась. После прорыва нашей обороны южнее Белой Церкви часть фашистских соединений устремилась в обход Киева с юга. Гитлеровцы растекались вдоль Днепра, стремясь, по всей вероятности, захватить переправы на 200-километровом отрезке реки у Триполья, Ржищева, Канева, Черкасс, Кременчуга.

У Триполья, что в сорока километрах от Киева ниже по течению, река делала небольшой изгиб. Здесь находилась одна из важнейших переправ. За ночь на 31 июля фашисты подтянули свои силы к селу Жуковцы. Это всего в десяти километрах от берега.

Учитывая обстановку, я предложил коммунистам штаба дивизиона с утра быть на кораблях. Командир дивизиона отбыл на «Кремль», начальник штаба старший лейтенант А. И. Гращенко остался на «Димитрове», дивизионный механик И. М. О कोरोков находился на «Верном».

Я выбрал канлодку «Кременчуг». Она стояла на самом угрожаемом направлении — у села Триполье. Поднялся на мостик.

Лейтенант Подгорный застыл у стереотрубы. Рядом с ним находились главный старшина Галета и сигнальщик. Голова старшины комендоров была в черном «ореоле» наушников и микрофона на металлических скобах. Он поздоровался одними глазами и вновь весь ушел в слух. Галета слушал своего командира лейтенанта Житомирского, находившегося на мельнице у Трипольской кручи. Иван Игнатьевич Подгорный оторвался от стереотрубы и только тут заметил меня:

— Извини, Федор Григорьевич, что не встретил. Стою вот тут с рассвета, все немцев жду. А они, паразиты, наверное, выспались себе спокойненько, позавтракали и только сейчас соизволили... Пылищу подняли! Погляди.

В стереотрубе возник знакомый склон возвышенности. На окраине Жуковцов поднималась пылевая завеса. Да, фашисты шли, совершенно не заботясь о подготовке атаки и скрытности. Серая пелена неуклонно двигалась в нашу сторону, съедая тесемку дороги. Дорога эта вела прямо к трипольской переправе...

Встреппенулсч Галета:

— Товарищ командир, лейтенант Житомирский докладывает: в колонне идут танки, бронемашины, грузовики с пехотой, впереди — мотоциклисты с пулеметами на колясках!

Внизу на корме застыли у орудия краснофлотцы. Чуть в сторонке впился глазами в таблицу стрельбы командир расчета старшина 1-й статьи Николай Исаев. Я подошел к переднему борту мостика. Первое орудие главного калибра под командованием старшины 2-й статьи Лозанюка, находящееся на баке, тоже было готово к открытию огня. В этой наэлектризованной обстановке бросался в глаза какая-то обнаженность, незащищенность орудийных расчетов. Ведь на большинстве вчерашних пароходов, в том числе и на «Кременчуге», орудия установлены без обычных для стодвадцаток полубашен.

Открой гитлеровцы огонь шрапнелью, и комендоры окажутся легко уязвимыми. Но что делать, хорошо хоть — успели переоборудовать пароходы в таком образом.

— Внимание! — командовал Галета. — Цель номер пять!

— Есть, цель номер пять! Есть, цель номер пять! — продублировали командиры кормового и носового орудий.

— Три снаряда! — Галета словно смаковал слова, нажимая на звучные «ри» и «ря».

— Прицел... Целик... — донеслось с кормы и носа.

Стволы чуть повернулись влево. Это наводчики после изменения установок снова поймали в перекрестия точки прицеливания.

— Орудия зарядить!

Мелькнули в руках заряжающих черные чушки снарядов и серые пороховые картузы. Лязгнули замки.

— Огонь! — резко бросил Галета.

Ошеломляюще ударило в уши, и содрогнулся корабль. Невидимые снаряды унеслись за днепровский берег к горизонту.

Это был первый залп главного калибра по врагу. Каждый командир и краснофлотец дивизиона думал о нем с начала войны, когда дальнобойные пушки да и две трети кораблей были только в их воображении. Все наши мысли были об одном: «Когда испытает враг силу нашего удара?»

И вот этот миг настал. Вся пойма реки и, казалось, небо над нею полнились обвальным грохотом. Ведь одновременно с «Кременчугом» открыл огонь главный калибр «Флягина», «Димитрова», «Кремля».

В стереотрубу было прекрасно видно, как завеса пыли, поднятая вражеской колонной, резко вспухла. Взметывались султаны бурой земли, сверкали оранжевые вспышки разрывов. Первые же снаряды накрыли цель. Я не удержался и показал Галете высоко вздернутый большой палец. Но тот уже дублировал новую команду Житомирского:

— Поражение! Пять снарядов!

Команда «Поражение» означала, что комендоры должны выпустить эти пять снарядов с максимальной быстротой, пока колонна двигалась по дороге, куда попали пристрелочные, пока не развернулась в боевой порядок. Краснофлотцев словно переключили на новый ритм. В сизой пороховой дымке быстрее замелькали их раскрасневшиеся лица. Иногда орудия выстреливали одновременно. И тогда оглушительные, больно бьющие по барабанным перепонкам одновременные залпы сотрясали канлодку от носа до кормы.

Экипаж «Кременчуга» вел обстрел участка под Жуковцами. Но бои шли по всей 30-километровой дуге, которая начиналась у Днепра за Стайками, проходила в сторону Киева через Жуковцы, Щербиновку, Деревянную и вновь приближалась к реке за Плютами. Ведь фашисты устремились к Трипольской излучине с нескольких направлений.

Мы радовались своим удачным залпам, но пока не подозревали, что сухопутные силы сторон вновь оказались неравными. Гитле-

ровцы сумели сосредоточить против 27-го стрелкового полка крепкий ударный кулак. Первые потери их не остановили. Из колхозного сада Жуконцов выползали все новые бронетранспортеры, ныряли в пыль и оказывались то слева, то справа от дороги. Солдаты спрыгивали на землю и, развертываясь в цепи, шли вперед. Сверкали выстрелы танковых пушек, с бронетранспортеров непрерывно строчили крупнокалиберные пулеметы, слышен был даже треск ручных пулеметов, установленных на мотоциклах. И вся эта армада, изрыгавшая лавину металла, казалось, неотвратно надвигалась на ниточки окопов обороны полка.

И тут огонь с кораблей разделился. За танками стеной взметнулись взрывы, накрыв большую группу пехоты. Взрывы вставали стена за стеной по фронту. Управляющий огнем старший лейтенант Диденко часть орудий перевел на постановку заградительного огня. Вражеская пехота залегла и была отсечена от танков. Грамотно действовал воспитанник училища имени Фрунзе! Судя по всему, огонь вел «Флягин». «Кременчуг» по целеуказаниям Житомирского продолжал обстреливать дорогу и сады.

Сначала никто и внимания не обратил на легкие хлопки в небе. Но вот раздался дикий вой, и водная гладь неподалеку от канлодки вздыбилась четырьмя стройными фонтанами. Нас явно нащупывала артиллерия противника. Одна батарея, видимо, стреляла шрапнелью, другая — фугасными. Облачки шрапнельных разрывов множились, новые возникали ниже. Пробарабанил по стальному борту град осколков. И тут я словно бы собственной спиной ощутил незащищенность комендоров на открытой палубе. Очень нелегко им выдержать «характер» под огнем.

— Иван Игнатьевич, — произнес я. — Пойду на палубу, к орудиям.

— Добро, — отозвался Подгорный, который тоже с тревогой наблюдал за рваными шрапнельными тучками.

Бегом, как и полагается на корабле, я спустился по трапу и прошел на ют. Это было наиболее открытое место поблизости от кормового орудия. Размеренно вышагивая по палубе, время от времени, как бы нехотя, вскидывая глаза на испятнанное небо. Со стороны поглядеть — пижон, позер, как хочешь можно назвать. Впрочем, расхаживать здесь не более рискованно, нежели стоять на мостике. В тот момент было важно, чтобы краснофлотцы видели: комиссар рядом, не прячется. Значит, и они должны выдержать это испытание вражеским огнем. И комендоры работали с большой скоростью, орудие выстреливало снаряд за снарядом. «Демонстрировать» бесстрашие становилось все тягостнее. Комендорам было все-таки легче. Свое нервное напряжение они разряжали энергичными действиями у орудия. Меня так и подмывало включиться в работу. Но свободного места у пушки не было. Потому и называется — орудийный расчет. В нем все рассчитано, каждому номеру определены обязанности. Даже чье-либо лишнее движение может вызвать суету.

Но вдруг пошатнулся и медленно осел на палубу командир орудия старшина 1-й статьи Исаев, а на станину брызнула кровь

правого наводчика. Одним разрывом шрапнельного снаряда были ранены сразу два комендора.

Я подбежал к орудию. Исаев приподнялся на локте, лицо его было бледным.

— Еще можно командовать, — твердым голосом сказал он и улыбнулся. — Заряжать не смогу, а командовать можно... Не сомневайтесь, товарищ комиссар.

— Держитесь, старшина, сейчас санитары придут. Огонь прекращать нельзя!

Я помог наводчику, который держался за окровавленный бок, сесть на палубу, а сам схватился за штурвал. Как-никак я в прошлом комендор, старшина башни 12-дюймовых орудий линкора «Марат», флагмана Балтийского флота. Но где точка наводки?

— Дерево, одинокое дерево, товарищ комиссар, — слышался голос вертикального наводчика. — Держите прямо по стволу.

Я уже не видел, что делали санитары с ранеными. Теперь требовалось удержать целик на точке прицеливания, которая ускользала после каждого выстрела. А орудие бухало и бухало...

Неожиданно онемела левая нога. Ощущение было незнакомым. Попытался шевельнуть ею и не смог. На судорогу было не похоже. Оторвался от окуляра, взглянул — левый ботинок заливала какая-то жидкость, а в штанине ниже колена темнела дырочка. Похолодел я. Не от страха перед раной, конечно. Обидно в первом же бою выбыть из строя. Куда же он там, зараза, угодил?.. Неужели в кость? Однако отвлекаться было некогда, требовалось держать целик на репере, то есть на одиноком дереве. И я держал. А пушка гвоздила и гвоздила. Каждые девять-десять секунд на мои барабанные перепонки обрушивался удар. Все-таки отвык я, оказывается, от такой стрельбы. Заболели уши, неприятно першило в горле. А в небе по-прежнему рвалась шрапнель, фугасные снаряды поднимали высокие столбы воды вокруг корабля, взвизгивали, звенели, щелкали осколки, но я был поглощен важнейшим в эти минуты делом — наводкой. Видел только вздрагивающую вертикальную нить оптического прибора на темном древесном стволе, оголенном ниже кроны всего метров на пять. И в то же время внутреннее зрение рисовало мне мощные взрывы на дороге перед Жуковцами. Я мысленно видел горящие танки с крестами на броне, взлетающие вверх обломки орудий, машин, мотоциклов...

— Товарищ комиссар, товарищ комиссар! — раздался рядом чей-то голос.

Я обернулся — передо мной стоял краснофлотец. Он сказал:

— По расписанию мне положено заменять второго наводчика. Разрешите? Да вы ранены, товарищ комиссар!

Я слез с сиденья, сделал только один шаг и непроизвольно опустился на палубу — левая нога не подчинялась. Отполз в сторону, чтобы не мешать. Краснофлотец тут же принял к окулярам. Я завернул отяжелевшую мокрую штанину. Кровавая борозда на ноге загустела, и кровь уже не лилась. Я догадался, что осколок вены не затронул, сидел в мякоти. Тут ко мне подбежали санитар и фельдшер.

Они намочили в какой-то желтой жидкости кусок ваты, смыли загустевшую кровь и наложили на рану тугой бинт. Онемение прошло, и я поднялся. Сильно припадая на раненую ногу, тут же пошел на мостик. Не терпелось узнать, что там, под Жуковцами? Иван Игнатьевич взглянул испытующе. Он, несомненно, все видел.

— С крещеньцем, Федор Григорьевич! Однако ты бледноват. Полежать бы следовало.

— А, срунда! — отмахнулся я. — Как там?

— Бежит свастика! Наши контратакуют!

Я ткнулся лицом в резиновые накладки стереотрубы. Пыль и дым стлались по склону возвышенности. Горели танки и бронетранспортеры. Снаряды рвались в саду. Мелькали крошечные фигурки людей. Они удалялись в сторону Жуковцов.

Пушки «Кременчуга» продолжали бить еще несколько минут. Потом главный старшина Галета торжествующе воскликнул:

— Дробь! Прекратить огонь!

Немного раньше прекратился обстрел реки со стороны противника — фашистским батареям, видимо, тоже досталось от наших снарядов. Еще ухали некоторое время орудия других наших кораблей. Но «Кременчуг» объяла тишина. Комендоры какими-то замедленными движениями вытирали потные, задымленные лица рукавами рубаш, что-то говорили друг другу, многие улыбались. Забинтованный старшина 1-й статьи Исаев стоял, опираясь спиной на леера. Свой пост он, судя по всему, покидать не собирался. Тишину нарушили возгласы снизу. Из палубного люка вылез старшина 1-й статьи Дубинский.

— Кок ранен! — доложил он. — В живот, тяжело... Он у себя был, обед готовил. Осколок пробил борт — и в него!

Галета содрал с головы телефонную амуницию и скребанул пятерней затылок:

— Вот те на! А я еще подначивал: сковородками забаррикадировался! Поди знай, где оно опаснее...

Более двух часов длился первый наш бой. Ободренные мощной и действенной огневой поддержкой с кораблей, части 7-й механизированной дивизии несколько раз поднимались в контратаки. Снаряды с канонерских лодок и с монитора «Флягин» летели далеко и попадали метко. Срывались все попытки противника ввести в бой новые части. И здесь, на склоне возвышенности, перед Жуковцами и Щербиновкой, он нес большие потери. Выбрав подходящий момент, командование дивизии во второй половине дня подняло полки в контратаку. Гитлеровцы вновь бежали, на этот раз до своих исходных позиций. И притихли почти на двое суток. Более сотни фашистских мотоциклистов, проскочивших дальше всех, были отрезаны от основных сил у самой реки. Они рассыпались вдоль берега, пытаясь скрыться от пехотинцев и краснофлотцев берегового охранения. Однако все были найдены, обезоружены и переданы батальону 4-й дивизии НКВД, которой командовал полковник Ф. М. Мажерин.

Уже в сумерках я вернулся на «Димитров». Комиссар старший политрук Бедренко проводил на юте беседу с личным составом свободной смены. Он передал краснофлотцам благодарность командования 7-й дивизии за меткий огонь. В заключение сказал:

— Однако гитлеровцы подтягивают резервы в район Жуковцы, Щербиновка и Деревянное. Значит, надо ждать нового наступления на Триполье и Стайки...

Тут с мостика донесся голос сигнальщика:

— Прямо по корме — самолет!

Под звуки корабельного ревуна, возвестившего боевую тревогу, все бросились по своим постам. Мгновенно развернулись зенитное орудие, пулеметы.

— Огня не открывать! — раздался незнакомый властный голос с мостика.

«Кто же это командует?» — удивился я, взлетая по трапу вверх.

— А, комиссар! — увидев меня, произнес Нелюбов. И тут же обратился к незнакомому мне капитану 3 ранга: — Сергей Евгеньевич, твой комиссар старший политрук Шаповалов Федор Григорьевич.

— Палечек — новый командир.

— А меня в штаб флотилии, — перехватив мой вопросительный взгляд, сообщил Нелюбов.

Я не имел, как говорится, ничего против нового командира дивизиона, но не от чего было и приходить в восторг. За каких-то пять недель — три командира дивизиона. Впрочем, в боевой обстановке быстрее проходила притирка людей, быстрее проявлялись их деловые качества.

Новый командир начал свою деятельность с распоряжения, которое получило должную оценку личного состава. Открыв огонь по самолету-разведчику, мы ночью вряд ли сбили бы его. А сколько бед принесло бы обнаружение корабля, это все хорошо уже знали.

И все-таки затаиться не удалось. С одного из вспомогательных кораблей ударил в небо пулемет. Трудно сказать, из-за неопытности или излишней самоуверенности открыл зенитчик бесполезный огонь или нервы не выдержали, но фашистскому летчику только это и требовалось. По звуку мотора стало ясно, что самолет снижается. И вскоре одна за другой, будто подвешенные к темному небу люстры, загорелись светящие авиабомбы на невидимых парашютах. Они медленно опускались, как бы обнажая поверхность реки, берега. Конечно, фашист получил полную возможность засечь или сфотографировать все, в том числе и ненормальные изгибы береговой линии, то есть слившиеся с берегом суда. К тому же прорывались наружу лучики света из иллюминаторов госпитального судна «Каманин».

Капитан 3 ранга Палечек все это моментально оценил и принял правильное решение. Он распорядился немедленно поднять якоря, отдать швартовы и передвинуться вверх по течению на пять-шесть кабельтовых. Там, кстати, и лунный свет не так сильно освещал, на

часть акватории падала тень высокого берега. Первым передислоцировался наш «Димитров». Сопя и шлепая плечами, перебрались на другие места и остальные суда.

Только все успокоилось, как в небе послышался гул авиационных моторов. Загрохотали взрывы. Бомбы, хотя и сброшенные с немалой высоты, падали на те места, которые мы успели покинуть. Фашистская авиация сработала точно. Капитан 3 ранга Палечек ровным голосом сказал начальнику штаба дивизиона старшему лейтенанту А. И. Гращенко:

— Передайте по линии. Кто откроет огонь без команды или засветит судно — отдам под суд военного трибунала.

Это были суровые слова, но, я думаю, необходимые. Ведь проявленная на вспомогательном и госпитальном судах беспечность могла нам дорого обойтись. Война диктовала законы, которым требовалось подчиняться безоговорочно. Ведь, в сущности, мы еще только учились воевать.

Поспать в ночь на 1 августа так и не пришлось. Еще не успокоилась днепровская вода после бомбежки, как зазвонил телефон. Выслушав кого-то, новый комдив сказал:

— Вот это другое дело. Командир корабля! Открыть огонь главным калибром согласно целеуказаниям! Тридцать снарядов.

У телефона занял место командир БЧ-2 лейтенант Иван Симоненко. И через минуту грянули стодвадцатки. Снаряды унеслись в сторону Щербиновки. Прогревели три пристрелочных выстрела, затем орудия перешли на поражение. Вскоре Симоненко доложил:

— Товарищ капитан третьего ранга, корректировщики сообщают — в районе Щербиновки большой пожар. Цель накрыта.

Палечек был явно доволен таким началом своей службы в должности командира дивизиона.

— Добро! — сказал он и тут же отдал новое распоряжение: — С якоря и швартовых сниматься!

Пока мы меняли место, уходя из-под возможного артобстрела противника или его бомбового удара, со стороны Щербиновки донеслись глухие взрывы, беспорядочный треск. Это рвались снаряды и патроны подожженного «Димитровым» склада боеприпасов противника. Его вчера обнаружили разведчики 7-й дивизии и сообщили нашим корректировщикам.

Корпост вызывает огонь на себя

Я стоял на мостике рядом с командиром дивизиона, когда командира канлодки «Кремль» Градиновича позвали в боевую рубку к телефону. Вернувшись, тот доложил, что звонил лейтенант Храпай. Он докладывал, что в лесу замечено появление фашистских мотоциклистов, прибывших, видимо, со стороны Василькова. Лейтенант Храпай и семь краснофлотцев находились на корректировочном пункте севернее села Козина.

— Этого и следовало ожидать! — жестко бросил комдив. — Если противник будет накапливаться, открывайте огонь.

Вскоре поступило новое сообщение: «Из леса выехала на Козин колонна мотоциклистов и автомашин-фургонов. Подходят к цели номер четыре...»

Градинович схватил трубку внутренней связи, приказал:

— Юрченко! Цель номер четыре. Открыть огонь!

Через считанные секунды корабль вздрогнул от залпа носового и кормового орудий.

Снаряды с «Кремля» накрыли колонну довольно удачно. Ведь участок, которого достигли мотоциклисты и автофургоны, был заранее пристрелян. Оставив горящие машины, фашисты рассыпались в цепь. Снаряды с канонерки уже не могли наносить такой урон противнику, как в первые минуты. И фашисты, словив сопротивление реденьких боевых порядков наземных подразделений, продолжали двигаться к Козину, в общем направлении на Киев...

Часть этих суток, примерно с 19 часов 1 августа до раннего утра следующего дня, была весьма критической для нашей обороны в районе Козина. И на долю корректировщиков лейтенанта Храпая выпало немало тяжелых испытаний и приключений. Восстановить эти события мне удалось по рассказам корректировщиков, когда они вернулись на корабль.

...Фашисты на мотоциклах, на конях и в пешем порядке подходили все ближе. Лейтенант Храпай, естественно, давал целеуказания таким образом, чтобы снаряды с «Кремля» накрывали тех, кто наступал непосредственно на корректировочный пункт. Ведь впереди вышки уже не было ни одного красноармейца, а следовательно, на этом направлении враг мог прорваться к нам в тыл. Взметывались рыже-серые султаны взрывов, пыль и гарь стлались над необруненным пшеничным полем. Уцелевшие фашисты шарахались левее и правее, стремясь уйти из-под артогня, но с общего направления не сбивались, упорно шли вперед. Вскоре лейтенант Храпай понял, что через несколько минут вышка окажется в окружении — гитлеровцы обтекали ее с обеих сторон. И тогда прокричал в телефонную трубку:

— Товарищи! Немцы близко. Прошу через три минуты открыть огонь непосредственно по вышке. Мы будем обороняться и отходить. Прошу засечь время. Через три... нет... через две с половиной минуты переносите огонь.

И связь с корпунктом была прервана. Командир корабля лейтенант Градинович, потемнев лицом, смотрел на свои часы не отрываясь. Истекла минута, пошла вторая... Орудия продолжали стрелять с прежними установками. Минутная стрелка сдвинулась с очередной черточки.

— Дробь! — приказал командир «Кремля». — Открыть огонь по цели номер три!

Так обозначалась на схеме вышка, где располагался корпункт.

...Лейтенант Храпай сорвал телефонный аппарат, быстро спустился вниз и, крикнув краснофлотцам «За мной!», побежал вдоль старицы в сторону Днепра. Группа успела отойти всего метров на двести, когда два взрыва подняли фонтаны земли в том месте,

где они только что находились. Следующие снаряды с канлодки вышку разнесли в щепки. Гитлеровцы, наступавшие краснофлотцам на пятки, были уничтожены или рассеяны.

Но тут командир отделения старшина 2-й статьи Олейник, не расстававшийся с ручным пулеметом, взволнованно доложил:

— Товарищ лейтенант, немцы слева!

Из козинских садов стремительно вынеслась кавалерийская группа. Сверкали в лучах солнца прямые клинки, дробно стучали копыта лошадей.

— Так это ж наши! — приглушенно крикнул кто-то из краснофлотцев.

Храпай не поверил своим глазам — всадники действительно были в красноармейских гимнастерках и пилотках. Однако лейтенант, не один день проводивший на корпункте, точно знал — в селе не могло быть наших кавалеристов. Но что, если это все-таки наши, из фашистского тыла пробиваются? На размышления были отведены секунды. И тут Храпай отчетливо увидел: шаровары у кавалеристов были серого цвета и сапоги с короткими голенищами!

— Ложись! — скомандовал он. — Прицел ноль! По кавалерии — огонь!

Бешено заработал «дегтярев» в руках старшины Олейника, краснофлотцы ударили из винтовок. Несколько атакующих вылетели из седел. Грохнулись оземь и забились в пыли сраженные кони. Раненые животные истошно заржали. Кавалерийский отряд сбился в кучу, но потом метнулся обратно, точно по той же дороге. И лейтенант Храпай с облегчением перевел дух. Свалилась с души тяжесть. Была отбита атака нескольких десятков кавалеристов. И отпали остатки сомнения — это были конечно же переодетые гитлеровцы. Иначе отряд не умчался бы так рьяно обратно в Козин, полностью занятый противником, а ушел бы из-под огня правее, в сторону Днепра. Переодевались гитлеровцы, видно, наспех, лишь бы на какие-то минуты ввести нас в заблуждение. Следом рванулись бы мотоциклисты и пехота.

Очередной наскок на группу лейтенанта Храпая произошел через несколько минут после кавалерийской атаки. Противник показался на этот раз справа. Из-за песчаных холмов, метрах в пятидесяти внезапно высочили несколько мотоциклистов. Олейник без команды резанул по ним из «дегтярева». Дико взревев моторами, мотоциклы развернулись и нырнули в ложбину. Краснофлотцы по команде Храпая быстро перебежали дорогу и спустились по круче к старице. Тут они увидели бронекатер. Из палубного люка высунулся мичман Анохин и махал им фуражкой. Он указывал на что-то ниже по течению.

— Шлюпка, товарищ лейтенант! — доложил сигнальщик.

Рыбацкая лодчонка была замаскирована кустарником. Весел поблизости не оказалось. Тогда Храпай взял лодку за носовую цепочку и повел ее вниз по течению. Вскоре он нашел то, что искал — телефонный провод, соединяющий корпункт с кораблем. Утлая посудина принять всех восьмерых не могла. Переправлялись по очереди,

подтягиваясь телефонным проводом. На левом берегу старицы укрылись в ивняке. Телефонист тут же включился в сеть. На проводе оказался комиссар «Кремля» политрук Лившиц.

— Ребята, живы? — обрадованно заорал он в трубку. — Где противник? Какова обстановка? Можете ли корректировать огонь?

— Обстановка неясная, товарищ комиссар, — доложил Храпай. — На участке севернее Козина нашего фронта нет. Об остальных не знаю. Столкнулись с противником непосредственно. Был бой. Убитых и раненых с нашей стороны нет. Нахожусь на левом берегу старицы. Корректировать огонь отсюда возможности не имею. Правый берег под угрозой занятия противником, но зато оттуда, с кручи, многое видно. Прошу разрешения переправиться обратно.

— Одну минуту, доложу командиру, — ответил комиссар Лившиц. Вскоре взял трубку лейтенант Градинович.

— Слушай, Сергей Петрович, ты что же, прямо в лапы к фашистам хочешь? Что значит — правый берег под угрозой занятия противником? Есть близко немцы или нет?

— На круче пока не показывались. Были бы близко, они не преминули бы занять ее. Круча господствует над местностью.

А в душе лейтенант Храпай лелеял надежду, что гитлеровцы дальше Козина не пошли или даже откатились под огнем с «Кремля». Очень хотелось ему вернуться к тому месту, где стояла вышка. Возможно, уцелел блиндаж под сараем, где они жили и где оставили свои вещи, а главное — радиостанцию.

— Ну, добро, — медленно проговорил Градинович. — Бери с собой кого надо и попробуй.

Солнце уже скатывалось к горизонту и било Храпаю прямо в глаза. Для тех же, кто наблюдал с запада, освещенность была — лучше не придумаешь. И потому, лишь только лейтенант и два краснофлотца с ним выползли на кручу, они были мгновенно засечены находившимися в огородах Козина фашистами. К бугру сейчас же понеслись очереди трассирующих пуль. Скатываясь с кручи вслед за краснофлотцами, Храпай успел отметить про себя: «Первые очереди были трассирующими не случайно. Они указывали всем место появления противника. Рационально, ничего не скажешь!»

Быстро сели в лодку. Тут что-то шлепнулось в воду и с визгом разорвалось. Коротко вскрикнул краснофлотец Дермецкий, схватившись за левое плечо. Храпай быстро перебирал провод. Мины рвались одна за другой. А потом с берега застрочили и автоматы. От бортов лодочки начали отлетать щепки. Но сейчас же звонко выстрелила сорокапятка с бронекатера, деловито заговорили его пулеметы, ударил и «дегтярев» Олейника. Автоматный огонь с берега прекратился — гитлеровцы, видимо, поспешили укрыться, но мины продолжали падать. Вой, визг и свист стояли над старицей. Неподалеку от берега первым выпрыгнул раненый краснофлотец Дермецкий, вторым — Василенко, чтобы поддержать его. Близкий разрыв свалил Храпая обратно в лодку. А когда он поднялся, раненый краснофлотец тормозил упавшего навзничь Василенко. Вдвоем подхватили упавшего, выбрались на берег и залегли. К ним

тут же подобрались другие краснофлотцы, помогли отползти дальше. Старшина 2-й статьи Олейник достал из сумки перевязочные пакеты. Однако перевязка понадобилась только одному краснофлотцу. Василенко был мертв — крупный осколок мины пробил ему голову. Все молча сняли бескозырки. Это был первый убитый с их корабля. И потому смерть товарища воспринималась особенно остро. Лица краснофлотцев в густеющих сумерках казались серыми.

— Товарищи! — посчитал нужным сказать лейтенант. — В гибели Василенко виню только себя. Надо было вплавь, а не на шлюпке переправляться обратно. Но опять же, кто знал, что они ударят минометами?

— Зачем так говорите! — отозвался Олейник. — Война есть война. Никто не застрахован... На шлюпке переправа получилась быстрее. И упавши та чертова мина чуть подальше, Василенко уцелел бы. Ведь по площади били... — Он помолчал, глотнув воздуха. — Душа рвется, как жаль Василенко. Но мы ведь не с пустыми руками возвращаемся. Сколько теперь немцы крестов понатыкают у Козина! Сколько их полегло от снарядов. Да и кавалеристов мы не меньше пятнадцати срезали!

Дождавшись полной темноты, корректировочная группа возвратилась на корабль.

Позже спустился к Днепру и бронекатер мичмана Анохина. На нем почти все были ранены, а несколько краснофлотцев — убиты. Команда катера пострадала в неравном бою, когда противник ворвался в Козин. Комендоры 45-миллиметровой пушки и двух крупнокалиберных пулеметов расстреливали фашистов почти в упор на улице села. Пока противник обнаружил, что огонь ведет низко сидящий в воде, замаскированный и все время передвигающийся катер, полегло много его солдат и офицеров. Но уж когда фашисты догадались, с кем имеют дело, они обрушили на бронекатер артиллерийский, минометный и пулеметный огонь. Несмотря на потери, раненный осколком в грудь мичман Анохин не отходил к Днепру до тех пор, пока не убедился, что корректировочная команда в безопасности.

Военфельдшер «Кремля» лейтенант Кузнецов быстро перевязал всех раненых. Тех, у кого были тяжелые повреждения, тут же отправили полуглиссером на госпитальное судно «Каманин».

Вечером 2 августа вновь загредел фронт от Киева до Канева. Фашисты начали мощную артиллерийскую подготовку. Одновременно на город, реку и прибрежные позиции наших войск обрушились авиационные удары. Противник явно готовился к новому наступлению.

Наше командование выждало некоторое время, чтобы артразведчики могли засечь артиллерийские позиции врага, и приказало открыть огонь как с кораблей, так и с левого берега Днепра.

Канонада гремела почти до утра. Из нашего дивизиона особенно интенсивный огонь вели «Кременчуг», «Кремль» и «Димитров». 120-миллиметровые снаряды обрушивались не только на артиллерийские позиции противника, но и на его подготовленные к наступлению

резервы. Корректировочные посты докладывали, что в расположении фашистов горит боевая техника, происходят хаотические перемещения людей.

Утром 3 августа части 7-й дивизии и других соединений перешли в контратаку и отбросили гитлеровцев вновь к Жуковцам, Щербинковке, Деревянной. Наступление на Киев было задержано. Враг не предпринимал активных действий целую неделю.

Трое против пятидесяти

Сразу после известия об отходе противника комдив предложил мне побывать на «Кременчуге» и от имени командования дивизиона поблагодарить личный состав за отличную стрельбу.

Командир «Кременчуга» лейтенант Подгорный загадочно улыбался.

— Мои ребята, — сказал он, — умеют воевать и на суше. Сам командир отряда капитан первого ранга Кравец приказал подать представления к наградам. Ему армейцы доложили.

— О чем? — нетерпеливо спросил я.

— Ты знаешь, наша телефонная связь с корпунктом и армейцами лежит через Халепье. Ну, вижу я вчера днем, что неладное там происходит. И взяло беспокойство — как бы связь не повредили. Послал троих: старшину Дубинского, электрика Жеребко и котельного машиниста, твоего однофамильца — Петра Шаповалова. Чтобы приглядели за линией в случае чего. Старшим был парторг Дубинский, твоя правая рука на моем пароходе.

— А твоя — левая? — улыбнулся я.

— Ну, в общем, взяли ребята с собой «дегтярева», самозарядки, гранаты и обосновались в Халепье. Наблюдали-наблюдали и решили пройтись поближе к фронту, за лесную посадку. Достигли этой самой посадки, Жеребко выглянул было снова в чистое поле, но спрятался обратно. «Семен, — сказал он Дубинскому, — там кто-то едет по дороге. Не то на конях, не то еще на чем». Дубинский приказал затаиться. Подползли все вместе поближе к опушке и сразу поняли, что попали в серьезное дело. По дороге из Жуковцов ехал отряд велосипедистов, более тридцати. А позади пылил грузовик. И тоже с немцами в кузове. Десятка полтора их там было...

— Ну, а дальше? — с волнением торопил я.

— Дальше Дубинский заинтересовался, сколько имеется гранат. Оказалось — двенадцать штук. «Достаточно, — сказал он. — Всех немцев берем на себя». И так распорядился: Шаповалов бросает одну за другой все четыре свои гранаты в кузов автомашины, Жеребко раскидывает их по велосипедистам, потом пускают в ход самозарядки. Начинать приказал по сигналу, когда он откроет огонь из «дегтярева». Условились и стали терпеливо ждать. Гранаты возле себя положили, чтоб заминки с ними не было. Только вся группа на колесах втянулась в посадку, Дубинский и ударил из пулемета. Петр Шаповалов закинул первую гранату точно в кузов. Ваня Жеребко быстро израсходовал свой гранатный запас по велосипедистам.

Когда стали рваться гранаты, немцы рассыпались в разные стороны. А Ваня с Петей добавили из самозарядных винтовок... Но машина успела развернуться и — ходу обратно. Помчались за ней и велосипедисты. Кто уцелел, конечно. Двое — хенде хох. Прямо в памятники превратились. Иван отобрал автоматы и пригнал в Халепье.

— И все?

— Чего ж тебе еще? Восемь фашистских трупов на дороге осталось. Остальных перехватили армейцы и положили в пшенице. Машина сгорела. А наши-то! Втроем против почти пятидесяти! И ни единой царапины.

Это был действительно подвиг. О нем писал потом в «Морском сборнике», в третьем номере за 1942 год, командир Днепровского отряда речных кораблей капитан 1 ранга Кравец. Иван Игнатьевич Подгорный с полным правом мог гордиться своими краснофлотцами.

Разящие удары

Оба берега Днепра у села Плюты устилал взлохмаченный коричневый войлок пыли. Здесь переправляли скот.

На западном берегу и на мелководье валялись десятки недвижимых буренок. С раннего утра тут уже побывали «юнkersы» и оставили свои следы. «Кременчугу» было приказано прикрыть переправу от воздушных налетов противника.

— На флаг — смирно! — раздалась команда с мостика.

Я повернулся в сторону кормы, готовясь приложить руку к козырьку фуражки: замер на месте мичман Коротенко, метавшийся по надстройке между пулеметными площадками. На канлодке прекратилось всякое движение.

— Флаг поднять!

И бело-голубое прямоугольное полотнище с алыми эмблемами под звонкие удары рынды медленно поднялось к гафелю.

— Вольно!

Всего несколько недель, как начали исполняться на «Кременчуге» ритуалы подъема и спуска Военно-морского флага, но даже разухабистые прежде пароходные кочегары, ныне именуемые котельными машинистами, приняли его как полагается. Когда вокруг смертное дыхание боев, святые понятия становятся особенно близкими. В минуту торжественного молчания твой мысленный взор как бы становится всемогущим. Ты видишь себя на «Варяге» или «Авроре», в тебе звучат «Вставай, проклятьем заклейменный» и «Наверх вы, товарищи». Тебя охватывает поток, единый и могучий. Проникаешься глубокой верой в то, что этот поток в конечном счете сметет любого врага.

После команды «Вольно» Коротенко еще некоторое время возился с пулеметом, потом, завидев у кормового орудия главного старшину Галету, подошел к краю ростр.

— Слышь, главный калибр! Бери банник и — на берег. Коров подгонять. Сдается мне, что иной работы для вас сегодня не ожидается.

Галета подошел к лейтенанту Житомирскому, проверявшему в этот момент прицелы 76-миллиметровой зенитной пушки.

— Товарищ лейтенант,— обиженно заговорил он,— неужели для нас поважнее дела не нашлось?

— Скот — это молоко и мясо,— ответил лейтенант,— это продовольствие для армии и населения.

Доклад сигнальщика прервал диалог:

— Самолеты справа сорок!

Начинался новый налет на переправу. Вмиг заняли свои места артиллерийские и пулеметные расчеты. Лейтенант Житомирский взлетел на мостик, схватился одновременно за бинокль и телефон.

Первые три самолета были уже видны простым глазом. Они конечно же ушли сначала за Днепр, а потом развернулись. Солнце оказалось за спинами летчиков и било теперь в глаза корабельным зенитчикам. Прием этот ожидался, и комендоры трехдюймовки давно уже запаслись накладными дымчатыми окулярами для оптических прицелов.

— Наводить по головному!

Эта команда Житомирского была своевременной, так как «юнкеры» вскоре разделились.

Отбить атаку трех самолетов на подходе одним орудием было невозможно. И все знали это. Пулеметчики спокойно ждали, когда «юнкеры» попробуют снизиться для прицельного бомбометания. Главное — не дать утопить паром.

Звонко бабахнула пушка. Второй, третий раз. Лейтенант Житомирский, не отрывая глаз от бинокля, что-то быстро говорил в телефон для орудийного расчета, видимо вносил поправки. Вновь сотрясли воздух один за другим три выстрела.

«Юнкеры» не оставляли в покое переправу около часа. Но их бомбы опять лишь «глушили рыбу». Не давали наши зенитчики нанести удары наверняка. Вздымались водяные столбы возле бортов парома и канлодки, сотрясались от взрывов берега, метались раненые животные, но переправа продолжала действовать. В десятом часу улетел последний «юнкер». Наступило затишье. Западный берег постепенно пустел. Убитых животных расторопные тыловики грузили на армейские фуры и увозили...

На борт канлодки поднялось двое в запыленном армейском обмундировании. Один из них протянул лейтенанту Подгорному пакет.

В пакете был приказ командира Днепровского отряда речных кораблей капитана 1 ранга И. Л. Кравца оказать немедленную огневую поддержку 7-й дивизии по указанию ее командира.

Вскоре лодка взяла курс к Триполью.

Лишь только краснофлотцы закрепили швартовые концы за ивовые стволы, как грянул залп. Снаряды унеслись в сторону Деревянного. Прогремели очередные залпы. Две стодвадцатки продолжали стрелять, несмотря на то что о результатах пока не было известно ровным счетом ничего. И лишь когда связисты установили линию, с командного пункта дивизии сообщили, что первые же

снаряды обрушились прямо на места сосредоточения фашистских танков и бронетранспортеров. Просили добавить огоньку. Тут же поступило распоряжение командира дивизиона капитана 3 ранга Палечека — боеприпасов не жалеть. До этого у нас соблюдалась определенная норма расхода боеприпасов на каждый день — снаряды экономили. Приходилось считаться и с угрозой преждевременного износа орудийных стволов. Распоряжение нашего комдива могло означать только одно — на фронте сложилась очень серьезная обстановка.

Атака, которую готовили гитлеровцы со стороны Деревянного, была сорвана. Целеуказания на «Кременчуг» шли прямо с КП дивизии. Лишь только армейские наблюдатели замечали скопление людей или техники противника, сейчас же давали координаты нам. И на фашистов обрушивались снаряд за снарядом. Расчеты словно бы соревновались в скорости стрельбы. Время от времени заряжающие, потные, грязные, со слезящимися от пороховой гари глазами, отходили в сторону, жадно хватая раскрытыми ртами воздух, а им на смену становились другие.

И тут впервые в своей военной жизни я увидел, как взбурлилась на стволах орудий шаровая краска, затем почернела, осыпалась. Стволы время от времени приобретали темно-вишневый цвет. Они раскалялись.

Как-то совершенно неожиданно солнце оказалось на другой стороне неба — западной. День подходил к концу. Один из напряженнейших дней Днепровской обороны — 3 августа.

— В погребе осталось двадцать снарядов главного калибра, — доложил лейтенант Житомирский командиру.

— Прекратить огонь! — приказал Подгорный.

И наступила тишина. Краснофлотцы орудийных расчетов — кто присел прямо на палубу, кто прилег — не шевелились, будто все уснули. Они пережили большое физическое и нервное напряжение. Я ведь не сказал еще, что лодку то и дело пыталась нащупать вражеская артиллерия. И нащупывала — снаряды начинали падать ближе. Тогда огонь переносился на гитлеровские батареи, с помощью армейских корректировщиков, конечно. После пары десятков снарядов ответный огонь слабел, а затем и вовсе стихал. Видимо, понеся потери, гитлеровские артиллеристы торопились сменить позиции.

— Почему прекратили огонь? Даем новые целеуказания! Вы слышите нас? — гудело в телефоне. Это беспокоились армейские товарищи.

— О причинах сообщим позднее, — сказал в трубку лейтенант Подгорный. — Он не хотел доносить открытым текстом, что погреба «Кременчуга» опустели.

— Мы же выпустили семьсот снарядов! — несколько даже обиделся лейтенант Житомирский. — По триста пятьдесят на орудие! Еще пара таких сеансов — и стволы можно на свалку металлолома... Неужели не понимают?

— Понимать-то они понимают, — грустно сказал Иван Игнатьевич. — Да только и мы их понять должны... Тяжко, очень

тяжко там. Видно, немцы снова сосредоточиваются. Надо идти за боеприпасами...

Затем нам сообщили, что орудия канонерской лодки уничтожили несколько танков, много живой силы и подавили две батареи противника...

Не добившись решающего успеха в трехдневных боях у Триполья, противник все же продвинулся тридцатью километрами ниже — у Ржищева. Удары наносились на стыке 64-го и 6-го стрелковых корпусов. Непосредственно район Ржищева обороняли полки 146-й и 159-й дивизий. Гитлеровцам удалось оттеснить 159-ю дивизию к городу и в районе Гребени выйти к Днепру. Сюда устремились их резервные части, переправочные средства. Это уже была угроза форсирования Днепра противником, угроза обхода войск 26-й армии, значительные части которой еще находились на западном берегу.

Командование Ржищевским укрепленным районом поставило перед днепровцами задачу выбить противника из Гребени. Капитан 1 ранга Кравец решил организовать внезапный ночной артиллерийский налет силами монитора «Левачев», канлодки «Смольный», двух бронекатеров и плавучей базы «Белоруссия». Монитор подошел непосредственно к Гребени и открыл огонь прямой наводкой с дистанции в несколько сот метров. Вступили в действие пушки и пулеметы «Смольного» и других судов.

Снаряды и пули сметали с берега все живое. Фашисты, понеся сразу большие потери, попытались зарыться в землю, как-то удержаться. Однако огонь с кораблей не ослабевал в течение двух часов, несмотря на противодействие гитлеровских батарей из глубины. И противник не выдержал: оставшиеся в живых солдаты и офицеры сбежали из Гребеней. Вновь занявшие село части 159-й стрелковой дивизии насчитали там более 600 убитых и тяжелораненых немецких солдат. Противник бросил на поле боя около ста автомашин с боеприпасами и продовольствием, более трехсот велосипедов и мотоциклов, понтоны и другие переправочные средства...

Армейскими наблюдателями засечены важные цели. Экипажу канлодки «Кремль» поставлена новая задача. Перед ее выполнением было решено сменить позиции: понятно, что фашистские артиллеристы не останутся в долгу. Мы понимали, что предстоит настоящая дуэль до полного подавления одной из сторон. Враг находился на таком расстоянии, что хорошо просматривался весь Днепровский плес вплоть до Дарницкого железнодорожного моста. У экипажа «Кремля» была большая надежда на маскировку. Но она спасала лишь тогда, когда корабль неподвижен. Заваленный ветвями, он напоминал зеленый остров или выступ берега. Но только этот остров сдвинется с места, как фашистским наблюдателям все станет ясно. Поэтому надо ждать сумерек.

Темнота постепенно обволакивала все вокруг. На западе и юго-западе громыхало, чувствовалась близость фронта. Небо над высоким берегом было в световых всплесках, проплывали в разных направлениях пулеметные трассы. В Киеве что-то горело. Гигантский сноп

дыма с разлохмаченной верхушкой казался неподвижным. А рядом в маскировочных ветках мирно звенели цикады...

Прозвучали негромкие команды, зашипела вода под плицами, и наш «островок» отвалил от берега.

Через час с небольшим мы пришвартовались ниже села Пирогово.

Вскоре поступило сообщение о том, что гитлеровцы захватили вышку Академии наук УССР. С вышки открывался прекрасный обзор, и гитлеровцы не замедлили оборудовать там свой наблюдательный и корректировочный пункт. Разрушить вышку было поручено «Кремлю».

Худо пришлось бы канлодке, не обладай ее комендоры, и в частности лейтенант Храпай, высокой артиллерийской выучкой и завидным хладнокровием. Ведь корабль, в сущности, вновь выходил на дуэль, бросал вызов непосредственно вражеским корректировщикам, которые не могли не обнаружить его после первого же залпа. И обнаружили, и дали целеуказание своим батареям, и открыть огонь успели. Только комендоры «Кремля» успели раньше.

Вот как это происходило. Ночью канонерская лодка перешла от села Пирогово к островку ниже Киевского железнодорожного моста и словно бы срослась с ним. Со стороны — никаких изменений. Только очень опытный глаз мог заметить с рассветом, что покрытый зарослями островок чуть увеличился по территории. Наш корабль дерзко стоял на самом виду у немцев, и они не подозревали об этом.

Спохватился противник, когда снаряды корабельных пушек начали рваться сразу у подножия вышки. Но пока они пристреливались, вышка рухнула вместе с корректировщиками и наблюдателями. «Кремль» немедленно снялся со швартовых и двинулся к Феофановскому монастырю. Его тут же засекли другие вражеские наблюдатели. Весь переход проходил под обстрелом. Командир корабля лейтенант Градинович удачно маневрировал, сбивал пристрелку. И «Кремль» проскочил, присоединился к другим кораблям, которые уже вели огонь по наступавшему противнику у монастыря.

Артиллерийский удар с Днепра оказался для гитлеровцев, видимо, неожиданным. Изготовившиеся к дальнейшему наступлению батальоны попали под разящий огонь, понесли значительные потери с первых же минут обстрела. Как и было предусмотрено, поднялись в атаку бойцы 147-й стрелковой дивизии, оборонявшей Киев на этом участке. Фашисты были отброшены на 2—3 километра.

Вскоре по телефону нам было передано, что главнокомандующий Юго-Западным направлением Маршал Советского Союза С. М. Буденный благодарит экипажи кораблей за мужество и действенный огонь по врагу.

Поход на юг

Черные отметины на моей карте все множились. 10 августа особенно волновал вид ее нижней части. На юге гитлеровцы уже находились в опасной близости к Днепру. По указанию командования

туда направлялась группа кораблей — для прикрытия переправ у Кременчуга во взаимодействии с 297-й резервной дивизией. Позже мне стали известны подробности этого ответственного похода, в который канонерские лодки «Передовой», «Верный» и монитор «Жемчужин» вышли 10 августа. Командование группой было возложено на командира «Передового» капитан-лейтенанта А. З. Павлова.

Вечером корабли остановились в Черкассах. Представители командования сухопутных частей сообщили Павлову, что дальше до самого Кременчуга на западном берегу Днепра наших войск нет, местонахождение 297-й дивизии неизвестно. Были предположения, что она держит оборону непосредственно у Кременчуга, на подступах к которому идут тяжелые бои. Прояснить обстановку так и не удалось. И капитан-лейтенант Павлов принял решение пройти те сто с небольшим километров вниз по реке, которые отделяли Черкасы от Кременчуга.

Путь продолжили на рассвете 11 августа. Часов в семь утра на подходе к Тарасовке старший лейтенант Терехин отчетливо услышал далекий рев чужих танковых моторов, а вскоре оттуда ударили орудия. По курсу кораблей поднялись высокие фонтаны воды. С «Передового» поступило распоряжение следовать за флагманом, подготовиться к высадке тактического десанта для уничтожения прорвавшегося противника.

Вскоре стало ясно, что это решение капитан-лейтенанта Павлова было недостаточно обдуманым. Вспышки орудийных выстрелов на берегу множилось.

Корабли на полном ходу сближались с берегом и вели огонь из всех орудий. В прицелы были хорошо видны танки и бронетранспортеры. Многие уже стояли и дымились. Командир группы, видимо, посчитал, что имеет дело с разведгруппами противника. И ошибся...

От попадания вражеских снарядов на мониторе «Жемчужин» вспыхнул пожар. Корабль потерял управление и стал удобной для врага мишенью.

«Верный», грохоча всеми орудиями и пулеметами, поспешил на выручку монитору. Оттуда подали трос. Находившийся на корме «Верного» боцман старшина 1-й статьи Щербина подхватил его на лету и быстро выбрал. Вдруг совсем рядом с боцманом брызнули щепки; провалился кусок палубы и корабль содрогнулся от удара. Это снаряд, пробив палубу, разорвался в кубрике. Щербину взрывной волной снесло за борт. Трос, поданный с «Жемчужина», был перебит.

Сжалось сердце у Терехина — «Погиб Щербина!». И командир рванул ручку телеграфа на самый малый назад, хотя на корме уже некому было принять новый буксирный трос.

Однако Терехин рано скорбел по Щербине. Подброшенный взрывом, боцман, падая за борт, успел вцепиться руками в нижние леера и удержался за кормой на вису. Переведя дух, он подтянулся, как на перекладине, и взобрался на палубу. Тем временем «Верный» на самом малом заднем вновь подошел близко к «Жемчужину».

Щербина напряг все силы и встал. Схватив петлю всегда готового к швартовке кормового троса своего корабля, размахнулся и закинул ее на полубак «Жемчужина». Там мгновенно закрепили трос за кнехт.

Взятый на буксир «Жемчужин» двинулся вслед за «Верным». Кораблям надо было как можно быстрее выйти из зоны обстрела.

Однако случилось такое, что могло обернуться катастрофой для обоих кораблей. От взрыва очередного снаряда ослаб стопор носового шпиля. В грохоте боя никто не услышал металлический стрекот на баке «Верного». А там убегала за борт правая якорная цепь. Якорь, до этого покоившийся в клюзе, достиг грунта и уже вцепился в него своими лапами. Ход «Верного» застопорился. Корабли остановились. Их стало разворачивать носом против течения. Цепь вытянулась вдоль правого борта канлодки. Ее тяжелые металлические звенья неумолимо приближались к вращающимся плицам колеса. Еще десять — пятнадцать секунд — и оба корабля станут для наводчиков врага неподвижной и удобной мишенью.

Ближе всех к шпилю находился расчет носового орудия. Но каждый краснофлотец был поглощен своими обязанностями. Вся корабельная артиллерия под управлением лейтенанта Жигалова вела интенсивный огонь по берегу.

И старшине 1-й статьи Щербине суждено было совершить в этом бою второй подвиг. Заметив за бортом якорную цепь, он догадался о случившемся и бросился к кормы на бак.

Боцман сразу же переключил шпиль на выборку и запустил его. Цепь поползла обратно в форпик. Это было единственно правильное решение. Но перепутавшаяся при взрыве цепь застряла в клюзе. Щербина побежал на самый нос, вылез на бугшприт, чтобы распутать узел. И тут — надо же! — его настигла воздушная волна от выстрела своего носового орудия, сорвала с бугшприта. Щербина, падая за борт, опять успел уцепиться за что-то. Потом подтянулся на руках, взобрался на бак, расправил цепь и вновь включил шпиль. Якорная цепь была выбрана и закреплена.

А между тем врагу удалось повредить и «Передовой». Корабль замедлил ход. Догнав его, старший лейтенант Терехин приказал сбавить ход и перенести огонь на вражеские орудия, которые стреляли по флагману. Тем временем «Передовой» соединился буксирным концом с «Жемчужинным». Караван двинулся вниз по течению, продолжая яростно отстреливаться из всех орудий и пулеметов. Корабли ушли из вражеских клещей.

Приткнулись к восточному берегу. Старший лейтенант Терехин и комиссар Трутнев сейчас же отправились на флагманский корабль. Комендоры тем временем приводили в порядок орудия. Боцман Щербина занялся своим шпилем, военфельдшер лейтенант Тищенко хлопотал в кубрике возле раненых.

Через полчаса командир и комиссар вернулись, собрали командный состав на мостике. Терехин сухо сообщил:

— Приказано возвращаться в Черкассы и далее в Бубново, в распоряжение командира отряда. На подготовку орудий и техники —

два часа. Между Тарасовкой и Чаплищем к реке вышла немецкая танковая дивизия. Это с нею мы вели бой. Лейтенанту Жигалову подготовить артиллерию для огня левым бортом. Как машины, Иван Михайлович и Федор Семенович?

— В полном порядке, — ответил Окороков.

— Любой возможный ход будет обеспечен, — добавил командир БЧ-5 лейтенант Осетров.

— Вот и все. Вопросы есть?

— А как же «Передовой» и «Жемчужин», Алексей Федосевич? — спросил Окороков.

— Мы предлагали взять их на буксир и прорываться вместе, — ответил за Терехина комиссар Трутнев. — Павлов считает это невозможным. Они остаются пока здесь, будут устранять повреждения.

И неуклюжая на вид колесная посуда вышла, как на арену цирка, почти на середину водной глади Днепра. Терехину очень хотелось держаться восточного берега, подальше от вражьи́х глаз, но тогда была бы скована свобода маневра. Вышел «Верный» и зашлепал плицами по бегущей навстречу воде.

Берега были пустынные, и старший лейтенант Терехин объявил боевую готовность номер два. Это значит, что половине личного состава каждого боевого поста можно отойти от орудий, механизмов...

Обед заканчивался. Краснофлотцы и старшины вставали и уходили на боевые посты сменить товарищей. Старшина 2-й статьи Ворона поднялся на мостик и вдруг заметил у левого берега замаскированное судно.

— Товарищ командир, справа тридцать — буксир «Менделеев» с баржой! — уверенно доложил он Терехину, так как знал по очертаниям почти все крупные суда на Днепре.

В «Менделеева» донесся усиленный мегафоном знакомый Терехину голос:

— Эй, на «Верном», прошу подойти к борту! Я доложу обстановку.

Тщательно изучив в бинокль оба берега, старший лейтенант дал команду «Право руля». Сбавивший ход «Верный» тихо приткнулся носом к «Менделееву».

— У Бужино немцы вышли к реке... — сообщил капитан буксира. — Меня обстреляли!

И Терехину стало ясно, что гитлеровцы растекаются по берегу все шире. Все-таки он решил прорываться.

— Следуйте за мной в Черкассы, — решил Терехин.

И «Менделеев» вслед «Верному» зашлепал плицами, таща на буксире ослепительно белую баржу с жидким горючим. Солнце светило почти в корму маленькому каравану. И видимость по курсу была преотличной. Краснофлотцы и старшины работали. Командир приказал тщательно проверить состояние всех боевых постов, всех механизмов, на вахту к котлам поставить самых выносливых кочегаров. Мешки с песком на палубе и надстройке переносили с правого борта на левый. Те, кто не был занят на боевых постах, вооружались

винтовками и гранатами. «Верный» часто сбавлял ход, чтобы не отставал «Менделеев». Вокруг стояла тишина, сонная полуденная тишина, даже жаворонков не было слышно.

Было около полудня, когда старшина 2-й статьи Ворона заметил на кромке обрыва и его склонах груды, которые издали можно было принять за металлолом, и доложил об этом командиру. В бинокле отчетливо виделось несколько искореженных тракторов, автомашин, орудий.

— Похоже, что наши переправлялись здесь на другой берег... — проговорил Терехин. — И взорвали технику, чтобы не досталась фашистам. В общем, смотреть внимательней!

— Есть, смотреть внимательней! — донеслось с разных боевых постов корабля.

Чуть повыше у берега стояли две повозки, доверху заваленные совершенно мирным грузом. А людей — ни одного.

— Ну-ка, Бондаренко, дай коротенькую поверху! — приказал командир лежавшему на мостике пулеметчику. — Может, объявятся купцы...

Только протарахтел «дегтярев», как весь берег словно бы ощерился огнем. Разорвали воздух орудия разного калибра, заговорили пулеметы.

— «Менделееву» следовать прежним курсом, держаться восточного берега! — успел прокричать в мегафон Терехин.

А лейтенант Жигалов уже взглянул на свои таблицы и спокойным голосом командовал прицел комендорам главного калибра. Прогрел залп. Жигалов дал поправку. Снова залп, затем беглый огонь. Снаряды крушили огневые точки врага, поджигали вышедшие к реке танки и бронетранспортеры. Корабль маневрировал, непрерывно сбивая врагу прицельные расчеты. Грохот стрельбы заглушал команды.

Немцы успели-таки пристреляться. Один снаряд своротил угол надстройки, другой угодил в кормовой кубрик.

— Жигалов! Жигалов! Мельница! — во всю мощь своих легких закричал командир. — Сбить ее! Ты что, не понимаешь?

Лейтенант Жигалов направлял весь огонь на танки и орудия противника. А то, что немцы могли корректировать свою стрельбу с этой самой высокой точки местности, сразу и не сообразил. Теперь он подбежал к срезу надстройки:

— Второе орудие! Наводить в основание ветряной мельницы. Два снаряда — огонь!

Садовский крутанул орудие вправо, Танана поймал фундамент ветряка в перекрестие и нажал на спуск. Над мельницей вспыхнули доски, но она устояла. После второго выстрела ветряк осел и развалился. Гул артиллерийской стрельбы на берегу вскоре стал жиже. Видимо, на мельнице действительно был корректировочный пост. И фашистские батареи, стрелявшие с закрытых позиций, не получили очередных целеуказаний. Зато танки и береговые огневые точки неистовствовали. По «Верному» палили даже автоматчики из окопов. И осколки, и пули поражали людей.

На корме разорвался снаряд, один из его осколков попал в амбразуру орудийной полубашни, пробил противогазовую сумку второго наводчика Бориса Садовского и вонзился ему в левый бок.

— Старшина, Садовский ранен, — доложил Танана.

— В санкаюту, на перевязку! — распорядился командир орудия старшина 2-й статьи Николай Борисочкин.

За штурвал второго наводчика тотчас же сел боцман старшина 1-й статьи Щербина.

«Верный» упрямо двигался по фарватеру, маневрируя под огнем все новых огневых точек, орудий и танков противника. Никто из экипажа, в том числе и командир с комиссаром, не знали, что к Днепру широким фронтом вышла эсэсовская танковая дивизия «Мертвая голова», и на протяжении многих километров практически единственным ее противником в эти часы оказалась канонерская лодка «Верный».

Напряжение боя начинало сказываться и на людях, и на оружии. Кормовое орудие главного калибра вначале заряжали двое — краснофлотец Иван Тарковский и назначенный сюда по боевому расписанию свободный от ходовой вахты машинист Тимофей Пивень. Сменяя друг друга, они достигли небывалого темпа. Вместо предельного числа выстрелов — 16 в минуту — орудие давало по 17—18. Краснофлотцу Пивню не хватило физической подготовки. Он скоро устал, замедлил движения и после одного из выстрелов не успел отскочить в сторону. Во время отката орудия его грудь задело казенником. Краснофлотца отправили в санкаюту, и Тарковский остался у снарядов без смены. Тем не менее заряжающий поддерживал высокий темп стрельбы.

На берегу двигались или стояли танки и бронетранспортеры. И все они стреляли по «Верному». Централизованное управление корабельным огнем стало бессмысленным. Как было решено ранее, лейтенант Жигалов приказал командирам орудий самим выбирать наиболее удобные цели и поражать их огнем прямой наводкой.

— Правее, по танку — залп!

— Ага! Щербина, еще правее. Снова по танку — залп!

— Танана, чуть ниже, по броневику — залп!

Наводчики отлично ориентировались по этим необычным для морской артиллерии командам старшин, ловили в перекрестия прицелов все новые и новые цели. И тяжелые снаряды сокрушали броню, сметали с дороги машины. В колонне, шедшей параллельно канонерской лодке, образовались бреши. То один, то другой танк замирал на месте, охватываясь жарким пламенем.

А старший лейтенант Терехин с мостика передавал то в переговорные трубы, то в мегафон свои команды:

— Самый полный! Право пятнадцать! Одерживай! Аварийный — стоп!

Корабль то рвался вперед, одновременно описывая циркуляцию вправо, то снова выходил на прямой курс и резко сбавлял ход. Это несколько мешало своим же наводчикам, но зато сбивало прицелку артиллеристам противника.

Совсем низко вспучился шрапнельный разрыв. Дробно застучала картечь по надстройкам.

— Флаг! Сигнальщик — флаг! — выкрикнул Терехин.

Краснозвездный, бело-голубой корабельный флаг исчез. Лишь болтался у гафельного нока обрывок фала. Сигнальщик старшина 2-й статьи Ворона загрохотал яловыми ботинками по трапу — сбитый осколком флаг лежал на рострах. Через мгновение бело-голубое полотнище вновь взмыло к рее. Корабль ни минуты не оставался без своего Боевого Знамени.

То ли небольшой снаряд, то ли осколок со страшным визгом и скрежетом врезался в кормовое орудие в перерыве между выстрелами. Тарковский, сунувшийся к казеннику с очередным снарядом, хрипло закричал:

— Откат! Откат неполный!

Первый наводчик молниеносно выхватил из предусмотрительно открытого кранца инструмент и поспешил за полубашню. Едва он успел сбить зубилом и молотком часть заусеницы, как примчался боцман Щербина. Он могучими руками вырвал из рук Тананы инструмент и толкнул краснофлотца за полубашню:

— Иди отсюда! Ты орудию нужнее! Марш к прицелу!

И сам взялся за работу, сбивая по кусочку вздыбившийся металл, а старшина зачищал следом, орудуя рашпилем. Визжали пули, осколки, но дело было доведено до конца.

Тарковский вновь зарядил. Орудие выстрелило, откатилось с трудом. Но полуавтоматика все-таки срабатывала, и стрелять было можно. Только от заряжающего требовалось вдвое больше усилий.

Качнуло мачту, хлестнули по рее обрывки фалов, лица находящихся на мостике обдало тугим горячим воздухом. Пролетел снаряд из немецкой танковой пушки. Он второй раз сорвал корабельный флаг. Сигнальщик Ворона ринулся на палубу. Пристегнутый к уцелевшему фалу флаг опять взвился к рее. На лице сигнальщика появилась торжествующая улыбка. Он даже что-то прокричал в сторону задымленного западного берега...

Носовая пушка вела огонь непрерывно. Ее расчету везло больше — комендоры и орудие пока оставались невредимыми. Но трехдюймовая зенитка на надстройке неожиданно тоже умолкла. От перенакала металла перестал срабатывать экстрактор, и гильзы не выбрасывались. Заряжающий краснофлотец Сергей Конюхов достал ручной экстрактор. Обжигая ладони и пальцы, извлекал раскаленные гильзы, отбрасывал их в сторону и тут же заряжал орудие.

Свистели пули, осколки с шипением падали в воду, от прямых попаданий на куски разлетелись две шлюпки, однако серьезных повреждений не было, убитых — тоже. «Верный» продолжал идти своим курсом, отбиваясь от врага. Корабль явно уходил из зоны интенсивного обстрела. Гитлеровцы, считавшие его обреченным, заторопились, участили огонь. Но Терехин то и дело менял курс.

И вдруг радостное:

— Впереди танков не видно!

Последний снаряд был сто девяносто пятым... Когда Терехин прокричал с мостика: «Дробь! Прекратить огонь!» — Тарковский тут же упал без сознания. Танана немедленно позвал фельдшера Тищенко. Тот прослушал у Тарковского пульс и сказал:

— Ничего, сейчас встанет.

Минут через пятнадцать Иван действительно поднялся, но вид у него был, как у человека, перенесшего тяжелую болезнь. На осунувшемся бледном лице вокруг глаз синели круги.

Носовое орудие выпустило двести снарядов, зенитное — триста. Боезапаса оставалось в обрез. И потому командир приказал прекратить стрельбу. Еще неизвестно было, что ожидало их впереди. В санитарной каюте лодки лежали пятеро раненых. А на дороге, по которой двигались вражеские танки, сигнальщик Гавриил Ворона насчитал немало горящих машин...

Вечером «Верный» ошвартовался у черкасского причала.

Мы уже в общих чертах знали, что произошло. И хотя задача, поставленная перед группой, не была выполнена, больше того — два корабля остались за Тарасовкой в очень опасном положении, краснофлотцев и командиров «Верного» мы встретили, как героев. Я поспешил на корабль позвать руку старшему лейтенанту Терехину и старшему политруку Трутневу, парторгу Окороккову, боцману Щербине, командиру второй боевой части и комсору Саше Жигалову, командиру орудия Рогову, сигнальщику с такой неподходящей к этой флотской специальности фамилией, как Ворона, комендору Танане... Всем, всем с «Верного».

Петр Танана поил из кружки заряжающего Ивана Тарковского. А Иван сидел, безвольно прислонившись к пушечному щиту. Я знал, что раненых уже отправили в госпиталь. Что же случилось с Тарковским?

— Ранен? Почему не отправили в госпиталь?

Краснофлотец Тарковский открыл глаза, под которыми страшно выделялись черно-синие полукружья.

— Не ранен я, товарищ комиссар. Что-то дурно стало, голова закружилась... Уже прошло. — Он оперся на руки и начал медленно подниматься.

— Посиди, посиди, — придерживал его Танана. — Пока спешить некуда. Это у него от переутомления. Фельдшер Тищенко сказал — пройдет...

И сам Танана выглядел не лучше — посеревший, осунувшийся, с воспаленными глазами, руки в ссадинах. Он стоял передо мной, неловко держа кружку в ладони.

— Знаю, товарищи комендоры, тяжело было вам...

Что я мог еще сказать краснофлотцам?

— Так точно, тяжело, — улыбнулся Танана. — Восемнадцать километров лунил по нам фашист. А мы все живы! Тяжело, но пока не смертельно, товарищ комиссар.

Бои измеряются обычно часами, минутами. А тут можно было сказать — восемнадцать километров боя... Восемнадцать километров хода по реке под огнем противника.

Я вошел в кают-компанию. Трутнев заполнял наградные документы, но лицо его было хмурым, серым. Может, от усталости или пережитого?

— Ну чего ты, Константин Иванович? — Я подтолкнул его в плечо. — Костя! Выше голову. Хоронить никого не приходится, а «Передовой» и «Жемчужин» отобьем! Да они сами подремонтируются и еще дадут фашистам жару... Выспаться тебе надо, больше суток на ногах.

— Да я ничего, Федор Григорьевич, — отозвался Трутнев. — Только вот все думаю, что для этой войны мало отваги да умения стрелять. Лезть на огонь, рванув тельняшку на груди, мудрость невеликая... Мы, конечно, сейчас героями выглядим, но переправы-то у Кременчуга...

— Пробьемся, завтра же пробьемся. Ты давай рассказывай! Подробнее, обо всех...

Трутнев задымил беломориной, помолчал с полминуты, потом и рассказал, как я просил, со всеми деталями...

Старший лейтенант Терехин и боцман Щербина были представлены к ордену Ленина. Указ Президиума Верховного Совета СССР появился через несколько месяцев.

Алексей Федосеевич Терехин родился в 1911 году в семье рабочего-железнодорожника на станции Сасово Рязанской области. В годы гражданской войны осиротел, беспризорничал, пока не началась в стране по инициативе Ф. Э. Дзержинского широкая кампания помощи осиротевшим детям. Десятилетний Алеша был определен в детский дом № 9 города Ленинграда. Провел под его крышей семь лет. Затем стал учеником на Механическом заводе в Ленинграде, приобрел профессию кузнеца. Там я с ним и познакомился в 1931 году. На заводе он стал комсомольцем, в двадцатилетнем возрасте вступил в партию.

Алексей оказался в Ленинграде потому, что стремился к морю. Как только научился читать, увлекся книжками о мореплаваниях. И когда на заводе стало известно о специальном партийном наборе в Высшее Краснознаменное военно-морское училище имени М. В. Фрунзе, сейчас же подал заявление. Окончил его в 1936 году и попросился на Тихоокеанский флот, на самую беспокойную тогда морскую границу СССР. На Пинской флотилии через несколько лет Терехин оказался опять же в связи с разраставшейся войной в Европе.

Алексей Федосеевич готовился к боям основательно, гонял своих хлопцев на тренировках, пожалуй, больше других командиров. И в то же время не упускал ни одного случая, чтобы психологически обосновать перед людьми эту свою неугомонность. Сам контролировал действия отдельных краснофлотцев на боевых постах, слаженность расчетов. На разборах не щадил никого. И если лишний раз поднимал ночью экипаж по учебной тревоге, то роптать на требовательность командира ни у кого не было оснований. Покази высший класс действий, не допусти промедлений и ошибок — не будет нужды и в дополнительных тренировках. И краснофлотцы

любили своего командира, видя его искреннюю и горячую заинтересованность в деле. Ведь показной или формальной требовательностью людей не обманешь.

Пока я беседовал с Трутневым, на «Верный» прибыли старший лейтенант Иван Ильич Локтионов из штаба флотилии, помощник начальника политотдела по комсомолу старший лейтенант Николай Лысенко и начальник штаба нашего дивизиона Александр Игнатьевич Гращенко. Вместе с ними в кают-компанию пришел и Терехин.

— Доложи, Алексей Федосеевич, свои соображения, — попросил Гращенко. — Есть ли возможность прорваться к Павлову?

— И подробнее о силах противника, вышедших к реке, — добавил Локтионов.

После паузы Терехин сказал:

— Пройти трудно. Немцы вышли к реке на протяжении более тридцати километров между Тарасовкой и Боровицами. На дороге Тарасовка — Чаплище я насчитал не менее шестидесяти танков и бронетранспортеров. Думаю, что эти силы наращиваются... Что касается «Верного», то экипаж готов идти обратно к Тарасовке.

— Я полагаю, — сказал старший лейтенант Локтионов, — что мы можем доложить эти соображения командующему. Тем более, — он улыбнулся, — что, согласно донесениям, значительная часть из названных товарищем Терехиным бронетанковых единиц сейчас горит от снарядов «Верного». И часть батарей подавлена им же.

Поздно вечером командование флотилии приняло решение направить к Тарасовке монитор «Левачев» и канлодку «Верный». Готовность к выходу была определена на утро 12 августа. Утро, однако, принесло тяжелые известия. Наша помощь боевым друзьям уже не требовалась...

А произошло вот что. Противник продвинулся ниже по Днепру и с рассветом усилил артиллерийский огонь по неподвижным кораблям. Наши сухопутные войска на этом участке правого берега не появлялись, и неизвестно было, подойдут ли они вообще. Радиосвязь со штабом из-за повреждений прервалась. Комендоры «Передового» и «Жемчужина» вели огонь до последнего снаряда. Когда отбиваться было уже нечем, капитан-лейтенант Павлов, придя, очевидно, к выводу, что правый берег прочно занят противником, приказал покинуть суда. Экипажи переправились на левый берег. На борту оставались только минеры. Они сошли последними и по сигналу командира группы взорвали свои корабли.

Так наш дивизион канонерских лодок потерял первый корабль — «Передовой». Но «Димитров», «Кремль», «Смольный», «Кременчуг» и «Верный» продолжали сражаться.

Прорыв на Киев

Черные отметины на моей карте подступили вплотную к широкой голубой ленте. Гитлеровцы вышли к Днепру на протяжении сотен километров. И лишь в районе Киева, на западном берегу, еще сохранялось пространство в десять—пятнадцать километров шири-

ной. Стойко сражались на этих рубежах защитники Киевского укрепленного района.

По мере продвижения противника корабли Днепровского отряда под командованием капитана 1 ранга И. Л. Кравца постепенно отходили от Триполья и Ржищева вниз. 16 августа они оказались за Каневом, у Бубново, более чем в 120 километрах от Киева — своей главной базы. И почти весь западный берег Днепра до киевских пригородов был занят гитлеровскими войсками. Среди этой большей части кораблей отряда находились и две канонерские лодки нашего дивизиона — «Смольный» и «Верный».

Тем временем значительно обострилась обстановка в 60—70 километрах севернее Киева. Противник развизвал наступление на Окунино, где находился Печкинский мост через Днепр. Командование Юго-Западного фронта и флотилии решило перебросить корабли Днепровского отряда из Бубново в Киев для последующего сосредоточения их у переправ севернее столицы Украины.

План прорыва вдоль позиций противника, который у Канева, Ржищева и Триполья имел значительные силы артиллерии, танков, бронетранспортеров с пехотой, был разработан оперативной группой штаба флотилии совместно со штабом фронта. Для боевого обеспечения прорыва командование фронта выделило несколько артиллерийских полков, которые должны были вести огонь с восточного берега реки. Часть из них располагались перед наиболее опасным участком — в районе Канева, пять — у Ржищева, три — у Триполья. Прорыв непосредственно у Киева обеспечивался артиллерией Киевского укрепленного района. План предусматривал прорыв в два этапа: в ночь на 18 августа пройти участок Бубново, Трактомиров и на день замаскироваться в Переяславском затоне; в ночь на 19 августа преодолеть участок до Триполья и с рассветом под прикрытием авиации прорваться в Киев. Корабли были разделены на три тактические группы. Канонерская лодка «Смольный» шла в первой группе. Мы постоянно получали информацию о действиях и прорыве «Смольного» и «Верного».

Прежде всего о том, что оперативная группа штаба флотилии, в которую входили начальник штаба флотилии капитан 2 ранга Г. И. Брахтман, военный комиссар флотилии дивизионный комиссар И. И. Кузнецов и другие командиры штаба, проделала огромную работу по обеспечению прорыва.

Надо признать, что не все в отряде были уверены в успехе прорыва. Уж очень опасным представлялся поход на сто с лишним километров под дулами вражеских орудий. Яркую и убедительную речь перед командирами и политработниками кораблей произнес дивизионный комиссар Кузнецов. Аргументы и факты из этой речи политруки и агитаторы использовали в своих беседах с личным составом. Самые убедительные аргументы — боевой опыт моряков флотилии в гражданскую войну и в предыдущих боях с фашистами. Ведь мониторы и канонерские лодки не раз прорывались вдоль занятых противником берегов к нему в тыл на Припяти, Березине,

смелыми и решительными действиями наносили большой урон. Особое место в беседах занимал факт недавнего прорыва канлодки «Верный» южнее Черкасс и то, что она идет сейчас в составе отряда. Эта работа значительно повысила боевой дух краснофлотцев и старшин.

И вот в середине дня 19 августа мы тепло встречали своих боевых друзей на Киевском рейде. На мачте рейдового поста трепетал флажный сигнал, которым командующий флотилией поздравлял экипажи с отличным выполнением боевой задачи.

Я поспешил на «Смольный», где давно не был. Командир лейтенант Кильчицкий и комиссар старший политрук Бирюков кратко доложили о том, как совершался прорыв. Хотелось узнать побольше подробностей.

Прорыв у Канева осложнился еще и тем, что при отходе наших частей был взорван пролет моста над судоходной частью реки у ее восточного берега. Мостовые фермы загромоздили фарватер. Оставалось одно — вести корабли под теми пролетами, где река не считалась судоходной. Несколько дней перед этим шли дожди, уровень воды несколько поднялся. Это позволяло надеяться, что глубина будет достаточной для прохода. Но командованию требовалось знать точные цифры глубин. За это взялся лично старший лейтенант И. И. Локтионов. Об этих самоотверженных действиях начальника разведотдела флотилии мне и рассказали во время посещения «Смольного».

...На выполнение задачи старший лейтенант Локтионов отправился темной ночью в сопровождении группы автоматчиков. Оставив автомашину неподалеку от моста, Иван Ильич обвязался сигнальным тросом и поплыл к уцелевшим пролетам моста. Другой конец троса остался в руках у шофера Григория Новицкого. Автоматчики зорко следили за вражеским берегом, готовясь в случае необходимости прикрыть разведчика. Иван Ильич не имел с собой никаких измерительных приспособлений. Он рассчитывал так: если на месте предполагаемого прохода погрузится в воду с головой, значит, глубина здесь не меньше метра семидесяти шести сантиметров. Следовательно, корабли пройдут. Так он и сделал, а выбравшись на берег, доложил о результатах разведки по радио. Отряд мог идти безбоязненно. Локтионов получил распоряжение остаться у моста, чтобы наблюдать за проходом кораблей отряда и периодически докладывать об этом начальнику штаба флотилии.

Конечно, то, что происходило на участке Днепра от Киева до Бубново, не было наступательной операцией. Но успешный прорыв Днепровского отряда в столицу Украины в сложнейших условиях, под огнем противника и без потерь был все же победой над врагом, который многократно превосходил наши войска по численности и занимал несравненно более выгодное положение.

Думаю, что прорыв сыграл и другую, не менее важную роль. В Киеве было известно, что Днепровский отряд оказался отрезанным далеко на юге. Уже ходили слухи, что краснофлотцы взрывают корабли, оказавшиеся в мешке, и воюют на берегу...

А тут такая отрадная картина. Грохочет корабельная артиллерия. Среди бела дня, на глазах воинов Киевского укрепленного района и населения Киева, канонерки и мониторы, ведя интенсивный огонь по врагу, входят на Киевский рейд... Те самые канонерки и мониторы, которые, по слухам, попали в мешок... Их можно увидеть невооруженным глазом. Проходят корабли с гордо поднятыми флагами мимо набережных и лихо швартуются за холмами Киево-Печерской лавры. Такое не может не поднять настроения, не вызвать нового прилива сил для борьбы с наседающим врагом.

Вновь воссоединился и наш дивизион. Даем «Смольному» и «Верному» три дня на исправление повреждений, бункеровку, получение боеприпасов и для отдыха личного состава. Теперь все наши помыслы были устремлены к переправам севернее Киева, которым реально угрожал враг.

Корабли идут на штурм

Вечером 23 августа дозорные канонерской лодки «Димитров» обнаружили скользившую по реке рыбацью лодку. В ней был почти выбившийся из сил человек в нашей армейской форме с четырьмя треугольниками на петлицах.

Поеживаясь, словно от холода, старшина доложил Палечеку, что немцы захватили Печкинский мост возле Окуниново и сейчас рвутся на восточный берег Днепра. Мы немедленно связались с командующим флотилией. И тут же были вызваны к нему на один из кораблей.

Обычно выразительные, глаза командующего флотилией контр-адмирала Д. Д. Рогачева на этот раз словно упрятались в тени необыкновенно густых и пышных бровей. Тонкие губы были плотно сжаты. Они разжались как бы с большим усилием. Адмирал произнес необычные слова. Они заставили вспомнить и Севастополь 1855 года, и корейские воды 1904-го, когда крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» выходили на открытый бой против целой японской эскадры...

— Не знаю, что уж там произошло на берегу, но, как вам известно, немцы захватили Печкинский мост, переправились и теперь расширяют плацдарм в районе Окуниново. Немцы форсировали Днепр! Дивизиону ставлю задачу: любой ценой уничтожить мост и все переправы в этом районе, парализовать продвижение противника. Повторяю — любой ценой!

Капитан 3 ранга Палечек и все находившиеся в кают-компании флагманского корабля слушали адмирала стоя.

— Вот это и называется: поднимайся в контратаку, рванув тельняшку на груди... — сказал Палечек, когда мы вернулись на «Димитров».

Командир дивизиона посетовал на то, что подходы к Печкинскому шоссе мосту не были закрыты достаточно боеспособными подразделениями. Потому немцам и удалось на плечах отступающих

ворваться на мост и выйти на восточный берег. А приказ командующего 5-й армией М. И. Потапова о взрыве в критический момент моста не был выполнен. Вернее, не удалось его выполнить. Вот и шли мы теперь в открытый бой. Любой ценой — это значило, что цена — жизнь наша... А приказ, как стало известно позже, именно со словами «любой ценой, вплоть до гибели кораблей», исходил от командования Юго-Западным фронтом. Ведь других сил — бомбардировочной авиации или механизированных войск — в его распоряжении не было. Слова «вплоть до гибели кораблей» были сказаны не случайно. При господстве фашистской авиации в воздухе канонерским лодкам в случае массированных атак от самолетов не отбиться. Да и берега уже насыщались огневыми средствами противника.

Ночью «Кремль», «Кременчуг» и «Димитров», находившиеся до этого возле устья Припяти, подошли к Печкинскому мосту с севера, а «Верный» занял огневую позицию по другую сторону — в пяти километрах ниже Печек. Снаряды обрушились на мост с рассветом. Целей было несколько: дорога с запада к мосту, войска противника и мостовые опоры.

Старший лейтенант Терехин то и дело прикладывал к воспаленным глазам бинокль.

— Стоят, глыбы! Кто их только делал?! Из какого цемента?! Жигалов, продолжать!

Это командир «Верного», добавляя крепкие словечки, для разрядки ругал неведомых ему мостостроителей, соорудивших слишком надежные, по его мнению, опоры.

Методично били орудия. Лейтенант Жигалов вносил поправки, засекал прямые попадания, снова командовал: «Огонь!» Однако опоры стояли незыблемо. Пока приходилось довольствоваться тем, что гитлеровцы, потеряв от огня канонерок десятки автомашин с пехотой и две артиллерийские батареи, не пытались возобновить массовую переправу своих войск на окуниновский плацдарм. Но Терехин был Терехиным. Целеустремленность и напор в его характере не позволяли довольствоваться малым в бою.

— Подойдем ближе. Варфоломеев, играть аврал! — приказал командир своему помощнику и взял мегафон. — По местам стоять, со швартовых сниматься!

Старшина 1-й статьи Щербина и еще двое краснофлотцев его команды отдали швартовы. Солнце уже переходило с южной части неба на западную и хорошо освещало восточный берег возле Окуниново, где зарывались в землю успевшие переправиться туда гитлеровцы.

— Малый вперед! Держать на среднюю опору моста! — приказал Алексей Федосеевич.

Юный Жигалов посмотрел на решительное лицо командира с восторгом:

— На прямую наводку?

— Да! — бросил Терехин. — Не будем же мы валандаться с этим мостом целую неделю!

«Верный» двигался, не открывая огня. Сильнее стал слышен грохот канонады на той стороне моста. Это вели огонь по пред-

мостью, плацдарму и отбивали воздушные атаки другие канонерские лодки.

— Полный вперед!

До моста оставалось уже менее полутора тысяч метров. Для морских орудий это огонь почти в упор.

— Жигалов! Бей по двум левым опорам! Зенитчики, глядеть за берегом и воздухом!

Выбор цели был понятен. Между правыми опорами проходил фарватер. И если мост обрушится здесь, остальные корабли дивизиона окажутся отрезанными от Киева.

Тяжко рывкнули орудия главного калибра. Опоры брызнули синей пылью, бетонными осколками. Снаряд за снарядом всаживали комендоры в массивные глыбы.

— Справа по носу — самолеты! — доложил сигнальщик Ворона.

— Да это ж наши, истребители! — воскликнул Жигалов. — Для прикрытия прислали, наверно.

Однако девятка И-16 заходила явно на мост. Видимо, это был единственный авиационный резерв у нашего командования, который можно было послать для удара по мосту.

Откуда-то слева ударили новые огневые точки. В небо потянулись разноцветные трассы, по курсу наших самолетов вспухли сизые облачка.

— Зенитки? — удивился Терехин. — Надо помочь друзьям-летчикам. Жигалов, перенести огонь на зенитные батареи!

Да, у немцев на западном берегу уже оказалось немало зенитчиков. Быстро они осваивались на захваченной территории... Зенитные установки били кучно. Но огонь с «Верного» быстро унял их. Наши самолеты один за другим атаковали мост. Фосфорически сверкали огненные брызги зажигательных бомб. Запылал деревянный настил моста.

Улетели наши самолеты. Орудия «Верного» вновь перенесли огонь на мостовые опоры и пролеты.

Около семнадцати часов сигнальщик Ворона взволнованно доложил:

— Товарищ командир, мост разрушен!

Один из мостовых пролетов пошатнулся и съехал в воду: разбитая снарядами опора уже не могла держать его. Существенная часть задания командования Юго-Западного фронта была выполнена. Переправа на окуниновский плацдарм возле Печек стала невозможной для фашистов.

Вечером «Верный» своим огнем нанес существенный урон подходившей к мосту новой большой колонне грузовиков с пехотой. А утром 25 августа на корабль прибыл связной и сообщил, что неподалеку, у Сухолучья, немцы готовят понтонную переправу взамен разрушенного Печкинского моста. Терехин немедленно, в открытую, повел канлодку к намечаемой фашистами переправе. Он продолжал выполнять приказ — любой ценой не допустить усиления гитлеровцев на окуниновском плацдарме.

Но активные и открытые действия канонерских лодок, в особенности «Верного», обратили на себя внимание гитлеровского командования высокого ранга. На корабли уже нацеливалась авиация.

Над Днепром непрерывно висели немецкие самолеты-разведчики. Терехин подошел к переговорной трубе:

— Самый полный вперед!

— Алексей Федосеевич! — Дивмех О कोरोков даже побагровел. — Ведь машины на пределе!

Командир сердито взглянул на Ивана Михайловича:

— Надо успеть! Надо успеть до наведения переправы, до появления «юнкерсов»! Это — понятно? Я не могу щадить ваши машины.

Пыхтел и дрожал корабль. Резво крутились колеса, теребя плицами стремящуюся на юг непрозрачную воду. Течение активно помогало «Верному».

Вскоре справа стала видна в бинокль лощина, выходящая прямо к урезу воды. У берега заливчика выстроились зеленые коробки понтонов, между которыми сновали фашисты. Темными жуками ползали автомашины.

Лейтенант Жигалов схватил телефонную трубку и вопросительно поглядел на командира.

— Открыть огонь! — приказал Терехин и, надвинув фуражку на самый лоб, опустил ремешок под подбородок.

— Алло! Первое орудие...

Взрыв тяжелого снаряда разметал несколько понтонов. Гитлеровские саперы кинулись врассыпную. Еще взрыв. Еще. Берег заливчика заволокло пылью и дымом. На траверзе цели Терехин застопорил машины, предварительно развернув корабль так, чтобы могло вести огонь и кормовое орудие. «Верный» дрейфовал по течению, прямой наводкой расстреливая понтонное хозяйство фашистов.

— Самолеты прямо по корме! — прокричал сигнальщик.

Со стороны поднимающегося солнца плыла девятка «юнкерсов».

Ударил зенитка, залились дробью пулеметы. Терехин скомандовал:

— Полный назад! Лево руля!

Корабль попятился, вывертываясь кормой по течению, прямо, казалось, под черные капли уже летящих сверху бомб... Зашаталась вода в Днепре, будто невидимый великан взял его за берега, как за плечи, и потряс. Серии бомб поднимали вокруг канонерской лодки горы пенящейся воды. От каждого взрыва «Верный» вздрагивал так, словно его колотили килем о твердый грунт. Но маневры Терехина пока спасали корабль.

«Юнкерсы» ушли. Артиллерия «Верного» продолжала вести огонь по берегу. Через полчаса показалось еще 16 «юнкерсов». Они разделились на звенья и пошли на корабль с разных направлений.

И тут смолкло зенитное орудие. Пулеметы безостановочно били из всех стволов, но их пули, видимо, не доставали «юнкерсов».

— Жигалов! Что с пушкой, Жигалов?! — слышался голос Терехина.

Поблудневший лейтенант ничего не успел ответить. У замолкшего орудия краснофлотец Задорожный забинтованными руками прилаживал ручной экстрактор. Но было уже поздно.

Что-то черное с громом и ветром обрушилось на палубу правее боевой рубки и исчезло в проломе. Корабль с огромной силой подбросило. Вторая бомба попала в носовой кубрик. Палуба вспучилась, вырвалось пламя, облако пара, взлетели вверх обломки. Бомбы прошли канлодку насквозь и взорвались под ее плоским днищем. «Верный» разламывался на части.

Один из «юнкерсов» резко снизился, чтобы безнаказанно добить оставшихся в живых людей. Старшина 1-й статьи Щербина, волоча перебитую ногу, добрался до пулеметной установки, дотянулся до гашетки и яростно нажал на нее.

Старший лейтенант Терехин стоял в боевой рубке. Возле него находились лейтенант Жигалов, рулевой Макаренко и старшина 2-й статьи Ворона. Загоревшийся от пулеметной очереди «юнкерс» успел кинуть бомбу. Она взорвалась на ходовом мостике, разворотив и боевую рубку...

Где-то, видимо, замкнуло электросеть, и неожиданно включился звонок боевой тревоги. Он гремел, словно колокольный набат, не умолкая. Старший политрук Трутнев, которого повалило взрывом на палубу, прямо под паровую струю, потерял сознание. Однако через несколько секунд очнулся, встал и двинулся к рубке. С другой стороны туда спешил Окорочков.

Звонок боевой тревоги продолжал громко звучать. Беспомощный корабль, как живое существо, зывал к людям. Но многие из экипажа были уже недвижны. Тела краснофлотцев лежали на вздыбившейся палубе, плавали у бортов... У входа в боевую рубку раскинулся командир старший лейтенант Терехин. Трутнев узнал его по кожаному реглану и биноклю на груди. Рулевой Макаренко висел на штурвале. Оба были мертвы. Из правого бока Саши Жигалова ручьем струилась кровь, но он поднялся и, шатаясь, хватаясь за леера, двинулся в сторону кормы.

— Слушай мою команду! — хрипло крикнул Трутнев. — Забрать убитых и раненых и всем покинуть корабль! Лейтенант Тищенко! Жив? Надо раненых на берег!

По бледному, искривленному лицу военфельдшера комиссар догадался, что Тищенко тоже ранен.

— Сильно?

— Ничего... Продержусь... Вы-то как? Дайте перевязку.

Комиссар провел рукой по голове и шее. Ладонь покрылась густой кровью.

— Потом. Всех на берег!

Трутнев бережно поднял тело командира, отнес на корму, положил возле борта. Сюда же приковылял Окорочков. Он принес тихо стонущего Жигалова. Китель самого дивмеха был пробит во многих местах, и через разрывы сочилась кровь.

— Саша! Саша! — звал Иван Михайлович комсорга. — Саша, ты слышишь меня?

— Покинуть корабль! — Трутнев властно показал рукой на восточный берег.

Окороков взял Жигалова левой рукой под грудь и сполз в воду. Плыть пришлось всего несколько метров. Дальше начиналась мель. Последним, неся на руках тело Терехина, борт «Верного» покинул старший политрук Трутнев. Старшина 2-й статьи Василий Ефимов, краснофлотцы Иван Коптелов, Иван Алехин, Петр Танана, Сергей Руденко и другие уже двигались к берегу с убитыми и ранеными товарищами.

— Саша! Саша! — повторял Окороков, положив лейтенанта Жигалова на песок.

Он расстегнул окровавленный китель друга, снял с себя рубашку. И только сейчас заметил, что лицо Жигалова залито мертвенной бледностью, а голова его бессильно свалилась набок. Дивмех схватил Сашу за руку — пульса не было. Лейтенант Жигалов умер. Вскоре умер и боцман Щербина. Перед этим он все спрашивал: «Хлопцы, есть ли у меня нога? Ходить буду?» И Тищенко, пряча глаза, отвечал: «Обязательно будешь, Леонид Силыч!»

Раненые лежали в лозняке вперемежку с убитыми. Пока Тищенко накладывал бинты, здоровые краснофлотцы рыли могилу.

Подъехала полуторка — ее прислал какой-то армейский командир. Так как комиссар Трутнев от ожогов и контузии очень ослабел, парторг корабля Окороков взял руководство эвакуацией людей на себя. Весь обмотанный бинтами, он вместе с краснофлотцами грузил в кузов тяжелораненых.

Терехина, Жигалова, Щербину и других убитых положили в могиле рядом, накрыли флагами. Комиссар Трутнев, пошатываясь, сказал краткую надгробную речь.

Затем снова пошли в ход обломки досок и единственная лопата. Днепровский илистый песок постепенно накрывал недвижные тела...

Корабли дивизиона канлодок вместе с другими судами отряда до конца выполнили поставленную перед ними боевую задачу. Они разрушили шоссейный Печкинский мост, сорвали переправу противника, чем лишили его возможности усилить окунинновский плацдарм. Командование фронта благодаря этому получило время для создания рубежа обороны по Десне.

Но оставшиеся за Печкинским мостом корабли оказались отрезанными от Киевской базы. По западному берегу растеклись основные силы наступавшего противника, а восточный ощеринился огневыми средствами окунинновского плацдарма. Среди этих кораблей были и канонерские лодки «Димитров», «Кремль» и «Кременчуг». Корабли получили приказ прорваться в Киевскую базу. В ночь на 26 августа они двинулись к Печкинскому мосту...

Командир «Димитрова» лейтенант Мамоилик был спокоен за свой экипаж. Краснофлотцы и старшины особенно гордились названием корабля. Мы, политработники, постарались, чтобы имя Димитрова стало для всего личного состава дивизиона символом несокрушимой стойкости.

При выходе на жилую палубу «Димитрова» мы установили яркий плакат. Красным по белому на нем было написано: «Мы, коммунисты, можем сейчас не менее решительно, чем старик Галилей, сказать: «И все-таки она вертится!» Колесо истории вертится, движется вперед. И это колесо... не удастся остановить ни истребительными мероприятиями, ни каторжными приговорами, ни смертными казнями. Оно вертится и будет вертеться до окончательной победы коммунизма!» Это слова из выдающегося документа — из речи Георгия Димитрова на сфабрикованном фашистами Лейпцигском процессе. Слова «И все-таки она вертится!» стали на канлодках своеобразным девизом. Их произносили на собраниях, митингах, при встречах и прощаниях после обычных приветствий, а иногда — вместо этих приветствий.

Эти слова приобретали особое значение, когда складывалась тяжелая для корабля обстановка. Они укрепляли веру в победу нашего правого дела. В кают-компаниях, в каюте командира, в матросских кубриках на самых видных местах были портреты Димитрова. О его мужественном поведении на процессе, его речи, его биографию знал каждый краснофлотец.

На подходе к Печкинскому мосту канлодку встретили беглым огнем немецкие батареи. Стреляли и с западного берега и с восточного — с окуниновского плацдарма. Корабль шел, можно сказать, грудью на огонь врага. Комендоры «Димитрова» успели подавить одну батарею, уничтожить несколько танков и пулеметных гнезд. Но силы, а главное — положение были явно неравными. Никакие маневры при такой плотности огневых средств противника на берегу не могли помочь кораблю. Одним из первых снарядов были убиты рулевой, сигнальщик и радист, а лейтенант Мамоилик — смертельно ранен. Теряя сознание, он приказал:

— Держать курс на прорыв...

С этими словами Николай Яковлевич Мамоилик умер.

Держать куда-либо курс уже было невозможно. Разрывами снарядов вывело из строя и рулевое управление, и главную машину. Канонерская лодка врезалась в мостовую опору, и ее вынесло ниже моста. Очередные снаряды разворотили борт ниже ватерлинии. Потерявший ход корабль приблизился по течению ближе к берегу. А оттуда неслись крики:

— Рус, сдавайся! Рус, сдавайся!

Однако никто не бросился спасаться. Лодка затонула. Лишь шестеро из электромеханической боевой части, в том числе тяжелораненый воентехник 2 ранга Якубов, остались на поверхности.

Николай Мамоилик, родившийся в селе Бобровицы Черниговской области, с четырнадцати лет жил на берегу Десны. Он мечтал стать капитаном парохода. И мечта эта привела его в речной техникум. После учебы Мамоилик плавал по Днепру — сначала помощником капитана, а затем, после военной службы, в феврале 1941 года, получил в свое распоряжение пароход «Комсомол». Через четыре месяца, на третий день войны, он надел форму лейтенанта Военно-

Морского Флота и был назначен командиром канонерской лодки «Димитров».

В дни обороны Киева шли такие напряженные бои, что даже командиры кораблей, заходивших в гавань, не имели времени известить свои семьи, лишь оставляли для них письма. В одном из писем Н. Я. Мамойлик писал жене и пятилетней дочурке:

«Родные, любимые мои Катюша и ясноокая беляночка Риточка! Наш корабль стоит на боевой позиции, защищающей берега могучего Днепра. Те самые зеленые кручи, которые так чудесно воспел наш великий Кобзарь. За меня не волнуйтесь — я уже стал боевым капитаном. Товарищи по оружию и по духу у меня очень хорошие, смелые и дисциплинированные. Бьем фашистов беспощадно, где только можно... Мы разобьем их, и для вас, мои любимые, снова будет радостно сиять наше ласковое киевское солнце. Ваш папа».

«Кременчуг» шел на прорыв одним из последних.

— Перебиты штуртросы, товарищ командир! — доложил рулевой. Канлодка стала неуправляемой.

Подгорный все-таки ухитрился, используя течение, отвести корабль с заклиненным рулем к участку берега, еще не занятому врагом. Вскоре подошел, пыхтя, пароходик «Слесарь».

— Мне приказано взять вас на буксир, — прокричал оттуда в мегафон лейтенант Гонтарь.

«Слесарь» вывел канлодку к Навозненскому мосту. Там еще переправлялись наши части. «Кременчуг», идя на буксире, вел огонь по скоплению войск противника. Как только гитлеровцы пытались двинуться к переправе, им преграждали путь корабельные снаряды. Приказ командования гласил: вести огонь до тех пор, пока последний красноармеец не перейдет на левый берег, затем корабль взорвать.

И вот переправа завершилась. Две пулеметные установки перенесли на автомашину. В кузове по-хозяйски расположились мицман Коротенко и краснофлотец Куликов.

Главный старшина Галета еще оставался у орудия.

Лейтенант Житомирский скомандовал ему:

— По буксиру — огонь!

Грянул выстрел. Невидимый мощный снаряд вспорол борт парохода «Слесарь» у самой ватерлинии... Прогремел второй выстрел — и взлетели вверх обломки бронекатера... У застывшего на берегу командира «Слесаря» лейтенанта Гонтаря дрожали на ресницах слезы.

— Личному составу покинуть корабль! — прозвучал приказ с мостика.

Лейтенант Подгорный шел к трапу последним. У люка возле кормового орудия командир корабля остановился и поднес пламя зажигалки к огнепроводному шнуру. Затем Иван Игнатьевич вскинул руку под козырек фуражки и двинулся на берег, отдавая честь Флагу корабля.

Через несколько минут прогрехотал взрыв. Корабль разнесло на части. Но весь он не утонул, так как было здесь неглубоко. Надстройкой охватило пламя.

Когда машина отъехала с километр, Житомирский приказал остановиться и вышел из кабины. Там, где раньше стоял их «Кременчуг», пылал кустарник, пылала, казалось, сама вода.

Мичман Коротенко встал в кузове во весь рост и снял фуражку. Потом тихо проговорил:

— Горыть Днипро... Горыть Украина... Горыть у мэнэ в душе, товарищу лейтенант!

— Под Берлином, мичман, есть река, — отозвался Житомирский. — Шпрея называется. Я верю — винты наших кораблей будут буравить воду этой речки. Мы, днепровцы, подожжем их столичную речку со всех сторон. Сама вода этой Шпреи будет гореть, как бензин!

Основная часть личного состава взорванных кораблей во главе с Подгорным пробиравась на восток вместе с красноармейцами. В лесу перед Десной они столкнулись с фашистами и два дня вели тяжелые, неравные бои. Осколком мины был смертельно ранен в живот парторг корабля Семен Дубинский. Его похоронили там же в лесу товарищи — командир орудия Николай Исаев и электрик Иван Жеребко.

Канонерская лодка «Кремль» вместе с другими кораблями отряда продолжала прикрывать переправы в 20—30 километрах от Киева. Вскоре наши войска полностью перешли на восточный берег Днепра до Сваромья. Корабли оказались под ударами не только авиации, но и наземных частей врага.

На рассвете 27 августа «Кремль» получил попадания снарядов в боевую рубку и машинное отделение. Был контужен командир корабля лейтенант Градинович, убит помощник командира лейтенант В. М. Лебедев, тяжело ранен комиссар политрук А. Е. Лившиц.

Однако экипаж продолжал вести бой. Управление ходом корабля взял на себя боцман главный старшина С. И. Глыбин. Лейтенант Храпай руководил артогнем. По его указаниям главные старшины комендоров В. А. Барков и И. Ф. Вир умело управляли своими орудиями. Решительно действовали машинисты Травин, Кобзар и другие. Они перекрыли пар на выходе из котла и взялись за ремонт пробитого главного паропровода, ведущего к машине.

«Кремль» вошел в Тарасовичское речиче — Гишу. На виду уже было и село Тарасовичи. И тут со стороны Глебовки вынырнуло больше десяти бомбардировщиков. Первые две бомбы взорвались у носового орудия корабля. Еще одна разрушила зенитное орудие и запалила ящики с боеприпасами. Оставшиеся в живых краснофлотцы и старшины пытались спасти раненых — вынести их на берег. Но «Кремль» быстро погружался в воды Днепра. Вместе со своим кораблем погибли лейтенант Лебедев, главстаршины Вир и Барков, старшина 1-й статьи Ядута, краснофлотец Харченко — всего 21 человек. Все эти печальные сведения поступали к нам на «Смольный», тяжелой болью отдавались в сердцах. Но мы были горды тем, что ни один корабль не спустил перед врагом своего Флага.

30 августа мы с Палечком находились на «Смольном» — единственным теперь корабле нашего дивизиона. Канонерская лодка

в составе вновь сформированной группы кораблей из разных отрядов действовала на Десне, прикрывала отход войск правого фланга Юго-Западного фронта на восточный берег реки.

Гитлеровцы вели методический обстрел переправы. Это было почти у самых ворот Киева, там, где Десна впадает в Днепр. Я обходил боевые посты и разговорился с наводчиком носового орудия, членом комсомольского бюро старшим краснофлотцем Иваном Фесенко. Внезапно сильнейший удар в спину швырнул меня на палубу. Попытался подняться, но не сумел даже опереться на собственные руки — они не слушались. По телу растекалась пугающая слабость. Потом страшная, никогда не испытанная боль ударила в мозг, совсем затуманила сознание...

Очнувшись, услышал голос Палечека, который, видимо, обращался к врачу:

— Ну все-таки — жилец или не жилец?

Незнакомый голос ответил не сразу:

— Рана огромная, весь бок располосован до легкого... Потерю крови восполнить нечем. Обработали, как могли, в этих условиях. Слишком много тканей повреждено. Учитывая загрязнение...

— Так жилец или не жилец?

— Нет, — услышал я твердое. — Пять-шесть часов...

Меня все-таки погрузили на полуторку и отправили в госпиталь. Четверо суток пути до Рубежного, что на севере Донбасса, лежал на правом боку. Кровь просачивалась наружу через рот и нос, и я едва мог дышать.

Позже я увидел уцелевшие документы дивизиона. Против моей фамилии стояло лаконичное «погиб», но с маленьким вопросительным знаком. Наверное, капитан 3 ранга Палечек, руководствуясь заключением врача, доложил, что я убит, в то же время сообщил обстоятельства. По этой причине и появился в штабном документе неуверенный знак вопроса.

Но я выжил. Полгода спустя шагал по Москве в отдел кадров Главного политического управления ВМФ. Первый, кто меня увидел, был мой сослуживец двадцатых годов на линкоре «Марат».

— Обознался я или нет? Шаповалов?

— Он самый, — волнуясь, ответил я. — Двенадцать, поди, лет не виделись.

— Верно, больше двенадцати. Но дело не в этом. Ты же по нашим документам... числишься... в общем... убитым вроде. Ты это или не ты?

— Да я, Федотов, я. Донесение о моей гибели, как выразился в одном своем памфлете американец Марк Твен, оказалось несколько преувеличенным. Выжил, сам видишь...

Обняв, батальонный комиссар потащил меня в свой кабинет. А тут зашел тоже мой хороший знакомый — начальник отдела Главного политического управления ВМФ дивизионный комиссар Звягин. Было решено отправить меня в состав формирующейся Волжской военной флотилии.

Весной 1942 года **Иван Абрамович Вязанкин** прибыл на Северо-Западный фронт и вскоре получил назначение в 89-й гвардейский стрелковый полк. Здесь он возглавлял сначала штаб батальона, а потом и полка, участвовал во многих боях, которые велись в труднейших условиях лесисто-болотистой местности. В конце апреля 1943 года полк в составе 28-й гвардейской стрелковой дивизии был переброшен под Курск. Вместе с гвардейцами И. А. Вязанкин освобождал Харьков, Кривой Рог, Вознесенск, форсировал Днепр, Ингулец, Ингул, Южный Буг, Днестр, Дунай и встретил Победу в Болгарии. За мужество и отвагу награжден многими орденами и медалями.

После войны полковник, доцент, кандидат военных наук И. А. Вязанкин преподавал в академии, а затем работал заместителем главного редактора «Военно-исторического журнала» МО СССР.

БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

В стрелковом батальоне

Было около трех часов пополудни, когда я подошел к штабу первого батальона. Его новый командир старший лейтенант И. П. Степанов, сменивший уехавшего на учебу старшего лейтенанта Ватропина, раздевшись до пояса, умывался из самодельного рукомойника, прибитого к столбу. Возле него, ожидая своей очереди, стоял, тоже раздетый, комиссар батальона старший политрук А. Л. Горбунов. Они только что возвратились с полевых занятий.

Закончив умываться, комбат оделся и, увидев меня, пригласил:

— Подходите ближе, лейтенант.

Я сделал несколько шагов вперед и по-уставному доложил:

— Товарищ гвардии старший лейтенант, гвардии лейтенант Вязанкин представляется по случаю назначения на должность адъютанта вверенного вам батальона!

— Здравствуйте, товарищ Вязанкин. Как говорят, в нашем полку прибыло, и главное — вовремя, к обеду, — улыбнулся комбат. — Хорошее предзнаменование. А пока идите устраивайтесь в шалаше адъютанта старшего и приходите обедать.

За стол, сооруженный под развесистой кроной дерева, собрались И. П. Степанов, А. Л. Горбунов, заместитель комбата К. А. Делиболтоян, адъютант старший А. А. Федоров. Все они чувствовали себя непринужденно, смеялись и шутили. «Живут дружной семьей, — подумалось мне. — Молодцы!»

Повар принес большую кастрюлю, разлил из нее первое по алюминиевым котелкам. Воздух наполнился ароматом вкусно приготовленного борща. Все взялись за ложки, не отставал и я.

— Что скажешь о нашей кухне? — спросил меня комбат.

— Отменная! Не в каждом ресторане можно отведать такого борща.

— То-то же. Повар-то у нас действительно ресторанный. Он еще ленинградцев с двадцатых годов потчевал своей стряпней. Тут, брат, вся местная специия присутствует. Поэтому-то и аромат... Кушай побольше и поправишься быстрее. А то вон какой длинный и тощий!

Я промолчал.

— Значит, решил, Иван Абрамович, воевать в батальоне? Тогда могу сказать, что командование полка поступило правильно, прислав к нам грамотного командира, да притом не из робкого десятка. Я помню, как вы отлично вели себя на переднем крае, когда приходили считать наших солдат. Что-то еще и дельное предложили тогда. В штабе полка так бы и захирели с бумажками. А здесь простор, настоящая боевая жизнь. Верно?

Комбат высказал то, что давно зрело в моей душе, и этим еще больше расположил меня к себе.

— Безусловно правильно, — ответил я. — У меня самого не было желания работать на должности помначштаба по учету. Поэтому я сам и попросился в батальон.

— Вот и хорошо! Будем теперь вместе бить фашистов...

Последние слова комбата всеми были восприняты с одобрением. Я, как говорится, всем сердцем почувствовал, что принят в эту дружную фронтовую семью.

В разгар обеда, помнится, к столу подошла военфельдшер батальона Оксана Петухова — настоящая северная красавица с льняными волосами, большими ясными голубыми глазами. Ей галантно предложили отобедать. Она согласилась.

Когда обед подошел к концу, мы остались за столом. Старший лейтенант Степанов, предварительно посоветовавшись, распределил, кто из его помощников в какую роту пойдет. Старшему лейтенанту Федорову он приказал проверить и доложить о готовности подразделений к ночным занятиям.

— Ну а вы, лейтенант, — посмотрел комбат на меня, — на первых порах на ночное занятие пойдете со мной. А сейчас идите и по-настоящему устраивайтесь. Останется время, ознакомьтесь со штабной «бухгалтерией». Она у нас не громоздкая: планы боевой подготовки да книги учета личного состава, коней, боевой техники и транспорта. Архивы не держим. Да, я полагаю, вся эта «премудрость» вам давно знакома...

Июльские дни полетели незаметно. День и ночь находясь то на тактическом поле, то на стрельбище, я постепенно вживался в батальонный коллектив. Мне по душе была эта новая динамичная служба.

В ночь на 20 июля батальон вместе с другими подразделениями полка совершил непродолжительный марш в сторону линии фронта, и мы сосредоточились в километре к востоку от деревни Херенка-первая...

От командира полка старший лейтенант Степанов возвратился в полдень. У штабного шалаша его ожидали Горбунов, Делиболтоян, Федоров и я.

— Итак, дорогие товарищи, нам приказано занять оборону. На этот раз предстоит мокнуть в южной части болота Сучан, — сказал комбат, развертывая топографическую карту на сбитом из неструганых досок столике.

Мы внимательно стали разглядывать карту, испещренную красными и синими пометками.

— Да, действительно, кругом болота, а сухое место в километре отсюда, но оно занято противником, — со вздохом произнес Федоров.

И. П. Степанов

— Не исключено, что за это «сухое место» и придется нам вскоре прощупать фашиста, — предположил Делиболтоян.

— Обстановка подскажет, а старшее командование укажет, чем нам надо будет заниматься, — остановил прения Степанов. — А теперь слушайте нашу задачу. Подразделения полка в ночь на 26 июля должны сменить 717-й стрелковый полк 170-й стрелковой дивизии. Наш батальон занимает оборону на левом фланге полка, напротив населенного пункта Васильевщина. Направление это считается наиболее ответственным. Поэтому район обороны батальону определен небольшой, около полутора километров по фронту. Это позволит нам боевой порядок построить в два эшелона. К примеру, в первом эшелоне первая и вторая роты, во втором — третья.

Степанов сделал небольшую паузу, давая возможность присутствующим вникнуть в сказанное. Очевидно, он предполагал, что сейчас последуют вопросы, но их никто не задавал. Я молчал, понимая, что Степанов не от меня, новичка, ждет вопросов: моя обязанность пока — внимательно слушать и выполнять то, что прикажут.

— Если вопросов нет, пойдем дальше...

Дальше были распределены огневые средства по ротам, намечены мероприятия, которые нужно провести при выдвижении подразделений к переднему краю, смене войск.

— Ну а теперь, товарищи, — произнес Степанов, глядя на ручные часы, — немедленно приступайте к работе. Времени у нас в обрез.

Мы разошлись. Нахлынувшие заботы поглотили остаток дня. В 22 часа, построившись в одну колонну, батальон выступил из района расположения. Впереди шла разведка. В полку наш второй батальон двигался головным, а замыкающим — третий и спецподразделения. По замыслу командования полка это обеспечивало быстрый вывод батальонов в назначенные им районы обороны.

Через полчаса совсем стемнело. По колонне раздалась команда «Не курить». Утих с полудня шумевший лес. Молчали гвардейцы. И только звук шагов да размеренный скрип и стук колес повозок нарушали ночную тишину.

А со стороны Рамушево до нас донеслось завывание моторов вражеских самолетов. Это фашистские транспортные самолеты подбрасывали подкрепления, боеприпасы, продовольствие и другие материальные средства своим войскам, находившимся в полуокружении в районе Демянска.

К полуночи батальон прошел полусгоревшие Большие Дубовицы, свернул с дороги вправо, спустился в широкую долину, пересек небольшой ручеек, втянулся в густой влажный и темный лес, остановился...

И вот уже воины 717-го стрелкового полка полусшепотом и жестами рассказывали гвардейцам, прибывшим для смены, о режиме огня противника, об особенностях стрельбы из своих пулеметов, передавали им огневые схемы-карточки. Затем, уступая свои места прибывшим, они выстраивались в цепочку, тихо уходили в темноту...

В штаб батальона я возвратился на ранней заре. Подоженные ее холодным пламенем, горели макушки и стволы елей, сосен, причудливо краснел дымок от одинокой батальонной кухни. Еще издали я увидел комбата Степанова и адъютанта старшего Федорова возле наспех сделанного шалаша. «Федоров уже докладывает о проделанной работе, — подумал я. — Надо и мне собраться с мыслями...»

Ночью я занимался размещением медицинского пункта, пункта боепитания, хозяйственного взвода батальона, налаживал связь с соседями, организовывал комендантскую службу.

Спустя некоторое время на командный пункт возвратился замкомбата Делиболтоян с представителем сменяемого полка. Выслушав их доклады и уточнив некоторые вопросы, касающиеся подготовленных для огневых точек инженерных сооружений, Степанов подписал акт о приеме обороны.

— Итак, первый шаг в выполнении боевой задачи сделан. Оборона батальоном занята, — сказал нам Степанов, когда проводил представителя сменного полка. — О ее укреплении будем думать на свежие головы, а теперь надо немного и подремать...

Заснуть сразу, однако, нам не удалось. К шалашу подошли военфельдшер Оксана Петухова и капитан Андрей Афанасьев, батальон которого занимал оборону во втором эшелоне.

— Кажется, не вовремя вы, Оксана Федоровна, привели меня к своему начальству. Оно на покой укладывается, — сказал Афанасьев вместо приветствия.

— Почему не вовремя? У нас всегда найдется несколько минут для разговора с хорошими людьми, — ответил Иван Петрович, поднявшись на локте. — Говорите, зачем пожаловали.

— Прибыли организовывать взаимодействие...

— Взаимодействие организуют в установленное время, а не когда захочется непоседливому человеку, — улыбнулся Степанов.

Иван Петрович Степанов и Андрей Петрович Афанасьев крепко дружили. Они оба были уроженцами Ленинградской области: Степанов — из деревни Мельковичи, а Афанасьев — из города Чудова. Дружба их началась еще тогда, когда они, будучи в одном батальоне — Степанов в должности заместителя командира батальона, Афанасьев — адъютанта старшего, — участвовали в тяжелых боях с гитлеровцами, рвавшимися с внешнего фронта на выручку своим частям, окруженным в районе Демянска. Они были в чем-то даже внешне похожи — оба рослые, белокурые. Степанов был лет на девять старше своего товарища, но выглядел моложе своих лет. Немного медлительный в движениях, он держался просто, был всегда откровенен, в бою действовал смело, хладнокровно, решительно. Афанасьеву совсем недавно перевалило за двадцать. В отличие от товарища порывистый, всегда улыбающийся, в бою Афанасьев не уступал в храбрости Степанову. Бойцы любили их и верили им. Военфельдшер Оксана Петухова была тоже уроженкой Ленинградской области. Многим десяткам воинов под огнем противника она оказала первую медицинскую помощь.

Два комбата тихо поговорили о своих заботах, о том, что можно на новом месте сделать для укрепления обороны, как укрыть бойцов от непогоды. Когда Афанасьев и Петухова ушли, усталость взяла свое: мы уснули.

В седьмом часу Федоров разбудил Степанова. Утро выдалось погожим. Теплые лучи солнца и легкий ветерок, поднимавшийся над лесом, разогнали туман, высушили росинки на иголках елей и сосен. Комбат уселся за деревянным столиком, накрытым, как скатертью, топографической картой. Сделанная из гильзы снаряда пепельница и полевой телефон не давали порывам ветра свернуть карту. Иван Петрович только что разговаривал по телефону с командирами рот. Их доклады о состоянии обороны дополняли те сведения, которыми располагал комбат. Наиболее слабым местом в обороне была система огня. В настоящий момент она была примерно такой же, как и в 717-м стрелковом полку. А батальон наш располагал большим количеством огневых средств, чем сменный полк. Чтобы расставить имеющиеся ручные, станковые пулеметы и противотанковые ружья по переднему краю, нужно было дополнительно хотя бы десять простейших деревоземляных укрытий. Кроме того, необходимо было оборудовать более прочные блиндажи для командных пунктов рот первого эшелона и штаба батальона.

К столу, за которым сидел Степанов, подошли вызванные им Делиболтоян и Федоров. Их усталые лица и воспаленные глаза свидетельствовали о бессонной ночи. Комбат поделился с ними своими соображениями о состоянии обороны, а затем, улыбнувшись, спросил:

— Ну так что будем делать, стратеги мои?

— Совершенствоваться, — расчесывая слипшуюся, цвета вороньего крыла шевелюру, произнес Делиболтоян.

— Вот именно, совершенствоваться! Правильно думаешь, Делиболтоян. Будем совершенствоваться. Дел у нас много. Но носа вешать не будем. Местность-то здесь лесисто-болотистая. Лес —

это строительный материал. Сейчас производить какие-либо работы на переднем крае небезопасно. Поэтому сегодня днем здесь, в тылу, надо заняться изготовлением угольников для дзотов, срубов и накатников для блиндажей командиров рот и наблюдательного пункта батальона. Угольниками займется Делиболтоян, а срубами — Федоров. Работу эту надо закончить к наступлению сумерек, чтобы за ночь заготовки переправить на передний край. Вязанкину поручается уточнить стык батальона с соседом слева — 22-й гвардейской стрелковой дивизией, составить схему, отразить на ней все огневые средства.

Утром 27 июля старший лейтенант Степанов, как и в прошлый раз, собрал своих помощников на летучку, чтобы подвести итоги проделанной за ночь работы, поставить новые задачи. Однако совещание не состоялось. Комбат срочно был вызван на командный пункт полка.

Около 11 часов Иван Петрович позвонил из штаба полка и приказал Федорову к 12 часам всем собраться вновь и ждать его возвращения. Минут через сорок старший лейтенант уже был в батальоне. Мы все заметили, что он чем-то сильно озабочен.

— Друзья! Нам приказано срочно готовить батальон к наступлению, — сказал Степанов. — Начало его назначено на семнадцать часов сегодня.

Все невольно посмотрели на свои часы. На щеках Делиболтояна зардел смуглый румянец. Заскрипел самодельный стул под Федоровым, короткая шея его втянулась в воротник гимнастерки. Провел невольно пальцем и я по своему белому подворотничку, словно он стал сильнее давить на горло.

В том, что батальону придется наступать, никто из нас не сомневался. Все ждали этого часа. Но сейчас мы были обеспокоены, озадачены тем, что на подготовку наступления, по существу, не отводилось времени. Мало мы знали еще и о противнике, системе огня его обороны. Но приказ получен. На войне приказы четко выполняются...

— Задача батальона следующая, — продолжал комбат. — Прочесать впереди лежащую рощу, выбить оттуда противника и закрепить его на рубеже, проходящем у болота в пятистах метрах к северо-западу от Васильевщины. Вот здесь, — показал комбат на отметку 30,9 остро отточенным карандашом. — Батальону придается: батарея 76-миллиметровых пушек капитана Чистякова, 2-я и 3-я роты минометного батальона капитана Соболева. Кроме того, батальон будут поддерживать первая батарея 31-го минометного дивизиона и 1-й дивизион 61-го гвардейского артиллерийского полка дивизии. Перед началом атаки планируется десятиминутная артиллерийская подготовка.

Степанов умолк. Толстый цветной карандаш был сжат в его крепком кулаке, который без стука опустился на карту, невольно привлекая внимание к ней командиров.

— Времени у нас, дорогие товарищи, очень мало, а сделать предстоит многое. Я вам передал содержание приказа так, как услышал его от командира полка майора Белоусова. Вы, наверное, заметили,

что он сформулирован как прочесывание рощи. В действительности это будет для батальона настоящее наступление — трудный и тяжелый бой. Говорю я вам об этом потому, — продолжал Степанов, — что перед нами, вы это и сами знаете, оборона противника состоит из хорошо организованной системы огня, пулеметы укрыты в прочных деревоземляных сооружениях. Подступы к ним заминированы, местами прикрыты проволочным заграждением. И несмотря на все это, батальон с поставленной задачей должен справиться. Для этого, — подчеркнул комбат, — мы имеем: во-первых, хорошо подготовленный личный состав, ненавидящий врага; во-вторых, достаточное количество средств подавления; и в-третьих, на нашей стороне внезапность и инициатива...

А. Л. Горбунов
(фото довоенных лет)

Иван Петрович довел до нас и свое решение: боевой порядок в наступлении сохраняется тот, который батальон уже занимает — в два эшелона. В первом — вторая и первая роты, во втором — третья. Проходы в минных полях и проволочном заграждении противника сделают артиллерия и полковые саперы.

Часам к тринадцати в батальон прибыла группа командиров штаба полка и политработников, командиров приданных и поддерживающих огневых средств.

Неожиданно возвратился из медицинского пункта заболевший комиссар батальона Александр Леонтьевич Горбунов. Вид его был необычным: гимнастерка местами темнела влажными подтеками, из-под выгоревшей пилотки, окаймленной снизу белой волнистой линией проступившей соли, по лицу крупными каплями стекал пот. Чувствовалось, что он спешил, а сил было маловато — организм еще не окреп после болезни. Его не вызывали, но он пришел. Не в его характере было оставаться в стороне от больших дел. Комбату он так и сказал: «Как услышал, что наш батальон получил задачу наступать, сбежал из медсанбата. В бою надо быть вместе с батальоном...»

Всем собравшимся на командном пункте было предложено небольшими группами выдвинуться на наблюдательный пункт.

В половине второго Степанов отдал боевой приказ на наступление, организовал взаимодействие, дал указание по боевому обеспечению. Командиры ушли в свои подразделения. Политработников Горбунов попросил задержаться. Здесь же, на НП, он провел совещание.

Александр Леонтьевич хорошо понимал сложность обстановки: гвардейцы батальона всего лишь второй день находились в обороне, но, получив задачу прочно укреплять и удерживать занимаемые

позиции, усердно ее выполняли. Теперь же им предстояло наступление. В обороне они должны были, укрывшись в дзоте или просто в траншее, из своего оружия уничтожать врага, если он пойдет в атаку. Психологически это всегда, особенно в лесисто-болотистой местности, было легче, чем самым подниматься в наступление, с винтовкой или автоматом идти на тщательно укрытую вражескую пулеметную точку, бросаться в штыковую атаку. Не каждый боец может быстро душевно перестроиться...

Чтобы поднять у воинов боевой порыв, нужны были психологическая и моральная подготовка, наступательный настрой гвардейцев. Этим и был озабочен комиссар батальона. Ротным политработникам Горбунов советовал, как довести до каждого воина цель предстоявшего боя, конкретную боевую задачу и способы ее выполнения. Он рекомендовал им в своей роте больше опираться на коммунистов и комсомольцев, именем партии поднять боевой наступательный дух бойцов, вселить в них веру в выполнение задачи, в победу.

Должен сказать, что с того дня, как батальон занял оборону на передовой, усилился приток заявлений от бойцов и командиров с просьбой принять их в ряды Коммунистической партии или Ленинского комсомола. В заявлениях они писали, что обязуются бить гитлеровцев так, как подобает коммунисту, комсомольцу. «В предстоящем бою буду грозой для фашистов. Если умру, умру героем. Прошу считать меня коммунистом», — заверял красноармеец Фасухутдинов. «Я участник боев под Ленинградом и Москвой, два раза был ранен. Прошу принять меня в кандидаты ВКП(б), желаю в бой идти коммунистом, чтобы отомстить врагу за свою кровь и кровь товарищей», — предельно четко и лаконично выразил свое желание красноармеец Н. И. Киторов.

В этих заявлениях Горбунов видел тот боевой порыв воинов, который необходимо было непрерывно поддерживать. Комиссар передал заявления секретарю партийного бюро полка батальонному комиссару А. Д. Левашову с просьбой рассмотреть их на партийном бюро и принять воинов в партию до боя.

В 16.30 работа по подготовке наступления закончилась. Гвардейцы были готовы обрушить на врага всю силу своего оружия.

Все с нетерпением ждали сигнала начала атаки — серии зеленых ракет. Ждал его и я вдвоем со связистом сержантом А. Е. Плитиным, дежурившим у штабного телефона. Из своего укрытия мы с волнением смотрели в сторону наблюдательного пункта. Перед фронтом батальона враг молчал. Казалось, что мир и спокойствие царили вокруг. И только редкие, глухие разрывы мин или артиллерийских снарядов, доносившиеся откуда-то издалека, напоминали о том, что идет война...

Но вот ровно в 17 часов над лесом взметнулись зеленые ракеты. От грохота орудий, огневые позиции которых находились недалеко от командного пункта, заболели уши. Над лесом, там, где рвались снаряды, за клубился черный дым.

Шквал артиллерийского огня нарастал. Появились разрывы на минном поле гитлеровцев. Наши гвардейцы внимательно наблюдали за артиллерийской подготовкой, мысленно намечали путь своего броска.

Над лесом взвились ярко-красные ракеты. Огонь орудий и минометов переместился в глубину вражеской обороны. Командиры и политработники с возгласом «За Родину, за партию вперед!» повели своих бойцов в атаку. В грохот боя влились мощные звуки «ура» — боевого клича советских воинов.

Фашисты, ошеломленные внезапным артиллерийским ударом, в первые минуты огня не открывали. На это и рассчитывал комбат Степанов, на это он обращал внимание командиров рот при постановке им боевой задачи. Гвардейцы, ведя огонь на ходу, быстро проскочили стометровку нейтральной полосы, преодолели вражеские заграждения и, забросав гранатами уцелевшие вражеские дзоты, овладели отдельными из них. Гитлеровцы не выдержали напора гвардейцев и отступили.

Однако вскоре враг начал приходить в себя. Из дзотов второй линии застучали пулеметы, в боевых порядках наступающих рот начали рваться вражеские мины и снаряды. Сопротивление фашистов с каждой минутой нарастало. Встреченные организованным пулеметным и минометно-артиллерийским огнем, подразделения батальона несли потери. Но движение вперед не прекратилось. Оно стало только медленнее: короткими перебежками — между дзотами, ползком — перед их фронтом.

Минут через тридцать после начала атаки в районе штаба батальона появились первые раненые. С течением времени их становилось все больше. Многие шли, неся свое оружие, некоторых бойцов вели под руки или несли на носилках.

Я решил проверить, как обстоят дела на медпункте. Там уже находилось более 20 раненых. Оксана Петухова быстро осматривала прибывших с передовой. Работа так и горела у нее в руках. Тяжело раненным она оказывала помощь в первую очередь и на санитарных повозках отправляла их в полковой медпункт, легко раненных перевязывала и отправляла туда своим ходом. Закончив перевязывать рану одному, она подзывала следующего или сама подходила к нему, ласково подбадривала каждого. «Спасибо, дорогая сестричка, за ласку, вот и легче стало...» — благодарили Оксану бойцы.

Убедившись, что на медпункте дела идут нормально, я возвратился на командный пункт. И как раз вовремя. Зажужжал зуммер полевого телефона. Сержант Плитин передал мне трубку. «Организуй поднос боеприпасов в роты, а сам приходи на наблюдательный пункт. Федоров ранен», — услышал я голос Степанова.

Кольнуло в груди, застучало в голове: «Федоров ранен, Федоров ранен!» Но горевать было некогда. Я быстро выскочил из укрытия, побежал на пункт боепитания.

— Есть ли здесь подносчики боеприпасов из рот? — спросил я у командира взвода боепитания старшины Амосова.

- Пока еще не пришли.
- А где ваши бойцы?
- В укрытии.
- Быстрее зови же их сюда...

Пришли два бойца. «С ними много не унесешь», — подумал я и вдруг увидел: ротные санитары на медпункт пронесли раненого.

— Вот что, Амосов. Срочно зовите сюда санитаров с носилками, — распорядился я.

— Есть! — заспешил выполнить указание Амосов.

Старшина Амосов, высокий, худой и на вид нескладный, службу свою нес исправно. Вот и сейчас ящики с патронами и гранатами у него были заранее подготовлены для ручного переноса, уложены в специальные ровики.

Прибежали санитары, загрузили носилки гранатами, наполнили патронными упаковками вещевые мешки красноармейцы Амосова.

— Быстрее, быстрее грузитесь, — озабоченно торопил я свою команду. — Взять еще по ящику гранат в руки!

Вскоре команда подносчиков вместе со мной двинулась на передовую. Расстояние было небольшим, но на пути лежала открытая заболоченная низина, которая простреливалась со стороны населенного пункта Рыкалова. Над нашими головами послышался свист пуль, заставлявший инстинктивно прижиматься к земле. Однако бой не ждал. Там, впереди, гранаты и патроны решали все. И мы спешили. То во весь рост бегом, то пригнувшись шагом или ползком, обливаясь потом и пренебрегая опасностью, прямо через «долину смерти», как успели прозвать эту впадину воины батальона.

Но вот опасная зона осталась позади. На опушке леса все перевели дух, и я распорядился доставить боеприпасы в роты, а сам поспешил к командиру батальона. По пути опять стали встречаться раненые. Несколько глубже, в лесу, я наткнулся на группу человек из десяти. Некоторые из них могли передвигаться сами, но не знали пути, поджидали санитаров. «Эх, не поставил указки, — мысленно укорял я себя. — Да, маловато времени было...»

Недалеко от наблюдательного пункта встретил двух санитаров с носилками, на которых лежал адъютант старший Александр Афанасьевич Федоров. Лицо его было бледно, покрыто бисеринками холодного пота. Федоров обрадовался встрече со мной, его непосредственным подчиненным.

— Как себя чувствуете, Александр Афанасьевич? — осведомился я.

— В ногу, осколком мины, кажется, кость повредило. Но ничего, я еще вернусь... Иди, дорогой, к комбату. Он один там... — превозмогая боль, произнес Федоров.

— Поправляйся, Александр Афанасьевич... До свидания...

Я с трудом втиснулся в узкий лаз блиндажа комбата, тесно набитого знакомыми и незнакомыми артиллеристами и минометчиками. Возбужденные боем, они смотрели на Степанова, внимательно слушали его распоряжения. Иван Петрович сидел у световой прорези

блиндажа, склонив голову над картой. Я доложил ему о доставленных боеприпасах.

— Хорошо! — удовлетворенно сказал комбат. — А теперь свяжись с командирами стрелковых рот, передай им мое приказание: доставленные боеприпасы быстрее распределить между бойцами и быть готовыми возобновить наступление.

Я сел за телефон, а Степанов продолжал увязывать действия с артиллеристами.

— Подавить, а лучше уничтожить фланкирующий пулемет у опушки леса, минометную батарею на восточной окраине Рыкалово, артиллерийскую — юго-восточнее Васильевщины... — слышал я его голос. — Воспретить гитлеровцам накапливать резервы в районе изгиба дороги Большие Дубовицы — Васильевщина...

Настало время артиллерийской подготовки. В небо с шипением взмыла сигнальная ракета. Воздух и болотистая земля вновь начали содрогаться от выстрелов пушек, разрывов мин и снарядов. Степанов сам обзванивал командиров рот. Сначала Ипатову, затем Щербакову он вновь напомнил, как лучше использовать артиллерийский удар, дружнее поднять людей в атаку вслед за разрывами снарядов в тот момент, когда огонь будет переноситься в глубину вражеской обороны; Гагаринскому он напомнил: быть в готовности ввести роту в бой.

В 19.20 командиры стрелковых рот под грохот разрывов снарядов и трескотню ружейно-пулеметных выстрелов повели своих бойцов в атаку. Степанов приказал мне быть у телефонов, а сам вышел наблюдать за полем боя в стереотрубу минометчиков, установленную на дереве вблизи блиндажа.

Оставшись в укрытии, я мог судить о ходе боя по все усиливавшемуся грохоту орудий, частой, с захлебом трескотне пулеметов. Фашисты бешено сопротивлялись. Но трудно было уже остановить новый бросок гвардейцев, большая часть которых были коммунисты и комсомольцы.

Зазуммерил телефон, связывающий штаб с первой ротой. Я бросился к нему, выхватил трубку у дежурного телефониста.

— Ну что там у вас? — нетерпеливо спросил в микрофон. — Ипатов ушел далеко вперед, говоришь? Лады. Разрешаю идти за ним.

«Молодцы ипатовцы, прорвались», — подумал я, передавая трубку телефонисту.

Увлекаемые своим командиром, бойцы первой роты с ходу овладели дзотами второго рубежа обороны и, расчищая дорогу огнем, устремились в глубину, к третьей позиции вражеских укреплений, к последнему рубежу боевой задачи. Но там гитлеровцы оказывали сопротивление еще ожесточеннее.

Прикрываясь камышами, бойцы Ипатова обошли справа главный дзот и ударили по нему с фланга. Враг не выдержал, побежал. Гвардейцы били ему в спину. Овладев тремя дзотами, рота вскоре вышла на опушку леса, выполнив свою боевую задачу.

У второй роты, наступавшей на левом фланге батальона, дела шли менее успешно. Там гитлеровцы сопротивлялись еще отчаяннее. Наиболее ожесточенный бой разгорелся также за третью позицию,

на подступах к которой лежало небольшое болотце, скрывавшее маневр подразделений. Гитлеровцы же сидели на противоположном берегу в добротных блиндажах и окопах, прикрытых крупными деревьями.

День был на исходе. Красный диск солнца опускался за деревьями, червонным золотом вырисовывая островерхие макушки елей на подернутом серой дымкой небе. В блиндаже комбата зачадил самодельные светильники. Степанов сидел у телефона, по которому только что разговаривал с командиром дивизии генералом И. И. Миссаном. Передав трубку телефонисту, комбат посмотрел на сидевших рядом командиров. Скуластое лицо его было бледно и сурово.

— Генерал Миссан у меня спрашивает: доколь мы будем топтаться на месте? А мне позвольте спросить вас, «боги войны», сможете ли вы наконец разрушить те злосчастные дзоты, которые мешают нам выполнить боевую задачу? Или вы будете уповать на лес и на ваш принцип «не вижу — не стреляю»? Надо с этим кончать, дорогие товарищи... Что вы предлагаете?

Ближе к комбату с картой в руке сидел командир артиллерийской группы старший лейтенант Парасочка.

— Разрешите, Иван Петрович!

— Говорите, Иван Зиновьевич, — кивнул ему Степанов.

— Мне кажется, что эти дзоты можно подавить лишь общими усилиями, так сказать сосредоточенным, массированным ударом артиллерии и минометов всех калибров.

— Правильно говорит Парасочка! — поддержал его комиссар минометного батальона полка старший политрук В. Г. Егоров.

— А я предлагаю выкатить на прямую наводку взвод 76-миллиметровых полковых пушек батареи Чистякова, — сказал начальник артиллерии полка капитан Н. Н. Шинкаренко.

— Ну что ж, и это предложение заслуживает внимания, — поддержал его комбат.

— У меня есть еще одно предложение! — поднялся из дальнего угла командир минбата полка В. С. Соболев.

— Выкладывайте и его.

— Наблюдательные пункты, с которых мы осуществляем корректировку огня, находятся на прежних местах, а пехота продвинулась вперед. Видимость ухудшилась. Их надо бы переместить ближе к переднему краю.

— Правильно, Василий Сергеевич. Но кто мешает вам это сделать?

— Никто. Нужно только время.

— Времени для оборудования новых НП у нас нет. Сами видите, что до наступления темноты осталось не более часа. Мне думается, можно обойтись временными. Посадите на ель грамотного минометчика с биноклем — вот вам будет и НП, корректируйте с него огонь, как с настоящего... Есть еще предложения? Нет.

Степанов встал, на минуту задумался, а потом сказал:

— Ну что ж, предложения дельные, их надо принять. Так и решим: нанесем огневой удар на узком участке наступления второй роты и повторим атаку, нарастив ее силу вводом в бой третьей роты.

Во вторую роту ушли комиссар батальона старший политрук А. Л. Горбунов и секретарь партийного бюро полка батальонный комиссар А. Д. Левашов. В третью роту комбат послал своего заместителя лейтенанта К. А. Делиболтояна. Там же находились инструктор пропаганды полка батальонный комиссар И. А. Докучаев и секретарь бюро ВЛКСМ политрук С. Г. Куркин.

Степанов был уверен, что теперь вражеские укрепления будут прорваны, боевая задача выполнена.

А события развивались так.

Впереди все стало багровым. Артиллерийские снаряды и мины рвались то на земле, то вверх, в кронах деревьев. Вражеские дзоты заволокло дымом.

Непрерывно перестукивались пулеметы на переднем крае. Особенно красноречиво вели разговор «максимы» на участке первой роты, создавая видимость общего наступления. А тем временем третья рота вышла на рубеж ввода в бой. И как только огонь артиллерии с переднего края стал сползать в глубь обороны, бойцы роты с криком «ура» ринулись на врага... Одновременно поднялась в атаку и вторая рота. Ее повел сам командир, коммунист Щербаков.

Фашисты, видимо, ожидали атаку. Их пулеметы заработали дружно, трассы летели откуда-то из глубины, врезаясь то в землю перед цепью гвардейцев, то в стволы деревьев. С каждой минутой стрельба с вражеской стороны усиливалась. В нее вплеталась стрелковая автоматов, трижды проскрипел шестиствольный миномет. Боевой порядок роты затянуло серым, кислым дымом. Осколком вражеской мины на глазах бойцов убило лейтенанта Щербакова. Но не остановились гвардейцы. Таков закон атаки. Командование ротой принял на себя заместитель командира кандидат в члены ВКП(б) младший лейтенант А. В. Бабий.

— За мной, вперед! — скомандовал он. — Отомстим врагу за нашего командира! — И впереди цепи устремился на врага.

Гитлеровцы не выдержали стремительного натиска, побежали. Бабий открыл по ним огонь из автомата, двоих сразил наповал. Однако и у самого подкосились ноги, упал. К нему подбежал санитар, чтобы перевязать рану...

Однако и на этот раз рота не осталась без командира. За цепью шли комиссар батальона А. Л. Горбунов и секретарь партбюро полка А. Д. Левашов. Они видели, как ранило Бабия. «Только бы не залегли бойцы, только бы не сорвалась атака!.. — застучало в висках у Горбунова. — Только вперед!..» И комиссар возглавил атаку роты.

До опушки леса оставалось полторы-две сотни метров, две-три огневые точки, укрытые в деревоземляных сооружениях.

— Товарищ комиссар! Левый фланг отстает, — доложили Горбунову.

Александр Леонтьевич на миг остановился. Осмотревшись, он бросился туда, к отстававшим.

— Гвардейцы! За Родину, за мной, вперед на врага!..

Рванулись бойцы за своим отважным комиссаром. До ближайшего дзота оставались считанные метры. Сознание фиксировало в этой обстановке каждый такой шаг. Еще один, еще... Ох, как трудны эти последние метры под огнем! Вдруг дзот замолчал. Но зато справа, за ним, появились два фашиста, укрывавшиеся за стволами деревьев. Их автоматы начали выплескивать огненные трассы. Старший политрук Горбунов присел за деревом, приготовился к броску гранаты, затем, поднявшись во весь рост, с силой бросил ее и устремился вперед, но тут же с разбегу упал. Однако старший политрук успел заметить, как несколько человек справа от него ползли по-пластунски. Это были сержанты Васин и Козлов и боец Кузнецов. Перед боем они приходили к комиссару, подали заявление о приеме в партию.

— Молодцы! Хорошо воюете! — подбодрил гвардейцев комиссар.

Между тем там, впереди, продолжали захлебываться огнем вражеские автоматы. Надо было поднимать бойцов в атаку. Горбунов вскочил и, сделав несколько шагов, крикнул:

— Встать! Вперед, гвард...

Желто-красная струя огнемета, молнией полоснувшая из амбразуры замолчавшего было дзота, оборвала призывный клич комиссара. Он упал, но гимнастерке и шароварам побежали красные языки пламени...

Святая месть за любимого комиссара понесла гвардейцев вперед. С еще большей яростью обрушились они на врага...

Но вернемся в блиндаж комбата.

Минут двадцать спустя после начала атаки Степанов решил узнать, как идут дела в третьей роте. Но связь с ней оборвалась. Комбат собрался было отругать командира взвода связи лейтенанта Анатолия Стрельченко, но раздумал и посмотрел на меня, намереваясь дать какие-то распоряжения. В это время в блиндаж буквально ужом вполз связной из третьей роты.

— Товарищ старший лейтенант! Красноармеец Курбан Мадалеев прибыл с донесением от командира роты!

Посмотрев на вспотевшее лицо связного, Степанов взял записку. Нагнувшись к светильнику, сделанному из гильзы снаряда, стал молча читать. Я не отрываясь смотрел на комбата. По выражению его лица догадался, что Степанов действиями роты Гагаринского доволен. А затем произошло что-то странное: лицо комбата сделалось суровым, брови сдвинулись, заходили желваки на скулах. «Нет, в роте не все в порядке, там что-то случилось», — подумал я.

— Гагаринский доносит, — произнес глухим голосом Степанов, — атака началась успешно. Однако на подступах к вражеским дзотам рота попала под плотный огонь минометов, есть потери... Ранен Де-либолтоян... Жалко нашего Константина... — И тихо, как бы про себя прошептал: — Большой урон несем мы от этих фрицевских шестистволок. Не научились еще наши артиллеристы бороться с ними...

П. С. Кусков и К. А. Делиболтоян (фото 1982 года)

Степанов повернулся лицом ко мне. Ноздри его раздувались, губы были плотно сжаты.

— Вот что, дорогой мой тезка, — сказал Иван Петрович каким-то странным голосом. — Не хотелось посылать тебя в бой, пока не обвыкнешь. Но обстановка вынуждает... Ступай в третью роту и передай Гагаринскому мой приказ: занять весь южный выступ леса, тянувшийся вдоль болота. Проследи за выполнением этого приказа. При закреплении рубежа организуй локтевую связь его роты с левым флангом первой. Учти, что здесь возможна контратака гитлеровцев. О ходе боя докладывай... — Затем Степанов положил руку на мое плечо и тихо сказал: — Да, вот еще что: не лезь на рожон под пули, береги себя...

Я впервые увидел таким своего комбата, смелого и мужественного человека. В прошедших апрельско-майских боях, будучи еще заместителем командира батальона, он в трудную минуту не раз брал на себя командование ротой, бесстрашно вел ее в контратаки. А сейчас говорит: «Не лезь на рожон... береги себя». Видимо, почти одновременная потеря трех ближайших помощников сильной болью отозвалась в его сердце...

В роту я пошел вместе с Мадалеевым. Бой был в разгаре. Но связной смело вел меня вперед. Спустя некоторое время мы достигли рубежа, по которому проходил передний край вражеской обороны. Вскоре увидели командира роты лейтенанта Гагаринского, который, укрываясь за поваленным деревом, наблюдал за полем боя. Меня и связного он заметил еще издали и взмахом руки подал сигнал, чтобы добирались до него ползком.

Обстановка, сложившаяся в роте, оказалась своеобразной: правофланговый взвод уже вышел на опушку леса, выполнил свою задачу и залег. Второй и третий взводы также остановились, но им предстояло преодолеть еще 200—250 метров, так как опушка леса углом уходила в сторону вражеской обороны. На этом лоскутке изрыгали огонь четыре мощных дзота: три впереди в линию и один в глубине за ними. Рота вела здесь огневой бой.

Для лейтенанта Гагаринского сейчас вокруг ничего не существовало, кроме лежавшего впереди лесного треугольника. Он мучительно думал, как вновь поднять бойцов и выбить оттуда врага. Но вот заработала связь с комбатом. Я доложил Степанову обстановку. Был быстро организован еще один мощный артиллерийско-минометный налет. А время подгоняло Гагаринского. Видимость с каждой минутой ухудшалась. И он решил, что во время артналета бойцы ползком выдвинутся как можно ближе к дзотам, а потом стремительным рывком приблизятся к ним вплотную.

Приняв такое решение, Гагаринский стал с нетерпением ждать начала артналета. И как только разорвались первые снаряды и мины, лейтенант пополз в цепь бойцов, и от гвардейца к гвардейцу понеслась команда: «На пятьдесят метров вперед — ползком, марш!»

В момент, когда артналет заканчивался, командир роты встал во весь рост с поднятым пистолетом в руке, громко крикнул:

— За Родину, за партию, вперед! — и стремительно бросился вперед.

Огрызнулись фашистские минометы. Первые мины упали позади боевого порядка роты. Однако гитлеровцы быстро скорректировали свой огонь. Совсем близко от бойцов стали рваться мины, засвистели в воздухе пули. Но поздно. Командир левофлангового взвода младший лейтенант Н. А. Газетов гранатами выбил из дзота его гарнизон и завязал штыковой бой с уцелевшими фашистами. Не уступали в отваге и гвардейцы второго взвода. В жарком ближнем бою были захвачены два других дзота. Остался четвертый — последний в этой рожице. Как позднее выяснилось, он был хорошо укрепленным, командирским, подготовленным к обороне с нескольких направлений и мало пострадал от артналета. Все подступы к нему простреливались.

Но исход боя предрешили наступившая темнота и отважный, дерзкий маневр отделения коммуниста сержанта Е. Кеньжина из взвода Газетова. Кеньжин с бойцами своего отделения по болотистой низине, поросшей мелким кустарником, обошел дзот с левого фланга. Сокрушительным был удар смельчаков. Гранатами и в рукопашном бою было уничтожено более десятка гитлеровцев, в том числе два офицера. Гвардейцы захватили три пулемета, несколько автоматов, большое количество боеприпасов. Позднее все бойцы этого отделения командиром батальона были представлены к правительственным наградам.

Гитлеровцы обрушили на рощу шквал артиллерийского огня. Воздух содрогался от разрывов. Осколки мин и снарядов с тонким свистом пронизывали воздух, срезали макушки деревьев, срывали

их ветви. Но гвардейцы первого батальона прочно закрепились на опушке и зарывались в землю.

К полуночи наступило относительное затишье. Гитлеровцы не часто отваживались на ночной бой. Я обошел весь новый передний край батальона. Несмотря на усталость, гвардейцы занялись укреплением обороны. Оборудовались огневые позиции для пулеметов, там, где позволял грунт, отрывались окопы. На болотах и в низинах сооружались насыпи и дерево-земляные укрытия.

Нанеся на карту рубеж, который занял батальон, и указав места, где расставлены пулеметы, пушки и минометы, я возвратился на наблюдательный пункт.

...У могил состоялся короткий митинг. О комиссаре Горбунове говорил секретарь партбюро полка Левашов.

— Несмотря на то что ежедневно вокруг себя видишь смерть, гибель Александра Леонтьевича потрясла нас всех. Это честный, скромный, принципиальный при решении любых вопросов человек, смелый и решительный в бою, преданный боец Родины, партии. Он твердо верил в нашу победу, отдав за нее самое дорогое — жизнь. Клянемся тебе, наш боевой друг, Александр Леонтьевич, что мы не дрогнем в бою, отомстим за тебя ненавистному врагу!..

У Левашова, как и у многих из нас, подступил ком к горлу, и он умолк.

После других выступлений прозвучал троекратный залп из всех видов стрелкового оружия. Над могилой вырос холмик, увенчанный невысоким обелиском с пятиконечной звездой...

Позднее, 11 августа 1942 года, о комиссаре Горбунове так писала дивизионная газета «Защитник Родины»: «Он погиб как герой, его смерть разжигает в наших сердцах ненависть, зовет к отмщению, к истреблению фашистских оккупантов. Потомки, весь советский народ не забудут героически павшего гвардейца. Они прославят его, им будут гордиться. Гвардейцы не умирают, они бессмертны своими подвигами...»

После похорон Степанов сказал мне:

— А теперь, лейтенант Вязанкин, настало время отчитываться за дела наши ратные, составлять итоговое боевое донесение. Его требует командование полка.

Мы возвратились на КП батальона. Найдя удобное место у штабного шалаша, комбат присел, задумался. Я разместился рядом, из полевой сумки извлек помятый блокнот, карандаш и сказал:

— Я готов, Иван Петрович.

— Готов? Тогда начнем, пиши. Командиру 89-го гвардейского стрелкового полка... В проведенном наступлении... батальон боевую задачу выполнил полностью. Он овладел важным участком леса, обеспечивающим просмотр глубины обороны противника в сторону Рыкалово, Васильевщины. Бой позволил вскрыть принципы построения вражеской обороны в условиях лесисто-болотистой местности, ее сильные и слабые стороны. Оборона врага состоит из опорных пунктов, в которые входят дзоты легкого и тяжелого типа, жилые блиндажи, оборудованные амбразурами для ведения боя, огневые

позиции артиллерии и минометов. В опорных пунктах дзоты располагаются в шахматном порядке, способствующем надежному огневому взаимодействию. В болотистых местах, возле деревоземляных сооружений, созданы насыпные брустверы и жердевые настилы. Боевые действия показали, что гитлеровцы на участке Рыкалово, Васильевщина имеют сильную минометную группировку, включающую шестиствольные минометы. Они умело применяют маневр огнем с других ближайших направлений. Наиболее прицельный, губительный огонь минометов бывает в светлое время суток. Ночью точность огня и стойкость гитлеровцев понижаются...

Степанов замолк, задумался. Лицо его стало печальным, весь он как-то ушел в себя. Потом, как бы оторвавшись от донимавших его мыслей, продолжил:

— Это главные выводы боя. Возможно, старшее командование учтет их при планировании и организации нового наступления... И тогда в какой-то мере окупятся те потери, которые мы понесли... Ну а теперь и о другом, не менее важном...

Назвав отличившихся в бою, комбат заключил:

— И последнее. Бойцы, командиры и политработники в бою приобрели определенный опыт, закалились морально. Клочок советской земли под Васильевщиной — не Сталинград, конечно, но гвардейцы батальона видели в нем всю Новгородчину, Ленинград, Москву. Поэтому в бою вели себя беззаветно мужественно и храбро, презирали смерть во имя победы. Этот бой для каждого из нас явился суровой, но полезной школой. Все! Подписи будут следующие: командир батальона — Степанов, адъютант старший — Вязанкин.

— Иван Петрович, но ведь я не адъютант старший? Нужно ли так?

— Нужно! Мне воевать вместе с тобой. Будешь и старшим!.. А сейчас на всякий случай поставь «за» или просто черточку...

Что ни ночь — то подвиг

Вскоре после моего первого боя был получен новый приказ на наступление. И вот старший лейтенант Степанов и я сидим под вековой разлапистой елью, внимательно изучаем этот приказ, в котором командир полка потребовал ночной атакой овладеть участком дороги Большие Дубовицы — Васильевщина и прочно его удерживать. Вроде небольшой по глубине и протяженности участок проселочного тракта, но он очень сильно укреплен противником. Как овладеть им малой кровью? Как перехитрить гитлеровцев? Как?.. Эти вопросы неотступно преследовали нас.

Наши размышления и разговор были примерно такими: этой ночью будет наступать не один наш первый батальон, а весь полк. В стык между первым и вторым батальонами вводится третий. Полоса наступления нашего первого батальона несколько сужается. Но нам меньше по сравнению с прошлым боем выделили средств подавления: только одну минометную роту и взвод 76-мм пушек. Правда, за

командиром батальона сохраняется право вызова огня артиллерии. Но ночью и эти огневые средства вряд ли окажутся эффективными...

Атаке будет предшествовать короткая артиллерийская подготовка, а точнее — артиллерийско-минометный налет. По опыту прошлого боя мы знали, что таким налетом дзоты врага не удастся разрушить.

— Конечно, — сказал Степанов, — разрушить блиндажи врага одним артиллерийско-минометным налетом нельзя, а вот временно подавить в них гитлеровцев можно. Атаку надо организовать именно с учетом этой возможности. Для этого надо под покровом темноты, еще до начала артподготовки, выдвинуть людей к вражеским позициям на дистанцию броска гранаты.

— Пожалуй, это можно сделать. Подбирались же наши разведчики на такое расстояние!

— Так и сделаем! Подползут и солдаты роты. Время сближения с врагом сократится, и тем самым будет достигнута внезапность атаки.

— Атака! — продолжал комбат излагать свой план. — Так в каком же построении лучше всего ее провести?

— Цепью конечно.

— От нее, традиционной, пожалуй, никуда не уйти. А вот усилить ее особыми, скажем штурмовыми, группами не мешало бы. Как ты, тезка, думаешь?

— Можно попробовать и этот способ. Он в какой-то мере будет неожиданным для гитлеровцев.

— Правильно! Что происходило в бою раньше? В момент, когда пехота после артподготовки завязывает бой с дзотами первой линии, гитлеровцы, располагавшиеся в глубине обороны, успевают прийти в чувство и подготовиться к отражению атаки наших подразделений. Напрашивается вывод: основные усилия атакующей цепи должны быть направлены не на дзоты, а на промежутки между ними. Дзотами, если их не удастся занять с ходу, должны заняться специальные группы, блокируя их с фронта огнем из пулеметов, и этим обеспечить продвижение нашей пехоте в глубину вражеской обороны. Хорошо бы эти группы усилить саперами с зарядами взрывчатки или ранцевыми огнеметами. Но поскольку в батальоне ни тех ни других нет, подготовим связки гранат. Во время советско-финляндской войны на карельском перешейке штурмовым группам приходилось брать железобетонные укрепления, не чета этим — деревоземляным, — вспоминал комбат.

Остановившись на варианте атаки цепью, усиленной штурмовыми группами, мы еще раз начали обдумывать все детали боя.

— На этот раз нашему батальону будет все же легче... — сказал я, посмотрев на Степанова.

— Чем легче?

— Тем, что теперь будем наступать всем полком. Как я понял, вводится в бой даже третий батальон Афанасьева. Полоса боевых действий значительно расширится, а следовательно, огонь артиллерии и минометов противника также будет распыляться, слабеть...

А. П. Афанасьев

смены подразделений первого батальона третьим, о совместной атаке опорного пункта на смежных флангах и о многих других вопросах взаимодействия.

— Прощаться не будем. Встретимся сегодня во время вывода батальона в исходное положение, — сказал Степанов, когда деловые вопросы были решены.

Солнце скрылось за макушками деревьев, а потом быстро скатилось вниз, отбрасывая на землю длинные зубчатые тени. Сгустились сумерки. Старший лейтенант Степанов вышел из штабного блиндажа, прислонился к стволу дерева. Где-то в тылу грохнуло несколько одиночных разрывов. «Прочесывает, гад», — буркнул комбат, когда я подошел к нему. Он ждал Афанасьева. Его удивляла и беспокоила задержка друга.

— Почему же задерживается Афанасьев? На него это не похоже, — терялся в догадках Иван Петрович.

— Возможно, полковое начальство задержало, — попытался предположить я, чувствуя тревожное состояние Степанова.

Но вот вдали показалась колонна батальона. Когда Иван Петрович увидел ее, у него отлегло от сердца. Но батальон вел не Афанасьев, а его заместитель.

— Где ваш комбат? — спросил Степанов у него.

— Нет больше комбата Афанасьева...

— Как так?!

— Капитан Афанасьев убит. Прямое попадание вражеского снаряда...

Степанов как-то сразу сник. У меня потемнело в глазах, бешено застучало в груди сердце. Много военных дорог прошел Андрей Петрович, сколько раз ходил в атаку... И на тебе — погиб от случайного снаряда...

— Не радуйся преждевременно...

Нашу беседу прервал Андрей Петрович Афанасьев. Иван Петрович, как всегда, встретил его по-братски. Афанасьев был в приподнятом настроении. Ведь в предстоящем бою он впервые будет командовать батальоном. Это его радовало и, по-видимому, немного тревожило. Вот и пришел он за советом к другу. Но не сразу они начали деловой разговор.

— Вдвоем остались? — спросил у Степанова Афанасьев, кивая головой в мою сторону.

— Да, пока вдвоем...

Степанов рассказал молодому комбату о прошлом бое, о слабых и сильных сторонах в тактике гитлеровцев, о своих задумках на предстоящий бой. Комбаты договорились о порядке частичной

Наступление началось в полночь. Хлопнуло рядом, и в темное небо с шипением взмыла ракета. Вверху она разъединилась на три красные звездочки. Светлячки описали дугу, потом быстро пошли вниз. Ночная тишина оглушительно взорвалась. Все затрепетало: свет — темень — свет... В обороне врага запылали, забились красные вспышки. Побагровело небо. Степанов, сидя у телефона, смотрел на свои наручные часы. Взял трубку.

— «Заря» один, два, три! Я «Туман» ноль один, — синхронно вызывал он командиров рот. — Выдвигайтесь ползком вперед на самую короткую дистанцию!

Комбат повторял эту команду до тех пор, пока командиры не отвечали: «Вас понял».

Трассирующие пули исполосовали небо разноцветными строчками. Гитлеровцы огрызались пулеметным огнем.

— Та-та-та... А-а-а! — слышалось с переднего края смешанное и протяжное.

Отделение из третьей роты под командованием сержанта А. М. Сергеева, составлявшее штурмовую группу, блокировало крупный двухамбразурный дзот. Ручные пулеметы били по нему короткими очередями. А в это время основные силы роты, ведомые младшим политруком Хамидулиным, проникали в промежутки между изрыгающими огонь дзотами. Первым в траншею врага ворвалось отделение сержанта Д. Ф. Тимакова, опытного командира. Броском гранаты сержант уничтожил пулеметный расчет и смело повел свое отделение в глубь обороны врага. Замысел комбата удался. Удар гвардейцев оказался ошеломляющим для гитлеровцев. Не помогли им и их шестиствольные «ишаки», мины которых начали рваться уже за боевыми порядками стрелковой роты. Большинство гитлеровцев, оборонявшихся в первых траншеях и дзотах, было уничтожено.

Впереди — задача более сложная: овладеть дорогой, пролежавшей по открытому взгорку. Сопротивление врага нарастало. На наступавших обрушился огонь пулеметов и автоматов, падали воюющие мины, торопливо сдваивая, грохотала скорострельная пушка. Вражеские ракеты ночь превратили в день. Третья рота залегла. Мы почувствовали это по звукам боя и вспышкам огня. Комбат взял трубку телефона:

— Гагаринский, в чем дело? Почему топчетесь на месте?

— Мешает огонь дзотов, которые на взгорке, — докладывает тот.

— Не тяните время, блокируйте и обходите их...

По указанию комбата к Гагаринскому прибыл командир минометной роты лейтенант Александров, чтобы подготовить огонь по вражеским объектам, указанным командиром роты. И как только мины стали рваться в расположении противника, Гагаринский сам ринулся в цепь бойцов. До дороги оставалось каких-нибудь 30—40 метров.

— Встать! За мной, вперед! — прокричал он над цепью.

Призыв командира роты повторил замполит Хамидулин. С возгласом «ура» бойцы устремились к дороге.

Успешно действовали и другие гвардейцы батальона. Часам к двум задача была выполнена. Поутих огонь и справа, где действовали два других батальона полка.

Степанов обернулся ко мне, сидевшему поодаль от него.

— Ну что ж! Подошло и твое время, тезка, идти на передовую. Как и прошлый раз, до наступления рассвета проверь закрепление занятого рубежа, нанеси его на карту и возвращайся.

Три часа ночи... Легкий ветерок разносит по перелеску запах гари, пороха и взрывчатки. В лесу и поле движутся темные фигуры. Наиболее расторопные старшины рот с наполненными термосами уже шагают к своим бойцам. Пользуясь темнотой, санитары выносят раненых, трофейные команды собирают и эвакуируют оружие погибших, хозяйственники — подвозят боеприпасы.

В первой роте я не задержался. Ее рубеж проходил по лесу, и опытный командир лейтенант Ипатов закреплял его по всем правилам тактики и инженерного искусства. В центре боевого порядка батальона находилась третья рота лейтенанта Гагаринского. Правым флангом она седлала дорогу. На открытом участке местности траншеи отрыты еще не были, и мне не раз пришлось прижиматься к земле, ползти по-пластунски от окопа к окопу, от гвардейца к гвардейцу, которые, сидя на корточках в своих солдатских «крепостях», алюминиевыми ложками «работали» в котелках, уплетая за обе щеки пшенку, сдобренную мясными консервами.

Сам Гагаринский оказался также на высоте, дорогу оседлал прочно: умело применял лейтенант знания, приобретенные им на командных курсах. Ручные и приданные роте станковые пулеметы у него были расставлены по принципу целевого назначения: флангового, фронтального и косоприцельного огня.

— А вот эта огневая точка — кишжального огня... — показал мне командир роты, — на наиболее опасном направлении. Если гитлеровцы прорвутся через передний край и вклинятся в нашу оборону, то этот «максим» косить их будет в упор и наверняка.

Наиболее ответственным флангом батальона был левый. Там действовала вторая стрелковая рота, которую после гибели лейтенанта Щербакова возглавлял младший лейтенант Газетов. В ночном бою рота отбила у врага выгодную в тактическом отношении возвышенность, позволявшую просматривать глубину обороны гитлеровцев. Здесь, на стыке двух дивизий, располагалась большая часть огневых средств пулеметной роты лейтенанта Мельникова, взвод роты противотанковых ружей, одна пушка из батареи капитана Чистякова. Понимая важность своего направления, молодой командир старательно укреплял занятый рубеж. Гвардейцы его роты не только отрывали окопы, но и соединяли их траншеями и ходами сообщения. Для этой цели они грамотно использовали и те, которые были отбиты у противника. Полковые саперы минировали участки, где могли пройти вражеские танки.

К четырем часам утра я закончил «облаз» переднего края и возвратился на командный пункт роты. Газетов нашел в глубоком окопе, уже накрытом двумя накатами толстых бревен, снятых с разрушенного блиндажа гитлеровцев.

Уже светало, и я решил через щель, сделанную для наблюдения, сориентировать с местностью свою рабочую карту и вместе с командиром роты проверить точность нанесения переднего края обороны. Но сделать мне это не удалось. Сквозь предутреннюю дымку я увидел, как гитлеровская пехота небольшими группами перебежала открытую ложину и сосредоточивалась за небольшим взлобком. Почти одновременно донесся оттуда приглушенный шум работавших двигателей танков.

— Смотри, смотри, командир роты, что делают гитлеровцы! — крикнул я Газетову. — Не собираются ли они перейти в контратаку?

— Сейчас на рассвете от фашистов можно всего ожидать, — согласился Газетов.

О готовящейся контратаке доложил комбату.

— Усильте наблюдение. Будьте стойкими, держитесь, — приказал Степанов по телефону, выслушав мой доклад.

В половине пятого, как только начала рассеиваться утренняя дымка, а лучи восходящего солнца озарили верхушки деревьев оранжевым светом, враг обрушил шквал артиллерийского огня на участок обороны второй роты. Вокруг НП роты снаряды рвались один за другим, поднимая клубы рыжей земли и пыли, наполняя воздух металлическим свистом осколков. Сжались, приникли к матушке-земле бойцы роты.

Наблюдая за передним краем, я отметил, что бойцам, укрывшимся в окопах, вражеские снаряды приносят меньше вреда, чем тем, кто находится в лесу, поскольку там снаряды рвутся при ударе о ветви деревьев, поражая осколками все живое на значительной площади. «Окоп — это все-таки благо солдатское...» — подумалось мне.

Грохот разрывов все нарастал. Свистели и цокали пули о брустверы окопов. Гудела, дрожала земля. Казалось, ничего живого не останется на этом пятачке земли. Мне не приходилось еще бывать под подобным мощным огнем ударом. Сначала сел на дно окопа, прижался к холодной земляной стенке. По спине пробежал холодок. Сердце колотилось так, будто без передышки пробежал многие километры. Я старался успокоить себя, ругал за малодушие. Но сердце все равно не успокаивалось, билось, как у загнанного зверька или пойманной лесной птицы.

А события развивались стремительно. В вой и треск разрывов снарядов вплеталось нарастающее с каждой минутой гудение танков. Я вскочил и снова прильнул к смотровой щели, вскинув бинокль к глазам. Четыре бронированных полосатых чудища выползали из-за кустарника: три в линию, один углом назад. За ними, пригибаясь, бежала пехота.

— Смотрите, там вдали еще одна цепь движется, — сказал Газетов, тоже наблюдавший за полем боя.

— Да, это второй эшелон. В общей сложности теперь наберется не менее двух рот, а то и целый батальон. Намерения у гитлеровцев, видимо, серьезные...

Но вот по контратакующим ударила наша артиллерия. Боевой порядок фашистов расстроился, но, несмотря на это, наиболее отчаянные продолжали лезть вперед. Они уже приблизились к залегшим гвардейцам на расстояние огня пулеметов. По вражеским танкам первыми открыли огонь бронебойщики. Затем заработали ручные и станковые пулеметы. Но и это не остановило гитлеровцев.

— Завтракали, наверное, с усиленной дозой шнапса, вот и прут напролом, — определил Газетов.

Но гвардейцы роты не дрогнули, продолжали вести огонь. И вот один танк, надвигавшийся на левый фланг подразделения, дрогнул, закрутился на месте. «Сработала мина», — мелькнула у меня радостная мысль.

Однако танк с крестами на броне продолжал еще жить.

Развернув башню, гитлеровцы открыли огонь из пушки и пулемета. В единоборство с ним вступили бронебойщики из роты противотанковых ружей старшего лейтенанта Стельмаха. Вражеский танк окутался дымом. Его экипаж решил спастись, но не всем это удалось — их настигли очереди пулеметов роты Газетова.

Три других танка начали маневрировать. Залегла и пехота, следовавшая за ними. Завязался огневой бой. Под его прикрытием вторая цепь гитлеровцев приблизилась к огневому рубежу.

Через несколько минут вновь ударила вражеская артиллерия. Опять забурило вокруг, словно в котле. Султаны земли поднимались впереди и позади окопов и траншей, сея повсюду смерть. Гитлеровцы вновь перешли в контратаку. Вражеские танки подобрались к подножию взгорка, и длинноствольные орудия и пулеметы начали бегло выплескивать огонь. Вся возвышенность покрылась разрывами. Я приказал командиру роты противотанковых ружей Стельмаху открыть залповый огонь по танкам. И вот бронебойщик Борхан Булахов, выполняя приказ командира роты, открыл огонь и со второго выстрела поджег танк. Однако большой группе пехоты при поддержке оставшихся двух танков удалось прорваться на стыке второй и третьей рот. Создалась сложная обстановка. Гитлеровцы стремились отрезать вторую роту, располагавшуюся восточнее дороги, окружить и уничтожить ее. До взвода вражеской пехоты с танком двинулись на командный пункт роты. Мы с Газетовым понимали, что в ходе первой атаки гитлеровцы прощупали огневую систему роты и теперь основные силы обрушили на центр взгорка — НП роты, захватом которого намеревались нарушить прочность всей обороны.

— Стельмах! Стельмах! — неистово закричал я. — Что зеваешь, ворон ловишь?.. Бронебойщиков, бронебойщиков выдвигай навстречу танку!

Но Стельмах и сам понимал всю ответственность момента. Бледный от волнения, он выскочил из укрытия и приказал одному из расчетов следовать за ним. Выбрав позицию, лег за противотанковое ружье, быстро прицелился и... промахнулся. Выстрелив еще раз,

Стельмах увидел, как бронебойная пуля синей линией чиркнула по лобовой части танка и ricochetом ушла вверх, красной стрелой врезалась в облака. Стельмах выстрелил еще раз. И опять пуля ricochetировала. «В борт, в борт надо!» — крикнул Газетов. Стельмах загнал патрон в казенник и стал выжидать удобного момента...

А тем временем заместитель командира роты младший лейтенант Беляев по приказанию Газетова выдвинул резервное отделение с ручным пулеметом на фланг вклинения гитлеровцев и открыл отсечный огонь по пехоте, бежавшей за танками.

За боем внимательно следил и командир батальона.

— Держитесь! Командир полка высылает подмогу, — подбадривал он меня по телефону.

По указанию Степанова лейтенант Александров накрыл огнем минометной роты контратакующих. Я не мог усидеть в укрытии, выбрался из-за накатника. И понял: на острие прорыва фашистов наших сил недостаточно. Несмотря на сильный минометный огонь, гитлеровцы продолжали распространяться в глубь обороны, явно намереваясь расчленив роту: большую часть ее прижать к болоту и уничтожить. Один немецкий танк устремился на командный пункт, другой повернул в сторону роты Гагаринского, расширяя прорыв. Вражеские пехотные группы хотя и поредели, но огонь вели плотный.

— Газетов! Всех, кто здесь есть с карабинами, автоматами, гранатами, быстро вперед, в окопы! — крикнул я сразу сорвавшимся до хрипоты голосом.

Вынимая из кобуры пистолет, посмотрел на телефониста, сиротливо прильнувшего к земляной стенке траншеи, поймал взгляд его блестящих глаз, как бы вопрошавших: как поступить ему, связисту?

— Оставайся здесь и держи связь с комбатом, — распорядился я. Затем, увидев ствол трофейного автомата, зажатого между острыми коленями связиста, спросил: — Твой?

— Угу.

— Патроны есть к нему?

— Три магазина, вот в чехле!

— Давай сюда...

Взяв у связиста автомат, я выполз из траншеи. Газетов, политрук роты младший лейтенант Мухин и еще около десяти человек, связанных и пеших посыльных, развернулись в цепь, изготовились к бою. К ним я и присоединился.

А в это время на правом фланге роты, там, где фашисты стремились расширить свой прорыв, завязалась ожесточенная схватка. Боем руководил командир стрелкового взвода младший лейтенант В. Петров. Ему удалось отрезать вражескую пехоту от их танка, прижать ее к земле. Я видел, как часть гитлеровцев, ранее устремившаяся к командному пункту, повернула туда на помощь. Однако остальные фашисты, пригнувшись, надвигались на НП роты. Мне казалось, что танк и пехота движутся прямо на меня. Взгляд мой был прикован к вспышкам, вылетающим из их автоматов. Разорвавшийся вблизи снаряд вывел меня из оцепенения. «Что ж я не стреляю?» — глядя на танк, вдруг подумал я. И, чувствуя, что сейчас все должно решиться,

почти не целясь, дал две рассеивающие очереди. Затем, поймав в прицел широкоплечего гитлеровца, еще раз нажал на спусковой крючок. Но выстрела не последовало.

— А, чертова техника! — вырвалось в сердцах у меня. Сменив магазин, я снова поймал на мушку «своего» здоровяка, выстрелил. Гитлеровец споткнулся и мешком рухнул на землю. «Ага, есть один», — отметил про себя. А фашисты все лезли вперед.

— Подготовить гранаты! — раздалась команда Газетова.

Слева раздался знакомый голос «максима» — это открыл огонь расчет станкового пулемета из взвода младшего лейтенанта Подунова, занимавшего огневую позицию в глубине обороны. Короткие кинжальные очереди во фланг гитлеровцев косили их наповал. Оставшиеся в живых прижались к земле. Остановился и танк, начал отползать назад, разворачиваться. Этого-то момента и ждал Стельмах. И пуля, посланная из ружья, нашла слабое место в броне. Танк задымил. Невольный вздох облегчения вырвался из моей груди, на глаза навернулись слезы радости. Смахивая пот и слезы с лица, я подумал: «Это еще не все, еще надо добить гитлеровцев и вышибить их за передний край обороны». И тут к нам справа, из расположения третьей роты, пришла помощь. Вслед за коротким минометным налетом оттуда зазвучало радостное «ура». Гитлеровцев атаковали гвардейцы роты автоматчиков полка. «Надо ударить и с нашей стороны! Надо ударить! — лихорадочно думал я. — И только сейчас!.. Нельзя упускать момент!»

Повернувшись в сторону командира роты, крикнул:

— Поднимай людей, Газетов!

Командир и политрук из окна выпрыгнули одновременно.

— Гвардейцы! За мной, вперед! — закричал Газетов.

Казалось, бойцы только и ждали этой команды. Они дружно поднялись и, ведя огонь на ходу, устремились за своими командиром и политруком. Будто, разжимаясь, пружина вытолкнула из траншеи и меня. Ощувив в себе силу, злость и уверенность в том, что гитлеровцы будут добиты, отброшены, на ходу открыл огонь из автомата. Усилили стрельбу и гитлеровцы. Вновь кругом все загрохотало, все задрожало. Я бежал как во сне, бежал с обостренным ощущением того, что земля не просто движется подо мной, а мелькает, мелькает подо мной вместе со свистом пуль и осколков от мин... В голове так же стремительно проносились мысли, что я останусь живым в этом бою, не буду убит, я не должен, не имею права погибнуть, пока сполна не отомщу врагу за друзей и за себя... И вот настал момент, которого все так ждали. Гитлеровцы не выдержали стремительного натиска: кто согнувшись, кто во весь рост побежал назад. Я вскинул на изготовку автомат, остановился и послал им вслед длинную очередь. Отчетливо увидел, как после моих очередей упали сразу два фашиста, потом еще один. Сразу почувствовал прилив радости: ведь сразил тех, которые стреляли по мне, убивали моих друзей... «Так вам, так! Так будет со всеми захватчиками! И не иначе как только так!..» Вставив в автомат последний магазин, опустошил его одной длинной очередью.

Фронт нашей обороны был восстановлен. На поле боя осталось более трех десятков гитлеровцев. Чадили гарью два танка. Но не малые потери понесла и вторая рота.

Возвращаясь на командный пункт роты, я почувствовал тупую боль в правой ноге. Младший лейтенант Мухин помог мне снять сапог. Портянка была пропитана кровью. Вражеская пуля навывлет пробила голенище, касательно рассекла вену чуть повыше щиколотки. Из раны тоненькой струйкой сочилась кровь. Перевязав рану, я пошел на КП батальона. Там меня поджидала уже военфельдшер Петухова.

— Жив, миленький? Целехонек? А нам сообщили, что ты тяжело ранен, давай посмотрю, как тебя задело.

Разматывая бинт, Оксана грустно сказала:

— А Андрюшу похоронили на рассвете, возле могилы Горбунова. Сходи...

— Схожу, Оксана, обязательно схожу...

Обработав рану, Петухова подняла голову, посмотрела на меня. В глазах ее стояли слезы.

— Спасибо, Оксана, — поблагодарил я военфельдшера, а про себя подумал: «А Андрея Афанасьева она любила...»

На следующую ночь наступала уже вся 28-я гвардейская стрелковая дивизия. Наш батальон понес новые потери. Задачу свою он не выполнил. Не выполнили ее и другие батальоны дивизии.

Гитлеровцы изучили нашу тактику почных наступательных действий, которая стала шаблонной, усилили свою оборону живой силой и огневыми средствами, укрепили ее в инженерном отношении.

Утром 30 июля поступил приказ перейти к жесткой обороне.

Служебные обязанности между тем доставляли мне множество всяческих хлопот. Время летело стремительно. За прошедшие трое суток не только о сне, но и даже о коротком отдыхе не приходилось думать. На заре, как только заканчивался бой, я ходил по переднему краю, помогал командирам рот заново создавать систему огня — людей-то и оружия становилось все меньше и меньше, организовывал поднос боеприпасов, эвакуацию убитых и раненых, собирал сведения о численности людей в подразделениях. А утром составлял схему обороны, писал боевое донесение в полк, делал наметки о частичном переформировании батальона. Еще раньше командир полка майор Белоусов советовал старшему лейтенанту Степанову расформировать одну роту, усилив за ее счет другие. Но тогда для этого не было времени — готовили наступление. Вот и работал на пределе своих сил. Благо, что эти силы были молодыми...

...В полдень 30 июля, укрывшись от прямых лучей жаркого солнца, Степанов и я сидели на излюбленном месте — под елью. Мы обсуждали вопросы, связанные с расформированием третьей роты.

— Так как же будем прикрывать тот фронт обороны, который занимает сейчас рота Гагаринского? — спросил комбат у меня.

— Эта рота располагается в середине района обороны батальона, — поспешил я высказать свои соображения. — Самое простое, что

можно здесь сделать, — это фронт третьей роты разделить пополам, а фланги первой и второй растянуть, соединить — и делу конец...

Комбат посмотрел на меня. В прищуре его глаз можно было прочитать: «Парень ты в целом хороший, грамотный и смелый, но тактик еще неважнецкий». Но сказал Степанов другое:

— В принципе говоришь, тетка, правильно. Однако вопрос этот надо решать немного по-другому. Смотри сюда. Если фронт обороны третьей роты мы разделим пополам, то дорога и вся открытая, танкоопасная местность отойдут ко второй роте, а лесисто-болотистая — к первой. После того как мы разделим людей Гагаринского между ротами Ипатова и Газетова поровну, то по силе они окажутся примерно равными. Так?

— Конечно!

— Ну а если фрицы на открытой местности перейдут в наступление с танками, тогда кому будет труднее: Газетову или Ипатову?

— Само собой разумеется, Газетову!

— То-то и оно! Следовательно, танкоопасное направление мы должны как-то усилить. А поскольку наши роты по своему составу равные, то это надо сделать за счет сужения фронта обороны роты Газетова, сосредоточить там, так сказать, основные усилия батальона. Понятно?

— Вполне!

— Вот и хорошо. Дорогу, значит, поручим оборонять не Газетову, а Ипатову. Пусть он ее седлает и укрепляет. Сил же для этого у него будет достаточно.

— А что будет делать Гагаринский, когда расформируем роту? — поинтересовался я у комбата.

— Гагаринский, очевидно, пойдет в резерв комсостава полка.

— А нельзя ли его оставить на должности замкомбата? Командир он грамотный, и храбрости ему не занимать.

— Знаю, знаю об этом. Мне самому не хочется отпускать его из батальона. Но здесь не все зависит от меня...

Докончить фразу Степанов не успел.

— Здесь находится командир батальона? — неожиданно произнес чей-то немного хрипловатый голос.

— Здесь, здесь!

Иван Петрович выбрался из-под низких ветвей ели. Последовал за ним и я.

— Гвардии политрук Беляев Виктор Иванович, назначен на должность комиссара к вам в батальон, — отрекомендовался приземистый, с тремя кубиками на петлицах военный, протягивая руку Степанову.

Нового комиссара Степанов сразу же начал вводить в курс наших дел:

— Работы в батальоне много, а мы вдвоем... Думаем вот, как лучше укрепить оборону батальона двумя ротами. Делаем расчеты распределения людей, высвободившихся из третьей роты. Здесь нужен и ваш совет...

Когда речь зашла о партийной организации, Беляев заметил:

— Парторганизация в батальоне боевитая. О ней мне говорил и комиссар полка Царакаев. Коммунисты и комсомольцы в последних боях показали себя настоящими вожаками. Батальон успешно выполнил боевую задачу.

— Это правильно, Виктор Иванович. Задачу мы выполнили, но какой ценой? Много хороших людей потеряли в боях...

В разговор старших я не вмешивался, но прислушивался к нему. И когда услышал сказанное комиссаром, я внимательно оглядел его. Среднего роста, крепкий, с простоватым, круглым лицом и колючими сероватыми глазами. Ему было около тридцати, но выглядел он старше. Я вспомнил, что видел его в саперном батальоне дивизии. Запомнилась постоянная улыбка, обнажавшая большую щербину в ряду белых крепких верхних зубов...

«Беляев, видимо, обладает уже определенными знаниями и навыками партийно-политической работы, — с максимализмом юности решил я, — но только в специальных подразделениях, среди людей, которые обеспечивают бой, а не в строевых, где политработникам приходится нередко лично вести бойцов в наступление. В бою саперы тоже гибнут, но не в такой степени, как строевики. А это не одно и то же». И хотя Беляев первое впечатление произвел в целом благоприятное, мне подумалось, что такого комиссара, каким был Горбунов, не сыскать...

— А еще вот что, — услышал я слова Беляева, — в 18 часов сегодня на КП полка состоится совещание, где будет изучаться важный директивный документ. На совещание приглашают нас троих.

Степанов, Беляев и я на командный пункт полка прибыли раньше назначенного срока. У каждого из нас нашлись дела к полковому начальству. Я заглянул в строевую часть. Там нашел заведующего делопроизводством Петра Личагина, писарей Бориса Коновца и Сережу Агеева. Встреча была теплой, радостной.

— Как идут дела на новой работе, как воюется? — забрасывали меня вопросами прежние помощники.

— Хорошо, друзья, хорошо и служится, и воюется...

Я успел заглянуть и к начальнику штаба полка Орлову.

— А, лейтенант Вязанкин! Здравствуй, дорогой, здравствуй! — воскликнул Константин Алексеевич. — Садись, рассказывай! Есть и для тебя новость. Хочу сразу и обрадовать. Хорошо воюешь! Командир и комиссар полка это заметили. Ты утвержден в должности адъютанта старшего батальона. Сердечно поздравляю! Такие-то дела...

— Большое спасибо вам, Константин Алексеевич, — благодарил я своего начальника, будучи сам удивлен тем, что так быстро повысили меня в должности.

Захотелось и мне сказать своему начальнику что-то приятное. Помог случай. Я увидел в петлицах гимнастерки Орлова вместо привычных трех кубиков отливавшую травяным цветом шпалу.

— Позвольте и вас, Константин Алексеевич, поздравить с присвоением звания «капитан»!

И. И. Миссан

— Благодарю, спасибо, — торопливо произнес Орлов. — Времени у нас мало, поговорим о делах. В районе обороны первого батальона работают полковые и дивизионные саперы. В утреннем донесении вы не сообщили, что ими сделано, — довольно сухо проговорил Орлов. — Эти сведения нас интересуют. Мы должны знать, как совершенствуется оборона...

Я пытался объясниться. Но начальник штаба, прервав меня, продолжил:

— О работе саперов подробно сообщите в вечернем итоговом донесении.

— Есть!

— И еще вот что: уделите большое внимание левому флангу, бдительному несению боевой службы и изучению противника. Если заметите что-то новое в его поведении — немедленно докладывайте мне. Вот, пожалуй, и все.

Ровно в 18 часов из блиндажа, у которого стоял часовой, вышла группа командиров: впереди —

командир дивизии генерал-майор И. И. Миссан и комиссар дивизии батальонный комиссар В. В. Бабицкий, за ними — командир полка М. И. Белоусов и комиссар Я. П. Царакаев. После доклада Орлова они расположились за импровизированным столом. Комиссар Бабицкий не спеша развернул красную папку, взял нужную бумагу и, держа ее перед собой, отчетливо, строгим голосом заговорил:

— Слушайте приказ Народного комиссара обороны... номер 227...

Не шелохнувшись, молча собравшиеся слушали суровые и грозные, как сама война, слова приказа: «...нельзя кончить отступление... Отступать дальше — значит загубить себя и вместе с тем нашу Родину... ни шагу назад...»

Приказ обзывал «упорно, до последней капли крови, защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности».

Комиссар умолк. Поднялся командир дивизии генерал Миссан.

— Коммунистическая партия, Верховное Главнокомандование, — твердо сказал он, — этим приказом напоминают нам, воинам, о большой нашей ответственности за судьбу Родины. Я требую от всех командиров и политработников неустанно вести борьбу за дальнейшее укрепление политико-морального состояния подчиненных, за стро-

жайшее соблюдение воинской дисциплины, за проявление настойчивости в выполнении боевых задач, которые будут поставлены перед нами...

Тоскливо было на душе. Но еще яростнее закипала во мне ненависть к врагу, крепла решимость уничтожить гитлеровских убийц, до последней капли крови защищать и отстаивать каждый клочок советской земли — этот приказ уносил я с совещания в своем сердце.

Когда наступили сумерки, в батальоне состоялось делегатское партийно-комсомольское собрание. Коммунисты и комсомольцы, затаив дыхание, слушали прибывшего в батальон комиссара полка Царакаева, разъяснявшего приказ НКО № 227. Трудным было то время, велики потери советских людей, щемящей болью отзывалось все это в сердцах гвардейцев. Но не душевное отчаяние, а жгучая ненависть к оккупантам рождалась в их душах, еще крепче сжимали они винтовки и автоматы.

Выступившие на делегатском собрании коммунисты и комсомольцы от имени своих сослуживцев и себя лично клялись партии не дрогнуть в бою, до последней капли крови бороться с врагом, до полного его уничтожения. «Ни шагу назад, только вперед», — заявляли они. Архив сохранил до наших дней тексты выступлений того вечера. «Я, казах, — говорил красноармеец Жиппабаев, — буду стоять на своем посту так, как требует товарищ Сталин. Даю слово, что буду драться с врагом до последнего дыхания. Приказ буду разъяснять остальным казахам, которые плохо знают русский язык...» «Враг хочет захватить богатства Юга, — заявил красноармеец Золотарев, — по судьба Родины находится в руках всех нас. Мы должны на Северо-Западе нанести удар по врагу... Это будет наша помощь защитникам Юга, это будет шаг к быстрейшему разгрому немецко-фашистской армии. Вперед, на врага! Ни шагу назад!»

Каждому бойцу, находившемуся на передовой, командиры и политработники, коммунисты и комсомольцы несли слова партии, требование Родины: «Ни шагу назад, только вперед...»

И только крепче выходили из огня...

Начало августа в Припильменье порадовало нас ясными, теплыми, еще по-летнему длинными днями. Я, уроженец сельской местности средней полосы России, любил этот месяц. Изменялся лесной наряд: у елей желтели кончики хвоинок, у берез в средней и нижней частях кроны начинала золотиться листва. Не засеянные поля бурели увядающим чертополохом, а луга — нескошенным, переспелым разнотравьем. Расцветал тростник по заболоченным местам...

В один из погожих августовских дней я сидел у штабного шалаша. Глядя на буйство природы, думал: «А в родных краях, наверное, полным ходом идет уборка: жнут и обмолачивают рожь, косят, пока не переспели, овес и горох, роют ранний картофель, в садах

снимают малину, смородину, крыжовник... Щедрый, обильный и хлопотливый август — месяц зрелого лета!».

Нахлынувшие на меня воспоминания прервали комбат и комиссар, возвратившиеся на командный пункт батальона с рекогносцировки, проводимой командиром полка. Вид у них был усталый, но настроенное приподнятое. Степанов подошел к шалашу, снял с плеча изрядно поношенную полевую сумку, бросил ее на траву, присел возле меня. К нам присоединился новый заместитель командира батальона старший лейтенант М. С. Чегринцев, недавно назначенный на эту должность.

— Одиннадцатая армия переходит в большое наступление, — сказал Степанов. — Ответственная задача возложена и на наш батальон...

И комбат рассказал, что 89-му гвардейскому стрелковому с приданным ему третьим батальоном 86-го гвардейского стрелкового полка при поддержке 31-го гвардейского минометного дивизиона и 61-го гвардейского артиллерийского полка дивизии ставилась задача: уничтожить противника в лесу юго-западнее Васильевщины и выйти на северный берег реки Старовская Ровья на фронте Тачково — болото Круглое, что в 300 м севернее Здоровец.

— Ну а нашему батальону, — продолжал комбат, — предстоит сдать часть боевого участка подразделениям 126-й стрелковой бригады и, уплотнив свой боевой порядок, наступать в южном направлении вдоль безымянного ручья. Поддерживать нас будут прежние средства: 1-я минометная рота минометного батальона полка и 1-й дивизион 61-го гвардейского артиллерийского полка дивизии. Следовательно, можно сделать вывод, что мы будем действовать на левом фланге, на главном направлении полка. А это повышает нашу ответственность, так как от действия батальона будет во многом зависеть общий успех...

Степанов умолк, посмотрел на худощавого, до черноты загорелого Чегринца, тихо произнес:

— Сменой второй роты займитесь вы, Михаил Самуилович. Продумайте, как лучше это сделать.

— Есть! — четко ответил Чегринцев. Затем, подумав, добавил: — Маловато силенок у нас для выполнения такой большой по глубине боевой задачи...

— О наших силах старшее командование знает. Не одни будем наступать. Да и полоса наступления батальона значительно сужена, — ответил комбат своему заместителю, понимая причины его беспокойства.

Их озабоченность была не случайной. В районе Васильевщины оборонялись отборные войска противника. К тому же за последние дни гитлеровцы сильно укрепили свою оборону. Впоследствии мы узнали, что «демянской крепости» сам Гитлер придавал большое значение. Он называл ее пистолетом, направленным в сердце России, и намеревался использовать в новом наступлении на этом направлении. Командование 16-й немецкой армии укрепляло «стенки» рамушевского коридора все новыми и новыми силами, чтобы не допустить его ликвидации.

— Когда же начнем? Не сказали? — уточнил обстановку Чегринец.

— Как же, сказали: готовность — к двадцати четырем часам сегодня, начало наступления назначено на утро одиннадцатого августа. О времени «Ч» сообщат дополнительно. Так что в нашем распоряжении еще целая ночь. Перегруппировку подразделений начнем с наступлением темноты.

— Все сделаем как надо, — угрюмо произнес Чегринец.

Степанов изучающе посмотрел на своего нового заместителя. В глазах комбата как-то сразу засветился веселый огонек.

— А знаете, дорогие товарищи, какая сила ударит по врагу завтра? — снова заговорил Степанов.

— Знаем конечно, — в тон комбату произнес я. — Гвардейцы нашего батальона!

— Э нет! Наши гвардейцы само собой. Я не о них... Я имею в виду артиллерию и авиацию! Дивизии придали целый гаубичный полк! А какая сила будет ее поддерживать: два пушечных полка, две батареи большой мощности, минометный полк и полк гвардейских минометов, ночная, дневная бомбардировочная и штурмовая авиация. Вот какие силы обрушатся на врага!

Услышав это сообщение, мы сразу повеселели.

— Гвардейские минометы — это что, «катюши»? — уточнил Чегринец.

— Да, это и есть «катюши». Говорили там и о каких-то новых реактивных снарядах, называемых «ванюшами»...

Степанов встал. Поднялись и мы, его помощники.

— Ну а теперь за дело! А то темнеть уж начинается...

Зазуммерил полевой телефон. Комбат взял трубку:

— Одиннадцатый слушает! Так, так, хорошо! Теперь предупредите Тридцать второго и Тридцать третьего, — Степанов имел в виду Ипатова и Газетова, — о том, что наша авиация скоро будет работать перед фронтом батальона. Пусть внимательно следят за ней и ракетами обозначают передний край, подают целеуказания. И еще сообщите им, чтобы к четырем часам они прибыли на «Чайку». Ясно? Действуйте!

Степанов вернул трубку телефонисту.

— Чегринец докладывает: смену подразделений и их перегруппировку закончили, — сказал комбат мне. — Теперь не мешает выпить кружку чая да немного отдохнуть.

В блиндаж вошел Беляев. Он проинформировал Степанова о работе, проделанной политсоставом батальона. Выслушав комиссара, Иван Петрович и ему предложил немного поспать.

М. С. Чегринец

...Перед рассветом на наблюдательном пункте батальона собрались командиры подразделений средств усиления и поддержки. Степанов поставил им боевые задачи, дал указания по взаимодействию и боевому обеспечению, сообщил сигналы. Тут же командиры рот ушли в свои подразделения, так как им еще предстояло организовать бой вместе со своими подчиненными. Начало атаки было назначено на 7 часов 10 минут.

Присутствующий при постановке боевых задач помощник начальника штаба полка капитан П. Ф. Фомичев подошел ко мне, спросил:

— Все ли запланированные боеприпасы доставлены в батальоны?

— Да. Об этом мне докладывал старшина Амосов.

— Доклад — это хорошо, но не мешало бы лично убедиться в этом, а заодно и посмотреть бы на месте новое оружие, установленное на огневых позициях в том месте. Интересные штуки — эти эрэсы!

— Если так, обязательно проверю завоз боеприпасов...

Проверка тыловых пунктов у меня много времени не заняла: боеприпасов была норма, большинство патронных ящиков подготовлены к ручному переносу, личный состав свои обязанности знал. На обратном пути я, вспомнив совет Фомичева, завернул на опушку леса, где прямо на земле под определенным углом наклона рядками стояли, как сначала показалось, металлические «чушки» в дощатых упаковках.

Метрах в двухстах от них меня остановил часовой и вызвал своего командира. Вскоре ко мне подошел молодой лейтенант.

— Ваше любопытство удовлетворить не могу, оружие новое, секретное, — сказал лейтенант. — А как оно действует — увидите скоро сами...

Зная, как строго охранялось на фронте все новое оружие, я не стал настаивать на своей просьбе и возвратился на наблюдательный пункт.

Возле блиндажа толпилось уже много людей: радисты, телефонисты с катушками полевого кабеля, пешие посыльные, ординарцы, поджидавшие своих начальников. «Нельзя допускать такого скопления людей», — подумал я. Но первый залп «катюш», положивший начало артиллерийской подготовке, отвлек мое внимание. Вслед за залпом РС раздался мощный грохот сотен орудий. Задрожала болотистая земля, посыпались пожелтевшие листья с деревьев, созревшие шишки с елей. Канонада с каждой минутой все нарастала, заполняя весь лес. Звонкие выстрелы 76-миллиметровых пушек вызывали неприятное ощущение в ушах.

Я присел у лаза в блиндаж, прислушиваясь к разговору в нем.

— Смотрите, смотрите! — вдруг закричали сразу несколько бойцов, сидевших возле блиндажа.

Подняв вверх голову, я увидел потрясающее зрелище: над макушками деревьев, обгоняя друг друга, во вражескую сторону летело несколько десятков «чушек» с шаровидным утолщением в передней части, посмотреть которые мне не разрешили. Теперь за каждой из них тянулся длинный огненный шлейф. Реактивные снаряды напом-

нили мне стайку головастика, которых не раз в детстве доводилось наблюдать в сельской запруде. На полет РС я смотрел с восхищением.

А тем временем темп артиллерийско-минометного огня все усиливался. По-прежнему стоял такой оглушительный грохот, что трудно было разговаривать даже с рядом стоявшим человеком. Вот раздался новый залп «катюш». В звуки стрельбы артиллерии влился рокот пулеметов. Неожиданно послышался скрип минов вражеских шестиствольных минометов. Степанов, прислушиваясь к ним, как бы определяя, откуда идут эти звуки, обратился к артиллеристам:

— Боги войны! Доколь вы будете терпеть этот скрипучий вой?

Не отвечая на вопрос комбата, командир 1-го артиллерийского дивизиона старший лейтенант Парасочка взял трубку телефона:

— «Комета», «Комета», я — «Метеор»! Засеките огневые позиции шестистволок немцев. Срочно!..

И вот Парасочка данные принял.

— «Космос», «Космос», я — «Метеор»! — вновь командовал Парасочка. — По квадрату... батареей... огонь!..

Приближается время атаки. Комбат садится за ротные телефоны.

— «Сосна», «Сосна», я — «Дуб»! К аппарату Тридцать второго, — вызывает он командира роты лейтенанта Инатова. — Доложите о готовности. Готов? А все ли сделано «огуречниками»? Нет? Что конкретно? Не подавлен пулеметный дзот у ориентира три? Сейчас по нему будет дан огонь, наблюдайте.

И, не кладя трубку, Степанов распоряжается:

— Лейтенант Александров! Ваш объект у ориентира три еще не уничтожен. Ударьте по нему!

Пока подается команда минометчикам, комбат уже разговаривает с младшим лейтенантом Газетовым. Обстановка там примерно такая же: уточняются координаты неподавленных целей, подаются необходимые команды...

Над лесом взвилась серия зеленых ракет — сигнал на перенос огня и одновременно начала атаки. Комбат циркулярно передает в роты сигнал «Штурм». Убедившись, что он принят, выходит из блиндажа, чтобы подняться на наблюдательный пункт — вышку, устроенную на дереве. Я остаюсь у телефонов. В блиндаж доносятся раскаты «ура» — гвардейцы поднялись в атаку. Мне хотелось сразу же вызвать к телефону командиров рот и самому от них услышать, что враг побежал, что наступление развивается успешно. Но я понимал, что командиры рот сейчас находятся вместе с бойцами, руководят боем, ведут их в атаку.

Через некоторое время телефонист получил сообщение, что «Сосна» отключается, уходит за командиром. Вскоре такое же сообщение было получено и от «Ели». «Хорошо! Значит, роты продвигаются вперед», — подумал я. На душе сразу стало веселее, и я отправился к комбату, чтобы доложить об услышанном и самому взглянуть с вышки на поле боя. Но сделать это мне не удалось.

— Ни черта не видно, — ворчал комбат, спускаясь вниз. — Вязанкин, я иду вперед, а вы оставайтесь здесь до моего приказа. Доложите в штаб полка о начале атаки.

— Есть, — с сожалением ответил я.

НП сразу опустел. Грохот боя хотя и удалялся, но не утихал. Я вновь зашел в блиндаж. Телефонист с первого взгляда понял, что меня интересует. Отрицательно покачал головой: связи с ротами еще нет. Молчит и полковой телефон. Для доклада обстановки Орлову сведений еще не достаточно. Сижу, смотрю то на аппарат, то на сержанта Плитина. И вот долгожданный писк зуммера.

— Кто подключился?

— Первая рота.

Беру трубку. Мне отвечает дежурный телефонист.

— Позовите Тридцать первого, — приказываю я.

— Тридцать первый впереди с людьми.

— Почему вы не с ним?

— Тридцать первый приказал быть здесь...

В трубке слышатся дробь вражеского пулемета и уханье разрывов снарядов и мин. «Конечно, командиру роты сейчас не до докладов», — подумал я и решил не отрывать его от руководства боем. Восстановилась связь со второй ротой. Не оказалось возле телефона и Газетова. Я решил выяснить обстановку у связиста: что он видит сам? Из переговоров с ним понял, что гвардейцы сбили боевое охранение, захватили дзоты первой и второй линий обороны врага, но остановлены в болоте...

От резкого звонка полкового телефона я вздрогнул. «Нервы стали пошаливать», — подумалось мне. На проводе капитан Орлов. Результатами боя начштаба не доволен, ворчит, но информирует меня о положении соседей. Оно оказывается примерно таким же, как и в нашем батальоне. Несколько лучше у соседа слева: подразделения 126-й стрелковой бригады продвинулись почти на километр. Орлов сообщает мне и о том, что в 9 часов 15 минут по обороне противника будет нанесен удар авиацией, и приказывает световыми средствами организовать показ целей.

Закончив разговор с Орловым, я связался с комбатом и доложил ему о сведениях, полученных от начальника штаба полка.

— Свяжитесь сами с соседом слева, узнайте, когда он начнет повторную атаку, организуйте пополнение рот боеприпасами и перемещайтесь ко мне, — распорядился Степанов.

На вызов и разговор с соседом уходило немало времени. Но вот нужные сведения получены, дела с подносом боеприпасов налажены, и я двинулся на наблюдательный пункт. Хотя напряжение боя спало, отдельные пулеметные очереди все еще разрывали тишину леса, а пули, пролетая над головой, секли ветви деревьев. Последние метры пришлось преодолевать по-пластунски, до переднего края оставалось не более 100 метров.

Когда я вполз в блиндаж, Степанов разговаривал с командиром полка майором Белоусовым.

— Докладываю, товарищ Ноль первый, что перед батальоном сейчас не отдельные дзоты и блиндажи, а целая крепостная стена с амбразурами через каждые семь — десять метров... Так точно... Чистяковцы работают, но это я считаю недостаточным. Необходимо подклю-

чить два «инструмента» от Парасочки, на что прошу вашего разрешения. Есть, использовать удар нашей авиации....

Иван Петрович передал трубку телефонисту. Ни на кого не глядя, он достал из кармана расшитый цветами кисет — подарок шефов из Перми, — свернул козью ножку, прикурил от трофейной зажигалки и несколько раз глубоко затянулся. Развернув на коленях топографическую карту, стал внимательно изучать интересующий его квадрат.

— Александр Иванович, — обратился он к командиру батареи 76-миллиметровых пушек. — Ваша задача: проделать брешь перед взводом первой роты, вот здесь... — Конец тонко отточенного карандаша остановился на синей линии болота.

— Понял, Иван Петрович. — Голос у Чистякова спокойный, ровный. — Обе пушки подтянем и сделаем брешь...

— А на вас, Иван Зиновьевич, возлагаю задачу: проделать брешь перед второй ротой. Для этой цели надо будет, очевидно, выдвинуть на прямую наводку тоже пару пушек.

— Постараемся и мы выполнить эту задачу. Только трудновато будет подтягивать орудия прямо под носом у фашистов. Уж больно хорошая видимость с их стороны. Прямо как на ладони...

— Знаю, знаю об этом, — согласился с Парасочкой Степанов. Немного подумав, он добавил: — Надо что-то придумать, к примеру, дымзавесу поставить. Что вы на это скажете?

— Было бы здорово, — ответил артиллерист.

— Есть у нас дымовые средства? — спросил у меня Степанов.

— Да, и дымовые шашки, и гранаты.

— Вот и организуйте дымзавесу минут на пятнадцать — двадцать. Достаточно будет, Иван Зиновьевич?

— Вполне!..

— Так и сделаем! Ну а минометчикам задача прежняя: в ходе артиллерийского налета подавить выявленные огневые точки врага, прежде всего в отдельных дзотах, а в ходе наступления действовать децентрализованно, по указаниям командиров стрелковых рот.

— Задача понятна, — произнес лейтенант Александров.

— Атака назначается на девять часов двадцать пять минут...

...Время перевалило за девять. Вскоре послышался гул самолетов. Я выбрался из блиндажа, стал наблюдать за их работой. Группа красноезвездных «илов» пересекла передний край и с бреющего полета из пушек, эрэсов и пулеметов била по избранным целям вражеской обороны. Ухали разрывы бомб, сотрясая зыбкую землю, — работала бомбардировочная авиация.

Из батареи Чистякова на прямую наводку был поставлен взвод хорошо знакомого нам лейтенанта Шепелева — опытного командира, мастера ведения огня этим способом. Первые выстрелы были сделаны по амбразурам. Наибольшего успеха достиг расчет орудия, которым командовал сержант Василенко, энергичный крепыш с открытым, приятным лицом. Вражеский пулемет был уничтожен с первого выстрела. Теперь расчет продолжал крошить насыпь. От частых разрывов снарядов ее заволочло дымом, и артиллеристам стало трудно

вести прицельный огонь. Этим воспользовались вражеские пулеметчики, обрушив на орудие Василенко град пуль с фланговой амбразуры. Упал подносчик красноармеец Кокунов. Орудие на минуту смолкло. Короткий перерыв в стрельбе дал врагу возможность усилить огонь. Разрывные пули зацокали по щиту пушки.

— Что растерялись? Леонтьев, замените Кокунова! — закричал Шенелев.

— Товарищ лейтенант, разрешите пару снарядов выпустить по флангирующему пулемету? — спросил Василенко у своего командира.

— Отставить! Выполняйте основную задачу! Пехота ждет брешь.

Однако вражеский пулемет успел заметить командир минометного расчета из приданной батальону минометной роты Александра, кандидат в члены ВКП(б) старший сержант Пономаренко. Несмотря на сильный огонь врага, он продолжал сидеть на дереве и корректировать стрельбу своего миномета. По его команде и был уничтожен вражеский пулемет. Пушка снова заработала в полную силу. Шевелилась узкая спина наводчика Росина, мелькали руки заряжающего Молькова. Ствол пушки то и дело двигался по своим направляющим полозьям, изрыгая пламя, откатываясь назад и вновь накатываясь вперед. Крошилась от взрывов фугасных снарядов вражеская насыпь...

Двумя снарядами, наводи под основание, огонь!.. — командовал Шенелев обоим расчетам.

Наступило время атаки. Пехота поднялась дружно. Взвод лейтенанта Хлопа устремился в брешь, проделанную артиллеристами Шенелева. Но как только стрелки ворвались в нее, на них обрушился сильный огонь гитлеровцев, укрывавшихся с внутренней стороны насыпного вала. Появились убитые и раненые, бойцы залегли. Гвардейцам помог лейтенант Шенелев. Он внимательно осмотрел в бинокль кустарник, откуда враг и вел огонь, и подал команду своим расчетам. Ударом артиллерии воспользовался командир отделения старший сержант Ванеев, высокий, румяный здоровяк. Пять карабинов и три автомата ударили разом, и отделение начало продвигаться вперед. Но враг стойко оборонялся. Укрываясь за буграми земли, с фланга группа гитлеровцев яростно ударила из автоматов.

Ах, гады! Думаете остановить? — крикнул Ванеев и, поднявшись во весь рост, бросился вперед, строча из автомата слева направо.

За командиром поднялись и бойцы. Гитлеровцы начали отползать назад. Ванеев метко бросил гранату в отступающих фашистов и с возгласом «За Родину!» повел бойцов на врага. Двоих гитлеровцев он сразил лично, остальных — около десяти — его подчиненные. Когда же был ранен командир взвода Хлоп, Ванеев взял командование на себя.

Гитлеровцы были явно обеспокоены тем, что в земляном валу проделана брешь и, несмотря на сильное сопротивление с их стороны, она расширялась. Больше сотни фашистов перешли в контратаку на участке первой роты. В цепи наступающих поднялись сул-

таны земли, огня и дыма. Бойцы Инатова вновь залегли. Степанов со своего НП наблюдал все это и вместе с нами — его помощниками и представителем штаба полка — заметно нервничал.

— Смотрите, фашисты опять пустили в ход шестиствольные минометы. Вот гады! — Вгорячах комбат сильно ударил кулаком по стволу дерева. Холодным потом покрылся его большой, пересеченный двумя глубокими морщинами лоб.

Приказав Парасочке огнем артиллерии накрыть контратакующих, он взял автомат и побежал к бойцам. За ним последовал и помначштаба полка капитан Фомичев. Вскоре им удалось поднять бойцов в атаку. Но не успела цепь пробежать и ста метров, как был смертельно ранен Фомичев. Получил касательное ранение и сам Степанов. Рота вновь залегла, не успев столкнуться с врагом в рукопашной схватке.

Организовав отprawку Фомичева на медицинский пункт, комбат остался в цепи, и рота с места отразила вражескую контратаку. До исхода дня под командованием Степанова было отражено еще три сильных натиска гитлеровцев, уничтожено более трех десятков солдат и офицеров. Но и роты несли потери. Наличных сил было уже недостаточно для развития первоначального успеха — расширения прорыва за насыпным валом. Не добились существенных успехов и соседи. С наступлением темноты бой постепенно затих. На ночь старший лейтенант Степанов возвратился на старый командный пункт.

Я вышел из блиндажа и сразу же очутился в непроглядной тьме. Чтобы привыкнуть к ней, решил немного постоять. Накрапывал мелкий дождик, неся приятную прохладу.

Я пошел в стрелковые роты. Лес наполнился шелестом ударявших о листья дождевых капель. Командира первой роты Инатова я нашел в блиндаже, добротном деревоземляном сооружении, захваченном днем у гитлеровцев. Блиндаж успели уже переоборудовать: вместо бывшей двери сделана амбразура, а в противоположной стороне — лаз.

— Хорошее убежище досталось вам для командного пункта, — сказал я хозяину. — Только вот, говорят, гитлеровцы свои блиндажи обозначают на картах и, когда они оказываются в руках противника, их разрушают прицельным огнем.

— Слышал об этом и я, да только прецедентов не видел, — ответил командир роты. — Вон сколько их мы отбили у фашистов в прошлых боях! И все они стоят целехонькими.

— Пожалуй, это верно, — согласился я с Инатовым.

Уточнив численный состав роты, рубеж, которого она достигла в ходе боя, и расстановку огневых средств, я направился во вторую роту к Газетову. Дождь не прекращался. Болотистая низина, сплошь изрытая воронками бомб и снарядов, заваленная кряжистыми сучьями, а местами и поваленными деревьями, затрудняла даже пешее движение. Учитывая все это, Инатов выделил бойца, знающего дорогу на командный пункт Газетова. И несмотря на то что связной не раз проходил по этому пути днем, ночью шел, как говорят, на ощупь. Но до НП роты мы добрались благополучно, если не считать нескольких

падений в воронки, наполненные водой. У Газетова укрытие было сделано наспех. Но я не стал уже расспрашивать командира, почему он не использует вражеские блиндажи...

Изучая схему обороны роты, сразу же заметил разницу в огневых средствах и людях по сравнению с первой ротой. Здесь «боевых штыков» и оружия было значительно меньше, а фронт обороны был примерно одинаковым. Такое положение вызвало у меня беспокойство.

— Есть ли у вас локтевая связь с соседом слева и чем прикрывается стык с ним? — спросил я у командира роты.

— Локтевой связи нет, а фланг прикрывается огнем станкового пулемета.

«Жидковато», — подумал я и решил лично убедиться в обеспечении левого фланга батальона.

Сопровождать меня вызвался сам командир. Газетов шел уверенно. Чувствовалось, что он хорошо знал свой район обороны. Мы быстро преодолели заболоченную низину и выбрались на твердую почву. Газетов показал передний край. Он проходил в сорока—пятидесяти метрах от нас.

— Вон там заканчивается сплошной деревоземляной вал, — показывая в сторону противника, сказал командир роты. — Далее идет возвышенность, где у фашистов отрыты траншеи. Это как раз середина района обороны роты. Перед насыпью сейчас находится первый взвод, а второй в количестве одиннадцати человек с двумя пулеметами, ручным и станковым из пульроты батальона, — перед траншеями врага. Эти силы и прикрывают левый фланг батальона.

— Далеко ли отсюда правый фланг соседа слева?

— Предполагаю, что в ста пятидесяти—двухстах метрах влево и несколько вперед. Выслал на связь разведку. Как только она возвратится, доложу.

Мы прошли дальше к левому флангу. Вскоре оказались у пулемета. Огневая позиция располагалась небольшим уступом, была хорошо замаскирована, расчет нес службу бдительно.

— Как ведут себя гитлеровцы? — спросил я у командира расчета.

— Непосредственно перед фронтом — тихо; видимо, отдыхают после дневной встряски, — бодро ответил сержант. — А вот метров сто левее — дежурный пулемет. Из него периодически постреливают. Там и ракеты бросают, а здесь молчат.

— Достаточно ли имеете боеприпасов?

— Старшина роты подбросил целый комплект. С этим делом — полный порядок.

Бодрые ответы пулеметчика несколько успокоили меня. Если враг перед собой прочесывает местность и освещает ее ракетами, то он, по опыту было известно, сам побаивается и активных действий предпринимать не будет. Однако было ясно и то, что надо изыскивать силы и средства для укрепления левого фланга. В противном случае, если с утра гитлеровцы вздумают перейти в контратаку, роте придется туго. Времени было уже около полуночи. Отдав от имени комбата приказание Газетову усилить наблюдение и бдительность на

стыке с соседом слева, я поспешил на КП батальона, чтобы доложить обстановку старшему лейтенанту Степанову и в штаб полка. Младший лейтенант Газетов решил остаться у пулемета.

Между тем не успел я отойти и 50 метров, как справа серия трассирующих пуль прошла темноту. От неожиданности бросился в сторону и, пробежав несколько метров, зацепился за что-то и упал. Руки мои коснулись чего-то мягкого, издававшего тошнотворный запах. Присмотревшись, я увидел, что это труп фашиста со срезанным, очевидно осколком снаряда, затылком. Гитлеровец лежал вниз лицом, уткнувшись в бруствер. Левая рука его, смахивающая на черный протез, была небрежно отброшена в сторону. Я вскочил и чуть было вновь не упал. Нога задела за что-то, бывшее причиной первого падения. Этим «что-то» оказалась металлическая цепь, один конец которой был прибит к дереву, другой — прикреплен к ноге трупа.

Не придав значения увиденному и послав несколько крепких слов в адрес виновника падения, я захватил в качестве трофея пулемет и по кратчайшему пути направился на наблюдательный пункт батальона. Но этим не закончились мои злоключения. Вскоре я попал под минометный огонь шестистолок. Спасаясь от него, бросился в лаз находившегося рядом блиндажа, где напоролся на противотанковое ружье и пистолет. Ружье могло и не выстрелить, а пистолет мог, оказался он в руках врага. К моей радости, владельцем пистолета оказался командир роты противотанковых ружей полка старший лейтенант Стельмах. Из его рассказа узнал, что для прикрытия стыка слева выслана вся его рота.

Переждав минометный налет, я возвратился на КП и доложил сложившуюся обстановку Степанову и Беляеву. Было принято решение еще до наступления рассвета усилить левый фланг батальона, переместив туда большую часть второй роты, а против вала оставить только наблюдателей. О положении на переднем крае батальона я доложил и начальнику штаба полка, рассказал ему и о своем трофее и злоключении, связанном с ним. Орлов сообщил мне, что связь с соседом слева установлена, а на стык с ним кроме роты ПТР выслана группа разведчиков из взвода пешей разведки полка.

Закончив разговор с Орловым, я взялся за составление схемы обороны батальона для утреннего боевого донесения.

К 3 часам утра 11 августа был получен приказ о продолжении наступления с прежней задачей. А в 8 часов началась артподготовка, которая продолжалась больше часа. Не одна тысяча снарядов была выпущена по врагу: огнем орудий прямой наводки было пробито несколько брешей в его деревоземляном вале. Он, казалось, был полностью разрушен. Но это только казалось. Фашисты оттянули свои пулеметы в глубину обороны, в заранее подготовленные дзоты. Не один раз гвардейцы поднимались в атаку, но всегда при преодолении брешей попадали под губительный пулеметный и минометный

огонь. Уничтожить пулеметы, а тем более минометы за валом, укрытые в прочных инженерных сооружениях, было очень трудно. Осколки мин и снарядов почти не причиняли им вреда, прямых попаданий было мало. Поэтому тем небольшим группам гвардейцев, которым удавалось прорваться за вал, приходилось под сильным огнем врага откатываться назад.

Однако за два дня боевых действий бойцы 89-го гвардейского стрелкового полка во взаимодействии с артиллеристами и минометчиками захватили около 20 дзотов и 9 отдельных пулеметных точек, подавили 3 минометные батареи (одну из них шестиствольную), взяли значительные трофеи, уничтожили более 70 вражеских солдат и офицеров. Добрая треть этих дел пришлось на долю воинов первого батальона и поддерживавших его артиллеристов и минометчиков.

Наступательные бои продолжались еще два дня. Поредели стрелковые роты батальона. Четверо суток люди были без сна и отдыха, а враг бросал в бой все новые и новые подразделения. Кроме того, 13 и 14 августа боевые порядки и командные пункты подверглись сильным ударам гитлеровской авиации. Временами казалось, что этому крошечному аду не будет конца. Трудно пришлось нашим воинам, особенно молодым. В поддержании высокого боевого духа в подразделениях большую роль сыграли коммунисты и комсомольцы. Руководимые политработниками батальона, они словом и личным примером вселяли в наших гвардейцев уверенность в победе.

Общие итоги боев в таких подразделениях, как батальон, легче подвести после беседы со старшими начальниками или с людьми, знающими их мнение. Поэтому командир и комиссар с радостью встретили всегда желанного в батальоне инструктора по пропаганде и агитации полка батальонного комиссара И. А. Докучаева, уже немолодого, опытного политработника. Чисто выбритый, подтянутый, приветливый Иван Андреевич крепко пожал руку старшему лейтенанту Степанову. Комбат пригласил гостя под ель, к своим боевым помощникам.

— Ух и жара! — сказал Докучаев, усаживаясь возле ствола дерева.

— Эта жара, Иван Андреевич, не та, что была прошлые четыре дня, — откликнулся Степанов. По лицу комбата скользнула грустная улыбка. — Так вот, бились мы бились — и все на прежнем месте. А почему? И сам не знаю.

— Может быть, вы, Иван Петрович, в чем-то и правы, имея в виду, что «где-то делается не так...». Но в целом причины ясны.

Что о них говорят там, в полку?

— Разное, но основной причиной считают недостаток силы: и в людях, и в огневых средствах. В то же время противник для удержания рамуневского коридора не жалеет ни сил, ни средств, не считается даже с огромными потерями...

Соглашаясь с доводами Докучаева, Степанов добавил:

В редкие минуты затишья

— Немаловажное значение имеет и характер местности...
— И это верно, Иван Петрович, — поддержал комбата Докучаев.

На рамушевском перешейке в районе Васильевщины гитлеровцы безжалостно вырубали лес и за три месяца создали сильную оборону. Она была построена отдельными опорными пунктами, связанными хорошо налаженной системой огня всех видов. А на отдельных направлениях, как перед Васильевщиной, опорные пункты объединены в мощнейший узел сопротивления. Опорные пункты созданы в гуще леса с открытым обзором и обстрелом по болотам, полянам или стыкам дорог. А там, где нет естественного обзора, гитлеровцы расчистили кустарники и устроили лесные завалы, заминировав их. Опорные пункты состояли из трех — пяти дзотов, расположенных в шахматном порядке, чем достигалась их взаимная связь. Перед опорными пунктами заранее готовился заградительный огонь артиллерии, который вызывался в нужный момент по радио, телефону или световыми сигналами. На твердом грунте дзоты соединены сплошными траншеями или насыпными завалами с открытыми пулеметными площадками, обеспечивающими маневр огнем. В траншеях отрывались так называемые «лисий норы», которые служили укрытием солдат во время артподготовки...

— Кроме того, лесисто-болотистая местность не позволяла вести разведку глубины обороны противника. Во многих случаях лес мешал вести прицельный огонь артиллерии, а болота — применять танки, которые в наступлении нужны как воздух. К тому же наши войска еще не накопили достаточного опыта ведения наступления в сложных условиях Северо-Запада.

— И несмотря на то что прошедшие наступательные бои не имели видимых успехов, были в них и положительные стороны,— вновь заговорил Докучаев. В голосе его зазвучали уверенные нотки.— Гитлеровским войскам были нанесены значительные потери в живой силе и боевой технике, а непрерывные бои удерживали здесь большие силы, которые могли быть использованы на других, тяжелых для нас участках фронта. Вот что показал позавчера на допросе пленный: под Старую Руссу прибыл в июле. У реки Ловать видел военное кладбище — около двух тысяч крестов. Солдаты пехотного полка, куда влилось их пополнение, чувствуют себя скверно. Каждый день потери, потери... Вот где чувствуются итоги наших действий! Важным также является для нас и то, что в этих боях наш командный состав и мы с вами значительно обогатили свои навыки управления подразделениями в этих условиях... Кстати, вы получили приказ на проведение малых операций?

— Да, получили: приказ и план действий.

— Вот и надо теперь перестраиваться. Раз приказ получен, не буду вам, Иван Петрович, мешать. Я, собственно, пришел к комиссару.

Докучаев и Беляев ушли.

— Давайте, начштаба, еще раз изучим документы и спланируем нашу работу,— сказал Степанов.

Я не спеша раскрыл полевую сумку и, найдя нужные бумаги, протянул их комбату.

Старший лейтенант Степанов, заново перечитав про себя документ, произнес:

— Уж больно подробно здесь все написано. «...Подведя итоги минувшим боям, учитывая приобретенный в них опыт, а также малочисленный состав подразделений, командование предлагает перейти к «прогрызанию» обороны противника проведением «малых операций» — действиями специально созданных штурмовых групп». Далее так и сказано: «Для уничтожения завалов, блокировки и разрушения дзотов, блокгаузов и других сооружений в каждом полку создать по одной-две штурмовые группы». Нашему полку, ввиду большого некомплекта в личном составе, приказано иметь одну группу. Ее состав: два отделения автоматчиков, два расчета ручных пулеметов, два отделения саперов с инженерным имуществом (два миноискателя, ножицы для резания проволочного заграждения, комплект ВВ, дымовых шашек и гранат), отделения ампулометчиков. Всего тридцать человек. Командиром группы назначен наш бывший командир роты лейтенант Гагаринский, а его заместителем — специалист-химик младший лейтенант Селиверстов.

Действиям штурмовых групп будет предшествовать сильный артиллерийский налет, огонь из стрелкового оружия по всему переднему краю, что создаст видимость общего наступления. Следовательно, противник, считая наши демонстративные действия за продолжение общего наступления, вынужден будет держать на перешейке крупные силы, которые мог бы использовать на других направлениях. Мы же эти силы будем перемалывать не в открытом бою, как это было

раньше, а огнем артиллерии и минометов. Если же гитлеровцы не сделают это, а снимут свои войска с нашего направления, не исключено, что для перехвата перешейка окажется достаточно и тех сил, которые мы имеем.

— Ну а какова же роль нашего батальона? — спросил Чегринец. — Штурмовая группа-то — полковая единица!

— Сказано здесь и о нашей задаче. Полковая группа на фронте обороны нашего батальона начнет действовать двадцать первого августа. Нам приказано: в подготовительный период определить объект атаки и уточнить систему огня противника в этом районе; помочь артиллеристам и минометчикам засечь вражеские огневые точки, расчистить сектора обстрела для орудий прямой наводки; отрыть дополнительные траншеи и ходы сообщения, а где нужно — и маскирующие завалы. В период действий штурмовых групп поддерживать их огнем стрелкового оружия, быть готовыми к закреплению захваченного объекта. А в случае успеха — перейти в наступление всеми силами батальона...

В 10 часов 30 минут 21 августа Приильменские леса наполнились гулом. Артиллерия и минометы вели огонь по всей глубине вражеской обороны. Орудия, поставленные на прямую наводку, разрушали избранный для атаки дзот. Саперы проделывали проходы в минных полях и проволочном заграждении, химики готовились к постановке дымзавесы.

В последние минуты артиллерийской подготовки включились в работу пулеметки, стрелки и ампулометчики, поджигая блиндаж. Вскоре по всему фронту зазвучало «ура». Но в атаку пошли только бойцы штурмовых групп. Успех сопутствовал им. Атакованный дзот, находившийся на левом фланге нашего батальона, был взят с ходу. Опомившись, гитлеровцы контратакой пытались вернуть его. Но, понеся потери, отступили. С наступлением ночи вторая рота, сменив личный состав группы, прочно закрепила отбитую у врага местность.

Бой показал, что штурмовые группы как способ активных действий малыми силами себя оправдали. На участке батальона был захвачен важный в тактическом отношении пункт, обеспечивший хорошее наблюдение за дорогой Васильевщина — Бяково и просмотр всей глубины обороны врага за деревоземляным валом.

Подобные действия были проведены и 24 августа. Значительных результатов добился соседний 92-й гвардейский стрелковый полк дивизии. Его воины отбили у гитлеровцев восемь дзотов, два блиндажа, захватили много оружия.

Однако так продолжалось недолго. Враг изучил тактику действий групп, во время артиллерийского налета пехоту стал укрывать в подготовленные «лисы норы», а перед передним краем заранее готовить сильные отсечные огни.

Командование дивизии изменило способ действий штурмовых групп. Для того чтобы достичь внезапности, за сутки до штурма избранного объекта стали проводить обработку артиллерийским огнем с закрытых позиций и прямой наводкой не один объект, а сразу

несколько с одновременной демонстрацией действий мелкими группами во всей полосе дивизии. Огневые удары наносились в разное время суток. К примеру, в ночь на 29 августа под шум артиллерийской канонады, усиленный специальными звуковыми установками, воины штурмовых групп подошлись к объекту атаки на расстояние одного броска и затаились. К рассвету огонь артиллерии прекратился, противник, по-видимому, решил, что ему удалось сорвать наше ночное наступление. Через час был сделан новый артиллерийский налет, вслед за которым стремительной атакой штурмовых групп все намеченные объекты были захвачены с минимальными потерями. Так и действовали воины первого батальона и всей дивизии до конца августа — начала сентября, поддерживая активность обороны.

В начале сентября в 89-м гвардейском стрелковом полку произошли штатно-организационные изменения: второй и третий батальоны ввиду малочисленности их личного состава были объединены в один батальон, который стал именоваться первым. Командиром этого сводного батальона был назначен капитан Иван Емельянович Маслюков, прибывший с курсов переподготовки. Батальон, которым командовал старший лейтенант Степанов, стал называться вторым.

Тропа, по которой августовским погожим утром я шел на передний край, была единственной хорошо проторенной и наиболее безопасной от вражеского огня во всем батальонном районе обороны. На фронте, вблизи от переднего края, такие стежки прокладываются, как правило, ночью, когда по полету трансирующих пуль, выплескиваемых вражескими пулеметами, можно определить так называемые «мертвые», или непростреливаемые, зоны. Знание их — неперемutable условие безопасности людей, особенно тех, кто несет службу связи, подносит пищу и боеприпасы в роты. Будучи уверенным в том, что тропа не простреливается противником, я шел не спеша, любясь стройными елями и соснами. Вдруг на повороте, между двух сосен-красавиц, я увидел красноармейца с термосом за плечами, лежащего вниз лицом прямо на тропе. Около него темнела лужица крови. «Дело рук гитлеровского снайпера, — мелькнуло в мыслях у меня, — так можно и самому угодить в оптический прицел фашиста». Я бросился с тропы в сторону и до командного пункта роты добирался с большой осторожностью.

— Это ваших гвардейцев оставил без завтрака фашистский снайпер? — спросил я Газетова, когда вошел к нему в блиндаж.

— Нет, у нас завтрак прошел нормально, — ответил командир роты, — а что, жалобы на питание поступили?

— Нет, я не о том... По дороге к вам видел убитого бойца с термосом за плечами. Видимо, он не из вашей роты...

Я позвонил Ипатову. Убитый солдат оказался из его роты. Я задумался.

— О чем думы, товарищ гвардии лейтенант? — спросил Газетов.

— О вражеских снайперах и о том, как избежать их пули на обратном пути.

— Да, вражеские снайперы на фронте все равно что моль в квартире. Сама не улетит. Ее надо выводить, клин клином вышибать.

— Правильно говоришь, Газетов. Давай вместе и поразмыслим над этим. Есть у вас в роте хорошие, меткие стрелки?

— Есть конечно!

— Тогда поручите двум-трем бойцам уничтожить этого фашиста, а то он доставит нам массу неприятностей.

Газетов запустил пятерню в свои русые волосы, потер виски ладонями, потом сказал:

— Организуем... только есть одна загвоздка: одного снимем, появится другой. Надо снайперское дело нам поставить на широкую основу. А для этого хорошо уметь стрелять для снайпера еще мало-вато. Надо, чтобы он отлично знал свое оружие, баллистику, умел выбрать позицию и замаскировать ее, распознавать повадки врага и многое другое.

— Одним словом, нужны снайперские курсы?

— А почему бы и не открыть их? К примеру, человек на десять!

— Хорошая идея! — Я с интересом посмотрел на Газетова.

— Откуда знаешь снайперское дело?

Газетов улыбнулся:

— Я ведь до войны, как и многие юноши, носил значок «Юный Ворошиловский стрелок», занимался в Осоавиахиме, затем изучал снайперское дело на фронтовых курсах усовершенствования комсостава.

— Спасибо, Николай Александрович, за советы. Обязательно учтем их...

О появлении вражеских снайперов на участке батальона я доложил Степанову и Беляеву. А спустя некоторое время движение сверхметких стрелков развернулось в полку и во всей дивизии. В полку была создана команда снайперов во главе с младшим лейтенантом Н. А. Газетовым. Ее укомплектовали добровольцами. Их набралось порядочно, но зачислялись лучшие из лучших.

— Из оставшихся добровольцев создайте батальонную группу, — приказал мне Степанов.

— Хорошо, Иван Петрович. Люди-то есть, но нужен им командир. Нет ли кого на примете у вас?

— Поговорите с командиром отделения, который снял фашиста, охотившегося на нашей дороге. Он, кажется, смысленный парень, отменно владеет оружием и опытный мастер меткого выстрела.

И вот сержант Фоменко на КП батальона.

— Командиром снайперской группы собираемся вас утвердить, товарищ сержант, — сказал я.

Фоменко, подумав, ответил:

— Снайперское дело, товарищ гвардии лейтенант, — дело интересное, и я его люблю. Только вот времени будет маловато на обучение и тренировки. У меня же стрелковое отделение...

— Это все поправимо. Мы назначим нового командира отделения.

— Коли так, я согласен!

— Вот и лады. А работа у вас получится, в вашей опытности не сомневается и командование батальона. Вон как быстро вы сняли того гитлеровца!

— Не так уж и быстро. Двое суток за ним охотились. Хитрый, бестия, попался...

— Как же вам все-таки удалось его перехитрить?

— Не хотели мы рисковать людьми. Пришлось чучело мастерить, ставить его на салазки и протаскивать между сосен. И вот когда фашист клюнул на нашу приманку, тогда и обнаружил себя. Он укрывался на разлапистой ели. Потом все было просто...

Занятия с добровольцами начались без промедления. Комиссар батальона политрук Беляев в политотделе дивизии раздобыл наглядные пособия по огневой подготовке: таблицы баллистических характеристик отечественного и трофейного оружия, правила пристрелки оружия, памятки его сбережения. На занятиях особое внимание уделялось изучению баллистики, определению расстояния до цели, умению пользоваться оптическими прицелами, изучению быта вражеских солдат и офицеров. Будущие снайперы вырабатывали в себе спокойствие и выдержку, сметку, терпение и хитрость, умение вести наблюдение за врагом. Особое внимание уделялось правильному выбору огневой позиции за естественными укрытиями: кочками, кустами, бурьяном и на деревьях, их тщательной маскировке. Для обучения этому искусству был создан специальный миниатюр-полигон, изготовлены чучела и макеты.

Учебу сочетали с практикой на переднем крае. Здесь каждому снайперу определяли сектор наблюдения, помогали выбрать огневую позицию. Первый день изучался противник. Целями для охоты назначались расчеты минометов и пулеметов, располагавшихся на открытых площадках, наблюдатели и снайперы. На второй день снайперы занимались боевой охотой. Для маскировки огня снайперов было выделено стрелковое отделение, воины которого вели залповый огонь. Результаты проделанной работы сказались незамедлительно. В первый же день, 28 августа, было уничтожено три немецких снайпера и около десятка солдат. Снайперов снял сам сержант А. Фоменко. А за сентябрь снайперы дивизии уничтожили несколько десятков вражеских солдат и офицеров.

На рубеже смены времен года на Новгородчине установилась сухая теплая погода. Все больше и больше золотилась листва на деревьях. Лето 1942 года уступало место осени. Временное затишье стояло и на фронте. В жизни войск выработался определенный ритм. Каждодневно совершенствовалась оборона, велись разведывательные поиски.

Длительное пребывание на одном месте позволило воинам батальона настолько обжиться на переднем крае, что методические налеты вражеской артиллерии и минометов, периодические пулеметные очереди перестали быть для них большой опасностью. Гвардейцы изучили и хорошо знали участки местности, которые больше всего

подвергались обстрелу. Знали мы и режим ведения огня врагом. На опасных местах были установлены дощечки с предупреждающими надписями.

Развернувшееся снайперское движение также дало свой положительный результат. Улучшились условия солдатского быта на переднем крае. И все же забота о воинах была постоянно в центре внимания командования батальона.

— Был в хозяйстве Ипатова, — сказал Беляев, войдя в блиндаж Степанова поздно ночью, когда мы заканчивали итоговое донесение. — Вместе с замполитом роты политруком Кривомазовым обошли передний край, беседовал с бойцами. Службу они несут по-гвардейски, бдительно, настроение хорошее, на питание не жалуются. Однако усталость и нервное перенапряжение у них чувствуются. И это, я считаю, закономерно. Гвардейцы более месяца не выходят с переднего края. Надо нам подумать и об их отдыхе, и мытье в бане. Как вы, Иван Степанович, считаете, есть ли у нас возможность поочередного вывода бойцов в тыл, хотя бы небольшими группами?

— Целую роту или даже взвод из каждой роты снять с переднего края, очевидно, не сможем. Уж больно мало у нас людей и жидковата оборона... А вот так, как вы, Виктор Иванович, предлагаете: выводить в тыл на короткое время небольшие группы, дело, пожалуй, стоящее, осуществимое. Что вы, начштаба, скажете по этому поводу?

— Считаю, что группы по семь—десять человек, причем из разных рот, снимать с переднего края без ослабления прочности обороны можно. Думаю, что и командование полка нас поддержит. Ведь оно и само понимает, что в отдыхе и санитарной обработке наш личный состав нуждается.

— О необходимости организации отдыха и санитарных нуждах воинов я тоже думал, — сказал Степанов. — Баню организовать легче. На это времени много не потребуется. А вот с отдыхом — сложнее. Не открывать же нам санаторий? Засмеют!

— Конечно, санаторий мы не откроем, — сказал комиссар. — А почему бы нам не открыть одно-двухдневный дом отдыха? Посылать же туда на первых порах воинов, отличившихся в бою. Это было бы и заботой о людях, и стимулом повышения их боевитости.

— А ведь это настоящая идея, Виктор Иванович, — поддержал комиссара комбат. — Сможем ли мы набрать людей для строительства блиндажей?

— Найдем, — поддержал я. — Мобилизуем всех свободных бойцов из санитарного взвода, взводов связи и снабжения. Если же и их будет недостаточно, часть людей возьмем из минометной роты. Думаю, что для такого дела гвардейцы сил не пожалеют.

— Так и решим, — заключил Степанов. — Всю организацию по строительству и оборудованию блиндажей и контроль за работой возлагаю на вас, товарищ Вязанкин.

— Есть!

Наутро, захватив командира взвода снабжения старшину Васильченко, я двинулся на рекогносцировку. Поиски места для строительства были недолгими: облюбовали небольшую возвышенность

в густом лесу. К полудню были собраны люди. Руководителем стройки назначил старшину Васильченко, расторопного и находчивого хозяйственника.

Заложили сразу три блиндажа: два — под жилье и один — для бани. Работа у солдат спорилась. К вечеру котлованы были готовы, а на следующий день стенки землянок выложили сосновыми плахами, верх накрыли накатником в три ряда, скрепили их скобами и засыпали толстым слоем земли. Получились добротные инженерные сооружения. Немало изобретательности проявил старшина Васильченко при оборудовании блиндажей. Из мешков он сделал наволочки для матрацев и подушек, набил их сухим мхом, добыл чистые простыни, а позднее организовал усиленное питание.

Баню оборудовали по-старорусски: с каменкой и полоком, на котором можно было попариться с березовым веником. В них-то недостатка не было.

На третий день после принятого комбатом решения дом отдыха был открыт комиссаром Беляевым. Первыми здесь отдыхали лучшие бойцы батальона. А вскоре дом отдыха посетили командир и комиссар полка с группой командиров из других подразделений...

Инициатива второго батальона была одобрена командованием полка...

В один из погожих осенних дней я покидал свой батальон, направляясь в тыл на командирские курсы.

Друзья провожали до автомобиля, и, когда наступила минута прощания, меня вдруг охватила неожиданная грусть. Да такая ли уж и неожиданная? Ведь это был батальон, в котором я воевал, это был родной фронтовой дом, боевая семья, здесь были друзья, делившие со мной все радости и печали...

Прощаясь с ними, я обещал обязательно вернуться, но тяжелое предчувствие разрывало сердце. Удастся ли свидеться? Ведь так невелико «долголетие-долгожитие» командиров батальонного звена!

К сожалению, предчувствие не обмануло меня. Когда через четыре месяца я вернулся в родной 89-й гвардейский стрелковый полк, то узнал, что командир батальона капитан Иван Петрович Степанов был тяжело ранен и его заменил старший лейтенант М. С. Чегринцев. Но недолго Михаилу Самуиловичу довелось командовать батальоном. 28 декабря 1942 года в ходе наступления одна из рот залегла под сильным огнем гитлеровцев. Старший лейтенант М. С. Чегринцев сам повел бойцов вперед, но осколок вражеской мины сразил его. Не осталось в батальоне и других моих старых друзей...

До конца марта наш полк в составе 28-й гвардейской стрелковой дивизии участвовал во многих упорных, изнурительных боях, о которых в сообщениях Совинформбюро говорилось весьма скупое, как о боях местного значения. Однако любой бой — это всегда тяжелейшее испытание, это предельное напряжение всех сил, моральных и физических. Бой — это раны, кровь, гибель товарищей. Тем более воевать нам довелось в условиях лесисто-болотистой местности, когда

бойцам приходилось по многу дней лежать буквально в воде, подстелив под себя еловый лапник или хворост: ведь каждая ямка, ложбинка, канавка, в которых можно было укрыться от вражеских пуль и осколков,— все было затоплено водой. Зимой же завывание вьюг, колющие поземки, морозы, глубокие снега...

Несмотря на все трудности, мы выполнили приказ Родины: не пропустили фашистов на Валдайскую возвышенность, помогли защитникам Ленинграда, оттянув на себя значительные силы врага, не допустили переброски их на другие важные участки советско-германского фронта...

29 марта 1943 года 89-й гвардейский стрелковый полк на станции Любница погрузился в два железнодорожных эшелона. И когда стемнело, мы наконец услышали перестук колес. Поезд увозил нас из этих мест, обильно политых кровью товарищей...

Спустя месяц эшелоны прибыли на станцию Нижнедевицк. Наш полк выгрузился и начал сооружать тыловые рубежи обороны на Курской дуге. Затем полк участвовал в составе 28-й гвардейской стрелковой дивизии в контрнаступлении на белгородско-харьковском направлении. За успешные боевые действия при освобождении Харькова наша дивизия была удостоена почетного наименования Харьковской, а позднее стала и Краснознаменной. Многие воины получили правительственные награды. Вместе с родным полком мой путь прошел через трудные бои на днепровском плацдарме, за Кривой Рог, Вознесенск, довелось форсировать реки Ингулец, Ингул, Южный Буг, Днестр, Дунай. Под Раздельной был ранен во второй раз, но после госпиталя сумел вновь вернуться в родную часть и встретил Победу вместе с однополчанами в освобожденной Болгарии.

Войну Степан Петрович Ивлев встретил в 129-м истребительном авиационном полку. В трудные июньские дни техник самолета с боями выходил из окружения. Затем в составе истребительных авиачастей С. П. Ивлев прошел всю войну — на Западном, Калининском, Сталинградском, 4-м и 2-м Украинских фронтах.

Более 3 000 боевых самолето-вылетов облетел он вместе со своими товарищами. 120 самолетов, поврежденных в боях, вернул к жизни. За боевые заслуги Степан Петрович отмечен тремя орденами, многими медалями.

НА ФРОНТОВЫХ АЭРОДРОМАХ

Белостокское приграничье

Наш 129-й истребительный авиационный полк до войны стоял в Белоруссии. Командовал полком майор Т. Г. Вихров, опытный воздушный боец, прошедший испытания в республиканской Испании, на Халхин-Голе и Хасане. О заслугах и недюжинной храбрости Тимофея Григорьевича свидетельствовали четыре боевые награды: орден Ленина, два ордена Красного Знамени и монгольский орден.

Я только что окончил Вольское военное авиатехническое училище и вот прибыл для прохождения дальнейшей службы в эскадрилью капитана Сергеева. Инженерную службу в подразделении возглавлял военный инженер 3 ранга Вовк.

— Из Вольска, значит? — спросил инженер и тут же заключил: — Доброй славой пользуется училище, хороших специалистов готовит.

Я рассказал как можно более обстоятельно, какие мы самолеты изучали, в свою очередь поинтересовался — поступают ли на вооружение полка новые машины.

— Ожидаем «Чайки», — ответил Вовк.

«Чайками» назывались истребители И-153, серийное производство которых началось в нашей стране в 1939 году. Это был модифицированный самолет И-15, прошедший боевые испытания в небе над Халхин-Голом, в боях с финнами.

— В перспективе на вооружение авиачастей будут поступать «яки», «миги», а может быть, «лаги», — добавил инженер. — Опытные образцы уже есть, сейчас они проходят войсковые испытания.

Затем Вовк рассказал о структуре нашего полка, который состоял из четырех эскадрилий. В каждой эскадрилье было по пять звеньев. «Шестьдесят с лишним машин — это же силища!» — с восхищением подумал я.

В ожидании боевых машин летчики и техники занимались теоретической подготовкой, перенимали у старших товарищей опыт воздушных боев, правила летней и зимней эксплуатации боевых машин. Мы слушали доклады, лекции и беседы о борьбе Советского Союза за мир и коллективную безопасность, об укреплении наших границ на Дальнем Востоке и северо-западнее Ленинграда, об освободительном походе Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину, о восстановлении власти Советов в Прибалтике и вступлении народов Бессарабии и Северной Буковины в состав СССР.

Однажды старший инженер полка военный инженер 2 ранга Зверев собрал технический состав и объявил:

— Прибыл специальный железнодорожный эшелон с «Чайками». Для нас. Разобранные самолеты упакованы в деревянных ящиках. При разгрузке прошу действовать осторожно, не применять силовые приемы по методу «раз, два — взяли!». После перевозки боевых машин на аэродром приступим к их сборке. Руководить всей работой будут инженеры эскадрильи и техники, ранее знакомые с этими машинами. Никакой спешки. Качество сборки — прежде всего.

На стоянку самолетов приходили летчики, командиры эскадрилий — всем не терпелось посмотреть новые истребители. Младший лейтенант Ефремов, заместитель комэска, воевал с финнами, был награжден орденом Ленина, медалью «За отвагу». Он особенно тщательно всматривался в «Чайку» и удовлетворенно заключил:

— Ну что, друзья, кончилось время поголовного безлошадья? — И засмеялся. (Обычно летчиков, не имевших самолетов, называли «безлошадными».) — Может, вам помочь в работе? А то, чего доброго, придет время летать, а вы покажете от ворот поворот: скажете, мол, мы вкалывали, а Ефремов байки рассказывал...

— Мы не из таких, — резонно заметил моторист Григорьев. — Вот соберем «Чайку», и, пожалуйста, летайте — хоть рядовой пилот, хоть командир полка.

— Молодец, Коля, — одобрил Ефремов и, взяв ключ, стал помогать нам в сборке машины.

Наконец самолет был собран, мотор расконсервирован, баки заправлены бензином и маслом, бортовые баллоны — сжатым воздухом и кислородом. Подъехал стартер — специальная автомашинка для раскручивания воздушного винта. Моторист поставил металлические колодки с шипами под колеса шасси, а я занял место в кабине самолета. Начался запуск мотора. Сначала он неуверенно зачихал, задымил, выбрасывая из выхлопных патрубков огненно-бурые космы вместе с масляными брызгами. Автостартер отъехал к другому самолету, тут я прибавил обороты двигателю — тряска мотора не обнаружил, стрелки приборов — тахометра и маслومانометра — медленно поползли и задвигались слева направо... Все шло хорошо.

Моторист Григорьев, стоя у левой консоли крыла, внимательно следил за мной. Инженер Вовк прислушивался к ритму работы мотора, словно врач к пульсу выздоравливающего человека, поглядывал — нет ли течи бензина, масла. А я, улавливая их озабоченность, понимая торжественность момента, уверенно двинул сектор

газа вперед, и винт завращался еще быстрее. И вот двигатель ревет уже во всю мощь, как бы славя человеческий разум, труд большого коллектива людей, создавших его во имя защиты родной земли.

Сбавляю обороты и снова сектор газа — до упора. Мотор не захлебывается, — стало быть, приемистость хороша. Ефремов улыбается, показывает большой оттопыренный палец: дескать, все в норме. Я выключаю зажигание и, тоже довольный, открываю створку кабины.

— А ты, Степан, — слегка улыбаясь, говорит летчик, — даже вспотел. Волновался, что ли?

— Волновался, — признаюсь Ефремову. Да и как мне было не волноваться, если опробование работы мотора — проверка всех наших усилий и мастерства по подготовке машины к завтрашнему облету боевой машины.

В ту ночь спалось беспокойно: думал о предстоящем дне, о том, как будет вести себя машина в полете, какой сюрприз преподнесет летчику, какие выявятся дефекты производственного или эксплуатационного характера. Предстояло нечто вроде экзамена на мою техническую зрелость, способность обслуживать боевой самолет. Но опасения оказались напрасными. Первый экзамен я выдержал.

Вот так в повседневных хлопотах проходили учебные будни авиаторов нашего полка. Зима сорок первого года была уже на исходе, и мы начали готовить боевую технику к весенне-летней эксплуатации, чтобы с наступлением первых теплых дней перебазироваться в лагеря, где предстояло совершенствовать ратное мастерство. Наконец все приготовления были закончены, мы уже начали перебазироваться на полевой аэродром, как вдруг поступило распоряжение осваивать истребители МиГ-3.

Переучивание на новые самолеты проходило ускоренно. В зависимости от условий погоды полеты проводились либо в первой, либо во второй половине дня. Иногда полк летал в две смены позаскадрильно, так что техники самолетов трудились практически круглосуточно — нам нельзя было допустить, чтобы самолет оставался не подготовленным к очередному вылету.

Как-то раз младший лейтенант Ефремов, перед тем как сесть в кабину самолета и лететь на выполнение очередного упражнения, неожиданно снял шлемофон и стал прислушиваться, пристально вглядываясь в майское небо.

— Вы что? — спросил я заместителя командира эскадрильи.

— Кажется, гул моторов чужого самолета, — не меняя настороженной позы, ответил он.

Минуту спустя Ефремов уже уверенно сказал:

— Совершенно точно — самолет чужой! Так гудят моторы «Даймлер-Бенца». С немецкими машинами мне приходилось встречаться в небе над Карельским перешейком.

Вскоре на большой высоте и в самом деле появился До-215 — германский самолет, приспособленный для разведки и действий ночью.

— Заблудился, что ли? — предположил я.

— Ни черта не заблудился... — выругался летчик. — Это наверняка воздушный разведчик. Вынюхивает, сволоочь, что и как тут у нас, в приграничье.

С другого конца самолетной стоянки, не выруливая на наветренную сторону, как говорится по-зрячему, взмыла в воздух машина майора Комарова. За ней поднялись в небо еще два «мига». Все три истребителя стремительно пошли наперехват воздушному лазутчику. Вылет Ефремову временно отменили.

— На «Дорнье» установлена аэрофотоаппаратура, позволяющая производить съемки с больших высот. Один такой самолет может нащелкать сразу до сотни фотоснимков. «Дора» — птица опасная, коварная! — наблюдая за воздушной обстановкой, комментировал Ефремов.

Экипаж немецкого самолета, должно быть, заметил наших истребителей и повернул в сторону Польши. Звено во главе с Комаровым, продемонстрировав возможность надежного воздушного заслона, возвратилось на аэродром.

Однополчане окружили перехватчиков. Начались расспросы: почему не пошли на догон, почему не дали ни одной пулеметной очереди по нарушителю воздушного пространства?..

Майор коротко ответил:

— Нельзя, братцы. Есть приказ о запрещении открывать огонь. Боевая схватка может привести к нежелательному инциденту. У нас же договор о ненападении...

Позже мы неоднократно видели такие полеты немецких разведчиков: пересекут границу и, напоровшись на наших истребителей, возвращаются восвояси.

Разбойное нападение

Лагерный палаточный городок спал глубоким сном, только часовые с оружием мерно вышагивали по самолетным стоянкам, у складов с горюче-смазочными материалами, боеприпасами, вдоль линейки наших брезентовых палаток. Крепкий сон лагеря неожиданно прервался хаосом раздирающих душу звуков. В воскресенье 22 июня 1941 года предутреннюю тишину нарушил грохот рвущихся снарядов.

— Тревога! Тревога! — летело в палаточном городке.

Часовой чем-то колотил по стальному обрезу рельса, подвешенному на тросах около полосатого деревянного «грибка» дежурного. Летчики и техники привычно выскакивали из палаток и стремглав бежали к стоянке своих самолетов. Все были уверены, что это обычная учебно-боевая тревога...

Летчики-истребители М. Богданов, В. Ефремов, В. Николаев, А. Соколов, Б. Журин и другие на самолетах И-153 и МиГ-3 быстро выруливали на старт и поднимались в воздух. Как рассказывали потом пилоты, набрав высоту, они увидели весь горизонт в огне: горели пограничные села и города, беспрерывно рвались бомбы,

снаряды. В воздух успело подняться несколько звеньев, как со стоянок своих самолетов мы заметили приближающиеся к нашему аэродрому неизвестные самолеты.

Но вот машины с фашистской свастикой и черными крестами вошли в пикирование. С высоты 300—400 метров они сбросили бомбы — и все это осколочное, фугасное и зажигательное полетело на нас. Зенитной артиллерии на нашем аэродроме не оказалось, никаких укрытий для самолетов и личного состава не было. В результате этого первого внезапного налета врага полк понес потери как в живой силе, так и в технике.

По стоянкам эскадрилий метался старший инженер полка и охрипшим от напряжения голосом кричал:

— Рассредоточивайте машины!.. Маскируйте кустарниками!..

А в это время на нас наваливалась вторая волна гитлеровских самолетов, затем последовала третья, четвертая... Как видно, враг решил полностью вывести из строя летное поле и уничтожить оставшиеся на земле машины. Ухали взрывы, били пушки, зло трещали пулеметы. В воздух султанами вскидывалась земля, и языки пламени лизали аэродром уже со всех сторон.

Истребители, успевшие взлететь до начала налета вражеской авиации, в этом первом бою с противником стояли насмерть. Боевой счет полка открыл старший политрук А. М. Соколов. Другие летчики также уничтожили несколько «мессеров» и «хейнкелей».

Тяжело пришлось в те первые часы войны и нам, техническому составу: помимо подготовки исправных машин к повторным вылетам мы наскоро латали пробоины в их плоскостях и фюзеляжах, заменяли выведенные из строя детали, узлы, агрегаты. Вся эта работа в нашей эскадрилье проводилась под руководством воентехника Н. Г. Мищенко.

Только после полудня мы узнали о том, что Советское правительство известило по радио о вероломном нападении фашистской Германии и призвало мобилизовать все силы на разгром врага.

...Нашему аэродрому грозило окружение. Он был уже полностью непригоден для взлета и посадки самолетов. Связь полка с дивизией прервалась. И тогда командир полка капитан Ю. М. Беркаль приказал срочно передислоцироваться восточнее. Едва мы прибыли и обосновались на новом месте, как налетела фашистская авиация и нанесла штурмовой удар по этому аэродрому. И вновь вокруг — воронки, поврежденные на земле самолеты, горящие автомашины батальона аэродромного обслуживания. Успевшие подняться в воздух летчики М. Богданов, Ф. Дахов, Н. Дмитриев, В. Николаев и Б. Журин вступили с гитлеровцами в неравный бой — немцы вынуждены были повернуть восвояси. Однако спустя некоторое время налет повторился.

Уже смеркалось, когда на стоянку моего самолета прибежал посыльный и сказал, что меня вызывает командир полка. «Зачем понадобился капитану Беркалю? Может, посыльный перепутал?» — подумал я и переспросил. Красноармеец повторил, что надо срочно идти именно к командиру полка. Тогда, оставив машину на при-

смотр моториста, я пошел на полковой КП. Вместе с командиром там были его заместитель по политчасти В. П. Рулин и временно исполняющий обязанности старшего инженера полка В. Т. Хоменко. Вид у них был озабоченный. Все они рассматривали полетную карту.

— Вот что, товарищ Ивлев,— начал разговор капитан Беркаль.— Полк сейчас вылетает на аэродром Квартеры, откуда будет продолжать боевые действия. Здесь работать нельзя... Но у нас не все самолеты, как вы сами знаете, исправны. Они повреждены во время бомбежки. Поэтому...— Командир кивнул в сторону Хоменко, и тот продолжил:

—...поэтому как можно быстрее надо восстановить неисправные машины, чтобы не оставлять их противнику. Не исключено, что танковые и механизированные части немцев в скором времени появятся в нашем районе. Старшим группы техников, механиков и мотористов назначаетесь вы. Понятно?

— Так точно!

— Подготовленные машины,— снова заговорил командир,— перегонят на полевой аэродром Квартеры летчики во главе с замполитом вашей эскадрильи лейтенантом Сноповым.

— Ясно, товарищ капитан!

В разговор вступил батальонный комиссар Рулин:

— Ну, а если паче чаяния фашисты нагрянут до того, как вы сумеете восстановить самолеты, придется их сжечь, а самим уходить на восток с нашими наземными подразделениями — пехотой, артиллерией, с кем придется... А там разберетесь, что к чему. Найдете наш полк — язык, говорят, до Киева доведет...

— Вот теперь все, товарищ Ивлев,— сказал капитан.— Мы надеемся на вас. Справитесь с заданием?

— Постараюсь, товарищ командир.

— Тогда немедленно приступайте к работе, время не ждет. Инженер, дайте Ивлеву список группы авиаспециалистов, которые поступят под его начало.

В списке были фамилии воентехников Алексея Загорского, Григория Злотника, Николая Ильина, других моих однополчан различных служб.

И вот последние «Чайки» и «миги» поднялись с аэродрома, взяли курс на Квартеры, а наша группа принялась ремонтировать неисправные и разбитые самолеты. Работали мы всю короткую июньскую ночь без отдыха. Под брезентовыми навесами очень тщательно следили за соблюдением светомаскировки. К утру успели заменить два воздушных винта, водяной и масляный радиаторы, несколько колес шасси, заделать пробоины на фюзеляжах, плоскостях и хвостовых оперениях, поставить несколько трубопроводов и других агрегатов и деталей. Нам помогали и летчики, с нетерпением ожидавшие отремонтированные самолеты. И вот наконец пять машин полностью готовы к вылету.

Я доложил об этом Снопову.

— Готово? Спасибо, друзья! — обрадовался лейтенант.— Это бесценный подарок полку. Машин сейчас не хватает, сами

знаете... Ну, мы полетели. А вы тоже не медлите, уезжайте отсюда поскорее.

Взлетев, пилоты прощально покачали нам крыльями самолетов и ушли в направлении нового аэродрома. А мы, техники, механики и мотористы, собрали необходимое техническое имущество, свои пожитки, погрузили на автостартер, на полторку, разместились сами и направились в сторону Белостока.

Уже в дороге узнали, что город этот занят немцами. Пришлось поворачивать обратно и проселочными дорогами пробираться на восток. На подступах к Волковыску шел бой с гитлеровцами. Сильной взрывной волной меня оглушило и присыпало землей при разрыве бомбы. Не найди меня, товарищи направились дальше и, прибыв в полк, доложили командованию, что я погиб под Волковыском. Батальонный комиссар Рулин написал моим родителям в Ульяновскую область скорбное письмо, в котором сообщалось, что я героически погиб в боях за Родину. Это письмо очень долго хранил мой отец и частенько читал его родственникам...

Нет надобности рассказывать подробно, что было со мной дальше. Ранение, артиллерийская батарея какого-то арьергардного полка, окружение, сводная группа воинских подразделений, вырвавшихся из окружения...

Последний наш бой был под Борисовом. Наконец мы вышли на территорию, не занятую противником. Здесь разобрались, кто из какого рода войск, и начали отправлять на автомашинах в Могилев, где находился пункт реформирования. Там выяснили, из какой я части, и после наведения необходимых справок направили в полк.

Можно себе представить, с какой радостью и удивлением встретили меня сослуживцы. Друзья забросали вопросами, наперебой просили рассказать о всех подробностях выхода из окружения. Переодели, переобули, накормили, перевязали раны...

И вот я снова приступил к выполнению своей привычной работы — принялся обслуживать боевую машину после трехнедельного перерыва. Самолетов в полку оставалось мало, и мы с нетерпением ожидали поступления из тыла новой техники. Наконец настал день, когда заводские летчики, перегонявшие самолеты для действующих авиационных частей, сдали нам МиГ-3. В это время по распоряжению командующего ВВС Западного фронта из состава нашего 129-го истребительного авиаполка девять экипажей были переведены в 401-й истребительный авиационный полк особого назначения. Вместе с летчиками перевели техников. Словом, попал я со своей эскадрилей в новую часть.

20 августа прибыли мы под Вязму. После тяжелых оборонительных боев полк потерял значительную часть самолетов и вынужден был передислоцироваться (он был переименован в 263-й истребительный).

Помню те напряженные дни. На моем самолете летал заместитель командира эскадрильи Иван Матвеевич Киевский. Однажды во время сопровождения штурмовиков на боевое задание ему пришлось

вступить в неравную схватку с немецким истребителем. На поврежденном самолете наш летчик не мог дотянуть до своего аэродрома и произвел вынужденную посадку с убраннным шасси на нейтральной полосе. Не успел он вылезти из кабины, как гитлеровцы открыли пулеметный огонь. И все же Киевскому удалось уйти — добраться до расположения наших наземных войск, а затем отыскать и полк.

— Машина сильно повреждена, — доложил летчик командиру полка. — Но, по-моему, ее можно еще отремонтировать на месте и вывезти на свою территорию.

— Операция рискованная. Надо спросить, найдутся ли добровольцы для такого дела...

Выхать на нейтральную полосу вызвались многие, но по праву хозяев самолета мы с мотористом Семеном Поповым никому не уступили этой чести, этого доверия. Машина наша, стало быть, нам ее и восстанавливать, возвращать в боевой строй.

На место вынужденной посадки с нами поехал еще один опытный механик — Георгий Жернаков. Уже в сумерках мы осмотрели самолет и убедились, что повреждения машины настолько серьезны, что устранить их на месте приземления нет почти никакой возможности. К тому же наш МиГ-3 лежал на фюзеляже. Да и враг совсем рядом...

— Что будем делать, товарищ техник? — спросил Жернаков.

— Спасать машину. Их и без того мало в полку... — ответил я, твердо решив преодолеть, казалось, невозможное.

— А как же спасти? — удивился Попов.

— Вытаскивать надо самолет с нейтральной полосы. Для этого придется сначала поставить его на «ноги»...

Около часа делали мы подкоп под шасси. Затем с помощью красноармейцев переднего края установили «хвост» самолета в кузов автомашины и отбуксировали его в более безопасное место. Дальше было проще. Отсоединили консоли крыла, уложили их на борт автомашины и прибуксировали самолет на свой аэродром. Так, буквально из-под носа противника, мы вывезли истребитель.

Специалисты ПАРМа, техники эскадрильи — мои боевые друзья — помогли заменить воздушный винт, водяной радиатор, элерон, отремонтировать левую консоль крыла, стабилизатор с рулем высоты и другие детали и агрегаты. На эту работу ушло менее суток. И как же было отрадно на душе, когда на восстановленном самолете Иван Киевский снова поднялся в воздух.

— То ли хвостовой номер — ноль пять — счастливый у нашей машины, то ли командир экипажа удачливый, — заметил старшина Жернаков. — За месяц боев на ней произведено сто семнадцать боевых вылетов! Дважды была подбита. А вот поди ты — полетела на задание... Наши летчики сбили на этом самолете десять машин противника и еще не одну угробят!..

Механикам, которые трудились днем и ночью, восстанавливая разбитую машину, была объявлена благодарность. А на фронте для нас, техников самолетов, механиков, мотористов, не было ничего дороже доброго слова летчиков о нашей работе.

Как это нередко бывало на войне, ослабленные в сражениях с врагом части и соединения пополнялись личным составом, боевой техникой, а иногда и переформировывались. Так произошло и с нашим 263-м истребительным авиаполком.

Часть летчиков на исправных самолетах перебазировалась на аэродром, расположенный от района боевых действий за несколько десятков километров, остальные же не могли этого сделать — их машины были повреждены в боях. Для восстановления этих самолетов командование выделило группу техников, авиаспециалистов, в которую вошел и я.

— Работы у нас очень много, а времени в обрез, — сказал старший группы воентехник А. И. Марфин. — Бои идут уже на подступах к аэродрому, немцы вот-вот будут здесь. Надо спешить...

Для ремонта машин у нас нашлось все необходимое, и мы тут же приступили к делу. Работа спорилась. Дружно, всей группой, выполняли мы трудоемкие операции: замену воздушных винтов, бензобаков, маслобаков. Мелкие детали и агрегаты — магнето, свечи, дюриты, трубопроводы — заменяли в одиночку или по двое.

— Нашему брату мало быть только техником или механиком, — вытирая пот с лица, улыбаясь, подбадривал Георгий Жернаков, — надо быть и землекопом, и такелажником, и еще невесть кем...

— Шевелись, шевелись, специалист широкого профиля, — в тон Георгию отвечал Михаил Алексеенко. — Бери-ка вон лопату-штыковку — подкапывай!

— Прежде чем подкапывать, надо немного приподнять обе плоскости — сначала на бревнах, а потом винтовыми подъемниками, — деловито уточнил Жернаков.

Все согласились. Приподняли, подкопали, выпустили шасси машины и отбуксировали ее подальше. При более внимательном осмотре я обнаружил, что осколком снаряда пробит подкос мотогондолы. Такой самолет нельзя было выпускать в воздух, хотя командир нашего звена лейтенант В. Я. Алкидов изъявил желание лететь на нем.

— Взлететь-то, пожалуй, можно, а вот как будете садиться? — резонно заметил Марфин.

Сваривать подкос с установленным на машине мотором было категорически запрещено специальной инструкцией: мог возникнуть пожар.

— Что же делать? — спросил летчик.

— Ладно, — махнул рукой Марфин. — Чего нельзя делать в мирное время, то во время войны... Погрешим перед инструкцией. Не оставлять же машину фрицам.

Вдали от аэродрома уже слышался грохот боя. Это заставляло всех работать так, как никогда прежде.

Александр Иванович распорядился натянуть брезент над «мигом», подвести сварочный аппарат и изолировать место сварки асбестом. Сварщик, солдат из передвижных авиамастерских, накинув на лицо

защитный щиток, принялся за дело. И спустя каких-то десять минут подкос был сварен.

— На новом месте может сломаться, а на моем шве никогда! — заверил пармовец.

— Молодец! Ювелирная работа, — похвалил Марфин.

Теперь все машины были готовы. Летчики благополучно поднялись в воздух, а мы, техники и механики, снова на батальонной полуторке направились к месту базирования полка. Все оставшиеся в полку самолеты были сведены в одну эскадрилью, а точнее, группу, и по приказу командования ее передали в 521-й истребительный авиационный полк. Еще один мой боевой полк...

В его состав наша группа влилась в самый тяжелый период битвы под Москвой — в середине октября 1941 года. В этом полку оказалось три типа истребителей — МиГ-3, Як-1 и ЛаГГ-3. Все их предстояло обслуживать, так что многому приходилось учиться на ходу. А если учесть, что опять окружение... Из его плотного кольца многим из нас удалось выбраться транспортными самолетами, некоторые же механики и техники вопреки инструкции покидали осажденный район в технических отсеках самолетов-истребителей. Это резко ограничивало маневренную способность машины и, конечно, затрудняло ведение воздушного боя, но обстановка требовала идти и на такое. Риск был оправданный.

Наступали предзимние холода. Тыловые органы щедро обеспечили нас теплой одеждой, обувью, а нашу технику водомаслосмазочниками, подогревательными лампами, ватными чехлами для моторов, волокушами и катками для уборки на аэродроме снежных заносов.

Словом, мы имели все необходимое, для того чтобы встретить первую военную зиму во всеоружии. Для технического состава строительные батальоны подготовили землянки. Относительный уют в них мы наводили сами: мастерили спальные нары, столы, скамейки, вешалки для просушки одежды и обуви. Печек-«буржук» заводского изготовления не хватало, и мы заменяли их железными бочками с прорезанными дверцами для топлива и смонтированными трубами, выводившимися через оконца землянок. В качестве осветительных приборов применяли электролампочки от аккумуляторов, небольшие гильзы от снарядов, всяческие плошки, в которых горели фитили-самоделки, питаемые керосином или бензиново-масляной смесью.

Сильные морозы принесли нам немало неприятностей. Эта военная зима стала, пожалуй, одним из самых трудных периодов нашей боевой работы. На вооружение фронтовой авиации стали поступать самолеты с жидкостным охлаждением, а большинство летчиков и техников не имели опыта эксплуатации таких самолетов в условиях зимнего времени.

Ввиду того что моторы жидкостного охлаждения эксплуатировали поначалу на воде, для поддержания в постоянной боевой готовности самолетов приходилось проводить запуски и прогревы моторов

через каждые 40—50 минут в зависимости от температуры воздуха. Все это осложняло нашу работу, вызывало чрезвычайное переутомление и нередко приводило к задержке самолетов при вылетах на боевое задание, а порой и к выводу машин из строя.

Помню случай, когда не спавший несколько ночей механик во время запуска мотора забыл снять с него чехол. Рядом стоящий моторист увидел загоревшийся чехол и сумел вовремя затушить пожар. Другой молодой механик, стараясь быстрее подготовить самолет к полету, открыл пробку расширительного бака системы охлаждения, когда вода еще не остыла, и получил сильный ожог лица, рук.

Бывали случаи замораживания водяных радиаторов. Так, во время прогрева мотора из туннеля водорадиатора выпала заглушка, и соты водяного радиатора мгновенно были заморожены — самолет временно вышел из строя.

Придя в землянку, где мы отдыхали, механик С. Попов доложил мне:

— Товарищ техник звена, на самолете заморожен радиатор. Как быть?

У меня не укладывалось в голове, как у такого опытного специалиста, обслужившего более сотни боевых вылетов, вдруг заморозился радиатор.

— Ты знаешь, чем это грозит? — сказал я ему. — Ведь самолет утром должен быть готов к полету!..

Попов, ссутулившись, пробурчал что-то невнятное. И, выяснив обстоятельства замораживания радиатора, мы всем звеном отправились к самолетной стоянке. Мы попытались разморозить радиатор горячей водой из водомаслозаправщика, но вода уже не сливалась. Кран был заморожен. Ничего не оставалось делать, как заменить радиатор. Но где найти его? На складе радиаторов не было. Тогда мы поехали на разделочную базу аварийных самолетов и сняли радиатор с недавно подбитой и списанной машины. Старый же, слегка замороженный, отправили в ПАРМ-1, где его оттаили, проверили на герметичность под давлением. Но это уже был наш резерв, который вскоре тоже пригодился — для восстановления другого самолета.

С водяными радиаторами в ту зиму мы хватили немало горя. Потом, по указанию главного инженера ВВС, стали использовать специальную жидкость — антифриз, не замерзавший при довольно низких температурах. Это, конечно, в значительной степени облегчило нашу работу и повысило боевую готовность авиационных частей.

Тяжелые дни переживала Москва. Но, несмотря на близость фронта, 6 ноября 1941 года состоялось заседание Московского Совета, посвященное 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Перед нами тогда была поставлена ответственная задача: не пропустить фашистов к столице. И мы ее успешно выполнили.

Тогда, в битве под Москвой, у нас был выработан негласный, но твердый порядок: не уходить с аэродрома, пока хоть один самолет в неисправном состоянии. Поэтому работа на аэродроме продолжалась целыми сутками.

К этому времени в наш полк прибыли новые самолеты — Як-1. Большую помощь летному и техническому составу в изучении нового истребителя оказал техник звена Г. Сотов, который уже работал на такой машине в другом полку. Но тем не менее трудностей при переходе на этот самолет было немало.

Работа техников усложнялась еще и тем, что в полк прибыло пополнение летчиков, которых приходилось доучивать непосредственно на фронте в ходе боевой работы. Причем сложившаяся фронтовая обстановка предъявляла к молодым авиаторам суровые требования: нужно было в сжатые сроки в совершенстве изучить самолет. И поэтому, когда через несколько дней после сдачи зачетов, контрольных полетов летчики были допущены к выполнению боевых заданий, на техников звеньев и механиков легла дополнительная ответственность за грамотную эксплуатацию самолетов, за жизнь молодых и еще неопытных летчиков.

Вспоминается, как один пилот при подготовке к вылету забыл во время запуска закрыть воздушный кран запуска мотора. Весь воздух из воздушной системы израсходовался — на самолете при взлете могли отказать тормоза, а в полете не убралось бы шасси, и тогда боевое задание было бы сорвано. Старшина Г. В. Жернаков предупредил срыв боевого задания. Осматривая кабину самолета перед выруливанием, он заметил, что нет давления в воздушной системе. Механик не растерялся.

— Мамлиев! — крикнул Жернаков мотористу. — Скорей сжатый воздух!

Быстро заправив воздушную систему сжатым воздухом, летчик своевременно и благополучно ушел на задание.

В боях за Ржев

Вскоре после разгрома немцев под Москвой наш 521-й истребительный авиаполк под командованием майора В. Н. Вусс перебросили на Калининский фронт, подо Ржев, где фашисты сумели закрепить-ся и удерживали этот город в своих руках.

Полевой аэродром, куда мы перебазировались, располагался у небольшой деревушки. На пашне аэродромщики укатали специальными катками снежный покров. Вместо колес на самолеты мы установили лыжи. Это немного снижало скорость самолета, но зато работать на наших истребителях можно было на любом аэродроме. Для каждого самолета на расстоянии пятнадцать — двадцать метров вдоль опушки леса мы сделали стоянки. Туда их закатывали после выполнения боевых заданий, тщательно маскировали и срочно готовили к новым вылетам. Неподалеку от самолетов в палатках разместили боеприпасы, стремянки, техническое имущество.

В нескольких наскоро отремонтированных домиках, уцелевших после изгнания фашистов, расположился летный состав. А для себя мы выстроили землянки. На нары настелили соломы, накрыли ее самолетными чехлами от машин, которые не вернулись с боевых заданий. В общем, устроились неплохо, сравнительно удобно для боевых условий.

Однако недолго довелось жить с такими удобствами нашему звену. Командование приказало группе капитана Т. А. Кобылочного перелететь на небольшую площадку в районе Андреаполя, в тыл врага. Летчикам предстояло прикрывать с воздуха боевые действия советских десантных войск, успешно громивших врага в тылу. Техники туда были переброшены ночью на самолете Р-5.

Так называемый аэродром подскока находился на поляне, со всех сторон окруженной лесом. Снежный покров был укатан очень плохо. Пришлось срочно потребовать от обслуживающей нас комендатуры принять меры по укатке взлетно-посадочной полосы. На опушке леса, где располагались наши самолеты, было много убитых фашистов, которые валялись прямо на снегу. Как-то по-особому ощущаешь суровое дыхание войны при виде таких жестоких ее картин...

Вылеты наших самолетов следовали один за другим. Чтобы быстро готовить их в сложных условиях, в отрыве от полка, нам приходилось проявлять немало смекалки, находчивости. Ведь технических средств и запасных частей мы взяли с собой минимум, а нагрузка на самолеты оказалась очень большой.

Мне вспоминается такой случай. Во время посадки на мягкий снежный грунт самолет Як-1, управляемый молодым летчиком сержантом В. Ф. Тимофеенко, едва не скапотировал. К счастью, этого не произошло, но лопасти воздушного винта были погнуты.

На площадке запасных винтов, конечно, не оказалось. Мы стали думать, как ввести самолет в строй. Капитан Кобылочный долго смотрел на этот винт с погнутыми лопастями и, вздохнув, сказал:

— Что хотите делайте, но чтобы к утру самолет был в строю. Ясно, товарищ Ивлев?..

Сказать легко. А как это сделать?.. Думали-гадали мы всем звеном. Предлагалось множество вариантов ремонта, но для этого требовались специальные устройства, особые условия работы.

Тут и пришла мне в голову мысль, которую одобрили все механики. По моему предложению Владимир Мортиков и Иван Вахлаков отрезали две полукруглые доски — полубревна, оба конца этих досок связали тросами. Это приспособление надели на одну из погнутых лопастей. Между древесиной и плоскостью лопасти вставили домкрат. При вкручивании домкрата тросы натянулись, а лопасть стала постепенно выправляться. Кое-где пришлось применить и деревянный молот. Так одну за другой мы выправили все три лопасти. Проверили винт на биение — все оказалось в пределах допусков. А часа через два мотор был опробован на всех режимах. Тряски не оказалось. Оборудование работало нормально.

На следующий день — новая беда. В одном из воздушных боев с противником на самолете командира группы был поврежден водя-

ной радиатор. Во время полета вода из него постепенно начала вытекать, ее температура стала расти. Хорошо, что это случилось на последних минутах воздушного боя, а наш аэродром подскока был рядом. Капитан Кобылочный, заметив рост температуры воды в системе охлаждения мотора, действовал четко, грамотно: он срочно пошел на снижение, при этом полностью приоткрыл заслонку водяного радиатора, что помогало охлаждению мотора.

На земле, осмотрев самолет командира после воздушного боя, мы обнаружили несколько пробоин в плоскостях и на фюзеляже, была повреждена и тросовая проводка управления триммерами руля высоты. Повреждений же в системе охлаждения сразу обнаружить не удалось. И только после того как мы снова заправили ее водой и запустили двигатель, старшина Жернаков заметил маленькую струйку на туннеле водорадиатора. С прибавлением числа оборотов двигателя эта струйка увеличивалась. Но точного места повреждения не было видно. Пришлось снимать туннель водорадиатора. При новом запуске двигателя таким образом и была обнаружена небольшая пробоина. Видимо, осколок от вражеского снаряда угодил в него и пробил сбоку.

Однако одно дело — установить, найти неисправность, повреждение, другое — устранить их. Для ввода самолета в строй предстояло сменить водяной радиатор. Но где его взять в тылу врага? Держать самолет в неисправном состоянии, ждать, пока привезут новый радиатор, мы не могли, не имели на то права — каждая машина была на вес золота. Десантники требовали непрерывного прикрытия их боевых действий.

«Что же делать? Как исправить пробитые соты внутри радиатора?» — напряженно думали мы, и наконец механики нашли выход из положения. Мастерство и смекалка выручили вновь! Было решено заглушить несколько сот радиатора в районе пробоины. Когда их запаили с обеих сторон, на входе и выходе, течь воды прекратилась.

Эту работу мы выполнили с Георгием Жернаковым. А механики Мортиков, Вахлаков, моторист Мамлеев успели тем временем заменить поврежденные тросы триммеров, заделали все пробоины на самолете.

Время уже подходило к утру, чувствовалась сильная усталость. От мороза и пронизывающего насквозь ветра коченели руки. Но никто из механиков и мотористов и не подумал о том, чтобы как-то отдохнуть, согреться. Все понимали, как важно было подготовить боевой истребитель к вылету. Оставалась еще одна большая пробоина в обшивке крыла. Ее мы решили заделать фанерой. Но когда дело дошло до склеивания обшивки, выяснилось, что клей при сильном морозе не выдерживает — сразу замерзает и твердеет.

Тогда я предложил закрепить фанеру шурупами, а сверху заклеить ее перкалью, которая сравнительно быстро приклеилась после подогрева клеем. Самолет был восстановлен. Летчики могли идти на нем на боевое задание.

Группа авиатехников после вручения боевых наград

Ранней весной 1942 года морозы стали все реже и реже, поля подо Ржевом постепенно освобождались от снежного покрова, и люди радовались приходу тепла. Только вот летчики да техники нашего полка были омрачены. Полевой аэродром, с которого мы работали, пришел в негодность. Надо было перебираться на другое место, но самолеты уже не могли взлететь с раскисшей грунтовой полосы. В это время вражеские войска из-под Ржева перешли в наступление и прорвали линию фронта. Полку угрожала опасность: на аэродром вот-вот могли ворваться фашистские танки. И тогда поступил приказ: «Срочно разобрать все самолеты. Погрузить их на автотракторные прицепы и на рассвете перебазировать полевую площадку под Старицу». Там их предстояло нам собрать вновь и немедленно приступить к боевым действиям по уничтожению противника.

Задача была нелегкая. Люди понимали, что от успешного и быстрого выполнения ее зависит многое, в том числе и их судьба. К счастью, прорвавшиеся танки врага на несколько часов задержали штурмовики с соседнего аэродрома. А мы тем временем приступили к работе. В каждой эскадрилье было создано несколько бригад, которые поточным методом занимались разборкой машин. Одни демонтировали трубопроводы, другие производили расстыковку фюзеляжа с крылом, третьи готовили приспособления для погрузки и крепления отдельных частей самолета на прицепы.

Все было четко организовано. Техники, механики, мотористы, наконец, летчики и руководящий состав полка поистине самоотверженно трудились по быстрейшему разбору и погрузке самолетов. Работа, как говорится, шла полным ходом. Опять же на помощь приходила смекалка и находчивость, рационализация и изобретательность.

Так, например, техник звена Сотов предложил использовать в качестве отвертки пневмодрель. Это предложение в несколько раз сократило время на съемку винтов и шурупов крепления заливов и обтекателей, которых на каждом самолете множество.

По моему предложению в ПАРМ-1 были изготовлены конусы на болты стыковки крыла с фюзеляжем, что также в значительной мере облегчило разборку и сборку самолетов.

Утопая по колено в грязи, без сна и отдыха в течение суток трудился весь состав нашего авиаполка по эвакуации самолетов с одного аэродрома на другой, спасая их от фашистов. Погруженные на прицепы боевые машины отправляли на новое место базирования, где техники собирали их таким же поточным методом: каждый на своем участке производил монтаж узлов и трубопроводов, затем проверяли все системы на герметичность, опробовали работу моторов и других систем самолета на земле. А на вновь собранных самолетах наши летчики-истребители уходили в бой, храбро громя фашистских захватчиков.

Благодаря самоотверженному труду технического состава были спасены все боевые самолеты. Кто же они, эти люди? Я назову их: инженеры В. И. Соколовский, А. К. Вьюшков, К. М. Рябовский, П. Г. Татаринцев; техники Г. А. Сотов, А. И. Марфин, А. П. Комиссаров, А. С. Моргунов, Г. Н. Паршиков; механики и мотористы Г. В. Жернаков, Н. В. Антонов, В. М. Зборовский, В. Д. Мортиков, И. К. Вахлаков, М. Я. Челомей, А. К. Лобазов, П. А. Стыцюк, Ф. А. Маякин, С. К. Попов, А. А. Дубовик, Х. М. Мамлеев и другие.

А вскоре к нам на фронтовой аэродром, расположенный недалеко от Калинина, прилетел командующий 3-й воздушной армией генерал М. М. Громов. Он вручал нам награды Родины.

Самую высшую награду — орден Ленина — вручили командиру нашего звена В. Алкидову, а также летчикам звена А. Баклану и С. Селищеву, которые одержали блестящую победу в неравном воздушном бою против 27 вражеских самолетов, сбив при этом пять фашистских и не потеряв ни одного своего.

Высокой награды — ордена Красной Звезды — был удостоен и я. Получение первого боевого ордена — весьма знаменательное событие в жизни каждого воина, каждого советского человека. Как сейчас помню, с большим волнением, четким шагом я подошел к командующему и громко назвал свое воинское звание и фамилию. М. М. Громов, вручая мне орден, крепко пожал руку, горячо и сердечно поздравил с наградой и пожелал всего самого доброго.

Наступил май сорок второго. Памятный для меня месяц. Как-то комиссар полка В. С. Ущев вместе с комиссаром эскадрильи старшим политруком И. П. Азаровым незаметно подошли к одному из самолетов нашего звена, на котором мы ремонтировали мотор. Я в это время показывал молодым механикам, как устанавливать и регулировать распределитель сжатого воздуха в системе запуска мотора. И естественно, занятый работой, не заметил, как к самолету подошли Ущев с Азаровым.

Летчики-истребители гвардейского авиаполка

Комиссар, остановившись у самолета, строго спросил:

— Кто здесь старший?

Я быстро прыгнул с плоскости крыла и доложил, что группа технического состава нашего звена занимается ремонтом и регулировкой системы запуска самолета.

— А почему вы сами занимаетесь ремонтом?

— Да механики еще молодые. Им надо рассказать и показать, как и что надо делать,— ответил я комиссару.

— Это, конечно, правильно. Вы должны их учить. Но надо больше доверять и контролировать их работу,— заметил комиссар и вдруг неожиданно для меня положил на плечо свою загорелую руку и как-то по-отечески спросил: — Послушай, Степан Петрович, ты в члены партии когда собираешься вступать?

Я сразу растерялся. Комиссар полка, опытный летчик и партийный работник, почему-то назвал меня, еще молодого техника авиазвена, по имени и отчеству, на «ты». Сразу даже не сообразил, что ответить. А потом в замешательстве сказал:

— Да еще рановато вступать мне в члены ВКП(б). Ведь я только шесть месяцев как кандидат.

— Знаю, знаю,— перебил комиссар.— Тебя могут принять в партию на льготных условиях, как особо отличившегося. Правительство тебя недавно наградило орденом, о тебе все хорошего мнения, человек ты авторитетный, один из лучших техников нашего полка. О тебе и твоём звене на днях комиссар эскадрильи Азаров написал хорошую статью: как ты работаешь даже в самых трудных условиях. Так что если надумаешь вступать, рекомендацию я тебе напишу...

Вечером этого же дня я написал заявление о приеме меня в партию. Рекомендации дали комиссар полка В. С. Ущев и секретарь партийного бюро полка С. В. Нырков. Третью рекомендацию я получил от комсомольской организации нашего авиаполка.

С первого дня вступления в партию я считал, что на меня теперь ложится еще большая ответственность — быть всегда впереди, работать еще лучше, показывать пример во всем. Ведь если до войны мне приходилось иметь дело только с одним самолетом и, следовательно, отвечать только за качество и быстроту подготовки своего самолета, то теперь у меня в подчинении было целое подразделение технического состава и звено боевых истребителей. Требовались не только личные знания и умение, но и способность руководить работой людей. А люди, как и везде, бывали разные...

В августе 1942 года наш полк, понеся большие потери в боях за Ржев, был направлен под Саратов за получением новых самолетов. В этот период началось формирование трехэскадрильных полков, так что большая часть нашей эскадрильи, особенно технического состава, была переведена во 2-й истребительный авиаполк, который сражался под Сталинградом. Хотя в это время мне и предлагали должность старшего техника авиаэскадрильи — с переходом в другой полк, — я попросил, чтобы меня оставили на прежней должности, но в составе моей родной эскадрильи. Так я остался техником авиазвена. Правда, полк этот был для меня уже четвертый по счету, но с ним я прошел до конца войны. Служил в эскадрилье, которой вначале командовал Я. Н. Сорокин, а затем А. П. Бритиков.

В боях над Волгой и Доном

Боевую деятельность под Сталинградом 2-й истребительный вел с нескольких аэродромов. Со второй половины августа бои развернулись на ближних подступах к городу и ожесточенные схватки не затихали ни днем ни ночью. В конце августа противнику удалось прорваться к Волге севернее Сталинграда. Тут наши летчики проявили удивительное мужество, воинскую доблесть и мастерство. Приведу лишь несколько боевых эпизодов.

8 августа группу Як-1 в бой против целой армады фашистских бомбардировщиков повел сам командир авиаполка полковник А. И. Грисенко.

Летчики вступили в ожесточенный, неравный бой. Фашисты били из всех пулеметов и пушек по нашим машинам, но воздушные бойцы не дрогнули. Экономя боеприпасы, наши летчики короткими и прицельными очередями крушили врага.

А. П. Бритиков

Вот на одном из фашистских бомбардировщиков показался дымок — и он пошел вниз, оставляя за собой длинный черный шлейф дыма. За ним загорелся второй, третий. Побросав где попало бомбы, фашисты начали удирать на свою территорию.

К сожалению, в этом бою полковник Грисенко был тяжело ранен. Он с большим трудом приземлил поврежденный самолет в прифронтовой полосе. Оказалось, что вражеский снаряд попал прямо в кабину истребителя и осколком снаряда летчику раздробило левую ногу. Командира тут же доставили в медсанбат, затем в госпиталь, где ногу ампутировали.

Забегая вперед, скажу, что врачи выдали летчику справку о том, что к летной службе он не пригоден. Но коммунист Александр Иванович Грисенко не мог мириться с тем, что ему не придется больше ходить в атаки на боевом истребителе. Он добился приема у командующего ВВС, который разрешил ему вернуться в боевой строй, на фронт. Вскоре А. И. Грисенко с ампутированной ногой сел в кабину самолета. Пришлось освоить новый истребитель — «Аэрокобру», — и до конца войны летчик храбро сражался на нем с фашистами, командуя авиасоединением.

Здесь мне хочется рассказать еще о том, как в период Сталинградской битвы мы получали на одном из самолетостроительных заводов авиационной промышленности новые Як-1. Группу летчиков и техников, прибывших с фронта за получением этих истребителей, рабочие завода встретили очень тепло и гостеприимно. Один из руководителей завода познакомил нас с его историей, провел по основным цехам и рассказал о технологии производства некоторых агрегатов, узлов, составных частей самолета. Более подробно осмотрели мы сборочный цех, где производились стыковка, сборка и монтаж всех частей, агрегатов и оборудования боевой машины. Здесь мы воочию увидели, сколько труда вкладывается рабочими на создание одного самолета. А трудились в те тяжелые годы на заводе в основном пожилые мужчины и женщины, подростки, худенькие девушки. Трудились напряженно — по 10—12 часов в сутки, зачастую недосыпая, недоедая.

Нам сказали, что ежедневно из сборочного цеха завода выходило по полтора-два десятка самолетов-истребителей на площадку для испытаний. Там эти самолеты, только что собранные, заправляли горюче-смазочными материалами, специальными жидкостями, сжатыми газами. Все системы самолета тщательно проверялись на герметичность. Производилась отладка агрегатов и механизмов всех систем на земле, затем самолет готовился к первому испытательному полету.

После установленной программы испытаний машину принимал военный представитель. Он тоже делал контрольные облеты. И только после этого истребители передавались в войсковые части, на фронт.

Все знали, что самолеты нужны фронту как воздух, каждый думал о том, как быстрее прогнать с родной земли фашистских захватчиков, и отдавал все во имя грядущей победы.

После получения новых самолетов наши летчики сразу же перегнали их с заводского аэродрома на фронтовой. Мы, группа техников, вместе с запасными частями, чехлами, средствами наземного обслуживания, инструментом, формулярами и другой технической документацией на транспортном самолете перелетели следом за ними. Вскоре на новеньких, еще пахнувших свежей краской самолетах Як-1 наши летчики продолжали успешно громить врага.

А тяжелые, изнурительные бои в Сталинграде не прекращались ни днем ни ночью. Зачастую фашисты внезапно атаковали наши аэродромы. Как-то во время такого налета немецким бомбардировщикам удалось сбросить на нас много фугасных, осколочных и зажигательных бомб. В результате несколько человек было убито и ранено, повреждены самолеты, а два на наших глазах загорелись от прямого попадания зажигательных бомб.

Весь технический состав, несмотря на опасность взрыва бензиновых баков, бросился гасить горящие машины. В ход были пущены все противопожарные средства, использована вода от водомаслозаправщиков, огнетушители, брезентовые чехлы, другие подсобные средства. Пожар был ликвидирован, самолеты спасены. Вскоре они, обгорелые и поврежденные, были введены в строй.

Авиационная техника в условиях военного времени непрерывно совершенствовалась и дорабатывалась, устранялись выявленные в ходе боевой работы конструктивно-производственные и эксплуатационные недостатки. Нам, техникам самолетов, это было особенно заметно. Крупные доработки, как правило, выполнялись заводскими бригадами совместно с техническим составом полка. После проведения доработок надежность и боевая эффективность самолетов повышалась, но иногда новшества приходилось и отклонять, так как они приводили к резкому снижению или ухудшению каких-либо характеристик боевых машин.

Мне вспоминается, как в наш полк прибыло несколько Як-1 с пушками более крупного калибра. Сначала летчики обрадовались, что на самолетах установлено такое мощное вооружение: пушки 37- и 42-миллиметрового калибра. Но первые же воздушные бои показали нецелесообразность нововведения. После стрельбы из таких пушек самолет резко терял скорость, зачастую попадал в штопор, а на многих узлах крепления самих пушек появлялись трещины.

Большинство же доработок самолета, двигателя и оборудования истребителей давало большой эффект, и мы их приветствовали, хотя техническому составу приходилось трудиться дополнительно.

Ну вот, к примеру, случай с нагнетателем. В начале войны на Як-1 устанавливались двигатели с одноступенчатым нагнетателем. Они были не очень экономичны. На малых высотах полета двигатель мог бы работать без нагнетателя, а его постоянное включение отбирало значительную мощность. На больших же высотах работа нагнетателя была необходима. Авиационные конструкторы, учитывая это, создали двухступенчатые нагнетатели, которые на первых порах эксплуатации приносили нам много неприятностей. В тяжелых условиях воздушного боя летчики зачастую забывали

включать вторую ступень нагнетателя по достижении определенной высоты полета и жаловались на потерю мощности двигателя: мол, мотор не тянет. Другие забывали переключать со второй на первую ступень при снижении, и тогда опять была потеря мощности — на малых высотах. Кроме этого, мы столкнулись с массовым явлением выхода из строя фрикционов включения второй ступени нагнетателя, проще говоря, с выходом из строя двигателей, а следовательно, и самого самолета. Для замены фрикционов мы, как правило, снимали двигатели, затем отправляли в ремонтные предприятия, где заводские бригады заменяли их. На это уходило до пяти-шести дней. Но позволительна ли была такая роскошь на войне, когда фронт так нуждался в каждом самолете!

Герой Советского Союза летчик М. С. Мазан (слева)
и механик самолетов В. И. Баранов

И вот командование нашего полка поставило перед техническим составом задачу: продумать возможность восстановления вышедших из строя самолетов в полевых условиях, без передачи их в ремонтные организации. Эта задача быстро, как по цепочке, была доведена до каждого техника и механика самолета. На обсуждение проблемного вопроса собралось и наше звено. Я, помнится, высказался за то, что в полевых условиях фрикционы нагнетателя можно заменять, не снимая двигатель с самолета. Большинство механиков засомневались в идее, но некоторые поддерживали меня. Например, весьма смекалистый и уже опытный механик Владимир Мортиков сказал:

— Товарищ техник звена, если бы фрикционы были у нас в запасе, мы бы сразу могли приступить к их замене в полевых условиях, не снимая двигатель с самолета.

— Вот и отлично, Володя,— обрадовался я поддержке,— начинайте демонтаж необходимых агрегатов с двигателя для подхода к нагнетателю. Работа, понимаю, очень сложная, но мы одолеем! Дело стоит того. Ведь сократим простой самолетов в неисправном состоянии в три-четыре раза...

В распоряжение Мортикова я выделил В. И. Баранова, еще несколько механиков и мотористов, а сам отправился доложить старшему инженеру полка о том, что мы придумали. Наше предложение и технологию замены фрикционов инженер полка одобрил. Оставалось одно — достать фрикционы. Инженер полка капитан А. И. Оберов позвонил в дивизию, куда только что было доставлено несколько комплектов новых запасных фрикционов. Я съездил за ними, а когда вернулся, на стоянке самолетов увидел уже размонтированные основные агрегаты для подхода к нагнетателю. Прежде чем разбирать сам нагнетатель, мы посмотрели его устройство по техническому описанию. Ведь предстояло снимать многие детали внутри нагнетателя, а затем ставить на ощупь и регулировать зазоры — тоже на ощупь. А прежде чем приступить к замене фрикционов, надо было еще снять и заднюю крышку нагнетателя. А это сделать на двигателе, смонтированном на самолете, не так-то легко, потому что отвернуть две верхние гайки крепления крышки нагнетателя невероятно тяжело. Доступ к ним очень трудный. Но мы решили приступить к делу.

Откручивание гаек и замену фрикционов я поручил В. Мортикову. На Володю я надеялся, как на себя. Вообще-то демонтаж нагнетателя и замена внутри него фрикционов в полевых условиях категорически запрещались. Мы впервые в дивизии решились на этот эксперимент, так как того требовала боевая обстановка: много самолетов в полку оказалось неисправными. И готовились мы к каждой технической операции тщательно. Специально для нас в ПАРМе изготовили отвертки — длинные и изогнутые в таком положении, чтобы ими можно было отвернуть гайки, которых не было видно.

С большим трудом сняли их. Пришлось использовать даже штыки от оружия. Дальше предстояла не менее сложная и весьма ответственная работа по замене фрикционов. Ее можно сравнить разве что с хирургической операцией — надо было в строгой последовательности размонтировать все детали, снять вышедшие из строя фрикционы, затем на их место в определенном положении установить новые и дальше все агрегаты систем смонтировать в обратной последовательности. Эта работа усложнялась тем, что ее приходилось выполнять в очень трудном и неудобном положении на двигателе, установленном на самолете. Надо было залезть с большим трудом в узкое место между двигателем и противопожарной перегородкой силовой установки. При этом руки все время находятся в приподнятом положении. Стоять приходилось на корточках, а в таком положении больше получаса не продержишься. Чтобы как-то облегчить работу Мортикову, который менял фрикционы, пришлось его поддерживать спиной то Попову, то Мамлееву — по очереди. Снятые фрикционы Володя подавал в небольшую щель, образовавшуюся между ним и двигателем, а новые фрикционы и необходимый инструмент мы ему передавали сверху на проволочных крючках. Другого выхода не было.

Так, заменив все шесть фрикционов и проверив на ощупь правильность их монтажа, Мортиков с трудом вылез из «хирургической

камеры». Для этого механику пришлось развернуться на девяносто градусов, слегка опуститься, поднять руки вверх и с большим напряжением сил вылезти из узкого промежутка, образовавшегося между задней частью двигателя и противопожарной перегородкой. Дальнейший монтаж нагнетателя и других агрегатов, снятых для подхода к нагнетателю, не представлял такой сложности, но требовал внимания, аккуратности в работе. Всего на замену фрикционных на первом самолете у нас ушло девять-десять часов. На последующих это время мы сократили примерно в полтора раза.

Когда в полк приехала заводская бригада, специалисты ее ахнули от удивления — такое сделать могли только мастера, которых в народе принято называть «золотые руки». Заводские специалисты настойчиво уговаривали механика Мортикова перейти к ним работать. Обещали оформить перевод через вышестоящее начальство. Это предложение Володе понравилось, но, подумав, он отказался: не мог наш боевой товарищ расстаться с родным полком. И хотя здесь, на фронте, жизнь и смерть ходили рядом, ощущение того, что ты вносишь свою, особую, необходимую лепту в победу над врагом, было как-то острее.

Владимир Дмитриевич Мортиков был очень трудолюбивым, опытным механиком. За время войны он обслужил несколько сот боевых самолето-вылетов, отремонтировал десятки самолетов, поврежденных в воздушных боях. Его подвиги были высоко оценены Родиной. Он был награжден орденом Красной Звезды, многими медалями.

После окончания войны механик успешно окончил училище, стал офицером, затем уже после получения высшего, инженерного, образования защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук. В настоящее время Владимир Дмитриевич доцент Рижского авиационного училища гражданской авиации.

Много таких прекрасных людей — скромных тружеников войны в серых технических куртках — прошло через мою фронтовую судьбу. Хотелось бы рассказать о каждом, рассказать о тех бесстрашных подвигах и неприметных наших делах, которые приближали День Победы, но всему, говорят, есть конец. Кроме верности нашей фронтовой, солдатской дружбе, кроме памяти сердца...

Семен Маркович Лисогор родился в 1908 году в местечке Тальное Черкасской области. Службу в Вооруженных Силах начал в 1931 г. По окончании Военно-инженерной академии в 1938 году проходил службу в инженерных войсках, а с осени 1940 года — в центральном аппарате Наркомата обороны. С апреля 1942 года и до конца войны находился в действующей армии.

Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды и многими медалями. С 1961 года полковник-инженер С. М. Лисогор находится в отставке, проживает в г. Москве.

ПОЛЕВЫЕ КРЕПОСТИ

25-е армейское управление военно-полевого строительства (АУВПС) Московской зоны обороны, начальником которого меня назначили весной 1942 года, располагалось в черте Москвы. Казалось бы, что в это время, когда в ходе зимнего контрнаступления Красная Армия отбросила врага от стен столицы на сто — сто пятьдесят километров и нависшая было над ней непосредственная угроза миновала, можно было немного передохнуть, расслабиться после многомесячных, поистине сверхчеловеческих усилий, затраченных на возведение оборонительных рубежей, преграждавших немецко-фашистским войскам путь к советской столице.

Враг держал нацеленными на Москву большие силы, и требовалось сделать все возможное, чтобы вновь созданная и непрерывно совершенствуемая оборона столицы стала неприступной. Так что ритм и объемы инженерно-строительных работ на ближних и дальних подступах к ней оставались по-прежнему весьма высокими. А если учесть, что вызванные дружной весной бурные внешние воды во многих местах затопили, а кое-где и размыли оборонительные сооружения, поставив перед фортификаторами целый ряд непростых проблем по их восстановлению, то станет понятным, почему практически весь руководящий состав 25-го АУВПС, в том числе, конечно, и я, большую часть времени находился не в рабочих кабинетах, а в подчиненных частях, разбросанных на десятки километров одна от другой.

Такая жизнь на колесах, когда понятие «отдых» сводилось чаще всего к возможности хоть немного подремать в автомашине при переездах с объекта на объект, уже вошла в кровь и, как все привычное, казалась достаточно устойчивой, тем более что и в новую должность я вступил лишь месяц назад. Жизнь, впрочем, в который уже раз подтвердила старую истину: на войне нет ничего менее стабильного, чем кажущаяся устойчивость.

Как-то в конце июля, когда мы с главным инженером управления военинженером 2 ранга М. М. Загатиным поздним вечером,

усталые и проголодавшиеся, вернулись в Москву после длительной поездки по частям, дежурный по управлению передал, что меня вызывает генерал-лейтенант инженерных войск М. П. Воробьев — в то время заместитель Наркома обороны по инженерным войскам. Поскольку под руководством Михаила Петровича Воробьева я работал продолжительное время, то уже хорошо знал: генерала всегда интересуют самые неотложные и острые проблемы. Значит, речь пойдет, очевидно, о сегодняшнем состоянии возводимых управлением оборонительных объектов, решил я. Ведь все мы ожидали, что нынешним летом немецко-фашистское командование попытается на московском направлении взять реванш за нанесенное здесь его войскам крупное поражение.

Быстро собрал необходимые данные, благо они были, как говорится, еще тепленькие, и ровно в полночь переступил порог кабинета генерала Воробьева. Жду вопросов. А генерал, немного помедлив, сказал:

— О результатах вашей поездки — несколько позже. А начнем с организационного вопроса. Дело в том, что Наркоматом обороны принято решение относительно вашего управления...

Оказалось, что нашему 25-му армейскому управлению военно-полевого строительства предписывалось со всем личным составом и инженерным имуществом в срочном порядке убыть из-под Москвы на юг в распоряжение командования Северо-Кавказского фронта для форсирования строительства там оборонительных рубежей.

Что мне было известно тогда о положении на юге страны? Признаться, не так уж много, если не считать знания общей ситуации, за развитием которой я, как и миллионы советских людей, следил с вполне понятной тревогой. Понимал это, видимо, и генерал Воробьев, поэтому пригласил меня к карте, занимавшей чуть ли не всю стену его кабинета, и, как всегда лаконично, ибо на пространные разговоры в ту пору времени не было, обрисовал обстановку, в которой вскоре предстояло действовать личному составу 25-го АУВПС.

Я узнал, что после падения Ростова-на-Дону положение наших войск на юге страны стало весьма сложным. Создалась реальная угроза вражеского вторжения на Северный Кавказ. Двумя мощными клиньями фашистские войска устремились в широкие задонские и кубанские степи, нацеливаясь одним из них на Грозный и Баку, вторым — на Краснодар, Новороссийск и Туапсе. Продвижение врага к жизненно важным районам страны грозило отрезать ее от морских коммуникаций, лишить нефти и хлеба.

Уже по одному тому, как далеко за короткое время сместилась на юг обозначенная на карте линия фронта, можно было понять, зачем туда перебрасывают наше управление: на пути врага требовалось создать надежные оборонительные сооружения, задержать и обскровить его войска.

Получив у генерала Воробьева ориентировку о том, что 25-му АУВПС предстояло развернуть строительство оборонительных рубежей на линии Краснодар — Новороссийск, и решив все остальные

вопросы, я незамедлительно направился в штаб управления, чтобы организовать быструю подготовку к перебазированию, ибо теперь уже достаточно четко понимал, что при сложившейся на юге страны обстановке дороги каждый день и каждый час труда фортификаторов.

Подтверждением жизненной необходимости этого послужил и изданный в июле приказ Наркома обороны И. В. Сталина № 227, в котором говорилось: «Ни шагу назад без приказа высшего командования!» Этот документ, содержащий эмоциональный заряд огромной силы, мы накануне передислокации зачитали в подчиненных управления частях. Никогда не забыть сразу посуровевшие лица бойцов, слушавших приказ, их взгляды, выражавшие твердую решимость сделать все от них зависящее, чтобы до конца выполнить свой воинский долг перед Родиной.

Из Москвы командный состав управления выехал поездом уже на второй день после получения приказа о передислокации, а подчиненные части со всем инженерным имуществом должны были следовать за нами по готовности. Поскольку Ростов уже был занят гитлеровцами, то добираться к месту назначения пришлось круглым путем: сначала доехали до Сталинграда, а из него в Астрахань.

Астраханский морской порт был до предела забит войсками, гражданским населением, грузами. С трудом мы разыскали пароход, отправлявшийся на Махачкалу. Нас, военных, сажали без билетов, а следовательно, и без права места в каютах. Кое-как расположились на верхней палубе. Не беда, лишь бы не задержаться в пути да поскорее выбраться из порта, на который фашистская авиация совершала систематические налеты. Вот и сейчас погрузка шла под грохот рвавшихся бомб, неумолчный треск счетверенных зенитных пулеметных установок.

Наконец отвалили от причала. «Юнкерсы», отбомбившись, улетели, но едва мы успели облегченно вздохнуть, как в небе заскользили «мессершмитты». Один из них полоснул по палубе пулеметной очередью, несколько пассажиров были ранены. К счастью, на борту парохода находились несколько медиков и всем пострадавшим они быстро оказали необходимую помощь.

Когда до отказа нагруженное судно отошло на почтительное расстояние от берега, стало полегче: вражеские самолеты оставили нас в покое, и мы благополучно добрались до Махачкалы. А уже из нее где поездом, где попутной автомашиной — до Туапсе. Конечным пунктом передислокации управления был Краснодар, однако дальше, как говорится, нам ехать уже было некуда — 11 августа 1942 г. Краснодар заняли фашисты. Поэтому оставался единственно правильный путь: разыскать штаб фронта, доложить о прибытии и получить необходимые указания.

В гарнизонной комендатуре, куда мы обратились за справкой, после внимательного изучения наших документов сказали: «Поезжайте в Георгиевское». В Георгиевском узнать что-либо о местонахождении штаба фронта нам не удалось. Зато мы выяснили, что неподалеку, в одном из горных ущелий, расположилось 28-е управление оборонительного строительства. А это уже немало!

Начальником управления оказался мой давний знакомый полковник А. Г. Андреев, вместе с которым мы построили не один оборонительный рубеж. Сведения, полученные от Аркадия Георгиевича, увы, не радовали: положение войск фронта все более осложнялось, бои уже гремели в предгорьях Кавказа.

Рано утром 14 августа я с полковником Андреевым отправился на поиски штаба фронта, и только после многочасовой поездки наконец повезло: в пути встретился начальник инженерных войск Северо-Кавказского фронта военинженер 1 ранга А. И. Назаров. Он и сообщил, что штаб фронта в данный момент передислоцируется в район Туапсе, Лазаревская, а потому удобнее всего будет явиться туда завтра. Так мы и поступили.

Военно-инженерное управление фронта теснилось в маленьком душном помещении, в котором буквально яблоку было негде упасть. На это, впрочем, никто не обращал внимания — на войне не до комфорта, тем более в сложившейся тогда обстановке. А вот весть я здесь получил огорчительную: оказывается, эшелон с личным составом и инженерным имуществом нашего 25-го управления задержан в Сталинграде, люди уже задействованы на строительстве оборонительных рубежей для Сталинградского фронта. Таким образом, мы — руководители управления, — преодолев столь трудный путь, готовые немедленно приступить к уже продуманной работе, остались, как говорится, генералами без войск. Тогда командование фронта решило весь начальствующий состав 25-го армейского управления полностью влить в формировавшееся 105-е управление военно-полевого строительства, возглавить которое было приказано мне. Принимать, однако, было нечего, следовало начинать все с нуля, ибо военно-инженерные части и саперные подразделения, которые нам подчинялись, находились где-то в пути. Их предстояло еще собрать и только тогда приступить к строительству оборонительных рубежей на туапсинском направлении. Пока же нам с Андреевым выдали набросанные карандашом на бумаге их схемы, так как вычерчивать на кальках, разумеется, было некогда.

Ну что ж, по крайней мере неожиданно появился какой-то резерв времени для углубленного изучения характера предстоящих работ, что столь редко бывает на войне. Немного грустно было только от «потери» подчиненных ранее частей, людей, вместе с которыми делил горечь и радости в дни великой битвы под Москвой, хорошо знал их возможности и твердо верил в успешное решение всех поставленных задач. Как-то сложатся дела в новом коллективе? На что он способен? Удастся ли сразу сплотить его в одну дружную боевую семью? Эти вопросы пока оставались открытыми.

Костяк нового формирования — 105-го АУВПС — составили москвичи. Комиссаром управления стал полковой комиссар М. П. Рязанов, опытный политработник, хорошо знавший специфику военно-инженерного дела. Главным инженером остался военинженер 2 ранга М. М. Загатин, а отделы возглавили майоры П. И. Юрьев, М. С. Гельфанд и другие командиры. За здоровьем личного

состава следил начальник медицинского отдела военврач 2 ранга Н. П. Северин.

Было в нашем штабе немало сотрудников, которые трудились по вольному найму. К сожалению, времени прошло много и имена далеко не всех удержала память. А вот Лидию Сергеевну Пискунову помню до сих пор. Прежде всего потому, что была она женщиной с твердым характером. Помнится, как однажды после бомбежки она остановила меня и решительно спросила:

— Семен Маркович, почему в бомбоубежище вы уходите последним?

— Но, Лидия Сергеевна, не бежать же мне, начальнику, первым. Что люди могут подумать?

— Как раз люди думают совсем не то, на что вы намекаете. Им просто неудобно бежать впереди вас. А так ведь и под бомбы угодить нетрудно. Кому от такой храбрости польза?

Вот поди ж ты, как повернула. А была она во всех отношениях женщиной замечательной, уважаемой. До войны Лидия Сергеевна работала в ленинградском Эрмитаже, с подходом фронта эвакуировалась на Кубань. Однако война шла по ее пятам, настигла и здесь. Заведовала она у нас технической библиотекой. Когда уходили в бомбоубежище, люди всегда ее окружали. Я заметил почему. Всякий раз она что-нибудь рассказывала о сокровищах лучшего хранилища мира, приводила интересные факты из истории нашей Родины. Так она, как потом говорила, сама успокаивалась, и людям с ней было спокойней.

По решению командования фронта штаб управления должен был расположиться в черте города Туапсе, благодаря чему мы оказывались в центре всех участков фортификационных работ, выполняемых подчиненными военно-инженерными частями. Главный инженер Загатин облюбовал для штаба двухэтажное здание с цокольным этажом, стоявшее у самой дороги, ведущей в Сочи. Здание прекрасное, ничего не скажешь. Только от близости к дороге житья нам не было, так как вражеские самолеты, совершая налеты на Туапсе, охотились и за каждой пробегавшей по ней машиной, то и дело попадая по нашему дому. Так что мы не очень сожалели, когда по решению члена Военного совета фронта это помещение пришлось уступить редакции фронтовой газеты.

Нам же выделили несколько пустовавших одноэтажных домиков, в которых до войны располагался детский сад. Однако и здесь мы долго не продержались, так как из-за бомбежек приходилось чаще отсиживаться в укрытиях, чем за рабочими столами. И тогда мы решили «прописаться на постоянное жительство» в бомбоубежище, у входа в которое почти неотлучно подремывал пес по кличке Боцман — всеобщий наш любимец. Так начались наши фронтовые будни на южном участке советско-германского фронта.

В первые же дни после переезда провели мы организационное партийное собрание, на котором обсудили задачи управления по возведению оборонительных рубежей.

Говорили коммунисты о том, что в огромной работе, которую мы, по сути, уже начали в условиях Кавказа, каждому важно вспомнить и разумно использовать все то, что делалось ранее в других районах на тех или иных фортификационных объектах. Тем более что на Кавказе в то время, как выяснилось, собралось немало военных инженеров, с которыми многим из нас, в том числе и мне, приходилось вместе сооружать приграничные укрепления еще в далекие довоенные годы.

Взять, к примеру, генерал-майора инженерных войск Н. С. Горбачева, который возглавил за несколько дней до нашего прибытия в Туапсе военно-инженерное управление ЧГВ. Под его началом я трудился в 30-х годах на строительстве укрепленных районов.

Комиссар инженерного управления фронта Александр Дороевич Притула был в те годы начальником строительства Перемышльского укрепленного района. И теперь нам предстояло использовать весь накопленный опыт для строительства рубежей в горных условиях.

Значительно помогал нам в работе и систематически проводившийся обмен опытом фортификационных работ, полученным в разное время и в разных условиях нашими командирами и политработниками.

В районе Туапсе нам повстречалось немало участников обороны Одессы и Севастополя. Служили они, естественно, и в военно-инженерном управлении фронта. Замечу, кстати, что наиболее полезным для нас был именно опыт Севастополя, где оборонительное строительство велось в сходных с Кавказом условиях.

Мы провели ряд встреч с участниками севастопольской обороны, из рассказов которых узнали, что в этой легендарной эпопее особенно ярко сверкнуло инженерно-фортификационное искусство Аркадия Федоровича Хренова, который руководил инженерными частями Севастопольского оборонительного района (СОР). Признаться, мне было приятно слышать доброе слово о своем бывшем начальнике. Генерал Хренов возглавил Главное военно-инженерное управление РККА вскоре после окончания войны с Финляндией. Одним из немногих он был отмечен за участие в боевых действиях на Карельском перешейке Золотой Звездой Героя. Опыт, приобретенный им в этой войне, в полной мере был использован при возведении оборонительных рубежей у стен приморских городов славы — Одессы и Севастополя.

Инженерные части, предводимые генералом Хреновым, несмотря на свою малочисленность, создали здесь свыше 300 закрытых пулеметных и артиллерийских сооружений, около 400 открытых позиций, 30 километров противотанковых рвов и такой же протяженности проволочные заграждения.

В Севастополе имелось много подземных сооружений с мощными покрытиями, в которых располагались узлы связи, командные пункты, а также хранилища боеприпасов и всех видов войскового довольствия. Оборона Севастополя с суши была глубоко эшелонированной, состоящей из нескольких взаимодополняющих друг друга

оборонительных рубежей. Инженерные работы здесь продолжались круглосуточно.

Крым не богат лесными массивами и строительными материалами. Лес, цемент, металл — все доставлялось сюда морем. Значительную работу проделал тогда завод Черноморского флота, изготовивший около пятисот броневых пулеметных колпаков, сотни минометов и тысячи мин. Все это, вместе взятое, и способствовало тому, что враг топтался у черноморской твердыни 250 дней и ночей. Здесь были перемолоты отборнейшие части гитлеровских войск.

Из сказанного видно, что мы располагали богатой копилкой практического опыта по возведению оборонительных рубежей в самых различных климатических зонах и условиях.

Надо сказать, что жили и работали мы дружно, хотя и тесно. В одном углу мы расставили рабочие столы впрытык друг к другу, в противоположном — койки и нары. Теснота не угнетала людей, вот только до некоторой степени осложнял нашу жизнь майор Юрьев — начальник рекогносцировочного отдела. С утра до позднего вечера он, как правило, ползал по горам на рекогносцировке, а ночью, нередко даже забыв переодеться, с ходу усаживался за стол и вычерчивал схемы рубежей. Все бы ничего, нам и самим нередко приходилось делать то же самое, но Петр Иванович кроме своей основной работы имел еще «одну, но пламенную страсть» — он был заядлым курильщиком. А в годы минувшей войны у этого термина существовал своеобразный подтекст: шло какое-то негласное соревнование — у кого самосад злее. Кажется, злее, чем у Юрьева, не было ни у кого на свете.

При всем уважении к слабостям других людей, тем более наших боевых товарищей, да еще таких отличных, буквально незаменимых работников, как майор Юрьев, мы не могли смириться с тем, что Юрьев, усаживаясь ночью за рабочий стол, своим кашлем не давал спать. И это при том, что в его отсутствие мы порой могли только утром уснуть. Ночью был налет вражеской авиации и несколько бомб упало рядом с нашими убежищами. Видимо, кашель вызывает какую-то ассоциацию с заболеванием, потребность прийти человеку на помощь. И на самом деле, выручила нас медицина.

Начальник медотдела военврач 2 ранга Н. Н. Северин, отрепетировав предварительно с нами сочувственные взгляды и реплики в адрес Юрьева, постепенно внушил ему, что у того с легкими не все в порядке. Как ни удивительно, а может быть, и закономерно, но мужественный, не боявшийся вражеской пули командир воспринял эту небоювую опасность весьма серьезно и бросил курить, хотя к табаку, как мы знали, он приучился с детства. Недели через полторы-две и те, кому выпадало счастье ночью отдыхать, спали спокойно под убаюкивающую музыку воздушных налетов.

Этот эпизод, естественно, отражает наш быт, а не основную работу, но ведь и на войне люди остаются людьми со всеми их переживаниями и впечатлениями. И нередко именно такие, мало-значащие на первый взгляд, события глубоко западают в память. Суть этого явления нетрудно понять, если представить на нашем

примере, что значит не поспать в отведенные тебе для отдыха 4-5 часов в сутки после изнурительного ползания по горным тропам то в жару, то под ливнем, когда, вернувшись на «базу», валишься на жесткую постель, лишь огромным усилием заставив себя стянуть мокрые сапоги и прилипшую к телу одежду. Партийный и воинский долг не позволял нам ждать сложа руки, когда придут подчиненные формирования. К их приходу необходимо было полностью обеспечить фронт работ. Этим мы и занимались, не жалея ни труда, ни времени. В пределах наших возможностей и того, чем мы тогда располагали, все делалось, казалось бы, правильно.

Однако ситуация сложилась достаточно неопределенная: мы все еще не могли себе четко ответить на вопрос, какими же силами будем возводить эти рубежи. Я уже упоминал, что личный состав бывшего нашего управления был задержан и трудился под Сталинградом, так что рассчитывать на него не приходилось. А где находятся подразделения, которые выделены нам, установить не удавалось. День проходил за днем, мои назойливые запросы руководителям о том, где же выделенные управлению войска, стали, кажется, вызывать уже досаду, а оборонительные рубежи все еще оставались на бумаге да в нашем воображении. Правда, представление о их характере складывалось все более отчетливое, но, для того чтобы его материализовать, требовались рабочие руки. Их же все не было.

Сейчас далеко не просто рассказать о чувствах, которые я испытал, узнав, что в распоряжение 105-го управления военно-полевого строительства передаются женские инженерно-строительные батальоны, входившие в состав 17-го Кубанского казачьего корпуса. При всем уважении к женщинам, знании множества примеров их героизма, стойкости, готовности к трудовым и ратным подвигам в первую минуту подумалось: что угодно, но только не саперный труд! За свою службу фортификатором я уже вдосталь и сам испытал и посмотрелся на то, каким трудом и потом даются мускулистым, полным сил и энергии мужчинам поднятые на-гора кубометры земли. Более того, я раньше даже не представлял, что к этому делу могут каким-то образом привлекаться женщины, сведенные в воинские формирования, хотя и имел непосредственное отношение к строительству оборонительных рубежей в Подмоскovie, где самоотверженно трудились жительницы столицы и области. Но в чистом виде женские инженерно-строительные батальоны, да еще с помощью которых нашему управлению предстояло выполнить крупный объем работ,— это было ново и поначалу, откровенно говоря, требовало.

Мне удалось выяснить, когда и в связи с чем возникла идея создания таких подразделений. В военно-инженерном управлении фронта меня ознакомили с директивой Ставки, которой еще в начале июля 1942 года штабу Северо-Кавказского фронта предписывалось использовать все возможности для оборонительного строительства за счет внутренних ресурсов. Вопрос этот обсуждался на заседании Военного совета фронта, членом которого был также и секретарь

Краснодарского крайкома партии П. И. Селезнев. По его предложению Военный совет принял тогда решение о призыве некоторого числа женщин Кубани в инженерно-строительные батальоны.

Несколько позже, когда женские подразделения вышли наконец к Туапсе, их командиры рассказали мне, как создавались эти формирования. Время было крайне напряженное, враг приближался к Краснодару и Новороссийску, рвался к морю. Поэтому батальоны формировались спешно. Скажем, утром женщин пригласили на призывной пункт, а вечером они уже трудились на сооружении оборонительных рубежей в полосе боевых действий 17-го кавкорпуса неподалеку от передовой.

По организационной структуре женские инженерно-строительные батальоны мало чем отличались от пехотных. Командирами в них, начиная от ротного звена и выше, были мужчины, а младшими командирами назначались женщины.

Первый женский инженерно-строительный батальон сформировался в станице Гай-Кодзор близ Анапы. Ротами в нем командовали лейтенанты Б. Ф. Тулин-Брюховецкий, В. Р. Черкесов и Н. Г. Довгай. 1-я рота этого батальона (ею командовал Борис Феодосиевич Тулин-Брюховецкий) уже 15 июля 1942 года приступила к возведению оборонительного рубежа в восточной части станицы Гай-Кодзор. В гористой местности на скатах высот, обращенных в сторону противника, возводились комплексы сооружений батальонных районов обороны.

10 августа поступило распоряжение батальону передислоцироваться к Новороссийску в помощь уже находившимся здесь женским подразделениям и саперным батальонам, которые вместе с частями морской пехоты сооружали оборонительный рубеж в виде полукольца-обвода на подступах к городу. Трудились девушки здесь пять дней, а с приближением противника получили приказ в срочном порядке убыть в район Туапсе.

После захвата гитлеровцами Краснодара женские подразделения были отведены к Новороссийску. И вот в начале августа Военный совет фронта решил перебросить все эти батальоны в район Туапсе. Им предстояло совершить тяжелейший 200—250-километровый марш — большей частью по бездорожью да еще под воздействием авиации противника. Все это и послужило достаточно уважительной причиной их задержки в пути. Закономерным оказалось и то, что так долго мы не могли наладить с ними связь, да и просто выяснить, где же они находятся.

Наконец комиссар военно-инженерного управления А. Притула разузнал, что штаб 17-го кавалерийского корпуса уже прибыл в наши края и расположился рядом со штабом фронта, позвонил туда, договорился с генералом Н. Я. Кириченко, командиром корпуса, чтобы он меня принял. При встрече на мой вопрос, где в данный момент могут находиться женские батальоны, комкор добродушно ответил:

— Пробираются через горы. Да не беспокойтесь, такие девушки, был бы приказ, придут хоть на край света. Во всяком случае, думаю, что вскоре дадут о себе знать...

В разгар нашей беседы в комнату вошли командующий Северо-Кавказским фронтом Маршал Советского Союза С. М. Буденный и командующий Черноморской группой войск генерал-полковник Я. Т. Черевиченко. Когда я представился и доложил о цели моего визита к командиру кавкорпуса, маршал на минуту задумался, а потом сказал:

— Проявите о них максимальную заботу. Сами знаете, что саперные работы — дело далеко не женское. Но если уж этого потребовала обстановка, мы обязаны сделать все от нас зависящее, чтобы в меру возможного оградить женщин не только от неоправданных потерь, но и от многих тягот фронтовой жизни.

Произнеся эту фразу, Семен Михайлович улыбнулся в усы:

— Да, собственно говоря, наставлять вас по этому вопросу особой необходимости, вероятно, нет. Полагаю, что в полевом строительстве, а значит, и в работе с людьми вы не новичок. Впрочем, и лицо мне ваше кажется знакомым. Подскажите-ка, где мы встречались?

— На Западном фронте, под Смоленском, товарищ маршал, — ответил я. — Через неделю после начала войны...

— Стой, вспомнил! Вы тогда нам еще взрывчатку привезли. Как она пригодилась!

Мне конечно же было приятно, что прославленный маршал, человек, чья жизнь была легендой, решавший сложные и ответственные проблемы в общении с сотнями людей, не забыл не только о том эпизоде, но и о тех, кто участвовал в нем. Для меня же он, вполне понятно, остался памятным на всю жизнь.

...Война застала меня в должности начальника отделения организации и технологии военно-полевых работ Главного управления оборонительного строительства Красной Армии. И вот субботним утром 28 июня 1941 года меня вызвал к себе начальник Главного военно-инженерного управления генерал-майор инженерных войск Л. З. Котляр. В его рабочем кабинете уже находились работники центрального аппарата управления, опытные фортификаторы генералы П. А. Ермолаев, К. С. Назаров, П. М. Поддосек, Е. В. Сысоев и П. А. Чекин, которые, как вскоре выяснилось, направлялись на Западный фронт, чтобы возглавить строительство полевых оборонительных рубежей на участке Речица, Орша, Витебск. Мне генерал Л. З. Котляр приказал собрать максимально точные и самые последние данные об инженерных частях сражавшихся на Западном фронте армий, а также уточнить расположение и характер создаваемых запасных рубежей армейского и фронтового назначения.

Дело было знакомое, и никаких дополнительных вопросов у меня не возникло. Но в заключение начальник Главного управления внезапно добавил:

— Дополнительно к основному заданию вам придется выполнить еще одно, и притом крайне важное, — доставить в распоряжение начинжа Западного фронта взрывчатку и капсюли-детонаторы. Автоколонна уже сформирована. Сопровождать ее будут две зенитно-пулеметные установки. Места расположения штаба фронта, к сожа-

лению, указать не могу. Ищите его в районе Смоленска. Желаю успеха.

Так, под вечер 28 июня 1941 года, ровно через неделю после начала Великой Отечественной войны, я впервые выехал в расположение войск Западного фронта. Признаться, возглавлять колонну полуторок и трехтонок, доверху груженных толом, — дело сложное, и поездка стоила всем нам немалой нервотрепки. Привлекли мы внимание вражеских воздушных разведчиков, и трудно сказать, где бы и как завершилась наша поездка. Однако с рассветом наша колонна была уже под Смоленском. Рассредоточив и замаскировав в лесу автомашины, мы позволили себе немного отдохнуть, а ранним утром я с генералом Поддосеком выехал на эмке разыскивать штаб фронта.

В горевшем после ночной бомбежки Смоленске встретились с председателем горисполкома, наведались в военную комендатуру, но ни там, ни здесь каких-либо сведений о нахождении штаба фронта не было. И лишь заглянувший в комендатуру по каким-то делам военврач навел нас на след:

— Только что я проезжал неподалеку от санатория Гнездово. Нас остановил патруль и отправил в объезд. Полагаю, вам надо ехать именно туда.

Штаб фронта располагался именно в Гнездове. Отыскали дом, в котором находилось инженерное управление фронта. Начальник управления генерал-майор инженерных войск М. П. Васильев был чем-то очень занят, и попасть к нему нам долго не удавалось. Прояснил ситуацию его заместитель полковник И. С. Шалаев. Оказывается, генерал только 27 июня вернулся из поездки в приграничный район, куда его приглашали для встречи с генерал-лейтенантом инженерных войск Д. М. Карбышевым. Там его и настигла война. Когда вернулся в управление, застал нерешенными кучу неотложнейших дел. Поэтому и просил ничем его не отвлекать.

Оценив ситуацию, генерал Поддосек предложил:

— Давайте сделаем так. У вас, товарищ Лисогор, вопрос наиболее срочный. Так что пробивайтесь к начиншу первым, а мы представимся позже...

Постучался, вхожу в горницу, докладываю генералу Васильеву, что в его распоряжение прибыла из Москвы группа генералов из Главного военно-инженерного управления для организации строительства оборонительных рубежей. Генерал оторвался от разложенных на столе документов, чертежей, каких-то выписок, молча кивнул головой, — дескать, понял — и продолжал вопросительно смотреть на меня воспаленными от недосыпания глазами.

Стоило мне, однако, добавить, что неподалеку в лесу стоит колонна автомашин со взрывчаткой и детонаторами, как генерал буквально преобразился, лицо его просияло. Но казалось, он все еще не верил в это сообщение.

— Где накладные? Кто прислал? — спросил он, выходя из-за стола. — Почему же сразу не доложили о главном?

Я вытащил из планшетки и передал начинжу пачку накладных, сказал, что этот груз направил фронту генерал Котляр.

— Ну, молодец, Леонтий Захарович, — потер руки хозяин кабинета. — Вот уж выручил! Нам, понимаете, сейчас жизненно необходимо архисрочно заминировать подступы к Могилеву, Орше и Смоленску, а мины давно израсходованы буквально до последней. Но теперь — живем!

Начинж тут же пригласил меня и вошедшего в кабинет генерала Поддосека в резиденцию командования, где, как мы уже узнали от полковника Шалаева, находились сейчас три Маршала Советского Союза — С. К. Тимошенко, К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный.

Я было пытался уклониться от визита к столь высоким начальникам, из которых мне раньше довелось встречаться лишь с С. К. Тимошенко, однако Васильев не принял во внимание моих доводов, настоял на том, чтобы я лично доложил о доставленном грузе.

У крыльца добротного рубленого дома, в котором расположились маршалы, нас встретил полковник, сопровождавший С. К. Тимошенко — Наркома обороны — в поездке на фронт. Осведомившись о цели нашего прибытия, он скрылся за массивной дубовой дверью и, вскоре вернувшись, сделал нам приглашающий жест:

— Вас ждут.

Мой доклад Маршалам Советского Союза о взрывчатке был воспринят с интересом, нам с генералом Васильевым предложили прикинуть, сколько мин из него можно изготовить. Получив через минуту-другую приблизительные расчеты, Семен Константинович Тимошенко вполне пологолся переговорил о чем-то с Климентом Ефремовичем Ворошиловым, после чего сказал, что две трети привезенной нами взрывчатки следует использовать для противотанковых мин, и дал указание Васильеву обеспечить изготовление корпусов для мин. Тут вступил в разговор Семен Михайлович Буденный, заявивший, что все это он берет на себя.

— Поеду в Гомель, — сказал он, — и добьюсь, чтобы производство корпусов организовали на спичечных и деревообрабатывающих предприятиях.

Понимая, что не простая случайность свела вместе этих военачальников в трудный для Родины час и прибытие пусть даже драгоценной сейчас взрывчатки лишь на короткое время отвлекло их от государственной важности дел, я, попросив разрешения идти выполнять основное задание, вернулся в штаб инженерных войск.

Вот о чем вспомнилось мне при новой встрече с Маршалом Советского Союза С. М. Буденным. Но хотя и сейчас, на новом участке советско-германского фронта, спустя более года после описанных выше событий, обстановка сложилась весьма неблагоприятно для нас, видимо, те первые дни войны оставили в сердце маршала след, и наша беседа несколько затянулась.

Семен Михайлович расспрашивал о прочности нынешних оборонительных рубежей на московском направлении, какие конкретно задачи и как намеревается наше управление решать здесь, на Северо-Кавказском фронте. Я старался отвечать лаконично и все же

чувствовал себя все более неловко, словно был виноват в том, что отнимаю время у командующего фронтом. В этом смысле в какой-то мере ситуация оказалась похожей на возникшую тогда, в сорок первом.

Но тут в комнату вошел начальник оперативного отдела и пригласил Семена Михайловича к прямому проводу. Мы остались вдвоем с генерал-полковником Я. Т. Черевиченко. Он напомнил, что поскольку женские инженерно-строительные батальоны созданы по инициативе и при активном содействии П. И. Селезнева, то нам следовало бы наладить самую тесную связь с Краснодарским крайкомом партии.

— Кстати, Петр Ианнуарьевич здесь, так что вам будет полезно с ним встретиться.

Дежурный по штабу проводил меня в комнату, где находился секретарь крайкома. Встретил он приветливо, а узнав, что я и есть тот начальник, в распоряжение которого поступают кубанские девушки, попросил подробнее рассказать о нашем управлении, возложенных на него задачах. Понятное дело, секретарь крайкома хотел знать точно, что будут делать его землячки.

В ходе беседы Петр Ианнуарьевич поинтересовался также, не приходилось ли мне заниматься оборудованием партизанских баз в прифронтовой зоне.

— Скоро мы думаем собрать командиров партизанских групп, — пояснил он, — может, что-то и пригодилось бы. Особенно по вопросам минного дела.

Партизанскими базами мне заниматься не приходилось, а по ми-нам у нас специалисты конечно же были, поэтому договорились, что крайком пришлет человека, которому мы смогли бы высказать свои рекомендации.

Прощаясь, Петр Ианнуарьевич пообещал оказывать нам содействие в любых вопросах, особенно в снабжении продовольствием.

— Как только появится у меня «окошко», — сказал он, — непременно побываю в женских батальонах. А вы уж со своей стороны позаботьтесь, пожалуйста, о наших казачках. Сами убедитесь, какие это труженицы. Ручаюсь, что ни в чем не подведут.

Так, не приняв еще под свое начало ни одной казачки, я был уже весьма серьезно озабочен судьбой женских инженерно-строительных батальонов, в которой приняли такое заинтересованное участие и командующий фронтом, и секретарь крайкома. Но естественно, непосредственное руководство ими, а значит, и забота о многом специфическом, чему нас, в общем-то, «не учили», целиком ложилась на командиров и политработников нашего управления. И как бы ни хотелось создать для женщин наилучшие условия, прежде всего мы видели и обязаны были видеть в них строителей рубежей, на плечи которых неизбежно ляжет огромный объем работ. Такой подход диктовался самыми высшими, а следовательно, и самыми гуманными в той ситуации соображениями.

Ведь сводки, с которыми мы знакомились в штабе фронта, были одна другой тревожнее. Становилось все более очевидным,

что вражеское командование, повернув в начале августа основные силы своей 1-й танковой армии на юго-запад, рассчитывало ударом на Армавир, Майкоп, Туапсе отрезать советским войскам пути отхода и попытаться их уничтожить. Двумя неделями позже, 19 августа, сосредоточив на новороссийском направлении ударную группировку войск, гитлеровцы перешли в наступление. Потерпев неудачу в стремлении прорваться к Туапсе от Новороссийска, противник решил овладеть Туапсе ударом через горы западной части Главного Кавказского хребта и развить наступление вдоль Черноморского побережья. Переход врага в наступление на туапсинском направлении, восточнее и западнее шоссе Майкоп — Туапсе, относился уже непосредственно к нам. Сложившаяся обстановка требовала от фортификаторов немедленного развертывания и всемерного форсирования строительства оборонительных рубежей на этом участке фронта.

А в голове гвоздем все тот же вопрос: где же находятся наши женские батальоны? Ждать их прибытия, как у моря погоды, нет уже ни сил, ни терпения. Значит, надо искать!

Разослали гонцов по наиболее вероятным маршрутам их передвижения, сами решили еще раз тщательно изучить местность в полосе внешнего Туапсинского оборонительного обвода, провести детальные рекогносцировки. Отдав все необходимые распоряжения главному инженеру управления Загатину, мы с начальником рекогносцировочного отдела майором Юрьевым и некоторыми другими командирами выехали на грузовике в район Георгиевского. Сидящим в кузове было приказано бдительно смотреть за воздухом — гитлеровские летчики разбойничали всюду, нападая даже на отдельные машины, тем более что зенитных батарей здесь поблизости не было. Двигались мы по долине речки Туапсе, параллельно железной дороге. Проехали уже порядочно без всяких происшествий, когда раздался энергичный стук по крыше кабины: «Воздух!» — над головой проплывали зловещие косяки вражеских бомбардировщиков.

Выскакиваем из машины, сваливаемся в какую-то, будто специально для нас подготовленную, траншею у дороги. И тут, вот уж нарочно не придумаешь, вижу нескольких женщин в потрепанной красноармейской форме и старшего лейтенанта, выглядевшего столь же непрезентабельно.

Так мы и встретились с бойцами одной из рот 3-го отдельного женского инженерно-строительного батальона. Командир роты старший лейтенант П. Веселовский доложил, что следуют они в распоряжение командира 105-го управления военно-полевого строительства военинженера 2 ранга Лысотора (надо же!).

— А это, — кивнул ротный в сторону одной из девушек, — командир взвода Анна Довгань.

Внешний вид у взводного также не выдерживал никакой критики. Ну, ладно, не с парада идут. Удивило то, что на ее голове лихо, набекрень сидела буденовка — головной убор, давно уже отмененный в армии да и никак не подходивший для августовской жары.

Только хотел было я поинтересоваться, в чем тут дело, как «мессершмитт» — один из тех, что стал причиной воздушной тревоги

и в то же время столь счастливо свел нас с долгожданными батальонами, — развернулся на обратный курс, снизился и с гулом пронесся на малой высоте неподалеку от нашего укрытия. Но летчик, видимо, не заинтересовался стоявшим у обочины пустым грузовиком, «мессер» взмыл вверх и вскоре словно растворился в голубизне неба. На душе стало полегче: не хотелось терять незаменимую для нас автомашину. И тут я впервые услышал певучий голос Анны Довгань.

— Не подумайте, товарищ военинженер, что мы в траншее от немецких самолетов прятались. Если бы кланялись каждой бомбе или пуле, то еще и полдороги не прошли бы. Просто здесь прохладнее, чем на солнцепеке, вот и устроили привал в тени.

«Началось, — подумал я, представив, как мы выглядели, когда на глазах у этих, как видно, не робкого десятка девушек довольно прытко бежали от автомобиля в укрытие. — Придется теперь постоянно держать ухо востро, всегда и повсюду помнить, что имеешь дело не с обычным контингентом подчиненных, а с женским. Помнить самому, да и других командиров призвать к постоянной бдительности».

Между тем Довгань бережно сняла буденовку с головы и, как бы отвечая на не заданный мною вопрос, раздумчиво сказала:

— Скажи мне кто-нибудь раньше, что такое может случиться, не поверила бы. Представляете, этот шлем, единственную память о моем погибшем в гражданскую войну отце — буденновце, часа три назад держал в своих руках Семен Михайлович Буденный.

Такое действительно встретишь не часто, и я попросил рассказать об этом подробнее. В разговор сразу же включились и другие девушки, все еще радостно возбужденные встречей с легендарным маршалом. Из их слов и из того, что я узнал несколько позже, сложилась такая картина.

Маршал Буденный рано утром приехал в Георгиевское, решил здесь какие-то вопросы и, когда направлялся уже к своей автомашине, услышал вдруг неподалеку песню. «Сотня юных бойцов из буденновских войск...» — ладно выводили звонкие девичьи голоса.

Командующий фронтом в сопровождении двух командиров вышел на пролегавшую неподалеку проселочную дорогу и увидел, как вышагивают босоногие женщины-бойцы во главе со своим командиром с буденовкой на голове. Увидев маршала, которого все сразу узнали, девушки умолкли в нерешительности, без команды остановились. А Семен Михайлович, поздоровавшись, попросил:

— Присядьте, девушки, на минутку, если, конечно, командир не возражает, и спойте еще раз эту песню.

Командир не возражал, и бойцы, с удовольствием рассевшись полукругом на траве, с особым чувством и старанием исполнили эту необыкновенную, полную героического пафоса и светлой грусти песню.

Когда отзвучали последние слова, заметно растроганный маршал душевно поблагодарил исполнителей, а потом по-отечески, на «ты» обратился к взводному:

— Смотрю я на тебя и думаю: сейчас разгар кавказского лета, а ты в теплом шлеме ходишь, к тому же отмененном. Объясни, пожалуйста, в чем дело? Чувствую, здесь что-то неспроста.

И тогда Анна коротко поведала о том, что ее отец Максим Довгань воевал в гражданскую в Первой конной армии, а после его гибели в бою один из однополчан привез и передал вдове красного конника этот шлем. Будь в семье мальчишки, наверняка истрепали бы этот самый популярный у них головной убор, играя в Чапаева и других героев гражданской войны. Но были только девочки, потому-то шлем и сохранился.

— Когда мне удалось добиться в военкомате направления добровольцем в Красную Армию, — продолжала Довгань, — решила, что такой семейной реликвии место не в сундуке, а на фронте. Взяла шлем с собой. И правильно сделала: в трудную минуту взгляну на него, вспомню об отце, героической Первой конной, Павке Корчагине — и сразу сил прибавляется.

Тем временем Семен Михайлович поднял аккуратно положенный на траву шлем, внимательно его разглядел и протянул взводу со словами:

— Вот и я словно прикоснулся к боевой молодости. Шлем-то точно такой, как сохранившийся у меня: и сукно, и покррой, и звезда. Носи с гордостью, и пусть твоя фронтовая судьба будет счастливой. Твоя и твоих боевых друзей.

После того как командующий фронтом, попрощавшись, уехал, девушки долго стояли молча, вновь и вновь перебирая в памяти все, чему только что были свидетелями. Но время на войне драгоценно, и вот уже звучат команды: «Становись!», «Шагом марш!». И снова летит над кавказской землей полная теперь особого смысла песня «Там, вдали за рекой...»,

Вот так получилось, что, встретив наконец-то людей, с которыми предстояло выполнять задания, начали мы разговор не с того главного, к чему готовились. Теперь же вполне уместно было перевести беседу в деловое русло.

Старший лейтенант Веселовский рассказал, каким трудным и опасным оказался их переход от Новороссийска до Туапсе. Передвигались главным образом в темное время суток ротными колоннами ускоренным шагом, но с таким расчетом, чтобы никто не отставал. К наступлению жары делали привалы, на которых старались привести в порядок все более ветшавшее обмундирование и хоть немного отойти от постоянных налетов вражеской авиации. Особенно свирепствовали воздушные разбойники, когда строители передвигались вместе с эскадронами кавалерийского корпуса.

Немного полегчало, когда вошли в поросшие лесом горы. От самолетов укрылись, зато идти по горным тропам порой становилось нелегко. Выросшие в степных краях, девушки далеко не сразу освоились с марш-бросками по резко пересеченной местности. Однако народ в батальонах подобрался молодой, неунывающий. Те, кому совсем нелегко становилось идти, подсаживались на повозки, а иные и верхом на лошадей. Отдохнут немного, уступят

место другой. И без того нелегкий переход усложняла непогода. То и дело лили дожди, размывая труднопроходимые горные тропы. Застойный влажный воздух, прогретый нещадным солнцем, казалось, можно было пить, как чай, но только не дышать им.

Так или почти так, преодолевая многие трудности, добирались к месту назначения все женские инженерно-строительные батальоны, чтобы, собравшись вместе, приступить к сооружению горного рубежа обороны.

Разумеется, прав был Семен Михайлович Буденный, когда говорил, что саперные работы не женское ремесло. Военное дело испокон веку считалось одной из доблестей мужчин. Однако война, которую навязали нам фашисты, внесла весьма существенные коррективы во взгляды на разделение труда между представителями сильного и слабого пола. Славные советские женщины бок о бок с мужчинами разили ненавистного врага на земле и в небе. Пришел черед стать в боевой строй и этим милым кубанским казачкам. За время труднейшего перехода на них поизносилось обмундирование. Несмотря на то что там, где только возможно, бережливые казачки шли босиком, обувь пришла в полную негодность. И в первое время, кляня себя за невозможность чем-то помочь, оставалось только восхищаться и гордиться, глядя, как роют они неподатливый грунт, вгоняя в него лопаты голыми ступнями. Никто из них не жаловался, не сетовал, не пытался уклониться от тяжелого труда. Все понимали, что страна, живущая под девизом «Все для фронта, все для победы!», не могла еще полностью обеспечить потребности войск во многом, очень необходимом.

Разумеется, война, которую навязали нам фашисты, открыла невиданные морально-политические качества и потенциальные возможности советских людей. Однако родились эти качества не сразу, они зрели постепенно в буднях великих строек, в том числе рассчитанных на оборону страны.

Помню, как после окончания Военно-инженерной академии я получил назначение на строительство приграничных укреплений в Берездовском районе, в том самом районе, где Николай Островский командовал комсомольским батальоном всеобща. Наш коллектив сооружал четырехамбразурный капонир, который по настоящему молодежи называли именем писателя-бойца Николая Островского. Близились XXI годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, и все строители были охвачены желанием закончить работы в дни знаменательного праздника.

Готовились к этому событию обстоятельно. Казалось, предусмотрели все: к моменту начала бетонирования на стройплощадку подвезли около 85 процентов щебня (по норме его полагалось иметь 70 процентов). Остальное количество предполагалось подвезти уже в ходе работы. Главный механик стройки военинженер И. Г. Зверев своевременно подготовил технику, и с вечера, 6 ноября 1938 года, начали бетонирование с таким расчетом, чтобы закончить его

8 ноября. Почин наш был одобрен Военным советом округа, оттуда пришло теплое письмо, ободрившее людей.

Однако «небесная канцелярия» сыграла с нами злую шутку. С утра 7 ноября небо заволокло тучами, полил нудный осенний дождь. Что делать? «Работать!» — решили люди. Над объектом мы натянули тент, устроили навесы и над бетономешалками. Люди трудились самозабвенно. График бетонирования не только выполнялся, но и даже шел с опережением.

На доставку щебня с железнодорожной станции были задействованы все грузовые машины, имевшиеся в нашем распоряжении. Увы, ни одна из них со щебнем не вернулась.

Работы на объекте между тем вступили в самую ответственную фазу: началось бетонирование покрытия. А щебень на исходе. Вот-вот остановятся бетономешалки. Бросаемся к телефонам, звоним в Берездовский, затем в Ярунский райкомы партии: «Требуется помощь, товарищи!»

Пришла помощь! Три сотни колхозных подвод составили мощный гужевой конвейер. Уже щебня навезли больше, чем нужно, а подводы все прибывали. Начали было заворачивать их обратно, но тут позвонил секретарь Берездовского райкома партии:

— Что же вы делаете, товарищи! Дайте каждому хоть по одной ездке сделать, щебень вам пригодится. Вы же видите, каким порывом охвачены люди. Не гасите его!

Так, невзирая на ненастную погоду, мы не только закончили стройку в намеченные сроки, но и надолго запаслись щебнем. Все люди — военнослужащие и работавшие по вольному найму — отчетливо понимали, во имя какой великой цели они вступали в схватку с непогодой, и самоотверженно боролись с трудностями.

Однажды осенью мне позвонили из штаба Черноморской группы войск, предупредили, что новый командующий генерал-лейтенант И. Е. Петров намерен побывать на оборонительных рубежах, сооружаемых в районе села Кривенковское. Комбат в это время лежал больной в лазарете, поэтому встречали генерала мы вдвоем с комиссаром батальона майором В. А. Бросаловым. Это был первый приезд командующего в расположение женских батальонов, поэтому присматривался он ко всему внимательно, с присущей ему обстоятельностью. И конечно же обратил внимание на то, во что одеты девушки-саперы. Потом, собрав командиров, он сокрушенно развел руками:

— Очень жаль, но в данный момент помочь вам просто не в силах — обуви получаем мало, и вся она идет бойцам переднего края. Разъясните это своим подчиненным и добавьте: командующий обещал ни на минуту не забывать о их нуждах. При первой же возможности исправим положение.

В это время чувствую, кто-то легонько дернул меня за рукав. Оглянулся — стоит Аня Довгань в своей неизменной буденовке, тихо шепчет мне на ухо:

— Скажите, пожалуйста, генералу, пусть за нас не тревожится. Перетерпим. Понимаем, что там, на передовой, труднее...

М. А. Джумайло

П. Г. Диденко

Перед убытием из расположения части командующий сказал комиссару Бросалову:

— На мой взгляд, настроение в батальоне боевое. Видно, личный состав свои задачи понимает правильно. Благодарю вас за службу!

Василий Андреевич Бросалов доброго слова вполне заслуживал. Он всегда находился среди людей, особенно на тяжелых участках. Когда требовала обстановка, сам закатывал рукава и брался за лопату. Одним словом, майора Бросалова уважали и любили все без исключения бойцы и командиры в батальоне.

Следует заметить, что такой, по-настоящему боевой настрой царил не только в этом батальоне. Несколько дней спустя я побывал в другом подразделении, которым командовал майор П. И. Сарафанников. Бойцы этого батальона трудились на рубеже, возводимом в селении Агой, неподалеку от Туапсе. В расположении части мы появились днем, когда бойцы отдыхали. Девушки тут же окружили нас, завязался разговор. Самой бойкой из них оказалась Мария Джумайло. Невысокого роста, плотненькая, в гимнастерке до колен, она выглядела совсем девочкой. Как и ее подруги по 4-й роте, призывалась она райвоенкоматом станицы Брюховецкой. Сначала рыли траншеи на виноградниках между Абрау-Дюрсо и Анапой. Палаток не было, спали «под луной». В середине августа, вспоминала Мария, девушек разбудили сильные взрывы — это «юнкеры» бомбили анапский порт, где находились большие резервуары с горючим. Море горело. Их батальон подняли и направили к Тоннельной, а оттуда они уже побивались в район Туапсе.

Тут к разговору подключилась Тася Верещагина. Она и ее товарки по роте пришли в армию по комсомольскому призыву из Тимашевского района. Начинали свой боевой путь под Новороссийском, в станице Раевской, затем перешли ближе к Новороссийску. Вражеская авиация и бомбила, и обстреливала девушек из

пулеметов, но они держались стойко, как и положено бойцам Красной Армии. В середине августа рота, которой командовал К. А. Гвилия, перебазировалась под Новороссийск. А вот теперь дружный боевой коллектив оказался под Туапсе.

Меня радовало то, что, рассказывая о своей нелегкой фронтовой судьбе, до краев наполненной трудом и опасностями, девушки ни на что не жаловались, ничего для себя не просили. Только по-хорошему завидовали девчатам, которые попали служить в стрелковые части. «Они хоть фашистов бьют по-настоящему», — говорила Паша Диденко, да и не одна она. Приходилось разъяснять, что их труд, когда в силу суровой военной необходимости приходилось выполнять тяжелые даже для мужчин нормы выработки, равноценен боевому подвигу и Родина об этом никогда не забудет.

Бои в нашем секторе обороны носили затяжной характер. И в зависимости от складывавшихся ситуаций постоянно менялись инженерные задачи. Девушкам приходилось отрывать окопы и траншеи в таких местах, где, казалось, не ступала нога человека, только шакалы выли по ночам. Но ведь именно такие места особенно опасны внезапным проникновением врага. Так что труд девушек в такой глухомани был наполнен высоким смыслом.

Осень в здешних местах в сорок втором году выдалась сырой и прохладной. Шли затяжные дожди, дули ледяные ветры. Бывало, такой шквал пронесется по ущельям, что и деревья вырвет с корнями. Но нет худа без добра: увлажненную землю копать стало легче. Более того, в такую ненастную погоду гитлеровские летчики отсиживались на своих аэдромах, реже бомбили район, где возводились оборонительные рубежи.

А тем временем обстановка на переднем крае обороны, в районе Гойтхского перевала, селений Индюк и Садовое, обострилась до крайности. Гитлеровские генералы гнали свои войска в наступление, и они шли напролом, стремясь во что бы то ни стало прорваться к Туапсе с нескольких направлений. Инженерным подразделениям приходилось часто перемещаться с одного рубежа на другой.

К тому же из-за трудностей с доставкой продуктов случались порой перебои с питанием. Поэтому в дополнение к солдатскому пайку иногда приходилось собирать на горных склонах травы, корешки и закладывать их в котел. Чай пили вприкуску, обжигая губы о края металлических кружек и мечтая вслух о краюхе свеженького, душистого, только что вынутого из русской печи кубанского хлеба.

До войны мне не привелось побывать в Туапсе, знакомился с ним уже в ходе сооружения оборонительных рубежей. Расположенный в долине реки, давшей городу свое имя, Туапсе открывался взору путника со склона горы. Справа виднелся морской порт с причальными линиями. Далее располагались улицы с разрушенными бомбами домами, а слева виднелся громадный корпус нефтеперегонного завода. Ночью город погружался во мрак и тишину. Вспыхивали только

огоньки на склонах гор — там действовала специальная команда, созданная для дезинформации авиаторов противника. И нередко бомбы рвались там, где находились ложные объекты.

Однако промахнуться даже ночью по такой крупной цели, как город, вражеские летчики конечно же не могли. И Туапсе представлял тогда грустную картину, с первого взгляда мог показаться брошенным жителями. Развалины домов, култышки телеграфных столбов, обожженные стволы акаций, лип, кипарисов, некогда украшавших улицы этого курортного приморского города, — вот следы разрушительной работы вражеской авиации.

Одна из главных особенностей возведения здесь оборонительных рубежей заключалась в том, что оборона непосредственно военно-морской базы органично сочеталась с активным противодействием противнику в горах, то есть на подступах к Туапсе. Поэтому узлами сопротивления, которые строили наши женские батальоны, покрывалась вся территория Туапсинского района — от горных селений Индюк, Два Брата и Семашко до побережья Черного моря, включая город Туапсе и его морской порт.

Но оборона этого города представляла нечто особое не только в военно-инженерном отношении. Даже при беглом взгляде на карту было видно, что захват Туапсе открывал гитлеровцам прямой путь на Сухуми, Батуми, вплоть до турецкой границы. Это обстоятельство также определяло необходимость того, чтобы и оборона горных перевалов, расположенных подчас на значительном удалении от Туапсе, и защита побережья Черного моря составляли единый оборонительный комплекс. Нашему 105-му управлению военно-полевого строительства пришлось возводить здесь оборонительные рубежи не только многополосные, но и многоярусные, используя для этого склоны гор в 1000 и более метров высотой. Кроме всего прочего, командование приказало нам создать систему инженерного оборудования на некоторых вершинах гор и на хребтах, где противник мог попытаться прорвать нашу оборону.

И еще одна особенность строительства оборонительных рубежей в горах Кавказа состояла в том, что ни один из них не был подготовлен заблаговременно на случай вынужденного отхода наших войск от Дона и Кубани. Их пришлось возводить в период сильного натиска противника, рвавшегося к Черному морю. Как информировали нас в штабе ЧГВ, только на туапсинском направлении враг в это время имел около 15 дивизий. Так что сдерживать их натиск было весьма трудно. Поэтому те части, которые под напором превосходящих сил противника вынуждены были отходить, спешно приспособливали гористую местность к нуждам обороны.

То, что делалось по инженерному оборудованию переднего края обороны и выполнялось стрелковыми частями и армейскими саперами, усиливалось рубежами, возводимыми инженерно-строительными подразделениями нашего управления военно-полевого строительства, подчиненного с ноября 1942 года непосредственно штабу Черноморской группы войск. Понятно, что в складывавшейся обстановке дел и забот у нас не убывало и в управлении я не засиживался. Одни

уходили на рекогносцировку, другие проверяли ход работ на том или ином оборонительном рубеже, третьи занимались вопросами материально-технического снабжения подразделений. Мы же с главным инженером М. М. Загатиным покидали управление по очереди. Если одному требовалось куда-то выехать, второй оставался на командном пункте.

Примерная схема рубежей, возводимых нашими частями, выглядела таким образом — внешний обвод: Ольгинка, Колихо-Кривенковское, Красноалександровский; внутренний обвод: Агой, Куйбышево, Кирпичное, Пасека, Шепси; укрепления непосредственно в черте города Туапсе.

Следует заметить, что за ходом работ на этих рубежах внимательно следили командующий Черноморской группой войск генерал-лейтенант И. Е. Петров и члены Военного совета. Помню, стоило хоть ненадолго задержаться сводке, как тотчас следовал вызов в штаб меня или главного инженера М. М. Загатина. А задержки вызывались главным образом бомбежками. Особую опасность воздушные налеты представляли для тех, кто работал на склонах гор, спускавшихся к реке Туапсе. Этот участок хорошо просматривался с воздуха, и гитлеровские летчики не упускали случая обстрелять даже одиночного бойца, не успевшего укрыться в траншее или окопе. Однако девушки из инженерно-строительных батальонов привыкли работать и в такой обстановке, а порой даже неоправданно рисковали.

Как-то мы с командиром батальона заехали на участок, где трудилась рота лейтенанта Довгая. Как водится, поговорили с бойцами, осведомились, какие у них имеются жалобы, пожелания.

— Нет у нас жалоб, товарищ военинженер, — ответила Маша Джумайло.

— Тогда у нас к вам есть претензии, девушки, — сказал я. — Комбат докладывал, что вы не укрываетесь в траншее при воздушных налетах.

— Не может такого быть, Семен Маркович, — хитровато подмигнула подругам Мария. — У нас тут строго. Заметит непорядок лейтенант Довгай, наш ротный, или командир взвода, так сразу нахлобучка будет страшнее любой бомбежки. Так что мы вылазим из укрытия только тогда, когда командира нет рядом.

Пришлось провести беседу на тему о том, что риск даже на войне должен быть оправдан высокой целью, служить делу победы, что, чем сложнее положение на фронте, тем дороже каждый боец, с винтовкой ли он в руках или с лопатой. Что толку, говорил я, если кто-то из вас по легкомыслию погибнет или выйдет из строя? Он не подготовит свой участок оборонительного рубежа, который помог бы сдерживать врага, сохранить жизнь занявшим его войнам.

Показалось, что поняли. Во всяком случае, пообещали не слишком бравировать. Однако в дальнейшем беседы на эту тему пришлось вести еще не раз. Дело, думается, в том, что девушки хотели чувствовать себя настоящими фронтовичками, подвергавшимися всем опасностям, которые грозили войнам на передовых позициях, что они способны не только копать землю и долбить гранит, но и, если пона-

добиться, вступить в бой с врагом. А в том, что кубанские казачки с характером, мы убеждались постоянно. Вот и тогда, пока мы оценивали выполненную работу да вели беседу, немецкие самолеты несколько раз бомбили и обстреливали район строительства. При этом команда «Воздух!» подавалась лишь в тех случаях, когда «юнкеры» или «мессеры» шли прямо на тот или иной участок работ. Если же они пролетали стороной, то на них просто не обращали внимания.

Строили здесь позиции главным образом для небольших стрелковых подразделений: окопы для одного-двух взводов, оснащенных ручными и зенитными пулеметами, землянки и траншеи с ячейками для стрелков, приспособленные для круговой обороны. В этом была особенность горных рубежей, связанная с тем, что группы вражеских автоматчиков, используя рельеф местности и густую растительность, просачивались через передний край и могли выйти к оборонительному сооружению с любой стороны.

Построить здесь такой узел обороны оказалось делом далеко не простым. Приходилось взбираться на горы, неся на себе шанцевый инструмент и продовольствие. Пока доберешься до места, уже семь потов сойдет, а вся работа еще впереди. Теперь, скажем, надо соорудить пулеметный окоп, а ведь это не чернозем, не песок — скала. И перейти в другое место нельзя: такие окопы требовались именно там, откуда можно было наиболее эффективнее вести огонь по врагу. Приходилось пускать в ход кирку и лом, затрачивать даже на самый маленький окопчик столько сил и времени, сколько их на равнинной местности понадобилось бы для отрывки целой траншеи. А ведь еще приходилось прокладывать ходы сообщения, строить убежища, землянки, располагая все тем же нехитрым арсеналом орудий труда, прозванным армейскими острословами «саперной троицей» — ломом, киркой, лопатой. Однако, как любил иногда повторять в своих лекциях в академии мой учитель Дмитрий Михайлович Карбышев, для воплощения замысла фортификатора нет плохих орудий труда. Есть лишь более производительные или менее производительные. А уж он-то знал в них толк. Сколько построил укреплений и в русско-японскую, и в первую мировую войны. И воздвигались они, конечно, не без участия «саперной троицы».

Не знаю, чего бы я не отдал, чтобы посоветоваться с этим выдающимся военным инженером-фортификатором. Но тогда ни я, ни мои коллеги еще не знали об истинной судьбе генерала Карбышева. А случилось так, что я оказался одним из последних, кто общался с Дмитрием Михайловичем перед самой войной.

Мы расстались с ним 18 июня 1941 года в живописном приграничном городке Ломже, раскинувшемся на левом берегу реки Нарев. К тому времени я уже более года служил в Москве, в управлении оборонительного строительства Красной Армии и по заданию своего начальника генерал-майора инженерных войск Л. З. Котляра выезжал на западную границу для изучения состояния оборонительных работ в районе городов Гродно, Ломжа, Брест. Со значительно более широким планом, как потом я узнал, выехал в эти места и Дмитрий Михайлович Карбышев. Он внимательно следил за ходом

строительства приграничных укреплений. Район города Ломжа привлекал его не случайно. Этот участок границы был наиболее уязвимым по сравнению с другими, так как представлял собой стопятидесятикилометровый выступ в западную сторону и прикрывал подступы к городу Белостоку.

Из Москвы я выехал 12 июня 1941 года. Пока добирался до Гродно, потом до Ломжи, генерал Карбышев тем временем успел осмотреть укрепления белостокского выступа, отметил их и сильные и слабые стороны. И мне при первой же нашей встрече довелось выслушать его замечания.

Встреча наша произошла в кабинете коменданта Ломженского (Осовецкого) укрепленного района. Там же находились начальник строительства и исполняющий обязанности коменданта укрепленного района полковник П. И. Дралин и его главный инженер В. Н. Щекатуров. Генерал Карбышев завел речь о роли старых крепостей, таких, как Ивангород, Брест или Осовец, которые были рассчитаны на ведение круговой обороны и вполне соответствовали своему назначению.

— Однако, — сказал генерал, — новые оборонительные рубежи, состоящие пока из отдельных групп сооружений, тоже должны обладать не только большой устойчивостью против натиска противника, но и выдержать длительную осаду.

Касаясь своих намерений, Д. М. Карбышев сказал, что после детального осмотра сооружений Гродненского и Ломженского (Осовецкого) укрепленных районов, намерен заняться Брестским УРом.

Когда наша первая встреча на границе подходила к концу, Дмитрий Михайлович посоветовал:

— Походите по батрайонам, установите степень готовности каждого из них. Потом побеседуем.

Беседы наши всегда проходили на равных. Дмитрий Михайлович не подавлял собеседника ни опытом, ни широкими знаниями, ни высоким званием и положением. Более того, всегда стремился высказать свою заинтересованность в подобных беседах.

— Понимаете, от практической фортификационной деятельности, — говорил он, — я сейчас, в сущности, оторван. Прошу вас, рассказывайте побольше о том, что, где и как делается.

Помню, еще в военно-инженерной академии в своих лекциях Дмитрий Михайлович Карбышев учил нас творчески изучать опыт прошлых эпох и войн в области фортификационного строительства. При этом предупреждал, что следует не просто брать в неизменном виде исторически накопившиеся фортификационные идеи, мысли, искусство инженерного оборудования поля боя, а иметь их как исходный материал для разработки новых идей. Военный инженер, по мнению генерала Карбышева, — это в первую голову всесторонне подготовленный фортификатор, творец прочных и мощных оборонительных линий, основанных на решениях и разработках военно-тактической и стратегической мысли. Говорят иногда, что у двух тактиков может быть три мнения. У инженеров такого не бывает. Два фортификатора должны иметь единое мнение.

Свое задание в приграничной зоне я выполнил, проинформировал генерала Карбышева и собрался в обратный путь. А он, оказывается, уже добился продления своей командировки еще на неделю. Таким образом, его возвращение в Москву предполагалось где-то 24—25 июня. Я же из Ломжи отбыл сначала в Брест, а 18 июня прибыл в Минск, с тем чтобы передать некоторые указания по укрепленным районам генерал-лейтенанта инженерных войск Д. М. Карбышева начальнику инжвойск Белорусского военного округа генерал-майору М. П. Васильеву. Генерал был весьма загружен, однако принял меня радушно, внимательно выслушал. Вскоре после моего визита он выехал в Ломжу для встречи и беседы с генералом Карбышевым.

Война, однако, все спутала и переориентировала...

Наши славные девушки-саперы создавали также ложные о невые позиции, особенно на безлесных скатах гор и на полянах. Больших физических усилий это не требовало. Стоило лишь снять дерн с грунта, в нужных местах отсыпать брустверы, набросать веток для создания видимости маскировки — и ложная огневая точка готова. Если же во время работы над головой пролетал вражеский самолет-разведчик, следовало поскорее уносить отсюда ноги: вскоре появлялись «юнкеры» или «мессершмитты» и под ликование строителей, радовавшихся, что «надули» многоопытных фашистских вояк, мешали эти нехитрые сооружения с землей.

Вскоре после первого посещения на возводимых нами оборонительных позициях вновь побывал командующий Черноморской группой войск генерал-лейтенант И. Е. Петров. Понаблюдав довольно длительное время за тем, как девушки упорно вгрызаются в неподатливый грунт, он шутя спросил:

— Когда же у вас бывают перекуры?

— Расписание перекуров нам устанавливает противник, товарищ генерал, — послышалось в ответ. — Только мы ведь не курим.

— Куда же табак деваете?

— Иногда меняем на сахар у мужчин, а чаще просто их угощаем...

Командующий группой иногда появлялся в расположении наших частей вместе с командующим Туапсинским оборонительным районом контр-адмиралом Г. В. Жуковым, рассказывал о положении на фронтах, особенно о боях под Одессой и Севастополем. И каждый раз настоятельно требовал, чтобы девушки берегли себя, уходили в укрытия при бомбежках и артобстрелах. Вот уже и до руководства группы дошли сведения о проявлении моими подопечными казачьего характера. Нет, никак они не хотели смириться с тем, что их стараются как-то выделить, проявляют внимание, а главное — сочувствие. И это подчас вызывало протест.

Вспоминается, как командир одной из дивизий, для которой девушки сооружали оборонительный рубеж, обратился с просьбой произвести перестановку военно-строительных частей с таким расчетом, чтобы поближе к передовой находились мужчины, а женские батальоны оставить в глубине, за селением Кривеньковским.

Узнав об этом, темпераментные казачки подняли шум: как, их считают трусливыми? Долго пришлось объяснять, что такое решение продиктовано целесообразностью. Не знаю, удалось ли их в этом убедить, а вот то, что приказы надо выполнять без обсуждения, в конце концов было воспринято правильно.

Впрочем, случаев проявить подлинное мужество у женщин было вполне достаточно. Вот, например, в начале ноября 1942 года противнику удалось нащупать слабое место на участке обороны, которую удерживала дивизия, укомплектованная в основном необстрелянными еще бойцами. Дело было в районе Гойтхского перевала. Под давлением гитлеровцев части дивизии стали отходить. В таких условиях женским подразделениям, строившим рубеж во втором эшелоне дивизии, следовало также немедленно отойти. Но девушки продолжали работать, передавая одновременно сооружения оборонительной полосы стрелковым частям. Добавлю, что положение на этом участке было восстановлено.

Отходившие подразделения этой дивизии были переданы нам для производства фортификационных работ. Так 105-е УВПС неожиданно получило солидное подкрепление. Однако женские батальоны, возможности которых мы теперь отлично знали, продолжали оставаться у нас наиболее мобильными подразделениями. И если уж возникала необходимость построить оборонительные рубежи где-нибудь в особо труднодоступных местах и сложных условиях, туда направлялись наши славные казачки. Можно было не сомневаться: работы будут выполнены в срок и с должным качеством.

Фронтальная обстановка породила еще одну потребность. Гитлеровцы перебрасывали через линию фронта и разведчиков, и диверсантов. Пришлось создать специальные патрульные группы, которые проверяли на участке строительства всех подозрительных лиц. Следует заметить, что патрулирование в горах оказалось делом далеко не безопасным — каждый ствол дерева, пень, куст мог стать укрытием для диверсанта. Потому от патрулей требовалась максимальная собранность, бдительность. В этом деле девушки-саперы тоже отличались с лучшей стороны. Службу несли они четко. Однако и в таком серьезном деле не обходилось без курьезов. Как-то сквозь чащу пробирался заблудившийся пес. В темноте его приняли за волка, пристрелили.

В сводках Совинформбюро в то время нередко упоминалось, что на туапсинском направлении идут бои местного значения. А за этими словами стояли боевые действия, в ходе которых наши воины оказывались крепче гранита, выдерживая натиск втрое-вчетверо превосходящих сил противника. Враг продвигался медленно, на сто — сто двадцать метров в день, потери нес крупные. Но продвигался. С некоторых горных вершин Кавказского хребта гитлеровцы могли уже видеть и Черное море. Но до него оставалось еще двадцать — двадцать пять километров, а путь преграждали советские войска, прочно закрепившиеся на тех оборонительных рубежах, которые

строились в неимоверно трудных горных условиях в значительной мере женскими руками.

Условия, в которых мы оказались на Кавказе, не давали возможности работать с перспективой, заглядывая, скажем, хотя бы на месяц вперед. Бои шли напряженные, линия фронта часто смещалась то в одну, то в другую сторону. В зависимости от этого менялись и наши задачи. Поэтому заглядывать далее чем на пять-шесть дней мы не имели возможности. И мне были понятны чувства М. М. Загatina, когда однажды он выразился так: «Черт возьми, работаем по программе, которую задает противник. И подумать некогда». Конечно же для главного инженера управления думать, решать задачи со многими неизвестными, принимать всесторонне взвешенные решения составляло бы в иных условиях всю суть его деятельности.

Но на самом деле думать приходилось и здесь, и, как правило, в ущерб отдыху. До сна ли, когда то на том, то на другом участке вдруг обнаружатся какие-то прорехи или возникнет такая вот «самодеятельность», как на участке, руководимом военинженером К. Авакяном, где стали иногда переносить без разрешения места пулеметных окопов или дзотов. Объяснял Авакян свои действия просто: «Скала здесь. Отодвинемся на несколько метров — выроем окоп за день, а камень долбить придется неделю. Разница есть? Сектор же обстрела почти тот же».

Почти, да не тот! Место посадки той или иной огневой точки диктуется многими соображениями, в первую очередь тактическими; выбирается оно только после самой тщательной рекогносцировки, а то и нескольких. Отступления недопустимы, так как могут дорого обойтись тем, кто здесь будет держать оборону. А потому майор П. И Юрьев, начальник рекогносцировочного отдела, был непреклонен, когда к нему обращались за санкцией на перенос.

— Это вам не фишки по доске гонять, — выговаривал он «инициативному» Авакяну. — Перенесите эту точку на двадцать шагов влево — видите, там грунт помягче, — и не позавидую тем, кому пришлось бы держать здесь оборону. Ведь огневое взаимодействие с соседями у них будет нарушено, обзор резко ухудшится, да и позиция станет уязвимой при обстреле с соседней скалы.

Урок оказался достаточно наглядным, и поиск облегченных вариантов работы здесь прекратился.

Наши подразделения, несмотря на отсутствие у личного состава специальной подготовки и сколько-нибудь серьезного практического опыта, рубежи строили добротнo. Принимавшие их командиры соединений и частей оставались, как правило, довольными. Качество работ, насыщенность рубежей огневыми сооружениями и особенно разветвленная сеть траншей и ходов сообщения удовлетворяли также и командующего Черноморской группой войск генерал-лейтенанта И. Е. Петрова. А однажды, в середине октября 1942 года, нагрянул почти в полном составе Военный совет ЧГВ.

Осмотр начался с окопов. Все они были хорошо замаскированы, траншеи имели козырьки, ходы сообщения во многих местах облицованы ветками и хворостом. Вначале гости осмотрели несколько

сооружений изнутри, однако из траншей не видно было общего расположения рубежа, и тогда кто-то предложил подняться на бруствер и дальше следовать по тропинкам вдоль траншей. Действительно, глядя сверху, можно было составить о рубеже более полное представление.

Однако, слушая мои пояснения, задавая вопросы и обсуждая увиденное, руководители группы войск, да и все другие несколько увлеклись и даже не обратили внимания на группу вражеских бомбардировщиков, заходивших буквально над нашими головами с курсом на порт и хранилища горючего. А между тем они ведь могли разгрузиться и раньше, сбросить бомбы на нас. По всем военным канонам следовало немедленно укрыться в ближайшей траншее. Но кто должен сделать это первым? Мне, самому младшему по воинскому званию, как я полагал, подавать команду генералам было не с руки. И я продолжал докладывать о выполненных работах, хотя тревога за безопасность руководителей группы войск с каждой секундой возрастала.

Слышу, шедший вслед за мной командовавший Туапсинским оборонительным районом контр-адмирал Г. В. Жуков тихо говорит: «Приглашайте всех в ближайшее убежище». Я тотчас последовал этому доброму совету, но увидел, что на мое приглашение никто не откликнулся. Члены Военного совета продолжали идти по открытому месту. Тут на горизонте появилась группа «Фокке-Вульф-190», шедших прямо на наш рубеж. Надо немедленно укрываться! Набираюсь дерзости и громко команду:

— Воздух! Всем в укрытие!

Все прыгнули в траншею, направились в ближайший дзот. Командир пулеметного расчета, занимавшего это укрытие, четко доложил командующему обо всех ориентирах в секторе обстрела, одновременно показывая их на схеме, висевшей на стене, аккуратно выложенной бутовым камнем. Покрытие тоже вполне надежное — бревна, а на открылках амбразур — листы стального проката.

— Где взяли? — спросил командующий, показывая на открылки.

Пришлось сознаться, что тащили волоком с нефтеперегонного завода. Вроде и близко, а потратили на это полдня.

Огневая позиция, которую осматривало командование, включала также два открытых пулеметных окопа, открытых справа и слева от дзота. Сержант, командир расчета, пояснил, что из правого окопа он намерен отражать при необходимости нападение десанта, высадившегося с моря, а из левого — бить по тем, кто будет атаковать вдоль долины реки Туапсе. Командование осталось довольно осмотром рубежа и подготовкой пулеметного расчета. Командиру расчета была вручена медаль «За боевые заслуги».

Не только командующий — все члены Военного совета группы войск одобрительно отнеслись к нашему труду, и у нас были основания порадоваться. Присутствовал на осмотре и член Военного совета группы, секретарь Краснодарского крайкома партии П. И. Селезнев. Узнав, что этот оборонительный рубеж возводили его землячки, Петр Ианнуарьевич пообещал, что непременно сообщит партизанам, как

доблестно трудятся кубанские девушки, выразил пожелание в ближайшие дни побывать в женских батальонах.

На следующий день мне позвонили: «Ждите возле указателя «Санаторий медсантруд». В назначенное время я стоял под деревьями, ожидая появления «виллиса» первого секретаря крайкома партии. Передвигаться на эмках по фронтовым дорогам было далеко не безопасно: вражеские «мессеры» атаковали их с особым остервенением. Камуфлированный же «виллис» заметить с воздуха куда труднее.

С Селезевым мы направились поближе к переднему краю обороны в район селения Индюк. Девушки узнали Селезнева, охотно рассказывали, как им здесь работается, показывали результаты своего труда. Секретарь крайкома рассказал девушкам-саперам о действиях кубанских партизан, о положении на фронте.

Девушки ни на что не жаловались, ни о чем не просили. И все же посещение рубежей командованием не осталось бесследным. На следующий день на позициях женских батальонов появились работники тыла. Сразу же был изменен порядок снабжения продуктами питания. Если раньше девушкам приходилось совершать неблизкие поездки на продовольственный пункт армии, подвергаясь иногда бомбежкам, то с этого дня тыл стал доставлять продукты на склады, находившиеся неподалеку от расположения женских батальонов.

Заглянул к нам и начальник фронтового военторга подполковник А. И. Струев. Конечно, военторг — не отдел снабжения, тут покупать надо, а денег у девушек было не густо. «Ладно,— сказал Струев,— пишите, что вам надо, с уплатой как-то уладим». И действительно, кое-что для женщин удалось приобрести: начальник военторга постарался.

Член Военного совета группы генерал В. А. Бажков, побывав у нас, видел, как тяжело долбить скалы, чтобы вырыть окоп или траншею нужного профиля. Спросил меня:

— Как вы поощряете лучших?

Я перечислил не очень обширный арсенал поощрений.

Генерал сказал, что красноармейцев иногда премируют комплектом нового обмундирования. А что бы придумать для девушек?

По его заданию работник военторга привез красивые женские хлопчатобумажные костюмчики. «Достали,— сказал он мне,— двести штук». Вручали подарки самым передовым в труде. И надо было видеть лица девушек, когда они получали в качестве премии такие костюмчики.

Работники военторга выручали нас и с устройством быта. Надо ли объяснять, как важно для любого человека, а тем более для женщины, помыться и выстирать белье, одежду. Между тем ни помыться, ни постирать было не в чем — не доставало тазов. Военторговцы прислали нам две сотни, но ведь этого количества едва хватило по одному на отделение. Конечно же это не выход. Тогда мы обратились к начальнику туапсинского морского порта А. Г. Гуцуляку, попросили отпустить некоторое количество белой и оцинкованной

жести, из которой можно было изготовить тазики. Не отказал. А рабочие завода имени Ф. Э. Дзержинского пошли нам навстречу и отштамповали тысячу тазиков.

Но была и другая проблема: мыло! Что для женщины один кусочек туалетного мыла, выдаваемый по норме снабжения на целый месяц? Частично опять же выручил военторг, но решить проблему в целом удалось только благодаря инициативе, которую проявил мой заместитель по снабжению майор Н. И. Гуфельд. Не знаю, как это ему удалось, но он наладил изготовление мыла кустарным способом. И тогда мы смогли выдавать его женщинам по полторы-две нормы.

Одним словом, при желании выход всегда можно найти. Я упоминал уже, как в женских батальонах восполняли нехватку продуктов питания. То травы, то грибы выручали. А однажды снова побывавший у нас генерал-лейтенант И. Е. Петров был немало удивлен, когда увидел, что бойцам вместе с котелком супа подают пару мандаринов.

— Где вы их взяли, да еще так много? — удивился командующий.

Рассказали. Один из командиров подразделений капитан В. И. Алексеенко как-то выехал в район Сухуми с намерением раздобыть там лопаты, кирки, ломы или металл на их изготовление. Там и узнал, что созрели мандарины, и предложил: «А что, если обратиться к местным властям?» Спросили совета у Александра Дорофеевича Притулы, комиссара инженерного управления. Тот написал ходатайство на имя секретаря Краснодарского крайкома партии П. И. Селезнева, а Петр Ианнуарьевич в свою очередь обратился к руководителям Абхазской автономной республики. Так вместе с шанцевым инструментом в Туапсе прибыли две машины, груженные мандаринами, свежими, душистыми.

Предложили мы угощение Ивану Ефимовичу Петрову. Отказался. Только после очень настоятельной просьбы согласился взять себе и адъютанту красноармейскую норму — по парочке мандаринов. Генерал поинтересовался:

— Не было ли случаев заболевания цингой?

Начальник медицинской службы ответил отрицательно.

— Чем же вы восполняете недостаток витаминов?

— Дарами леса, товарищ командующий.

Действительно, лес выручал здорово: не только грибы и травы, использовали для питания и каштаны. В здешних лесах росло их много. Когда они созрели, во всех воинских частях началась массовый сбор. Однако и тут возникла проблема: некоторые горе-сборщики из-за своей лени предпочитали валить дерево целиком. Пришлось для борьбы с этим злом выделять патрули. Но это были исключительные случаи. Природа щедро одарила этот уголок земли и климатом и растительностью. И надо отдать должное нашим людям: как ни сурова была обстановка, к природе они относились бережно. Деревья для покрытия дзотов рубили выборочно, а ветки использовали для маскировки ходов сообщения. Все понимали: кончится война, и этот край снова станет кузницей здоровья советских людей.

Попытки гитлеровцев лобовыми атаками прорвать нашу оборону в районе гор Индюк и Два Брата, а также осуществить прорыв путем обхода Туапсе окончились для них полным провалом. Враг понес огромные потери в живой силе и технике. Мы явственно почувствовали, что немцы уже со второй половины ноября, особенно после того как наши войска выбили их с семашхского плацдарма, вынуждены были сами перейти к обороне и начали возводить долговременные укрепления.

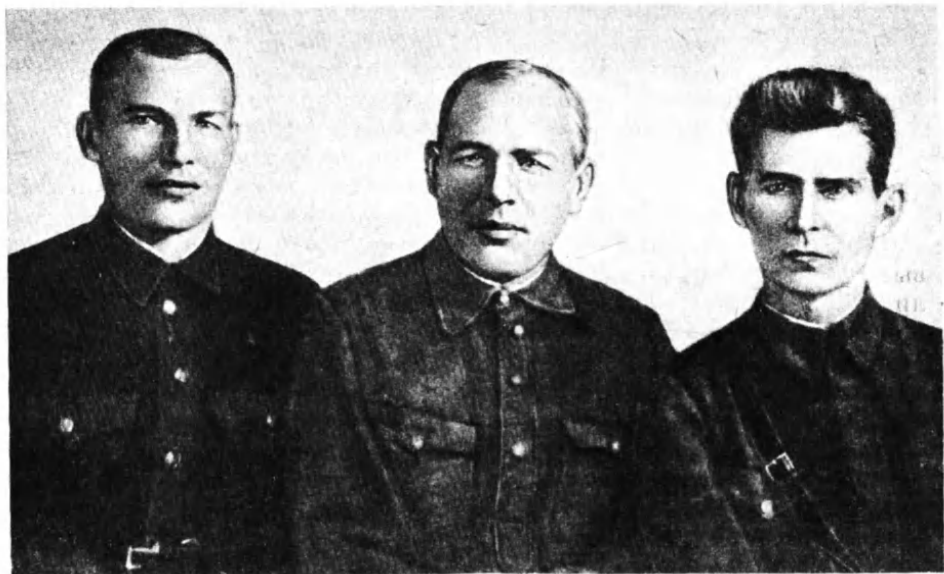
Между тем авиация противника активности не поубавила. Налеты на город и порт продолжались. И все же, невзирая на это, Туапсе жил, держался, боролся. На горных перевалах продолжались бои. Это вызывало необходимость ни в коей мере не ослаблять темпов оборонительных работ, в выполнении которых значительный вклад вносили жители Туапсе и близлежащих селений.

Большую помощь трудящиеся района оказали фронту при строительстве полевого аэродрома в районе селения Агой. Замечу, что мало кто верил в возможность такого строительства: местность вся покрыта лесом и невыкорчеванными пнями да еще пересечена речушкой с извилистым руслом. Однако люди понимали: надо! Русло речки отвели в сторону, отсыпали гравийное основание, подготовили взлетную полосу. Работы были выполнены без каких-либо механизмов и в короткий срок.

А ведь основной рабочей силой на этой стройке были женщины и подростки четырнадцати — семнадцати лет. Каждый из них получал на день задание расчистить 150 квадратных метров площади от деревьев, пней и кустарников, сплетенных колючей повилкой — «держидеревом», используя в качестве орудий труда бороны, грабли, мотыги. Почти постоянно лили дожди, но ритм стройки не замедлялся.

Руководил строительством аэродрома заведующий районным земельным отделом Николай Николаевич Самойлов. Так и запомнился он мне в резиновых сапогах, в поношенном плаще, в котором он ходил от бригады к бригаде. На месте застать его было трудно. Да это и понятно: стройка важная, ответственность за нее высокая. Поэтому каждая районная партийная или советская организация считала своим первейшим долгом оказывать помощь этой стройке. Возникло, например, затруднение с обувью — начальник туапсинского морского порта А. Т. Гуцуляк выделил триста пар резиновых сапог.

Весьма тяжелым участком оказалась засыпка основания взлетной полосы гравием, слой которого в некоторых местах достигал 8—10 сантиметров. Женщины носили гравий от берега. Чем дальше полоса удалялась от моря, тем носить становилось все труднее. И тот же Гуцуляк предложил взять небольшой портовый паровозик и двухкубовые вагонетки. Встал вопрос: как перегнать паровоз на стройку? Начальник портовых мастерских П. В. Варламов нашел такой выход: на лист стального проката приварить рельсы, вкатить на них паровоз и жестко закрепить. Затем буксировать тракторами. Два мощных С-80 тащили волокушу десять километров. Эта инициатива явилась заметной помощью стройке.

И. С. Невенчанов, П. Л. Куприн и С. А. Борисов (справа налево).
Туапсе, 1942 год.

А работа по возведению укреплений продолжалась. В черте города Туапсе возводился оборонительный рубеж, работами на котором руководил секретарь горкома партии, председатель городского комитета обороны Д. В. Шматов. Большую помощь в организации оборонного строительства оказывали секретари Туапсинского райкома ВКП(б) И. С. Невенчанов и С. А. Борисов.

В городе было создано несколько крупных строительных отрядов. Одним из них командовал А. Шведов. Этот отряд выполнял оборонительные работы в районе сортировочной железнодорожной станции и на подступах к городу с северо-востока. Кроме окопов и ходов сообщения здесь сооружалась противотанковая полоса заграждения.

Отряд заведующего горно В. П. Колпакова возводил оборонительные сооружения в районе городка нефтяников, а отряд директора молокозавода И. Ф. Ефремова строил опорные пункты в центральной части города.

На оборонительных рубежах работало все население. На заводах готовили саперные инструменты, отливали стальные колпаки для пулеметных гнезд. На их изготовлении отличились слесари и электросварщики Владимир Карпенко, Степан Шаламов, Иван Федоренко, Александр Матюгин. К сожалению, Володя Карпенко погиб во время работы над колпаками при налете авиации врага.

Опустевшие крупные здания и их подвалы превращались в убежища, а оконные проемы цокольных и первых этажей — в амбразуры для пулеметов и становились, таким образом, огневыми точками. Они соединялись между собой ходами сообщения и траншеями для стрелковых подразделений.

В связи с тем что город подвергался систематическим бомбардировкам, партийные и советские органы предложили еще в августе 1942 года начать эвакуацию. Однако выезжали далеко не все. Многие оставались в городе, продолжая трудиться на оборонительных рубежах, на разборке завалов и очистке дорог после бомбежек.

В период особо тяжелых боев на туапсинском направлении (конец октября — начало ноября 1942 года) партийные работники Краснодарского крайкома партии организовали среди населения сбор шанцевого инструмента для инженерно-строительных частей, выполнявших оборонительные работы в горах. Они же организовали сбор продуктов среди колхозников и подарков бойцам в честь 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Значительное количество их было вручено военным строителям, в том числе и бойцам женских инженерно-строительных батальонов.

От переднего края обороны, из района селения Индюк, через Кривенковское и Георгиевское до Туапсе проходила гравийная дорога. Размываемая дождями, она особенно подвергалась разрушению при передвижении по ней танков, тракторов и тягачей, буксировавших тяжелые артиллерийские установки. Восстановительные работы на ней в основном осуществлялись военно-инженерными частями, а где представлялась возможность, подключалось и местное население. Тот же неутомимый Н. Н. Самойлов разработал схему выполнения дорожных работ, которую утвердил председатель райисполкома П. Л. Куприн.

Несмотря на частые бомбежки, продолжал ритмично работать морской порт. Порттовые рабочие освоили многие новые для них профессии — санитаров, бетонщиков, землекопов и бойцов на тот случай, если вдруг высадится вражеский десант. Начальник порта А. Т. Гуцуляк и начальник мастерских П. В. Варламов не только обеспечили бесперебойную работу порта, но и, располагая запасами металла, наладили изготовление броневых и железобетонных колпаков для оборонительных рубежей.

На оборонительных рубежах, которые возводились трудящимися Туапсе, нам, командирам 105-го управления военно-полевого строительства, приходилось бывать регулярно. Эти рубежи входили в общую систему обороны города, и, разумеется, ответственность за своевременность и качество их возведения была возложена и на нас. Надо сказать, что люди трудились везде самоотверженно, с полной самоотдачей.

Как-то мы с майором П. И. Юрьевым возвращались с рекогносцировки и побывали по пути на одном из городских рубежей. Первой нам встретилась Вера Панова. Разговорились. Она поведала нам, как образовался их строительный отряд. В мае 1942 года Вера с подругами окончила десятый класс. Таких классов в их школе было три, и всех выпускников пригласили в горком комсомола, где вручили путевки на строительство оборонительных рубежей. «Мы сразу, — говорила Вера, — стали взрослыми, обстановка разбросала нас по различным объектам. Я принимала участие в строительстве оборонительных сооружений в районе Паука, по улице

Ленинградской. Рыли противотанковые рвы. В условиях нашего города это задача не простая, действовать приходилось киркой и лопатой. И это с нашими-то, девичьими, силами. Однако никто из девчонок не ныл, понимали: для родных наших бойцов стараемся».

Как рассказывал нам тогда при встречах первый секретарь Туапсинского райкома партии Иван Семенович Невенчанов, некоторые жители сельских мест выходили на оборонительное строительство целыми семьями. Закрывали свои дома и уходили на рубежи. Особенно много таких династий было в колонне, которой руководил офицер нашего управления старший лейтенант Виктор Лукич Осташко. Опыт руководства местным населением при возведении оборонительных рубежей он приобрел еще в Подмоскovie. Хорошо он проявил себя также на строительстве укреплений под Рязанью. Все это здорово пригодились ему здесь, на горных рубежах Кавказа.

Возглавляемая Осташко колонна работала в районе туапсинского порта. Как-то мы побывали здесь с комиссаром управления М. П. Рязановым. Виктора Лукича на месте не застали. Замещал его инженер коммунального хозяйства города Туапсе, который не упустил случая пожаловаться на неуступчивость своего «командующего», как именовали Осташко туапсинцы. Суть жалобы состояла вот в чем. При рытье траншей и окопов не приходилось считаться с тем, что кое-где разрушалась канализация, а «коммунальник» исходил из того, что ему же самому придется ее восстанавливать, и норовил отодвинуть окоп или траншею подальше. Однако опытный командир Осташко не шел ни на какие уговоры.

В целом же они работали спокойно и дружно, так как Виктор Лукич Осташко очень умел ладить с людьми самых разных характеров. Мы всегда учитывали эту его способность и поручали ему самые трудные участки, на которых работало местное население.

Варварские бомбардировки унесли немало жизней мирных жителей. Так, под обломками стен школы № 7 погибли почти все учителя. Прямым попаданием авиабомбы в отрытую в земле щель была погребена большая группа медицинских работников городской больницы. При налете фашистской авиации на село Георгиевское погибла при исполнении служебных обязанностей секретарь райкома партии Валентина Федоровна Колосова.

В таких условиях жили, боролись, исполняли свой гражданский и патриотический долг жители Туапсинского района — женщины, подростки, старики, коммунисты и комсомольцы, весь партийно-хозяйственный актив.

Истекали последние часы трудного не только для нас, туапсинцев, сорок второго года. Зима на Кавказе выдалась холодной и снежной. На северных склонах гор из-за морозов появились где гололед, где снежные завалы. Все попытки немцев прорвать нашу оборону окончились для них провалом. Не добившись успеха бешеными атаками, гитлеровцы в третьей декаде декабря начали отход с позиций туапсинского направления. Пришли в движение и наши военно-ин-

женерные подразделения. В конце декабря нами было получено указание передислоцировать их в район Джубги, Дефановки и хутора Сторожевого.

Женские инженерные батальоны и военно-строительные отряды должны были начать передвижение в сторону морского побережья, к дороге Туапсе — Новороссийск. Те же подразделения, которые выполняли работы в горах западнее селений Кривенковское, Индюк, выходили по долинам речек, текущих в сторону Черного моря, к селениям Агой, Небуг, Ольгинка, а остальные, работавшие восточнее Георгиевского, — к Аше, Макопсе. Передвигаться предстояло в основном пешим ходом.

Не скрою, многое еще было неясно в обстановке, и мы были несколько удивлены, что наши военно-строительные части снимаются с мест, где еще продолжаются жаркие бои. Однако приказы принято выполнять, а не обсуждать. В общем-то, радости побед нас ждали впереди. Пока же обстановка на нашем участке фронта оставалась крайне напряженной.

Как-то зимним днем, когда один из женских батальонов уже находился в движении по дороге к Джубге, саперов остановил генерал-лейтенант И. Е. Петров. В то время у одного из причалов морского порта находился под разгрузкой транспорт с боеприпасами и продовольствием. С ночи его разгружала рота красноармейцев. Все изрядно устали, валились с ног. К тому же транспорт подвергался обстрелу «мессеров», в трюмах обнаружилась течь. Командующий просил девушек помочь красноармейцам.

Девушки быстро спустились к причалу, устроили живой конвейер. Одна группа поднимала грузы из трюма, другая выносила их на причал, третья доставляла в безопасное место на берегу. «Мессеры» продолжали обстреливать, однако девушки быстро приспособились к обстановке. Когда вражеские истребители делали разворот для атаки, они интенсивно работали, понимая, что от быстроты их действий зависит успех разгрузки. Если же стервятники снижались и начинали поливать огнем, все они дружно укрывались. Успели-таки разгрузить пароход! Когда с палубы был унесен последний ящик, транспорт сел на грунт с сильным креном.

Иван Ефимович Петров тут же собрал всех участников разгрузки и обратился к ним с речью:

— Спасибо вам, девушки! Вы участвовали в одном из боев. Да-да, я не оговорился. Это был настоящий бой за спасение столь необходимого для фронта имущества. Там, в горах, за перевалом, бойцы ждут это продовольствие и боеприпасы. От имени Военного совета Черноморской группы войск за ваше мужество и доблесть награждаю всех, кто находился на борту транспорта и не уходил по команде «Воздух!», медалью «За боевые заслуги».

В первых числах января 1943 года мы, группа командиров 105-го управления военно-полевого строительства, прибыли в район боевых действий 56-й армии. Надо было ознакомиться с местностью в зоне

действия армии. Для этого мне предстояло встретиться и переговорить с начальником инженерных войск, уточнить наши предстоящие задачи.

Командный пункт 56-й армии мы обнаружили в селении Полковничье. Начальник инженерных войск полковник Евгений Михайлович Журин встретил радушно, однако предупредил:

— Вместе работать нам с тобой в этом районе не придется. Как видишь, сидим на чемоданах. Командарма Рыжова Александра Ивановича назначили командующим восемнадцатой армией, так что мы с ним отбываем в Туапсе. Новым командармом пятьдесят шестой назначен генерал-майор Гречко Андрей Антонович. Он уже прибыл в Полковничье.

С Журиным мы встречались и ранее. Начинжем армии он служил с ноября 1941 года. Помню, как вместе с ним зимой 1941 года, а затем весной 1942-го (в то время я еще служил в Главном военно-инженерном управлении) осматривали рубежи армии от Азовского моря до селения Генеральское, Ростовские обводы и далее рубеж до города Новочеркасска. С тех пор мы не виделись, хотя и находились неподалеку друг от друга. Евгений Михайлович сказал, что неделю назад сюда прибыл генерал И. Е. Петров, пешком прошел от хутора Сторожевого через Шабановский перевал до тылов передовых дивизий армии. Говорил, что придется построить через перевал дорогу, по которой могли бы двигаться танки, тяжелая артиллерия и другая боевая техника.

— На мое замечание, — рассказывал Евгений Михайлович, — что в армии нет личного состава, силами которого можно было бы выполнить такой огромный объем дорожных работ, генерал ответил, что сюда прибудет 105-е управление военно-полевого строительства. А в его распоряжении — пять тысяч душ. Значит, о вас и шла речь.

Так из уст полковника Журина я узнал то, что мне предстояло узнать сутками позже из приказа командующего Черноморской группой войск. Вручил его мне начальник инженерных войск ЧГВ генерал-майор Н. С. Горбачев в хуторе Сторожевом. Мы развернули карту, прикинули, по каким местам должна проходить будущая дорога. К нам присоединился также член Военного совета 56-й армии полковник Н. Т. Кальченко. Поскольку этой дороге придавалось особое значение, Никифор Тимофеевич Кальченко назначался ответственным за организацию и порядок движения войск и техники, соблюдение очередности перемещения техники, за маскировку и скрытность подхода воинских частей. Теперь нам втроем предстояло совершить тот же путь, который проделал генерал Петров, — пройти пешком по трассе будущей дороги.

Осмотр меня не порадовал. Грунт здесь оказался глинистый. После новогодних морозов вдруг наступила оттепель, полили обильные затяжные дожди. И лесная гужевая, или, как называют ее в средней пблосе, проселочная, дорога совсем раскисла. На крутых скатах иногда и посохи не помогали, приходилось съезжать на «пятых точках». Так мы добирались до перевала. За перевалом стало чуть полегче: здесь солнце и ветер уже подсушили почву.

За Шабановским перевалом, на берегу речки Шебш, мы встретили командира инженерной бригады В. И. Железных. В соответствии с приказом за готовность дороги Джубга — Дефановка — Сторожевой и далее через перевал, а также на спуске с горы до реки Шебш отвечало наше управление. А дальше, в районе действия передовых частей 56-й армии, дорожно-мостовые работы от верховья реки Шебш до селений Шабановское и Тхомаха должны проводить бригада полковника Железных и находящаяся на подходе бригада полковника Н. Я. Васильева.

От хутора Сторожевого и обратно мы прошли пешком более тридцати километров. Сильно устали, но отдыхать было некогда. Вместе с генералом Горбачевым засели за составление ориентировочной схемы будущей дороги. Рекогносцировка показала, что использовать полотно гужевой дороги нет смысла, на ней встречаются такие серпантины, где под острым углом может с трудом развернуться разве что повозка, а танк или тягач со 152-миллиметровой пушкой на буксире непременно застрянут. Надо идти по целине. Несколько дней упорной работы — и проект дороги был готов.

В то время хутор Сторожевой состоял из нескольких крестьянских избенок. В одной из них ютилась оперативная группа штаба Черноморской группы войск, в другой — офицеры штаба 56-й армии, в третьей — штаб корпуса, а четвертую заняли сотрудники 105-го управления военно-полевого строительства. На мебель в крестьянском доме рассчитывать не приходилось, из досок мы смастерили столы, скамейки и корпели над составлением необходимой документации для строительных работ.

И вот документация готова, можно приступать к работам. Из соображений секретности в планы командования нас не посвящали, но все мы отчетливо понимали, что дорога готовится к предстоящему наступлению войск. Бойцы военно-строительных частей дружно включились в дело.

Разумеется, без трудностей не обошлось. Началось с питания. При той физической нагрузке, которая легла на наших людей, стало очевидным, что вторая норма снабжения явно недостаточна. Убедить в этом старших начальников было нетрудно. Член Военного совета армии Н. Т. Кальченко находился почти все время с нами, видел это своими глазами, пообещал свое содействие в переводе наших частей на первую фронтовую норму. Однако решение мог принять только командующий Черноморской группой войск генерал-лейтенант И. Е. Петров.

Вскоре он с членом Военного совета группы и командованием 56-й армии прибыл на стройку. Генералы надели охотничьи сапоги, вышли на трассу. Командующего и сопровождавших его лиц интересовало прежде всего, выдержит ли дорога движение тяжелой боевой техники — танков, артиллерийских систем. И потому все их вопросы сводились в конечном итоге к данной теме. Мы заверили руководство, что постараемся сделать все от нас зависящее, чтобы дорога была прочной.

Наконец последовал долгожданный вопрос:

— В чем вы нуждаетесь, товарищи?

Отвечаю:

— Людей достаточно. Только нельзя ли их перевести на фронтową норму питания?

Наступила пауза. Как расценит мою просьбу командующий?

— А что? — ответил командующий. — Пожалуй, начальник строительства прав. Работы тяжелые, кормить людей надо посытнее.

Мы обрадовались, однако возникла небольшая заминка: как побыстрее оформить приказ? Возвращаться в штаб? Нашелся первым полковник Кальченко:

— Зачем в штаб ехать? Можно и на месте оформить приказ!

Он тут же вынул из-под накидки чистый листок бумаги, на котором и был написан приказ о переводе всех инженерно-саперных подразделений, занятых на строительстве дороги, на первую фронтową норму питания.

Расписавшись под приказом, командующий уточнил:

— Когда дорога будет готова?

— В соответствии с планом, товарищ генерал, — заверил я и испросил разрешения высказать некоторые соображения по ее эксплуатации.

Я предложил пропустить по новой дороге вначале легкие боевые средства. Под их давлением полотно трассы должно несколько осесть и уплотниться, а заодно легче станет выявить узкие места, недоделки, особенно на крутых изгибах, на серпантине. Потом пропустить группу тяжело груженных «студебеккеров». Только затем уже двигать танки. Тяжелую артиллерию — в последнюю очередь.

С этим мнением командование согласилось. Значит, оставалось ждать, когда трасса войдет в строй. Тогда и появится возможность проверить все на практике.

Окрыленные заботой командования, бойцы инженерно-саперных подразделений заработали с утроенной энергией. Прибавилось у нас и бойцов, в основном призванные из Средней Азии и выздоравливающие из госпиталей. Кроме того, по распоряжению Военного совета Черноморской группы войск нам дополнительно выделялось около тысячи человек из двух соседних дивизий.

И вот тут-то возникла новая трудность: не хватало инструмента. С лопатами и кирками кое-как выходили из положения, но не доставало пил, топоров для обработки леса. А сроки поджимали: у нас было всего лишь десять дней. Иван Ефимович Петров обо всех наших проблемах знал, поэтому не подгонял нас, но требовал докладывать о ходе работ ежедневно. «При необходимости, — советовал он, — обращайтесь к генералу Гречко, он ведь рядом с вами расположился».

Действительно, Андрей Антонович Гречко, когда мы о чем-то его просили, реагировал немедленно. Как-то я доложил ему, что командир одной из дивизий нерегулярно выделяет людей для работ на дороге (дивизии положено было отработать 3 тысячи человеко-дней). Он тут же вызвал его и потребовал объяснений. Комдив заявил, что готов дать тысячу бойцов на три дня.

Генерал рассмеялся:

— Где же Лисогор наберет для тебя тысячу пил и топоров? Мы договорились, что обеспечим инструментом пятьсот человек, которых необходимо выделять на протяжении шести дней.

Всемерную поддержку строители находили у Александра Александровича Лучинского. Его дивизия аккуратно присылала положенное количество людей на стройку. Более того, комдив настаивал, чтобы мы побольше загружали его бойцов саперными работами, справедливо полагая, что такая практика пригодится им в последующих боях.

Организовали строительство так: все работы непосредственно на полотно дороги выполняли военно-строительные отряды, имевшие более высокую инженерную подготовку. А приданные подразделения валили лес, обрубали деревья и подтаскивали бревна к полотну дороги. Хочу подчеркнуть, что люди бережно относились к лесу, деревья пилили выборочно, разрежая чащобу. Это важно было даже и для сохранения природы и из соображений маскировки, чтобы вражеские разведчики не могли засечь с воздуха, где сооружается дорога.

В тот период дожди лили с неослабевающей силой. Это и огорчало нас, и в какой-то мере радовало. Радовало потому, что вражеская авиация летала меньше, реже бомбила. В основном появлялись Ю-88 с целью разведки, а иногда сбрасывали зажигательные бомбы, чтобы вызвать в лесах пожары.

Однажды вспыхнул пожар неподалеку от нашего строительства, и генерал Петров приказал срочно его ликвидировать. Была поднята по тревоге рота саперов. Бойцы двинулись к месту очага, а я замешкался, отдавая распоряжения по работам, кинулся вдогонку. Вдруг на одном из готовых участков дороги меня остановил подполковник.

— Товарищ Лисогор, я уже полдня разыскиваю вас. Будем знакомы, начальник штаба инженерных войск Закавказского фронта подполковник Слюнин Николай Федорович.

— Рад встрече, товарищ начальник штаба, однако я не имею возможности уделить вам внимания. Очень тороплюсь. В двух километрах отсюда горит лес. Линейных частей поблизости нет, велено тушить нам. Приказание командующего.

Вижу по выражению лица, что подполковнику это не понравилось.

— Вы уйдете, а мне опять до ночи вас ждать. Да, видно, ничего не поделаешь. Идите, а я пока познакомлюсь с ходом работ на дороге.

— Вот, кстати, они вам и помогут, — указал я на подходивших к нам начальника рекогносцировочного отдела управления майора Юрьева и начальника технического отдела военинженера Гельфанда. Сам же поспешил в сторону горевшего леса.

Бороться с лесными пожарами — дело не из легких. Воды поблизости нет, заливать огонь нечем. Бойцы рубили деревья по кольцу вокруг очага, устраивали встречное пламя. Все они уже поснимали бушлаты, работали в мокрых от пота гимнастерках.

Гляжу, появился и подполковник Слюнин, слышу, как дает дельные указания бойцам. Значит, не выдержало сердце инженера.

Приходилось передвигаться и так...

Николай Федорович Слюнин не был новичком в военно-инженерном деле. Но даже он удивился, когда узнал, что в такую слякоть да еще на глинистой почве решено сооружать через горный перевал дорогу с бревенчатым покрытием и без применения металла. Такую дорогу логично было выстроить где-нибудь на болотистой местности. А здесь? Сплошные подъемы и спуски, виражи. Как такая дорога выдержит технику?

В конце дня подполковник Слюнин представился командующему группой войск, доложил о цели своего посещения, изложил соображения и впечатления обо всем увиденном. Когда мы вышли от генерала, Николай Федорович спросил, в чем мы нуждаемся. Самой насущной нуждой была одна: шанцевый инструмент. Слюнин обещал прислать. И спасибо, очень помог.

В начале второй декады января 1943 года погода в районе Шабановского перевала начала улучшаться. Небо сплошь было закрыто облаками, однако погода стояла летная. Чаше всего, правда, прилетали вражеские разведчики. А бомбили ночью. И вот почему. Личный состав военно-инженерных частей жил в шалашах или кое-как покрытых землянках. Спать было холодно, люди стремились хоть чуточку согреться. Приходилось разводить костры, а по ним немцы вели прицельное бомбометание.

Параллельно с дорогой мы сооружали также много троп для передвижения к переднему краю обороны с легким оружием — станковыми пулеметами, противотанковыми ружьями, минометами. Тропы улучшенной проходимости создавались для провода навьюченных

Путь-дорожка фронтовая...

боевой техникой лошадей и ослов. Горнострелковые части переправляли на вьюках даже легкую артиллерию. Женщины и подростки горных селений помогали бойцам переносить боеприпасы. Для этого они связывали две сумы и перебрасывали через плечо. Идти было скользко, поэтому наши саперы загодя вдоль троп оставляли оструганные посохи из веток сваленных деревьев. Пусть маленькая опора, а все-таки с посохом передвигаться становилось значительно легче.

В установленные сроки транспортная магистраль была готова. Все здесь было продумано и предусмотрено: имелось достаточное количество водоотводных каналов и кюветов, прочные и надежные мостики. Очень был доволен нашей работой начальник инженерных войск группы генерал Н. С. Горбачев. Теперь можно было и наступать.

Наступление войск фронта началось 16 января 1943 года, а для нас, строителей дороги, — днем раньше, 15 января. Этот день был особенно напряженным. На каждом изгибе серпантина нам пришлось держать взвод военных строителей и «студебеккер» с лебедкой. Как и было оговорено ранее, пропустили по новой дороге «катюши», потом легкую артиллерию. На виражах пушки приходилось удерживать почти на руках. Дорожное полотно держалось превосходно до начала движения по нему тяжелой техники.

Но вот пошли танки. Подъем каждой стальной машины к гребню перевала становился радостным событием. Танкисты, рвавшие в бой, горячо благодарили военных строителей, радостно восклицая:

— Наступаем, товарищи! Ур-ра-а!

Прошла за перевал первая сотня танков. Остальные пока стояли на исходных рубежах из-за нехватки топлива. Цистерны с горючим

находились в пути из Туапсе, поэтому, чтобы не задерживать развертывания войск для наступления, тыловики дали полный запас на первую сотню танков, остальным предстояло двинуться на следующий день.

Вслед за танками тронулась тяжелая артиллерия. Она-то и доставила нам немало волнений. Ночью чуть подморозило, на деревянном покрытии дороги образовалась наледь. Колеса тяжелых гаубиц скользили по бревнам, и на поворотах орудия сползали в кюветы. Потребовалось немало труда и смекалки, чтобы развернуть каждое орудие. Однако движение не останавливалось.

Заминки случались только из-за недисциплинированности отдельных водителей, хотя их инструктировали на подступах к перевалу, внушали, что по построенной дороге следует двигаться на малой скорости, не допускать резкого торможения, медленно, без рывков разворачивать машины, особенно на серпантине. Подавляющее большинство водителей соблюдали эти правила. Однако не обходилось и без любителей быстрой езды. Однажды, когда по трассе двигались танки, группа «студебеккеров» совершила обгон. Естественно, им пришлось выехать на кромку дороги, а от этого повывлетали отбойные брусья, трасса в этом месте была разрушена.

Более двух тысяч бойцов военно-строительных отрядов целые сутки трудились над устранением повреждений, причиненных дороге лихачами. Пришлось ужесточить порядок следования и правила движения. На расстоянии восьми километров от подножия перевала был выставлен пост, который не пропускал во время движения танков и тяжелой артиллерии ни одной автомашины, в том числе и легковые. Для наблюдения за порядком движения по трассе была выделена рота пограничников.

И вдруг снова хлынули проливные дожди. Глинистая почва под покрытием дороги раскисла, бревна под тяжестью машин разъезжались. Мы с полковником Кальченко метались от одного участка работ к другому. Помогли командиры частей, ожидавших очереди двигаться через перевал. Они охотно подключали личный состав своих подразделений к ремонту дороги.

Возникла и другая проблема: как ускорить переброску через перевал большого количества боеприпасов. Носить снаряды на себе, как это делалось в дни обороны, — труд малопроизводительный. Вспомнили опыт устройства живого конвейера. Его цепочку на протяжении многих километров образовали бойцы вторых эшелонов войск, инженерно-строительных частей и местное население. Боезапас тоже был подан за перевал.

Невзирая на многие трудности, операция «Горы», имевшая цель силами 56-й армии нанести врагу удар в направлении Краснодар — Тихорецк, продолжала развиваться успешно. А мы были счастливы, что постройкой дороги через Шабановский перевал способствовали ее осуществлению.

Наступающие войска освобождали одну станицу за другой. В конце января 1943 года и мы получили приказ передислоцировать все инженерно-строительные части через Шабановский перевал в район

станций Ставропольская, Смоленская, Северская. Все продовольствие личного состава, рассчитанное на четырнадцать суток, распределили поровну для переноски через перевал в рюкзаках. Двигались пешком, однако настроение бойцов, особенно в женских батальонах, было приподнятым: они возвращались в родные края.

Все сильнее припекало солнце, сошел снег, началась распутица, затруднявшая войскам продвижение вперед. Однако набравшее силу наступление уже ничто не могло остановить. Враг отступал, оставляя после себя разрушенные мосты, железную дорогу. На ней не осталось ни единого целого рельса, не говоря уже о стрелках и прочем путевом оборудовании. Шосейные дороги оказались запруженными разбитой боевой техникой и транспортными средствами противника. Поэтому пешком передвигались не только войска, но и штабы. Тыловое хозяйство еще не успели подтянуть, а ехать на трофейных автомобилях не представлялось возможности — не было горючего.

Наши военно-инженерные части двигались вслед за наступавшими, одновременно решая ряд задач: вели разминирование территории, бывшей передним краем обороны врага, разбирали брошенные им блиндажи, убежища, штабные землянки, собирали строительные материалы, занимались расчисткой и ремонтом дорог в полосе продвижения наших войск, ремонтом мостов и поиском бродов через реки, которые превратились в широкие водные преграды.

Строительные материалы, которые мы собирали, очень скоро нам здорово пригодились. Как-то вызвал меня Иван Ефимович Петров и говорит:

— Вот что, товарищ Лисогор, придется вам заняться танковыми делами. — Заметив недоумение на моем лице, пояснил: — Надо срочно изготовить хотя бы сотню макетов танков и расставить их вот в этих местах... — Он развернул карту и показал, где следовало имитировать ложные места сосредоточения танков. — Как у вас дела со стройматериалами?

Докладаваю, что тылы наши находятся еще в Туапсе, располагаем только некоторыми запасами трофейного имущества, в том числе имеем немного фанеры.

Генерал одобрил нашу предприимчивость. Мастерили макеты танков все военно-строительные подразделения, в том числе и женские военно-инженерные батальоны. Работали люди старательно, особенно после того как увидели результаты своего труда: гитлеровцы ожесточенно бомбили те места, где мы выставили нарочито плохо замаскированные макеты танков. Значит, удалось обмануть врага!

В течение февраля и начала марта 1943 года мы испытывали затруднения с транспортом, так как автомашины стройуправления прибыли из Туапсе только во второй половине марта. Выходили из положения только благодаря солдатской сноровке. Как я уже упоминал, вдоль дорог в кюветах стояло множество разбитых или просто брошенных немцами машин. Среди строителей нашлись и слесари-авторемонтники. Из нескольких разбитых грузовиков собирали

один, на котором можно возить имущество. Однако где достать горючее? И тут, поразмыслив, нашли выход. Кто-то из бойцов заметил, что в долине реки Иль, неподалеку от станции, нефть выступает на поверхность, образовались целые нефтяные озера. Среди саперов нашелся старый мастер (ему было уже лет под шестьдесят), который в далекие годы кустарным способом перегонял нефть на керосин и даже бензин. Обрадовался старик, узнав, что для него нашлось-таки подходящее дело. Выделили мы ему в помощь целое подразделение. И заработало у нас самоперегонное нефтепредприятие.

Грузовой транспорт у нас теперь имелся. Не беда, что передвигались автомобили на таком горючем со скоростью, не превышающей пятнадцати километров в час, страшно «чихали» и так «стреляли», что было слышно за километр. Но главное, машины могли двигаться!

Наступление между тем продолжалось. Наши войска подошли вплотную к рубежу, который штабисты вермахта, питавшие слабость к «высокому штилю», называли «голубой линией». Она проходила через Новороссийск и далее на север, через озерный край и плавни, до Азовского моря. Даже после катастрофы под Сталинградом немцы продолжали хвастливо уверять своих союзников и сателлитов, что «голубая линия» — неприступная для большевиков крепость, что именно с этого плацдарма фюрер мыслит начать новое наступление для захвата Краснодара, всей кубанской равнины и Кавказа.

Эта линия весной сорок третьего оказалась серьезным препятствием для дальнейшего продвижения наших войск. У немцев оставалось еще достаточно сил и средств, чтобы не только обороняться, но и контратаковать. И инженерным частям приходилось с прежним упорством создавать глубокоэшелонированные рубежи обороны севернее и юго-восточнее Крымска. Сооружались дзоты, несколько линий траншей, стрелковые окопы и большое количество идущих к переднему краю ходов сообщения. Работы выполнялись в дневное время, на свист вражеских снарядов внимания не обращали. Немцы обстреливали дороги на Абинск и Шапсугскую, но били не прицельно, поэтому особого беспокойства не доставляли. Зато подразделениями, которые выполняли работы в ночное время, приходилось труднее: вражеские артиллеристы открывали огонь по площадям.

Рекогносцировку в дневное время возможно было выполнять только ползком, с небольшими перебежками от воронки к воронке. На пологом скате, обращенном в сторону противника, их было достаточно. Однажды, передвигаясь таким образом, мы, четверо офицеров управления, не подозревали, что позади нас, в небольшой ложбинке за гребнем высоты, появилась батарея гвардейских минометов — знаменитых «катюш». Мы поняли это лишь тогда, когда через наши головы в сторону врага полетели огненные стрелы. Какое это было великолепное зрелище! Но мы, люди военные, могли представить и другое: какой урон нанесли залпы «катюш» фашистам.

Окопные работы близ переднего края выполнялись только ночью. Едва вспыхнет осветительная ракета, тут сразу ложись на дно траншеи или окопа. Места саперных работ фашисты обстреливали из

минометов. Конечно, рыть окопы здесь, на равнине, — не то что в горах. Земля мягкая, податливая, да и дерна для маскировки сколько душе угодно. Поэтому повеселели наши саперы, физически им стало легче.

Война есть война. Здесь, на строительстве оборонительных рубежей, мы потеряли главного инженера нашего управления М. М. Загatina. Проверив ночные работы, в пять утра он возвращался в тыл, и на западной окраине станицы Ахтарской его настиг осколок вражеского снаряда. Жертва слепой случайности. Ведь сколько раз он попадал под артиллерийский и минометный обстрел, но даже царапины не было. А нашел смерть в тылу, в десяти километрах от передовой.

Вспомнилось, как однажды мы с Михаилом Михайловичем вышли к берегу моря под Туапсе, сняли сапоги, присели на камнях, чтобы хоть ноги окунуть в благодатное Черное море. Бледное лицо Загatina было задумчиво и печально. В тот день он получил письмо, из которого узнал о гибели единственного сына. На фронте находилась и жена Михаила Михайловича, врач по профессии. После гибели сына он просил ее перебраться к нам, в Черноморскую группу войск. Отказалась, резонно заявив, что так им будет легче, не видя, какому риску подвергается каждый из них.

Это был боевой офицер, прошедший школу еще в первую мировую, потом гражданскую войну. Выдержке его можно было позавидовать. Как-то мне пришлось дать специальное указание подчиненным офицерам, чтобы они при вражеском обстреле или бомбежках заставляли Загatina укрываться в окопе. На мой вопрос, почему он не бережет себя, неизменно отвечал: «Мне уже шестой десяток, как-то неудобно по-мальчишечьи кланяться каждому снаряду или мине».

Так вот погиб этот отважный человек. И другим саперам доставалось. Как-то еще в период обороны один из наших военно-строительных отрядов возводил рубеж во втором эшелоне войск. Местность была заболоченной, а на стыке двух дивизий имелся разрыв, поросший густым кустарником. Через этот разрыв проникла рота вражеских автоматчиков. Тихо, без единого выстрела, немцы зашли в тыл военно-строительного отряда. В нем как раз находились сотрудники нашего управления — начальник рекогносцировочного отдела Юрьев и Цибульский. Они вернулись с рекогносцировки и присели на завалинку дома, в котором размещался со своими помощниками начальник участка военно-строительных работ. Вдруг Цибульский услышал подозрительный треск в кустах и заметил на фоне неба силуэты в немецких касках. Он тут же вскочил на платформу одной из двух находившихся рядом зенитно-пулеметных установок и приказал дежурному бойцу открыть огонь по кустарнику. Сам он в тот момент выполнял роль второго номера расчета.

Тем временем майор Юрьев по тревоге поднял роты всего батальона, и те ударили по гитлеровцам. Немцы не выдержали, стали отходить. Пленные потом показали, что их рота имела задачу совершить

ночной рейд по нашим ближним тылам с целью разведки, поднять панику и, захватив «языка», вернуться обратно. Однако, благодаря бдительности наших товарищей, вражеский замысел был сорван.

По решению командования женские военно-инженерные батальоны в начале марта 1943 года были расформированы. К этому времени Красная Армия освободила значительную часть территории Краснодарского края, и для обработки плодородной кубанской земли понадобились рабочие руки. Жаль было расставаться с этими славными труженицами. Тяжелые оборонительные бои сорок второго года, наступательная страда сорок третьего сроднили всех нас, и расставание казалось невыносимым. Однако обстановка диктовала именно такое решение.

Лучшим бойцам женских батальонов во время увольнения были вручены Почетные боевые грамоты, в которых командование сердечно благодарило их за образцовое и самоотверженное выполнение боевых заданий по строительству оборонительных рубежей в предгорьях Кавказа в дни Великой Отечественной войны. От нашего управления, в свою очередь, всем выдавались справки, удостоверявшие, что товарищ такая-то с 15 июля 1942 г. по 8 марта 1943 г. находилась в действующих частях РККА в составе 105-го управления военно-полевого строительства и выполняла работы по возведению оборонительных рубежей в предгорьях Северного Кавказа.

Теперь, спустя четыре десятилетия, мы имеем все основания сказать, что создание женских инженерно-строительных батальонов на Кубани было мерой вынужденной, но она оправдала себя.

Работая над данной рукописью, автор установил связь со многими бывшими бойцами женских инженерно-строительных батальонов, получил от них теплые, душевные письма. Отыскать их адреса было делом далеко не простым. Помогли крайвоенкомат и редакция газеты «Приазовские степи», поместив мое короткое обращение ко всем женщинам, служившим в инженерно-строительных батальонах 105-го управления военно-полевого строительства. Откликнулись Мария Джумайло, Таисия Верещагина, Пелагея Диденко, у которой к наградам военного времени прибавился орден «Знак Почета» за доблестный труд, Мария Макарецца, Нина Войтова и многие другие замечательные кубанские женщины.

Конечно, время — категория необратимая, все они сейчас пребывают в солидном возрасте. Однако, судя по их письмам, сохраняют молодость души и светлые воспоминания о всех тех, с кем бок о бок им приходилось переживать тяжелые месяцы оборонительной кавказской страды.

Наступление советских войск северо-западнее Абинской приостановилось. Это потребовало от нашего, теперь уже 56-го отдельного управления оборонительного строительства (так его переименовали после освобождения Краснодара в конце февраля 1943 года) новых усилий по совершенствованию уже возведенных оборонительных рубежей. А силенок не хватало. Женские саперные батальоны расформировались, а новое пополнение только ожидалось.

Н. П. Войтова (Косевцова)

М. И. Макарецва

Правда, к нам поступило некоторое количество бойцов, вернувшихся из госпиталей. Подмога, прямо скажем, не очень солидная, а объем инженерных работ нам предстояло выполнить значительный, да еще оказать помощь гарнизону Мысхако. Обстановка там сильно накалилась. Как известно, со второй половины апреля 1943 года гитлеровцы начали осуществление операции «Нептун», имевшей целью ликвидировать плацдарм на Мысхако.

О боевых действиях на этом знаменитом клочке земли написано немало, поэтому я коснусь лишь некоторых сторон инженерного оборудования плацдарма, в котором непосредственное участие принимали части нашего управления. За то время, пока советские войска его удерживали, здесь были созданы укрепления, взаимно связанные ходами сообщения от переднего края до уреза воды. Трудились на плацдарме три саперных батальона, которые едва успевали решать задачи по минированию местности и восстановлению командных пунктов. Что же касается других оборонительных сооружений — огневых точек, траншей, ходов сообщения, то их приходилось отрывать войскам. Для этого, естественно, требовалось иметь в достатке шанцевый инструмент. Начальник инженерных войск 18-й армии полковник Е. М. Журин прислал «гонца» в наше управление с просьбой: «Помогите, чем можете!»

Как тут откажешь? Прикинули свои возможности, видим: кое-что можно дать. Два дня точили лопаты, топоры. Наконец все это погрузили в машины и отправили в сторону Кабардинки для последующей переправки на Малую землю.

В первых числах июля 1943 года постоянный связной, курсировавший между нашим управлением и штабом фронта, прибежал ко мне запыхавшись еще до восхода солнца, подал срочный пакет. В нем коротенькая записка: «В 12.00 вам надлежит быть на перекрестке полевых дорог между станицами Мингрельская и Варнавин-

ская для встречи с Пятым». Пятый — это командующий фронтом генерал-полковник И. Е. Петров.

Иван Ефимович Петров любил точность. Его «виллис» подкатил к перекрестку ровно в назначенное время. Сразу же последовал вежливый вопрос: «Ждете давно?»

Я ответил, что нахожусь в этом секторе с восьми утра, но к месту встречи подъехал десять минут назад. До этого успел осмотреть местность в поймах рек Абин, Сухой Аушедз, а также берега Кубани.

— Неплохо, — протирая стекла пенсне, сказал командующий, — однако замысла командования пока не разгадали. На сей раз мы с вами будем решать инженерную задачу несколько иного плана, чем оборонительные рубежи. Это будет наступательная задача. Скажите, что вам известно о плавнях между реками Кубань и Протока?

«Немогузнаек» еще Суворов бичевал, тем не менее пришлось сознаться, что плавнями заниматься было недосуг.

— Садитесь в машину, — сказал генерал, — будем изучать вместе.

Да, задал мне задачку командующий. Целый час мы ездили между Кубанью и Протокой. Зачем это нужно, догадаться не мог.

Наконец командующий сказал:

— Надо перегородить Протоку плотиной и затопить эти плавни. Понимаете? Там засели две немецкие дивизии и угрожают флангу 9-й армии. Никак их оттуда не выкурить. Ничего, мы их, как кротов, водичкой вымоем.

Так вот оно что! Мудрое решение, ничего не скажешь.

Командующий предложил:

— Теперь поищем место, где надо такую плотину построить.

Наконец нашли подходящее место. Идея командующего захватила меня. Задача состояла в том, чтобы в течение двух дней создать плотину и затопить фашистов на одном из участков «голубой линии».

Командующий поинтересовался:

— Как будете перегораживать реку?

План у меня уже созрел. Докладываю:

— Плотину создадим из фашин, кустарника в этом районе достаточно. Для утяжеления фашины начнем гравием и булыжником. Чтобы течение фашины не сносило, забьем четыре ряда деревянных свай. За плотиной произведем каменную отсыпку, на нижнем бьефе — из валунов и крупных каменных глыб.

— Где вы их наберете-то, каменных глыб и валунов?

— А сколько бесхозных каменных заборов в станицах! Договоримся с местными властями. Сваи, фашины и прочие материалы заготовим загодя. Сваи будем забивать ночью, чтобы вражеская авиация не мешала.

— Резонно, — одобрил командующий. — Но доставку людей к месту работ скрывать не следует, пусть немцы думают, что мы затеваем отсюда наступление.

Всю ночь и утро следующего дня мы готовили фашины и подвозили к месту перекрытия реки гравий и булыжник на машинах и повозках. Спали бойцы здесь же, на кучах хвороста. Дно реки оказалось мягким, сваи шли легко. Фашины получались тяжелые, по-

этому с их укладкой намучились. Течение быстрое, вода холодная и мутная. И все же дамба росла, вода поднималась. Командующий сказал, что придет смотреть в 17.00. Мы стремились к этому времени сделать как можно больше.

К 15 часам дня уровень воды в Протоке поднялся на два метра, река начала выходить из берегов. Но тут вдруг появился разъяренный командир одной из частей, державших оборону, поднял крик: «Что вы делаете?» Пришлось успокоить: таково решение командующего. Вскоре прибыл и сам генерал Петров, одобрил нашу работу.

Замысел удался. Вода крепко подмыла оборону немцев и заставила их оставить значительную часть суши, которой грозило затопление.

В конце июля — начале августа 1943 года противник активизировал боевые действия в направлении Крымской и Неберджаевской. Командование напомнило нам, что следует в срочном порядке завершить сооружение тыловых рубежей в секторах передовых корпусов и дивизий. Рабочий день, и без того не нормированный, длился на саперных работах по 16 часов в сутки.

Где-то в первых числах сентября 1943 года связной вручил мне срочный пакет. Начальник штаба инженерных войск фронта велел мне прибыть, имея при себе для доклада схемы построенных оборонительных рубежей. Когда я вошел в штабной блиндаж, навстречу мне поднялся генерал-майор С. И. Ширяев, начальник управления укрепленных районов Генерального штаба. Какая встреча!

Расстались мы с Сергеем Ивановичем в июле 1942 года, когда я убыл вместе с 25-м управлением военно-полевого строительства Московской зоны обороны на Северный Кавказ. Вспомнили общих знакомых, их судьбы. А к нам привели его следующие заботы.

— Готовится крупное наступление по всему фронту, — сказал генерал. — Представителем Ставки здесь Семен Константинович Тимошенко. Он и дал мне задание проверить оборонительные рубежи в районе Неберджаевская, Крымская.

Мы вместе объехали интересующие Сергея Ивановича Ширяева объекты и затем доложили свои выводы маршалу Тимошенко в его резиденции — специальном вагоне, стоявшем в тупике на станции Абинская. Так мне еще раз во время войны привелось встретиться с этим военачальником.

Отгремели бои на Таманском полуострове. Могучим ударом наших войск враг был сброшен в Керченский пролив. Почти полтора года жизни, полной опасностей, отдано этим местам, и неудивительно, что стали они дорогими и близкими сердцу...

У меня в кармане уже лежало предписание: еду в Москву за назначением. Впереди был другой участок фронта, новые мосты и переправы, строительство наших оборонительных сооружений и разминирование вражеских заграждений, новые рубежи и новые дороги.

Алексей Иванович Никулин — активный участник Великой Отечественной войны. В дни боев на Малой земле он был начальником штаба 6-го Краснознаменного артиллерийского полка 176-й Краснознаменной стрелковой дивизии, затем в 1944 году был назначен помощником начальника разведывательного отдела штаба артиллерии 4-го Украинского фронта. Войну закончил в должности заместителя командира 1213-го истребительного противотанкового полка 3-й отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской бригады.

В воспоминаниях **А. И. Никулин** рассказывает о высадке полка на плацдарм и участии его в отражении вражеского наступления по плану операции «Нептун».

В настоящее время подполковник в отставке **А. И. Никулин** живет в Павлограде Днепропетровской области, ведет военно-патриотическую работу среди молодежи.

НА ОГНЕННОЙ ЗЕМЛЕ

Курс — Мыхако

12 февраля 1943 года 176-я Краснознаменная стрелковая дивизия была выведена из боя, включена в состав 18-й армии и расположилась в районе Геленджик, Кабардинка. 6-й Краснознаменный артиллерийский полк дивизии, в котором я был начальником штаба, разместился севернее Кабардинки. Боевых задач в течение нескольких дней мы не получали, но догадывались, что готовят нас к серьезным и ответственным боевым действиям.

Пользуясь передышкой, мы организовали занятия с личным составом. Предстояло обучить пополнение, подготовить за предельно короткий срок огневиков, разведчиков, связистов, вычислителей, добиться взаимозаменяемости в расчетах. Обучение велось практически на тех орудиях и приборах, которые состояли на вооружении полка.

Когда же с офицерами были проведены занятия по организации погрузки на суда личного состава, орудий, другой техники, мы уже могли догадываться, что нас ожидает.

И вот в начале третьей декады февраля поступил приказ о высадке дивизии на Малую землю. Там, на крохотном плацдарме, площадью всего 28 квадратных километров, уже сражались части и соединения десантной группы войск 18-й армии, силы которых таяли с каждым днем.

Они ждали помощи с Большой земли. Для удержания плацдарма были необходимы свежие силы, нужна артиллерия.

22 февраля, в канун 25-й годовщины Красной Армии, в подразделениях полка с большим подъемом прошли митинги. На них выступили командир полка майор Николай Кондратьевич Остапенко, заместитель командира полка майор Василий Федорович Холостяков, заместитель командира полка по политической части майор Даниил Иванович Гусак, другие командиры и политработники. Они довели до личного состава и разъяснили поставленную перед полком боевую задачу.

— Враг превратил город Новороссийск в мощный опорный пункт, который прикрывает не только фланг, но и тыл так называемой Голубой линии, — говорил Даниил Иванович Гусак на митинге в одном из подразделений. — Освобождение Новороссийска нашими войсками создаст благоприятные условия для освобождения всего Таманского полуострова. Но прежде нам предстоит отстоять и расширить плацдарм, необходимый для предстоящих наступательных действий...

Даниил Иванович призвал бойцов и командиров, обороняя плацдарм, еще крепче бить захватчиков.

После митингов началась подготовка к погрузке на десантные суда, а лишь только стемнело, поступило распоряжение вывести личный состав и боевую технику к причалам.

На берегу была тьма кромешная. Тишину ночи нарушал лишь шум морского прибоя. Но вот до нашего слуха донесся рокот мотора, и к причалу пришвартовался транспорт «Тракторист». Началась погрузка. В первую очередь на палубу внесли полковое Знамя.

Затем стали вкатывать орудия 1-го дивизиона. Командир дивизиона майор Юрий Романович Рожанский руководил погрузкой. Ни шума, ни суеты. Лишь изредка слышатся отрывистые команды. После погрузки орудий и боеприпасов началась посадка личного состава штаба полка, штабной батареи и тыловых подразделений.

Наконец погрузка закончилась, и наш «Тракторист», отвалив от причала, взял курс на Мысхако, навстречу неизвестности. Руководить отправкой остальных подразделений командир полка поручил своему заместителю майору Холостякову.

Нас встретило неласковое в это время года штормовое море, по которому предстояло преодолеть около 40 километров. И все это сквозь минные поля, да еще при постоянной угрозе нападения вражеских торпедных катеров, подводных лодок, ударов авиации, а уже у самой Малой земли — прорваться сквозь завесу сплошного заградительного огня, которым противник окаймлял плацдарм.

Транспорт бросало, как щепку, но он, наперекор стихии, шел вперед, курсом на Мысхако, и с каждой минутой все яснее слышался впереди неумолкающий гул канонады. Когда до берега осталось не более мили, в небе внезапно повисла светящая авиабомба. Видимость — хоть иголки собирай. Я с тревогой вслушивался, но так и не услышал гула вражеских самолетов. Видимо, он потонул в общем шуме и грохоте. А свиста бомб нельзя было не услышать.

Вот, врезавшись в море прямо по курсу «Тракториста», взорвалась одна, и вверх взметнулся водяной столб, вот раздался еще один

оглушительный взрыв, затем еще... А дальше все слилось в непрерывный грохот, заглушивший даже гул канонады.

Словно сплошной огненный смерч пронесся над нашим транспортом, взрывной волной сбросило в ледяную воду людей, полетели за борт ящики с боеприпасами и продовольствием.

Едва закончился налет, мы уже у берега приступили к перегрузке на мотоботы. Работа проходила под непрерывным артиллерийским огнем врага. Делать все приходилось вручную, и люди совершали чудеса. Когда взрывной волной отбросило от транспорта мотобот, бойцам не удалось удержать одно орудие, и оно свалилось в море. Командир орудия, комсорт 2-й батареи сержант Александр Платонович Кавтарадзе бросился в ледяную воду. Его примеру последовали подчиненные. Расчет вытащил орудие на берег своими силами.

К утру выгрузка закончилась. Орудия были замаскированы под скалами обрывистого берега. Дивизиону приказано с наступлением темноты занять огневые позиции в районе бывшего аэродрома, но, для того чтобы выйти на них, пришлось ждать следующей ночи. До рассвета предстояло отрыть в мерзлом грунте орудийные окопы, ровики для личного состава и боеприпасов, выполнить маскировочные работы.

Под утро, закончив неотложные дела в штабе, я обошел подразделения. Особенно понравился боевой настрой воинов второй батареи.

Дружно работали огневики. Командир батареи капитан Павел Сергеевич Дембицкий личным примером воодушевлял бойцов. За ночь батарея хорошо закрепилась.

Расположившись на Малой земле, штаб полка приготовился к встрече и размещению остальных подразделений. В ночь на 24 февраля мы ждали прибытия на плацдарм второго дивизиона, а в ночь на 25-е — третьего. Так было по плану... Однако из-за штормовой погоды транспорт «Земляк», доставлявший второй дивизион, задержался в пути и достиг берега лишь на рассвете.

Из-за сильного огня противника перегрузить на мотобот удалось лишь управление дивизиона и часть личного состава подразделений. Транспорт «Земляк» с орудиями на борту вынужден был вернуться в Геленджик.

Лишь 28 февраля было доставлено на плацдарм последнее боевое подразделение, и в тот же день майор Остапенко доложил в штаб дивизии об окончании высадки полка на плацдарм...

Земля в огне

Посмотрите на карту. К юго-западу от Новороссийска вы увидите часть суши, выдающейся далеко в море. С востока ее омывает Цемесская бухта. У южных берегов плещутся волны Черного моря, а на западе возвышается пятиглавый красавец — гора Колдун.

Это мыс Хако, или Мысхако.

С севера на юг мыс рассекают глубокие овраги. По ним в дни новороссийских нрд-остов устремляются к морю бурные потоки воды, несущие много ила, камней и галечника. Его поверхность сплошь покрыта виноградниками.

На восточной оконечности мыса раскинулся пригород Новороссийска — Станичка, а южнее ее — небольшой рыбацкий поселок Алексин. Восточнее поселка на границе бухты и моря в причудливом изгибе застыла Суджукская коса.

Такой мне запомнилась Малая земля.

Высадившись на плацдарм, подразделения полка начали «обживать» его. Задача заключалась в том, чтобы прочно закрепиться на крохотном клочке земли. А это зависело, прежде всего, от правильности выбора и оборудования огневых позиций и наблюдательных пунктов, организации разведки и связи, обеспечения подразделений боеприпасами и продовольствием.

Противник просматривал всю Малую землю как на ладони, поэтому избежать потерь материальной части и личного состава было практически невозможно. Задача состояла в том, чтобы свести эти потери к минимуму. Полным ходом велись инженерные работы. Оборудование огневых позиций требовало огромных усилий, упорства и выносливости личного состава. Грунт, изрядно начиненный галечником, промерз на большую глубину, и работать приходилось только ломami и кирками, поскольку лопаты его не брали.

Для перекрытия блиндажей и щелей использовались подручные материалы — колья виноградных шпалер, обломки бревен и досок, которые выбрасывались на берег морской волной, ящики из-под боеприпасов. Конечно, говорить всерьез о защитных свойствах этих материалов не приходилось, поэтому бойцы рыли «лисы норы», хорошо защищающие от разрывов бризантных снарядов.

В разгар работ по оборудованию огневых позиций в штаб полка пришел командир 3-го дивизиона майор Петр Порфирьевич Кащук.

— У меня есть предложение, — сказал он, обращаясь ко мне. — Что, если расположить орудия на краю обрыва?.. Ведь это позволит значительно сократить наши потери от артогня противника...

— Каким образом? — спросил я, отложив планшетку и повернувшись к Кащуку, пытаюсь уловить суть его предложения.

— Добрая половина вражеских снарядов уйдет вниз, под берег и в море. А высота обрыва кое-где до полста метров доходит...

Я заинтересовался этим предложением. Ведь действительно из теории артиллерийских стрельб известно, что разрывы снарядов в районе цели ложатся на определенной площади, представляющей собой эллипс. Он называется эллипсом рассеивания. Так вот, если половина этого эллипса придется на берег под обрывом и на море, то разрывы снарядов, ушедших туда, вреда не принесут. В этом случае затруднится и пристрелка. Таким образом, только за счет удачного выбора огневых позиций батарей удастся снизить эффективность огня противника почти вдвое.

Так и порешили. На обрывистом берегу разместили батареи 2-го и 3-го дивизионов. Только 1-й дивизион пришлось оставить на поле бывшего аэродрома, где он уже занял огневые позиции. Этого требовала сложившаяся обстановка. Забегая вперед, скажу, что потери от артиллерийского огня противника во 2-м и 3-м дивизионах были значительно меньше, чем в 1-м.

Одновременно с оборудованием огневых позиций мы занимались организацией системы огня и тесного взаимодействия со стрелковыми полками дивизии.

По тем временам полк наш представлял собой довольно внушительную силу. Он состоял из трех дивизионов, два из которых — 1-й и 2-й были трехбатарейного состава и 3-й — двухбатарейного. На вооружении мы имели 8 122-миллиметровых гаубиц образца 1938 года и 16 76-миллиметровых пушек образца 1939 года.

Но и задачи перед полком стояли большие. Нам было приказано поддерживать не только части и подразделения своей дивизии, но и соседей. Создавая систему огня, мы предусмотрели участки подвижного и неподвижного заградительного и сосредоточенного огня перед передним краем обороны своих соседей. В целях организации более тесного взаимодействия со стрелковыми частями и подразделениями наблюдательные пункты дивизионов и батарей размещались поблизости от НП командиров батальонов и рот, а то и вместе с ними. Сеть этих наблюдательных пунктов была создана с таким расчетом, чтобы с них можно было корректировать огонь и перед передним краем соседей.

В период сравнительного затишья, с конца февраля до середины апреля, мы продолжали совершенствовать систему огня и оборудование огневых позиций, одновременно вели разведку переднего края и ближайшей глубины обороны противника.

Разведка — глаза и уши артиллерии. В нашем полку ею занимались все, от рядового разведчика до командира полка. Много сил и энергии вкладывал в организацию этого важного вида боевых действий помощник начальника штаба полка по разведке старший лейтенант Александр Егорович Шишов. Он почти безотлучно находился на наблюдательном пункте, в критические моменты боя передавал на огневые позиции точные координаты целей. По его целеуказанием уничтожено около десяти огневых точек, подавлено несколько минометных батарей противника. Погиб он на своем боевом посту.

С горечью вспоминается тот трагический день 5 апреля 1943 года. С группой разведчиков и связистов мы находились на наблюдательном пункте, расположенном на чердаке здания, и вели наблюдение за противником, действующим против нашего соседа справа. Там перед фронтом 255-й морской стрелковой бригады, в районе Станички, гитлеровцы готовили очередную вылазку. Им, видимо, нужен был «язык», а так как малоземельцы в плен не сдавались, врагу пришлось идти на хитрость. Они одели группу своих вояк в форму советских моряков и без артподготовки направили их к нашему переднему краю. Маневр был быстро разгадан, и мы открыли по вражеской группе артиллерийский огонь. Гитлеровцы сначала

заметались по полю, а потом повернули вспять. Пользуясь передышкой, я отпустил Шишова, часть разведчиков и связистов на завтрак, а сам остался наблюдать за действиями противника. Фашисты сделали еще несколько попыток вклиниться в нашу оборону, но 1-й дивизион метким огнем всякий раз прижимал их к земле.

Минут через двадцать люди возвратились с завтрака, а я спустился в штаб, в полуподвальное помещение здания. Спустя несколько минут на чердаке раздался сильный взрыв, крыша и потолок были пробиты, помещение штаба наполнилось пороховой гарью, дымом и пылью.

— Когда вы ушли, — рассказывал потом разведчик Т. М. Лушков, — я обнаружил в районе кладбища танк, башня которого была развернута на наш НП, и доложил об этом начальнику разведки. Он отправил всех в укрытие, а сам остался у стереотрубы. После взрыва мы поднялись на чердак... Старший лейтенант Шишов лежал на полу у разбитой стереотрубы.

Ошибка в выборе наблюдательного пункта привела к трагическим последствиям. Ночью мы перенесли НП на ближайшую высотку, и это оказалось очень кстати. В апрельских боях здание, где он прежде располагался, было стерто с лица земли.

Заменил погибшего начальника разведки полка лейтенант Антон Петрович Окатый. Он успешно продолжил дело, стараясь применять различные действенные способы разведки. Для определения координат артиллерийских и минометных батарей в ближайшей глубине обороны противника в состав поисковых групп стрелковых частей включались и артиллерийские разведчики. Трижды пересекал линию фронта сержант Тимофей Михайлович Лушков, он определил координаты трех минометных батарей, которые потом были уничтожены огнем нашей артиллерии. Ценные данные о противнике приносили также братья Артеменко Зиновий и Михаил, которые не раз ходили в разведку в ближайшие тылы врага.

Постоянно находились на передовых наблюдательных пунктах, расположенных на позициях боевого охранения стрелковых подразделений, командиры отделений разведки Александр Федорович Дубовицкий, Илья Григорьевич Коренков, разведчики-наблюдатели Федор Федорович Федоров и Яков Иванович Копытько.

В ночное время активно действовали подвижные наблюдательные пункты.

Продуманная и четко организованная система разведки позволила вскрыть до 80 процентов целей на переднем крае и до 30 процентов в ближайшей глубине. Используя достоверные разведданные, штаб полка спланировал артиллерийский огонь по конкретным целям, а не по площадям, что значительно повышало его эффективность, да и расход боеприпасов значительно уменьшился, что имело важное значение: ведь подвозить их на Малую землю было крайне сложно. Здесь хочется сказать несколько добрых слов в адрес заместителя командира полка по МТО капитана В. И. Бутова. Не раз приходилось Виктору Ивановичу под сильным огнем врага пересекать Цемесскую бухту, чтобы своевременно доставить в полк

боеприпасы. И никогда наши боевые подразделения не испытывали в них острой нужды. Проводя разъяснительную работу с личным составом, нацеливая бойцов на экономный расход боеприпасов, нам удалось создать запас свыше двух боекомплектов на каждое орудие.

Мы понимали, что наступившее на Малой земле относительно затишье — это затишье перед бурей. Враг обязательно предпримет попытки ликвидировать плацдарм. Сведения о готовящемся наступлении гитлеровцев уже поступали к нам от командования, добывали их и разведчики. Разумеется, тогда нам не был известен замысел врага, но, что по нашей обороне готовится мощный удар значительно превосходящими силами, сомнений не оставалось.

Позже я узнал, что командование 17-й немецкой армии заблаговременно и тщательно готовило специальную операцию под кодовым названием «Нептун». Цель ее состояла в том, чтобы нанести мощный удар в центре плацдарма, рассечь, а затем уничтожить по частям группировку советских войск и ликвидировать плацдарм южнее Новороссийска. Решение этой задачи было поручено группе генерала Ветцеля, насчитывающей около 27 тысяч человек, 500 орудий и минометов, 30 танков и 650 самолетов. С началом боевых действий группировка авиации была доведена до 1200 истребителей и бомбардировщиков. Для проведения морской части операции под кодовым наименованием «Бокс» выделялись три подводные лодки и флотилия торпедных катеров. Перед ними стояли задачи: сорвать морские перевозки на коммуникации Геленджик — Мысхако, блокировать Геленджикскую бухту, заминировать подходы к плацдарму — одним словом, во взаимодействии с авиацией нарушить сообщение с Малой землей. Начало операции было запланировано на 6 апреля, но активные действия советских войск в районе Крымской заставили командующего 17-й армией перенести его на 17 апреля.

Уже в начале апреля наши разведчики стали приносить сведения о том, что в районе плацдарма идет сосредоточение вражеских войск. Мы сразу усилили наблюдение за противником, стараясь хотя бы предугадать сроки начала наступления. Впрочем, мы понимали, что надо быть готовыми к отражению удара в любую минуту. В соответствии с этим и строили свою боевую работу, улучшали занимаемые позиции, совершенствовали систему огня. Я приказал проверить пристрелку на некоторых участках сосредоточенного и на рубежах заградительного огня. Батареи сделали по несколько одиночных выстрелов. Результаты порадовали — отклонение снарядов от целей не превышало допустимых норм.

По окончании пристрелки я решил, на свой страх и риск, проверить по одной из целей стрельбу всем полком. Залп получился дружный, разрывы легли ровным веером на намеченном рубеже.

Но этот залп взбудоражил всю Малую землю. Сразу пошли запросы: «Кто стрелял?», «Почему?». Я доложил командиру полка подполковнику Н. К. Остапенко и командующему артиллерией дивизии полковнику Н. Г. Козлову об окончании пристрелки и ее результатах.

Через некоторое время на НП прибыл Николай Георгиевич и сообщил, что получил распоряжение командира десантной группы разобраться, кто стрелял, и наказать виновных.

Николай Георгиевич был влюблен в свой род оружия. Эту любовь он прививал и нам, молодым артиллеристам. До войны он был начальником штаба, а первые два года войны — командиром нашего полка, поэтому ревниво следил за нашей работой. Надо отдать должное Николаю Георгиевичу — он никогда не стремился навязать свою волю подчиненным и всегда поощрял умелые и инициативные действия артиллеристов. Его уважали как высокозурдированного и грамотного артиллериста, любили как человека обаятельного, душевного, отзывчивого.

Он был страстным пропагандистом героических традиций русской артиллерии, часто, когда это было к месту, повторял слова генерала Кутайсова, с которыми тот обратился к русским пушкарям на Бородинском поле:

«Повторить от меня во всех ротах, чтобы они с позиций не снимались, пока неприятель не сядет верхом на пушки. Артиллерия должна жертвовать собой. Последний картечный выстрел в упор».

— Так это твоя работа? — спросил он, входя на наблюдательный пункт.

— Моя и моего штаба, — показал я в сторону своих помощников.

— Ну вот что. Весь штаб я наказывать не буду, а тебе объявляю... замечание. А теперь хочу сам убедиться в точности вашей стрельбы.

Я приказал произвести несколько выстрелов. Козлов остался доволен нашей работой.

— Молодцы, артиллеристы! — похвалил он и с напускной строгостью заметил: — А вы, товарищ майор, больше не самовольничайте. Ваша инициатива хотя и заслуживает всяческой похвалы, но спросить разрешения старших на такую стрельбу мог бы?

В сопровождении командира полка он направился к выходу. Покинуть наблюдательный пункт ему не удалось: начался яростный обстрел Малой земли. Из-за гор ударила артиллерия разного калибра, шестиствольные минометы. Ведя огонь то методический, то беглый, противник прочесывал весь плацдарм.

— Вот что ты наделал своей стрельбой. Ты страшно разгневал фрицев, — теперь уже шутя заметил Николай Георгиевич.

— Товарищ полковник, — ответил я на его реплику, — противник начал то, что мы сейчас закончили. Это проверка пристрелочных данных.

Все с этим согласились.

В небе появилась большая группа самолетов. Шли они плотным строем со стороны Новороссийска и быстро приближались к Малой земле. Их было ровно пятьдесят. На подходе к Малой земле самолеты расчленились на мелкие группы, и посыпались на плацдарм бомбы всех калибров, ящики с «хлопушками» и даже пустые бочки, вой которых вместе с воем сирен пикирующих бомбардировщиков угрожающе действовал на психику. Несколько бомб разорвалось в непосредственной близости. Нас засыпало землей и осколками, но никто

не пострадал. Пленные потом показывали, что то был «пристрелочный» налет, во время которого командиры звеньев получили объекты для бомбежки.

После этого налета на Малой земле почти на двое суток установилась тишина. Мы чувствовали, что это затишье перед бурей.

В ночь на 17 апреля 1943 года на участке 109-го стрелкового полка был проведен поиск. Как обычно, вместе с поисковой группой мы направили и своих разведчиков. Вернувшись, они доложили, что первая траншея противника битком набита солдатами. Вывод можно было сделать только один: гитлеровские части и соединения заняли исходное положение для наступления.

«Нептун» разгневался

В 7 часов 30 минут 17 апреля 1943 года утреннюю тишину разорвали залпы вражеской артиллерии, открывшей массированный огонь по переднему краю и ближайшей глубине нашей 176-й стрелковой дивизии и других частей и соединений, обороняющихся на плацдарме. Артиллерийская подготовка продолжалась полтора часа. Как потом стало известно, противник выпустил за это время более 10 тысяч снарядов и мин. Одновременно с первыми артиллерийскими залпами над Малой землей появились самолеты с паучьей свастикой. Группами по 50—70 машин они наносили бомбоштурмовые удары по всему плацдарму, стремясь подавить нашу оборону на переднем крае, огневые позиции артиллерии, командные и наблюдательные пункты, уничтожить склады боеприпасов. 2500 бомб разного калибра обрушилось в этот день на головы защитников Малой земли.

В первый день фашистского наступления было отмечено до 2000 самолето-вылетов вражеской авиации.

...Замерла в траншеях пехота. Молчали орудия нашего арtpолка. Личный состав находился в укрытиях, лишь наблюдатели внимательно следили за полем боя.

Начальник связи полка капитан Иван Максимович Клименко и его помощник старший лейтенант Григорий Евтихievич Федоренко периодически проверяли связь с дивизионами.

После обработки переднего края артиллерия противника перенесла огонь на вторую полосу нашей обороны, и тут же вражеская пехота при поддержке танков перешла в атаку.

Чтобы скрыть истинное направление главного удара и заставить распылить силы обороняющихся, враг атаковал на широком фронте.

На батареях орудия заряжены, натянуты спусковые шнуры. Когда атакующие цепи гитлеровцев вышли на участки заградительного огня, командир полка подал команду, и вся огневая мощь 6-го арtpолка обрушилась на головы атакующих гитлеровцев.

Атакующие цепи несли большие потери. Но и враг открыл по огневым позициям наших батарей сильный огонь. Однако артиллеристы не дрогнули, они продолжали поражать врага меткими залпами.

Особенно тяжелое положение сложилось во второй батарее, в которой сильно поредели оружейные расчеты. Возле второго орудия осталось всего два человека: командир орудия сержант А. Кавтарадзе и рядовой Мусаев. Даже получив ранение, Садат Мусаев не покинул свой боевой пост.

Но в самый разгар боя орудие замолчало. И тогда на помощь огневику бросилась Валя Симонова, наш санинструктор. Оказав помощь раненым, она стала подносить снаряды. Рядовой Мусаев занял место заряжающего, а Александр Кавтарадзе стал выполнять обязанности и командира орудия, и наводчика.

В сотне метров от огневых позиций находился склад боеприпасов 1-го дивизиона. Возглавлял его лейтенант В. И. Гончаренко. Хранение боеприпасов он организовал небольшими партиями в изолированных друг от друга окопах. Такая предусмотрительность Василия Ильича помогла сберечь их от вражеского огня.

В первый же день наступления противника на складе возникло несколько очагов пожаров. Рискуя жизнью, Гончаренко организовал их тушение и сумел спасти сотни снарядов, которые были тогда на вес золота.

Доставка снарядов к орудиям в обязанности Гончаренко и его подчиненных не входила, но в трудные минуты боя приходилось становиться подносчиками.

— Товарищ лейтенант,— обращался к Гончаренко кто-нибудь из подчиненных,— первая замолчала... Наверное, нет боеприпасов. Поможем?

И воины, следуя примеру командира, взваливали на спины тяжелые боеприпасы и ползли на огневые позиции. Затем еще один рейс и еще... под непрерывным огнем врага. По нескольку раз в день бывал он в каждой батарее. Часто обстановка требовала и личного участия в ведении огня. Приходилось Василию Гончаренко становиться на место выбывшего из строя командира орудия, наводчика или заряжающего.

Особенно памятным для Гончаренко и его подчиненных был день 19 апреля 1943 года. Прибыв с ящиками снарядов на огневую позицию 1-й батареи, лейтенант Гончаренко и его помощник увидели, что на позиции уцелело лишь одно орудие. Оставшиеся в живых артиллеристы оказались завалены землей. Батарея молчала.

Сноровисто действуя лопатами, Гончаренко и его подчиненные спасли товарищей, а Вера Авраменко оказала им первую помощь. Все артиллеристы, несмотря на ранения и контузии, остались в строю. Из числа бойцов, оказавшихся наиболее боеспособными, лейтенант Гончаренко создал новый оружейный расчет, который тут же открыл огонь по фашистам. Затем с помощью Василия Ильича было восстановлено второе орудие. Так до конца дня и пришлось ему командовать огневикуми. Позже за смелые и решительные действия Василий Ильич был награжден орденом Красной Звезды.

Во время этого же налета врага вблизи огневой позиции 5-й батареи взорвалась бомба большой мощности. Взрывной волной подбросило вверх одно из орудий, и оно зависло над обрывом. В любую

минуту 76-миллиметровая пушка могла сорваться и разбиться вдребезги. Расчет кинулся спасать пушку, но тут раздалась властная команда заместителя командира батареи старшего лейтенанта В. Г. Сартакова:

— Стойте! К орудию не подходить...

Вячеслав Георгиевич сразу оценил опасность. Стоило лишь чуть-чуть шевельнуть пушку, и она бы упала вниз, увлекая за собой артиллеристов.

— Канаты, веревки, все, что есть, быстро ко мне, — распорядился он. С помощью артиллеристов Сартаков осторожно и аккуратно прикрепил веревками орудие к выступу скалы.

Когда стемнело, орудие удалось вытащить и поставить на место. Так благодаря мужеству и смекалке офицера была сохранена боевая единица — 76-мм пушка.

18 апреля враг возобновил атаки, и ожесточенный бой развернулся с новой силой. В 8 часов 30 минут он нанес мощный удар в полосе нашей 176-й стрелковой дивизии, однако все попытки вклиниться в оборону были отбиты с большими потерями для противника.

Из штаба дивизии поступила тревожная информация: на стыке 8-й гвардейской и 51-й стрелковой бригад сложилась крайне тяжелая обстановка. Атаки продолжались в течение восьми часов почти непрерывно, и в результате врагу удалось вклиниться в нашу оборону. Командир десантной группы ввел в бой весь свой резерв — 83-ю морскую стрелковую бригаду и полк 176-й стрелковой дивизии, однако отбросить противника не удалось, хотя его продвижение и было приостановлено.

...В конце дня группа фашистских автоматчиков, просочившись через передний край, окружила командно-наблюдательный пункт командира 3-го дивизиона майора П. П. Кащука. Петр Порфирьевич организовал круговую оборону. Вместе с ним вступили в неравный бой с врагом командир 8-й батареи капитан Федор Максимович Галаджий, начальник разведки старший лейтенант Владимир Тихонович Левченко, связисты и разведчики, находившиеся на КНП. Связь с огневыми позициями нарушилась, батареи прекратили огонь.

Оценив обстановку, сложившуюся у соседа, командир 2-го дивизиона майор Степан Сергеевич Багнич с группой бойцов, находившихся на его НП, контратаковал противника. С другой стороны на помощь окруженным бросился со своими разведчиками командир 7-й батареи капитан Иван Николаевич Федан.

В результате смелых и решительных действий артиллеристов враг был отброшен и попал под губительный огонь 7-й и 8-й батарей, орудия которых заговорили вновь. Почти вся группа вражеских солдат, около 50 человек, была уничтожена. Наши бойцы привели в штаб пленных, которые показали, что входили в специальную диверсионную группу, созданную для уничтожения командных пунктов и штабов.

Я тут же отдал распоряжение усилить бдительность и принять меры к обороне командно-наблюдательных пунктов дивизионов и штаба полка.

К исходу дня 18 апреля противнику ценой больших потерь удалось вклиниться на узком участке фронта на глубину до километра. Дальше он в этот день продвинуться не мог. Как стало известно, за два дня боев 300 героических защитников Малой земли пали смертью храбрых и 700 человек были ранены, 20 орудий и минометов вышли из строя. Понес потери и наш полк, однако за ночь мы привели подразделения в боевую готовность, приготовились к новым схваткам.

Ранним утром 19 апреля противник нанес сильный артиллерийский и бомбовый удары по переднему краю обороны нашей дивизии. Через некоторое время меня позвали к телефонному аппарату. Звонил начальник штаба дивизии полковник В. Ф. Гладков.

— Ну, как вы там, живы? — спросил Василий Федорович.

— Пока живы, — ответил я.

— Вижу, что у вас жарко. Очевидно, противник перенес направление главного удара на нашу полосу обороны. Будьте готовы отразить атаку танков и пехоты... Особое внимание — на стыки частей...

— У нас все готово. Внимательно следим за действиями противника, — доложил я.

В утреннем мареве слышался шум моторов и лязг гусениц. Вот из тумана и пыли стали вырисовываться силуэты танков, за ними — густые цепи пехоты.

Шли они в своей манере, прикрываясь броней танков, в полный рост, поливая свинцом выжженную землю, — пьяные, наглые и самоуверенные.

Вслед за первыми выстрелами наших пушек из-за Цемесской бухты ударили орудия армейской артиллерийской группы.

Враг был ошеломлен: такого мощного и организованного отпора он не ожидал. Пехота залегла, на поле боя запылало несколько танков. Атака захлебнулась, и опять вражеские самолеты повисли над Малой землей, и вновь все заволокло дымом и пылью. Сквозь эту пелену багрово-красным пятачком проглядывало солнце.

Командир полка обошел батареи, позиции которых находились неподалеку от командного пункта. Он подбадривал солдат, спрашивал, как настроение.

— Ничего, выдюжим. Ведь мы — русские, — отвечали бойцы.

Атаки противника следовали одна за другой. Пятая из них была особенно яростной. За танками и стеной артиллерийского огня фашисты вплотную приблизились к наблюдательному пункту майора В. Ф. Холостякова, возглавлявшего артиллерийскую подгруппу. Артиллеристы не дрогнули и вступили в неравный бой. Горстка храбрых отражала в десятки раз превосходящие силы противника. Мы с тревогой наблюдали за этой схваткой, но помочь не могли. Людей для контратаки взять было негде, а вести огонь стало уже опасно: можно поразить своих.

И вдруг на связь вышел майор Холостяков.

— НЗО «Слон» — огонь! — требовал он.

Фронтвики знают, что такое «огонь на себя». Это значит, что сложилось безвыходное положение, враг насаждает со всех сторон,

а отразить его нечем. Товарищи погибли или лежат, тяжело раненные, гранат нет, патроны на исходе, и остается один выход: рискуя собственной жизнью, уничтожить врага.

Вечером, делаясь своими впечатлениями, майор Холостяков рассказал мне о том, что довелось пережить ему и его подчиненным:

— Вокруг окопа бушевал огненный смерч. От близости разрывов стенки наблюдательного пункта обрушились, всех завалило землей. Над головами — непрерывный свист пуль и жужжание осколков, множество их вместе с комьями земли шлепались на бруствер. Попадая на каски, они со звоном разлетались во все стороны, издавая звуки всех тональностей.

Когда наконец все стихло, удалось осмотреться. Метрах в пятидесяти догорало три фашистских танка. Поле вокруг наблюдательного пункта густо усеяно вражескими трупами, в беспорядке валялись тридцать пять автоматов, три ручных и один станковый пулемет и, чудом уцелевший, аккордеон «Грамона». Аккордеон мы потом преподнесли полковому баянисту Авдеюку.

Разведчики народ дотошный. По своей инициативе они посчитали близлежащие воронки, которые плотным кольцом расположились вокруг наблюдательного пункта. На расстоянии метра их оказалось три, трех метров — пять, от пяти до десяти метров — двадцать.

И в этот день врагу не удалось достичь поставленных целей, хотя обстановка для защитников Малой земли стала еще более напряженной. На участке, где противнику удалось вклиниться в глубину нашей обороны, ему оставалось до берега моря не более двух километров.

Стойко держались наши бойцы и командиры, нанося гитлеровцам значительный урон. Только огнем артиллерии полка за первые дни, по нашим приблизительным подсчетам, было уничтожено до трех батальонов пехоты.

Не знали мы покоя и по ночам. Действуя по плану операции «Бокс», гитлеровские торпедные катера и подводные лодки осуществляли атаки со стороны Цемесской бухты. Подойдя к берегу, они обстреливали наши тыловые подразделения, забрасывали диверсантов. Надо было принять срочные меры и отучить фашистов от ночных вылазок.

Эту задачу командир полка поставил перед артиллерийской подгруппой майора Холостякова. Василий Федорович приказал на ночь в каждой батарее развернуть по одному орудию в сторону моря. И все попытки врага незаметно подобраться к плацдарму были отбиты, причем нашим артиллеристам удалось уничтожить несколько торпедных катеров.

За умелые и решительные действия по управлению артиллерийским огнем, в результате чего был нанесен большой урон живой силе и технике врага, и проявленные при этом мужество и отвагу майор В. Ф. Холостяков был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Между тем натиск врага не ослабевал. Гитлеровцы бросали в бой свежие подразделения, и казалось — силы защитников плац-

дарма вот-вот иссякнут. В дни особенно напряженных боев Военный совет 18-й армии обратился к бойцам и командирам десантной группы войск с призывом — выстоять, уничтожить живую силу и боевую технику врага, отбросить его от плацдарма.

Текст этого обращения принес в полк заместитель командира по политической части майор Д. И. Гусак, который побывал на совещании политработников. Прежде всего Даниил Иванович довел обращение до управления и штаба полка, а затем политработники полкового звена отправились в подразделения. Им предстояло разъяснить воинам смысл и значение этого важного документа, ответить на вопросы, волновавшие их. Одним из первых отправился на огневые позиции и Даниил Иванович. Надо сказать, что бойцы и командиры слушали его всегда с большой охотой. Стойкий коммунист своим большевистским словом вселял в людей веру в победу. Гусака можно было видеть среди бойцов на огневых позициях и наблюдательных пунктах в разгар самых ожесточенных боев.

Говоря о наших партийных и политических работниках, не могу не вспомнить ответственного секретаря партийного бюро майора В. Д. Сабадыра, с которым мы начали совместную службу в полку еще в довоенное время. В 1939 году мы вместе с Виталием Дмитриевичем принимали участие в походе за освобождение западных областей Украины, а в 1940 году — Молдавии. Виталий Дмитриевич старался во всех подразделениях создать партийные прослойки, которые могли бы сплотить коммунистов и беспартийных и воспитать боевой коллектив, готовый к выполнению самых ответственных боевых задач. Он был душевным человеком и хорошим воспитателем.

Хотелось бы вспомнить добрым словом и неутомимого труженика, опытного политработника, пропагандиста полка майора М. И. Кальмуса. Выходец из рабочих, беззаветно преданный Родине, Михаил Иванович не жалел сил и энергии для работы с воинами. Его задушевные беседы и лекции, личная храбрость и стойкость в бою служили хорошим примером для бойцов и командиров.

Большую работу среди личного состава проводили замполиты дивизионов майоры Д. А. Амедянов, С. М. Шуляк, А. М. Сапцын, а также замполиты батарей. Они организовывали выпуск боевых листовок и листовок-молний, своевременно доводили до воинов приказы и распоряжения старших начальников, вникали в нужды и запросы бойцов, во все детали подготовки людей и материальной части к боям.

В любой момент каждый политработник мог заменить командира взвода, орудия или же орудийного номера.

Плоды их труда были видны в постоянном росте мастерства артиллеристов, в слаженности и сплоченности подразделений и высоком морально-политическом состоянии личного состава.

Вдохновленные обращением Военного совета, которое довели до них командиры и политработники, воины нашего полка как один подписали клятву на верность Отечеству. Теперь уважительной причиной для того, чтобы покинуть поле боя, считалась только смерть воина. Мне довелось быть свидетелем беспримерных образцов мужест-

ва и отваги, ежедневно и ежечасно проявляемых бойцами и командирами.

В напряженную минуту боя командир 7-й батареи капитан И. Н. Федан выдвинул навстречу атакующим танкам взвод 76-миллиметровых пушек. Началась огневая дуэль. С наблюдательного пункта мне было хорошо видно, как умело и сноровисто действовал командир взвода старший лейтенант Григорий Зубенко. Вот он указал огневые позиции расчетам, исходные данные для стрельбы.

Захлопали выстрелы, и тут же возле наших орудий выросли пушистые разрывы — это враг ответил огнем.

Два танка, резко увеличив скорость, ринулись прямо на одно из орудий. Грохнул выстрел, и вражеская машина завертелась на месте.

— Кто командир орудия? — спросил я, связавшись по телефону с командиром батареи.

— Сержант Семушкин, — доложил Иван Николаевич Федан.

Перед огневой позицией орудия между тем пылал и второй танк. Расчет сержанта Семушкина уже стрелял осколочными по пехоте. Кроме двух танков в этом бою артиллеристы уничтожили две пулеметные точки и до двух десятков гитлеровцев. Потом мне доложили, что еще в начале боя Семушкин был ранен, но остался в строю. Большой урон противнику нанесли гаубичные батареи капитанов Г. Ф. Литвина, И. М. Лапшова и Ф. М. Галаджия. Под непрерывной бомбежкой, под массированным огнем вражеской артиллерии наши артиллеристы громили атакующие цепи фашистов. Огнем этих батарей было уничтожено до батальона пехоты, отражена танковая атака, подавлены три минометные батареи.

Беспримерную стойкость и мужество проявил расчет сержанта Арчила Цакашвили из 8-й батареи. Десять раз бомбили и засыпали снарядами фашисты его огневую позицию. От взрывов бомб орудие подпрыгивало и кренилось, добавлялись все новые и новые пробоины в щите и станинах. Но как только улетали пикирующие бомбардировщики, орудие вновь оживало. В течение дня его огнем было уничтожено до двух взводов пехоты противника, два станковых пулемета и наблюдательный пункт на безымянной высоте.

Поддерживая действия пехоты, успешно отражал вражеские атаки дивизион майора Багнич, который уничтожил до роты пехоты, пять станковых пулеметов, три орудия, подавил минометную батарею.

В середине дня противник, собрав ударный кулак — до батальона, усиленного танками, атаковал на узком участке фронта, его отдельным группам удалось вклиниться в глубину нашей обороны. Командир 5-й батареи капитан Иван Поликарпович Рубан, находившийся в боевых порядках пехоты вместе со своей ячейкой управления, принял участие в рукопашной схватке с прорвавшейся группой фашистов. Не выдержав рукопашной, фашисты обратились в бегство. Несколько батарейных залпов довершили дело: почти вся прорвавшаяся группа, насчитывавшая до ста человек, была разгромлена.

И в этот день защитники Малой земли отразили натиск врага. Стойко удерживали они свои позиции и в последующие дни, хотя враг предпринимал все усилия для ликвидации плацдарма.

...22 апреля, едва забрезжил рассвет, в штабную землянку вбежал запыхавшийся связист Иван Шимко, которого мы посылали для восстановления связи с 3-м дивизионом, и с ходу доложил:

— Товарищ майор, ваше приказание выполнено...

— Молодец, я уже говорил с командиром дивизиона. Можете идти.

Шимко продолжал:

— Когда я возвращался в штаб, у горелого дуба встретил подозрительного типа... Смотрю — форма наша, а гранаты с длинными рукоятками — немецкие. Пытался заговорить с ним — он отмахнулся и пошел в другую сторону. Может, переодетый фриц?!

— Быстро за мной, — приказал я стоявшим рядом бойцам. — Шимко, показывай дорогу...

Но идти никуда не потребовалось. Наши разведчики уже тащили в штаб этого «красноармейца».

Пленный показал, что входит в диверсионную группу 125-й пехотной дивизии. Командир группы приказал ему установить место расположения штаба и забросать его гранатами. С первыми разрывами гранат группа захвата должна была ворваться в штаб, захватить полковое Знамя и пленить офицеров. Я тут же отдал распоряжение занять круговую оборону, и вовремя: через несколько минут диверсанты напали на наш штаб. Завязался жаркий бой. Наши штабисты не дрогнули, ведь у каждого за плечами школа оборонительных боев 1941—1942 годов. Заняв свои заранее подготовленные позиции, бойцы и командиры хладнокровно и расчетливо вели прицельный огонь по врагу.

Четырежды фашисты бросались в атаку, но, получая сокрушительный отпор, откатывались назад.

Несколько вражеских солдат ворвались в наше расположение. Завязалась рукопашная схватка. В ход пошли приклады, лопаты и колья. Заметив, что один из фашистов целится в меня, рядовой Лозин нанес лопатой сильный удар по его руке, но выстрел все же произошел. Лозин был ранен в ногу.

Поняв бесплодность своих попыток захватить штаб, враг отошел, оставив на поле боя свыше десятка трупов. Мы потерь не имели. Было ранено три человека, но они остались в строю после оказанной им помощи.

Видимо, сильно досаждала наша артиллерия фашистам, если они решили ее обезглавить. Нас выручили высокая бдительность, смекалка воинов и их несгибаемая стойкость.

В течение дня противник предпринимал атаки на участке 107-й стрелковой бригады, бомбил боевые порядки наших войск, но успеха не имел. За день боя с нашей помощью рассеяно и частично уничтожено до полка неприятельской пехоты.

Слаженно действовали и метко разили своим огнем пехоту противника батареи И. М. Лапшова и Ф. М. Галаджия. Фашисты потеряли до двух рот пехоты и несколько танков.

23 апреля противник продолжал атаки нашего переднего края, пытаясь расширить участок наметившегося накануне прорыва.

Выбить вклинившегося противника нашим войскам опять не удалось — не хватило сил и средств. Атаки вражеской пехоты и танков продолжались на участке 107-й стрелковой бригады, но были успешно отбиты. Вечером мне позвонил полковник Н. Г. Козлов.

— Алексей Иванович, дорогой, — раздалось в телефонной трубке. — От всей души поздравляю с двадцатипятилетием. Желаю выжить на Малой земле.

Поблагодарив Николая Георгиевича за теплые поздравления с днем рождения и добрые пожелания, я взаимно пожелал ему дожить до конца войны.

Его пожелание сбылось, а мое, к большому сожалению, нет.

Забегая вперед, скажу, что 16 сентября 1943 года, в день освобождения Новороссийска, он погиб в бою. На тихой и тенистой площади Героев в Новороссийске покоится прах этого замечательного человека и отважного воина. Его могила всегда утопает в венках и букетах живых цветов. Благодарные новороссийцы свято чтут память погибших малоземельцев.

Но вернемся к событиям 23 апреля. В этот день поступили подарки трудящихся. Мы знали, что в тылу жилось нелегко. Тем ценнее были для нас эти трогательные знаки внимания и благодарности. В каждом подарке — теплое и нежное письмо. Труженицы тыла — женщины и девушки — призывали бойцов крепче бить ненавистных врагов, желали скорой победы, приглашали в гости. На красном кисете, доставшемся мне, искусной женской рукой золотыми буквами было вышито: «Совершив геройский подвиг, сядь, товарищ, покури». Как дорогую реликвию пронес я этот кисет через всю войну и только недавно передал его красным следопытам в качестве экспоната для их музея...

В час почти 24 апреля командир полка подполковник Остапенко, получив задачу у командующего артиллерией дивизии, возвратился в штаб. В самый короткий срок нам предстояло спланировать артиллерийское обеспечение ввода в бой 290-го полка НКВД, недавно получившего задачу выбить вклинившегося противника и восстановить положение. К нам прибыл и командир этого полка подполковник Пискарев. С ним мы увязали все вопросы взаимодействия. Основную огневую поддержку предстояло оказать подгруппе майора Холостякова в составе 2-го и 3-го дивизионов. Первый дивизион должен был находиться в готовности к отражению фланговых контратак противника. Для уничтожения огневых точек, борьбы с танками на прямую наводку мы решили поставить 5-ю батарею.

Артиллеристы знают, что стрельба прямой наводкой — это смертельная дуэль, и притом дуэль не на равных. Противник закрыт броней, он имеет возможность маневрировать, укрываться в складках местности, вести огонь с выгодного положения. Здесь нет и барьера, который мог бы остановить врага. Танк может ворваться на позицию и уничтожить батарею гусеницами.

Только тонкий щит орудия прикрывает артиллеристов, вставших на пути врага.

Командир батареи капитан И. П. Рубан быстро вывел свое подразделение на указанные позиции, занял у орудия наблюдательный пункт. С началом артиллерийской подготовки батарея открыла огонь по намеченным целям.

Противник тут же ответил. Разрывы вражеских снарядов стали густо ложиться вокруг огневых позиций. На батарее появились раненые, но орудия продолжали вести огонь. Противник поджег склад боеприпасов. Командир орудия сержант В. М. Сычев первым бросился к горящим ящикам. С помощью подоспевших товарищей пожар удалось ликвидировать. Несмотря на потери, батарея продолжала выполнять поставленную задачу. За этой смертельной дуэлью наблюдал командир 6-й батареи капитан Иван Лапшов. Он приказал подавить вражеские минометные батареи. Это не первый случай, когда артиллеристы-гаубичники Лапшова приходили на помощь товарищам в тяжелые минуты боя.

После артиллерийской подготовки 290-й полк НКВД атаковал противника, но, попав под бомбовый удар и сильный артиллерийский огонь противника, вынужден был откатиться на исходные позиции. Все усилия наших войск по уничтожению вклинившегося противника и восстановлению положения не дали желаемых результатов. В течение последующих пяти дней бои велись уже с меньшим ожесточением. Для решительных и мощных ударов у обеих сторон сил не было. Мы производили ремонт орудий и средств связи, восстанавливали оборонительные сооружения.

Одной из главных задач для нас было восстановление боеспособности полка. На пополнение оружейных расчетов пришлось взять ездовых.

Когда 29 апреля начался решительный штурм позиций вклинившегося противника, дивизионы имели возможность оказывать наступающим эффективную артиллерийскую поддержку.

Командир дивизии принял решение в состав штурмовых групп и отрядов наряду с пехотой и саперами включать артиллерийские подразделения.

В одном из таких отрядов храбро сражался расчет комсомольца сержанта Василия Кожанова. Уничтожив прямой наводкой огневые точки перед фронтом наступления отряда, командир орудия возглавил стрелковое подразделение, лишившееся командира. Действуя смело и решительно, он ворвался во вражескую траншею. Ведя автоматный огонь и прокладывая путь гранатами, он уничтожил до десятка фашистов. Но пехота, попав под сильный фланкирующий огонь тяжелого пулемета, залегла.

Мгновенно оценив обстановку, отважный артиллерист, маскируясь в винограднике и складках местности, подобрался к пулемету и метнул противотанковую гранату. Расчет вражеского пулемета был уничтожен, а сержант Кожанов развернул пулемет и открыл огонь по отходящим гитлеровцам. Они обратились в бегство. На их плечах штурмовой отряд ворвался в траншею и захватил несколько огневых точек, а затем овладел и всем опорным пунктом.

За умелые и инициативные действия, обеспечившие захват важного опорного пункта, командир орудия был отмечен орденом Красной Звезды.

В составе других штурмовых отрядов умело действовали оружейные расчеты сержантов Г. И. Дробахи, В. М. Сычева, А. П. Кавтарадзе, А. И. Цакашвили и другие.

Я работал почти круглые сутки. Днем находился на наблюдательных пунктах в подразделениях, а ночью — в штабе и на причалах, где дел было тоже хоть отбавляй.

Разведка, связь, планирование и его корректировка в условиях быстро и резко меняющейся обстановки, восстановление нарушенного в ходе боя взаимодействия с пехотой, вопросы материального обеспечения были предметами моей постоянной заботы.

Нельзя не отметить добросовестную работу моих помощников капитана Александра Аникеева и старшего лейтенанта Антона Окато-го. Они часто бывали в подразделениях, помогали организовать разведку противника, согласовывать взаимодействие со стрелковыми подразделениями, действия которых предстояло поддерживать, подготавливать данные для стрельбы по вновь обнаруженным и ожившим целям.

Капитана Аникеева в самый напряженный момент боев я направил на НП майора Холостякова для оказания помощи в подготовке данных для ведения огня при отражении атак вклинившегося в нашу оборону противника.

Большое значение я придавал налаживанию тесных контактов в работе со штабами стрелковых полков. Часто сам бывал в этих штабах, приходили и ко мне их начальники. Мы совместно планировали огневую поддержку, согласовывали усилия по разгрому врага.

Известно, что штабная работа немедленных, сиюминутных результатов не даст. Она оценивается по исходу боев, и, думается, можно сказать, что в отражении апрельского наступления врага и укрощении «Нептуна» есть доля труда штаба нашего 6-го Краснознаменного артиллерийского полка, преобразованного за успешные боевые действия в гвардейский.

Вся многолетняя воинская служба Александра Андреевича Сосенкова была связана с ремонтом и эксплуатацией боевой техники. Александр Андреевич Сосенков прошел путь от красноармейца до генерал-лейтенанта-инженера, начальника Главного управления ремонта автобронетанковой техники.

Свои воспоминания автор посвятил людям одного из крупнейших танкоремонтных заводов, начальником которого он был с 1938 года до февраля 1942-го. С большим уважением автор повествует о тех, с кем ему довелось работать в самый тяжелый период Великой Отечественной войны, рассказывает о самоотверженном, поистине героическом труде рабочих-ремонтников, инженеров и техников, показывает, как созданная в нашей армии ремонтно-восстановительная служба обеспечивала возвращение в строй боевых машин.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ТАНКОВ

Сразу после окончания Великой Отечественной войны Москва была переполнена корреспондентами газет, журналов и агентств западных стран. Всем не терпелось раскрыть секрет «русского чуда», и зарубежные журналисты буквально осаждали наших военачальников. А в конце июня 1945 года они заинтересовались и моей более чем скромной персоной военного инженера, занимавшегося на всем протяжении войны ремонтом танков.

Мне было дано указание принять группу представителей американской и английской прессы. Встреча состоялась по месту тогдашней моей службы — в Наркомате обороны. На меня обрушились различные вопросы, частично неожиданные, порой курьезные. Вспоминать их все подряд нет необходимости. Главный же вопрос сводился к следующему: каким образом нам удавалось в короткие сроки восстанавливать парк боевых машин, поврежденных на поле боя? Мой ответ на этот вопрос звучал примерно так:

— Коммунистическая партия и Советское правительство, оснащая Красную Армию боевой техникой, в том числе бронетанковой, еще задолго до войны позаботились о взаимодействии войск с соответствующими народнохозяйственными органами и создали четкую систему ремонтно-восстановительной службы. Конечно, не все удалось завершить до начала вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз, да и война внесла свои коррективы, но в целом структура ремонтно-восстановительной службы осталась такой, какой была задумана. И она себя оправдала.

Один из корреспондентов, помнится американец, спросил:

— Мне рассказывали, что большую половину танков вы восстанавливали в зоне боевых действий. Если это так, то, очевидно, ваши ремонтные отряды комплектовались суперменами...

Пришлось опровергнуть его предположения. Я рассказал, как было в действительности: наши ремонтные подразделения комплектовались самыми обыкновенными рабочими, зачастую даже не из числа военнообязанных. Среди ремонтников было немало добровольцев, давным-давно перешагнувших призывной возраст.

Американец усомнился:

— Это невозможно!

Я спокойно уточнил: рабочий класс, мол, не раз делал возможным то, что другим представлялось невозможным...

На этом и закончилась моя первая и последняя в жизни пресс-конференция.

Запомнилась мне и встреча с английским фельдмаршалом Монтгомери. А произошло это так. Беседуя с нашим маршалом бронетанковых войск Я. Н. Федоренко, Монтгомери поинтересовался, как показали себя на советско-германском фронте английские танки. Федоренко откровенно рассказал не только о некоторых их достоинствах, но и о серьезных недостатках. Притом добавил, что у нас были созданы специализированные предприятия по ремонту английских и американских танков. Монтгомери выразил желание посетить такое предприятие. Эта возможность ему была предоставлена, а мне вместе с Яковом Николаевичем Федоренко довелось сопровождать английского гостя. Он обошел заводские цеха и очень похвально отозвался об организации технологического процесса. Тут-то Федоренко и сказал, что в заводском парке стоит партия законсервированных «валентайнов», «матильд», «черчиллей». Мы их капитально отремонтировали незадолго до конца войны, и на фронт они уже не попали. Монтгомери захотел увидеть эти машины. Облачившись в комбинезон, он тщательно осмотрел каждую из них не только снаружи, но и внутри, а в заключение заявил:

— Просто не верится, что они побывали в бою.

Федоренко ответил на это:

— Они побывали в бою неоднократно. И многие из них, до того как попасть на завод, восстанавливались в полевых условиях...

Теперь-то уже общеизвестно, что в годы второй мировой войны ни одна из стран, в ней участвовавших, не имела такой ремонтно-восстановительной службы, какая была у нас. И она, эта служба, тоже сыграла свою роль в достижении победы над врагом. По данным военно-научной статистики, каждый наш танк прожил в среднем три, четыре и даже пять жизней. В эти данные стоит вдуматься. За ними — целые танковые полки, бригады, корпуса, вновь и вновь возрождавшиеся к боевой деятельности.

«Вторая танковая индустрия страны» — так называли во время войны ремонтно-восстановительную службу. Справедливое определение!

С этой «второй индустрией» связана вся моя сознательная жизнь. Еще в годы гражданской войны я начал службу красноармейцем в автотехнических подразделениях на Восточном фронте. После разгрома белогвардейцев и иностранных интервентов не ушел в запас, а остался в кадрах Красной Армии. Командовать мне пришлось

главным образом людьми, обслуживающими боевую технику. Техническая служба — основная моя военная специальность, мое призвание.

В начале тридцатых годов мне довелось заниматься строительством первого в нашей стране танкоремонтного завода. Стройку объявили ударной, и уже на исходе 1936 года этот завод, получивший скромный однозначный номер, вступил в строй действующих.

Начальником нового завода назначили многоопытного большевика, участника гражданской войны, комбрига Николая Николаевича Лисицына. Того самого, что выведен под своим собственным именем в романе Николая Островского «Как закалялась сталь». Помните, как он охарактеризован там?

«Николаю Николаевичу Лисицыну, председателю Берездовского исполкома, всего лишь двадцать четыре года, но никто из его сотрудников и партийных работников этого не знает. Он, большой и сильный человек, суровый и подчас грозный, выглядит тридцатипятилетним. Крепкое тело, большая голова, посаженная на могучую шею, карие, с холодком, пронизательные глаза, энергичная, резкая линия подбородка. Синие рейтузы, серый, «видавший виды» френч, на левом грудном кармане орден Красного Знамени... От красноармейца до боевого командира и комиссара полка прошел свой славный путь тульский оружейник».

Николай Островский хорошо знал героя своего романа. В октябре 1923 года Н. Н. Лисицын рекомендовал будущего писателя в партию и даже председательствовал на собрании берездовских коммунистов, решавшем этот вопрос.

После гражданской войны Лисицын возглавлял парторганизацию николаевского судостроительного завода, потом учился в Ленинградском политехническом институте, окончил Военно-техническую академию РККА, снова работал в войсках и уже оттуда пришел к руководству первым в стране танкоремонтным заводом.

По роду своей службы мне постоянно приходилось поддерживать деловые контакты с Н. Н. Лисицыным. Я всегда приятно поражался его умению быстро и четко решать сложные производственно-технические вопросы, а также задачи воспитания заводского коллектива. У этого человека можно было поучиться многому. И конечно, я не упускал такой возможности.

Опыт, заимствованный у него, особенно пригодился, когда мне самому приказано было возглавить тот же завод. Случилось это за три с небольшим года до начала войны.

Я принял завод с уже налаженным технологическим процессом. Однако многие проектные наметки оставались еще нереализованными или реализованными лишь частично. Надо было доводить дело до конца. И тут я упорно старался продолжать линию, начатую Н. Н. Лисицыным и направленную на всемерную механизацию ремонтных работ, перевод производственных процессов на современные индустриальные рельсы, внедрение конвейерной системы и научной организации труда.

Все это немало зависело от правильного подбора кадров. Специфика нашего производства требовала от рабочего не только общей технической грамотности, но и определенного опыта эксплуатации бронетанковой техники. Решение этой проблемы мы нашли в привлечении к работе на заводе танкистов, отслуживших срок действительной службы. С согласия командования накануне очередного увольнения в запас красноармейцев и младших командиров представители завода отправились в войска и при поддержке командиров и политработников, партийных и комсомольских организаций провели там соответствующую разъяснительную работу. Она дала хорошие результаты: на завод хлынули люди, еще не снявшие гимнастерок, — квалифицированные командиры машин, механики-водители, башнеры, вооруженцы. Все они отличались дисциплинированностью и высоким чувством долга — сказывалась замечательная школа армейской службы. Демобилизованные танкисты составили в последующем ядро заводского коллектива. И, забегаая вперед, скажу, что в грозные годы военных испытаний именно они сыграли основную роль в огромном — и по размаху и по значению — деле ремонта и восстановления боевых машин.

В предвоенные годы армия наша все больше насыщалась бронетанковой техникой. Эта техника не стояла в законсервированном виде: на ней учились тысячи и тысячи людей, она проходила войсковые испытания в обстановке, приближенной к боевой. Естественно, у машин постепенно вырабатывались моторесурсы, изнашивались и требовали замены отдельные детали, узлы, агрегаты. Так что наш завод обязан был все время наращивать производственные мощности. И надо отдать должное рабочему коллективу: он глубоко сознавал свою ответственность за поддержание танкового парка в постоянной боевой готовности. Люди работали по-ударному.

В то же время мы, руководители ремонтно-восстановительной службы, понимали, что во время войны «лечить» боевые машины придется не только в стационарных заводских условиях. И потому еще до вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз я в порядке эксперимента скомплектовал специальную бригаду полевого ремонта. Она обосновалась недалеко от границы и сразу же проявила себя с самой лучшей стороны. Менее чем за полтора месяца ею было восстановлено в полевых условиях 27 танков, нуждавшихся в сложном ремонте.

В субботу 21 июня 1941 года я сам поехал изучать опыт нашей экспериментальной бригады полевого ремонта, по образцу которой мы уже начали комплектовать десятки новых бригад. К исходу дня прибыл на место. Здесь, в непосредственной близости к границе, предгрозовая обстановка чувствовалась, конечно, острее. Но, укладываясь спать, мы, однако, не предполагали, что спустя несколько часов будем разбужены ревом самолетов, зенитной стрельбой и взрывами немецких фугасок. Давно ожидавшаяся война разразилась все-таки неожиданно.

В первую очередь мне предстояло решить вопрос: как быть с бригадой полевого ремонта? Приказать нашим лучшим ремонтникам возвратиться на завод или оставить их на месте и дать указание действовать, сообразуясь с обстановкой? Я принял второй вариант. Так что эксперимент продолжался, но уже в реальных боевых условиях. И он опять оправдал себя. За считанные дни бригада отремонтировала 12 танков, поврежденных на поле боя. С не остывшими еще швами электросварки эти машины снова пошли в бой.

К тому времени сам я уже возвратился на завод. Переступил порог проходной завода и с удовлетворением отметил про себя, что на заводской территории царит прежний образцовый порядок оборонного предприятия.

Прошел в свой кабинет, сел за рабочий стол и привычно нажал на кнопку внутризаводской селекторной связи. Начальники цехов и служб доложили о ходе работ. Голоса их звучали уверенно и спокойно. Пульс завода бился ровно.

Распорядился, чтобы все командиры производства явились в заводоуправление. Пока они собирались, продиктовал машинистке приказ, согласно которому заводская жизнь круто переводилась на военные рельсы: весь наш производственный коллектив разбивался на три ремонтных батальона, значительная часть оборудования перемещалась из цехов в лес, окружавший завод, определялись меры маскировки и охраны заводских объектов от возможных вражеских диверсий. Этот приказ и был объявлен на самом коротком в истории завода производственном совещании.

Заботы военного времени обрушивались на меня одна за другой. Сразу же после совещания начальник отдела кадров положил на мой стол объемистую пачку повесток из военкоматов: многим рабочим, преимущественно имеющим боевые специальности танкистов, предписывалось явиться на призывные пункты. Пришлось обратиться в высокие инстанции с просьбой забронировать основной производственный костяк завода. Просьба эта была удовлетворена. Но тут ко мне вереницей потянулись рабочие, подлежащие призыву. У всех одно желание: на фронт, в бой. Понимая патристические чувства этих людей, приходилось тем не менее терпеливо разъяснять им, что фронт проходит и через территорию нашего завода.

Только за один первый месяц войны завод отремонтировал 180 танков. Это была существенная помощь войскам, отражавшим натиск врага.

Чем дальше, тем все напряженнее становилась жизнь заводского коллектива. Усиливались бомбежки как основных цехов, так и палаточных, но работа там не прекращалась ни днем ни ночью.

Возрастала опасность высадки на заводскую территорию воздушного десанта противника, и рабочие с оружием в руках сами несли охрану каждого цеха, а также патрулировали не только что отремонтированных танках окружающую местность. Официантки из заводской столовой доставляли теперь пищу прямо к станкам и на боевые посты. На военные нужды завода живо откликнулись и семьи рабочих: они взяли на себя изготовление маскировочных сетей.

Вся наша работа жестко контролировалась местными партийными и советскими органами. «Сколько машин дадите сегодня?» — этот вопрос ставился передо мной каждое утро. Справедливости ради должен сказать, однако, что местные власти и помогали нам очень действительно. Они действительно жили жизнью завода. Мы даже оборудовали для их представителей на заводской территории нечто вроде КП — небольшой, но надежно укрытый блиндаж.

В круг наших обязанностей входило не только восстановление поврежденных танков. Мы несли ответственность и за своевременную доставку их после ремонта в войска. А обстановка на фронте была неустойчивой, дислокация наших танковых частей и соединений менялась часто.

Помню, мы получили задание: отправить восстановленные машины под Прилуки, в 8-ю танковую дивизию. Сформировали эшелон. Во главе его поставили очень энергичного и опытного работника — начальника ОТК завода Николая Сергеевича Шлыкова. С большим трудом добрался он до Прилук, а 8-й дивизии там уже не было. Кто-то сообщил Шлыкову, что она переместилась под Полтаву. Начался новый нелегкий рейс. Наконец дивизия была разыскана, отремонтированные машины сданы по назначению и сразу же пошли в бой. Но не успел Шлыков и находившаяся при нем бригада слесарей отправиться в обратный путь, как с поля боя вернулись 17 поврежденных танков. Ремонтникам пришлось задержаться. Из этих 17 танков они восстановили на месте 16. Так бывало не раз.

В августе 1941 года мы получили указание — готовить завод к эвакуации. Рабочие встретили эту весть с горечью. Снова посыпались заявления об откомандировании в войска или хотя бы о включении в состав того небольшого коллектива, который мы оставляли на месте в качестве бригады фронтового ремонта. По соображениям высшего порядка большую часть из этих просьб пришлось отклонить.

Двенадцать железнодорожных составов один за другим отправились в путь. Мы демонтировали и увезли с собой даже краны, почти все вспомогательное оборудование.

Эвакуация нашего завода имела свои особенности. Другие отправлялись далеко на восток и обосновывались там прочно и надолго. Иное дело с нами — восстановителями боевых машин: нас эвакуировали из зоны, которой угрожала временная оккупация, однако мы должны были оставаться недалеко от района боевых действий, чтобы путь поврежденных танков (с фронта на завод) и отремонтированных (с завода на фронт) был как можно короче. Этим ускорялась оборачиваемость боевой техники, а следовательно, и продлевались сроки ее использования на поле боя. Ради этого наш довольно крупный завод четырежды за годы войны переезжал с места на место.

Первоначально мы развернули свои цеха на территории одного из предприятий, вывезенных в глубокий тыл. А тем временем на старом месте продолжала трудиться бригада, располагавшая подвижными ремонтными средствами. И тогда именно там был зарегистрирован феноменальный случай: одна и та же машина Т-34 шесть раз получа-

ла в бою серьезные повреждения, но тут же восстанавливалась и снова вступала в бой.

Родной свой город ремонтники оставили чуть ли не с последним эшелонем. И когда эта героическая бригада прибыла к нам, завод уже работал на полную мощность. Искалеченные танки поступали к нам с нескольких фронтов. Мы восстанавливали их боеспособность и немедленно по 10, 20, 30 единиц отправляли на важнейшие направления.

В октябре главным адресом для отправки отремонтированных танков стало Подмосковье, где ни на час не стихала битва.

Однажды мы получили специальное задание: в кратчайший срок подготовить 45 боевых машин для бригады полковника М. Е. Катукowa. Люди работали на пределе возможностей. При этом не требовалось никакого подстегивания. Официально установленный срок был значительно сокращен.

И вот мы отправляем очередной эшелон. Его, как всегда, сопровождает бригада — Московко, Донец, Котляр и другие. Пункт разгрузки — Кубинка. Туда прибыл и Михаил Ефимович Катукow.

Он спросил наших слесарей:

— Надежные машины?

Те ответили, что сами, мол, бывшие танкисты и за качество ремонта ручаются: привезенные тапки не уступят в бою новым. Будущий маршал танковых войск решил, однако, лично проверить несколько машин. Проверял придирчиво, но изъянов не обнаружил. А через два дня эти танки уже участвовали в атаке, и все сорок пять отлично выдержали испытание.

В ноябре мы направили под Москву еще один крупный эшелон — 60 танков. Бои за столицу достигли к тому времени своей кульминации. Пункт разгрузки, обозначенный в документах, был уже занят противником. Пришлось разгружаться совсем в другом месте, где-то между Ефремовом и Ельцом. В пятнадцати километрах гремел бой. Танки передавались непосредственно экипажам. Ночью они получили боевое крещение, а наутро четырнадцать наших слесарей, обосновавшись в бывшей МТС, уже восстанавливали пострадавшие в бою машины. За пять дней они вернули в строй 18 танков.

В феврале 1942 года последовал приказ о назначении меня в Наркомат обороны на должность начальника Управления ремонта автобронетанковой техники (в 1944 году оно стало именоваться Главным управлением). Об этом периоде своей работы я расскажу позже, а пока продолжу рассказ о танкоремонтном заводе, с которым не порывал связей в течение всей войны.

В том городе, куда я перебазировал его сам, он оставался, к сожалению, недолго. Враг опять приблизился вплотную к заводу. Откровенно говоря, мне страшно было даже думать о новом его перебазировании, но обстановка все настоятельнее требовала этого. И вот по железным дорогам, подвергавшимся массированным бомбардировкам, снова двинулись составы с заводским оборудованием.

Перебазирование было спланировано так, чтобы свести к минимуму время бездействия предприятия. Собственно, полного бездействия и не было. Мы заранее выслали вперед группу инженеров и рабочих, которые подготовили производственные помещения, площадки, подъездные пути. И как только прибыл первый эшелон с оборудованием, начался скоростной его монтаж, а одновременно и ремонт танков. Основные же цеха все еще продолжали отправлять на фронт отремонтированные машины. Оборудование и рабочую силу вывозили оттуда не сразу, а частями. Такая тщательно продуманная система эвакуации сослужила в те дни большую и полезную службу.

На новом месте завод разместился очень разбросанно. Один цех — в каких-то мастерских, другой — в трамвайном парке, третий — под крышей недостроенного промышленного предприятия, четвертый — под открытым небом. Жили рабочие тоже кто где: и на частных квартирах, и в палатках, и даже в каютах пароходов. Никто не жаловался на отсутствие элементарных бытовых удобств, хотя многие ремонтники кочевали вместе с семьями.

Лето 1942 года было для рабочих завода жарким и в прямом, и в переносном смысле этого слова. Нещадный полуденный зной заставлял слесарей, монтажников, электриков на час-два прерывать работу и отлеживаться где-нибудь в тени, завернувшись во влажные простыни. Но сильнее солнца обжигали людей тревожные вести с фронта: фашистские войска двигались по нашим южным степям, нацеливаясь на Сталинград. Поток разбитых танков все увеличивался. От заводского коллектива требовалось удвоить, утроить усилия. И, не дожидаясь конца полуденного перерыва, ремонтники опять становились к станкам, работали сутками, часто вплоть до следующего полудня.

Однажды обстановка заставила заводских рабочих самим преградить путь врагу. Правда, войск здесь у противника было совсем немного. Но и у нас это направление оказалось слабо защищенным.

Бои шли уже близко от расположения завода, когда поступила команда: отремонтировать дополнительно 20 — 25 танков и бросить их навстречу противнику. И вот через прокаленную солнцем степь двинулась танковая колонна в составе двадцати пяти Т-34 и трех КВ. Экипажи их целиком были укомплектованы рабочими танкоремонтного завода.

Жара в степи достигала 50 градусов. Танковая броня обжигала руки. По пути очень редко встречались источники пресной воды. А главная беда — тучи пыли, мельчайшей, вьедливой, проникающей всюду. Машины, которые двигались в хвосте колонны, особенно пострадали от пыли и в конце концов вынуждены были остановиться. Чтобы вернуть им боеспособность, надо было либо ставить новые моторы, либо ремонтировать старые. У остальных машин требовалось немедленно заменить забитые пылью воздухоочистители.

Начальник колонны связался с заводом, завод — с Москвой. И в тот же день из столицы прилетел самолет с партией воздухоочистителей. Танки продолжали свой трудный марш.

Появление наших боевых машин на поле боя было совершенно неожиданным для противника. Он вынужден был отступить и в конечном счете отказался от попыток прорваться здесь.

Пусть в масштабе гигантской войны это всего лишь эпизод. Но рабочие танкоремонтного завода по праву считают его славной боевой страницей своей заводской истории.

На втором месте временного базирования работа продолжалась лишь до октября 1942 года. Здесь удалось отремонтировать и направить на различные участки фронта около 300 танков. Наибольшую долю получили, конечно, защитники Сталинграда. А когда сообщение со Сталинградом стало затруднительным, заводу опять пришлось двинуться в дорогу. Снова понадобилось эвакуировать тысячи и тысячи тонн заводского оборудования.

Немцы держали под контролем своей авиации все дороги. Была на пути завода одна железнодорожная станция, проскочить которую без потерь считалось прямо-таки невозможным. Вокруг нее воронок от авиабомб было столько, что они, сливаясь, образовывали сплошные траншеи.

Но ремонтникам повезло. Лишь один их эшелон немецкие истребители обстреляли с бреющего полета, не причинив особого вреда. Остальным удалось проскочить, когда вражеские самолеты на короткое время рассеяла наша авиация.

На третьем месте временного базирования завод развернулся в самый разгар Сталинградской битвы, и вся его продукция направлялась защитникам волжской твердыни. Чтобы вплотную приблизить ремонтные средства к месту боев, решено было создать подвижной филиал завода. Во главе филиала, насчитывавшего шестьдесят наиболее квалифицированных ремонтников, был поставлен опытный специалист Николай Иванович Василин.

На железнодорожные платформы погрузили автолетучки, станки, запасные агрегаты, и темной октябрьской ночью эшелон тронулся в путь. Места назначения он, однако, не достиг: пришлось разгружаться и дальше двигаться на автолетучках. Под филиал завода отвели пустующее промышленное здание, сильно поврежденное бомбежкой. Ни отопления, ни света, ни воды! Только крыша над головой, да и та дырявая. А фронт предъявлял свои жесткие требования: сразу же стали поступать поврежденные танки. Их надо было срочно восстанавливать.

Трудно обстояло дело и с продовольствием. Во фронтовой зоне продовольственные карточки, выдававшиеся рабочим, отovarивать было негде, а продаттестатов, положенных военнослужащим, ремонтники не имели. Питались очень скудно, нередко жили впроголодь.

Особенно тяжело пришлось экипажам автолетучек, действовавших недалеко от передовых позиций, часто под огнем противника. Если вам, читатель, доведется побывать в Волгограде и посетить памятные места великой битвы, вы непременно услышите от экскурсовода о легендарной семерке слесарей, которая восстанавливала подбитые танки у стен завода «Красный Октябрь».

До недавнего времени экскурсоводы, рассказав о неимоверных трудностях, в каких работала эта семерка, обычно добавляли: «К сожалению, имена героев неизвестны». Теперь такого добавления не делается: имена стали известны. Возглавлял бригаду воентехник 2 ранга Константин Торев. А в числе ближайших его помощников были Илларион Павлович Мовчан и Иван Архипович Белецкий.

Героические дела одной только этой подвижной бригады могли бы послужить материалом для интересной книги. А таких бригад завод имел несколько. Для каждого из тех, кто входил в состав их, автомат, винтовка и граната были таким же привычным «инструментом», как гаечный ключ, молоток, зубило, сварочный аппарат. А потом, когда уже отгремела великая Сталинградская битва, ремонтникам пришлось взять на вооружение еще и миноискатели. Многие научились обезвреживать мины, неразорвавшиеся снаряды и авиабомбы.

Филиал танкоремонтного завода продолжал действовать на том же месте, когда наши войска ушли вперед. Надо было разыскать среди развалин огромного города и в заснеженных степных балках все подбитые машины, отбуксировать их к месту ремонта и постараться вернуть в строй. Уже после разгрома 6-й немецкой армии этот филиал завода отремонтировал 60 танков, главным образом тридцатьчетверок.

Тем временем другой большой отряд ремонтников был направлен в Москву, где тоже скопилось много боевой техники, требующей восстановления. Работы он развернул на территории Монетного двора. А испытывались восстановленные танки на Софийской набережной, на Красной Пресне, на Ленинградском шоссе. И сразу же эти боевые машины следовали к Курску. В период май — август 1943 года туда мы послали более 100 средних и тяжелых танков, отремонтированных на Монетном дворе.

Напряженной жизнью жил коллектив танкоремонтного завода и в следующем, 1944 году. В заводском архиве сохранилась справка «О восстановлении танков на полях боев 1-го Украинского фронта с 3 мая по 15 октября 1944 года». Из нее явствует, что только за этот период завод вернул в строй 647 танков и самоходных артиллерийских установок. Кроме того, им было эвакуировано в тыл страны на переплавку более 700 машин, главным образом трофейных, но частично и наших, не поддававшихся восстановлению.

Как и все на войне, это тоже, конечно, оплачено кровью. Действуя рядом с войсками, заводской коллектив не избежал потерь от вражеского огня.

Осенью 1941 года во время авиационного налета противника бомба попала прямо в цех и унесла жизнь пятерых рабочих. В Сталинграде погибли еще четверо: Очеретянов, Иванусенко, Самодуров, Киселев. На Курской дуге получил тяжелое ранение слесарь Илья Поликарпович Лола. Да разве перечтешь всех!

Не могу, однако, не рассказать здесь о подвиге на поле боя Павла Мартыновича Дембицкого. Отправившись на фронт с очередным эшелонотом отремонтированных машин, он остался в боевом строю

танкистов в качестве механика-водителя. Жене своей Антонине Владимировне, которая с первых дней войны тоже стала работать у нас на заводе слесарем, Павел Мартынович написал: «Иначе поступить не мог». Это было его первое письмо с фронта. А последнее Антонина Владимировна получила в мае 1944 года. На другой день после отправки этого письма старшина Павел Дембицкий был убит. В бою под городом Кременец вражеский снаряд перебил у его танка гусеницу. Павел попытался исправить повреждение. Это ему удалось: гусеница была сращена под огнем противника. Но уже по окончании ремонта Дембицкого сразил осколок снаряда. Вместе с сообщением о гибели старшины Дембицкого на завод был прислан снимок его партийного билета. На снимке отчетливо видна пробоина от осколка и следы крови, делающие едва различимыми строки: «Партийный билет 3238350... Дембицкий Павел Мартынович, год рождения 1906... Время вступления в партию — апрель 1940 года». И наискосок четкая надпись: «Убит 1.6.44г.». Снимок этот хранится на заводе в числе наиболее драгоценных реликвий.

Героизм и трудолюбие ремонтников в годы войны дополнялись неиссякаемым изобретательством, находчивостью, рабочей сметкой, массовым новаторством. Это стало нормой поведения целых коллективов.

В первый год войны на сборные пункты аварийных машин (СПАМы) больше всего поступали Т-26, БТ-7. У этих устаревших танков была слаба броня. Ремонтники по собственной инициативе начали ставить на них дополнительную броню. При этом они сами определили наиболее уязвимые места в танке и прикрывали их понадежнее. Меняя поврежденный двигатель, ремонтники всегда старались поставить мотор помощнее (на те же БТ-7 ставили М-17) и по возможности не бензиновый, который легко воспламенялся, а дизель.

Таким образом, восстановление поврежденных танков незаметно перерастало в своего рода модернизацию танкового парка.

В ремонтных бригадах, особенно подвижных, действовавших в отрыве от основной заводской базы, зачастую не оказывалось под рукой необходимого оборудования, инструмента, не хватало запасных частей. Надо было прямо-таки изощряться, чтобы вернуть изувеченному танку его прежние боевые качества, а порой сделать их и более высокими. Слесари сами мастерили кронштейны, тяги, руководствуясь неписаным правилом: «Кусок железа всегда найдется, распорядились им умело — и тяга к твоим услугам».

Чего только не делали умные рабочие руки! Иной раз у ремонтника лишь противогазная сумка через плечо, а в ней — разводной гаечный ключ, зубило и другие простейшие инструменты, но он бесстрашно берется за работу, требующую сложных приспособлений, и благополучно завершает ее.

Рабочие нашли способ без подъемного крана снимать с танка мотор, весящий более полутонны. Они могли за одну ночь превратить в производственный цех обыкновенный сельский амбар или

мельницу, при отсутствии котельной приспособить для подачи пара обычный паровоз, из десятка буквально растерзанных машин сделать две-три вполне боееспособные.

Танк, собранный, что называется, с бора по сосенке, внешне выглядел не очень привлекательно, но бойцовские его качества были, как правило, безупречны. Рабочая совесть — очень строгий и бескомпромиссный контролер. За войну мы успели забыть, что означает слово «рекламация».

Среди ремонтников у нас были просто чудо-мастера. Вспоминаю сейчас одного из них — Михаила Филипповича Остапца.

Представьте себе самые напряженные дни Сталинградской битвы. От нас требуют восстановленных танков. Хоть десяток, хоть пяток, только скорее, скорее! Мы подготовили к отправке пятнадцать боевых машин. Но все они были слепы: завод не располагал корпусами для телескопического прицела.

Как же быть? Как сделать корпуса? Ведь они должны быть литыми, а у нас нет вагранки. Да к тому же речь идет о стальной конструкции весьма сложной конфигурации.

Инженеры предлагают одно решение, другое, но сами же и отвергают их как несостоятельные. А с фронта — новая телеграмма: «Скорее давайте танки!»

В этот напряженный момент и сказал свое слово наш тихий, скромный слесарь Остапец.

— Давайте попробуем делать не литые, а сварные корпуса, — предложил он.

Многим это показалось чистейшим вздором. Но Михаил Филиппович уединяется, что-то примеряет, прикидывает, подсчитывает и наконец создает свою схему прибора. 48 человек начинают делать детали, монтировать их, сваривать. И вот уже изготовлены первые стеклоблоки. Мы испытываем их. Сомнений нет: они вполне пригодны.

Когда пятнадцать танков, оснащенные прибором Остапца (так мы его назвали), вышли наконец с заводского двора, все кинулись пожимать руку невысокому бледнолицему человеку с пристальным взглядом карих глаз. А он от усталости едва держался на ногах. Попросив разрешения поспать, улегся прямо в цехе, рядом со своим станком, и уснул тут же, как говорят, сном праведника.

Одной из очень серьезных для нас оказалась проблема пополнения инженерно-технических кадров ремонтно-восстановительной службы. Военный инженер-ремонтник должен быть не только специалистом высокой квалификации, но и человеком, обладающим молниеносной реакцией, умеющим быстро принимать смелые технические решения и осуществлять их под огнем противника.

На танкоремонтном заводе, о котором здесь идет речь, равно как и на других подобных ему предприятиях, такие кадры имелись. Но в ходе войны ремонтно-восстановительная служба с каждым днем расширялась, совершенствовалась, приобретала новые формы. Нам

все больше и больше требовалось инженеров. Удовлетворять эту потребность за счет выпускников Академии моторизации и механизации РККА становилось все труднее: молодые инженеры из академии направлялись главным образом в войска. Пришлось ориентироваться на специалистов, окончивших гражданские вузы. И тут мы не ошиблись. На ремонтно-восстановительные предприятия пришли сотни прекрасных инженеров. Многие из них работали по вольному найму, а те, у которых возраст был призывным, получили офицерские звания.

Имелся и еще один источник пополнения ремонтно-восстановительной службы инженерными кадрами — это специалисты, списанные из войск по ранению. В числе их прибыл к нам Андрей Городецкий, потерявший в бою руку. Он прошел у нас путь от рядового инженера до начальника отдела Главного управления. В этом человеке органически сочетались личная храбрость, смелость технической мысли и недюжинные организаторские способности. Возглавляемый им отдел ведал формированием танкоремонтных подразделений. Много раз Городецкий сам сопровождал эти подразделения на фронт, планировал и организовывал их работу. В период Корсунь-Шевченковской операции он получил тяжелую контузию, однако поста своего не оставил, пока не выполнил задания.

Один из наших самых заслуженных инженеров, Александр Анатольевич Брагин, первоначально занимал на заводе скромную должность экономиста и считался вроде бы «кабинетным специалистом». Но потом он стал прекрасным боевым начальником полевой ремонтной группы. Ему удалось в поразительно короткие сроки освоить все тонкости полевого ремонта танков. Имея в составе своей группы 43 ремонтника, Брагин участвовал в Курской битве и с особым блеском проявил себя в грозном танковом сражении у Прохоровки.

С группой Брагина успешно взаимодействовала еще одна наша группа полевого ремонта, возглавляемая кадровым военным инженером Василием Петровичем Супруненко. Этого душевного человека и превосходного организатора производства я всегда вспоминал с большой теплотой.

Были в составе инженеров ремонтно-восстановительной службы и женщины. Среди них выделялась Б. З. Климовицкая. Она окончила авиационный институт, и в начале войны мы пригласили ее на завод как специалиста по дизелям, а летом 1943 года назначили начальником подвижной мастерской по ремонту танковых моторов. Как протекала ее нелегкая служба, Берта Зиновьевна сама рассказала мне уже после войны. Я позволю себе привести здесь этот ее рассказ.

«Однажды мне приказали составить проект подвижной мастерской по ремонту двигателей, — вспоминала Климовицкая. — Я сделала все расчеты, технологическую планировку и сдала проект. Его одобрили. А на другой день меня поставили во главе этой мастерской. Рабочих в ней было шестнадцать человек: четыре мастера, остальные слесари. Установили мы на автомашины станки, погрузили

испытательные стенды и другое оборудование, прихватили необходимые материалы, запасные части и выехали на 1-й Белорусский фронт. В войсках нашу работу быстро заметили и высоко оценили. Нам удавалось возвращать к жизни даже такие моторы, которые считались безнадежными. Дисциплина у нас была строгая, и это воспринималось всеми как насущная необходимость. Помню только один случай, когда вконец переутомленный мастер Душин упрекнул меня в непомерной требовательности. Товарищи тут же резко одернули его. Они знали, что в те напряженные дни каждый из нас спал не больше трех часов, а на мою долю не приходилось и этого. Но при всей строгости дисциплины вид у нас был сугубо штатский. Сама я ходила в пальто, носила вязаную шапочку. В частях удивлялись сначала: что это за женщина такая? С мастерами и слесарями отношения у меня были ровные. Звали они меня по имени-отчеству, но подчинялись беспрекословно. Любопытно отметить, что при мне никто никогда не ругался, не повышал голоса. На ночлег мужчины устраивались обычно по хатам, я же спала в летучке... С 1-го Белорусского перевели нас на 1-й Украинский фронт. Когда я пришла в штаб бронетанковых и механизированных войск и представилась заместителю командующего генерал-майору Орловскому, он очень удивился, что начальником мастерской полевого ремонта танковых двигателей оказалась женщина. Стал расспрашивать, какой ремонт моторов мы в состоянии произвести. Мой ответ, что делаем все вплоть до капитального ремонта, генерал воспринял как бахвальство, но вскоре имел возможность убедиться, что это истинная правда. За относительно короткий срок мы капитально отремонтировали здесь тридцать шесть дизелей».

Как я уже говорил, в феврале 1942 года меня назначили на должность начальника Управления ремонта автобронетанковой техники. Отчетливо вижу перед собой начальника Главного автобронетанкового управления (с декабря 1942 года командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии) Якова Николаевича Федоренко и слышу его требовательный голос:

— К утру подготовьте точные сведения о количестве машин, которые дадут завтра фронту танкоремонтные предприятия.

А я-то при выезде с завода в Москву наивно полагал, что мне здесь будет предоставлено какое-то время для того, чтобы оглядеться, освоиться с непривычной обстановкой и постепенно войти в курс моих новых обязанностей.

Но приказ есть приказ: прямо из кабинета Якова Николаевича Федоренко отправляюсь на узел связи и начинаю поочередно вызывать к телефону или телеграфному аппарату начальников каждой из наших баз. К исходу ночи сводка была составлена, и утром я положил ее на стол Я. Н. Федоренко. От него она пошла в Генштаб, Ставку и ГКО. Такие ежедневные доклады о количестве отремонтированных машин были непреложным законом.

Ремонтно-восстановительная служба со всеми ее предприятиями объединяла многие тысячи людей. Руководить такой махиной оказалось куда сложнее, чем я предполагал.

Превосходно работавший узел связи Генштаба мог выручить далеко не всегда. Это я понял с первых же дней пребывания в новой должности.

Не зря нашему Управлению был придан специальный авиаотряд. Он выполнял одновременно две важные функции, являясь средством оперативной живой связи управленческого аппарата с предприятиями и очень надежным видом транспорта для срочной переброски запасных частей и материалов, необходимых при восстановлении поврежденных боевых машин. На самолете Ли-2 мне и моим заместителям часто приходилось вылетать на различные фронты. При этом самолет всегда до предела заполняли всевозможными техническими грузами. Мы никогда не являлись на наши предприятия с пустыми руками.

Я уже упоминал о том, что ни одна армия мира не располагала такой разветвленной и четко организованной танкоремонтной службой, какая имелаась у нас.

Известно, что танки были главной надеждой вермахта. Гитлер отводил им роль всепокрушающего тарана на пути к мировому господству Германии. Утверждая план «Барбаросса» и делая ставку на блицкриг, он полагал, что те танки, которые пересекут советскую границу, в своем большинстве достигнут рубежей победы.

Но получилось совсем не так. Потери в танках немецкая армия стала нести буквально с первых же часов вторжения на территорию Советского Союза. Группа армий «Юг», например, за тринадцать дней потеряла 40 процентов своего танкового парка. Аналогичная картина наблюдалась и на других направлениях.

Все возраставшие потери заставили немецкое командование задуматься о восстановлении поврежденных машин, о запасных частях и особенно о танковых моторах. Однако такого рода дела в один миг не делаются. Из немецких источников теперь известно, что 4 августа 1941 года, когда Гитлер прибыл в Борисов, где размещался штаб группы армий «Центр», его прямо-таки ошеломили доклады Гудериана и Гота. «Вторая танковая армия, — докладывал генерал-полковник Гудериан, — остро нуждается в пополнении... Для продолжения операций требуется 70 процентов новых моторов». В ответ на это Гитлер вынужден был сказать: «Требуемого количества моторов предоставить сейчас нет возможности». Это заявление последовало всего лишь через сорок три дня после того, как гусеницы немецких танков впервые коснулись советской земли!

Авантюристическая идея блицкрига исключала необходимость заблаговременной подготовки Германии к восстановлению ее танкового парка в ходе боев. Пагубно отразилась она и на самой конструкции боевых машин. Танки вермахта обладали высокой маневренностью и скоростью, но у них слабы были броневая защита и вооружение. Скажем, Т-III развивал скорость до 60 километров, и гитлеровские генералы считали это главным его достоинством, гарантировавшим

якобы вермахту стремительность маршей по просторам России. Однако на этих просторах они сразу же встретились с более совершенными боевыми машинами. Наш Т-34, почти не уступая в скорости немецкому Т-III, вооруженному 37-миллиметровой пушкой, обладал более мощной броней и имел на вооружении 76-миллиметровую пушку, позднее замененную 85-миллиметровой. Тяжелый же танк КВ был защищен еще надежнее, вооружен еще лучше и отличался хорошей проходимостью.

Бывший начальник штаба 4-й немецкой полевой армии Г. Блюментрит расценивал это как «очень неприятный сюрприз».

И все-таки в начале Великой Отечественной войны нам пришлось очень тяжело. На вермахт работала не только немецкая промышленность. Он пополнял свой танковый парк и за счет оккупированных стран Западной Европы. Что же касается наших танковых заводов, то часть из них оказалась на колесах, в пути на Урал и в Сибирь. Требовалось время, чтобы они смогли дать войскам необходимое количество новой техники.

«Поздно вечером 4 декабря,— вспоминает Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, командовавший в ту пору Западным фронтом,— мне позвонил Верховный Главнокомандующий и спросил:

— Чем еще помочь фронту, кроме того, что уже дано?

Я ответил, что необходимо получить поддержку авиации резерва Главнокомандования и ПВО страны, и снова попросил хотя бы две сотни танков: без них фронт не может быстро развивать контрнаступление.

— Танков пока нет, дать не можем,— сказал, как и в наш предыдущий разговор, И. В. Сталин.— Авиация будет...»

Речь шла всего о двухстах машинах! Но даже Верховный Главнокомандующий не располагал этим. Надо ли говорить, какое огромное значение приобретали в этих условиях ремонтно-восстановительные работы?!

В ходе войны наша танкоремонтная служба все время развивалась и совершенствовалась, становилась все более мобильной. Чем дальше, тем чаще к названиям ее подразделений и предприятий стало прибавляться слово «подвижная» или «подвижной»: подвижная бригада, подвижная мастерская, отдельная подвижная рембаза — ОПРБ и даже подвижной завод — ПТРЗ.

Одной из лучших считалась у нас 15-я ОПРБ. Сформировалась она на исходе лета 1941 года в совхозе «Отрадное» Воронежской области. В составе ее оказались слесари и токари с воронежских промышленных предприятий, кантемировские трактористы и комбайнеры, росошанские шоферы. Во главе базы был поставлен способный военный инженер Дмитрий Васильевич Васин. Он хорошо организовал скоростное обучение людей новому для них делу, удачно расставил наличные силы. База состояла из нескольких бригад монтажников, группы специалистов по регулировке танковых двигателей и взвода, занимавшегося ремонтом вооружения и электрооборудования.

Первоначально 15-я ОПРБ обслуживала войска, действовавшие на рубеже Орел — Харьков. Из Плавска она отходила с последними нашими подразделениями: как только ее грузовики переправились через реку, мост взлетел на воздух.

Еще труднее пришлось 15-й ОПРБ под Тулой. К моменту ее перебазирования в этот район там создалась тяжелейшая обстановка. Танки Гудериана подошли к самому городу. Тула оказалась, по существу, во вражеском полукольце. Немцы нещадно бомбили город с воздуха, вели по его улицам сильный артиллерийский огонь.

Рембаза разместилась в цехах эвакуированного завода НКПС. Не успела она развернуть на новом месте свое оборудование, как тягачи подтащили первую партию искалеченных танков. С этого часа и началась круглосуточная работа.

За стенами цехов рвались бомбы и снаряды, в цехах свирепствовал мороз, достигавший по ночам 40 градусов, однако никто не оставлял своего рабочего места.

Сдавали в войска десяток отремонтированных танков, а на заводском дворе тем временем ждали своей очереди уже другие 20 — 25 аварийных машин самых различных марок — начиная от БТ-7 и кончая английскими «валентайнами». Это создавало дополнительные трудности в процессе ремонта.

15-я ОПРБ стала неотъемлемым звеном в обороне Тулы. Ее деятельность находилась под строгим контролем и военного командования и партийного руководства. Секретарь обкома партии Василий Гаврилович Жаворонков помогал базе материалами, прикомандировал к ней лучших тульских слесарей.

Весной 1942 года начальник 15-й ОПРБ получил задание: срочно восстановить материальную часть 8-й танковой бригады, понесшей тяжелые потери при освобождении Калуги. В бригаде сохранилось только восемь исправных машин, остальные застряли в окружающих Калугу лесах. Добраться до них, казалось, невозможно. Лесные дороги, размытые бурным весенним паводком, стали совершенно непроезжими.

Васин собрал рабочих на совет: что делать? Решили сформировать из летучек и тракторов нечто похожее на железнодорожный поезд. Впереди поставили трактор «Ворошиловец», за ним — две летучки, потом — машину со сварочным агрегатом, еще одну летучку и, наконец, второй трактор — «НАТИ». Получилась монолитная колонна.

Для всех машин установили единую скорость движения — 12 километров в час. Одновременно включили двигатели. И то, что немислимо было преодолеть отдельным машинам, преодолел караван. Если какая-то из машин начинала чуть-чуть буксовать, ее тут же тащили вперед и подталкивали сзади другие. За четыре с половиной часа этот необычный караван достиг места назначения.

Теперь предстояло вытянуть поврежденные танки из болотной хляби. Стали мастерить из бревен специальные площадки. Тут же в лесу сделали навесы, смонтировали под ними оборудование, поставили станки. И боевое задание было выполнено в срок.

По многим фронтам прошла 15-я ОПРБ. Последний из танков, поврежденных в боях, она восстанавливала уже на территории Германии.

А теперь — о подвижных танкоремонтных заводах.

Это не то, что, скажем, завод, о котором речь шла выше. Он, конечно, тоже передвигался, но в принципе оставался стационарным предприятием.

Что же касается ПТРЗ, то это — дитя военного времени, 1943 года рождения. Завод без крыши и стен, но с довольно мощными цехами: механическим, хромировочным, термосварочным. Кроме того, на каждом ПТРЗ имелись походная лаборатория с разнообразной аппаратурой и приборами, несколько электросиловых установок, подъемные краны, испытательные стенды.

Несмотря на относительную громоздкость своего хозяйства, предприятия эти отличались высокой маневренностью. Для перемещения в радиусе 100 километров им было достаточно двух-трех дней, причем ремонт танков в это время не прекращался.

Один из таких заводов действовал в районе Кантемировки, Богу-чар, Миллерова, Россоши. Здесь, на обширной придонской равнине, вдоль дорог, по лощинам и балкам, охваченным весенним разливом, застряли сотни боевых машин. Нужно было разыскать каждую из них. Затем сгруппировать, хотя бы по 8—10 в одно место. А время не ждало: командование поставило заводу четкую задачу — ежемесячно вооружать восстановленной техникой не менее танкового полка. И рабочие из месяца в месяц, несмотря на все трудности, выполняли это требование. Случалось, что в течение месяца вооружали танками даже по два полка.

Очень важно было наладить в полевых условиях ремонт дизелей. Наладили! Для этого были приспособлены трофейные сборные бараки. Процесс ремонта строился по принципу, освоенному в стационарах, — с разделением на операции при поточном методе сборки. Запчасти для дизелей — поршни, поршневые кольца, вкладыши шатунов — доставлялись самолетами из Москвы. В итоге дизельный цех стал ремонтировать ежемесячно не менее пятидесяти двигателей.

Разборные бараки переезжали вместе с заводом и в Днепропетровск, и в Кривой Рог. Всегда перевозилась и узкоколейка, которая прокладывалась вдоль дизельного цеха. По ней двигались тележки со стендами, и, таким образом, осуществлялся высокопроизводительный поточный метод монтажа двигателей.

Только в Кантемировке подвижным танкоремонтным заводом было восстановлено и передано войскам 3-го Украинского фронта 350 танков. Эти боевые машины двинулись дальше на Запад, продолжая разить врага. На одной из них мне показали отметку, свидетельствовавшую, что свою вторую жизнь она обрела еще в битве под Москвой, а вот теперь, воскресшая в третий, может быть, даже в четвертый раз, шла к самой границе, и огонь ее был таким же разящим, как зимой сорок первого где-нибудь под Волоколамском.

Тут мне хотелось бы сказать несколько сердечных слов об эвакуаторах танков. Не просто вынести с поля боя раненого человека. А как-то вытащить из-под вражеского огня пятидесятидвухтонную машину! Бывало, что с этим справлялись два-три смельчака. Но иногда для эвакуации танка приходилось предпринимать бой силами стрелкового подразделения с участием саперов, минометчиков, артиллеристов, танкистов.

На фронте часто можно было слышать слово «дефектация», что означало определение технического состояния поврежденного танка, установление дефектов, приобретенных им в ходе боя. Но танк-то находился порой в нескольких десятках метров от позиций противника, который огнем прикрывал подступы к поврежденной машине, намереваясь либо уничтожить ее, либо перетащить к себе. В этом случае дефектация проводилась с риском для жизни.

Среди эвакуаторов было много бесстрашных людей. Мне запомнился поразительно спокойный человек по фамилии Гончаров (имя, к сожалению, запамятовал). На своем выдавшем виды тягаче он вытаскивал с поля боя 211 танков!

Война длилась четыре года. На протяжении всего этого времени шло состязание воюющих сторон в модернизации танковой техники. Ремонтники должны были самым пристальным образом следить за малейшими изменениями в конструкции и вооружении боевых машин. И уж кто-кто, а мы-то умели понять, чего стоит любая модификация, и оценить ее!

Летом 1942 года Гитлер настоятельно потребовал от своего рейхсминистра вооружений Шпеера усилить танковую броню. К лету 1943 года у немцев появились танки T-V — «пантера», T-VI — «тигр» и штурмовые (по-нашему — самоходные) орудия — «фердинанд». Конструкторы этих моделей увеличили толщину брони до 200 миллиметров и вооружили их более мощными пушками. Однако новые боевые машины имели неудовлетворительную весовую характеристику, чем понижалась их маневренность. Немцам не удалось разрешить задачу гармонического сочетания силы огня и прочности броневой защиты с подвижностью и проходимостью. Не изменилось положение и с появлением на полях боев шестидесятивосьмитонного «королевского тигра» (T-VI-B). До самого конца войны противник так и не смог превзойти нас по качеству танков.

Мы не только сохраняли качественное превосходство, но и стремительно наращивали темпы производства, давали действующей армии все больше и больше боевых машин. В течение 1943 года наша промышленность произвела 24 100 танков, в том числе 16 500 тяжелых и средних. С этого времени уже и количественный перевес оказался на нашей стороне.

Об очень многом говорят и такие две цифры: промышленность Германии и заводы оккупированных ею стран Западной Европы в 1942—1943 годах выпустили 18 200 броне-единиц, а у нас за этот же срок было произведено 48 500 танков и самоходных орудий.

Однако широкое оснащение советских войск усовершенствованными боевыми машинами отнюдь не снизило значения ремонтно-восстановительных работ. Наоборот, от ремонтников потребовалась еще большая интенсификация труда.

Начиная с лета 1943 года боевое применение танков приобрело небывалый размах. Одновременно значительно возросла мощь противотанковых средств. Эти два обстоятельства вызвали увеличение потока аварийных машин и определили дальнейшее развитие танко-ремонтной службы. Не случайно именно в 1943 году вступили в строй мощные подвижные ремонтные заводы. Не случайно и то, что в начале 1944 года Управление ремонта автобронетанковой техники было преобразовано в Главное управление.

Во время широких наступательных операций ремонтники активно помогали танковым частям и соединениям сохранять боеспособность. Например, в период операции «Багратион» только на бобруйском направлении нами были сосредоточены средства, способные восстановить до ста танков в сутки. А в целом 1-й Белорусский фронт имел тогда мощный подвижной танкоагрегатный завод, пять армейских ремонтно-восстановительных батальонов, шестнадцать подвижных баз, семь эвакуационных рот, один эвакуотряд.

Стоит также вспомнить переход наших танков и механизированных соединений через Карпаты и Трансильванские Альпы. Машины двигались при сильной жаре на высоте до двух тысяч метров над уровнем моря. На пути их были крутые подъемы и спуски, резкие повороты, отвесные скалы с одной стороны и обрывы с другой, узкие мосты через глубокие ущелья. Все это потребовало от ремонтников исключительной мобильности. Они тщательно следили за каждой боевой машиной и старались на ходу устранять малейшие неисправности.

Боевые действия в Заполярье в октябре 1944 года также памятливы ремонтникам. Край вечной мерзлоты, густая сеть рек, большие и малые озера, бесчисленные валуны. Немцы считали, что в арктической зоне применение танков исключено. Но наши КВ действовали здесь отлично. 150 километров, пройденные ими с боями, — выдающийся успех не только танковых экипажей, но и тех, кто готовил машины к этому труднейшему походу, тех, кто затем ремонтировал их.

В январе 1945 года 1-я гвардейская танковая армия под командованием генерала М. Е. Катукова прошла за семнадцать суток по территории Польши, а затем Германии около 700 километров, и все это время с нею следовали ремонтники, обеспечивая немедленное восстановление материальной части. Прекрасно справились они со своими нелегкими обязанностями и во время знаменитого рейда двух наших танковых армий от Берлина до Праги в мае того же года. Несмотря на то что у значительной части танков моторесурсы были уже на исходе, а то и вовсе выработаны, танковые соединения прибыли к месту назначения в боеспособном состоянии.

Огромный опыт, накопленный ремонтниками в борьбе с гитлеровской Германией, был с успехом использован и в единоборстве с Квантунской армией на территории Маньчжурии. Там имелись свои

сложности. Наша 6-я гвардейская танковая армия совершила беспримерный марш через пустыню Гоби, преодолела горный хребет Большой Хинган. 300 километров шли танки шестью параллельными маршрутами через безводные пески при сорокапятиградусной жаре. Пыль стояла стеной. Для сбережения двигателей требовалось каждые три-четыре часа промывать фильтры. У многих машин пришлось на марше заменять ходовую часть. И все-таки в назначенный район танковая армия прибыла в срок с исправной материальной частью.

И на этом марше, и в последующих боях действия танков обеспечивались мощными ремонтно-эвакуационными средствами, направленными на Дальний Восток заблаговременно. Командование по заслугам оценило тогда четкую работу танкоремонтных батальонов, подвижных ремонтных заводов, эвакуационных подразделений.

Действуя рядом с танковыми частями, ремонтно-восстановительная служба так же, как и они, мужала и крепла от боя к бою, от сражения к сражению. Я не располагаю точными цифрами, характеризующими ее работу в первый год войны. Но уже в 1942 году в полевых условиях было восстановлено 75 процентов от общего числа танков, поврежденных при выполнении боевых заданий. В 1943 году этот показатель возрос до 81,7 процента. В 1944 году число восстановленных машин достигло 84,5 процента, а в 1945 году (по данным за четыре месяца) — 91,8 процента. Практически получается, что из каждых десяти боевых машин, подбитых или подорванных врагом, восемь-девять тут же восстанавливались и возвращались в строй. Не случайно фашистская газета «Фелькишер беобахтер» писала, что советские танковые и механизированные соединения «кажутся гидрой, у которой все время появляются новые головы».

Когда я взялся писать эти заметки, у меня появилось непреодолимое желание встретиться с теми, кто делил со мной тяготы первого года войны. Откровенно говоря, надежд на такие встречи было немного. И тем приятнее, что они все-таки состоялись.

Мне удалось встретиться с неразлучными друзьями из легендарной сталинградской семерки Илларионом Павловичем Мовчаном и Иваном Архиповичем Белецким, слесарями-монтажниками высшей квалификации. Они тогда еще работали.

— Собственно, мы могли бы уже идти на пенсию, да трудно как-то, — сказал Илларион Павлович. — Работа пособляет нам жить. Другие, может, и не сознают этого, а мы с Иваном Архиповичем убеждены...

Белецкий поддержал его кивком головы. Он, как всегда, был молчалив и застенчив. Стоял ссутулясь, не зная, куда деть свои большие натруженные руки, морщил лоб, и без того прочерченный глубокими морщинами. В нем по-прежнему угадывались внутренняя сила и надежность. Такие люди стареют не спеша, долго не поддаются ни годам, ни невзгодам.

Увиделся я и с Егором Степановичем Котляром, нашим контрольным мастером. Волосы его уже поседел, однако оставались густыми, как и в былые времена, голос стал глуше, но чувствовалась в нем

все та же котляровская твердость. Сказал ему об этом. Котляр довольно рассмеялся:

— Уж чего-чего, а твердости мне не занимать. Потому, видно, вы и норовили все время посылать меня в качестве сопровождающего с очередным эшелоном готовых танков.

Он вспомнил об одной такой поездке:

— В сорок втором дело было. Вез я на фронт двадцать пять машин. Прибываем в Воронеж, а там светопреставление — гитлеровцы бомбят станцию нещадно. Загнали мой эшелон в тупик. Я — к коменданту, требую отправки. Он и слушать не хочет: видишь, мол, что творится. А я свое гну: отправляй — и никаких, иначе спущу один танк с платформы и разнесу твою комендатуру вдребезги. Не знаю, чем бы все это кончилось, если б не вмешался какой-то военный, званием старше коменданта. Через десять минут дали нам «зеленую улицу». Перед рассветом добрались мы до какой-то маленькой станции и опять угодили под бомбежку. Рельсы впереди покорежило, паровоз у нас разбило. Взялись мы с напарником вдвоем разгружать платформы. Приставим шпалы, спустим по ним танк — и в лесок его. Так, платформу за платформой, и разгрузили весь эшелон. Танки спасли и сами целы остались...

Разыскал я и еще двоих ветеранов: Иллариона Васильевича Донца и Степана Ивановича Московко. Похожи они друг на друга, как родные братья, — плотные, ладные, хотя ростом и невелики. Трудно поверить, что им уже за шестьдесят.

А потом меня нашел Павел Григорьевич Молотков. Он еще до войны стал коммунистом. Всегда первым вызывался на работу в подвижных бригадах полевого ремонта, считая своей единственной привилегией как коммуниста быть поближе к фронту.

Когда наш завод начал свои военные странствия, один из рабочих, Иван Кебкал, взял с собой четырнадцатилетнего сына Женю. Хорошо он мне запомнился, этот худенький, прямо-таки прозрачный от систематического недоедания, но безотказный в любом деле паренек. Сначала Женя держался возле отца, потом начал работать самостоятельно, и все смелее, увереннее. Отец его неожиданно заболел и умер. Женю Кебкала усыновил завод. Он выучился на слесаря, освоил танковое вооружение, сам стал устанавливать в башнях танков пушки и пулеметы. В шестнадцать лет сделался бригадиром. После войны получил образование, был мастером, начальником цеха. Евгения Ивановича Кебкала ветераны и сейчас зовут «наш Женя».

Порадовала меня встреча и с Павлом Артемьевичем Остапчуком, которому довелось во время войны ремонтировать последний свой танк в самом центре Берлина, в нескольких кварталах от рейхстага. Увиделся я и со многими другими ветеранами — Михаилом Макаровичем Тимошко, Петром Дмитриевичем Zubовым, Василием Сидоровичем Вихренко, Николаем Антоновичем Монахом, Александром Израилевичем Гольбергом, Сергеем Дмитриевичем Стрельцовым. Все они, мои друзья — ветераны танкоремонтного завода, одержимы одним стремлением — приносить как можно больше пользы народу, обществу. Такими людьми богата и сильна наша Родина.

Автор воспоминаний генерал-майор Александр Иванович Сорокин в годы Великой Отечественной войны был главным редактором — заместителем начальника Военно-Морского издательства.

А. И. Сорокин — автор монографии «Оборона Порт-Артура». Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды и многими медалями.

В своих воспоминаниях он рассказывает о работе коллектива Военно-Морского издательства в годы Великой Отечественной войны, о своих встречах с писателями-маринистами.

Читатели узнают о том, как работники издательства своим самоотверженным трудом вносили вклад в победу советского народа и его Вооруженных Сил над немецко-фашистскими захватчиками, снабжая сражающийся флот разнообразной военно-морской литературой, которая нужна была так же, как оружие и боеприпасы, как хлеб и обмундирование.

СТРОКИ ПОБЕДЫ

(Из дневника издателя)

1941

22 июня

Война с фашистской Германией была неизбежной. Это знали все. Но вряд ли кто предполагал, что она вспыхнет так скоро.

...Издатели собрались после полудня, прослушав выступление по радио В. М. Молотова. Состоялся митинг, на котором начальник издательства бригадный комиссар Найда призвал жить и работать по-военному. Единодушно приняли клятву: отдать все силы и знания Родине, действующему Военно-Морскому Флоту.

Не расходились до полуночи. Найда сидел у телефона в ожидании указаний из Москвы, а там, в наркомате, естественно, было не до нас.

Начали работать по мобилизационному плану. Чистили от ненужного портфели, составляли новые графики очередности выпуска литературы...

В нашей Адмиралтейской типографии настроение полиграфистов боевое. На митинге выступил участник боев на Карельском перешейке печатник Федоров. Ему долго аплодировали: «бумажник Гриша» заявил: повстречай он коричневого Гитлера на узенькой дорожке — злобный кровосос превратится в макулатуру.

24 июня

Сегодня последовал приказ: вне всякой очереди, молнией, печатать таблицы стрельб для морской и береговой артиллерии.

25 июня

В кабинете начальника собрались писатели Борис Лавренев, Александр Зонин, Борис Соловьев, Григорий Сорокин, Николай Чуковский, Юрий Инге, Григорий Мирошниченко, Всеволод Азаров, Сергей Кудрявцев-Скайф, Сергей Абрамович-Блек и другие. У всех на устах один вопрос: что делать? «Немедленно на корабли и форты! — призывал возбужденный Лавренев. — Есть слухи: Всеволод Вишневский опередил нас и уже в Кронштадте, а возможно, и на море». «Толковые речи приятно слышать, — отзывался шумливый Мирошниченко. — Я готов в любую минуту выехать в Таллин». «Промедление смерти подобно!» — это Зонин. «Поспешишь — моряков насмешишь, — возражают ему. — Надо разобраться в обстановке, а потом и в колокола бить».

Само собой перешли на фронтовые темы. Официальные сводки лаконичны и горестны, а слухи в городе самые невероятные. Долго не расходились: спорили, предполагали, сочиняли, отмечали на географической карте флажками пункты, упоминаемые в сводках Советского информбюро, и, конечно, «каждый мнил себя стратегом»...

27 июня

Сводки информбюро все тревожнее. В войну против нас вступила Румыния и снова — Финляндия. Похоже, как и в годы гражданской войны, на нас навалится вся мировая реакция. Но ныне не двадцатые годы и мы не лыком шиты!

30 июня

— Я, собственно, забежал попрощаться! — произнес лейтенант Алексей Лебедев.

У него миловидное девичье лицо, в зубах трубка для солидности. Лейтенант взволнован, говорлив.

— Писать ли на войне стихи? Какие? Стихи — оружие проверенное. Стихи — цемент для нравственной силы, а она — разум, который решает, она — воля, которая исполняет, она — мужество, презирающее смерть... Извините за философствование. Уходим в море! Услышите добрые вести, — пообещал Лебедев — штурман подводной лодки — и откланялся.

Слухи о парашютистах и диверсантах ползут по городу. Наш редактор Миша Брамм в толстоносом и рыжевatom, с подозрительно пухлым портфелем, человеке усмотрел диверсанта и преследовал его на трамвае от Марсова поля до «Путиловца». Подозреваемый

рассвирепел, разразился проклятиями во всех праведников — оказался бывшим матросом...

Наши первые выстрелы по гитлеровцам: издали три листовки. Инициативу одобрили в горьком партии.

Прочитал и подписал в набор и в печать брошюру «Славные дела балтийцев в войну 1914—1917 гг.». Пока нет нового материала, нужно брать на вооружение историю: бивали мы врагов в старину — побьем и теперь!

Приходил Евгений Викторович Тарле. Несмотря на годы, академик бодр и горит желанием внести лепту в дело победы над врагом. Вручил мне рукопись «Две отечественные войны». В издательстве готовится к печати 1-й том его капитального научного исследования «Крымская война».

— Дипломатически гитлеровский рейх войну уже проиграл, — говорил глуховатым голосом. — Вопрос времени, когда будут сокрушены физические силы агрессора. Это, на мой взгляд, произойдет не так скоро, как бы хотелось. Надо иметь в виду: наши союзники, в том числе и потенциальные, станут крутить волю хвост. Война — бизнес, и, чем она длительнее, тем для бизнесменов выгоднее.

Академик торопился и перешел на житейский фронт:

— В городской сберкассе выдают только по двести рублей, а для поездки в Москву, приглашают, нужна хотя бы тысяча.

Пока в бухгалтерии оформляли денежные документы, Евгений Викторович рассуждал о текущих событиях и с появлением кассира подвел черту:

— Русские пруссаков всегда бивали. То же случится и теперь.

2 июля

Совещались о перестройке работы партийной организации. Решили: личный пример коммунистов и индивидуальная работа каждого члена партии с каждым беспартийным — сейчас главное и основное.

Занимался организацией бомбоубежища. Дело не моей профессии, сложное, требует специальных знаний.

— Не боги горшки обжигают! — утешил редактор по военноморскому делу, а по совместительству командир МПВО нашего объекта, капитан 1 ранга Жуков.

3 июля

Сегодня выступил по радио И. В. Сталин. Все слушали с огромным вниманием. Потом в издательстве и типографиях состоялись митинги. Люди воспрянули духом. Началась запись в народное ополчение.

К концу дня 30 тысяч книжек с речью И. В. Сталина сдали в экспедицию для немедленной рассылки на корабли и в части флота.

Автор известной книги «Юнармия» Григорий Мирошниченко — самый жизнерадостный из ленинградских писателей, призванных на флот. Его заветная мечта — отобразить художественными средствами боевую деятельность морских летчиков-балтийцев.

— Но книги, — говорит, — в перспективе, а сейчас — оперативная работа в периодической печати, непосредственное общение с краснофлотцами и командирами. Еду в Таллин, к Всеволоду Вишневскому.

Редактор Григорий Сорокин рассуждает:

— Кое-кто из деятелей искусства и литературы не может прийти в себя. Им годами твердили, что своей земли и вершка никому не отдадим, а теперь отдаем не вершками. Людей, живущих больше чувствами, чем рассудком, это сбilo с толку. Одни сидят на чемоданах и взирают на географическую карту с мыслью, куда податься — в Сибирь, на Кавказ или в Среднюю Азию. Есть и такие, которые выжидают, а что будет дальше... Но большинство идут в народное ополчение, а кто помоложе — призваны в армию и на флот. Они, кто выдержит испытания войны и уцелеет, познают фронтовую жизнь, понюхают вдоволь порошу — напишут повести, романы, поэмы, создадут симфонии, кинокартины, художественные полотна, достойные народного подвига.

Григорий Эммануилович Сорокин — человек большой культуры, думающий. Работает у нас уже два года. Под его редакцией изданы пять томов «Морских рассказов» Константина Михайловича Станюковича. Получив воинское звание капитана административной службы, Гриша настойчиво изучает Корабельный устав.

Редактор художественной литературы Борис Соловьев — свидетель и участник войны с финнами, поэт по призванию — написал свой первый роман «Герой Советского Союза». Читал рукопись далеко за полночь. Сделано вполне профессионально. Подписал в набор.

Разослали на флоты и в береговые части справочники «Силуэты немецких самолетов» и «Силуэты немецких кораблей». Издать их следовало по крайней мере за полгода. Ведь готовили Вооруженные Силы к войне, да и вероятный противник был известен! В прочете вниман штабников.

— Оторванность некоторых больших штабов от войск и флота в мирное время теперь сказалась со всей силой, — подытожил спор на эту тему контр-адмирал Владимир Петровский (он же писатель Кнехт, автор романа «Страна на замке»).

Проездом из Москвы на Балтику в издательстве ночевал бригадный комиссар Даниил Корниенко — олицетворение олимпийского спокойствия. Настроен, однако, архивоинственно, вооружен трофейным немецким автоматом и финским ножом. Мы обрадовались гостю:

уж он-то в курсе войны хотя бы на море. Утром, когда бригадный брился, я спросил:

— Как дела?

— Кричать «да здравствует» рановато, а «караул» — преждевременно. Остальное тебе, политработнику, должно быть ясно. Будь здоров!

17 июля

Капитальное издаем пока «из истории» — подписал в печать брошюру капитана 1 ранга Озаровского «Германские потери на море от действий русского флота в 1914—1917 гг.».

Полезная будет книжка: русский флот на Балтийском театре сильно уступал немецкому, тем не менее нанес ему неизмеримо больший урон, чем понес сам. К примеру, в 1915 году балтийские моряки потопили 33 немецких боевых корабля и 26 транспортов. В сентябре 1917 года в Моонзундском сражении, несмотря на многократное превосходство врага (11 дредноутов, 9 крейсеров, 56 миноносцев, 56 эскадренных миноносцев и 6 подводных лодок против 2 старых броненосцев, 3 крейсеров, 31 эскадренного миноносца), революционные моряки подорвали на минах 3 дредноута, 10 миноносцев и не пропустили ни одного неприятельского корабля в Финский залив.

Боевые традиции отцов унаследовали сыновья. Под ударами советского Военно-Морского Флота фашистские пираты на море найдут свой бесславный конец. Начало уже положено: по официальным сведениям, 13 июля надводные корабли, морская авиация и береговая оборона Краснознаменного Балтийского флота разгромили караван врага в Рижском заливе — потоплено два миноносца, более десяти транспортов с войсками и снаряжением и баржа с танками. В бою особенно отличились катерники под командой лейтенанта Владимира Гуманенко, уничтожившие миноносец, четыре транспорта и баржу...

3 августа

Подвели первые итоги работы издательства в военное время: выпустили в свет 129 названий книг — 1500 тысяч экземпляров!

Никогда не читал столько рукописей и версток. Читаю «от сна восстав» и до полуночи. Массово-политическая литература идет потоком. Обстановка быстро меняется, на флоты поступает новая техника, а с нею и наставления, инструкции, программы, методики, таблицы, альбомы и схемы. Все — молнии.

Оторвался от жизни города и сегодня, слушая сестру жены, работницу оборонного завода, очнулся. Завод, это невероятно, в течение трех дней был поставлен на колеса и увезен на восток. Другие оборонные заводы тоже эвакуированы или же спешно демонтируются.

Неужели Ленинград в опасности?

Академика Алексея Николаевича Крылова после упорного словесного сопротивления (не желал отступить перед немцами) эвакуировали куда-то на Волгу. Он частенько к нам заходил, интересовался издаваемой литературой, советовал, беседовал с редакторами, рассказывал прелюбопытные истории.

На третий день войны я случайно увидел маститого ученого втиснувшимся в оконце пропускного пункта. Краснофлотец, выписывавший пропуска, говорил:

— Отец, я пятый раз по-русски повторяю: на вас нет вызова, и я не имею права выписать пропуск.

— Но я же, мой милый, Крылов.

— Ну и что, что вы Крылов, я вот Воронов! Освободите, папаша, окно от вашей бороды!

— Так я, матрос Воронов, Крылов, тот самый, который...

Когда я взял под руку старца и мы пошли, он сказал:

— За границей узнают по бороде, а тут флотские, нашенские, не признают! — Академик не на шутку расстроился и с трудом добрался до третьего этажа.

В редакторской Алексей Николаевич оживился. Зашла речь о подписании соглашения с англичанами о совместных действиях в войне против Германии. Ученый обрушился на Чемберлена и Черчилля. С ними, с англосаксами, переговоры надо вести жестче, напористее, говорил он.

— Как бывало в истории, — шумел Крылов, — а история — хороший учитель. Я еще в двадцатые годы рассказывал в Лондоне нашим дипломатам, как Иван Васильевич Грозный, государь, вел дипломатическую переписку с английской королевой Елизаветой. В послании к ней он сообщал нужды своего государства. Королева ответила, что согласна заключить торговый договор, и предложила условия. Грозный, человек зело нервный и прямой, возмутился и начертал: «Я тебе писал о своих государственных нуждах, а ты мне отвечаешь о нуждах твоих торговых мужиков. Ну, не пошла ли ты дура!» Или вот Петр Великий. Послал он в Константинополь дьяка Украинцева для ведения переговоров по азовским делам. Там собрались дипломаты многих стран, в том числе и английский. Сей посол, выступая, обругал царя. Украинцев в связи с этим донес в Петербург, что английский дьяк изливал хулу на его величество Петра и он, верноподданный государя, лаял англичанина матерно. Петр был превелико доволен и ставил поведение Украинцева в пример другим своим дипломатам. И еще из истории. Во времена Екатерины английские правители без должного основания объявили Англию «владычицей морей» и потребовали, чтобы суда всех стран отдавали почтение английским кораблям при встрече спусканием флага до недозволенного морскими правилами и традициями. В ответ Екатерина повелела русским капитанам: ежели англичане потребуют спуска флага, бить их из пушек.

Так в старое время отстаивалось достоинство России. Я думаю, и в наши дни, если кто посмеет не считаться с нами и попирает наше советское достоинство, то такого, ей-богу, не грешно не только облаять, а и по мозгам дать,— заключил академик успокоенно.

Заглянул «на часок» Алексей Силыч Новиков-Прибой. Из-за преклонных лет его не призвали в действующий флот.

— Врачи лезут в личную жизнь,— ворчал он,— режим, говорят, соблюдайте. Иначе грозят костлявой. Писемский говаривал: умереть, мол, не боюсь, боюсь того, что какой-нибудь щелкопер на другой день состряпает обо мне в газету статейку, наврет с три короба да еще и гонорар получит. Вот такого я тоже побаиваюсь.— Силыч хитро-хитро смеется.

— Разрешите, Алексей Силыч, записать в дневник ваш монолог?

— Ведушь? Хвалю. Пиши, брат, пиши. Только что ты увидишь из кабинета? Как бы не случилось так, что ты начнешь заниматься самоковырянием, а это самое вредное для военного человека занятие. Был такой француз — Пруст. Барин знал жизнь по книгам и был классный самоковырятель: про умывание написал двадцать страниц, а про то, как поедал блины,— чуть поменьше. Про свои ощущения меланхолик наковырял восемь томов... А жизнь, брат, прет стремительно! Не пиши заумно сам и не подпускай близко к морякам тяжкодумов. Такие прустяки, кроме вреда, ничего дать не могут. Ты на войне не был, а я был и знаю, как ахают двенадцатидюймовки! Раз у бойца в руках автомат, то и действовать боец обязан автоматически. Если на твоей мушке фашист — стреляй. Если будешь мямлить — будешь мертвец. И писать надо так: что ни слово — выстрел.

Из Москвы прибыл презлющий Александр Зонин. На лидере «Харьков» писатель участвовал в операции кораблей Черноморского флота против порта Констанца и был свидетелем трагической гибели лидера «Москва». Моряки дрались с врагом и за спасение своего корабля как львы. Зонин поклялся прославить черноморцев, на примере их мужества воодушевить советских краснофлотцев на подвиги, вызвать гнев и жгучую ненависть к врагу. Но, кроме очерка о подвиге матроса Гребенникова, не разрешили ни строчки.

— Мне говорят: воспитывать моряков следует на победных реляциях,— возмущается Зонин.

— А ведь правильно говорят,— попытался возразить ему, но писатель не стал слушать...

Не скоро мы поймем, что описанием одних трагедий не ненависть к врагу, а боязнь можешь вызвать. Война — сама трагедия. На ней гибнут, но гибнут ради победы, побеждая. Вот чего еще Александр не понял.

Зонина берегли, прикомандировали к Военмориздату, подальше от действующего флота. Он не находит себе места, скулит и все просится на корабли.

Враг с новой силой рвется к Ленинграду, хочет взять город в клещи: со Свири — финны, через Волхов навстречу им — немцы. Нерадостны вести и с других фронтов: пали Смоленск, Кировоград, Первомайск... Фашисты наносят удары одновременно на трех стратегических направлениях: на Москву, Ленинград и Киев.

Со стороны Маркизовой Лужи легкий ветерок доносит рокот артиллерии. На ближних подступах к Ленинграду — стаи стервятников со свастикой. В безоблачном небе над городом полно пузатых аэростатов. Но редки наши истребители. Не в излишке и зенитная артиллерия, часть ее обращена против фашистских танковых колонн.

На корабли и в части разослали «Стихи о войне» Владимира Маяковского. Нужная вещь. Жаль — тираж только 25 тысяч. В книжке разделы: «Оборонная лирика», «Марши и песни», «Фронтовые агитки», «Сатира».

22 августа

Воздушная тревога. Дежурный доложил, что личный состав укрылся в бомбоубежище, противопожарная команда на своих местах.

На улице тишина. На мосту Лейтенанта Шмидта ни одного человека. Небо закрыто облаками. Тревога обещает быть долгой. Решил спуститься на КП коменданта ПВО — помешал Лавренев. Борис Андреевич как с неба упал. Не похож на себя. На плечах затасканный пиджачишко, ворот рубахи расстегнут. Впервые увидел его без пенсне. Даже всегда аккуратный ежик торчит не по-лавреневски.

— Я по-домашнему, на минутку. Где Найда?

Найда с утра на заседании в горкоме партии. И я пригласил писателя присесть, поделиться новостями.

Разговор все о том же: почему отступаем?

— Доколе будем пятиться? Пока не научимся воевать. Сил не занимать, хватит и еще останется. Но... проклятое «но»! — Борис Андреевич начал шарить по карманам: — Опять посеял! За неделю теряю третьи очки... Хочу верить — Советский Союз спасет тот, кто его создал: народ. Он из своей среды выдвинет массу полководцев. Породил же он в гражданскую и Чапаева, и Буденного, и Щорса, и Железнякова... И ныне он выдвинет много даровитых, волевых, умных руководителей и на фронте, и в тылу.

Борис Андреевич так и не дал мне раскрыть рта. На прощание сказал:

— Фу, разрядился. Если наплел чего лишнего, пусть останется между нами. Знаю тебя десяток лет, знаешь и ты меня. Верю: из мухи не сделаешь слона. Скажи Найде, пусть позвонит мне на квартиру.

Прощай! Увидимся, голуба, не скоро. Завтра-послезавтра еду в Москву.

Он крепко стиснул мою ладонь и почти ощупью вышел. Без пенсне! Догнал его в коридоре и проводил до дома.

28 августа

Вчера вечером нагрязнул племянник Саша Жуленков, рабочий с Кировского завода. Парню 17 лет. Его мать и родичи в эвакуации. «Путиловец» опустел. Кто воюет, кто на Урале, а кто остался — работают для фронта. Саша, и токарь, и истребитель танков, похвастал:

— Вчера поразил бутылкой учебную цель за 25 метров. Нормы перевыполняю. Не отхожу от станка по две смены. Рабочий класс настроен боевито...

Подарил мне пистолет собственноручной выделки: не стреляет...

Фашисты заняли станцию Мга, перерезав последнюю железнодорожную магистраль, связывавшую город со страной. Сегодня на митинге слушали обращение Военного совета фронта ко всем трудящимся города: над Ленинградом нависла непосредственная угроза. «Но... не для того мы живем и трудимся в нашем прекрасном городе, не для того мы своими руками построили могучие фабрики и заводы Ленинграда, воздвигли его замечательные здания и сады, чтобы все это досталось немецко-фашистским разбойникам. Никогда не бывать этому!.. Встанем как один на защиту своего города, своих очагов, своих семей, своей чести и свободы!»

«Встанем! Врагу не бывать в городе Ленина!» — таков ответ каждого ленинградца.

1 сентября

Леонид Сергеевич Соболев с первых дней войны на Балтике. Начал репортаж «Ночь летнего солнцестояния». Писатель — наша надежда и опора: настоящий моряк, именитый, популярный и уважаемый на флоте. Запланировали его новые произведения, и... автора срочно отозвали в Москву, по слухам, для укрепления черноморской бригады писателей. Обещал не позднее двух-трех месяцев прислать очерки и рассказы.

Борис Андреевич Лавренев внезапно отбыл в Среднюю Азию, туда, где он воевал во время гражданской войны.

Из известных маринистов в Ленинграде остался благополучно возвратившийся из Таллина Всеволод Витальевич Вишневский. «Ни шагу из Ленинграда! — разносится его голос на кораблях и в частях. — Это мой город! Истеку горячей кровью, а не отдам его вшивому ефрейтору Гитлеру с бандитами!» Ленинградец, бывший военный моряк российского революционного флота, боец гражданской войны, автор кинокартины «Мы из Кронштадта» и драмы «Оптимистическая трагедия», — не может выразить свои чувства иначе.

Закончен переход кораблей из Таллина в Кронштадт. По рассказам участников перехода, общая картина сложная. Потери боевые

корабли и суда, много людей. Редактор «Красного Балтийского флота» полковой комиссар Бороздкин потерял заместителя и большую часть сотрудников газеты. Погибли подававший большие надежды поэт Юрий Инге, профессор-литературовед полковой комиссар Орест Цехновицер, мой товарищ по газете ЛВО писатель Федор Князев... Спасательные суда подобрали поэта Николая Брауна и корреспондента «Правды» Николая Михайловского. В походе отличился писатель Григорий Мирошниченко, возглавивший борьбу за спасение пораженного бомбой транспорта.

5 с е н т я б р я

...Шли с обеда и встретились с настоящими фронтовиками. На набережной Красного Флота около издательства стоял краснофлотец с вещевым мешком в руке и кричал:

— Эй, Иванушкин, ну какого ты беса валяешь ваньку? Айда! Жди не жди, а уходить надо!

У пирса приткнулся изрешеченный осколками бронекатер. У бакового орудия сидел матрос и на зов товарища отвечал:

— Мишка, а вдруг приказ отменяет и сразу — на новый боевой? До тошноты не хочу в экипаж. Если ты мне друг, топай сюда, покурим, покалякаем, письмишко подружке сочиним. Иди, дорогуша, иди, браток!..

— Старший краснофлотец Михайлов! — ответил моряк на вопрос капитана 1 ранга Н. А. Жукова «Что тут происходит?». Потом рассказал: — Из семнадцати человек команды нашего «броненосца» остались я и Иванушкин. Семеро погибли, остальные эвакуированы в госпиталь. Мы, легко поцарапанные, получили приказ направиться во флотский экипаж на Мойку. Давно пора идти, а Иванушкин — ни с места. Я, говорит, старый комсомолец и не могу так просто оставить корабль, на котором пролил кровь. И что он, товарищ капитан 1 ранга, высидит? Бронекатер теперь железный лом. Одна пушка чудом осталась, но моторы-то в дым, ходу-то нет, да и борта в дырах. Скомандуйте Иванушкину, товарищ капитан 1 ранга...

И вдруг Иванушкин встал, поцеловал пушку и, хромя, поднялся по трапу. Николай Александрович поддержал его за руку. Обессиленный матрос опустился на каменную ступень, и нервы его не выдержали...

— Этот еще даст немцам духу! — сказал потом Жуков. — Он напомнил мне годы революции, годы бесшабашной удали и отваги моряков.

13 с е н т я б р я

Работаю и живу в кабинете. Вечер. Зашел Александр Ильич Зонин. Писатель не в духе. Ругает Вишневского.

— А кто вам мил? — спросил как-то.

— Люблю Родину, люблю Кронштадт, его я очищал от клешников, поднявшихся против Советской власти. Кстати, за это награжден ор-

деном Красного Знамени. Не подумай, что хвастаю. Люблю краснофлотцев, люблю тезку Фадеева, люблю жизнь, люблю сына и дочь. Разве мало? Меня беспокоит, почему пятимся?

— Не знаю,— говорю,— очевидно, сегодня немцы еще сильнее нас.

— Откуда тебе знать? Ты же пешка! Не обижайся, ведь и я не король!

Я не выдержал:

— Не ной! Скажи-ка, вот уже прошло три месяца, а ты не дал в издательство ни одной строчки. Почему молчишь? Вениамин Каверин написал две брошюры. Слонимский тоже, Кудрявцев-Скайф тоже, а Зонин молчит!

— Ты прав! Поверь, есть что сказать, есть! Жди, за мной не пропадет!

— Посмотрим.

Заходил усталый Всеволод Вишневский. Со слезами рассказывал, как балтийцы дрались за базу флота Таллин, прорывались в Кронштадт. Назвал милые имена потерянных в море братков. Восторгался артиллеристами крейсера «Киров». Хвалил морскую пехоту: львы!

Найда поблагодарил маститого писателя и журналиста за информацию и поинтересовался, когда можно ожидать рукопись о героях Балтики. Вишневский ответил, что пока братья из газет не дают ему возможности засесть за книгу. Но уверенно пообещал:

— Напишу много, глубоко и увлекательно, партийно!

А пока предложил издать сборником его статьи из «Правды», «Красной звезды», «Советской Эстонии» и «Красного флота».

Такие сборники мы уже печатаем. Недавно подписал в печать брошюры Н. Чуковского «Комиссар боевой эскадрильи», Н. Добышева «Комбинированный удар» и сборник «Варвары». Есть уже сигнальный экземпляр книжки Е. Юнги «Рассказ об одном подвиге».

16 с е н т я б р я

От Морского канала несется непрерывное раскатистое уханье орудийной канонады. Это линкоры «Марат» и «Октябрьская Революция» бьют из главного калибра по фашистам в районах Петергофа, Пушкина, Красного Села.

В Лигово, захваченном немцами, остался начальник специального линотипного отделения нашей Адмиралтейской типографии Михайлов. Неужели добровольно? Неужели предатель?

20 с е н т я б р я

Главный политический редактор полковой комиссар Александр Гаранин хмур, как осенний день. По набережной Невы, от моста Лейтенанта Шмидта до Дворцового, сделали с ним полдесятка галсов. Куда ни посмотришь — всюду чудесные здания, творения выдающихся зодчих... Возможно ли, чтобы эти памятники были разрушены? Не укладывается в сознании. «Все, что создано трудом человека,

в конце концов разрушается им же или неумолимым временем» — в таком духе философствовал мой спутник.

— Не согласен! Все это мы должны сохранить для потомков. Чего бы это нам ни стоило!

Вдруг началась сумасшедшая стрельба в зенит. Довольно высоко в небе насчитали 18 стервятников. Осколки от рвущихся снарядов загнали нас в вестибюль одного из зданий. Над Петропавловской крепостью самолеты сделали разворот и, не сбросив бомб, ушли к югу.

22 сентября

После полудня с крыши нашего дома наблюдали за районом Кронштадта. Горизонт был закрыт пеленой дыма, доносился глухой непрерывный грохот. Фашистская авиация бомбила крепость. Потом узнали: в налетах участвовало до 250 «юнкерсов», сбито более десяти. Говорят, пострадали корабли...

23 сентября

Славная осень! Голубое-голубое небо. Тепло. Над Невой носятся белокрылые чайки. А в городе непрерывные воздушные тревоги, удручающие отсчеты метронома, раскатистые взрывы снарядов...

Совещались, что делать, если будет получен приказ об эвакуации. Задача со многими неизвестными. Решили первым делом эвакуировать редакторов и небольшую часть издателей, чтобы на новом месте сразу же приступить к работе. В Ленинграде останется группа майора Дурнова. Дурнов — бывший директор Ленинградского издательства, расторопный, опытный работник. Он сумеет обеспечить сохранность имущества, бумаги, сумеет руководить производственным коллективом и типографиями, которые переключатся на выполнение заказов Краснознаменного Балтийского флота.

«Боевая библиотека краснофлотца» пополнилась интересной книжкой В. Минаева «Разведка и шпионаж на флоте». Автор зовет к революционной бдительности, беречь военную тайну. Подписал в печать брошюру П. Мягкова на эту же тему — «Берегись шпионов, будь бдительным».

Темпы выпуска литературы снижаются. Если в начале сентября ежедневно получали по три-четыре сигнальных, то сегодня — только два.

27 сентября

На крыше. Вместе с комендантом объекта МПВО художником Всеволодом Бродским обзираем окрестности. Сердце сжимается: горят Петергоф и Стрельна, пожары в стороне Сестрорецка и Красно-го Села... Всеволод делает зарисовки, по его впалым щекам катятся слезы...

А где братья писатели? В издательстве трое: Григорий Сорокин, Борис Соловьев и Всеволод Воеводин. В группе Вишневого —

Григорий Мирошниченко, Николай Чуковский, Всеволод Азаров, Александр Крон, Анатолий Тарасенков и еще два-три товарища. Не выдержал и убыл на фронт Зонин...

29 сентября

Зашел взволнованный Вишневский. С порога с жаром заговорил.

Я старался записать в блокнот монолог грозного красноречием старого моряка. Толя Тарасенков не спускал восхищенного взгляда со старшего товарища. Отличаясь незаурядной памятью, он запомнил наизусть наиболее интересные монологи своего кумира. Я подал писателю стакан воды. В ответ:

— Уважил! Неужели нет чего покрепче?

И снова полилась речь агитатора:

— Если ты командуешь, то командуй так, чтобы подчиненные чувствовали твою решимость победить, не умирая, чувствовали твою непреклонную волю начальника, богатырскую силу, веру в себя и веру в подчиненных...

Завыла сирена — воздушная тревога. С сожалением поднялся на крышу нашего объекта: хотелось дослушать Вишневского.

Город замер. На небе ни облачка. В направлении Петергофа — пожары и артиллерийская канонада. Тревога длилась более часа.

...Отпечатали книжки «Балтийцы» и «Герои Балтики». Всеволоду Вишневскому вручили по 25 авторских экземпляров.

2 октября

Получили письмо от библиотекаря Васильева. Вот оно: «Дорогие товарищи! У меня горе. Матросы обещают накоматыть, если я не достану книги о войне. На книжки «Били, бьем и будем бить!», «Бронепоезд «Свобода или смерть», «Одно желание», «Германские потери на море от русского флота» — очередь, а книжек всего-навсего по три, и те еле живые, зачитаны до дыр. Выручите и пошлите за деньги по 25 экземпляров. Жду с нетерпением».

В конверт вложено 25 рублей. Ответил, что просимых книжек в издательстве нет. Послали Васильеву новые издания, не менее интересные и поучительные.

4 октября

Днем летняя погода: солнце, тишина, плюсовая температура. Нет стрельбы, и люди сразу повеселели, предположив, что наши войска отогнали немцев за Гатчину, Пушкин и далее. Наивные предположения. Варвары молчат: боятся Кронштадта.

— В хорошую погоду, — объясняет наш бывший редактор, а ныне артиллерист Вербовик, — мы не позволим безнаказанно стрелять по городу, в худшем случае заставим замолчать девятым выстрелом. Вот так-то. — Он извлекает из кармана массивные золотые часы,

подарок наркома Ворошилова за отличные стрельбы на «Марате», и шутит: — Отдохнул, братки, у вас, теперь в штаб обороны...

Вечером писатели Груздев, Шварц, Спасский и Флит читали свои произведения. Изумительно читал Шварц. Спасский рассказал, как он, народный ополченец, бородатый, в лаптях и мужицком армяке, пробирался из окружения в Ленинград. Груздев читал отрывки из воспоминаний о Максиме Горьком. Посмешил Флит в сатирическом репертуаре. Анатолий Тарасенков (бригада Вишневого поселилась в нашем доме, на четвертом этаже) с глубоким чувством декламировал стихи Джамбула «Ленинградцы, дети мои!». Изумительные стихи!

...Борис Соловьев страшно похудел: «Хочу кушать, съел бы что-нибудь и малосъедобное». В моей противогазной сумке нашлись засохшая корка и хвост селедки. Это богатство Борис разделил с товарищем. Проглотив свою долю, сказал:

— Александр Иванович, пошуруй, нет ли там еще корочки и еще...

1 1 о к т я б р я

— Днем ползал по окопам, выдавал красноармейцам жалованье. К вечеру прикатил на часок к жинке, благо фронт рядом, — сказал полковой казначей, мой старый друг, Илья Иванович Елсаков. — Немцы поутихли, день и ночь роют землю, строят блиндажи, землянки, собираются зимовать. А наши стоят насмерть и фрицев в Ленинград не пустят. Ни хрена у гитлерят не получится еще и потому, что я, бухгалтер, негодный для военной службы, нахожусь на передовой и изредка постреливаю. Баланс у немчуры будет пассивным.

Николай Корнеевич Чуковский в восторге от работы морских летчиков 3-го и 4-го истребительных полков. Он просто влюблен в них и только о них и рассказывает.

Борис Соловьев и Григорий Сорокин ходили на фронт в Автово. Гостили у моряков 6-й бригады. День был тихий, огонь редкий. Проинтервьюировали командира полковника Парафило. Сорокин напишет статью для журнала. Собрали массу сюжетов для очерков и рассказов.

...Читаю первый том «Крымской войны» академика Тарле — интересное сочинение! Книга написана сочным языком. Автор использовал многочисленные материалы, в том числе архив князя А. С. Меншикова... Кстати, интересна история этого архива, о котором как-то поведал академик. В 1912 году в морском генеральном штабе узнали, что букинист с Литейного проспекта ведет переговоры с французами о продаже архива А. С. Меншикова. В 1853—55 гг. Меншиков был главнокомандующим сухопутными и морскими силами в Крыму. Военачальником он оказался бездарным, однако архив его мог представлять ценность. Морской министр, когда ему доложили, приказал приобрести его как ценность, необходимую для истории отечественного флота. Букинист заломил 30 тысяч рублей. В смете министерства на приобретение подобного рода материалов имелось всего 6 тысяч. Срочно сочинили доклад на высочайшее имя с просьбой

о помощи. Царь начертал: «Жалую из своих средств 5 тысяч». Что делать? Решили взять букиниста на испуг. Историограф флота капитан 2 ранга Н. В. Новиков явился к торгашу в парадной форме и заявил: «11 тысяч или — по повелению его императорского (и так далее) — секвестр».

Так архив остался в России. Перевозка его в хранилища военноморского архива заняла несколько дней. Вскоре началась мировая война, потом революция, гражданская война; документы фонда пролежали нетронутыми до 1936 года, когда их обнаружили ученики Тарле. Спустя три года издательство пригласило академика в гости, и он передал нам авторское право на первое издание «Крымской войны».

17 октября

Судя по сводкам, обстановка под Москвой сложная. Судьба Ленинграда решается там. Устоит белокаменная — будет неприступна и колыбель пролетарской революции. Ленинградский фронт, чтобы оттянуть на себя часть сил противника из-под Москвы и этим помочь москвичам, должен наступать, используя все, что есть. Так оно и делается.

Моряки сражаются на суше. С кораблей на берег идут новые отряды. Молнией печатаем «сухопутные» пособия: «Действия одиночного бойца в бою и на суше», «Способы борьбы с танками», «Штыковой бой», «Как владеть лопатой», «Стрелковое отделение в бою», «Учись владеть ручной гранатой», «Инструкция по применению зажигательных бутылок» и другие. Часть тиражей передаем Ленинградскому фронту.

19 октября

Слушал радиопередачу. Всеволод Вишневский читал речь «Обращение к Москве». Выступал, как всегда, страстно, звал к победе. Оратор он непревзойденный!

28 октября

Последний раз я беседовал со старым журналистом Лаганским в первые дни войны. И вот он передо мной, изможденный, еле передвигающий ноги. Сел на диван и уставился на меня невидящим взглядом. Заговорил не сразу.

— Я Лаганский, помните? Написал еще книжку «Моряки идут на лыжах», я — участник войны с финнами. Помогите, товарищ Сорокин, мне не нужны деньги, мне бы мешок картошки...

Жаль, но помочь старику ничем не мог: с продовольствием все хуже и хуже.

Забегал Николай Михайловский. Такой же непоседа, как и в июле: «Мне везет — в огне не горю и в воде не тону!»

Капитан 2 ранга Сергей Челпанов, наш редактор-штурман, приехал из Осиновца. Уточнил фронтовую обстановку: фашистские захватчики занимают почти весь левый берег Невы. Связь Ленинграда с Большой землей, эвакуация людей и ценного оборудования осуществляется на судах по Ладожскому озеру и на самолетах.

...Настроение типографщиков не радует: питание плохое, в цехах, как в подвале, холодно, топлива нет, много больных. Производительность труда упала. Бумагу, готовую продукцию со складов и на склады возят на тележках женщины, получающие по 200 граммов хлеба в сутки...

Получен приказ наркома об эвакуации издательства в Ульяновск. В Ленинграде останется оперативная группа Дурнова для обслуживания Краснознаменного Балтийского флота. Вывезти материальную часть нет возможности. Полиграфическую базу и бумагу получим на Волге. Люди приуныли. Покидать Ленинград, а большинство из нас прожили здесь долгие годы, покидать город в беде — одна мысль об этом невыносима.

1 н о я б р я

Погиб мой близкий друг Костя Харин, умный, волевой и одаренный командир. В письме к его жене говорится: «Командование корпуса, посылая извещение о героической смерти вашего мужа в бою за социалистическую Родину, соболезнует семье погибшего... За свои героические подвиги ваш муж Константин Харин представлен к правительственной награде...»

Костя был начальником связи корпуса. Перед войной под большим секретом писал книгу «Мой современник». Так и не дописал...

«Боевая библиотека краснофлотца» обогатилась крайне нужной во фронтовой обстановке книжкой «В помощь разведчику». Второй тираж напечатали для Ленинградского фронта.

В редакторской прошел диспут о храбрости. Инженер-капитан 1 ранга Яковлев цитировал Макиавелли: «Природа редко рождает храбрецов, они во множестве создаются трудом и обучением». Александров сказал: «По-русски — храброго да смелого и пуля не берет». Вспомнили восточную поговорку: «Укрепитесь человек — крепче камня, а ослабнет — слабее воды». Кто-то вспомнил Петра Великого: «Храброе сердце и исправное оружие — лучшая защита государства». Эрudit Брамм заявил: «Всякий трус о храбрости беседует!» После этого все разошлись.

...В моей холодной комнате три паренька уплетали картошку. Саша Жуленков бросился навстречу:

— Дядя Саша, знакомься, это токари, путиловские комсомолята!

Саша отсутствовал две недели, работал и спал в цеху. Сегодня вспомнил, что мама оставила ему мешок картошки, и вот они прикатили подзаправиться. Пели песни. Ребят звали Петя и Леша. Петька подкован, это он сказал: «Песня — крылья человека!» Лешка ладно плясал впрысдку. Потом я поинтересовался, как дела на

«Путиловце». На заводе-гиганте еще работали тысячи; тысячи эвакуированы на Урал. До сих пор пожилые специалисты партия за партией отправляются из Ленинграда. Цехи ежедневно под огнем, есть погибшие и раненые. К разрывам нельзя привыкнуть. А какую дают продукцию?

На этот вопрос ответил Петя:

— Дядя знает, что такое военная тайна. Путиловцы на переднем крае, такова и продукция. Двумя словами — куем победу!

Незаметно наступил вечер. Провожая меня, Сашка говорил без умолку. О том, что они не только токари, но еще и истребители танков. Вызубрили теорию и сносно прошли практику на макетах. Против танков, в условиях уличного боя, надежное средство — гранаты, ну а если нет или мало гранат — незаменимы бутылки с зажигательной смесью.

— Если фашистские танки прорвутся к заводу, я возьму комплект зажигалок...

4 н о я б р я

Григорий Сорокин возвратился с передовой — из района больницы Фореля.

— Попал под пальбу, — рассказывает. — Часа два валялся и дрожал в канаве. Нет, не от сырости — со страху. Психологически явление нормальное. Видел рвущиеся снаряды, слышал, как стонет ленинградская земля. До Нарвских ворот ходит трамвай, дальше — пешком с рабочими. На обстрел они и внимания не обращают, привыкли. Буду писать рассказ...

В Ульяновск первыми отправляются пять редакторов. Михаил Брамм недоволен очередностью.

— Евреев и коммунистов эсэсовцы вешают и сжигают, — говорит вдруг. — Я — еврей и коммунист. Чтобы надо мною не надругались, меня нужно эвакуировать вне очереди.

— Фашисты в Ленинград не войдут никогда, — пытаюсь образумить его.

Он смолкает. Сдают у человека нервы. Вдруг кричит, вскакивая:

— Я тысячу раз не прав! Пошлите меня в штрафники!

— Успокойся, — говорю, — возьми себя в руки.

8 н о я б р я

Отпечатали речи И. В. Сталина от 6 и 7 ноября. Их ждут на кораблях и в частях.

В политотделе тихо, будто фашисты и не стреляют по Васильевскому острову. Снялся с партийного учета. Возвращался по мосту Лейтенанта Шмидта и невольно думал: а вдруг ахнет рядом — и в клочья! Нет! Снаряды рвутся в Неве и в районе порта...

Началась эвакуация. С Комендантского аэродрома пятеро наших вылетели на Волхов и далее по железной дороге последуют в Ульяновск.

Слушал доклад о боевой деятельности сил и средств Балтийского флота в обороне Ленинграда. В сентябре — октябре форты и корабли всех рангов произвели по противнику тысячи выстрелов из орудий крупного и среднего калибров. Били по фашистским артиллерийским позициям, по местам скопления их войск, по танковым колоннам, командным и наблюдательным пунктам и тылам. Моряки Балтики и курсанты военно-морских училищ сражались под Выборгом, Кенгисеппом, Шлиссельбургом, Котлами, Пушкином, Красным Селом, на Неве, на окраинах Ленинграда. Бывало, что герои бились до последнего человека, а последний — до последнего патрона. Сегодня враги накрепко прижаты к земле, и в том числе артиллерией кораблей, фортов, бронепоездов... Ни один фашистский корабль не подходил на выстрел к Кронштадту.

10 ноября

Григорий Эммануилович Сорокин, по его словам, последние гроши обратил в ведро картошки. В счет гонорара попросил аванс. При этом цитировал Шекспира, что деньги — видимое божество, всеобщее смешение и извращение вещей, вселенская блудница и сводня. Шекспир не помог. Проситель не обиделся.

Александр Зонин — настоящий фронтовик, даже тон командирский. Охотников послушать товарища с передовой сколько угодно. В августе, после недельного пребывания у нас, правдами и неправдами он перебрался в Кронштадт, а оттуда — в Таллин. На разбомбленном «юнкерсами» транспорте «Луначарский» чуть было не отправился на постоянное жительство к Нептуну. Однако с помощью моряков спасся. Потом угодил в 16-ю дивизию вместе в отрядом моряков. Дрался, обороняя Таллин, четыре дня. Потом погрузился на «Казахстан» — и в Кронштадт. Пережил гибель многих боевых товарищей... На пылающем «Казахстане», благодаря морскому порядку, добрались до первой суши, до острова, а там и до Котлина... С моря угодил в морскую пехоту. За два месяца хорошо познал ратный труд воина и современную войну на суше. Из Москвы приказано поступить в подчинение Всеволода Вишневского.

— Буду наконец заниматься своим делом — писать!

По Зонину, моряки — всюду и всегда моряки. Нет нигде такого товарищества, как у моряков. Для них закон «Сам погибай, а товарища выручай» свят. Достаточно в ослабевшую роту пехоты влить матросов, и рота тотчас же становится боеспособным подразделением, готовым на любые подвиги. Среди моряков нет негероев!

Неумолима проза нашей жизни. Александр Ильич потребовал выплатить ему сто процентов гонорара за издание «Адмирала Макарова». Произведение пока в рукописи, и я отказал в просьбе. Автор плотно уселся в кресле и сказал:

— Деньги! Какая страшная сила! По Мильтону, деньги доставляют почет, друзей, власть и победу, но они вредят добродетели,

мужеству и мудрости. Но мне деньги нужны, чтобы послать их моей дочери и сыну, чтобы они не умерли с голоду. Александр Иванович, учтите эту ситуацию!

Рукопись принята к изданию. Он имеет право получить от издательства 60 процентов договорного гонорара. На этом и порешили.

12 ноября

Холодище — топлива нет.

Собирали теплые вещи для фронтовиков. Отдал все, что осталось после эвакуации семьи: одеяло, белье, валенки и прочее.

Совершили экскурсию на морской полигон. Рассказали, как фашисты пробовали форсировать Неву и напоролись на стену из разрывов снарядов морской артиллерии. Стреляли и мастера полигона, а они не знают промахов.

14 ноября

Изнывали на Комендантском аэродроме. В бараке тесно и душно, хоть топор вешай. Ждут отправки неделями. Организовано отправляются рабочие. Эвакуируются большие группы заводских специалистов (стариков). Один седой дед, мастер точного приборостроения, не дождался посадки на самолет, захрипел и скончался. За час до этого я беседовал с ним, он не хотел оставлять Ленинград, в котором прожил 67 лет, и не оставил...

За день самолеты сделали до ста рейсов. Мы опять за бортом. Редактор Брамм и я остались ночевать на аэродроме. Поздним вечером началось светопреставление. Земля дыбом! В течение ночи серийно и одиночно гремели взрывы. В небе висели светящиеся авиабомбы. Непрерывно била зенитная артиллерия. О, тяжело же в такой обстановке отсиживаться в земляной щели!

Утром возвратились к себе. К вечеру нетерпеливый Брамм снова отправился на Комендантский аэродром. Наши ребята сидят и ждут на аэродроме вот уже шестой день, ждут, когда их пригласят... Найда позвонил вышестоящему начальству, которое в категорической форме обещало выполнить приказ об эвакуации издательства в течение ближайших двух дней.

15 ноября

Николай Корнеевич Чуковский по характеру мало похож на своего отца — разговорчивого, шумливого весельчака «дедушку Корнея». Прежде чем войти в комнату, писатель спросил разрешения. Вошел и обратился по-уставному, ни одного лишнего слова. Пора бы ему привыкнуть к демократическим порядкам в издательстве, к нашему коллективу. На приглашение сесть сказал: «Спасибо, я постою». Принес рукопись о комиссаре эскадрильи Сырникове. На 18 страницах текста уместилось много интересных наблюдений и мыслей. Мне очень хотелось, чтобы Николай в товарищеской беседе развил

эти мысли. На просьбу рассказать подробнее Николай Корнеевич с обворожительной улыбкой (он улыбается в любой обстановке, в том числе и под бомбежкой) выпалил несколько фраз и закончил обычным: «Разрешите быть свободным?»

Григорий Сорокин сказал:

— Я знаю Николая давно: так воспитан, не переделаешь. Скромность — украшение смертного.

Как писатель молодой Чуковский растет, и конечно же вырастет, если, тьфу-тьфу, не попадет под фашистскую бомбу на каком-либо аэродроме. Морские летчики его очень уважают и любят.

Рукопись под названием «Комиссар боевой эскадрильи» подписал сразу же в печать.

Семен Липкин — поэт скромный и трудолюбивый. Обстрелялся и, похоже, не замечает ленинградских невзгод. Розовощекий и пухленький, хотя питается, как и все ленинградцы. Напечатали сборничек его стихов «Родина». Стихи родились под огнем, и их смело можно назвать огневыми. Названия говорят о тематике: «Родина», «Мой город», «Комиссары», «Наказ народа», «Горсть родной земли» и другие, зовущие на бой.

Слышен явственно в громе орудий
Русский голос, зовущий на бой:
«Мы — бессмертны, мы — русские люди,
Ленинград, мы с тобой!»

Семен напоминает мне Лешу Лебедева. Где-то подводник с трубкой и песней? Давно не дает о себе знать. Храни его, родная Балтика!

...Многочасовая воздушная тревога. В бомбоубежищелюдно и весело: писатели устроили вечер самодеятельности. Руководили Александр Зонин и Анатолий Тарасенков. Толя был в пылком настроении. Анекдоты, рассказы, присказки сыпались из него в массовом масштабе и доброго качества. Давно я не видел столько одновременно смеющихся! Люди забыли, что сидят в подземелье и над ними рыщут фашистские стервятники с бомбами.

Издали огромной взрывной силы снаряд — альбом с карикатурами под названием: «Гады морские, болотные и подколенные». На 14 листах размещена гитлеровская шайка. Подзаголовок альбома: «Краткий научно-популярный обзор наиболее типичных представителей фашистской фауны».

20 ноября

В телефоне голос начальника политотдела Скутского: «Срочно на Комендантский! Не улетите сегодня — не улетите совсем! Буду провожать сам». День сумрачный, тоскливый, но погода летная. Около полудня на аэродром опустилась очередная группа самолетов. Началась выгрузка продовольствия и посадка эвакуирующихся. В небе барражируют «Чайки».

И вот мы в воздухе. В иллюминатор видно, как рядом, выше

и ниже, на высоте не более 300 метров, летят «дугласы», сопровождаемые «Чайками». Под самолетами темно-зеленый массив леса, затем полузамерзшая Ладога.

Приземлились в Новой Ладогe. По летному полю мчались бегом. Над нами летали «Чайки», но могли в любую минуту появиться и «коршуны». К самолетам бежали с мешками, ящиками и корзинами красноармейцы...

Разместились в здании школы, превращенной в эвакупункт. Обедали в столовой моряков. В жизни не видывал такого обжорства. А обед по-настоящему флотский!

Представился старшему на рейде — начальнику штаба Ладожской военной флотилии капитану 1 ранга Сергею Кудрявцеву. Побеседовали, как принято между старыми товарищами (в свое время вместе работали в наркомате). Немцы, оказалось, прорвали наш фронт где-то у станции Кириши и, захватив Тихвин, перерезали железную дорогу от Волховстроя на Вологду. Предстоит полная неизвестности дорога до станции Ефимовская (около 200 километров), по лесам и болотам, покрытым снегом. Идти с багажом пешком, в мороз, к тому же не имея валяной обуви, — чистая авантюра! Сергей обещал оказать содействие транспортом, но рекомендовал найти санки. Санки нельзя купить ни за какие деньги, нужно мастерить самим...

21 ноября

Новая Ладога — глубокая провинция, захолустье. В почтовом отделении не принимают ни писем, ни телеграмм. Торговли нет. Эвакуирующихся полным-полно, все мастерят салазки. По дороге на Сясьстрой люди идут партия за партией. Кое-кто в охапке несет малышей. Одеты сносно, но ни у кого нет валенок, да и откуда им быть у ленинградцев? Хорошо, что погода сравнительно теплая. От Ладogi до переднего края — 20 километров: ясно слышна артиллерийская канонада.

Встретил Анатолия Тарасенкова.

— Если бы не помог Всеволод Витальевич, отдал бы в Ленинграде концы, — смеется, как всегда, Толя. — Слабоват телесами, маловато морской закалки.

Ныне он член дружной семьи моряков Ладожской военной флотилии. Конечно, скучает по Ленинграду. Завтра полетит навестить Всеволода Витальевича. В Ладогe тепло и сытно, а работы — непочатый край.

— Почему бы Вишневскому на время не перебазироваться в Ладогy?

— Что вы! Он же клятву дал, что не оставит город Ленина, а своему слову Всеволод хозяин. Ему предлагали командировку — отказался: «Канонир умирает вместе с орудием!» Вы плохо его знаете, — говорит Толя.

На прощание Тарасенков обещал подготовить книжки очерков и стихов.

22 ноября

Похолодало. Пора в Ульяновск. Ладожане обещают: не сегодня завтра пойдут в Вологду за продовольствием машины, по пути прихватят и нас. Начальник Военно-морского музея усиленно убеждал комиссара флотилии, чтобы тот поторопил хозяйственников.

23 ноября

Прощай, Новая Ладога! Моряки дали транспорт и снабдили нас продовольствием на десять дней. Мерзнем в открытых кузовах. Около Сясьстроя обогнали слушателей Военно-медицинской академии, передвигавшихся походным порядком. Без происшествий добрались до селения Пашский Перевоз. Место — достойное кисти Шишкина: мачтовые сосны. До переднего края километров 30. Заночевали. Посетили местный Совет, чтобы уточнить дальнейший маршрут. Какая гарантия, что мы не угодим в расположение врага, а у нас 10 тюков с секретными документами!

От Пашского Перевоза до села Алеховщина — сплошные леса и болота, ни одной деревушки. Счастье, что проселки промерзли. Затемно миновав Алеховщину, дотащились до районного центра Шугозеро. Дальше курс на станцию Ефимовская. Снова сосны и ели, боры и болота, припорошенные снегом, редкие деревни и разбитый автомашинами проселок...

На путях Ефимовской пыхтел санитарный поезд. Представились начальнику. Хотя половина административного вагона пустовала, он категорически отказался взять в Вологду даже женщин. Во время беседы завывала сирена, началась стрельба, и эскауп выпроводил нашу делегацию из вагона. Небо было закрыто густыми снежными облаками. Зенитчики постреляли с минуту и успокоились.

И снова путь в открытых грузовиках. В Ленинграде мы привыкли к невзгодам и стоически переносим трудности.

29 ноября

Вологда. Дом Красной Армии. Тесно и грязно, все помещения забиты эвакуированными. В столовой военторга на первое в обед дают пересоленные щи из кислейшей капусты, без единой искорки жира, второе — жаренная на воде мороженая картошка. Рацион чуточку лучше ленинградского.

...Вползали в теплушку. Теснота невообразимая. Ветер продувает насквозь. Нет ни капли воды. Есть чугунная печка — нет ни крошки топлива. Нет уборной. Ни читать, ни играть в кости нельзя: крохотные иллюминаторы покрыты льдом и не пропускают света.

7 — 15 декабря

Эшелон передвигается по поговорке: «Тише едешь — дальше будешь». Настроение угнетенное; желудки пустые. 10-го миновали Киров. Глубокий тыл. На вокзале торгуют горшками и игрушками.

Мороз 30 градусов. Курс на Урал. Скорость передвижения по вятской земле не более 5 километров в час.

На станции Яр дежурный по нашему «гарнизону», библиограф Главной морской библиотеки, знаток почти всех азиатских языков Гурвич, пошел за кипятком и отстал.

— Пропадет, — беспокоился Крестовский, начальник Военно-морского музея. — Ну мыслимо ли полагаться на старого, глухого человека?

На очередной остановке, к нашей великой радости, отставший постучал в двери. В Яру он успел вскочить на площадку последнего вагона. Промерз до костей.

— Накажу! — кричит Крестовский. — Ты — ученый и знаешь, что еще Суворов писал: «...за прегрешения неослабно наказывать». — Извлек из чемоданчика кружок краковской колбасы и добавил: — Получай!

Виновник заплакал...

16 декабря

Свердловск — столица Урала. Город перенаселен эвакуированными. Из Ленинграда здесь десятки тысяч рабочих, служащих, научных работников. Вокруг города, как грибы после дождя, растут заводы. Не хватает электроэнергии. Продавец книжного магазина сказал, что он на квартире сам-десять: живут три семьи, благо, что семеро работают, и, как правило, круглосуточно, спят у станков, а сам он прекрасно спит под прилавком.

Несмотря на трудности, жизнь в Свердловске кипит. Народ воспрянул духом и несказанно радуется разгрому фашистских армий под Москвой. Рабочие обязуются в кратчайшие сроки дать Красной Армии столько оружия, сколько нужно. Местная печать заполнена их благородными обязательствами.

В теплушке холодно, за ее тонкими бортами — минус 35. Печурка накалена докрасна, на верхних нарах, пожалуй, и тепло, на нижних обитатели коченеют.

Сообщение Совинформбюро «Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы» читал во весь голос Григорий Игнатович. Это произведение — самое лучшее из всех, напечатанных и изданных у нас в стране за последнее полугодие!

Сообщение читали трижды, после этого каждый читал самостоятельно. Хотелось выучить его наизусть.

29 декабря

Наконец-то в Ульяновске. Наш путь из Ленинграда на Волгу через Урал продолжался 39 дней и ночей. Теперь наш адрес: улица Энгельса, 19. В здании бывшего института размещены управления Наркомата Военно-Морского Флота. Издательству отвели одну комнату без столов и стульев.

1 января

Вчера вечером, устроившись на тюках с секретными бумагами, вспоминал ночь на новый, 1941 год. Тогда, в Ленинграде, в кругу семьи и друзей, нельзя было и подумать, что через год страшная буря разгонит нас в разные концы: я окажусь на Волге, семья где-то на берегу Северной Двины, а друзья — кто погибнет на поле боя, кто умрет в Ленинграде с голоду...

И тут, как в сказке, передо мною появился московский сослуживец Саша Седельников. Друг разыскал меня. Расцеловались. За новогодним столом прослушали по радио речь Михаила Ивановича Калинина, поздравившего народы Советского Союза с Новым годом, порадовались героям-черноморцам, высадившимся в Феодосии, и выпили по чарке за Родину, за тех, кто в море, за Победу...

2 января

У нас в гостях — капитан 2 ранга Леонид Сергеевич Соболев. Я знаком с ним с 30-х годов. В те годы писатель трудился над романом «Капитальный ремонт». Отдельные главы обсуждались членами ленинградского ЛОКАФа* в номере Юрия Либединского (он жил в гостинице «Астория»). Автор «Недели» и «Комиссаров» для начинающих писателей был признанным авторитетом.

Шли годы. Во время войны с белофиннами Леонид Сергеевич бывал в издательстве, и мы встречались — известный маринист и малоизвестный издатель его сочинений — только официально. Пересекались наши дороги и в июле и в августе 1941-го в Ленинграде. После ленинградской осени и изнурительного путешествия на Волгу я настолько исхудал и изменился, да и общежитие плохо освещалось, так что писатель не узнал меня. Решил интервьюировать «морскую уеху» на следующий день. На завтра закрутила текучка, а Соболев уехал в Москву.

Бригадный комиссар Найда, вылетевший из Ленинграда на ТБ-3, добирался в Ульяновск на перекладных дольше нас — 40 дней и ночей!

3 января

Еще в пути мечтал посетить дом, где Володя Ульянов провел детство. Сегодня наконец выбрался. С чувством неизъяснимого волнения осмотрел комнаты и вещи, книги и обстановку, в которой рос и формировался будущий вождь мирового пролетариата.

Ленин! С его именем накрепко связана вся моя сознательная жизнь: член Ленинского комсомола, принят в Коммунистическую партию в ленинский призыв, в течение 17 лет в рядах Красной Армии и Флота служил в городе Ленина...

* Литературное объединение Красной Армии и Флота.

С экскурсией красноармейцев провел в доме полдня. Руководил ею батальонный комиссар.

— Наш эшелон в Киндяковке, — сказал он. — Привел к Ленину третью группу. Если успею — приведу четвертую.

5 января

В салоне встретил вице-адмирала Александра Васильевича Немитца. Фигура в царском флоте была заметная — один из организаторов морского генерального штаба и профессор Николаевской морской академии. Первая мировая война на Черноморском театре в начале велась по составленному им плану. Там же он командовал минной дивизией. В революционную бурю, после бегства Колчака, Немитц временно командовал флотом.

— Но я не принял тогда революцию, — рассказывал однажды в Ленинграде адмирал, — и решил тихо уйти со сцены.

Он тайно покинул Севастополь, добрался до Одессы, далее надо было проникнуть в Бессарабию, в наследственное имение. Однако кому суждено быть повешенному, не утонет. Матросы случайно опознали его, переодетого в штатское, и чуть было не вздернули на фонаре. Догадались доставить в ревком, а ревком доложил в Москву, и... Немитц был определен в Красную Армию. Воевал на Украине. Одним из первых был награжден орденом Красного Знамени. После войны работал в центральном аппарате.

70-летний адмирал только что прибыл с юга: «Воевал по своей специальности!»

Сел с ним рядом в столовой и на листке меню написал (он совершенно глухой): «Зайдите, пожалуйста, в издательство по поводу ваших мемуаров». Он пишет мемуары по договору с нами вот уже два года.

— Мемуары в стадии завершения! — кричал на весь зал адмирал. — Прибуду завтра и доставлю два чемодана с рукописями и набросками!

Потом старик поднялся из-за стола, раскланялся, приложил к сердцу руку и походкой мичмана направился к выходу. Не сдается!

14 января

Доклад Дурнова из Ленинграда. В ноябре успели выпустить 61 название брошюр, плакатов, лозунгов. В декабре — 42. Особенно тяжело стало работать начиная с декабря: перебои с электроэнергией. Лозунги и брошюры приходится печатать вручную.

Представляю, как тяжело людям. В таком же положении и Бобровский, и Вишняков, и Меркурьев — начальники типографий. Не хватает топлива. Из-за низкой температуры краска на валиках стынет, а смывать нечем: бензин и керосин на вес золота.

Главное — работать некому: в декабре умерли 18 полиграфистов из 196... На 9 января 67 больных. Недавно прибавили паек — рабочий получает 350 граммов хлеба. И все-таки моральное состояние хорошее. Люди чувствуют себя по-фронтовому и невзгоды переносят мужественно.

В заключение Дурнов сообщает, что Вишневский вышел из больницы, начал работать. Мирошниченко похоронил отца...

Письмо вызывает гордость: и в таких условиях живут, работают, бьют немцев ленинградцы. Слава им!

15 января

Наше положение неопределенное. Половина редакторов в разъезде — кто за бумагой, кто за полиграфическими материалами, а кто и за семьей. Остальные взирают на Москву, надеются, что именно там теперь развернут наше издательство. А почему бы и нет?

Немитц принес мемуары.

— Полный чемодан! Не думал, что моя служба России уместится в нем, тем не менее — так.

Дед с детскими ясными глазами кричит, как все глухие. Договорились тем не менее, что в нынешней обстановке есть труды неизмеримо важнее мемуаров. Затем адмирал рассказал редакторам о боях на Черноморском театре. В заключение Александр Васильевич сообщил, что намерен побывать в Москве и вновь возвратиться на юг. Наши в восторге от старика.

25 января

Начальник издательства с группой редакторов уехал в Москву. Переданная в наше распоряжение местная типография маломощна и запущенна — артель для печатания бланков и прочей полиграфической мелочи. Опыта издания книжной продукции нет. Наши производственники днюют и ночуют в цехах. Первые брошюры — сплошной брак.

Вести из Ленинграда обнадеживающие: с хлебушком стало терпимо — весом побольше и качеством получше. Самое страшное — гибнут люди. Скончались от голода главный корректор Леонтьев, старый моряк Павел Байдовский с женой, мой свояк, могучий тяжелоатлет Саша Максимов...

Колесил по городу в поисках жилья. Всюду переполнено.

17 февраля

Санитарный поезд остановился на станции Инза, и я проснулся. В вагоне арктический холод. Напротив на полке богатейшая шевелюра. Это Иван Жигалов — товарищ по профессии. Вспоминается вчерашний вечер. Толкался по вокзалу — билетов на Москву нет. Поезд из Челябинска переполнен: люди и на буферах, и на подножках вагонов. Встретил Сашу Седельникова. Пошли к коменданту.

— Устраивайтесь на санитарный,— посоветовал тот.— Стоит на пятой линии.

Лезли под вагонами. Нашли по эмблеме. В спальный вагон проникли через тамбур.

— Стой!

В дверях стоял тщедушный старичишка.

— Ты кто такой? — грозно контратакует Саша.

— Я-то Топорков, проводник, а вот ты кто?

Саша вручает Топоркову калым в бутылке. Дед меняет тон:

— Сразу видать доброго человека! Чуток тише. Второе купе, верхняя полка.

Разлегся по-солдатски: шинель под себя, шинель под голову и шинелью накрылся.

Нас шестеро командиров. Разрешение на проезд имеют двое, остальные — зайцы. Топорков предупредил: «Ребята, придет главный — выпутывайтесь сами, я вас знать не знаю, ведать не ведаю и сюды не впускал, силком вломились».

Старший военврач 2 ранга пришел, поприветствовал и, не проронив в адрес зайцев ни единого слова, ушел. Не перевелись добрые люди.

26 февраля

За 10 дней преодолели 450 километров. Бои на фронте поутихли, и санитарный поезд уподобился улите. Невольно вспомнился анекдот времен гражданской войны: бредет старушка по тропинке, а рядом по рельсам пыхтит паровоз. Машинист кричит: «Мамаша, садись, подвезу!» — «Спасибо, родненький, некогда мне, я тороплюсь».

28 февраля

Хочется есть, но нет ни крошки. Представитель журнала «Краснофлотец» Иван Жигалов пришивает пуговицы и философствует:

— Дворяне в целом класс, безусловно, эксплуататорский и паразитический, но это сословие дало России Суворова, Ушакова, Кутузова, Нахимова, Толстого, Крылова и моего батьку Жигалова. Мой дедушка по отцу, вечный ему покой, мастак был выпить, сыграть в картишки, послушать хор цыганок, оставил после смерти сыну трубку и дворянство. Чтобы не умереть с голоду, батька проявил волю и на Сестрорецком заводе получил звание оружейника. Я — сын дворянина-рабочего, коммунист. Ну никакой тебе тут логики! Вот если бы сейчас нам, Александр Иванович, каравай ржаного хлебушка да кваску с лучком! Я страдаю.— И вдруг другим голосом продекламировал: — О, если б теперь рюмку водки! Я бы даже не выпил, а так — понюхал.

На мой вопрос «откуда?» ответил:

— Сергей Есенин. Страдаем в его любимой Рязанщине.— И стал читать Есенина, как заправский артист эстрады:

...Но люблю тебя, родина кроткая!
А за что — разгадать не могу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу...

Загорятся, как черна смородина,
Угли-очи в подковах бровей.
Ой ты, Русь моя, милая родина,
Сладкий отдых в шелку купырей.

Потом читал «Анну Снегину», «Песнь о великом походе», «Собаке Качалова», «Черный человек»... Здорово! Даже о голоде забыли.

1 марта

Рязань. Народу — тьма. Все стремятся в Москву, а без пропуска в столицу въезд запрещен. В ноябре — декабре Рязань бомбили, вблизи вокзала пустуют полуразрушенные дома. На базаре на хлеб и кусок свиного сала променял запасные брюки и теплую рубаху. Кроме продуктов выторговал 250 рублей ассигнациями. Сосед по купе съязвил:

— Неслыханно, чтобы красный комиссар на двадцать пятом году Советской власти продал штаны, чтобы набить брюхо.

Что мог ответить я человеку с больной печенью, который убит горем: погиб сын на Балтике.

2 марта

В Москву прибыли в сумерках.

Вечером на собрании партийного актива слушал наркома адмирала Кузнецова и вспоминал давно минувшее. Лето 1923 года, город Котлас. Секретарь райкома комсомола Павлин Губкин прислал записочку — приглашение на встречу с подшефным балтийским моряком Ваней Лапиным и курсантом военно-морского училища Николой Кузнецовым. Что-то помешало мне воспользоваться случаем. Моряков я увидел на другой день, и чувство, возникшее еще пять лет назад, когда я, мальчишка, вращался в отряде балтийцев, сражавшихся с белогвардейцами и английскими интервентами на Северной Двине, вновь заявило: «В море! Там твои дороги».

Но это случилось не так скоро... Зимой на конференции комсомольцы избрали меня секретарем Котласского райкома, а на губернском съезде в Великом Устюге — членом Северо-Двинского губкома. Отсюда мне, секретарю (комсомол — шеф флота!), открывался кратчайший путь на Балтику. Однако увы! Призвали меня не на флот, а в армию. Только через десять лет осуществилась мечта — я стал моряком, правда сухопутным, но — моряком.

Возобладала и другая давняя страсть. Еще в 1923 году я организовал комсомольскую ячейку в своей деревне и с ребятами выпустил

два рукописных журнала «Огонек». Это был первый шаг в журналистике. Теперь, закончив десятилетний цикл корреспондента в газетах и журналах и став издателем, пишу монографию «Оборона Порт-Артура».

3 марта

Москвичи встретили радушно, поздравили с присвоением звания полкового комиссара. Найда сказал:

— Это за Ленинград и аванс за будущую работу в Москве.

На жительство устроили в гостинице «Москва». Днем ходил по столице. Прифронтовой город, народу меньше, чем в Ульяновске, большие магазины закрыты, на улицах грязновато...

В гостинице встретил Володю Столярова, облысевшего и исхудавшего до неузнаваемости. Рассказывает:

— Сидел пятьдесят шесть дней на арестантском пайке. Реабилитирован. От обязанностей военкома крейсера «Киров» освобожден. Нахожусь в распоряжении. За что пострадал? За Абрамовича-Блека. Писатель делал крейсерскую газету. В ноябре запил, дезертировал, был обнаружен и отдан в трибунал. Выгораживая себя, топил меня. Сочинял невероятное, вплоть до того, что будто бы я готовился сдать корабль немцам. Началось следствие. Правда восторжествовала. Абрамовича нет. Я буду воевать.

Да, водка до добра не доводит. Я вспомнил 1939 год. Война с белофиннами. Абрамович-Блек, командированный в Кронштадт, закатился в вокзальный ресторан и застрял там. На третий день в непотребном виде припелся в издательство и потребовал аванс в счет будущих произведений. Плакал, грозился «изничтожить». Обиженный, сочинил жалобу, обвинив командование издательства во всевозможных пороках, и послал ее в высокие инстанции. Пьяная фантазия — страшная. Из Москвы приехали расследовать. Жалоба оказалась бредом. Но ему простили клевету. И вот теперь — закономерный итог.

7 марта

Вечером в гостинице состоялось партийное собрание. Обсуждали задачи коммунистов в связи с указаниями начальника Главного политического управления о немедленном налаживании издательской деятельности. Положение аховое: за два месяца издано две брошюры — нет полиграфической базы, нет помещения для редакторов, корректоров, графиков, производственников.

14 марта

Наконец-то Найда убедил Рогова, что без его помощи мы бессильны что-либо сделать, и издательству предоставили домик во дворе наркомата. Вместо размороженного парового отопления — «буржуйки» образца 1918 года. Когда с помощью керосина их разожгли, дым пошел не в трубу, а в комнаты.

Таскали в новое помещение столы, стулья и разную рухлядь. Пилили и кололи дрова. Прочищали дымоходы. Заниматься рукописями нет никакой возможности, да и рукописей мало.

20 марта

Перебирал в чемодане свое имущество и нашел любопытный документ. В Ульяновске я познакомился с военкомом военно-морской базы Ханко дивизионным комиссаром Арсением Львовичем Раскиным. Приятный и умный собеседник. Я попросил его написать очерк о героях Ханко хотя бы страниц на 30—40. Если некогда — предложил в помощь стенографистку. Видимо, занятой человек, чтобы отделаться от меня, сразу же согласился и через недельку обещал прислать рукопись. Сказал, что у него уже кое-что написано. И действительно, через неделю я получил пакет. Раскин писал, что его срочно направляют на выполнение важного задания и он не успел написать очерк. Взамен посылает документ, полностью отражающий думы, чаяния и боевые дела ханковцев. Это было письмо гарнизона Ханко Маннергейму, во многом напоминающее знаменитое послание запорожцев турецкому султану:

«Его высочеству прихвостню хвоста ее светлости кобылы императора Николая (Маннергейм был начальником конюшни последнего русского царя. — А. С.), сиятельному палачу финского народа, светлейшей обер-шлюхе берлинского двора, кавалеру бриллиантового, железного и соснового креста барону фон Маннергейму.

Тебе шлем мы ответное слово!

Намедни соизволил ты удостоить нас великой чести, пригласив к себе в плен. В своем обращении вместо обычной брани ты даже льстиво назвал нас доблестными и героическими защитниками Ханко.

Хитро загнул, старче!

Всю темную холуйскую жизнь ты драил господские... не щадя языка своего. Еще под августейшими ягодицами Николая кровавого ты принял боевое крещение.

Но мы — народ не из нежных, и этим нас не возьмешь. Зря язык утруждал. Ну хоть потешил нас, и на этом спасибо тебе, шут гороховый.

Всю жизнь свою проторговав своим телом и совестью, ты, как измызганная старая... торгуешь молодыми жизнями финского народа, бросив их под вонючий сапог Гитлера. Прекрасную страну озер ты залил озерами крови.

Так как же ты, грязная сволочь, посмел обращаться к нам, смердить наш чистый воздух?

Не в предчувствии ли голодной зимы, не в предчувствии ли взрыва народного гнева, не в предчувствии ли окончательного разгрома фашистских полчищ ты жалобно запищал, как загнанная крыса?

Короток наш разговор:

Сунешься с моря — ответим морем свинца!

Сунешься с земли — взлетишь на воздух!

Сунешься с воздуха — вгоним в землю!
Мы придем мстить. И месть эта будет беспощадна!
До встречи, барон!
Долизывай, пока цел, щетинистую... фюрера.

Гарнизон Советского Ханко.

Месяц октябрь, число 10, год 1941».

Письмо-листовка, оформленная сатириками под руководством художника Пророкова, была распространена среди ханковцев и разбросана с самолетов над позициями финских войск.

...Редактировал рукопись книжки для агитаторов. Непременное для нее условие: ясность, конкретность, ни строчки общих фраз. Брошюру надо писать заново. Пишущие агитаторы — редкость, а нужное пособие должен написать политработник-агитатор. Ведь задачник по арифметике составляет математик, а не биолог, учебник для рулевого пишет штурман, а не сапожник!

26 марта

Высокое начальство решило: главная база издательства переносится в Ульяновск. Тамошнюю типографию приказано обеспечить всем необходимым и укрепить кадрами из Ленинграда. Я немедленно должен следовать обратно на берега Волги...

Вечером и ночью в номере Найды отмечали 65-летие Алексея Силыча Новикова-Прибоя.

Алексей Силыч планировал отметить свой юбилей в кругу, по крайней мере, сотни сынов моря, но обстановка не позволила. Не позволил и директор ресторана «Москва», который без продовольственных карточек в съестном и питейном категорически отказал.

Собрались тесным кружком. Общими усилиями организовали угощение и чествовали мариниста от имени советского Военно-Морского Флота, от имени всех плавающих и путешествующих, от имени многомиллионных читателей его произведений.

С Силычем я познакомился при необычных обстоятельствах. Однажды в редакции «Красного флота» возник разговор о достоинствах и недостатках романа «Цусима». Результат этой дискуссии — статьи журналиста Ильи Амурского в «Красном флоте» и моя — в журнале. Надо сказать: мы подметили немало изъянов в его сочинении...

Алексей Силыч недолюбливал критики. К тому же о романе шла добрая слава. И он обратился с протестом в высокие инстанции. Потом рассказывал: «Там меня спросили, кто, мол, критикует. Отвечаю: щелкоперы из морской периодики. Тогда мне говорят: а вы подумайте хорошенько, может, они правы. Я подумал и...»

В марте 1939 года писатель приехал в издательство, и в кабинете Найды разыгрался настоящий шторм: Силыч громил по всем статьям Амурского и Сорокина, посмеявшихся замахнуться на участника сражения и учить его. Потом разъяренный морской волк стал читать листок, извлеченный из кармана пиджака. «Вот как писали еще в старину о критиканах. Послушайте-ка! «К хульникам...» Он процитировал текст, который звучит далеко не печатно.

Найда посмеялся и сказал:

— Хульник Сорокин сидит рядом с автором романа.

Силыч начал тереть свою лысину и... подарил мне на память листок с обращением к «хульникам».

В тот же день я посетил Новикова-Прибоя в «Астории» и едва отбился от его гостеприимства. Писатель взял обязательство в кратчайший срок дополнить роман главами о героизме русских моряков. (Именно эта сторона, на наш с Амурским взгляд, страдала в «Цусиме».)

В последующие дни его видели в Военно-морском архиве, в Военно-морской академии, с участниками Цусимского сражения. В помощь автору издательство пригласило из ленинградского отделения Академии наук на роль редактора профессора-филолога Яковлева. Вскоре в газете «Известия» одна за другой появились новые главы романа. «Цусима», наполовину обновленная, вышла в свет осенью 1940 года в нашем издательстве.

Засиделись почти до утра. Перед рассветом юбиляр снялся с якоря и как ни в чем не бывало взял курс к месту своего постоянного базирования — домой.

31 марта

Бригада моряков-командиров втащила в купе мягкого вагона четыре мешка с посылками для семей в Ульяновске и пожелала мне счастливого плавания. Сосед, майор-танкист, едет в Ульяновск в распоряжение начальника танкового училища.

— Отвоевался, везу с собой опыт, три ордена и семь разного профиля ран. Назначен преподавателем, — доложил он, знакомясь.

К ночи заглянул проводник. Изъял билеты.

— Буду ли топить? Если стрельну у встречных уголька, погрею... Чай? Война, какой там к лешему чай, воды-то и той на вокзалах нет! Утешил...

4 апреля

Снова в Ульяновске. Раздавал посылки. В ночь сильно лихорадило. Поднял с постели доктора Квашонкина, который сказал: «Молись, чтобы не тиф», — и уложил меня в изолятор, напичкав порошками. Никого не молил, но вместо тифа отделался насморком.

12 апреля

Письмецо от родственника Михаила Сорокина (наши дедушки были двоюродными братьями): «Не помог ты мне, Сашенька, устроиться на «Марат», и великий грех тебе будет! (Еще в начале войны Миша обратился с просьбой «устроить» его комендором на крейсер «Марат»: военкомат в призыве ему отказал из-за преклонного возраста.) За други своя по морскому товариществу должно живот поло-

жить. Оставляю за кормой городишко Котлас, еду, друже, в Заполярье. Своею собственной рукой добился чести нести боевую вахту среди североморцев...»

Военный моряк Михаил Сорокин воевал с немцами в первую мировую войну. Попал в плен и был послан батраком к помещику в Восточную Пруссию. Сбежал. В годы гражданской войны сражался против интервентов и белогвардейцев на Балтике и Северной Двине. Вот какой он, мой родственник!

...Минер-подводник капитан-лейтенант Григорий Соловьев — ныне редактор в издательстве. По ночам что-то сочиняет, по утрам сжигает написанное, в следующую ночь снова пишет. Говорю ему: «Не ищи там, где не зарыто». В ответ слышу: «Если Лев Николаевич Толстой — обеспеченный барин, гвардейский офицер — в мои годы мог написать значительные произведения, то почему я, советский командир, не могу сделать то же?»

Гриша уже напечатал в журнале «Краснофлотец» добротные рассказы. Прочитал написанный им и семь раз переписанный рассказ «Комендоры». Сделано профессионально. Но до Льва Толстого ой как далеко!

19 апреля. Воскресенье

Одинокó ходил по улицам Ульяновска. По обрыву спустился на берег матушки-Волги. У лестницы сидел старикашка и напевал под нос: «Покурил бы табачку да полукрупочки! Полежал бы да на бережку...» Фольклор. Подал ему горсть самосада. В памяти мелькнули стихи поэта-профессионала:

В походную форму одеты,
Примкнув к карабинам штыки,
По самому краю планеты
Над морем идут моряки.

Взвивайся над грохотом боя,
Над пламенем новых атак,
Победное знамя морское,
Морской незапятнанный флаг!

Идут краснофлотцы лихие
На сопки, в леса, на поля.
Россия! Россия! Россия!
Советская наша земля!

Это из поэмы Александра Жарова «Богатырь», посвященной памяти Героя Советского Союза североморца Ивана Сивко. В бою на суше молодой матрос остался один, бился до последней гранаты. «И последней гранатой взорвался с врагами Сивко». Моряки любят Александра Алексеевича за его прекрасные стихи и песни.

...Еще письмо, печальное: в феврале умер от голода 18-летний путиловец, «токарь по металлу и истребитель танков», Саша Жуленков. Мать потеряла единственного сына...

Беседовал с бракоделом. Выразил неудовольствие и сказал, что стыдно седому, опытному полиграфисту работать спустя рукава, когда Родина в опасности. Поджарый с орлиным взором дед подвел меня к бумагорезательной машине:

— Этой старушке 73-й год, она и еще послужит, а ножи?

Он положил под нож небольшую стопку бумаги и включил ток. Послышался хруст, заскрежетало, и бумага искромсалась. В типографии всего два ножа — ровесники машины, сточенные до обуха.

Разговорились. Ивану Семеновичу 72 года. В молодости служил солдатом в Петербурге, в военной типографии. Потом работал у издателя Березовского, затем у Сытина.

— Да где за свою жизнь только не трудился! В Москве печатал юбилейное издание земляка Гончарова — он из купцов, а я из дворовых.

Старик знал и других знаменитостей — поэта Языкова, Карамзина.

— Все, что написано Иваном Александровичем и Николаем Михайловичем, есть в нашей семейной библиотеке. Приходите, покажу уникамы, часть коих я сам набирал, печатал и переплетал.

Такой «бракодел» встретился мне впервые. И было неловко, что, не разобравшись, я обидел человека.

Из Ленинграда получил 14 выпусков «Боевой краснофлотской поэзии». Маленького формата, всего по 20—24 страницы, эти книжечки начинены взрывчаткой. Недаром вверху обложки напечатано: «Смерть немецким оккупантам!» Содержание стихов отражено в названиях брошюр: «Балтийская лирика», «Тебе, Москва», «Кровь за кровь, смерть за смерть!», «Бьем врагов на суше». Стихи «Ночь на Неве» А. Лебедева, «Как на зорьке застучали молотки» Н. Брауна, «Балтийский комиссар» А. Чуркина, «Письмо моряку» В. Азарова и многие другие будут жить долго.

Письмо Ильи Ивановича Елсакова, написанное им 26 декабря прошлого года на мой ленинградский адрес, через четыре месяца дошло до меня. Приведу выдержки: «Участвовал в отражении немцев у (зачеркнуто). Ты знаешь, когда-то я неплохо стрелял, а тут не помню, где подобрал винтовку. Лег и начал щелкать на выбор, пятого фашиста сшиб у самого бруствера окопа, даже видел его глаза и чуть было не пожалел бородатого гада. А ведь еще миг, и он заколол бы меня. Потом драпал с версту, однако остановился, а когда атаку отбили, вернулся в штаб. Там уже считали, что казначею крышка. Не тут-то было! Только никто не верит, что я отправил на тот свет пятерых фрицев, а тебе, закадычному другу, говорю: точно отправил!»

Молодец Илья Иванович! Только жив ли старый казначей?

Навестил в госпитале капитана 1 ранга Николая Александровича Жукова. Старый моряк неимоверно исхудал.

— После болезни меня кормят только манной кашкой,— говорит, сверкая голодными глазами.— Я же хочу кусок свиного сала и еще что-либо бодрящее.

Начальник госпиталя, судя по внешности, питается отнюдь не манной кашей... После беседы о здоровье Жукова сказал:

— Дорогой мой, в госпитале, кроме манной крупы, сахарного песка и хлеба, ничего нет. Вот ждем наряды и из местных запасов кое-что должны получить, а пока...— На прощание добавил: — А что касается моих ста килограммов, то это — сердце. Я с удовольствием уступил бы вам килограммов тридцать!

Радуют полиграфисты. Молодая работница Аннушка, набирая табличный текст, выполнила норму на 148 процентов. Вся сияет:

— Получила от Алексея письмо. Он убил уже дюжину фашистов. Вот я и отметила такую радость.

Отправили читателей роман Александра Зонина «Воспитание моряка». Писатель на Балтике. Ему послали авторские экземпляры. Дойдут ли?

4 июля

Сообщение Совинформбюро: по приказу советские войска оставили город Севастополь... У моряков нашего «гарнизона» глубокий траур. Зашел к контр-адмиралу Михалькову. Убеленный сединами черноморец говорит, что в глаз попала соринка — плачет. Севастополь, Севастополь... 250 дней и ночей держался. Моряки сделали все, что могли...

В феврале из Ленинграда прибыл Николай Беккер — старейший линотипист. Поручил ему (сначала подлечили в госпитале от истощения) привести в порядок линотипы и линотипистов «Пролетарского пути». Сегодня типография неузнаваема, а наборщики освоили слепой метод и выполняют нормы на 120-130 процентов!

Мастер отремонтировал и наладил машины, выучил линотиписток не только быстро и грамотно набирать, но и ухаживать за техникой. Вначале старика встретили в штыки, а теперь души в нем не чают.

18 августа

Издали книжку стихов Алексея Лебедева «Огненный вымпел». Автора — Леши с трубкой — уже нет в живых. Море, которое он так беззаветно любил, навсегда отняло у нас поэта: подлодка не вернулась с задания.

Сборник открывается некрологом. «Мне странно думать,— пишет Николай Тихонов,— что нет больше веселого, крепкого, краснощекго лейтенанта Алексея Лебедева... В его стихах вы найдете сначала восторг перед значительностью избранного им пути, потом упоение романтикой дела, потом описание его суровых особенностей и подойдете к главному, к тому, что он сам стал моряком военным, то есть человеком, посвятившим себя защите морских границ Родины. Таким

образом, гражданин становился воином. Воин — поэтом. В этом сочетании у Лебедева была большая правда. Активный поэт, он любил поэзию силы, действия, стремительности, дерзания. Он ушел от нас слишком молодым, и от этого наша печаль еще глубже, наша горечь еще сильнее. До слез жаль его!»

Сборник состоит из шести разделов: «С нами весь народ», «Путь на моря», «От родных берегов», «Учит нас история морская», «Лирика» и «Балтийцы». Всего 64 стихотворения. Редактор Александр Жаров бережно отнесся к творчеству автора и сохранил тексты такими, какими они вышли из-под пера молодого поэта.

Борис Лавренев посвятил Леше Лебедеву рассказ «Трубка»...

19 августа

Распрощался с Ульяновском — курс на Москву. За полугодие наш маленький коллектив издал, главным образом книг официальной литературы, 83 названия.

20 августа

В Рязани предложили покинуть вагоны: поезд дальше не пойдет. Военный комендант посоветовал устроиться на любой, следующий в столицу. Устроился. На станции Рыбное ситуация повторилась.

Глубокая ночь. Ни одного огонька. Дежурный сообщил, что скоро будет ташкентский:

— Если сумеете, садитесь!

В товарищи ко мне присоединился красноармеец, возвращавшийся в часть после госпиталя.

— Один в поле не вояка, а двое — это уже кое-что, — говорит. — Один моряк — сила, и один артиллерист — сила. Три артиллериста — три силы с гаком, а три моряка — трижды три.

— Кто это вам сказал?

— Сам знаю. Под Москвой мы поддерживали морскую бригаду с Дальнего Востока. Это, я вам скажу, богатыри! Наш комбат говорил, что три матроса — считай взвод, не ошибешься.

Чудес не бывает, но вдруг, вынырнув из темноты, пред нами предстали два моряка. После ранения, лечения и отпуска они возвращались во флотский экипаж. Когда прибыл ташкентский, начали вместе штурмовать вагоны. Первый — четвертый закрыты. Ворвались в пятый и сразу:

— Стой, стрелять буду!

И в ответ:

— Браток, не балуй!

— Моряки! Товарищ старшина, моряки!

Мы уже в вагоне, поезд двинулся. Старшина осветил фонариком. Артиллерист басит:

— Гляди шибче — полковой комиссар!

— Вижу, — отвечает, — только тут спецкоманда...

Когда проснулся, было светло. Познакомился с бородатым майором. Фронтовик! Рассказал, что в вагоне все, что осталось от его полка после боев на Дону: 2 офицера и 63 матроса.

21 августа

Малая Грузинская, 6 — таков теперь наш адрес. Издатели два месяца ремонтировали это здание, в котором до войны размещались детские ясли. Мне отвели кабинет в 4 квадратных метра. Редакторы работают в одной комнате. Но — в тесноте, да не в обиде.

25 августа

Журналист Владимир Рудный — участник обороны Ханко. Написал добрую и нужную книжку «Непобежденный Гангут». Автор обещает увековечить балтийцев, когда замолкнут орудия: сейчас много оперативной работы в периодике.

— Надо, — говорит, — побывать еще на Севере, на Черном море, неплохо бы пожить среди моряков, сражающихся в составе морских бригад.

Книжка иллюстрирована фотографиями автора. Обложка выполнена участником обороны Ханко художником Пророковым.

В ноябре 1941 года воины, оборонявшие Москву, и ее жители писали гарнизону Ханко: «Пройдут десятилетия, века пройдут, а человечество не забудет, как горстка храбрецов, патриотов земли Советской, ни на шаг не отступая перед многочисленным и вооруженным до зубов врагом, под непрерывным шквалом артиллерийского и минометного огня, презирая смерть во имя победы, являла пример невиданной отваги и героизма... Великая честь и бессмертная слава вам, герои Ханко!»

От имени гарнизона москвичам ответил красноармеец Михаил Дудин:

О холодный камень бьется валом
Темная, свинцовая вода.
Мы тверды, как эти каменные скалы,
В грозный час не сломит нас беда.

Мы знамен победных не уроним,
Здесь чужая не пройдет нога.
Родина, мы головы не склоним
Перед черной силою врага...

Пусть слово в слово входит круто,
Камнями будут пусть слова,
Пусть слава русского Гангута
Вовек останется жива!

Гарнизон Ханко защищал вход в Финский залив и подступы к Ленинграду с моря с начала войны и до декабря 1941 года. Ханковцы отбили 36 приступов противника, сбили более 50 самолетов,

приняли на себя около полумиллиона снарядов и мин, потопили несколько десятков вражеских кораблей, в том числе два миноносца... После выполнения боевой задачи герои были эвакуированы в Ленинград. В боях за город Ленина они показали себя такими же орлами, как и на Ханко.

1 с е н т я б р я

— Представляюсь. Лавренев! — сказал Борис Андреевич и сунул мне ладонь. — Рад тебя, голуба, видеть здоровым, бодрым и на своем насиженном месте. Поздравляю с полковником! Завтра-послезавтра прокладываю курс на Ташкент — по заданию Рогова делать пьесу «Морской фронт». В успехе, однако, сомневаюсь!

После его ухода зашел капитан Цемлер, советский немец, художник с академической подготовкой, добродушный и рыжеватый флегматик. График издания художественных открыток к 25-летию Великого Октября под угрозой срыва: задерживается оформление. Приказал художнику работать по 16 часов в сутки.

- Есть, работать круглосуточно!
- Повторите приказание точнее.
- Есть, работать по 16 часов в сутки!

После паузы сказал:

- Разрешите пригласить на помощь друзей?
- Добро! Через три дня положите оригиналы мне на стол.
- Есть! Через три дня оригиналы будут на вашем столе.

М е ж д у 5 и 10 с е н т я б р я

Начальник Главного политического управления Военно-Морского Флота армейский комиссар Иван Васильевич Рогов нетерпим к тяжкодумам, юбочникам, любителям русской горькой, которые, к сожалению, еще не редкость в морском братстве. К остальным — работающим и дисциплинированным, инициативным и думающим — он чуток и внимателен. У него огромный опыт. Рогов — член Центрального Комитета партии. Все двадцать с лишним армейских лет провел на практической работе — в гуще командиров и красноармейцев.

На совещании политработников Рогов спокойно и деловито изложил очередные задачи военно-морской печати. Каждая строка — для победы. Тематику в газетах, журналах, брошюрах, сборниках преломлять преимущественно через конкретных героев, и особенно — Героев Советского Союза. Назвал и главные темы дня: верность и преданность Коммунистической партии, Родине; военная присяга, приказ командира — закон; без железной воинской дисциплины нет победы; сохранение военной тайны и революционная бдительность; честность, правдивость, храбрость, доблесть; беспощадность к оккупантам.

Потом состоялся обмен опытом.

..Отпечатали «Севастопольские рассказы» Льва Николаевича Толстого. Книга иллюстрирована прекрасными гравюрами на дереве, выполненными художниками А. Журовым и В. Домогацким.

— Гора с горой не сходится, а писатель с издателем — всегда, — с такой репликой появился Алексей Силыч.

Флагман маринистов весел и беззаботен, как и положено быть морскому волку. Травил без умолку сначала исторические анекдоты вперемежку с байками о современности, затем прочитал мне лекцию «Кто есть такие писатели и как они творят произведения искусства».

— На земле-кормилице не бывало и нет человека, во всем похожего «на други своя». Не было и нет одинаковых и писателей. Появились они на свет в разное время и от разных родителей: один в чистом поле, другой в бане, третий в родильном доме. По-разному воспитывались: один кулаком, другой пряником. Выросли. Кто-то вылупился матросом, кто-то чиновником, иные — тружениками свободной профессии. Природа наградила их не равными долями таланта. Молодые и пожилые живут и сочиняют в разной обстановке и условиях: один по утрам в глубокой тиши, в кабинете, другой — в постели, третий — в любом месте. Наконец, у каждого свои недуги: геморрой, чванство, безденежье и прочее.

Мы не похожи и по внешности. Есть лысые, есть заросшие бурьяном волос, а есть и бритоголовые, вроде меня. Здравствуют длинные, короткие, толстые, тучные и дистрофики, краснобаи и молчуны, юбочники и монахи, охотники и рыболовы, сказочники и вральманы, гуманисты и непротивленцы злу насилием, романтики и пессимисты...

Силыч протирает платком свою черепушку. Через минуту продолжает:

— Не ровен друг-писатель и по стилю, и по почерку, и по мере способностей и разумению: одни фотографируют и негативы ретушируют, иные делают монтаж из фото, тут нет ничего своего и ничего заимствованного у классиков, делают монтажи и из живых персонажей. Это хлопотно. Третьи ныне извлекают из архивов деяния царских адмиралов и генералов и расписывают оных под благодетелей русского народа. Всего не перескажешь. Хватит! Да, а идеи? Главное-то и запамätовал. Мы клянемся методом социалистического реализма: находи в окружающем тебя мире правду жизни и пиши только правду. Ищут все, находят многие. А вообще-то писатель, и большой и маленький, самобытен, индивидуален и субъективен, таковы и произведения.

— Орудия производства у сочинителей тоже разные, — перебил я его. — Павел Петрович строчит остро очиненным карандашом, Иван Павлович любит «золотое перо», Александр Ильич диктует машинистке, Сергей Федорович — стенографистке, Алексей Силыч свои труды отстукивает на машинке сам.

— Стучу, стучу, — подхватил писатель, — чаще утром, когда есть зуд писать. Вчера перед сном продумал столкновение супругов

из «Капитана». Раненько засел за машинку. Сделал страницу, прочитал, подумал — и в корзину. Не то! Отпечатал новую. Прочитал — лучше, а все-таки — не то. Еще раз отстукал... В общем, прочитал восьмой вариант, удивился и, утопив его в корзине, направил стопы на зарядку в издательство.

Он помолчал.

— Вот «Цусиму» писал легко, — заговорил вдруг вдохновенно. — Все было пережито, выстрадано, помогали воспоминания участников сражения, архивные документы. Нарисовать палача Рождественского было проще простого, не требовалось сосать палец. Пиши натуру, и только. «Адмирал, крупный и тяжелый, с проседью в круглой бороде, следил за противником, не отрываясь от бинокля. Он был слишком высок, поэтому, чтобы смотреть через прорези, ему приходилось расставлять ноги и сгибать широкую спину. Через ворот его тужурки переваливался нарост шейного мяса. По своей постоянной привычке он двигал челюстями, отчего каменное лицо его несколько оживлялось, но в то же время это еще больше внушало страх другим». Так изобразить «Капитана первого ранга» советского Военно-Морского Флота никак не могу. Из тысячи современных капитанов слепить желаемого — ой как трудно. Испортил кипу бумаги, две ленты, а типа нет как нет. Надо уметь из бывшего денщика вылепить совершенно нового человека. Внешне еще куда ни шло, а внутренне... Вот если бы я поплавал под командой советского капитана первого ранга, тогда — другой разговор...

Силыч тяжело вздохнул:

— Сменим пластинку. Слово тебе.

— Алексей Силыч, почему вы подписываетесь Новиков-Прибой, а не просто Новиков?

— Дорогой мой! Я думаю, тебе известно, что Прибой — это мой литературный псевдоним. За Новиковым при царе гонялись жандармы, и подпись Прибой под рассказами прикрывала от ищеек.

— А ныне зачем?

Силыч ехидно улыбнулся, усы его приподнялись, открыв ровные мелкие зубы.

— Выгодно! Вот пример. Перед войной я как-то опаздывал на «Стрелу». Был голоден и забежал на вокзале в ресторацию. Народу — тьма-тьмущая. Поймал официанта и говорю: «Голубчик, я Новиков-Прибой, покорми меня за пятнадцать минут». «Цусима!» — воскликнул служивый и убежал. Через минуту вижу брюхана. «Алеша, — кричит, — баталер с «Орла», друг ты мой милой!» Смотрю — да это же Васька! Не виделись тридцать пять лет. Обнимаюсь и целовались. Само собой «Стрела» ушла... Скажи официанту, что я Новиков, будь уверен: он на меня и не взглянул бы. Новиковых — хоть пруд пруди. И не встретился бы я с Васькой — директором ресторана, с далеким другом и товарищем по царской каторге... Еще случай. Тоже в пути из Москвы в Ленинград. Вхожу в купе, а там уже сидит такой плотненький дядя, читает. Говорю: «Добрый вечер! Разрешите представиться — Новиков-Прибой». Он приподнялся, посмотрел меня глазами и ответил мягко что-то вроде «Тарелкин»...

Поехали. Сосед открыл саквояж, изъял бутылку простокваши и сказал: «Алексей Силыч, откушайте со мной, к ночи полезно для пищеварения... Я очень рад, что с вами познакомился лично. Зачитывался фундаментальной «Цусимой».

Слушая соседа, я все больше задираю нос, надувался, как пузырь, и... лопнул: моим сокупейником оказался не какой-то Тарелкин, а академик Евгений Викторович Тарле. А ведь назовись я просто Новиковым, и знакомство с академиком, скорее всего, не состоялось бы, тем более что по внешности меня почему-то принимают за хозяйственника-снабженца...

Веселый и хитрый дед!

Академик Тарле представил рукопись второго тома «Крымской войны». Будем издавать. О перспективах текущей войны сказал кратко: «Германию разорвут на куски, и понадобятся десятилетия, чтобы эти куски сшить на новой основе».

А я ведь — один ли я? — об этом и думать не думал...

11 с е н т я б р я

В караульном помещении двое: один, сменившись с поста, спит, а другой драит пуговицы на бушлате.

— Старший матрос Захаров! — вскочив, представился моряк.

На груди две медали «За боевые заслуги». Поинтересовался за что, и вот какой рассказ записал потом со слов Захарова:

«По ремеслу я, что называется, «подними да брось» — грузчик. На флот призвался в сороковом. Не слишком грамотный, с худым характером — начальству пришлось не по нутру. Мои земляки пошли в учебные отряды, а меня — на склад. Закрутило, завертело. Тут началась война, фашисты подошли к Таллину, и я определился в морскую пехоту. И стрелять-то не умел — научился уж на фронте. Дрались отчаянно, однако ж пятились. Часто сами атаковали. Многие обзавелись трофейным автоматом, да и я, конечно. Недалеко от Таллина закрепились. Наш командир сказал: «Больше — ни шагу назад, да и некуда». Немцы лезут ровно бешеные, не дают и часу передышки. Бьем их, как куропаток, а они, окаянные, лезут и лезут.

Наш взвод оборонялся на хуторе. Однажды вечером старшина Ильичев скомандовал: «Матрос Захаров, пойдите в секрет!» Отползли мы с ним этак шагов на двести — триста, и тут, в кустарничке, я и расположился. Ильичев сказал шепотом: «Глаз не спускай вот отсюда и досюда. Увидишь, услышишь чего подозрительного — поднимай тревогу. Справа от тебя — наша братва, слева — пехота. Сменю часа через три. Не усни! Уснешь — нас побьют и сам получишь немецкую пилюлю, а то и свою, советскую. Понял? Дай я тебя на всякий пожарный поцелую. Да, отдай спички! Амба!» — и уполз.

Устроился и стал наблюдать, а больше слушать: темно и тишь жуткая. Не стреляют, и ни одна живность не подает голоса. Пожары и те поутихли. Наблюдал-наблюдал, слушал-слушал, и полезла

мне в мозги разная непотребуемая ерунда... Вспомнил Танюшу из-под Вологды, ну и всякое такое. Запахло скошенной травой, и, товарищ начальник, я уснул, уснул на боевом посту! Не спал до этого три дня и ночи, а тут, подлюга, уснул! Эх, спал, как пес. В конце концов проснулся, а рядом, глазам своим не верю, шагах в десяти, — танк с крестом, а на траве три фрица жрут и хохочут, понятно, хватили шнапсу. Обомлел! Что делать? Индо под ложечкой засосало. Чего скрывать, струхнул. И знаете, вдруг мне так захотелось проститься со своими. Перевел глаза в сторону Финского залива и там в дымке увидел родные корабли. Артиллеристы стреляют...

А дальше было так. Дал в упор по танкистам очередь, срубил, вскочил, запустил в открытый люк танка две бутылки с зажигательной смесью, схватил круг колбасы и в этот миг увидел немцев, бегущих с хутора.

Отколы взялась сила и злость? Дал очередь и взял курс на Таллин, пополз, фашисты — за мной. Стреляют впопыхах, не знают, что где. Бью еще, перебегаю, ползу... Была бы мне чистая крышка — выручила пехота. Ползу, кровь из носа, и перед самой физией вижу — наш армеец с автоматом. Крикнул: «Отступай, прикрою, потом ты меня!» И так это мы пятились, отстреливаясь, пока нас не прикрыли пулеметчики. Приползли в окоп что черти.

А опосля я в струнку стоял перед командиром Парафило, и язык у меня прямо-таки отсох, не поворачивался. Полковник сказал: «Герои! Люблю таких! Так держать! Оставим от немца мокрое место! Я, — говорит, — наблюдал, как ты, Захаров, шарахнул по танку. Ты теперь — бронебойщик». И обнял меня.

Не знаю, по праву или нет я был награжден.

А Ильичев один на один проворчал: «Моли бога, что не ты был виноват в отступлении, а то тебе бы не медаль, а пуля полагается!»

Ну а вторую медаль получил на Неве — с товарищем уничтожили дзот. Подкрались, открыли вход, бац туда четыре гранаты — и вся песня... Потом был ранен, попал в московский экипаж. Хреново тут — в бой хочу. Если бы не Танюша — она приехала, устроилась уборщицей, — то не знаю что...

16 с е н т я б р я

На собрании партийного актива слушал выступление секретаря Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала товарища Мануильского. Дмитрий Захарович — старый партийный деятель, с моряками дружит давно. Еще в 1906 году за агитацию среди балтийцев он был арестован и выслан на каторгу в Сибирь...

Хотя обстановка на фронтах не веселит, докладчик настроен оптимистически: «Сколько бы немцы ни одерживали побед, окончательная победа будет за нами!»

Сотни моряков партийного актива получили крепкую зарядку, обогатились новыми знаниями, лучше сориентировались в сложной международной обстановке.

Издали пособие для кораблестроителей академика А. Н. Крылова «Теория корабля». Идет война — корабли устаревают и гибнут. Но во множестве строятся новые, проектируются новейшие. И пособие это очень нужно кораблям.

Побывал в Военном издательстве. Старые друзья-сослуживцы встретили тепло. Работа идет полным ходом. Красная Армия получает громадное количество пропагандистской, учебной и всякой другой литературы. Миллионными тиражами печатаются листовки, плакаты, памятки, лозунги. Начальник издательства Петр Федорович Копылов сказал:

— Мы тоже побывали на Волге. Трудновато. Не все и не всегда идет гладко, бывают и ухабы. Но мы не одиноки. Инструктора Главного политического управления часто ночуют у меня в кабинете. В нашем распоряжении большинство действующих типографий Москвы. А как же иначе? Ведь работаем для фронта, работаем на победу. Идите в Центральный Комитет, стучитесь, требуйте: под лежащий камень вода не течет. Помните эту пословицу.

А ведь он прав. Мы, морские издатели, не всегда проявляем настойчивость.

17 с е н т я б р я

В приемной адмирала Галлера морской порядок: прием не по очереди, а кому в какое время назначено...

Вспоминаю 1937—1938 годы. Работал вечерами. Однажды в кабинете появился начальник Главного морского штаба Галлер.

— Вы, товарищ Сорокин, что делаете в такое позднее время?

— Товарищ флагман, составляю разнарядки!

— А что вы делали днем?

— Не справляюсь, я один.

— Увольте! После отбоя без моего личного разрешения на работе не оставаться. Идите к семье, идите в театр, читайте, учитесь, тогда будете успевать и служебные обязанности выполнять в служебные часы...

А сам-то? Приходил в наркомат в 8 часов утра и уходил между 11 и 12 часами ночи... В ту пору Галлер готовился вступать в партию. Весной 1918 года, во время знаменитого ледового похода из Гельсингфорса в Кронштадт, он командовал дредноутом «Андрей Первозванный». С тех дней Лев Михайлович твердо стоит на командирском мостике нашего флота. Почему бы ему и не стать членом большевистской партии?

— Адмирал просит, — объявил адъютант.

Лев Михайлович встретил, как всегда, посредине кабинета, усадил в кресло. Живо интересовался планами, спросил, где семья и все ли здоровы. Приятно иметь с таким начальником дело. Просьбу издательства о перевозке полиграфического имущества и бумаги из Ленинграда в Москву выполнил при мне: связался по телефону с командиром Ленинградского порта и дал ему указания...

3 октября

Отпечатали тираж повести Александра Морозова «Жизнь моряка».

Помню, в начале 1940 года в издательство явился московский журналист, преисполненный желания писать о морях. В те дни в Военно-морской академии отмечали 90-летие Иосифа Ивановича Юревича, служившего на флоте с юнги! Морозова познакомили с древним, но еще могучим старцем. Долгие вечера ветеран флота рассказывал историю своей жизни, начавшуюся в Кронштадте еще на парусном корабле и продолжавшуюся поныне. В 1941 году на книжном рынке появилась оригинальная новинка. Повесть тепло приняли моряки. Стал моряком и сам автор, по крайней мере внешне. За год войны в роли корреспондента он побывал под огнем на Балтике, в Полярном, в Севастополе.

И вот — новая книжка.

Московский Совет предоставил издательству на выбор три полуразрушенных фашистскими бомбами дома. Облюбовали менее пострадавший на Арбате. Хозяйственники наркомата для восстановления здания обещают дать рабочих, транспорт, материалы и деньги.

Подписал в печать сборник «Смерть за смерть! Кровь за кровь!» и 18 цветных открыток с портретами моряков — Героев Советского Союза.

5 октября

Штурмовой день: Рогов улетает в Заполярье. Приказал подготовить библиотечку последних изданий в подарок североморцам. Сделали тысячу пакетов по 12 книжек в каждом.

В производстве сплошные молнии. Всем и все нужно немедленно. Песенник и тот издается молнией.

2 ноября

Узнал печальную весть: в авиационной катастрофе погиб дивизионный комиссар Арсений Львович Расскин, так и не написавший воспоминаний о партийно-политической работе среди защитников Ханко. Какая нелепость! Политработник был полгода под ежедневным огнем врага, а погиб вдалеке от фронта...

Поэт Лев Длигач вручил на память книжечку севастопольских стихов, сочиненных под грохот взрывов снарядов и бомб. Попросил его что-либо прочитать. Читает он великолепно.

Приморский гордый и бесстрашный город!
Ты в эти дни прекрасней, чем всегда.
Твой воздух орудийным громом вспорот,
Но воля черноморская тверда.
На рейде реют боевые флаги,
Ты голову не склонишь пред врагом,
Ты стал бессмертным символом отваги
И черноморской славы очагом...

С наслаждением прочитал рассказ черноморца Гаврилова «Недописанное письмо». Сочинил такое мало-мальски известный писатель, шуму было бы на всю литературную Москву. Гаврилов неизвестен. Фронтвики скажут автору товарищеское спасибо за светлый, согревающий душу подарок.

5 ноября

Сдали тираж книжки Н. Михайловского «Линейный корабль «Марат». Автор горит желанием писать о героике моряков, но беда — нет запаса исторических знаний, а архивов не любит. И все-таки «Марат» ему удался.

8 ноября

Вышла в свет очередная книжка Леонида Сергеевича Соболева «Батальон четверых» — отличный подарок писателя и издательства морякам.

11 ноября

Севастопольские рассказы Андрея Платонова под общим названием «Броня» вызвали бурные споры. Особенно взволновала манера письма. Рассказы психологичны, заставляют думать, но обидно, когда за словесными выкрутасами подчас выглядывает что-то путаное, иносказательное, чуть ли не мистическое...

Найдя пригласил автора, группу писателей и редакторов для обмена мнениями. Разгорелись страсти. Некоторые товарищи не признают за рассказами художественной ценности, другие считают их шедеврами. Часть писателей предпочла придерживаться метода «двух стульев», или — что то же — «с одной стороны, с другой стороны». Сам автор, видимо больной, слушал молча. Когда ему предоставили слово, сказал:

— Лучше написать не мог. Старался. За товарищескую критику и замечания спасибо. За организацию совещания — особенно. Окончательное решение о действенности рассказов пусть вынесут читатели-фронтвики, в частности севастопольцы — главные герои моих рассказов.

Издательство посетил автор известного романа «Бруски» Федор Иванович Панферов. Вручили ему авторские экземпляры повести «Своими глазами» и гонорар. Писатель ознакомился с тематическим планом. Обещал написать о моряках, скорее всего о речниках, сражающихся с фашистами на Волге.

С юга возвратился возбужденный Брамм. С ходу заявил, что коптеть в издательстве не намерен, приложит максимум усилий, чтобы определиться в действующий флот — хотя бы рядовым газетным репортером:

— На Черном море — борьба, а тут — прозябание!

Не стал ему возражать. Возможно, он и прав. Но кто-то должен издавать и литературу, столь необходимую для фронта.

Поздно вечером слушал Григория Сорокина о черноморцах, о том, как он воевал, конечно пером и изыком, как собирал документы для увековечения героев Севастополя, о встречах со старшиной Ноем Адамия и снайпером Людмилой Павличенко. Не останови я красноречивого писателя, он бы стрекотал, как из пулемета, до утра:

- Что там написал?
- Начал книжку о Герое Советского Союза Острякове.
- Что привез от братьев писателей?
- Братья пишут для газет. Но я сделал уйму заказов,— перечислил десятка два фамилий...

15 ноября

Провели культпоход в МХАТ. Смотрели пьесу А. Корнейчука «Фронт».

Замечательно представлены в пьесе красноармейцы. Они, по существу, и спасают спектакль. Редакторам, а у нас есть и бывшие фронтовики, пьеса в целом не понравилась. Не понравилась она и мне: у зрителя может возникнуть искаженное представление о действительности, страшной и трудной, когда жизни тысяч людей и даже судьбы сражений зависят лишь от решения Горлова или Огнева.

Не исказил ли театр идею произведения? Ведь пьеса была напечатана в «Правде», и ее появление не случайно.

22 ноября

Вот и дождались! Началось наступление Красной Армии в районе Сталинграда. Фашистские орды между Доном и Волгой зажаты в тиски. В Москве — праздник. Люди целуются на улицах. Хотя еще не все ясно, тем не менее появилась уверенность, что положено начало истреблению гитлеровской грабьармии.

Брамм подал рапорт с просьбой направить его в действующий флот: «Я рискую опоздать — война закончится! Что потом скажу сыну? Где был и что делал в тяжелую годину?» Напоминать Ленинград ему не стал. Поверил и написал на рапорте: «Не возражаю». Найда тоже согласился, и торжествующий старший политрук отправился в распоряжение начальника управления кадров.

Заходил профессор Военно-морской академии капитан 1 ранга Николай Васильевич Новиков. Пили чай «вприглядку». Я похвастал, что собрал материалы и факты для написания монографии «Оборона Порт-Артура» и вот-вот начну писать. Гость заметил:

— Ученый Лаплас говаривал: если бы человек ограничился одним собиранием фактов, наука была бы бесплодной макулатурой и никогда человек не познал бы великих законов природы. Учти, когда факты собраны, их надо обязательно переварить, пропустить через мозги и только потом браться за перо. Так творили все великие.

То — великие...

Есть тираж сборника «Флот в боях с белофиннами». Книга появилась с опозданием, но ценна тем, что посвящена описанию подвигов

моряков на море, на суше и в воздухе и написана участниками войны. В числе авторов Всеволод Вишневский, Леонид Соболев, Борис Соловьев, Григорий Мирошниченко, Петр Капица, Леонид Раковский, Герои Советского Союза В. Раков, Ф. Вершинин, и другие.

Писатели — частые гости издательства. Леонид Соболев и Борис Лавренев с честью несут маринистское знамя, за ними — отряд прозаиков, поэтов, журналистов.

1 декабря

Отбирал изданную литературу на выставку в Союзе писателей в связи с собранием писателей-маринистов. Многие уже устарело. Обилие сборников. Главный из них, «Севастополь. 250 дней героической обороны», содержит 448 страниц. Тираж вместо 100 тысяч только 10. Еще сборник «Боевая песня», авторы А. Жаров, Н. Панов, А. Ойслендер, Д. Ковалев и другие, работающие над морской тематикой. Сборник «Герои Советского Союза» состоит из 25 кратких художественных очерков, а «Военные моряки на защите юга» рассказывает о делах морской пехоты. Сборник «Крылья над морем» включает в себя десять очерков о Героях Советского Союза — летчиках.

Солидно и содержательно сделана книга «Кровь за кровь! Смерть за смерть!». Это документальные материалы о зверствах фашистских людоедов над советскими людьми. Радует сборник «Флот в боях за Родину», в котором напечатаны произведения Л. Соболева, Б. Лавренева, В. Лебедева-Кумача, В. Вишневского, В. Катаева, В. Каверина и других. Из книжек, изданных за последнее время, можно отметить «Мужество» П. Капицы, «Голубая молния» А. Баковикова, «Черноморские песни и повести» Л. Длигача, «Черноморские баллады» П. Маркиша, «Бастион» А. Штейна, «Подвиг» Б. Лавренева. Жаль, что тиражи изданий не превышают 25 тысяч. Не хватает бумаги.

3 декабря

Состоялось заседание президиума Союза советских писателей совместно с писателями-маринистами. Председательствовал Александр Фадеев. Найда сделал обстоятельный доклад.

Обстановка не располагала к деловым разговорам: в помещении холодно, сидели одетыми по-зимнему, курили, вместо электричества — допотопная керосиновая лампа без абажура. И все же выступления Лавренева, Новикова-Прибоя, Соболева и немногих других были интересными. Заклучал Фадеев.

Найда просил усилить действующие флоты писателями с опытом и именами. Фадеев не согласился и предложил использовать разумно и в полную мощь те кадры, которые на флотах есть, растить свои морские, молодые. Он прав: большие художественные полотна о морях напишут не «варяги», а сами моряки. Самородки находятся в недрах флота, их надо найти, окружить вниманием и заботой. Этого нам пока не хватает.

10 декабря

Политотдел рекомендовал нашей партийной организации избрать членом партбюро капитана Петра Ивановича Вашурина. До войны Вашурин работал секретарем райкома партии в Куйбышевской области. На фронте — политработник. Во время последнего штурма Севастополя был серьезно ранен. Членам партии понравился спокойный и добродушный, нескладно рассказывавший свою биографию капитан, и они единогласно избрали его членом партийного бюро, а на бюро — секретарем.

Словом, понравился человек всем.

30 декабря

В итогах 6-недельного наступления в районе Сталинграда названы генерал армии Жуков, генерал-полковник Еременко, генерал-лейтенант Рокоссовский, генерал-полковник Ватутин, генерал-полковник артиллерии Воронов и более двух десятков других, безусловно не Горловых и ему подобных из «Фронта» А. Корнейчука.

1943

1 января

Новый год встречал в одиночестве. По радио слушал Михаила Ивановича Калинина, ровно в 12 часов ночи выпил стакан... жиденького чайку и в пятый раз перечитал итоги 6-недельного наступления наших войск в районе Сталинграда. Пусть 1943 год будет таким, каким был конец 1942 года!

Мы тоже неплохо поработали в минувшем году: издали более 700 названий объемом 1408 авторских листов, тиражом 3 483 300 экземпляров необходимой фронту литературы.

4 января

Инженер-капитан 1 ранга Павел Иванович Лукьянов прибыл в издательство из действующего флота в марте прошлого года. Образованный артиллерист, настоящий морской волк.

Товарищи из артиллерийского управления невзлюбили его за придиричивость к их рукописям, часто выполненным небрежно и неумело. Недавно Лукьянова вызвал на беседу высокий артиллерийский начальник, и вот Павел Иванович сидит напротив и просит «списать его из издательства». Не без труда убедил его, что в своей требовательности к авторам он будет прав и впредь не должен давать покоя своим коллегам из управления — в этом заключаются обязанности редактора издательства.

Долго беседовали. Колоритная личность. Лукьянов служил в царском флоте целых 5 лет. В первую мировую дрался на Балтике и за храбрость был награжден всеми орденами и медалями Георгия Победоносца. Поступил в военно-морское училище, потом и в академию. Воевал, учился, «не видел жизни», а когда встал на ноги — умерла жена и вся жизнь пошла кувырком...

Осталась дочь Маша: «Для нее и живу». Но больше дочери, кажется, любит службу, увлечен артиллерией, как юноша.

30 января

Высокий бородатый старик подал руку и сказал:

— Григорьев Сергей Тимофеевич, — потом добавил: — Полудетский писатель.

Не дав мне вымолвить слово, буркнул:

— Разрешите? — опустился на стул и продолжил: — Я сочинил роман о севастопольцах середины прошлого века, назвал его «Малахов курган». Предложил «Советскому писателю». Там указали дорогу в Мориздат. Сознаюсь, о таком услышал первый раз. Прихожу. Спрашиваю у вашего Найды, читал ли он моего «Александра Суворова». Смеется — не читал. Понятно, сам не перевариваю писателей-современников. А вы читали?

Сознался, что тоже не читал.

— Нельзя прочитать все, что наша армия напишет, — согласился он. — Но издателю надо хотя бы просматривать новинки.

Но когда я заметил, что читал его «С мешком за смертью» и «Берко-кантониста», писатель повеселел.

Сергею Тимофеевичу скоро 70 лет. По внешнему виду и мужественному голосу ему, если бы не заиндевевшая борода, никто бы не дал и пятидесяти. Пока я заполнял бланки договора на издание «Малахова кургана», автор листал первый том «Севастопольской страды» Сергеева-Ценского, приговаривая: «Добротню издано, молодцы! Рисунки к месту. Славно, подумать только!»

Порадовал Леонид Соловьев — автор романа «Возмутитель спокойствия», активный участник обороны Севастополя, — написал повесть «Черноморец» и серию очерков под названием «Большой экзамен».

3 февраля

Фашистские полчища из армии Паулюса доколочены. С 10 января по 2 февраля 1942 г. взято в плен 24 генерала во главе с самим фельдмаршалом, более 2500 офицеров, а всего 91 тысячу извергов. Славно!

15 февраля

Группа писателей и журналистов разъезжается по флотам. В Главном политическом управлении ВМФ слушали напутствие. Оно, на мой взгляд, слишком общее: отображать, агитировать, пропагандировать, убеждать, звать, помогать и так далее. Почему бы не

поручить автору удачной книжки «Жизнь моряка» Александру Морозову написать большой очерк о ком-либо из выдающихся асов, к примеру о подводниках Фисановиче или Осипове? Создал же Жаров волнующие поэмы, посвященные Героям Советского Союза Ивану Сивко и Борису Сафонову. Разве не заслуживают поэм коммунисты и комсомольцы крейсера «Киров» или соединения торпедных катеров Ущева? Я за то, чтобы писатели и журналисты, находящиеся на морской службе, получали четкие, ясные, конкретные задания.

Борис Андреевич не согласен, чтобы его, находящегося в здравом уме и твердой памяти, водили на поводке. Он сам найдет волнующую и созвучную его творческому нутру тему и ей одежду — форму.

— Если надо показать торжествующую героиню, — возражал он, — преданность партии, беспрдельную любовь и верность Родине, лютую ненависть к врагу — пожалуйста, я весь внимание, а как, где, кого, что — это мое профессиональное, оно зовется свободой творчества.

Спорили. Кто прав — покажет будущее, точнее, будущие рукописи.

...Выдали на-гора сборник «Женщины — героини Великой Отечественной войны». Страстные, с любовью написанные очерки о севастопольском снайпере Людмиле Павличенко, пулеметчице Нине Ониловой, партизанке Зое Космодемьянской и других.

23 февраля

Красной Армии и Военно-Морскому Флоту 25 лет. Полное совершеннолетие! Они доказали это на полях сражений с сильным, коварным и кровожадным врагом.

Незабываемый день: сотни военных моряков награждены орденами и медалями. В том числе С. Ф. Найда, Я. А. Хвощинский, С. Т. Яковлев, А. Ф. Гаранин и я.

4 марта

Подъем в 6 часов утра. Чистил и гладил тужурку и брюки, драил до самоварного блеска пуговицы: впервые иду в Кремль. К проходной пришел за час до назначенного срока. Нашего ликующего брата уже полно. Встретил доктора Квашонкина, который лечил меня в Ульяновске. Старый служака страшно взволнован: награжден орденом Отечественной войны.

Первый орден Квашонкин получил еще в 1905 году. Вернее, не получил — ему сообщили о награждении, а орден покупал... в магазине за наличные.

Пришел в Кремль и мой бывший ленинградский начальник политотдела Алексей Рошин. Комиссар воевал на Азовском море. Здесь и первый редактор журнала «Краснофлотец» майор Иван Худяков, бывший редактор газеты «Красный флот» подполковник Николай Токарев. Среди нас самый рослый и старший по званию —

адмирал Ставицкий, из офицеров старого русского флота. Наравне со всеми, подчиненными по службе, адмирал стоял в очереди. Его попросили получить пропуск вне очереди — адмирал поблагодарил и не тронулся с места.

Около 12 часов пригласили в Георгиевский зал. Зал великолепен, подобного и в Ленинграде не видел.

Все встают. Вошел М. И. Калинин. Видя, что аплодисментам не будет конца, он поднял над головой обе руки и низко поклонился. Затем на возвышение рядом со столами, где были разложены красные коробки, поднялся Горкин и сказал:

— Товарищи, вы радостно настроены, у вас избыток энергии и силы, и я прошу вас при получении ордена не сильно жать руку Михаила Ивановича. Вас много, он у нас один.

После оваций Горкин зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР. Началось вручение наград. Награжденный на поздравление отвечал уставное: «Служу Советскому Союзу!»

Но не все отвечали Михаилу Ивановичу официально, и сам он не всех поздравлял по шаблону. Иных называл по фамилии, а некоторых — по имени-отчеству. Называют мою фамилию. Не чувствуя ног, иду и слышу: «Поздравляю вас, Александр Иванович, с высокой правительственной наградой!»

Не знаю, как получилось,— ответил в тон: «Покорнейше благодарю, Михаил Иванович!» Калинин улыбнулся и взмахом руки поправил свою шевелюру. Так опростоволоситься...

В заключение с 30-минутной речью выступил Михаил Иванович. Калинин говорил без шпаргалки, не торопясь, думая и подыскивая слова, которые бы правильно и точно были поняты слушателями. Речь, образная, сказанная со знанием дела, о котором говорил оратор, дошла до каждого из нас, заставила задуматься о своем вкладе в дело победы над врагом.

5 марта

За два месяца вместо 20 названий и 100 авторских листов 1-й отдел сдал в набор три плановые рукописи и две вне плана, всего — 17 листов. Цветистые выражения бригадного сыплются на стоящего навтыжку Гаранина. Но — увы! Они не производят нужного впечатления: то ли Гаранин привык, то ли умышленно пропускает их мимо ушей. Наконец Найда выдыхается:

— Ну, докладывай!

Начинается сказка про белого бычка. «Где эта рукопись?» — «На одобрении в аппарате Рогова». — «Когда послана?» — «Давно». — «Когда возвратят?» — «Обещают скоро, без указания даты». — «Где эта рукопись?» — «На одобрении...»

Входит помощник по производству и требует набора: линотиписты без дела.

Появляется вызванный начальник 2-го отдела Смелов. Он может сдать в набор два больших учебника, однако без чертежей.

Начальник бюро Бродский говорит, что чертежи выполняются по графику, согласованному со Смеловым... Вот так почти каждый день: страдает у нас планирование. Очевидно, надо планировать реальные рукописи, которые в портфеле издательства, а не те, что «на одобрении» или еще в чернильнице, как это мы часто делаем.

21 марта

Автор «Морской души» Леонид Сергеевич Соболев стал первым лауреатом Сталинской премии среди писателей-маринистов. Заслуженная награда — праздник для моряков, праздник и для военно-морской печати. Книгу издаем молнией. Послали лауреату коллективное поздравление со всевозможными в таких случаях пожеланиями.

23 марта

Поздно вечером вместе с плановиком отправились в Ленинград... Проснулся в непроглядной тьме. Поезд остановился. Слышны взрывы бомб и зенитная стрельба.

Бологое. На месте вокзала — кучи камней и битого кирпича. На полотне дороги женщины засыпают землей воронки от бомб и снарядов.

В Окуловке отвернули вправо и массивами леса добрались до станции Будогощь, снова направо, к северу, лесами и болотами достигли Тихвина. Станции нет. Стоим. Идет восстановление путей.

Вечером добрались до Волховстроя. В полночь остановились около станции Званка. Фашистские стервятники только что бомбили Волховстрой. Жуткая тишина. Люди говорят шепотом.

С рассветом открылся семафор и поезд тронулся к Волховскому мосту. Мост целехонек. Зато на левом берегу кладбище вагонов. Привокзальная территория покрыта, как снегом, слоем муки. Вокзал разрушен до основания... Невдалеке от станции Войбокало отчетливо слышна орудийная канонада. Повернули на Кобону. Вскоре увидели еще закованное в лед Ладожское озеро.

На комендантском пункте знаменитой Дороги жизни не засиделись. Подошла колонна трехтонок, и мы влезли в кузов. Шофер сказал: «Не курить! Если есть спички, отдайте от греха!» Он был в летном зимнем обмундировании — награда за спасение летчика, подбитого над озером прошлой зимой.

Мы смиренно сидели на ящиках со снарядами. Дорога уже черносиняя, по обе стороны — польньи, поверх льда — вода. Небо пасмурное — самолеты в такую погоду не летают. От Кобоны до Осиновца 30 километров, преодолели за три часа. На подступах к берегу колонна застряла. Уже в сумерках пришли трактора-тягачи...

Прошло пять дней, и вот Ленинград. Сколько дум и воспоминаний! С Финляндского вокзала до моста Лейтенанта Шмидта шел пешком.

С утра побывал в политотделе. Скутский принял по-товарищески. Выслушал московские новости. Рассказал, что в парторганизации типографии должный порядок, с администрацией контакт, планы перевыполняются, дисциплина — блокадная. Типография ни на один день не прекращала работу — умирали у станков...

Мощный взрыв потряс незавидный домишко. Зашипел репродуктор, и затем голос диктора: «Граждане, наш район...» В кабинете появился дежурный и доложил, что личный состав укрылся в убежище. Скутский ответил: «Добро!» — и продолжал рассказывать о невзгодах прошлой зимы. Он мирно восседал на стуле и не обращал внимания на близкие взрывы, а я подражал ему.

Кажется, все переговорено. Собрался восвояси.

— Куда? — останавливает начпо. — У нас без надобности не рискуют.

Обстрел прекратился около полудня, и я отправился в политуправление Балтийского флота. Встретили, как подобает старым друзьям и соратникам. Начался обычный «беспокоящий огонь», но все оставались на своих местах. Здесь как на корабле — люди на боевых постах. Начальник политуправления обещал помочь при перевозке в Москву полиграфического имущества и бумаги. Работой Адмиралтейской типографии для флота доволен, представит к наградам лучших производственников и начальника.

Был на крейсере «Киров». Встретил кое-кого из знакомых командиров. Присутствовал при учебном задымлении корабля, смотрел краснофлотскую самодеятельность. Интересовался, удовлетворяет ли их наша литература. Одни отвечали утвердительно, иные предъявляли претензии, а многие, как выяснилось, мало читают. Некогда. А корабельная библиотека богатейшая, содержится в порядке, есть все наши издания. Матросы точно такие же, как и осенью 1941 года, — молодые, задорные и озорные. Добрая половина их прошла военную школу на сухопутье, в морских бригадах под Таллином и Ленинградом.

30 марта

Начали ревизию деятельности типографии. Плановик Золотарев засел за планы и финансы. Я беседовал с людьми. Никто ни на что не жалуется, все понимают обстановку и честно, самоотверженно работают. Днем тревога объявлялась трижды. С утра и до вечера в городе рвались снаряды, рвались и в районе Адмиралтейства.

4 апреля

От моста Шмидта до Мичуринской на Петроградской стороне шел по набережной Невы, через Троицкий мост. Полное безлюдье. В квартире — разгром. Все, что можно унести, исчезло. Самое обидное — нет библиотеки, которую собирал годами. Комендант объяснил:

книги сожгли, чтобы не замерзнуть, жившие в квартире после моего отъезда.

Жаль книг, но обижаться не приходится: блокада...

При возвращении застрял на минном заградителе «Марти», беседовал с матросами. Народ жизнерадостный, немало книголюбов. «Морскую душу» Леонида Соболева читали все. В восторге от Вишневого — он выступал на корабле.

11 апреля

Виктор Новицкий, известный среди моряков как начальник Главной военно-морской библиотеки, как журналист и знаток европейских языков, был нашим постоянным консультантом и рецензентом.

Новицкий имел очень богатую личную библиотеку и прекрасную картотеку по военно-морской истории. Справку почти по любому вопросу он давал в течение одной-двух минут. Секрета расстановки карточек в ящике никому не открывал. В начале года в Москве узнал, что ученый скончался. Я должен был разыскать, где находится картотека, и узнать, нельзя ли ее приобрести для издательства. Потратил на розыски три дня — и безрезультатно. Очень жаль.

Сергей Сергеевич Кудрявцев-Скайф, старейший морской журналист, не оставлял Ленинград ни на одну минуту. Похудел, серьезно болен, но моральный дух его неукротим.

— Комплиментов не надо, — заметил мне. — Я ничего героического не сделал.

В 1945 году будем отмечать 50-летие изобретения радио. Перед войной Скайф подарил читателям добрую книгу «Флот — колыбель радио». Ныне нужна монография «Александр Степанович Попов — изобретатель радио». В наше время радио — могучее средство пропаганды, управления, связи. Сергей мгновенно дал согласие. Тут же учинили авторский договор на 20 листов.

18 апреля

Артиллерийский налет застал в столовой за завтраком. Грохотало непрерывно. Подавальщицы сбежали. В коридоре ко мне присоединился майор Лещинский. Сильнейший взрыв — полетели остатки стекол из рам. Навстречу нам по лестнице поднялся капитан-лейтенант, держа в руке горячий осколок снаряда. Вслед за ним, весь в крови, прибежал лейтенант Смирнов — осколок распорол ему кисть руки.

Лещинский, товарищ могучей внешности, белее снега:

— За два года войны я совсем износился.

Таковы ленинградские будни.

30 апреля

25-го на типографской трехтонке выехал в Осиновец. Лил дождь. Дорог из Ленинграда к Ладожскому озеру много, но нет ни одного

указателя. Ночь застала в пути. Ни зги! Ехали наугад. Поздним вечером добрались-таки до цели. На берегу озера была раскинута большая парусиновая палатка. Народу в ней — тьма-тьмущая. Устроились у костра на вольном воздухе. Ночь тихая. К утру разыгрался птичий концерт.

К импровизированному пирсу подошел пароход, и началась посадка. Порядок идеальный. Мы с Золотаревым разместились на палубе под рубкой. Только успели отвалить от берега, как посудина заплескала на волнах, переваливаясь с борта на борт. Нервных затошнило.

Внезапно на верхней палубе послышалось:

— Самолет справа, курс...

Не хватало, чтобы летающий фашист отправил нас в царство Нептуна.

Стрельбы не последовало: тревога была ложной — капитан тренировал свой единственный расчет 37-миллиметровой пушечки.

Ошвартовались в трех километрах от места посадки в вагоны. Тащились с чемоданами по песчаному берегу.

Под вечер поезд двинулся на Волховстрой. Миновали спокойно Тихвин и Будогощь.

До Москвы вместо довоенных двенадцати часов добирались четыре дня и пять ночей.

9 мая

День на лоне природы. Цветет черемуха. Птичьи концерты. Две сотни разноцветных огородников сажают овощи. Я перестарался: посеял и посадил редьку, морковь, редиску, горох, лук и картошку. Сжег спину и руки. Устал и, как в прошлое воскресенье, едва добравшись до кровати, уснул мертвым сном.

12 мая

Александр Зонин, уйдя от нас осенью 41-го, стал участником похода из Кронштадта на полуостров Ханко. В беседе красочно, по-писательски, рассказал нам об этом эпизоде. Сам Александр Ильич обосновался на флагмане отряда кораблей — эскадренном миноносце «Стойкий», в свите вице-адмирала Дрозда. Дрозд — настоящий советский адмирал и по воле и по уму. Для подчиненных — отец родной.

В море вышли 25 ноября 1941 года с задачей эвакуировать с Ханко всех до единого воина, не оставить врагу никаких трофеев. В Финском заливе стояли непроницаемые туманы, временами падал густой мокрый снег. Остановились на Гогланде. 28-го снова вперед. На море просветлело. Шли по минным полям. Неприятно! Впереди отряда тральцы рвут мины. По бортам видны плавающие, сорвавшиеся с якорей или подсеченные тралями. Организация службы на кораблях идеальная. Никто не пострадал.

На Ханко приняли на борт всех героев до единого и в ночь на 3 декабря взяли курс на Гогланд. Снова минные поля, снова плавающие

мины. Дрозд не уходил с мостика. Никому неизвестно, когда и как он отдыхал. Корабли обрастали льдом, ход падал. На этот раз не обошлось без жертв: на минах подорвался транспорт. Попытка взять его на буксир не удалась. Приближался рассвет. Транспорт горел. С берега финны открыли артиллерийский огонь. Людей с горящего сняли и пошли к Гогланду. Громадные всплески от снарядов провожали недолго.

На Гогланд пришли благополучно. А ночью в Кронштадт. От острова до острова уже был сплошной лед. Шли медленно. Потом на помощь подошел ледокол «Ермак». Утро застало среди льдов. Финны, обнаружив, засыпали снарядами. Дрозд приказал отвечать огнем. Но что могут сделать корабельные стотридцатки против береговых батарей? Выручила Красная Горка. Несколько залпов — и враг смолк...

Александр Ильич собрал богатый материал для повести. Его принцип — писать с натуры. Такого правила придерживается большинство писателей группы Всеволода Вишневского.

В конце беседы в нескольких фразах сообщил о своих походах на подводной лодке «Л-3» в Померанскую бухту, на меридиан Берлина. «Подводник» устал и порекомендовал ознакомиться с его рукописью «Две тысячи миль под водой».

27 мая

По внешнему виду Леонид Соловьев, не в пример большинству братьев писателей, ладно скроен и крепко шит. Он скушал немало флотского борща и хлебнул не меньше горя во время осады и обороны Севастополя. Видел он там массовый героизм моряков и понял его источники. Об этом свидетельствуют его черноморские рассказы и очерки, изданные под названием «Большой экзамен». Пишет просто, увлекательно.

Сегодня Леонид Васильевич принес новую рукопись. На титульном листе — «Черноморец». Соловьев пока самый оперативный и результативный из наших авторов.

Сергея Яковлевича Алымова представил Александр Алексеевич Жаров. Сашу Жарова, старого комсомольца, автора волнующих и всегда злободневных стихов и песен, я знал давно, Алымова же увидел впервые. Жаров, Лебедев-Кумач и Алымов написали самые значительные и любимые моряками песни. Алымов приобрел широкую известность в бытность в Севастополе. Там под симфонию войны он влюбился в Черное море и его сыновей:

Лазурные бухты, жемчужные горы,
Высокий, далекий огонь маяка...
Эх! Черное море, широкое море,
Родной Севастополь — любовь моряка!

Сергей Яковлевич покинул Севастополь в последние дни обороны. Заслуженно награжден орденом Красной Звезды. Мрачно и трагично прошлое поэта. В 1911 году 19-летний революционер был

приговорен царским судом к вечной ссылке в Сибирь. Из ссылки бежал за границу. И только в 1926 году, претерпев на чужбине жестокую нужду и страдания, возвратился на Родину.

Александр Жаров также беспредельно влюблен в море и моряков. И ему отвечают взаимностью. Кто из моряков не поет его прекрасный и мужественный «Заветный камень»!

Поэты обещали подготовить по сборнику своих лучших произведений.

— Совесть и морская форма, которую я ношу с превеликой гордостью, обязывают! — гордо сказал Алымов.

— Добро! — заключил Жаров.

Нужда в песне в войну особенно велика. Ведь таких сердечных, как «Родной Севастополь», «Заветный камень», «Вечер на рейде», «Бескозырка», не наберется и десятка.

Сергей Григорьев, автор романа «Малахов курган», ввалился с превеликим шумом:

— Куда это годится? У меня денщик адмирала — Федор, а рецензент настаивает, чтобы его звали Павел. Я возражаю, что это не суть важно, а он: «Тогда называйте Нахимова Григорьевым». Сделал в рукописи более двухсот замечаний! Я же не младенец в литературе!

Речь шла о рецензии Н. В. Новикова. С трудом успокоил романиста, говоря, что рецензент всю жизнь занимается историей флота, профессор, читал в академии историю военно-морского искусства, обожает писателей-маринистов и готов им помогать бескорыстно.

Тут появился сам Николай Васильевич.

— Сергей Тимофеевич, — начал с порога, — не принимайте близко к сердцу мои замечки. Я в восторге от романа, но мне хочется, чтобы он был совершеннее, ближе к исторической правде.

Писателю стало крыть нечем.

Алексей Силыч отпрапоровал: по приглашению старого кореша — боцмана ездил в гости на Урал.

— Не виделись, шутка сказать, с 1905 года. Одряхлели. Едва узнали друг друга. Побаловались русской горькой, плакали и целовались, и я, прямо скажу, помолодел. Вспоминали проклятое прошлое не день и не два, а почитай, три недели. Пили и молочко. Гоняли и чай. Ходили на охоту и в лесу снова переживали страшный морской поход из Балтийского моря на Дальний Восток и кошмарное цусимское побоище. Вызывали в памяти друзей и товарищей далекого прошлого. Ведь нас осталось — на пальцах перечесть...

Алексей Силыч хотя и бодрится, но, видно, сильно болен.

Спросил, когда представит договорную рукопись романа «Капитан первого ранга»: сроки истекли. Писатель сразу как-то потускнел и съехал.

— Надо, братцы, подождать. Держит вторая часть. Настучу страницу-другую, прочитаю — и в корзину: не вытанцовывается советский командир! Думаешь, легко из бывшего вестового сделать современного капитана первого ранга?

Помолчал и вдруг:

— Один щелкопер растрезвонил, будто бы моя бритая голова превратилась в гостиницу, куда пока еще заезжают кое-какие толковые мысли, но не остаются там дольше чем на ночевку... Ну не сукин ли это пес лает? Ей-богу, этакое украдено у какого-нибудь древнего мудреца или, на худой конец, у адвоката Плевако. Я хотел было на удар ответить ударом, но подумал и плюнул: спокойнее с шантрапой не связываться.

Война временно нарушила издание учебников, а они нужны для подготовки кадров как никогда. Положение срочно исправляется. В производстве уже 12 фолиантов: «Сигнальное дело», «Производство земляных и дноуглубительных работ», «Основы военно-морского дела», «Корабельная электротехника», «Мореходные инструменты», «Биология моря и флот», «Корабельная архитектура» и т. д. Авторы — известные ученые-преподаватели.

22 июня

На совещании начальники отделов докладывали о ходе выполнения годового плана. Общая картина обнадеживающая. Если темпы сохранятся, тематический план будет выполнен. Однако не все радует: есть издания под угрозой. Так монография историка П. Сивкова «Моряки Балтфлота в 1917 году» переделывается автором и редактором в верстке третий раз, и мало надежды, что она скоро увидит свет. Или сверстанные уже «Труды Академии». Корректурка путешествовала в Самарканд, к заказчику. Возвратилась неузнаваемой. Три статьи изъяты и заменены новыми. Две статьи настолько изуродованы, что их нужно набирать заново.

Краснофлотец Семен Семенов из Полярного прислал такое письмо: «Я кандидат партии, агитатор в отсеке. Беда в том, что у меня, да и у других ребят, нет пособий. Недавно прочитал товарищам книжку «В Баренцевом море». Хорошая. Раз вы, дорогие москвичи, ее издали, так неужели не можете издать «Спутник агитатора», чтобы помочь нам вести политическую агитацию и пропаганду?» Серьезный упрек. Но видимо, наши книги не всегда доходят по назначению. В помощь агитаторам издано немало. Как правило, эту литературу готовят работники Главного политического управления ВМФ, готовят со знанием дела. Давно уже изданы сборники «В помощь политработнику», «За действенную большевистскую агитацию», «Политическая работа в военно-морской базе», «Работа агитаторов в боевой обстановке», «Советы агитатору Военно-Морского Флота», «Большевистское слово и личный пример агитаторов», «Политинформация», «Из опыта агитационно-пропагандистской работы на кораблях и в частях» и другие.

А письма подобного содержания идут десятками. Решили проверить через редакторов, находящихся на местах. Установили: литература застревает на складах и не доходит в нужном количестве до кораблей и частей. По этому поводу Найда подал докладную

записку Рогову. А краснофлотцу Семену Семенову послали библиотечку, собрав ее из оставшихся контрольных, сигнальных и так называемых обязательных экземпляров.

5 июля

Занимался с редакторами. Тема: «Обязанности редактора при чтении рукописи». Что делать? Война отняла у нас многих опытных редакторов. На их место пришли неспециалисты. Говорил об азах: нужно учить людей.

22 июля

Вспомнил 1937 год. В типографии печатался Временный боевой устав Морских Сил РККА (1937). Руководителем авторского коллектива и основным автором был флагман И. С. Исаков. Тираж готовился по графику в наикратчайший срок. Я в роли выпускающего редактора был обязан проследить, чтобы каждый печатный лист после последней корректуры прочитал и подписал Исаков. В то время он был начальником штаба Краснознаменного Балтийского флота. В течение пяти дней ежедневно я звонил в Кронштадт о готовности корректуры, и автор пунктуально появлялся в Адмиралтействе. Такого простого в обращении, интеллигентного моряка среди высококого начальства я встретил впервые...

В 1940 году мы переиздавали его монографию «Циндао». Будучи в Москве, я побывал в кабинете автора — теперь уже начальника Главного штаба: обстановка требовала заострить в книге некоторые формулировки, оценки, выводы.

В сентябре 1941 года — новая встреча у начальника штаба Озерного района контр-адмирала Петровского. Во время нашего разговора (речь шла об организации печатания в нашей типографии спецдокументов) в кабинет вошел первый заместитель наркома адмирал Исаков. Мы встали, и он пожал нам руки. Иван Степанович, несмотря на тяжелую военную обстановку, мало изменился, был спокоен, рассудителен и, как всегда, вежлив.

— Товарищ адмирал, мне разрешите уйти?

— Останьтесь, товарищ Сорокин, — мягко сказал адмирал. — Я немного знаком с вашими последними изданиями. Очень хорошо и оперативно делаете. Прошу, обратите больше внимания на чисто военную тематику. Флот ныне сражается на суше. Моряки к пешему бою слабо подготовлены. Давайте-ка печатайте брошюры, к примеру «Отделение в бою», «Уличный бой», «Ориентирование на местности», «Маскировка», «Разведка», «Боевые средства пехоты» и так далее.

После этой беседы мы издали брошюры почти под такими же названиями...

Сегодня, почти через два года после последней встречи, я вновь вижу адмирала — поседевшего и на костылях. Но он по-прежнему подтянут и энергичен. Доклад «Теория войны на море в свете

опыта второй мировой войны и боевых действий нашего флота» в течение почти двух часов читал без каких-либо записей.

С энергичной речью выступил адмирал Н. Г. Кузнецов.

Запомнил его слова: «Флот должен быть готов к новому этапу войны, к наступательному этапу. Следует перестроить мозги и соответственно все до мелочей на фронте, в тыловых базах и в центральном аппарате».

28 июля

Есть контрольные экземпляры повести Леонида Соловьева «Черноморец», посвященной севастопольцам. Главный герой — матрос Степан Полосухин. Пройдя тяжелые испытания, он становится военном-богатырем, который торжествует и будет торжествовать окончательную победу над ненавистным фашизмом. Произведение во всех отношениях интересное, нужное. Автор решительно опровергает тяжкодумов и лентяев, которые кричат на литературных перекрестках, что в ходе войны нет времени и возможности писать объемные и на высоком художественном уровне романы и повести.

У нас редактором писатель Хаджи Мурат Мугуев. Его рассказы о гражданской войне на Кавказе, о революции в Иране, о боевых походах на берегах Тигра и Евфрата можно слушать дни и ночи. И годы великие, и рассказчик бесподобный. Но... военные корабли Хаджи Мурат видел лишь на горизонте Черного и Каспийского морей. Флотской службы и ее специфики не знает. Здоровье слабое. На Западном фронте он уже был тяжело ранен. Да и сердце пошаливает. И все же готов поехать на Балтику или на Север, туда, где есть нужда в писателях, туда, куда прикажет командование.

5 августа

Стрельба над Москвой! Что это? Неужели налет фашистской авиации? Не может быть! Да и стрельба какая-то необычная, методическая, залпы с интервалами.

Я висел на подножке трамвая. На Усачевке узнал, что над столицей гремел салют в честь победы Красной Армии, освободившей города Орел и Белгород!

Это был первый салют Родины своим героям.

8 августа

У издательства маловато авторов и очень мало мастеров слова. На охоту за именитыми ходили с Григорием Эммануиловичем на улицу Воровского. В Союзе писателей пусто. «Все ушли на фронт» — не преувеличение.

В вестибюле появился Иван Жигалов из «Краснофлота» и нацелил нас на кабинет Фадеева, в котором, по его словам («сам видел»), сидит что-то чересчур строгий Алексей Николаевич Толстой.

— Его следует атаковать, — подзадоривает нас. — Писатель со- трудничает в «Краснофлоте», очень сговорчивый, отзывчивый и крепко любит всех плавающих и путешествующих, начиная с Петра Великого и кончая рядовым нашим матросом.

И вот мы с Гришей уселись в приемной и решили ждать... Толстого я видел близко дважды. В 30-е годы в малом зале ленинградского Дома Красной Армии и Флота происходило большое собрание членов ЛОКАФ. Я примостился на корточках в конце зала рядом в Николаем Щербаковым. (Он сочинял злободневные, острые стихи, частушки и песни, но из-за несносного характера и самомнения не признавался своим среди поэтов.) Около нас стоял высокий поджарый интеллигент (мы тогда его звали — попутчик Константин Федин), а возле него примостился дородный дидя с мясистым, но приятным лицом, подстриженный под горшок...

Вскоре председательствующий под аплодисменты объявил, что в члены нашей организации желает вступить писатель Алексей Николаевич Толстой, и пригласил его в президиум. Каково же было мое удивление, когда сосед Федина неторопливо двинулся между рядами стульев. Я читал и «Хромого барина», и «Аэлиту», и «Гиперболоид инженера Гарина» и представлял себе Алексея Николаевича иным.

Летом 1932 или 1933 года (точно не помню) меня вызвали телеграммой из лагерей на вечер встречи ленинградских писателей, устраиваемый политическим управлением округа. В гости явилось около 30 человек, преимущественно локафовцев. Начальник политуправления произнес речь, призвал посвятить романы, повести, рассказы, очерки, стихи бойцам и командирам Красной Армии, активно помогать командованию воспитывать героев, готовых ради интересов Родины свершить чудеса отваги, стойкости, самопожертвования.

В тот день я встречался с Алексеем Николаевичем.

...Ждали-ждали Толстого, а из кабинета Фадеева никто не выходил.

— А вдруг там никого нет? — не выдержал Григорий и постучал в дверь. Никого!

Иван Жигалов разыграл издателей.

10 августа

Борис Лавренев в своем, как говорят, репертуаре:

— Знакомся: перед тобой романист в потенции — Сашка Баковиков. Парень подает надежды в изящной литературе. Обнаружен мною. Докладывает майор Лавренев!

— Да мы давно знакомы, — смеется Баковиков, — полгода сидели вместе под шпиком Адмиралтейства.

Будущий романист похож на своего земляка Александра Фадеева — статный, веселый. Уже известный в морской семье журналист. Готовится писать повесть о черноморцах. Пока принес рукопись с рассказами.

— Когда ожидается давно обещанный «Морской фронт»? — спрашиваю у Бориса Андреевича.

— Не будет! — говорит резко. — Не будет, милый человек. — И раздумчиво: — То ли я чересчур люблю флот и моряков, то ли притерпелся к ним, но не могу найти на морях ни Горлова, ни Удивительного, ни Хрипуна, ни им подобных. Тем не менее пьеса, голуба, будет! Скоро поставлю «Занавес». Возможно, озаглавлю «За тех, кто в море». Хотел окрестить «Офицеры флота», да Крон опередил: его пьеса о балтийцах называется «Офицеры флота»...

13 августа

В кабинете рокошет бородатый Сергей Григорьев:

— В каких морях он не плавал! Чего только не испытал за свою полную богатырского труда и невероятных приключений жизнь! Трижды тонул, трижды горел. Дважды женился и вдовел. Море и зверская дисциплина наложили на него свои печали: был он вынослив и силен, грозен в гневе, требователен по службе, знал море, корабль и службу, как никто, терпеливо учил новобранцев, был строг, но при всем том не терял и отцовских чувств к сыновьям моря, а они уважали дядьку, и прощали ему его крутой нрав, и по-своему любили грозного и справедливого отца-боцмана... Как, товарищ редактор, подойдет подобный тип в учителя Степе Макарову на бриге «Абрек»?

— Посоветуйтесь с Новиковым.

— Уже! Ответил хитрейший: я, мол, лично незнаком с боцманами парусного флота, обратитесь к Станковичу. Каков, а? Он хочет меня оморячить!

Потом пришел адмирал Немитц — все такой же деятельный и беспокойный. Выполняет задание высокого командования по описанию Дунайского театра. Работает день и ночь. Отдыхает раз в две недели, и то в издательстве. После непрерывной речи в течение часа сказал: «Если гитлеризм не взорвется изнутри, война продолжится и в 1945 году!»

Не хочется верить, хотя профессор военно-морской стратегии очень редко ошибался в прогнозах. Адмирал способен видеть достаточно далеко.

Михаил Брамм теперь редактор газеты соединения. Приехал по служебным вопросам в отдел печати. Много и захватывающе рассказывал о героях Малой земли.

16 августа

Красочные листовки «Моряки — герои Отечественной войны»полнились новой серией. Ко Дню Воздушного Флота разосланы листовки, посвященные нашим отважным летчикам Голубеву Василию Федоровичу, Курзенкову Александру Георгиевичу, Каберову Игорю Александровичу, Советскому Михаилу Александровичу, Адонкину Василию Семеновичу и другим.

На голубом фоне первой страницы листовки авиационная эмблема, рельефно выполненная фотография Героя обрамлена виньетками. Тут же рисунок — самолет-штурмовик в сопровождении двойки истребителей, медаль «Золотая Звезда» и призыв бить врага так, как бьет его герой листовки. На второй и третьей страницах — текст и два рисунка.

Листовки издаем почти с первого дня войны. На флотах они пользуются доброй репутацией. В письмах моряки сами выдвигают темы и даже присылают тексты и фотографии.

16 с е н т я б р я

Слушал рассказы Макса Зингера о боевой страде в Заполярье. Автор имеет богатейшие записи бесед с моряками, от адмирала до корабельного кока.

Вдруг, без всякой связи с контекстом разговора, предлагает:

— Издайте мои очерки «112 дней на собаках и оленях». Они посвящены Чукотке.

— Нам,— говорю,— нужно о подводниках Севера.

Макс соглашается и обещает в ближайшее полугодие дать серию очерков и рассказов. Потом начинает жаловаться:

— Печать мало и бедно пишет о людях, а больше о технике. Недавно я прочитал у почтенного коллеги такое: «Лодка донесла командованию, что ею уничтожен транспорт и два сторожевика противника, сама имеет повреждения, вечером оторвалась от преследования» и т. д. «Лодка донесла!» «Лодка уничтожила!» А где же люди? Командир ее и весь экипаж погибли, а о них ни слова.

Я невольно задумался. Рукописи, в которых техника вытесняет людей, надо браковать.

В заключение Макс предложил мне познакомиться с его другом-подводником, Героем Советского Союза капитаном 1 ранга Иваном Александровичем Колышкиным.

— Ведите его к нам! — искренне обрадовался я. — Застенографируем его интервью и достойно примем.

Писатель согласен, но:

— Согласится ли герой? Он чересчур скромн!

4 с е н т я б р я

Немцев погнали за Днепр. Драпают они и из Донбасса. Англичане и американцы высадились в Италии...

Стоят тихие солнечные дни. У народа на улицах приподнятое настроение — на лицах улыбки.

Тематический план издательства трещит по всем швам. Обстановка меняется стремительно, изменяется и план: портфель «самотека» вдвое богаче портфеля тематического!

7 с е н т я б р я

Пришло много новых редакторов, совершенно незнакомых с обязанностями издательского дела, но — с боевым опытом. Вот капитан Машаров. В начале войны — летчик морской авиации, во время боев под Москвой — в штабе морской бригады. Был тяжело ранен, излечился и стал редактором. Или капитан-лейтенант Шмаков. Подорвался на mine во время траления в Финском заливе, долго лежал и, хромя, прибыл в издательство. Такая биография почти у каждого.

Организовали коллективную учебу. Я учу индивидуально. К примеру, Машаров боится рукописи, не решается править заведомо ошибочные положения. Я сажусь с ним рядом, и мы часами вместе редактируем. Так и с остальными.

29 с е н т я б р я

Начальник нашего издательства — страстный любитель истории — много и упорно пишет, но пока мало печатает. Я тоже давненько увлекаюсь историей и тоже пишу, пишу монографию «Оборона Порт-Артура». Прошло десять лет труда, а конца не видно.

И вообще, военно-морская история стоит в издательстве на первом месте, по крайней мере на словах и в тематических планах. Всем известно: нельзя глубоко понять настоящее, тем более предвидеть будущее, не ведая прошлого.

То ценное, что было издано по военно-морской истории и было по разным причинам забыто, мы переиздали. Но создать новое — пока «суждены нам благие порывы». Все, что пишется, не выдерживает критики в первом чтении. Не помогают сдвинуть воз и авторитетные комиссии, созданные приказами наркома.

Самый эрудированный морской историк капитан 1 ранга Николай Васильевич Новиков (историограф еще царского флота) силен и могуч в фактологии. Отдается делу с любовью, но он безоружен в методике. Кстати, его бригада молодых историков, окончивших Ленинградский государственный университет и прошедших основательную стажировку на флоте и в Военно-морской академии, заканчивает составление и редактирование «Боевой летописи русского флота» с IX века по 1917 год. Но это — только факты. Нужен учебник, нужны монографии.

30 с е н т я б р я

Борис Андреевич Лавренев, волнуясь, рассказывал, как он был принят в расположение воздушных асов генерала Преображенского, как со стаей Героев Советского Союза летал в тылы мерзкой сволочи, принял зрительное участие, дело было ночью, в бомбежке осинового гнезда пруссачества — Кенигсберга. Мы воздали писателю должное и поздравили с воздушным боевым крещением.

О рассказе писателя узнал Рогов и потребовал доложить, кто разрешил Лавреневу полеты над территорией, занятой фашистами, на боевом самолете.

И вдруг писатель разыгрывает искреннее удивление:

— Други, да вы с ума сошли! Никуда я не летал. Сказано: рожденный лезть летать боится.

— Но...

— Голубы, ей-богу, не летал. Я был у преображенцев, беседовал, переварил услышанное и увиденное, сочинил очерк и в вашей семье убедился, что читатель поверит, если издатели поверили.

Так и не смогли понять: летал писатель или нет...

3 н о я б р я

Подписал в печать книжку «Боевые дела флотских комсомольцев в Отечественной войне» к 25-летию ВЛКСМ. Текст ее (96 страниц) подготовлен комсомольским отделом Главного политического управления ВМФ.

Хотя и не успели к годовщине, но книжка служит хорошую службу. Само ее название указывает, что она начинена героическими свершениями комсомольцев. В боях с фашистами флотские комсомольцы явили беспредельное мужество и героизм. К 1 сентября 1943 года в славной семье моряков — Героев Советского Союза 30 членов ВЛКСМ. Все комсомольцы на десяти подводных лодках Северного флота и на гвардейских Краснознаменного Балтийского награждены орденами и медалями. Всего на флотах орденами и медалями уже награждены более 10 тысяч членов ВЛКСМ.

7 н о я б р я

Нежданно-негаданно в Москву нагрянул мой брат Иннокентий. Шутка ли; не виделись семь лет! Это закаленный фронтовик, его походно-боевое имущество все на нем, даже отсутствует вещевой мешок. Он отбивался и пытился перед фашистскими ордами от Орши на Днепре, по Украине, через Крым и Тамань до седых вершин Кавказа. Ныне отозван и направляется на работу по своей специальности в Белоруссию, к месту довоенной службы. Жена и три сына, мал мала меньше, в 1941-м бежали из Орши налегке, сейчас живут у дедушки на Северной Двине.

Захватывающие фронтовые рассказы затянулись далеко за полночь. Иннокентий исполнял обязанности заместителя 'начальника особого отдела дивизии, бывал командиром оперативных групп при выполнении специальных заданий, командовал героями, уничтожал фашистских разведчиков и предателей, которых, к сожалению, было немало в Крыму. Если описать воинский труд самого чекиста, эпизоды не уместились бы и в объемистую книгу.

9 ноября

И еще новый редактор — капитан 1 ранга Константин Пузыревский, автор известной каждому морскому офицеру книги «Повреждения кораблей, борьба за живучесть и спасательные работы». Ее, переработанную и дополненную новыми примерами, мы переиздаем в 1942 году. Пузыревский был преподавателем, может редактировать книги по любой отрасли военно-морского дела.

Константин обладает даром организатора самодеятельности. Буквально на пустом месте создал из издателей художественный коллектив с разнообразной программой. Даже неразговорчивый артиллерист Вербовик прямо-таки чудесно стал читать с эстрады А. П. Чехова.

У академика Крылова — удивительная память, ясная логическая речь, но не гнушается он и палубной терминологией. Обращаясь к инженер-капитану 1 ранга Яковлеву, в далекие времена своему помощнику, говорит:

— Молодой человек, не забывайте, что, оплевывая что-либо, одновременно нужно рекомендовать лучшее.

В связи с 40-й годовщиной со дня гибели вице-адмирала Степана Осиповича Макарова Алексей Николаевич написал брошюру. В предисловии, между прочим, пишет:

«...Я был лично знаком со Степаном Осиповичем, так как начиная с 1899 года выполнял ряд работ по его поручению. Поэтому я охотно принял поручение Военно-морского издательства написать биографический очерк о С. О. Макарове...»

Очерк издается в серии «Библиотека морского офицера».

Пригласили к адмиралу Галлеру. Лев Михайлович, как всегда, встретил посреди кабинета, пригласил сесть и только тогда сказал:

— Товарищ Сорокин, летчики пожаловались мне, что вы почему-то отказались принять к изданию описание и инструкцию по эксплуатации самолета «Каталина». Почему?

Я ответил, что издательство — организация хозрасчетная и не может печатать многообъемные официальные документы тиражом сто экземпляров. Это экономически невыгодно и т. п.

Адмирал выслушал и говорит:

— А вы подумали, что самолет, стоящий миллионы, может выйти из строя из-за отсутствия инструкции по эксплуатации? Да что самолет! Могут погибнуть летчики, не выполнив боевой приказ. Примите заказ и выполните его вне очереди.

Мне стало стыдно за себя.

12 ноября

Печальная весть: где-то в районе Новороссийска погиб Михаил Ефимович Брамм.

Плохо, что мы редко бываем в местах базирования флота, слабо связаны с политическими органами, случайно общаемся с фронтовиками, не видим зрительно войны. Из рукописей, корреспонденций и писем, которые приходят в издательство, нельзя узнать и понять того, что можно почерпнуть при личном общении. Если издатели и выезжают на флоты, то чаще всего без ясной цели, а вообще: выявлять авторов, написанные произведения, организовывать их. И я, к примеру, недоволен своей поездкой в Ленинград: авторов и рукописей не стало больше. Удачнее поработал на Северном флоте Борис Иванович Соловьев, развернувшись в бригаде подводных лодок, на аэродромах, на кораблях охраны водного района (писатель имел ленинградский опыт).

На Севере принял боевое крещение на море и художник издательства Всеволод Бродский (на суше это случилось еще в 1941 году в Ленинграде). Всеволод — мой подопечный. Я его рекомендовал в партию и ничуть не ошибся. В командировке он сделал множество зарисовок с натуры и нацелил на издательство художников, обслуживающих флот. На Черном море хорошо потрудились наши посланцы Григорий Сорокин, Александр Морозов и особенно Лев Длигач, сделавший на кораблях 12 отчетов об изданной нами литературе. Редактор привез большущий перечень предложений и пожеланий моряков, высказанных на собраниях и в беседах.

25 ноября

Весь день провел в Воениздате: перенимал опыт. Начальник издательства генерал-майор Петр Федорович Копылов (мы знакомы с 1934 года) принял по-отечески. Спросил: а почему сам Найда не зайдет к нему? Ответить на такой простой вопрос я не мог, об этом надо спросить самого Найду.

Воениздат существует чуть ли не 20 лет, и у него есть чему поучиться издательству, едва-едва ставшему на ноги.

Петр Федорович человек энергичный и организатор с большой пробивной силой. Издательство вооружено опытными кадрами, есть фронтовики, бумаги много, полиграфией вполне обеспечено. Но теснота ужасная, обстановка бедная. Просмотрел изданное. По названиям и тематике как наши, но тиражи — стотысячные! Он потребовал бумагу за уставы и другие издания, выделяемые для флота. Посоветовал ему обратиться по этому поводу по команде.

Организацию и порядок прохождения рукописей, инструкции для исполнителей, памятки автору и издательскому редактору — все это показал мне с комментариями заместитель Копылова подполковник Алексей Сергеевич Еремин — офицер с академической подготовкой и пятилетним издательским опытом.

Определенные успехи: план сдачи рукописей в набор по декабрьскому графику обеспечен реальными трудами. Уходит в прошлое время, когда планировались рукописи, которые «в чернильнице».

Распространять опыт боевых действий флота, опыт использования оружия в открытой литературе очень трудно, но тем не менее нужно. Пока удалось издать: «Немецкие малые мины заграждения», «Из боевого опыта морской артиллерии», «Ремонт корабля и его механизмов», «Борьба за живучесть корабля», «Минно-торпедная авиация», «Из опыта минной войны на море», «Действия истребительной авиации», «Наблюдение и связь» и т. д.

Более глубоко и всесторонне боевой опыт пропагандируется в издаваемых закрытых сборниках центральных управлений: издали за два года 37 номеров.

12 декабря

В новой, по фигуре сшитой морской шинели и фуражке приотпал помолодевший моряк Лавренев.

— Это же, братец, готовая героическая драма! Читал? — И он положил передо мной брошюру «Боевые дела флотских комсомольцев в Отечественную войну». — Слушай, голуба, и думай! Действие первое. Кронштадт. Небо — страшно смотреть, слякоть. Начало декабря сорок первого года. У пирса свежевывкрашенный сторожевичок. Двенадцать человек команды — все комсомольцы — готовят корабль к выходу в море. Боевая задача — высадить направляющегося в фашистский тыл с заданием товарища-эстонца. Он, ладно скроенный и дюжий, появляется на пирсе в сопровождении члена Военного совета. Напутствие. Катер снимается со швартовых. Моряки поют «Прощай, любимый город...». В небе — щупальца прожекторов. В стороне Ленинграда — артиллерийская канонада... Представь, голуба, эту обстановку — мурашки по коже!

Слушай второе действие. Туманное утро. Катер во льдах, в ледовой каше. Пассажиры сомневаются, удастся ли достичь намеченного места высадки. Командир отвечает: боевой приказ сильнее льда. Но катер вмерз. Лыдина дрейфует к берегу, занятому немцами. Вглядись внимательнее, какая ледовая панорама! Туман рассеивается. Что делать? Комсомольское собрание. Давай прочитаем протокол этого собрания. Открой книжицу на странице восемьдесят первой. Дай-ка я сам прочту еще и еще раз. Здесь и идеи, и характеристики главных героев. Слушай, слушай каждое слово!

Борис Андреевич находится в творческом порыве. Он живет жизнью моряков, оказавшихся в сложных условиях.

— «Протокол № 12 открытого комсомольского собрания первичной КСМ организации «СК-44»... Повестка дня. О создавшемся положении в связи с дрейфом катера к берегу, занятому врагом. Слушали секретаря Т. Ивахно...»

В таком же духе писатель вдохновенно рассказал мне третье и четвертое действия будущей пьесы. Я уже отчетливо видел его героев: командира катера, эстонского подпольщика, бывшего балтийского матроса, комсомольцев, дрейфующий во льдинах катер, последний бой моряков. Видел у лесного партизанского костра пассажира и его трех провожатых с катера...

Писатель устал от сильного напряжения, заговорил тихо:

— Все это, друг мой, черновой набросок, пылкая фантазия, канва. Если засяду писать, из сказанного, кроме идеи и кусков текста, ничего не останется. Загорюсь — не погасить пожара. Что же ты молчишь? — вдруг набросился на меня. — Изумлен или болен?

Спросил, почему в пьесе, кроме старухи, нет других женщин — что делать артисткам?

— Верно! — обрадовался Лавренев. — Эстонцу дам дочь. Покажу ее на пирсе. Потом сброшу к отцу на парашюте. В красавицу с льняными волосами влюбятся командир катера и...

Драматург от души смеется.

15 декабря

Издали интересную книжку «Черноморские летчики в обороне Севастополя» — оригинальную повесть о мужестве, стойкости и героизме. Автор — участник событий — толково использовал рассказы летчиков, периодическую печать, истории авиационных полков. В тексте иллюстрации и схемы.

В книжке просто и наглядно раскрыты методы и способы борьбы черноморских летчиков во всех видах боя, со всеми типами самолетов.

18 декабря

С 10 до 11 часов с начальником планового отдела Золотаревым «сочиняли» промфинплан на следующий год.

Золотарева сменил производственник Соловьев. Графики трещат по всем швам, срывают и типографии и издатели. Слушал объяснения редакторов и старшего корректора. Просил, требовал, взывал к совести, но натянулся на объективные причины: корректоры болеют, редакторы согласовывают корректуры с заказчиками, идет война, и труды приходится исправлять на ходу. С толстой папкой явился начальник финансовой службы издательства — подписал к оплате полсотни типографских счетов, утвердил гонорарные документы, поставил чуть ли не сто раз гербовую печать и слушал доводы, что для своевременного составления годового отчета нужно усилить штат бухгалтерии. Сказал: чем больше аппарат, тем больше путаницы. Начфин согласился.

В 14 часов ушел на обед. Возвратился через час. И сразу же началась дискуссия с представителем управления боевой подготовки, который от имени самого наркома требовал издать три важных документа для действующих флотов, объемом около 20 авторских листов,

в течение... пары дней. Издательство физически не может этого сделать. Представитель негодует: как нас мать-земля терпит и почему нас немедленно не отправляют в штрафной батальон? Идет к Найде. Тот собирает на консультацию редактора, производственника и плановика. Все докладывают свои расчеты. Достигается взаимопонимание: если заказчик будет читать корректуру непосредственно в типографии, то тиражи документов получит через неделю.

«Операция» заняла битых два часа. В 17 пошли валом редакторы с рукописями, гранками, верстками.

Подписал в набор рукопись «Адмирал Сенявин» — биографический очерк знаменитого флотоводца, с приложением записок самого Дмитрия Николаевича. Историческая литература пошла лавиной. Не много ли? Наш новый редактор капитан Мазунин многозначительно заметил:

— История — это итог всего сделанного человечеством за свое существование, и было бы непростительно, если бы богатство, накопленное во всех областях знания, мы не изучали и не использовали.

Прав, ничего не скажешь.

28 декабря

Отдал дань морской тематике известный журналист и автор романа «На Востоке» Петр Андреевич Павленко. В небольшой книжке рассказов «На высоком берегу» писатель задушевно и энергично нарисовал портрет черноморца Михаила Корницкого, ради спасения товарищей пожертвовавшего жизнью. Это случилось на Малой земле, в отряде отважного майора Цезаря Куникова...

Был в наркомате. В коридоре встретил Галлера. Адмирал пригласил к себе. Интересовался здоровьем и тем, как обстоит дело с типографиями в Ленинграде. Под конец спросил:

— Какие новинки порадуют сердце читателя?

Я ответил, что все издания по одному экземпляру аккуратно посылаются наркому и его заместителям.

— Неужели все? — улыбнулся адмирал. — Вчера товарищ Рогов показывал книжку стихов Кумача «Вперед к победе». У меня ее нет.

Уверил Льва Михайловича, что пакет на его имя, как обычно, сдан в экспедицию. Галлер пригласил адъютанта и... через пять минут бережно листал страницы со стихами поэта.

В приемной адъютант попросил «не раздувать кадило», книжка поступила в секретариат своевременно, он читал ее сам и задержал всего на сутки.

Галлер — страстный книголюб. Такая богатейшая библиотека, как у него, есть только у Новикова. У него есть все, что издано в России, имеющее отношение к морю, начиная с Петра I.

Всеобъемлющий справочник «Военные флоты мира» выходит у нас впервые. Издатели и полиграфисты провели немало бессонных ночей: в справочнике более тысячи рисунков, схем и силуэтов, фотографий и более тысячи таблиц... Потрудились не даром!

Утрясали тематический план изданий на 1944 год. Небывалое увеличение сил и средств флота, освоение новой техники, боевой опыт — возросли и потребности в литературе: заявки управлений, отделов и служб наркома в общей сложности превышают 2 тысячи названий, около 18 тысяч авторских листов, тиражность — свыше 4 миллионов. Нужно более тысячи тонн печатной бумаги, утроить аппарат издательства, учетверить мощь полиграфии.

1944

10 января

В издательстве давно витает идея создать большой роман под названием, конечно условным, «Три старика». «Старики» — это великий русский ученый Менделеев, адмирал Макаров и художник-баталист Верещагин. Все они были величайшие труженики и связаны между собой дружбой, а Макаров и Верещагин, как известно, вместе погибли на броненосце «Петропавловск» во время русско-японской войны. «Старики» возвеличили Россию. Тему предлагали всем известным у нас в стране писателям, тема — благороднейшая, обещают подумать.

На днях в приемной Рогова встретил Лавренева. Очередь была большая, и мы беседовали на разные темы. Я заговорил о «Стариках» и высказал удивление, что братья писатели не понимают всей красоты труда над такой изумительной темой.

— Взвалите эту ношу, Борис Андреевич, на себя, — предложил ему. Писатель посмотрел на меня как на ненормального:

— Голуба! Чтобы написать роман о Менделееве, Макарове, Верещагине, надо посвятить минимум годик изучению эпохи да годов пять изучению основ химии, изучить военно-морское дело от учебника по астрономии до учебника по биологии моря, основательно ознакомиться с историей изобразительного искусства, наконец, изучить биографии «стариков», их труды и так далее. Прибавь года два на писание романа. Итого — восемь лет. Предположим, что я бы взялся за дело. Встает вопрос: а кто в эти годы будет кормить меня?

На прощание предложил:

— Поговори-ка с Толстым, у него есть опыт с «Петром».

Академик Тарле посвятил нас с Найдой в свои творческие планы. Его интересует политика императрицы Екатерины в Средиземном море. У него есть папка материалов для монографии «Адмирал Ушаков в Средиземном море». Неравнодушен академик и к Северной войне, которую вел Петр главным образом на Балтийском море. Если успеет — годы уже, — оставит потомкам труды о внешней политике Российского государства от Петра I до Александра II.

Потом в кабинет Найды были приглашены редакторы, и Евгений Викторович сделал обстоятельный доклад о Тегеранской конференции «большой тройки».

Совещался с редактором журнала «Краснофлотец» капитаном Щербиной. Рогов приказал принять журнал со всем движимым и недвижимым имуществом на полное содержание издательства. Редактор, человек большой культуры, рад, что наконец кончатся мытарства и он отдаст себя работе с авторами и художниками.

Аппарат редакции сильный. Секретарь, Александр Николаевич Макаров, по специальности критик, болеет за качество журнала, по-видимому, больше всех. Изобретательно подает раздел «Команде отдыхать» ленинградский писатель Лев Успенский. Его массивная фигура и рокошующий бас заполняют редакцию. Иван Жигалов — организатор по информации — никогда не унывает, работает с улыбкой. К сожалению, в редакции нет настоящих моряков. И это не лучшим образом отражается на содержании «Краснофлотца».

19 января

Плагат многообразен и, к сожалению, не редкость.

В сером тексте начинающего журналиста редактор споткнулся о такую несозвучную времени фразу: «Когда статуи богов сходят с пьедесталов, мы, смертные, теряем то чувство священного благоговения, которое они внушали нам, и судим богов по их поступкам и словам, как и о себе подобных». И так далее — больше страницы. Автор смиренно пояснил:

— Этот кусочек заимствовал у Генриха Гейне. По рассеянности не закавычил.

— Это называется плагиатом, — сказал редактор.

Автор вспыхнул, стал метать гром и молнии. Разрядил обстановку Лев Длигач, рассказав, как в былые времена один преподаватель на сочинении семинариста написал: «Это Слово списано слово в слово из Часослова и со Слова Иоанна Богослова».

Однако для борьбы с литературными ворами надо быть профессором редакционно-издательского дела.

18 января

В сводке Совинформбюро скупно сказано: на Ленинградском фронте наши войска перешли в наступление и успешно продвигаются.

20 января

Из Ленинграда прислали вырезку из газеты о первых Часах свободы: «Весь город был ошеломлен гигантским гулом, который, как смерч, пронесся над Ленинградом. Много стрельбы слышали за осадой ленинградцы, но такого ошеломляющего, грозного, растущего грохота они еще не слыхали. Некоторые пешеходы на улицах стали осторожно коситься по сторонам, ища, куда падают снаряды. Но снаряды не падали. Тогда стало ясно — это стреляли мы, это наши снаряды поднимают на воздух немецкие укрепления. Весь город пришел в возбуждение».

24 января

В конце прошлого года военный врач Аркадий Коровин принес в издательство рукопись о героях Ханко. Автор взялся за перо впервые, нервничал и торопил нас. Рукопись взволновала издателей суровой правдой. С ним обстоятельно побеседовали, посоветовали потрудиться над языком, указали, как и что желательно сделать. И вот рукопись снова у нас. Читал ее с превеликим удовольствием. Поздравил Аркадия Львовича с успехом.

26 января

Армии Ленинградского фронта продолжают успешное наступление. Освобожден Красногвардейск. На улицах Ленинграда уже не рвутся вражеские снаряды.

Сергей Григорьев рад, что его «Малахов курган» принят моряками с благодарностью. Заявил, что в ближайшие недели заканчивает роман. Главный герой — адмирал Макаров. Повествование открывается появлением Степы на белый свет и закончится гибелью командующего Тихоокеанским флотом на Портартурском рейде. Посмотрим...

А. Гаранин, Б. Соловьев и И. Нович составили план изданий «Библиотеки краснофлотца». В течение года надо издать до полусотни названий классических и современных произведений, каждое объемом 6—8 печатных листов, портативного формата, чтобы краснофлотец мог иметь такую книжку в кармане бушлата и почитать ее в свободное время.

Пока планировали и утрясали, в производство уже сданы книги А. Грина «Алые паруса», Марка Твена «Укрощение велосипеда», Н. В. Гоголя «Тарас Бульба», Проспера Мериме «Маттео Фальконе», Ярослава Гашека «Моя торговля собаками». Готовятся в набор произведения А. П. Чехова, М. Горького, Л. Н. Толстого, В. Маяковского, А. С. Новикова-Прибоя и других. Бумагу выделяет из своих фондов Главное политическое управление ВМФ.

Кое-кто сомневается: наш ли это профиль, не назовут ли нас «Военморпереиздат»? Не думаю: классика всегда актуальна и всегда современна.

Перечитал очерки Николая Чуковского «На защите Ленинграда». Все 112 страниц проглотил без передышки. Потомки, читая эту книжку, будут плакать и гордиться отцами и дедами.

17 февраля

За месяц наступления войска Ленинградского и Волховского фронтов очистили от фашистов побережье Финского залива до реки Нарвы и территорию восточнее реки и Чудского озера. Свободна для движения Октябрьская железная дорога!

21 февраля

По случаю 26-й годовщины Красной Армии и Флота в издательстве полно гостей: академики Тарле и Греков, профессора Новиков, Разгон, Коробков, писатели Жаров, Лавренев, Костылев и другие. Евгений Викторович Тарле выступил с речью «К вопросу о военноморской тематике в науке и художественной литературе». Я готовил «продовольственную» часть торжества и содержание доклада, столь важного для меня, не слышал.

11 апреля

Сергей Александрович Колдунов прибыл с Кольского полуострова. Во «Фронтальной библиотеке краснофлотца» издательство выпустило в свет сборник его рассказов «Честь флага». Книжка тепло встречена читателями. Краснофлотец с Краснознаменной Балтики Д. Трофимов прислал такое письмо: «После прочтения рассказов, помещенных в вашей книге «Честь флага» Сергея Колдунова, комсомольская организация нашей части поручила мне, комсоргу и агитатору, написать отзыв. С большим интересом читали мы о родных краях, о Волге и людях, которые защищали Сталинград, покрывший себя вечной славой. В этой книге показаны образы лучших советских людей, которые ни с какими трудностями не считаются, куют победу над фашистами и личным примером воодушевляют всех нас на новые боевые подвиги... Просим вас больше выпускать подобных книг». Пионеры из Череповца пишут короче: «Мы, Альберт Якшин и Судаков Игорь, прочли книгу «Честь флага» и посылаем вам отзыв об этой книге. Книга нам очень понравилась. Просим вас присылать побольше книг, как эта, по адресу: г. Череповец...»

После Сталинградского сражения Сергей Александрович длительное время работал среди моряков и летчиков Северного флота. Там он написал несколько весьма глубоких по содержанию рассказов. Автору удается проникать в сердцевину явлений, поступков людей, находить первопричину героизма. Рассказы приняты к изданию.

29 апреля

Великое горе: скончался Алексей Силыч Новиков-Прибой. Ушел от нас, не дожидаясь страстно желаемой победы над врагом. Умер, но любимые миллионами читателей «Цусима», «Подводники», «Ухабы», «В бухте «Отрада», «Соленая купель», «Морские рассказы» останутся навсегда.

В последние годы, уже больной, Алексей Силыч не складывал оружия: трудился над романом «Капитан первого ранга» и написал серию очерков: «Русский матрос», «Моряки в боях», «Морские орлы».

Плакал — не стыжусь.

10 мая

В сводке за вчерашний день долгожданная весть: наши войска штурмом овладели Севастополем. Крым полностью очищен от немецко-фашистских захватчиков.

Наши черноморцы Вашурин, Длигач, Сорокин, Лукьянов организовали митинг с воспоминаниями.

15 мая

Редкий наш гость Василий Иванович Лебедев-Кумач напевает новые стихи, посвященные Севастополю:

Ты снова с нами, Севастополь,
Час нашей радости настал!
Твой каждый уцелевший тополь
Легендою народной стал.
Израненный, но величавый,
Войдешь ты в летопись веков —
Бессмертный город нашей славы,
Святыня русских моряков.

Василий Иванович болен — под глазами мешки-отеки, губы синие, но на лице вдохновение: весть об освобождении Севастополя порадовала его.

6 июня

Наконец-то союзники открыли второй фронт в Европе. По радио английские марши сменяются американскими, на зданиях вывешены флаги союзников. Но второй фронт мы слишком долго ждали, платили кровью, устали говорить, и интерес к нему притупился. В конце концов все поняли, что затягивала с его открытием расчетливая политика империалистов. Поэтому у народа не заметно особой радости. Ныне мы сами, одни, можем свернуть шею гитлеровской гадине.

20 июня

Читал письма, полученные со всех морей, рек и озер, со всех уголков Советского Союза. Писем — сотни. Есть всякие: хвалебные и критикующие, смешные и печальные. Моряки Ушаков, Меншиков, Шейнин сообщают, что «книга, прочитанная в свободное от боевой работы время, под названием «Черноморец» Л. Соловьева оставила очень и очень большое впечатление. Все, читавшие эту книгу, интересуются, где в настоящее время герои этой книги: Степан Полосухин и боцман Евтушенко... Просим еще больше таких книг издавать для фронта». «Я, старшина 2-й статьи Сутковой В., служащий сейчас в одной из частей ЧФ, прочитал книжку А. Петрова «Осмысленный риск» и хочу выразить свое полное удовольствие правдивостью описания боевой деятельности и качеств Героя Советского Союза

капитана 2 ранга Ивана Александровича Колышкина. Действительно, в дни, когда мне пришлось служить под его командованием, его чуткое отношение, спокойный, уравновешенный характер, уверенность и твердость знаний подводного дела восхищали нас, тогда еще молодых подводников. Сейчас, прочитав о родном для меня Северном флоте и дорогих моему сердцу героях-подводниках, я очень сожалею, что не могу лично повидать их и поздравить с неоднократными победами над фашистскими гадами. Прошу передать при возможности привет тт. Колышкину, Августиновичу, Лунину, старшинам Трифоровскому, Цареву, Кузькину».

Матросы Н. Исаков и Н. Скрибин пишут: «Мы, краснофлотцы, очень благодарим вас за издание книг, очерков, записей боевых эпизодов, рассказов, стихов и песен. Ваши книги нас многому учат, воспитывают мужество и настойчивость, а также еще больше воспитывают у нас ненависть к врагу, показывают, как нужно бить врага. По вашим книгам мы устраиваем литературно-художественные вечера, чем увлекаем личный состав своего подразделения на новые подвиги». «Иван Никулин — русский матрос» верная книга. Мы, черноморцы, все такие. Встретим фрица — к ногтю, взвод — тоже, и так сколько попадет ихнего фашистского ворья. Нет им пощады и жизни, пока на Руси есть Иваны Никулины. Демид Сосун». «Хлопчик принес мне книжку «Батальон четверых». Забориста. Я такую гарную не читывал сроду. В палате ее читали и тяжелые. Кто книжку сочинял? Бачут, что Соболев — царский адмирал. В такое не верю. Другие брехают, что — боцман. Сестренка Оля сказывала, что он, письменник, из простых моряков. Кто тут прав — сообщите. Какие рассказы Соболев еще насочинял и где бы их можно прочитать? Оставайтесь здоровеньки. К сему руку приложил Степан Герасименко из госпиталя в Ульяновске на Волге...»

Вот такие письма. Не оторваться от них: значит, и мы не даром трудимся!

Есть и печальное письмо... В бою под Нарвой погиб мой сердечный друг Илья Иванович Елсаков, полковой казначей. Утешает, что Илья ушел из жизни как воин, честно сложивший свою голову за Отчизну. Вечная тебе, брат, память!

1 июля

Подготовлена работа адмирала флота И. С. Исакова «Военно-Морской Флот СССР в Отечественной войне». Она — первая ласточка, обобщающая тему войны на море за прошедшие три года. По существу, это научно-популярный очерк. После тяжелого ранения адмирал флота болен, тем не менее не сдастся и отдаст флоту все, что может.

12 июля

Стремительно растет армия советских богатырей — Героев Советского Союза. Их уже тысячи. Главным героем художественной литературы по праву становится он — самый мужественный, самый

стойкий, настоящий мастер военного дела. Все это ясно и не требует каких-либо доказательств. Но как раскрыть героя? Герои — люди, они разные во всех отношениях, их деяния — тоже, а в литературе пока преобладает шаблон. Каждый новый герой поразительно похож на всех предыдущих. Что же делать?

Будем ждать произведений, достойных героев. В конце концов, все, что спорно в теории, решается практикой. Появятся в литературе и новые Василии Чапаевы и Павки Корчагины.

20 июля

Полдня провел в обществе дипломатов. Заключал авторский договор с А. Трояновским (бывший посол в Японии и в США) и Б. Штейном (бывший посол в Италии). Авторы напишут монографию «История внешней политики СССР». Приятные люди.

Книжки Вениамина Каверина появляются ежегодно. В 1941 году — «Трое», в 1942 году — «Моряки в Отечественной войне», теперь — «Белая яхта». В последней книжке 16 рассказов и очерков о борьбе богатырей на море и на суше.

Борис Соловьев вместе с автором готовит к изданию сокращенный вариант романа «Два капитана». Каверин стал в издательстве своим человеком.

29 августа

Пригласили в Центральный Комитет. обстоятельно интересовались возможностями издательства, его кадрами, планами, перспективами. Рекомендовали быть ближе к жизни, к людям флота.

— Вчера балтийские матросы потопили в Нарвском заливе четыре фашистских миноносца, подняли с воды в плен команды, — объявил инструктор. — Об этом оперативно подаст голос «Красный флот». А что может сделать издательство? Надо спешно дать листовку! Сможете? Есть у вас на Балтике авторы? Есть крепкие связи с писателями, журналистами, с газетчиками флота? Победа стоит того, чтобы вы быстренько издали брошюру. Об этом вы подумали?

Увы, не подумали. Но — сделаем. Будут и листовка и брошюра.

Борис Иванович Соловьев подготовил к печати очерк В. Голичникова «Гвардейский эскадренный миноносец «Вице-адмирал Дрозд» из серии «Морская гвардия». Книжка иллюстрирована портретами офицеров и старшин корабля. Очерк написан профессионально. Вот если бы редактор, бывая на флотах, организовал десяток таких произведений! Но для этого надо быть ближе к морю, к морякам, а он потеет, дотягивая небрежно и неумело написанное.

— Надоело! Хочется писать самому. То, что накоплено в Ленинграде, на Балтике, на Севере, тускнеет, забывается, — тихо говорит Борис и не улыбается, как бывало даже в осень 1941-го.

— Пиши — никто не запрещает.

— Пишу, — говорит, — размениваюсь на статейки в периодике. Писать весомо нет элементарных условий.

Тоже верно: издательскому редактору надо работать над чужими рукописями.

Александр Зонин — самый результативный из наших на Балтике — недаром рвался на фронт. В текущем году выпустили в свет две его книги: «Гвардейский корабль «Стойкий» и «Две тысячи миль под водой». Почти три года автор находится на переднем крае — и не зрителем, а на подводной лодке, крейсирующей в поисках немецких кораблей, членом экипажа.

К сожалению, таких писателей-воинов немного на флоте. Написанное Зониным насыщено фактами, примером доблести, неустрашимости, боевой деловитости и героизма моряков. Автор и по хватке, и по поведению, и по разговору стал заправским боцманом. Это очень полезно для мариниста.

Вечная память герою обороны Таллина и Ленинграда, командиру морской бригады генерал-майору Тимофею Парафило: погиб в бою с фашистскими захватчиками где-то в районе Нарвы. Нашел журнал «Морской сборник» № 10 за 1941 год и перечитал статью, написанную в Автово, под Ленинградом, Григорием Сорокиным под диктовку тогда еще полковника Парафило...

11 сентября

Евгений Семенович Юнга слаб физически, но могуч морально. Моряки видели его, корреспондента «Красного флота», всюду: и на юге, и на севере, и на Балтике, и под Москвой. Деятельный, рассудительный и всезнающий, он напоминает погибшего в Финском заливе корреспондента «Краснознаменного Балтийского Флота» старшего политука Петра Звонкова.

Евгений возвратился с Балтики и рассказал, как морские пехотинцы очищали от фашистов острова Койвисто, Пий-Сари, Тиуринсарн. Балтийцы с ходу, как вихрем, смели гитлеровскую погань в воду. Туда им и дорога!

В канун войны издательство выпустило в свет его брошюру «Ледовый поход», а в августе — новую, «Рассказ об одном подвиге», через год еще одну — «Крейсер «Аврора». Этой брошюрой было положено робкое начало изданию серии «История кораблей».

Писатель предложил издать книжкой «Кирюшу», напечатанного в «Краснофлотце», когда он внесет в текст дополнения и улучшит в литературном отношении.

15 сентября

Авторов-фронтовиков у нас пока единицы. Но то, что появляется из-под их пера, примечательно. «Записки подводника» Героя Советского Союза Фисановича, командира «малютки», нашли массового читателя. Появились восторженные рецензии и отзывы в периодической печати, даже далекой от флотской тематики. Жаль, автор вместе с экипажем погиб во время перехода на подводной лодке из Англии в Полярное.

Никодим Гильярди собрал материал для монографии, посвященной соколу Североморья дважды Герою Советского Союза Борису Сафонову. Писатель читал отрывки и плакал. Такое в своей издательской и редакторской практике я видел впервые.

Государственное издательство художественной литературы выпустило в роскошном переплете историческое повествование А. Степанова «Порт-Артур». Немного истории: в 1940 году автор побывал у нас и предложил издать книгой напечатанную в краснодарском альманахе повесть «Порт-Артур». Дать заключение издательство попросило адмирала И. С. Исакова. В отзыве адмирал написал, что в повести история отсутствует начисто, а то, что есть, искажено до неузнаваемости; в литературном отношении произведение слабое; автору нужно обратиться в архив... Прошло четыре года. И вот гробовых, изданный 50-тысячным тиражом, лежит передо мной. Надо читать. Далеко ли Александр Николаевич продвинулся на литературном поприще? Учил ли критику? Почему книгу издал Гослитиздат? Повествование только-только появилось в свет, а в периодике уже загрели литавры. Почему? Уж не перед грозой ли на Дальнем Востоке?

28 сентября

Аркадий Алексеевич Первенцев явился в издательство с рукописью «Огненная земля». Смех жизнерадостного, полного энергии писателя был слышен на всех трех этажах. В «Огненной земле» запечатлена героика Керченской десантной операции, проведенной в сложнейших условиях черноморцами. В кругу редакторов Аркадий Алексеевич поделился впечатлениями от виденного и слышанного в Керчи и Эльтигене: «После Керчи я навеки с моряками!»

Беседовали на темы войны и мира.

Романы писателя «Над Кубанью» и «Кочубей», посвященные борцам за Советскую власть во время гражданской войны, — признанный вклад в художественную литературу. Автор может и умеет. Есть надежда, что большой роман о черноморцах будет!

Александр Яшин выступает у нас со стихами в третий раз: в 1941 году — «Тебе, Москва!», в 1942-м — сборник «Красная Горка. Балтийские стихи» и ныне — «Город гнева. Сталинградские эпизоды». Названия книжек — боевая трасса поэта, шагающего в мастера. Он мой земляк: от Никольска до Котласа, по северным масштабам, рукой подать, каких-нибудь 200 километров.

Полтора года не видел Сергея Кудрявцева-Скайфа и был несказанно рад появлению бывшего моряка-журналиста.

Докладывает:

— Ленинград трудится для победы, заживает раны, растет. И я свой долг выполнил, представляю труд «А. С. Попов — изобретатель радио».

К рукописи приложено письмо помощника и друга А. С. Попова, здравствующего и поныне Петра Николаевича Рыбкина, со свидетельством, что писатель Кудрявцев-Скайф правдиво решил заданную ему задачу.

Как-то летом в издательство ввалился крепко сбитый старик и отрекомендовался инспектором по хлебопечению и по совместительству писателем Сергеевым. В молодости Сергеев служил клерком в Русско-Китайском банке и проживал в Порт-Артуре до 1905 года. Воочию видел русско-японскую войну и пережил осаду и оборону крепости. Был знаком и близко знал почти всех офицеров портартурской эскадры. Принес с собой рукопись романа «Варяг». Автор не просил заключить с ним авторский договор, ему не нужен и аванс, нужно отпечатать рукопись в трех экземплярах, конечно на машинке: «Что и как — договоримся попозже».

Сегодня писатель принес рукопись нового романа «Стережущий». Клялся и извинялся, что «Варяга» будет издавать «Молодая гвардия». На мое недоумение ответил, что еще и еще глубоко извиняется, расходы по перепечатке заплатит немедленно. «Варяга» он запродавал «молодогвардейцам» уже давным-давно и по рассеянности сдал нам не ту рукопись. Теперь принес «Стережущего» для нас, но рукопись надо перепечатать...

Еще посетитель. Маленькая и худенькая девушка в морской шинели вошла и отрекомендовалась:

— Мария Педенко! Разве вам не позвонил из политуправления полковник Корниенко?

В этот момент раздался телефонный звонок, и Даниил Осипович сказал, что ко мне «придет замечательная черноморочка, библиотечка с Малой земли. Воевала, была ранена. По запискам и памяти она составила «Фронтовой дневник». Надо помочь подготовить рукопись к изданию».

Я несказанно обрадовался: автор с фронта пришел в издательство! Познакомились. Послушать дивчину пришли редакторы... Дневник потребует минимальной литературной правки. Моряки получают интересную повесть.

25 октября

Порадовал Иван Жигалов — отыскал известного в свое время, но незаслуженно забытого адмирала Максимова. Максимов воевал с японцами, командуя миноносцем портартурской эскадры, в первую мировую — с немцами на Балтике, командовал дредноутом «Петропавловск». Моряки после свержения самодержавия Максимова избрали командующим Балтийским флотом. Балтийцы не терпели буржуазного болтуна Керенского и в конце концов отказались признавать Временное правительство; Максимов был заодно с матросами. Керенскому удалось отстранить матросского адмирала от командования флотом. Когда он покидал свой пост, матросы в знак протеста правительству и уважения к своему командующему поднесли ему революционный кормовой флаг с флагманского корабля.

Прошли годы, и вот слепой и глухой Максимов был обнаружен в Подмосковье. Он сохранил разные морские реликвии, в том числе

наиболее ценную — военно-морской флаг. Максимов принял нарком, адмиралу назначили пенсию. Жигалов рассчитывает «выжать» из него серию очерков, возможно, получится «читабельная книжица». Планы у Вани в любое время богатейшие, а создать что-либо увесистое мешают всевозможные «объективные обстоятельства».

5 ноября

Григорий Эммануилович Сорокин принес в дар свое новое произведение — «Генерал Остряков». Герой Советского Союза генерал-майор Н. А. Остряков, депутат Верховного Совета СССР, погиб в дни обороны Севастополя. Биографический очерк написан толково, грамотно. Автор собрал и изучил все, что только можно было, о жизни и боевой деятельности прославленного москвича.

Григорий Эммануилович, как будто бы между прочим, говорит: — Скоро гитлеровскому рейху капут. Не пора ли, Александр Иванович, старичков, из которых сыплется песок, по домам? Как хочется растянуться на своей кровати в своей квартире в Ленинграде и отоспаться за три года. Посодействуй!

· Отвечаю, что из старичков ныне сыплется золотой песок, а демобилизационные настроения, пока гремят пушки, — вредны. Гриша тяжело вздыхает:

— В таком варианте — извини! Пусть это останется между нами, я еще поношу морскую шинель, ну и поработаю до полной и окончательной победы.

Курили, вспоминали ленинградские дни и ночи, ульяновские вечера и снежные заносы, московские холодные кабинеты на Сущевке. Просидели до зари. Выкурили пачку «Казбека».

Хорошо: близость победы уже чувствуем и сердцем и кожей. Но еще надо работать и работать на нее. Скольких еще недосчитаемся...

8 ноября

27-ю годовщину Великого Октября справляли с отличным настроением. В этом году по фашистам были нанесены десять сокрушительных ударов — от Черного моря до моря Баренца, враг лишился около 120 дивизий и бежит в свое логово.

10 ноября

Особняк на Арбате вошел в строй, и наш издательский корабль из детских яслей перебазировался в новое благоустроенное помещение.

15 ноября

Диспут писателей, издателей и читателей. Тема — юмор и сатира на фронте. За три года по морской тематике написано и размножено — с воробыный нос. Ничего фундаментального. Есть малые

формы, однодневки. Побогаче балтийцы, у них — «Балтийская полундра», «Балтфлот смеется», «Ворона в павлиньих перьях». Черноморцы выпустили в свет один сборник «Рында». «Молодая гвардия» напечатала книжку «Краснофлотский смех». Наше издательство разродилось пятью-шестью посредственными брошюрками. Больше других сделала редакция «Краснофлотца».

Григорий Сорокин:

— Представителей жанра следовало готовить до войны. В Ленинграде был Зоценко, а как запахло порохом, подался в глубокий тыл. И смех его не тот. Мы с Борисом Соловьевым пытались острить, но это не наше амплуа.

Борис Лавренев:

— Смех, голубы, не грех! А вообще-то известно, что хорошо смеется тот, кто смеется последним. Еще посмеемся, да еще как! Ну а на фронте, сам испытал, не смешно.

Лев Длигач:

— Смех — сильное оружие. Однако на переднем крае не засмеешься. Во-первых, смеяться некогда. Во-вторых, если и есть свободная минутка, то ребята приводят в порядок оружие, пишут письма. Когда на твоих глазах гибнут товарищи, какой тут смех! Скорее появится дрожь в конечностях или желание за одного своего порешить десять убийц. Я за смех в тылу, на подходе к переднему краю. В Севастополе мы хотели писать смешное. Не выходило.

Фронтовик Шмаков:

— Сатира на врага? Осторожно и умело! Не принижай противника, не считай его хлюпиком, трусом и так далее. Не рассчитывай, что ты раздавишь его, как клопа. Убаюкаешь себя такими мыслями с картинками, и гаду будет легче тебя схарчить. Лучше переоценить фашиста, чем недооценить. Фронтовики об этом знают, и не надо в этом их переучивать сатирой, высосанной из пальца.

Кто-то с места:

— Смеяться полезно для психики и здоровья.

И еще:

— А Теркин Вася?

Шмаков:

— В Теркине не один смех! По уставу смеяться не возбраняется. Когда смешно, воин смеется и хохочет до упаду. Писатели пофронтовому смеяться не могут, кишка тонка.

Снорили долго. Подвел итоги Борис Лавренев:

— Писатели и издатели учтут сказанное дискуSSIONерами и наводнят флотские библиотеки литературой, начиненной юмором и сатирой. Посмеемся же по этому поводу, славные товарищи! (Аплодисменты, но никто не засмеялся.)

22 ноября

Мой сердечный друг и родственник Михаил Александрович Сорокин пропал без вести в Карском море. Не могу словами выразить свою печаль.

Вот что пишут из Архангельска: «...Миша гостил на моем «линкоре». Ждал отправки на Диксон. Ехал с неохотой. Ходил к местному начальству, просился на Мудьюг, там есть объект по его специальности, там он в восемнадцатом дрался с англичанами, был тяжело ранен. Начальство просьбу не уважило. И морячило не то 2, не то 3 августа, я был в море, ушел в плавание на транспорте «Марина Раскова». В пути транспорт торпедировала немецкая подлодка. Наводил справки, среди спасшихся нашего Миши нет. Ведутся поиски. Давай надеяться: не может он погибнуть без боя, не такой человек!»

Получили сигнальный экземпляр седьмого, и последнего, тома «Морских рассказов» Константина Михайловича Станюковича. На произведениях знаменитого писателя-мариниста воспитывались тысячи русских моряков. Григорий Эммануилович с честью закончил подготовку издания. Это делает честь и издательству. Спрос на труды Станюковича необычайный. Первые три тома, изданные перед войной в Ленинграде, давным-давно стали библиографической редкостью, их ищут, да и тираж был всего 25 тысяч экземпляров.

17 декабря

Александра Александровича Фадеева, молодого, статного, в коричневого цвета длинной рубашке, подпоясанной кавказским ремешком, я впервые увидел на трибуне Дома журналистов на Фонтанке, в Ленинграде, в 1930 году. «Разгром» уже прочитан и перечитан, разобран по абзацам. Литкружковцы были без ума от московского представителя Российской ассоциации пролетарских писателей, слушали как зачарованные.

На совещании в Союзе осенью 1942 года генеральный секретарь СПП морякам ничего не обещал. Но, видимо, учел их горячие призывы и написал цикл рассказов и очерков «Ленинград в дни блокады». Этим дал писателям директиву по принципу «Делай, как я!».

1945

1 января

Ушел в историю славный 1944 год — год великих побед Красной Армии, год освобождения родной земли от фашистского нашествия. Война продолжается.

Новый год встречали буднично: пекли картошку в «буржуйке» и слушали по радио новогодний концерт.

10 января

На общем собрании делал доклад о выполнении промфинплана за 1944 год и задачах на 1945-й. Тематический план перевыполнен. План на 1945 год увеличивается на 10 процентов.

...Адмирал Федор Федорович Ушаков через сто пятьдесят лет после блестящих побед на море стал в центре внимания историков. Академик Тарле пишет монографию «Ушаков в Средиземном море». Марианна Яхонтова — роман «Корабли выходят в море», где главный герой опять же Ушаков. Кинодеятели ведут дебаты о создании фундаментального фильма, посвященного жизни и боевой деятельности великого флотоводца — современника Суворова.

14 января

Новый автор явился с сумкой и сразу же начал извлекать из нее свои произведения. Седьмая по счету книга была из серии «Жизнь замечательных людей». На обложке портрет и крупная надпись «Гарибальди».

— Это все я написал, — сказал он. — Фамилия моя Лурье. Когда-то был врачом, а ныне кандидат исторических наук и писатель. Сегодня я свободен и в вашем распоряжении.

Абрам Яковлевич Лурье широк в плечах, богатырского роста, сидит с сумкой на коленях и смотрит на меня, как любопытный ребенок. То, что он писатель, удостоверяют лежащие на столе книги, изданные московскими издательствами. Познакомившись с нашим перспективным планом, он заявил:

— Берусь — жизнь и деятельность адмирала Макарова. Давайте заключать договор.

Через час все было оформлено. Абрам Яковлевич завтра же уезжает в Ленинград, в военно-морской архив, и берется за работу.

18 января

Необычное стечение обстоятельств. В издательство прибыл назначенный редактором начальник штаба отдельного артиллерийского дивизиона, расположенного за Полярным кругом, капитан 3 ранга Протопопов. После представления поинтересовался у меня:

— У вас, товарищ полковник, нет близких родственников на Севере, где-нибудь на Новой Земле или около?

— А в чем дело?

— Да был у меня один комендор. Весьма любопытный тип, моряк гражданской войны. Ваш однофамилец.

Неужели Миша? Спрашиваю, как имя-отчество.

— Сорокин Михаил Александрович, — отвечает. — В дивизион прибыл из Архангельска в первой декаде августа на «Марине Расковой». Вероятно, слышали о гибели этого транспорта в Карском море? Партия артиллеристов для дивизиона сошла на берег около Югорского Шара...

Что еще говорил капитан 3 ранга, я не слышал. Одна мысль, что Миша жив, заполнила все мое существо. И впрямь: в огне не горит и в воде не тонет!

Потом Протопопов рассказал, что комендор Сорокин, пожилой, степенный на вид, оказался на редкость бузотером. Не успел еще

осмотреться на новом месте, как заявил, что ему в заполярной дыре, где и вороны не летают, делать нечего и он просит, чтобы его незамедлительно списали на Краснознаменный Балтийский флот. Один за другим подал три рапорта. Уговаривали, грозили — ни в какую! Замполиту заявил, что он, старый член партии, потомственный моряк, не может жить, если не ударит по осиновому колу на могиле Гитлера и его бандитов.

— И чем же все это кончилось?

— Списали. На попутном самолете отправили в Архангельск. Где он теперь, не знаю.

От Миши можно ожидать всего. Но почему молчит, если жив?

24 января

В наркомате встретил Володю Столярова, бывшего комиссара «Кирова». На груди в три ряда орденские планки. Моряк воевал, как подобает потомственному рабочему и политработнику.

Пообещал обязательно написать книжечку о героях Балтики.

25 января

С офицерами издательства беседовал автор книги «Пятьдесят лет в строю» — бывший граф, гвардейский офицер царской армии и советский генерал-лейтенант Игнатьев. Несмотря на преклонные годы и полную противоречий и лишений жизнь, Алексей Алексеевич энергичен, сохранил гвардейскую выправку, шутник.

Непринужденная беседа длилась около трех часов. Редакторы интересовались нравами, обычаями, бытом, положением офицера царской армии. Алексей Алексеевич рекомендовал не судить обо всем этом только по произведениям Куприна. Были и уроды, есть они в любой армии. По одиночкам нельзя делать выводы о коллективе. Каждый случай, каждое явление нужно анатомировать конкретно. Из царской армии вышли такие узурпаторы и враги русского народа, как Колчак, Деникин, Врангель и прочие, но ведь десятки тысяч офицеров служили в Красной Армии и тысячи их погибли в борьбе с контрреволюцией и интервентами. Был Трепов, но был на Черном море и Шмидт, был Колчак, есть и Немитц. И ваш покорный слуга, граф, не отрекся от Родины, от России, где появился на свет, питался соками русской земли. При оценке старой армии генерал рекомендовал помнить, что это — русская армия, армия с блестящими боевыми традициями, ее костяком всегда были сыновья народа.

Согласовывал в штабе план изданий ведомственной литературы в 1945 году. Иду мимо кабинета адмирала Галлера и увиденному едва поверил. По манере почесывать карандашом висок или за ухом передо мной стоял несомненно капитан 1 ранга Николай Александрович Жуков. А как он одет! Новая, ладно сшитая тужурка, брюки отутюжены, как у образцового курсанта, ботинки блестят, и весь вид его архираздничный. Подхожу ближе и слышу:

— Здравствуй, братец! Фашисты дышат на ладан, жизнь прекрасна, прекрасно все в природе и в обществе. Поздравь, друг: я ошвартовался в тихой и уютной гавани, впервые страстно влюбился и женюсь. Женюсь, дорогой мой Александр Иванович! Свадьба состоится 23 февраля. Считаю тебя посаженным отцом!

А лет впервые влюбившемуся и женившемуся было за пятьдесят.

Я сердечно поздравил товарища и в шутку посоветовал поделиться прелестями семейной жизни на склоне лет с Галлером, вдруг и этот холостяк, а лет ему под шестьдесят, «ошвартуется».

— Что вы? — всерьез удивился моряк. — Адмирал скушает меня без соли и глазом не моргнет. Он холостяк нахимовского образца.

В коридор выглянул адъютант Галлера, и Николай Александрович устремился в кабинет.

Вице-адмирал Немитц сообщил, что работа над мемуарами идет успешно и есть надежда, что свои договорные обязательства он выполнит вскоре после окончания войны. Война, по его мнению, закончится примерно к годовщине ее возникновения, если германские акулы капитала сами не уничтожат Гитлера с камарильей и не капитулируют перед англо-американцами раньше. Для Крупнов и Тиссенов такой исход — наименьшее зло.

14 марта

Передо мною жизнерадостный капитан-лейтенант, заправский фронтовой морской волк — Александр Ильич Зонин.

— Служил и воевал, — рассказывает, — на Северном флоте под командованием адмирала Головки. За боевые походы в конвоях на эскадренных миноносцах «Громкий» и «Гремящий», за участие в боях на торпедных катерах из сухопутного капитана произведен в действительные моряки. Страшно горжусь! За участие в разгроме фашистского конвоя нашими торпедными катерами 15 июля прошлого года на подходе к Варангер-фьорду (я исполнял обязанности связиста на флагманском катере капитана 3 ранга, ныне уже 2 ранга и Героя Советского Союза, Владимира Алексеева) награжден орденом Отечественной войны. Вот было дело так дело! Восемь торпедных катеров налетели на конвой, в котором было два эскадренных миноносца, шесть сторожевых кораблей, девять сторожевых катеров, шесть-семь транспортов и один танкер. Уж и дали же мы фашистам понюхать! Пустили на дно, ко всем чертям, оба эсминца, два сторожевика, три транспорта.

Поэт Николай Флеров тоже приехал из Полярного. Он чудесно пишет, а еще лучше читает свои произведения. Поэт, кадровый моряк в прошлом, впитал в себя добрые морские традиции. Он молод и переполнен энергией. Печатается во флотской и гражданской печати. Популярны сочиненные им песни. Читал мне кусочек из «Баллады о матросской матери». Берет за душу.

Контр-адмирал Владимир Петровский (псевдоним Кнехт), моряк первого комсомольского призыва, поседел и пополнел. Заглянул к нам на часок. Что происходит на морях и океанах, рассказал скупо.

Зато о писательских планах говорил много и с увлечением. В свободные от войны минуты, оказывается, есть такие, начал писать монографию «Северная война на Балтийском море». В ленинградских архивах обнаружено обилие подлинных документов Петра Великого, его адмиралов и генералов и шведских военных деятелей. К документам в минувшие 230 лет не прикасалась рука историка. Намерен создать книгу о том, как Петр I «прорубил окно в Европу».

Автор продумал также содержание и сделал набросок второй книги романа «Страна на замке» (в нашем издательстве роман был переиздан осенью 1939 года под названием «Тихое Кемии»). Действие кроме Тихого Кемии развернется на Карельском перешейке, в Финском заливе, в Выборге и на полуострове Ханко. Типы — постаревшие из первой книги и новые, в частности немцы, англичане, шведы...

Мечтать во время войны очень полезно!

30 марта

Подписал в набор сборник стихов Николая Брауна «Морская слава». Творчество поэта тесно связано с жизнью и боевой деятельностью моряков Краснознаменного Балтийского флота. Он, корреспондент газеты балтийцев, в течение всей войны дрался с гитлеровцами своим оружием — словом.

И в дни блокады, по ночам, бывало,
Когда я, шапки не снимая, спал,
Когда к стене подушка примерзала,
За словом слово песню я слогал.

Песни Николай Браун краснофлотцы любят.

...Понемногу готовимся к работе в мирных условиях. Боевая военно-морская тематика останется наиважнейшей... Напротив меня за столиком перелистывает только что полученный сигнальный экземпляр «Краснофлотца» Борис Лавренев.

— Борис Андреевич, — спрашиваю, — кто, на ваш взгляд, из морских братьев писателей может дать и даст в ближайшие годы капитальные произведения? В частности, кто ждать от вас лично?

— Дело, голуба, слишком проблемное, — говорит, отложив журнал. — Лично я с первого дня войны вынашиваю многоплановый роман, который назову кратко — «Матросы». По секрету: кое-что уже есть и набело и вчерне. Само собой разумеется, буду писать и драматические вещи... Что сказать о коллегах? Это не просто, гадательно... Верю в Юрия Павловича Германа и Николая Корнеевича Чуковского: оба молоды, обстреляны, способные и трудолюбивые. Не забудьте Зонина. Могут разразиться и ваши Боря Соловьев и Гриша Сорокин. Есть еще в Ленинграде Петя Капица. А из москвичей надейтесь на Аркашу Первенцева, писатель вдумчивый, перспективный. Будет отдача от Сергея Колдунова — это мыслящий психолог. Думаю, не останется в долгу перед моряками и Леонид Соловьев. Как-то восторгался моряками Лев Никулин, а раз так,

появится произведение: муж зрелый, с широким кругозором. Чуть не забыл Каверина. Он еще скажет свое слово. А из молодежи, пожалуй, главный — Баковиков — парень с искрой, напористый и трудолюбивый. Силен и Владимир Рудный. Есть капитан 3 ранга Гриша Соловьев; мне нравятся его рассказы, они с изюминкой. Из поэтов... — Задумался, помрачнел. — Морякам было бы достаточно одного такого поэта... Да, держите за фалды Василия Ивановича Кумача. Перспективен Всеволод Азаров. Лезет в гору Николай Флеров. Из чистых моряков интересен Букин... Вот мои неполные соображения, голуба главный редактор.

Так примерно думал и я. Писатели и журналисты, призванные на флот, провели на морях, в военно-морских базах, в редакциях газет годы, побывали в боевых походах и операциях, писали под бомбами и под разрывами тяжелой морской артиллерии и стали заправскими военными моряками. Литературы будет много! И это хорошо.

3 апреля

Подписал в набор три рукописи под общим названием «Боевые подвиги краснофлотцев в Отечественной войне». Книжки подготовлены в аппарате Главного политического управления и предназначены в помощь агитаторам для бесед с молодыми краснофлотцами. Материал в основном из газет «Красный флот», «Красный Балтийский флот», «Красный черноморец», «Краснофлотец», «Красный амурец» и из сборников и листовок. Книжки небольшие по объему (50—60 страниц), но богаты по содержанию.

Катерник капитан 1 ранга А. В. Кузьмин, автор книги «Торпедный катер», вышедшей перед войной, хорошо работал на коммуникациях врага в Баренцевом море и на Балтике — на его груди три ряда орденов и медалей. Предложили ему тему «Боевая деятельность торпедных катеров». Отказался до окончания кампании. Для журнала Александр Васильевич написал статью о совместных боевых действиях катеров и авиации. На ста страницах рассказывается, как катерники и летчики Северного флота во взаимодействии громили на коммуникациях фашистские конвои в 1944 году. Редактор журнала попросил сократить статью втрое. Мы издадим ее отдельной книжкой.

Подписали в печать сборник «Море в русской поэзии» — более ста избранных произведений выдающихся отечественных писателей и поэтов. Такой книги еще не было. Редактор и составитель сборника Лев Длигач на седьмом небе. Книгу со вкусом оформил художник из Ленинграда Борис Воронецкий. «Иден — море синоним свободы, счастливой полноты жизни и вольного дыхания», — пишет в предисловии поэт Павел Антокольский.

27 апреля

Указом Президиума Верховного Совета десантникам, высадившимся в марте прошлого года в Николаевском порту, на реке Буг, в тылу врага, присвоено звание Героя Советского Союза.

Наш представитель на Черном море Григорий Сорокин рассказал, что знал об этом богатырском подвиге, и готов написать книжку об отряде.

Что же молчал до сих пор?

1 мая

Давно мы не видели такого радостного праздника. Как будто и не было четырех страшных лет войны. Площадь гремит овациями, заполнена торжественной музыкой, песнями, плясками. А где-то еще льется кровь... Но все чувствуют: скоро конец войне, скоро — победа!

В приказе Верховного Главнокомандующего сказано: смертельно раненный фашистский зверь находится при последнем издыхании. Задача теперь сводится к одному — доконать фашистского зверя.

2 мая

Берлин взят! Гитлер и Геббельс, боясь неизбежного суда народов, покончили с собой. Собакам собачья смерть!

5 мая

Весна, победная весна! Москва светлее довоенной. Радостное ожидание, чувствуется огромный прилив сил.

Накануне Дня печати подвели некоторые итоги. Всего за время войны наш коллектив издал 2794 названия книг и брошюр общим тиражом свыше 19 миллионов экземпляров. Массово-политической, художественной и исторической литературы издано до 500 названий тиражом около 10 миллионов.

Это — наши строки, наш скромный труд на алтарь победы над фашизмом.

7 мая

Наркомат. Постучался к начальнику Главного политического управления ВМФ генерал-лейтенанту Рогову. Пригласил сесть. Еще накануне войны он обещал послать меня на Высшие политические курсы. Я напомнил ему об этом обещании. Иван Васильевич болел, говорит тихо:

— Не время, Александр Иванович, — ныне каждый оставшийся в живых обязан тянуть за троих. Надо передать опыт молодежи, надо учить и воспитывать ее. Кто скажет, что еще там впереди? Я вот тоже хотел бы пойти учиться, а служу, как медный котелок. Работаю и буду работать, пока, как говорят моряки, не отдам концы.

Помолчал, посверлил меня глазами и добавил:

— Старых политработников осталось — на пальцах перечесть. Вон и начальники политотделов без достаточной подготовки. Их

следует учить немедленно. А вы в пределах необходимого подготовлены. Углубляйте знания самостоятельно. И война вас, как и всех нас, надеюсь, кое-чему научила. Согласны?

9 мая

День Победы: фашистская Германия капитулировала! 1418 дней и ночей длилась эта невиданная в истории война — самая трудная из всех, какие выпадали на долю нашего народа.

Праздник Победы — это особый праздник. Тут не только веселье, не только радость. Тут и слезы, воспоминания, и мысленные клятвы тем, кого нет рядом: жить не только за себя — и за них, работать не только за себя, но и за них...

Глядя на мириады звезд фейерверка салюта Победы, я, не скрывая слез, вспоминал поэта лейтенанта Алексея Лебедева, капитана Константина Харина, полкового комиссара Василия Ганибесова, писателя Филиппа Князева, генерал-майора Матвея Парафило, коммандора Михаила Сорокина, полкового комиссара Ореста Цехновичера, красноармейца Илью Елсакова, майора Цезаря Куникова, путиловского токаря Сашу Жуленкова...

Они, родные и близкие, и совсем незнакомые герои этой войны, отдавшие Победе над врагом свои молодые жизни, всегда будут с нами и с грядущими поколениями — нашей памятью, нашей совестью.

Вадим Андреевич Воробьев в тринадцать лет стал членом подпольной партийно-комсомольской организации Бреста. Затем был связным партизанского отряда имени Черняка Брестского соединения. А с сентября 1943 по апрель 1944 года являлся разведчиком отдельно действовавшего партизанского отряда имени Щорса того же, Брестского, соединения.

Ныне автор — инвалид Великой Отечественной войны, майор запаса. Ведет военно-патриотическую работу среди молодежи. Живет в Пскове.

ЭТО БЫЛО ПОД БРЕСТОМ

Наша семья поселилась в Бресте, когда отца назначили начальником линейного отделения милиции станции Брест. До этого мы жили в Смоленске. Отец мой, Андрей Яковлевич, мало бывал дома, зато я частенько прибегал к нему на работу и знал в лицо многих его подчиненных. Это были простые, мужественные и душевные люди, общением с которыми я по-мальчишески гордился.

С первого дня войны отец вместе с другими патриотами защищал вокзал. Тогда отец и погиб. Теперь на здании Брестского вокзала установлена мемориальная доска, на которой написано: *«С 22 по 29 июня 1941 года под руководством начальника линейного отделения милиции станции Брест А. Я. Воробьева, л-та Николая Шимченко и старшины П. П. Баснева работники милиции, военнослужащие и железнодорожники героически обороняли вокзал...»*

Трудно жилось маме, Прасковье Фроловне, которая осталась со мной, с маленькой сестренкой Томиллой и с дедом Фролом в оккупированном фашистами Бресте. Время шло. Наступила осень, приближалась зима, а в доме ни продуктов, ни топлива.

В поисках какого-нибудь заработка я часами слонялся по городу. А в свободные минуты прятал и перепрятывал в сарае отцовский браунинг с выгравированной на пластинке надписью: «Воробьеву Андрею Яковлевичу за отличную борьбу с бандитизмом». Браунинг был дорог мне не только как память об отце. Я надеялся, что еще воспользуюсь оружием — если попаду к партизанам.

Первый шаг на этом пути был сделан, когда повстречал дядю Ваню — Ивана Борисовича Степаненко. Прежде он работал на вокзале и частенько заглядывал к отцу. Потому и знал меня. Иван Степаненко дал мне первое, весьма несложное поручение. Я выполнил его и зачастил на Граевку — так называлась часть города, лежащая за железнодорожными путями, где жил Степаненко. В доме

А. Н. Воробьев
(фото довоенных лет)

дяди Вани повстречал его друзей — Клавдию Антоновну Кострубенкову, Павла Николаевича Грачева, Павла Никифоровича Шишкунова — и со временем понял, что имею дело с подпольщиками.

В Граевке я бывал еще потому, что там можно было заработать несколько марок либо получить кусок хлеба, банку консервов за то, что поднесешь к поезду вещи или почистишь кому-либо обувь. Это подсказал мне Володька Голубков. Он вообще доверял мне и доказал это на деле. Мы вместе оборудовали в яме тайник, в котором хранили бесценные сокровища: несколько гранат, целый ящик винтовочных патронов, запалы в небольших металлических коробках, солидный мо-

ток новенького бикфордова шнура и даже пистолеты разных систем, завернутые в промасленные тряпки. Сюда же я принес и отцовский браунинг.

— У партизан, наверное, каждый патрон на учете, — задумчиво сказал Володька. — А мы! Сколько добра насобирали, и все лежит без толку.

— А может, их и нет вовсе — партизан этих? — засомневался я.

— Как это нет? — встрепенулся Володька. — Мал ты, конечно, еще. Многого не понимаешь. Даже Москва передавала, что на оккупированной земле ширится партизанская борьба. Особенно в Белоруссии... В общем, поживем — увидим, — многозначительно изрек он. И оказался прав.

В один из дней, часов в семь вечера, во двор Володькиного дома въехала подвода с сеном. Посланец партизан, молчаливый усатый дядька, только и сказал Володьке: «Несите, да поскорее». Мы быстро вытащили все свое богатство, заранее упакованное в мешки. Возница спрятал их в сено, тронул лошадь, и телега, дребезжа, выкатилась на улицу...

Через некоторое время мы с Володькой уже сами отнесли оружие партизанам. Потом по их заданию проводили в лес двух военнопленных. А начиная с лета сорок второго я уже самостоятельно выполнял некоторые задания, в частности, передавал оружие и медикаменты хозяину одного из хуторов, который поддерживал связь с партизанами. Свои дела я хранил в тайне даже от матери: ее и без того очень тревожили мои частые отлучки. А однажды услышал от нее такое, от чего замерло сердце.

Мама вдруг поделилась со мной своими волнениями.

— Немцы арестовали нескольких моих знакомых. Со дня на день и со мной может случиться такое, — призналась она.

— Так ты помогала партизанам? — изумленно спросил я.

— Да, воробышек, да. В основном по части медикаментов. Но не это главное сейчас. Те, кому удалось уйти, успели передать, чтобы я последовала их примеру, сама искала связного и уходила. А как сделать — ума не приложу. Не за себя боюсь, за вас с Томилкой...

Значит, мама помогала партизанам! А я ничего не подозревал. Удивление сменилось радостью, огромной радостью за маму. И тут вдруг меня осенило: именно я мог помочь в этом деле.

— Не беда, — стараясь держаться солидно, сказал я. — Считай, что скоро будем в лесу...

Теперь уже слушала мама. Слушала — и не верила...

На следующее утро я чуть свет отправился к Володьке. Приятель был уже на ногах. У него сидела знакомая девушка Люся.

— Считай, что тебе повезло, — выслушав меня, важно изрек Володька. — Люся как раз оттуда.

— А откуда она появилась?

— Из партизанской зоны, — пояснил Володька. — Ты разве не заметил, что несколько дней ее не было в городе? Так вот, за это время Люся успела уйти с матерью из Бреста. Иначе бы быть ей в Германии.

— Точно, — подтвердила девушка. — Многих уже угнали... А я пришла взять кое-какие вещи.

В тот же день Люся показала мне дорогу к неприметному хутору возле деревни Радваничи Большие, где они поселились с матерью. Места эти контролировал отряд имени Чернака. Здесь, по сути дела, была партизанская зона.

Сюда ранним утром и отправилась наша семья. Молча дошли до кладбища, где уже ждал Володька. Лодку он раздобыл накануне на пристани и переправил нас через Мухавец.

— Скоро сам приду, — пообещал он на прощание.

И действительно, недели через две Голубковы тоже перебрались в партизанскую зону, на тот самый хутор, где обосновалось наше семейство. В этом им помогла партизанская связная Александра Васильевна Пыж.

Мама правильно рассудила, что дорога в Брест закрыта для нас, в этом я убедился, как говорится, на собственной шкуре, когда пробрался в город и очутился возле нашего дома... Обратного до хутора я добрался, когда началась облава. Схватил на руки сестренку, мама взяла узелок с вещами, и мы побежали к темневшему за огородами лесу.

П. Ф. Воробьева
с дочерью Томилкой

И. Б. Степаненко

В. И. Голубков

После этого случая мы вместе с другими беженцами покинули хутор возле Радваничей Больших. Партизаны из отряда имени Черняка сформировали обоз и отправили женщин с детьми подальше от Бреста, от немцев, в деревню Радостово.

Как-то по деревне проскакали всадники. Остановились в центре Радостово.

— Партизаны, партизаны! — промчались с криком ребятишки.

Я побежал следом и сразу увидел разведчика Лаврикова, с которым уже встречался однажды. Он тоже узнал меня. Я набрался духу и попросил, чтобы меня взяли в отряд.

— Я этот вопрос решить не могу, — сразу признался он. — Но с нами начальник разведки Павел Аксенович Гузнов. Парень ты боевой. Так и быть, похлопочу за тебя. — И Лавриков стал что-то говорить своему командиру.

— Ты здесь один? — спросил меня Гузнов.

— С матерью и сестренкой.

— А мать что умеет делать?

Узнав, что она фельдшер, начальник разведки сразу подобрел.

— Ладно, берем вас в отряд имени Щорса. Мигом беги за матерью, а я пока распоряжусь насчет телеги.

Не прошло и часу, как мы тронулись в путь из Радостово. Я был сам не свой от счастья. Все произошло так неожиданно, так быстро. Теперь, выходит, я партизан. Как Володька, как Лавриков, как сам начальник разведки Гузнов...

Обязанности мои в отряде оказались нехитрыми: три раза в день задать корм лошадям разведчиков да почистить конюшни. А потом — полная свобода. Не такой представлялась мне жизнь партизана, зачисленного к тому же в разведку отряда. Да ничего не поделаешь.

Зато начальником моим был хозяйственный бог разведки дед Андрей — Андрей Николаевич Денисеня, которого все любили и уважали в отряде...

В конце октября 1943 года меня вызвали к начальнику разведки отряда. Кроме Павла Аксеновича Гузнова в избе находились командир отделения разведки Тимофей Алексеевич Лавриков и заместитель Гузнова — молчаливый и сосредоточенный Василий Артемович Рекун.

— Значит, жалуешься, что никакого стоящего дела тебе не поручают? Так? — сразу огорошил меня Гузнов, лукаво взглянув на товарищей.

Я почувствовал, что краснею. Откуда он знает? Не иначе как рассказал дед Андрей.

— Ну, что молчишь? Ладно, ругать не будем. Не затем позвали. Верно? — обратился Гузнов к своим помощникам. — Нам, понимаешь, позарез нужно кое-что передать в Брест. Там действуют хорошие связные: мать и дочь. Стали думать — кого послать. Вот Лавриков о тебе и вспомнил: дескать, опыт у парнишки есть. Да тебе и легче в город проникнуть. Ты хорошо знаешь Брест. Согласен?

— Согласен! — с радостью выпалил я. — Пойду хоть сейчас.

— На ночь-то глядя не стоит. Завтра утречком и двинешься, — сказал Лавриков.

Рекун за все время не проронил ни слова. И лишь после обсуждения всех подробностей задания нарушил молчание.

— Смотри, хлопец, чтобы без всяких фокусов, — пробасил он и покрутил в воздухе ладонью, как бы поясняя, что это за фокусы.

Я невольно съезжился под взглядом Василия Артемовича. Живо вспомнил Володьку Голубкова, который тоже постоянно предостерегал меня от рискованных поступков. Где-то сейчас мой закадычный дружок? Вот бы встретить его!..

Увидев, что я снимаю и аккуратно складываю пионерский галстук, мама поняла все без слов.

— Едешь, значит? — спросила она.

— Еду.

— Будь осторожен, сынок, — только и сказала она.

Едва светлая полоска обозначила скорый восход солнца, к нашей избе подъехали несколько снаряженных подвод. На них сидели партизаны, направлявшиеся в отряд имени Чернака. Мне было с ними по пути, но не до самого Бреста, часть дороги предстояло пройти на своих двоих.

«Прогулка» эта заняла не один день и так вымотала меня, что, добравшись до города, я едва передвигал ноги.

П. А. Гузнов

Простившись с товарищами из отряда, я пристроился к какой-то телеге и брел по мосту через Мухавец. Совсем рядом, за рекой, находилась цель моего нелегкого путешествия.

Опустив голову, я машинально прошел половину моста и едва не наткнулся на внезапно остановившуюся телегу: то, что увидел впереди, заставило вздрогнуть. Перед въездом в город немцы проверяли документы. Что делать? Пришлось повернуть и перебираться вброд через ледяную речку.

Промок до костей и весь околел. Не помогла даже быстрая ходьба. Пригородная деревушка Плоское, в которую я направлялся, давно спала — ни звука, ни огонька. С трудом отыскав впотьмах нужную избу, я распахнул калитку.

— Батюшки! — всплеснула руками тетя Маша, уже в комнате разглядывая меня при тусклом свете керосиновой лампы. — Где это ты искупался?

Хозяин дома, Антон Кулеша, был моим хорошим знакомым: он служил с отцом и не раз выручал нашу семью в голодное военное время. Дядя Антон знал, где находимся мы с матерью, и все понял без слов.

— Сбрасывай одежду, Вадик, — и живо на печь, — только и сказал он.

Утром я шел по брестским улицам. Город вроде бы не изменился, но чувствовал я себя в нем не так, как раньше. Ведь я был теперь не просто Вадимом Воробьевым, а партизанским посланцем, отправленным на задание.

Нужную улицу отыскал быстро. На кухне одноэтажного деревянного дома стирала женщина. Разогнувшись и вытирая пот со лба намыленной рукой, она недоверчиво оглядела меня.

— Сергей Николаевич заказ велел передать, — произнес я пароль.

Услышав правильный отзыв, с облегчением вздохнул, поставил на колченогий табурет корзину со смертоносным грузом, достал письмо. Женщина все приняла молча. Прочитав письмо, ушла в соседнюю комнату, долго сочиняла ответ.

А через полчаса меня обнимала сотрудница отца, друг нашей семьи, Татьяна Фомичева. Проговорили мы долго: обсудили все новости, городские и партизанские, вспомнили мою маму и сестренку...

Наконец пришло время собираться в обратный путь. На прощание Татьяна снабдила меня медикаментами, сунула увесистый моток бикфордова шнура — то-то обрадуется старший подрывник Натан Ликер!

Зашагал поначалу привычной дорогой, к мосту, но потом вспомнил один из Володькиных советов. «Если придется удирать из города, — сказал он однажды, — отыщи в деревне Гузни, что рядом с Брестом, вторую избу с краю. Там помогут». Я нашел этот дом. Каково же было мое удивление, когда в хозяине «второй с краю избы» узнал знакомого рабочего Дорофея Яковлевича Демчука.

— Здорово, Вадим! — спокойно сказал Демчук, словно мы расстались вчера. — Каким ветром тебя занесло?

— Был тут по делам,— неопределенно ответил я.— А теперь вот надо выбраться из города. Через мост не хотелось бы. Не можете?

— Отчего же! Проходи в избу...

После возвращения в отряд я подробно доложил обо всем начальнику разведки. Он похвалил меня. А похвала такого боевого человека стоила многого. Это я хорошо понимал, так как знал уже, в каких переделках побывал сам Гузнов, прежде чем попал к партизанам. Кадровый военный, родом со Смоленщины, он с первых дней войны находился в действующей армии. Под Минском часть, в которой служил Гузнов, оказалась в окружении. Павел Аксенович попал в плен. Несколько раз бежал, его ловили. И все же вырвался из неволи...

Повидавшись с матерью, я отправился на конюшню. Здесь, как и думал, застал деда Андрея, который упорно называл меня Володькой.

— А-а-а, вот и Володька вернулся,— радостно протянул он.— Снова, стало быть, в мое распоряжение поступишь. Али теперь займешься особыми поручениями? Хороший ты был помощник, но чую — другое теперь у тебя на уме...

Однажды в нашем лагере появились незнакомые люди. «Кажись, из отряда имени Ворошилова», — сказал дед Андрей. Я задал лошадям корм и пошел посмотреть на гостей. Еще издали заметил мать. Подошел ближе и глазам своим не поверил: собеседником матери был Леонид Афанасьевич Мелешко, бывший милиционер, который служил под началом отца.

Приятные встречи с друзьями на этом не кончились. Через несколько дней я увидел брестских подпольщиков Ивана Борисовича Степаненко, его жену Галину Федоровну и Павла Николаевича Грачева с сыном Женей — они тоже стали щорсовцами.

А незадолго до октябрьских праздников меня разыскал Рекун.

— Айда со мной, Вадим! — по обыкновению кратко сказал он.

Возле амбарчика, где хранились овес, продукты, боеприпасы и оружие, мы увидели деда Андрея. Подойдя к нему, Рекун приказал выдать карабин, полсотни патронов и две гранаты. Получив все это, Василий Артемович вручил мне оружие и сказал, что своими делами я вполне заслужил его. Я был на седьмом небе от счастья. Наконец-то я настоящий партизан!..

В начале ноября 1943 года — накануне 26-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции — к нам на праздник приехал командир Брестского партизанского соединения полковник Сергей Иванович Сикорский.

Недалеко от штаба отряда партизаны заранее соорудили трибуну. 7 ноября перед трибуной построился весь отряд. Торжественный митинг открыл командир отряда Виктор Федорович Гужевский, предоставивший слово Сикорскому. Он говорил недолго, но горячо и взволнованно, а закончил речь так:

— Ваш партизанский отряд навечно останется в истории борьбы белорусского народа! Желаю новых успехов в боевых операциях!

В. Ф. Гужевский
(фото 1974 года)

После Сикорского выступали особо отличившиеся бойцы и командиры. Митинг завершился парадом. Разведчики ехали на лошадях, как и положено, впереди отряда. Затем мимо трибуны прошли все подразделения щорсовцев.

Особенно четко шагал взвод подrywников Володи Воронова, в последнем ряду которого находился Николай Лукич Степанюк, сумевший доставить в отряд 45-миллиметровую пушку...

В один из февральских дней 1944 года меня разыскал начальник разведки. Велел седлать коня, сказал, что поедем в штаб отряда. Красный конь Гузнова Василь так и плясал под седлом, и моему Воронку все время приходилось нагонять его.

В пути Гузнов сообщил, что меня хочет видеть комиссар.

— А зачем? — удивился я.

— Группа партизан отправляется в район Бреста. Позарез нужно, чтобы кто-то побывал в городе. У тебя уже есть опыт. Я предложил твою кандидатуру. Комиссар в принципе не против, но хочет предварительно поговорить с тобой. Он ведь тебя ни разу не видел.

Комиссар оказался плотно сбитым молодым человеком с красивой копной рыжих волос. Держался он просто, как с равным, много расспрашивал меня, давал советы и очень понравился мне.

— Ладно, — наконец решил Нестеренко. — В первый раз я, может, и поостерегся бы тебя отпустить. Но ты уже выполнял похожее задание и, насколько мне известно, справился с ним. Так что — иди. Да быстрее! Вся группа отправляется через два часа...

Ехали на двух подводах. Я посматривал на разведчиков, скакавших верхом на лошадях. Лица их были серьезны и сосредоточенны, как всегда перед ответственным делом. С нами были молодой партизан Алексей Алексеевич Соколовский и его товарищи Мирон Матвеевич Бакун, Григорий Васильевич Брич, Павел Артемьевич Евчик, Виктор Петрович Казак.

Попав в отряд, я очень скоро понял, какие необычные люди окружают меня. С виду разные — и по возрасту, и по характеру, и по привычкам, и по манере поведения, — они были едины в одном: в готовности биться до последнего, погибнуть, но освободить родную землю от гитлеровцев.

В тот раз, о котором пишу, в Брест были направлены две группы партизан-щорсовцев. Одну возглавлял Сергей Николаевич Аношин. У него были свои задачи. А совершить диверсию в районе Бреста было поручено группе, которой руководили командир взвода Владимир Николаевич Воронов и командир отделения Григорий Федорович Зарудный. В состав этой группы входили Николай Лукич

Степанюк, Петр Кириллович Селивончик, Василий Алексеевич Елисеев, Михаил Яковлевич Горбунов, Николай Петрович Горковчук, Александр Федорович Гулевич и Павел Федорович Подшивалов. Все они отличились недавно у станции Пожежино, на железнодорожном пути Брест — Ковель, пустив под откос эшелон с немецкой техникой.

О моем задании Аношин пока хранил молчание. Инструктаж я получил от него только через сутки. Аношин назвал мне пароль и адрес человека, которому я должен передать листок с вопросами, касавшимися размещения в Бресте оккупантов. Кроме того, мне поручалось отвезти связному несколько самодельных взрывных устройств.

— Ясно? — спросил Сергей Николаевич и, когда я утвердительно кивнул, добавил: — Ответы на эти вопросы нам очень важны...

Мы въехали на мост перед самым Брестом. «А охрана усилилась», — отметил я про себя, увидев направлявшихся к нам гитлеровцев.

— Паспорт! — приказал часовой.

Яким Горщарик, бывший в тот раз за кучера, а в действительности являвшийся связным, предъявил документы, а я вытащил потребованную справку о том, что живу в Бресте на улице Длугая, название которой сохранилось еще с прежних времен. Дата на справке была не первой свежести, но Аношин считал, что к мальчишке фашисты придираяться не станут. Так и было. Просмотрев документы, часовой заглянул в телегу.

— Что везешь? — спросил он Горщарика.

— Картошечку. Продать хочу на базаре, — спокойно ответил тот.

— Показывай.

Горщарик нехотя снял с брички снопок сена, предназначенного для лошади. Гитлеровец шагнул ближе, стал рыться в клубнях. Я был ни жив ни мертв. Ведь прекрасно знал, что где-то в подводе Яким спрятал самодельные взрывные устройства. Каждую секунду часовой мог обнаружить их — и тогда... Даже страшно подумать, что могло тогда случиться.

Но часовой, покопавшись в картошке, махнул рукой: проезжайте.

Как только мост остался позади, я с облегчением сказал Горщарнику:

— Я думал — все, конец. Ведь немец только случайно не наткнулся на нашу опасную поклажу.

— Эге! — весело пробасил Яким. — Скажешь тоже — случайно! Разве не видел, я первым делом снял с подводы снопок? В нем она и лежала...

В. А. Нестеренко

Нужный дом я разыскал быстро. А связным, к моей великой радости, оказался шофер хлебозавода дядя Гриша — Григорий Иванович Давидюк, которого я хорошо знал.

Проговорили всю ночь. На другой день занялись делом. Одни сведения собирали подпольщики — дядя Гриша и его родственник Петр Федорович Федорук, другие — я сам.

Узнал многое. На Граевке, в Красных казармах, и на улице Орджоникидзе, во вновь выстроенных оккупантами бараках, находились фашистские части. Обнаружил месторасположение аэродрома и подсчитал количество самолетов. Заметил, что в восьмом форту фашисты устроили склад авиабомб. Узнал еще, что около деревни Козловичи они строят дополнительный мост через Буг. Выяснил расположение бензосклада.

Не сразу удалось дяде Грише достать бланки пропусков, которые требовались партизанам. Но в общем, все необходимое было собрано. Он с Петром Федоровичем помогли мне спрятать в пачки махорки патроны для вальтера, снабдили всеми необходимыми сведениями, и мы попрощались.

До деревни Михалии, где меня ждали партизаны, путь был неблизкий, особенно в темную пору. Но я благополучно преодолел его и попал в объятия Аношина.

Утро приготовило нам неприятный сюрприз. С рассветом над лесами стали кружить вражеские самолеты. Раздались взрывы. Кое-как мы добрались до ближнего хутора, где располагался штаб отряда имени Чернака. Здесь царило оживление. Куда-то скакали всадники, возбужденно переговариваясь, проходили группами партизаны.

Побывав в штабе отряда, Аношин узнал, что началась крупная карательная операция. Фашисты бомбят деревни. Дозорные доносят, что движутся большие силы. Не теряя времени, мы сели на телеги и двинулись дальше, чтобы успеть проскочить шоссе.

Радостно встретил меня в Сварыни начальник разведки Гузнов:

— Молодец, что вернулся! А Фроловна (так звали в отряде маму) прямо сама не своя.

Гузнов начал было расспросы, но, почувствовав мое нетерпение, подтолкнул меня к порогу.

— Ну, беги к матери, малец, — ласково сказал он.

Едва вышел из избы, над деревней раздались воюющие звуки. Вражеские самолеты добрались и сюда.

— Вадим, давай в укрытие! — крикнул Гузнов, но я махнул рукой и помчался туда, где должна была находиться мама.

Я бежал вдоль домов, когда надо мной проревел самолет, от которого отделились стремительно увеличивавшиеся точки. Я упал, и в тот же миг рядом стали рваться бомбы. Как кнутом стегануло ногу. Сначала боли не было, только сапог наполнился чем-то теплым. Слабей, я увидел склонившуюся надо мной маму и попытался улыбнуться...

Рана моя зажила быстро.

Через несколько дней к нам в разведку приехали минеры во главе с командиром 2-й роты Мурадином Гаджаевым.

— Пускай расписываются и твои орлы, — сказал он Гузнову и повернулся к телеге, на которой лежала обшитая парусиной взрывчатка. — Сам понимаешь, едем взрывать «железку»...

Я подошел поближе и увидел: парусина, в которой покоилась взрывчатка, была испещрена фамилиями партизан. Так делалось всегда, когда подрывники отправлялись на диверсию. Впервые предложили расписаться и мне, как взрослому, и я с гордостью поставил свою подпись...

Жизнь разведчиков, которые являлись глазами и ушами отряда, проходила в основном в рейдах.

Как-то во главе с П. А. Гузновым отправились мы в сторону местечка Дивин, что лежало километрах в пятнадцати от Повити.

— Стойте пока здесь, — приказал начальник разведки, когда подъехали к Дивину. — А мы с Володькой (Гузнов тоже называл меня Володькой) выясним обстановку.

Хата партизанского связного Афанасия Давыдовича Бриштеля стояла в середине улицы. Гузнов велел мне глядеть в оба, а сам исчез за дверью. Ждать пришлось недолго.

— Порядок, — сказал, вернувшись, Павел Аксенович, легко вскакивая на своего Василя. — Афанасий говорит, что в местечке никого нет.

Вскоре вокруг партизанских разведчиков собрались местные жители. С интересом слушали они политрука Владимира Петрова, который читал сводки Совинформбюро. Над Дивином неожиданно появился на большой высоте вражеский самолет. Вскоре на землю, кружась, стали падать листовки. Ветер тут же уносил их за дома, где тянулись обширные болота.

«Мы на разведке, и фашистский летчик — тоже», — подивился я такому совпадению.

— Давай сигнал! — крикнул мне Гузнов.

Я поскакал на перекресток. В небо взмыла голубая ракета, созывавшая партизан, которые разъехались по местечку. А самолет появился снова. Летел он низко, и мы увидели, что это одномоторная машина. Все бросились под прикрытие домов. Защелкали выстрелы. Я тоже несколько раз пальнул из карабина, стараясь попасть в кабину. И вдруг, к большому удивлению всех, кто видел это, в машину заглох мотор. Она резко накренилась, стала снижаться и опустилась недалеко от Дивина, рядом с громадным кряжистым дубом, под которым, по преданию, когда-то отдыхал сам Суворов.

Разведчики не сговариваясь вскочили на лошадей и поскакали в ту сторону. На всякий случай Гузнов разделил партизан на две группы, а сам со мной и ординарцем Сашей Корытичем помчался напрямик. Вот и самолет. Рядом — никого, но неожиданно резанули очереди. И тут мы увидели двух гитлеровцев, удиравших прямо по полю.

Разведчики спешили.

— Вперед! — крикнул Гузнов и бросился вдогонку.

Немцы успели укрыться за старым сараем, возле которого висел стог сена. Завязалась перестрелка.

— Ползи в обход стога! — приказал мне Гузнов.

Я пополз к сараю. Буквально в полуметре от моей головы землю прострочили пули. К счастью, на пути попала воронка, и я нырнул в нее. Тяжело дыша, подполз Влас Лавренюк. Один фашист был виден отсюда как на ладони.

— Двинули вперед! — решительно сказал Влас и поднялся, вскинув автомат.

А сзади уже подбегал Гузнов. Через минуту с фашистом было покончено. Володя Петров крупными буквами написал на клочке бумаги: «Смерть немецким оккупантам!» — и приколот листок к груди убитого.

Тем временем к самолету подскочили разведчики Тимофея Лаврикова. Первым забрался в кабину Иван Гоза. Он снял с подбитой машины два пулемета с патронами к ним, ракетницу с ракетами, радиостанцию.

Прискакал Лавренюк.

— Второй ускользнул, — растерянно сказал он. — Правда, сильно ранен, кругом следы крови.

— Значит, далеко не уйдет, — уверенно заключил Гузнов. — А самолет надо сжечь.

Слух о сбитом партизанами самолете быстро облетел окрестные деревни и села. Товарищи из отряда горячо поздравляли нас. А через день приехал в Сварынь комиссар Нестеренко. Он собрал разведчиков, поблагодарил их, зачитал приказ по отряду. За смелость и решительность была объявлена благодарность начальнику разведки П. А. Гузнову, командирам отделений Т. А. Лаврикову и В. Ф. Лавренюку, разведчикам М. М. Бакуну, И. М. Гозе, А. Г. Боричевскому, А. А. Соколовскому, И. С. Марковскому, В. В. Петрову, А. С. Коротичу, В. Я. Козлу и В. А. Воробьеву.

Внимательно оглядев всех нас, комиссар задержал взгляд на мне.

— Вместе с вами в Дивине был Вадим Воробьев, — сказал Нестеренко. — А недавно он пробрался в Брест и выполнил еще одно важное задание. За это вручаю ему от имени командования автомат!

Я так растерялся, что чуть не забыл поблагодарить комиссара...

Трудным было для отряда начало 1944 года: партизан буквально одолевали бомбежки. Словно по расписанию, в одно и то же время прилетали фашистские самолеты и методично бомбили деревни, находившиеся на территории партизанского края. Много бед причиняли эти налеты — появились раненые, убитые.

Основные силы отряда держали в то время оборону по берегу Днепровско-Бугского канала. Разведчики находились там же...

В один из дней меня подозвал Гузнов.

— Ты о матери ничего не знаешь? — как-то растерянно глядя на меня, спросил он.

— Нет, а что?

— Фроловна заболела. Тифом, говорят, заразилась. Да будь мужчиной, — положил он руку мне на плечо. — Делают все, что необходимо. Скачи сейчас к ней — она пока на хуторе лежит, в хате Василия Филипповича Капузы.

Нахлестывая Воронка, я помчался через лес. В Сварынь попал в самый разгар бомбежки; не останавливаясь, поскакал дальше. Хутор нашел опустевшим, никого не было и в хате Капузы. Все попрятались от бомбежки — это ясно. Но где мама? Думая об этом, стал прохаживаться возле дома и вдруг услышал слабый стон. Откуда? Кажется, он долетел с лесной опушки. Бросился туда и под соснами увидел лежавшую на матраце мать — бледную, до неузнаваемости похудевшую. Я было кинулся к ней.

— Нельзя, сынок, стой там, — сказала мама, с трудом разжимая запекшиеся губы. — Иначе заразишься, как я заразилась.

И я вспомнил: совсем недавно дни и ночи проводила она возле метавшегося в тифу разведчика Петра Григорьевича Бойко. Больной был в тяжелом состоянии, но мама выходила его. А теперь вот — сама...

— Ну как ты, мама? — Я присел на землю, неслышимо придвинувшись к ней.

— А ничего, — попробовала она улыбнуться. — За мною ухаживают здесь. На время бомбежки вот во двор вынесли, чтоб не пострадала невзначай. Лечу себя сама. Шприц рядом. Становится хуже — сразу делаю укол.

Лишь к концу дня я узнал, какой урон нанесла разведчикам бомбежка...

Однажды наша разведка пробралась за Днепровско-Бугский канал. Здесь выяснилось, что в Антополе, Городце и Дрогичине высаживаются отряды карателей. Гузнов написал донесение в штаб отряда и послал с ним меня. Я не мешкая отправился в путь. На дороге меня ждала приятная неожиданность: навстречу скакал Володька Голубков, мой закадычный дружок, которого давно потерял из виду. Оба очень торопились, ведь каждый имел свое срочное задание. Но поговорить мы все же успели. А потом разъехались в разные стороны в надежде на новые встречи.

Виктор Федорович Гужевский проводил в штабной землянке совещание командиров. Был здесь и уполномоченный штаба соединения южной зоны Брестской области майор Петр Маметрович Ковальский. Прочитав доставленное мною донесение, командир отряда нахмурился и протянул его Ковальскому. Ознакомившись с текстом, тот, подумав, решительно стукнул ладонью по столу:

— Что ж, этого следовало ожидать. Завтра с утра приказываю отправить раненых и семьи партизан в район села Великая Глуша...

К партизанской зоне подошли части карателей. Но мы не отчаивались, знали: Красная Армия близко. И это удесятерило силы.

Особенно упорно мы защищали Днепровско-Бугский канал. Поначалу гитлеровцы рассчитывали быстро преодолеть эту водную преграду — надеялись на минометы и артиллерию. Но едва заканчивалась артподготовка и немецкая пехота начинала переправу,

противоположный берег встречал врага дружным огнем из винтовок, автоматов и пулеметов. А иногда в дело вступала даже выдавшая виды партизанская пушка, верой и правдой служившая щорсовцам.

И все же пришлось отступить. Но отходили с боями, боролись за каждый рубеж. Наша разведка прикрывала отходивших. Так уж повелось: во время наступления мы впереди, а в случае отхода — в арьергарде...

Ранним утром партизаны уходили с обжитых мест. Сыпал мартовский снег — мелкий и надоедливый. Немцы по ночам не воевали, а потому со вчерашнего вечера было тихо. И вдруг мы разом остановились: утренний покой нарушила перестрелка. Она то затихала, то разгоралась с новой силой. Звуки доносились со стороны Ровецких и Зубровских хуторов, но вскоре все смолкло. Ехавший с нами комиссар Нестеренко построил разведчиков.

— Надо выяснить, в чем дело. А там, — комиссар указал в ту сторону, откуда недавно доносилась перестрелка, — там болота. Кто возьмется пройти?

После короткой паузы голос подал Василий Яковлевич Козел:

— Местный я, товарищ комиссар, все тропинки здешние с детства знаю. Так что пройду, пожалуй.

Вернулся Козел часа через два. Еще издали было видно: он нес на плече что-то вроде палки (при ближайшем рассмотрении оказалось, что это был ствол от карабина). Вид у разведчика был хмурый. Такими же стали и наши лица после рассказа Василия Яковлевича.

Место боя он нашел сравнительно быстро. На поляне лежали пятеро погибших партизан, а вокруг — много гитлеровцев: бой только закончился и немцы, очевидно, еще не успели забрать своих убитых солдат. Зато у них нашлось время, чтобы собрать в кучу и взорвать оружие партизан. Погибших Василий Козел не знал.

— Так, — сказал комиссар охрипшим от волнения и гнева голосом. — Не успели, говоришь, убрать трупы? Мы им в этом поможем. Как ты считаешь, командир?

Подъехавший недавно Гужевский согласился с комиссаром, но посоветовал хорошенько вооружиться и к вечеру возвратиться обратно. Группа собралась боевая. Взяли с собой четыре ручных пулемета и много гранат. Повел людей Василий Козел.

Крепко отомстили партизаны за погибших товарищей. Гитлеровцы не ждали засады и открыто пошли к месту недавнего боя. Встретил их пулеметный огонь. А когда к врагу стало подтягиваться подкрепление, партизаны отошли. Фашисты потеряли в той стычке больше двадцати солдат, партизаны — всего одного бойца, пулеметчика Чеслава Горданюка.

Но эта стычка носила сугубо частный характер и мало повлияла на происходившее. Наступление карателей продолжалось. Щорсовцы отходили.

Гужевский дал мне срочное и ответственное задание — добраться до соседнего отряда имени Шиша и передать, чтобы партизаны были особо бдительны к левому флангу своей обороны. Поскакали вместе с разведчиком С. В. Капузой. Я передал записку командиру

отряда Николаю Михайловичу Попову и без промедления получил ответ. Когда мы с Капузой добрались до Сварыни, местные жители уже ушли в лес. В группе всадников, остановившихся у школы, я разыскал Гужевского и вручил ему ответ Попова.

Уходили мы из Сварыни последними. Было это на утренней зорьке 30 марта 1944 года. Враг наседал. Вокруг рвались снаряды. Тронулись в путь в сторону деревни Горавица. Там тоже не оказалось ни одного жителя. Отряд закрепился на Белоозерском канале. Переправившись на другую сторону по единственному мосту, мы потом взорвали его и целый день держали оборону.

Штаб располагался в доме возле шлюза. На той стороне канала фашисты держали под контролем каждый метр прибрежной полосы, и потому даже обычная поездка в штаб была сопряжена с большой опасностью. А кому хочется погибать, когда ясно, что участь врага решена!

Но начальник разведки Павел Аксенович Гузнов с Сашей Корытичем все же отправился в штаб. А мне приказал ждать их. Я сидел в избе, еще хранившей тепло человеческого жилья, и думал о погибших ровесниках. Особенно жалел смелых разведчиков Колю Пуховца и Сашу Симакова, который очень заботился обо мне и относился как к брату.

Вспоминал я и секретаря подпольного обкома комсомола Федора Дмитриевича Ромму, который часто бывал у нас в отряде и успевал обойти буквально все подразделения. В один из таких приездов он, как обычно, заглянул к разведчикам в сопровождении нашего комсорга Владимира Петрова. В тот раз, увидев меня, Ромма, поздоровавшись, с улыбкой сказал: «Готовься, пионер! Глядишь, скоро и в комсомол примем!» Эти слова крепко запали в душу, и мне приятно было повторять их про себя...

Гузнов с Сашей Корытичем, которых я с нетерпением ожидал, съездили благополучно.

Вернувшись из штаба, Гузнов собрал подчиненных и поставил перед ними задачу пробраться к озеру Белому и разведать дорогу к деревне Ветлы, где был мост через Припять.

На этот раз я тоже поехал с разведчиками. До озера мы добрались спокойно, а дальше... оказалось, что дорога захвачена гитлеровцами. Враг был рядом! Требовалось срочно сообщить об этом в отряд. Одного за другим Гузнов отправлял туда разведчиков, и после полудня все партизаны покинули Белоозерский канал. Возле озера собрались отряды имени Щорса, Котовского, Фрунзе, Чернака. На совете командиров было решено идти на деревню Щетин.

Мы, щорсовцы, двигались впереди. Шли всю ночь. Ранним утром следующего дня достигли Припяти. Только водная гладь отделяла нас в тот момент от частей родной Красной Армии. Раздобыли две лодки. В одной из них вместе с Гузновым пристроился я. На противоположном берегу, когда мы наконец выбрались, было почему-то тихо. Много раз думал я о радостном, долгожданном событии — встрече с Красной Армией. Воображение рисовало волнующие картины, объятия, восторженные крики «ура». А в жизни все

вышло просто и деловито. Неизвестно откуда раздался вдруг хриплый голос: «Стой! Кто такие? Пароль...»

Красноармеец, которого я так и не смог разглядеть, получив ответ Гузнова, сказал: «Партизаны? Давно ждем. Айда к начальнику». Затем на понтонах через реку переправили отряды. Только отделение разведки Ковалева не успело проскочить за Припять: буквально перед носом у наших ребят немцы заняли Сварынь, Горавицу, Радостов. С большим трудом соединились потом разведчики с частями действующей армии и, как мы узнали позднее, воевали неподалеку от нас. А в бою за деревню Званцы погиб их командир Василий Андреевич Ковалев...

После короткого отдыха мы около месяца держали оборону бок о бок с советскими воинами.

В один из апрельских дней наши разведчики ушли выполнять задание армейского командования.

Я остался при отделении Лавренюка. Почти весь день мы пробыли на пустом хуторе, который располагался недалеко от Припяти. За рекой начиналась линия фронта, и нам надо было разведать обстановку в прифронтовой полосе. Возвращаясь назад, попали под артиллерийский обстрел. Услышав нарастающий вой снаряда, я пригнулся в седле и глянул туда, где всего в нескольких метрах разорвался снаряд. Что было дальше, не помню. Потом рассказывали, что до деревни Великая Глуша меня довез Виктор Казак. Все думали, что не выживу: врач определил тяжелую контузию. Несколько суток пролежал я без памяти, а когда пришел в себя, то с ужасом понял, что ничего не слышу. Но, к счастью, недели через две слух частично восстановился.

И вот наступил день, когда в небольшой деревушке сразу собрались партизаны нескольких отрядов. Боевых товарищей ожидало расставание. Большинство надели форму, стали красноармейцами и продолжали громить врага. Некоторым партизанам поручили не менее важное дело — залечивать раны, нанесенные войной родной Белоруссии.

Весной сорок четвертого расстались и мы с Володькой Голубковым. Только успели увидеться, наговориться всласть, как снова расходились наши пути-дороги: Володьку зачислили в действующую армию.

Несколькими месяцами позднее я получил правительственную награду. К медали «Партизану Отечественной войны» добавилась еще одна — «За отвагу». В пятый класс я пришел, имея две медали и боевую характеристику, в которой меня по-взрослому называли Вадимом Андреевичем. А было мне в ту пору пятнадцать лет...

Иван Тимофеевич Артеменко в 1932 году после окончания института железнодорожного транспорта был призван в Красную Армию и через год стал кадровым командиром. Он принимал участие в боях с японскими интервентами на Халхин-Голе, в советско-финляндской войне. Во время войны с милитаристской Японией в августе 1945 года полковник И. Т. Артеменко Военным советом Забайкальского фронта был назначен особоуполномоченным и руководителем парламентерской группы, посланной в г. Чанчунь для вручения командующему Квантунской армией ультиматума с требованием о безоговорочной капитуляции и принятия сдающихся в плен японских войск. Миссия им и его группой была выполнена успешно. Об этом эпизоде и рассказывает автор в предлагаемых воспоминаниях.

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАДАНИЕ

Все, что связано в моей судьбе с Дальним Востоком, началось для меня с Чехословакии.

В середине марта 1945 года, едва я успел вернуться из очередной поездки в войска, которые только что овладели городом и важным железнодорожным узлом Зволлен — сильным опорным пунктом гитлеровцев на реке Грон, как меня срочно вызвали к начальнику штаба 2-го Украинского фронта генералу М. В. Захарову. Доклад о положении в Зволлене был подготовлен, но Матвей Васильевич не стал его слушать.

— Потом!

В кабинете Захарова были начальник оперативного управления генерал-лейтенант Н. О. Павловский и начальник отдела управления генерал В. А. Светличный. Вошел командующий фронтом Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский. Он предложил нам сесть и, обращаясь ко всем, сказал:

— Вам предстоит заняться очень важной работой. Она будет вестись под непосредственным руководством и наблюдением Матвея Васильевича.

М. В. Захаров в самых общих чертах рассказал о намечаемой оперативной перегруппировке войск с Запада на Дальний Восток.

В начале апреля, уже после освобождения Братиславы, я поехал в столицу Словакии впервые с задачей не текущей, а связанной с подготовкой коммуникаций для перегруппировки войск и последующей отправки их на Дальний Восток. Вплотную этой работой мы занялись только после разгрома гитлеровской Германии.

Начальник штаба фронта снова вызвал всех нас троих к себе.

— На девяносто процентов вы уже забайкальцы, — сказал Матвей Васильевич. — Приступайте к делу. Генерал Павловский с отделом

Светличного займется уточнением боевого и численного состава армий, а вы, Артеменко, тщательно проверьте расчеты погрузки, количества эшелонов и в них — вагонов. Необходимо побывать в армиях Кравченко и Манагарова.

Мы подготовили для доклада командующему фронтом обстоятельный материал. Меня вызвали к нему утром 31 мая. В кабинете был М. В. Захаров. Он стоял у раскрытого окна, широко расставив ноги и почти закрыв проем своей массивной фигурой. Вошел генерал Н. О. Павловский, снял генеральскую фуражку.

— Ну и теплынь, прямо жарко, настоящая южная весна... Цветы, сирень, розы. Неплохо бы в такой благодати и отдохнуть.

— Верно, Николай Осипович, — подтвердил Захаров, — кое-кто будет отдыхать. — И тут же заключил: — Но только не мы с вами.

— Нам, Матвей Васильевич, не привыкать, — ответил Павловский.

— Да... — задумчиво и протяжно произнес Захаров и через минуту-другую, положив веточку душистой сирени на подоконник, подошел к столу и, расстегивая кожаную папку, уже деловым тоном сказал: — В развитие указания Ставки Верховного уже есть директива Генштаба немедленно приступить к подготовке и погрузке в железнодорожные эшелоны войск армий Кравченко и Манагарова, а также ряда частей и управлений согласно нашему предварительному расчету. Погрузочный район вам известен. Сроки очень жесткие. В подвижном составе мы ограничены. Москва дает строго установленное количество эшелонов и только под боевую технику, личный состав, боеприпасы и органы тыла. Маршруты следования и районы выгрузки будут сообщены дополнительно. Свяжитесь со Штеменко или Ткаченко и уточните детали и их требования. — В заключение начальник штаба приказал: — К исходу дня первого июня подготовить уточненный план оперативных перевозок для доклада Военному совету, а затем Генштабу.

В это время в боковую дверь с веранды в кабинет вошел маршал Малиновский и, обращаясь к Захарову, сказал:

— Прошу прощения, задержался маленько, как говорят, по собственной вине: наслаждался природой, любовался розами, уж больно хороши...

Маршал сел в свое походное кресло за небольшой стол, на котором лежала рабочая карта командующего, и стал выяснять с начальником штаба некоторые детали перегруппировки войск.

— История еще не знает таких массовых оперативных перевозок, на такое расстояние в такие сроки, — сказал он. — Главное — совершенно скрытно. Погрузка должна быть предельно организованной. Надо обратить особое внимание на перегрузку с западноевропейской колеи на нашу, союзную, а также на порядок следования в пути.

— Все необходимые по этому вопросу указания даны Павловскому, — ответил Захаров.

Мы вернулись к текущим делам, но через несколько часов нас снова вызвал М. В. Захаров. Пригласил есть, что случалось редко.

Захаров подошел к столу и без всяких предисловий начал:

— План оперативных перевозок утвержден несколько минут назад Военным советом фронта. Начальником оперативной группы фронта для руководства погрузкой и отправкой эшелонов назначается начальник отдела оперативных перевозок фронта полковник Артеменко с группой офицеров. Оперативная группа будет находиться в Праге. — Затем М. В. Захаров детально проинструктировал меня и закончил совсем неожиданно: — Выезд в Прагу по возвращении из Москвы.

Я летел в Москву в Ставку, сопровождая маршала Р. Я. Малиновского. По указанию Захарова прихватили и майора В. И. Моисеенко, превосходного графиста, моего помощника по составлению документов оперативной перегруппировки войск.

Было немного не по себе — первый раз с такими документами в Ставку! Правда, докладывать в Генштабе и Ставке не нам, а маршалу Малиновскому. Нам же с майором надо быть готовыми дать любую справку по плану, если потребуется.

В назначенное время мы прибыли к командующему фронтом, и я доложил о готовности его сопровождать. Маршал иронически заметил, что он берет нас не для сопровождения, а для другой, более ответственной работы.

Затем очень внимательно и придирчиво осмотрел нас, как говорят, с ног до головы.

— Видать, что в столицу собрались, не придерешься, в таком виде и к Верховному можно... — улыбнулся Родион Яковлевич.

Через три часа с небольшим мы были в Москве, а еще через час — в Генштабе, в отделе оперативных перевозок. Работа началась тотчас же.

Никаких замечаний по форме и содержанию документов не было.

...В ночь на 5 июня наша оперативная группа прибыла в Прагу. Мой заместитель подполковник М. П. Зосин отметил в журнале: «3.00 5 июня 1945 г. Первый доклад о порожняке. Диспетчер ВОСО 1-го Украинского фронта запрашивает, куда подавать первый эшелон». Эту дату можно считать началом работы оперативной группы.

Вскоре я связался со штабом фронта и доложил генералу Павловскому:

— Шесть эшелонов порожняка уже подготовлено; два подаются для Кравченко, четыре для Манагарова.

10 июня. На исходе шестые сутки напряженной работы. Погрузка войск для следования на Дальний Восток в эшелоны западноевропейской колеи, а также перегрузка на нашу широкую союзную колею шли полным ходом. Все офицеры группы были круглосуточно заняты кропотливой организаторской работой.

Заместитель начальника ВОСО полковник Брылев мотался по зоне 1-го Украинского фронта, разыскивал необходимый для погрузки войск порожняк. Работа шла невиданными темпами; каждые сутки стоили нам нескольких дней и остались в памяти на всю жизнь. Восовцы с гордостью говорили, что в таком темпе, так четко они (да и все наши военные и гражданские железнодорожники) никогда

еще не грузили и не отправляли столько оперативных эшелонов. Однако обстановка требовала увеличить и этот темп. Нужно было подавать ежедневно дополнительно еще по два эшелона, а это примерно 100—120 вагонов.

Проверяя работу оперативной группы в Праге, Р. Я. Малиновский и М. В. Захаров отметили деловитость и трудолюбие наших офицеров. Генерал Захаров сказал нам:

— Если расценивать работу по количеству отправленных эшелонов, то это уже неплохо. Но надо, чтобы было еще лучше. Следует увеличить темпы погрузки, с тем чтобы иметь резерв времени на перегрузку эшелонов на нашу колею в Польше.

Я доложил, что 14 первых эшелонов 6-й гвардейской танковой армии перегрузили в Кракове с западноевропейской колеи на нашу. Глядя на график движения, показал местонахождение каждого эшелона. Первые уже подходили к Государственной границе СССР.

— Под погрузкой — десять, — сказал я, — к утру они будут готовы и отправлены. Для очередной партии порожняк подготовлен.

— Почему под погрузкой десять, — перебил меня маршал, — ведь вы грузили, как мне помнится, восемь?

— Два добавочных — на новых дополнительных станциях. Это ускорит погрузку мехкорпуса, а порожняком Брылев постарается обеспечить.

М. В. Захаров заметил, что командующий дал указание начальнику военных сообщений нашего фронта собрать весь порожняк по станциям и железнодорожным узлам и срочно отправить в наше распоряжение сюда, в Прагу.

— Свяжитесь с комендантами участков, примите меры, чтобы порожняк в кратчайший срок был у вас. Проследите за выполнением! Если закончим погрузку на два-три дня раньше срока, это будет по-суворовски!

Хорошо помню день 20 июня. Погружен и отправлен последний эшелон. Заканчивалась вся сложнейшая работа на станциях перегрузки в Польше — в районах Кракова и Познани.

Головные эшелоны уже двигались стройной цепочкой к Забайкалью.

Мы выехали из Праги. Теперь предстояла не менее сложная работа в пути следования на десятитысячекилометровом маршруте.

25 июня. Приближаемся к родной земле. Наконец Государственная граница СССР. Нас встречают польские, а затем советские пограничники. Проверка документов длится несколько минут. И вот незабываемое зрелище: первые вагоны уже на нашей советской земле, задние, хвостовые, еще на польской. Свистки паровоза, перестук колес и грохот вагонов — ничего этого мы не слышим: в воздухе звучит мощное «Ура!».

Едем по многострадальной белорусской земле. Из землянок и шалашей со слезами на глазах нас выходят встречать родные советские люди. Даже самые крепкие не выдерживают, нервы сдают, к горлу подкатывается ком, иные, не стесняясь, плачут.

28 июня. Приближаемся к Московской окружной железной дороге. Стоим почти всю ночь на станции Нарофоминск. Многие офицеры, едущие в эшелоне, успели сообщить в Москву своим родным и знакомым. Не удивительно, что у вагонов — масса москвичей. Кажется, одного меня никто не встречает: все мои родные и близкие остались на Украине.

21 июля. Чита. Наша группа остается здесь для выполнения работ в штабе фронта, теперь уже Забайкальского. Первым делом началось ознакомление с планом разгрома главных сил Квантунской армии в Маньчжурии.

Следует сказать, что Квантунская армия — понятие чисто символическое. На самом деле это было очень крупное стратегическое объединение, включавшее войска нескольких фронтов и армий. Штаб Квантунской армии представлял собой ставку главнокомандующего всеми японскими, маньчжурскими, деванскими силами, Суйюанской армейской группой в Северном Китае.

В конце июля все отделы и управления штаба Забайкальского фронта выехали в Монголию, где разместился штаб и полевые управления фронта. 30 июля я последним из офицеров штаба покинул Читу, сопровождая начальника штаба «генерал-полковника Золотова». (В период подготовки операции генерал армии М. В. Захаров имел псевдоним генерал-полковник Золотов, а Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский — генерал-полковник Морозов.)

Весь день 31 июля мы ехали по широким бескрайним монгольским степям, а к вечеру прибыли на КП в глубоком яру близ Мотат-Самона. В оврагах были сооружены хорошие землянки, где уже работали все отделы и службы штаба. В период с 1 по 8 августа заканчивалось сосредоточение войск. Еще и еще раз проверялась готовность их на исходных рубежах. Штаб фронта переехал ближе к переднему краю, в монгольский поселок Тамцак-Булак.

8 августа Советское правительство сделало японскому послу в Москве заявление о том, что Советский Союз с 9 августа 1945 года считает себя в состоянии войны с Японией.

Таким образом, ровно через три месяца после капитуляции фашистской Германии, как и было решено на Ялтинской конференции, Советский Союз приступил к выполнению своих союзнических обязательств. Нашим войскам на Дальнем Востоке предстояло выступить против одной из стратегических группировок вооруженных сил Японии, насчитывающей в своем составе более миллиона человек. Войска милитаристской Японии были развернуты на границе СССР и на протяжении всей войны угрожали советскому Приморью, Забайкалью и Монгольской Народной Республике.

В связи с этим Советский Союз был вынужден держать здесь всю войну около 40 дивизий, в которых была крайняя необходимость на других фронтах. Лишь только победы в сражениях под Москвой, Сталинградом, Курском и в других крупных операциях удержали японскую военщину, ожидавшую «благоприятного» момента для наступления против СССР.

...Ночь на 9 августа 1945 года. Тысячи воинов напряженно всматривались в темноту, следили за стрелками часов, ожидая сигнала атаки. Гремел гром, сверкала молния, шел проливной дождь; высохшие горные реки и ручьи вдруг превратились в бурные потоки. В 00 часов 10 минут передовые отряды армий начали боевые действия на всем фронте.

Главные силы Забайкальского фронта перешли в наступление в 4 часа 40 минут по местному времени. Все мы, офицеры штаба, с большим напряжением следили за ходом боевых действий с первого часа войны на Дальнем Востоке.

«Действия наших войск не давали повода для беспокойства, — вспоминал потом С. М. Штеменко. — Уже 12 августа главные силы механизированных корпусов 6-й гвардейской танковой армии пересекли через Большой Хинган и вырвались на Маньчжурскую равнину. Важнейший естественный рубеж, где японцы могли оказать упорное сопротивление, остался позади. Предстояло продолжать движение на тех же скоростях к центру Маньчжурии, к объекту № 1, как тогда называли Мукден. С падением Мукдена вся оборона японцев в Маньчжурии оказалась бы подорванной.

Хорошо шли дела и на Дальневосточных фронтах. В Приморье наша пехота один за другим преодолевала укрепленные районы противника, обходила особо сильные очаги сопротивления, дабы не снизить темпа наступления»*.

Напряженная работа по управлению наступающими войсками кипела в штабе Забайкальского фронта. На левом крыле фронта действовали части и соединения 36-й армии генерала А. А. Лучинского. Армия наступала из района Старо-Цурухайтуй на Хайлар, форсировала пограничную реку Аргунь.

Хайлар являлся основным заслоном японцев на пути к Хинганскому перевалу. Тут был построен укрепленный район, все доты которого уходили в глубь гор на 30—40 метров, располагались в три-четыре этажа, имели боевые и наблюдательные казематы, арсеналы и бункеры для гарнизонов. Японцы яростно сопротивлялись. Генерал Лучинский, чтобы не снижать общий темп наступления, приказал обойти Хайларский укрепленный район, блокировать Хайлар, а основными силами продолжать наступление в глубь Маньчжурии через Большой Хинган.

На правом крыле фронта наступали через безводную пустыню Гоби в направлении Калгана на Чжанцзякоу и Жэхэ (Чэндэ) конно-механизированные соединения и части советско-монгольских войск. Их вел генерал И. А. Плиев.

6-я гвардейская танковая армия, действуя в первом эшелоне на главном направлении, форсировала скалистый Большой Хинган и, разбив передовые японские части, вышла на оперативный простор.

Противник никак не ожидал, что танковые части за такое короткое время в условиях бездорожья поднимутся и форсируют считав-

* Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. М., 1981, с. 430.

шийся непреодолимым горный хребет Большой Хинган. Японское командование спешно отводило свои войска в глубь Маньчжурии.

12 августа Лубей был занят 5-м гвардейским танковым корпусом; 14-го — на плечах отходящего противника танкисты 7-го мехкорпуса ворвались в Таонань, чем открыли путь на Мукден (Шуньян) и Чанчунь. Разведотряд 5-го гвардейского танкового корпуса захватил 16 августа аэродром и станцию Тунляо.

В центре наносили основной удар 17-я и 39-я армии, которые двигались в первом эшелоне; во втором шли соединения 53-й армии.

Утром 14 августа после ожесточенного боя войска генерала Плиева овладели Долонором (Долунь). Этот город прикрывал пути, ведущие через южные отроги Большого Хингана на Жэхэ (Чэндэ) и далее к Желтому морю.

Выйдя в район Калгана и далее к Великой Китайской стене, конно-механизированная армия советско-монгольских войск по приказу командующего фронтом прекратила продвижение, отрезав пути отхода врагу на юг.

К исходу 17 августа войска 1-го Дальневосточного фронта вышли к озеру Дзиньбоху. В этот же день сдался гарнизон в Хайларе во главе с генералом Номурой Китисабурой.

В штабе нашего фронта подытожили: в результате боев с 9 по 14 августа наши войска, продвинувшись в глубь Маньчжурии на 250—400 километров, вышли на Маньчжурскую равнину и развернули наступление в направлении основных военно-политических, административных и промышленных центров Маньчжурии — городов Калган, Жэхэ, Мукден, Чанчунь, Цицикар.

Контратаки, предпринятые японцами в период с 12 по 14 августа в районе Линьси, Солунь, Ванемяо, Бухэду, были отражены. Потеряв управление войсками, японское командование беспорядочно бросало в бой свои части. Но это уже не могло остановить стремительного наступления войск Забайкальского фронта. Соединения 1-го Дальневосточного фронта, успешно наступая в южном направлении, вышли на восточное побережье Кореи.

Разгром Квантунской армии становился неизбежным. Советское командование, не желая излишнего кровопролития, разрушения сел и городов, жертв среди мирного населения, решило направить японскому командованию ультиматум с предложением о прекращении огня и полной капитуляции. Для осуществления этой задачи необходимо было послать советских парламентариев в штаб главнокомандующих японских войск в Маньчжурии, в город Чанчунь, а также в крупные политические, военные и экономические центры — Мукден, Порт-Артур (Люйшунь) и Дайрен (Долян).

В международной практике принято посылать парламентариев в расположение противостоящего противника. Но как быть в данном случае, когда командование вражескими войсками находится вдали, километрах в трехстах. Очевидно, парламентарскую миссию следует послать самолетом в расположение штаба Квантунской армии. Другого выхода не было. Поэтому советское командование вот уже третьи сутки по радио запрашивало штаб Квантунской армии о согласии

на гарантированный перелет парламентариев. Запросы дублировались чуть ли не каждые два часа. Но японцы упорно молчали. Умышленно. Выигрывали время: у них все еще, видимо, теплилась надежда остановить стремительное наступление наших войск, дать генеральный бой на линии Мукден, Чанчунь, Гирин.

Тем временем по заданию маршала Малиновского генерал Павловский начал формирование и подготовку парламентарских миссий в Мукден, Порт-Артур, Дальний и главной парламентарской группы в Чанчунь.

Вечером 17 августа меня вместе с Павловским вызвал командующий фронтом.

Первый вопрос, который он задал, был о моем самочувствии, о настроении.

— Настроение отличное, товарищ маршал, только что возвратился от Кравченко, у него все идет по плану...

Но Малиновский словно не слышал ответа, он подошел ко мне вплотную, взял за плечи и внимательно посмотрел мне в глаза.

— Ну, полковник, будем говорить откровенно, — сказал командующий. — Вам поручается выполнить ответственную задачу. В условиях исключительно сложных, скажем прямо, с риском для жизни. На Западе мы победили, можно бы и не рисковать, но я вынужден, обязан послать вас на этот риск. Вы имеете право отказаться от выполнения этого задания, здесь необходимо добровольное согласие. Военный совет фронта, — с расстановкой продолжал маршал, — назначает вас главным парламентаром и особоуполномоченным нашего фронта для вручения ультимативных требований лично главнокомандующему японскими войсками в Маньчжурии генералу Ямаде. Ваша основная задача — потребовать от него принять наши условия, заставить его подписать акт о безоговорочной капитуляции Квантунской армии и всех войск в Маньчжурии, находящихся под его командованием. Никаких переговоров о перемирии! Только безоговорочная капитуляция! Что вы, полковник, на это скажете?

Глубоко взволнованный, я ответил:

— Благодарю за доверие, приложу все силы, чтобы выполнить это ответственное задание.

Р. Я. Малиновский глубоко вздохнул, улыбнулся:

— Благодарю, полковник. Военный совет на это и рассчитывал. Теперь попросу к столу, поговорим о деталях.

Разговор продолжался около часа. Вернее, говорили командующий, член Военного совета и начальник штаба. Я молчал, внимательно слушал.

К тому августовскому дню обстановка сложилась следующим образом. Японское правительство объявило о своей готовности выполнить требования Потсдамской декларации и безоговорочно капитулировать. Но это было на словах. На деле же Квантунская армия продолжала упорно сражаться и никаких указаний императора на сей счет не получала. Позже стало известно, что к генералу Ямаде прибыл личный посланник императора Хирохито принц полковник Такэда с особым поручением-директивой, где разъяснялось, что безогово-

рочная капитуляция относится только к войскам, действующим на японской земле, на островах. Что же касается Маньчжурии, которая, мол, юридически не является частью Японии, а является самостоятельным государством Маньчжоу-Го, то на армию князя Внутренней Монголии Де-Вана и войска Пу-И* условия капитуляции не распространяются, поэтому никаких указаний и приказаний по этому вопросу не будет.

Это развязывало руки Ямаде, войска которого продолжали упорно сопротивляться.

17 августа Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке Маршал Советского Союза А. М. Василевский обратился по радио к командованию Квантунской армии с категорическим требованием немедленно прекратить огонь, сложить оружие и сдаться в плен. Но и после этого японские войска продолжали вести бои.

Пока маршал Малиновский напуствовал меня, принесли отпечатанный текст ультиматума и мандат.

Маршал тут же подписал и передал мне документы.

— Вот вам мандат-удостоверение, текст ультиматума и акт о безоговорочной капитуляции, который вы обязаны будете потребовать подписать с возможными на месте изменениями и добавлениями.

Было уже довольно поздно, когда я возвращался к землянкам, расположенным на окраине «поселка оперативников». О чем только не думалось в тихую, безмолвную ночь! Откуда-то донеслась мелодия «На сопках Маньчжурии». Почудилось? Или это мой ординарец Савва Евтихievич Сухарский отводит душу?

Подойдя к землянке, я открыл полог из плащ-палатки. Музыка оборвалась. Никто не спал. Весь отдел бодрствовал. Савва тотчас же «атаковал» меня:

— Що, зразу й исты чи мытыся? — И, скупой поливая мне на спину воду из кувшина, приговаривал: — Це вам нэ в Прази, а в Монголии, де вода, як слёза, та й дорогá!

Прямо у землянки, на траве, на расстеленной плащ-палатке, покрытой на самой середине небольшой белой скатертью, уже стояли тарелки с нарезанным салом, разогретой тушенкой, горячей картошкой.

* В 1933 году последний представитель свергнутой в Китае Цинской династии Пу-И был возведен японскими оккупантами на императорский престол марионеточного государства Маньчжоу-Го. Его постоянным советником был японский генерал Иосиока. При императоре имелось японское посольство, которое возглавлял командующий Квантунской армией. Когда 19 августа 1945 года наше воздушно-десантное подразделение приземлилось на Мукденском аэродроме, Пу-И со свитой, включая его японских советников, уже готовился улететь в Японию, но вместо этого вынужден был сдаться в плен советским военнослужащим. Около пяти лет Пу-И прожил в СССР, а затем был передан властям Китайской Народной Республики по их просьбе. До 1959 года он содержался в лагере для почетных заключенных, позже был амнистирован Пекинским правительством, стал депутатом Всекитайского Народного политического консультативного совета, начал работать в ботаническом саду Академии наук КНР и писать свои мемуары. В 1967 году китайская печать сообщила о смерти Пу-И.— *Прим. ред.*

За ужином я рассказал товарищам о последних новостях по 6-й танковой армии.

— Вот здорово, значит, все наши расчеты были правильными, не зря трудились, — комментировал майор Моисеенко.

Я предупредил Зосина, что с завтрашнего дня он остается за меня.

— Надолго?

— Может быть, дней на восемь — десять, а может быть...

И не договорил.

— Как это понимать?!

Я рассказал о парламентерской группе.

— Так разрешите и мне с вами, — встал майор Спиженко.

— Ну нет, брат, тебе еще жениться надо.

— А я вам больше не нужен? — обиделся совершенно серьезно ефрейтор Сухарский.

Я ответил, что состав парламентерской группы утвержден Военным советом фронта, а десантные группы подбирает и формирует разведуправление, но все-таки потом позвонил в разведуправление и попросил в состав десанта включить от нашего отдела майора П. И. Спиженко и ефрейтора С. Е. Сухарского.

Ни к одному человеку за все время войны я не был так привязан, как к Сухарскому — моему ординарцу. Он был старше меня и моих сослуживцев, но по энергии, бодрости духа и способности мобилизовать себя на любое, порой, казалось, непосильное дело, не уступал самым молодым. В боевой обстановке никогда не терялся, при отходе наших войск на Днепре и Северском Донце он под огнем противника делал проходы в минных полях. Закалку и сноровку бывалого солдата он обрел еще в гражданскую войну, когда красноармейцем-пехотинцем, потом конником дрался с врагом. Свои универсальные обязанности ординарца выполнял с блеском; находчивости его не было предела, а его поварское искусство, бывало, отмечали даже высокие начальники. Не зря же он до войны работал шеф-поваром на станции Жмеринка. И хотя Савва Евтихиевич был старше нас, все мы его по-домашнему называли Саввою.

Вспомнился эпизод на одном из заседаний в Чехословакии у начальника штаба. На обращение генерала Захарова: «Есть ли вопросы?» — я ответил: «Есть». Захаров посмотрел на меня с удивлением.

— Старшего возраста солдаты сейчас демобилизуются... — начал я, но М. В. Захаров меня перебил:

— Уж не хотите ли вы и себя причислить к этому возрасту? Все засмеялись.

— Нет, Матвей Васильевич. Дело в том, что у меня ординарец старшего возраста; он узнал, что я уезжаю на Восток, хочет остаться при мне. Прошу вас разрешить, он со мной еще из-под Харькова...

— Если он желает, можно оставить, — ответил Захаров, потом, улыбаясь, как будто бы что-то припоминая, спросил: — Это не тот ли, с чапаевскими усами? Чудесный повар и парикмахер, к тому же отличный баянист.

— Так точно, он.

Павловский добавил:

— Боевой солдат, надо оставить.

Но сейчас, включив ефрейтора Сухарского в состав десантной группы, я засомневался, правильно ли поступил...

Все уже давно спят, только меня сон не берет. Томили жара, духота августовской ночи, мысли о завтрашнем дне. Поднялся с постели, взял шинель и вышел из землянки. Кругом тишина, слышны лишь перезвоны кузнечиков да рокот движков полевой электростанции, обеспечивающей связь и освещение наших «штаб-квартир».

Ночь показалась мне страшно длинной, я почти не спал; едва загорелся восток, был уже на ногах. Облился холодной водой, оделся, как на парад: новые выутюженные брюки и китель, до блеска начищенные сапоги с ярко сияющими шпорами. Накануне спрашивал Савву Евтихievича, зачем шпоры. Он ответил, что так велел генерал Павловский и даже одолжил свои запасные.

— Чтоб звон стоял, чтоб все слышали — идет наш парламентар, — прокомментировал ординарец указание генерала.

До отъезда на аэродром — меньше двух часов. Оставалось передать партийные дела майору М. Г. Марченко и документы в секретную часть управления, партбилет — начальнику политотдела штаба фронта. Кажется, все, не забыл ничего.

В 7. 30 в сопровождении почти всего отдела мы были у землянки оперативного управления. В землянке генерала Павловского встретился со всей группой: майором В. И. Моисеенко, которого хорошо знал, капитанами П. Н. Титаренко, И. Т. Беззубым, Н. И. Барякиным, старшиной И. И. Никоновым и шестью бойцами: Абдуллой Габданкером, Виктором Баскаковым, Ефимом Буряком, Григорием Кракотцем, Иваном Сухаренко, Леонидом Цыгановым. Когда мы приехали на аэродром, до вылета оставалось больше часа.

Бескрайняя монгольская степь. Солнце давно взошло, утро ясное, жаркое. Вдали видны самолеты на стоянках, рассредоточенные группами.

Расположились на траве. Вскоре на КП авиаторов прибыл генерал В. А. Ушаков, командир авиакорпуса. Подтянутый, похожий больше на кавалерийского начальника, чем на авиатора, он легкой походкой подошел к землянке, где находился маршал авиации С. А. Худяков.

— Товарищ командарм, ваш приказ выполнен, — доложил генерал Ушаков. — Личный состав и самолеты готовы для выполнения задания с парламентарями.

К маршалу авиации подошли командир 21-й гвардейской авиационной дивизии полковник И. М. Горский с экипажем Си-47 и группа летчиков-истребителей во главе с командиром эскадрильи Як-9 старшим лейтенантом Юрием Нещеретом.

Маршал авиации Худяков напутствовал летчиков:

— Вы, товарищи истребители, прикрываете в воздухе Си-47 через Большой Хинган и особенно в глубине страны. Вы должны обеспечить перелет и посадку на центральном аэродроме в Чанчуне.

Считаю, что для прикрытия Си-47 с парламентарями девяти «яков» достаточно. Как, товарищ Нещерет, хватит девять? Или добавить? Желających много. Все добровольцы, как и вы.

— Достаточно, товарищ командующий, — ответил летчик. — Мы все — фронтовики, все со 2-го Украинского. Задача будет выполнена.

Вскоре прибыли командующий фронтом маршал Малиновский, начальник штаба генерал армии Захаров, член Военного совета генерал Тевченков в сопровождении группы офицеров. О готовности авиаторов доложил Худяков. Подошел и мой черед.

— Начальник парламентарской группы полковник Артеменко. Группа в составе пяти офицеров и шести рядовых для выполнения вашего задания готова.

— Как самочувствие? — пожимая руку, спросил Р. Я. Малиновский.

— Отлично!

Генерал Павловский обратился к командующему:

— Время — семь пятьдесят пять, вылет восемь ноль-ноль. Разрешите команду «По самолетам!»?

— Хорошо, — сказал Родион Яковлевич, — еще одну минутку.

Все подошли к маршалу и стали в полукруг.

— Помните, что от выполнения возложенной на вас задачи будет зависеть многое, а главное — победа без лишних жертв, победа малой кровью. Желаю вам успеха. Будьте тверды и уверены в успехе выполняемой вами задачи. — И, улыбнувшись, добавил: — Ни пуха, ни пера!

Взвели моторы, самолет вздрогнул, устремился вперед, оторвался от земли, набрал высоту и сделал прощальный круг над аэродромом. Сквозь иллюминатор видно было, как далеко внизу взлетают наши истребители.

Си-47 уходит на восток, навстречу монгольскому солнцу. Густые серые облака закрывают острые зубчатые вершины Большого Хингана. Мы врезаемся в самую гущу облаков. Хинган нас встречает дождем, грозой. Самолет бросает, как автомашину на ухабах плохой полевой дороги.

Истребители лишь изредка выскальзывают из-за облаков и, блеснув серебристыми крыльями, скрываются. Высота три тысячи метров. Сколько часов прошло после вызова к командующему? Я снова слышу его чуть глуховатый голос:

— Помни, полковник, ты — первый представитель не только советского командования — Советского государства! И знай: Ямада и Хата — люди умные и хитрые, военачальники и дипломаты. Держи ухо востро. Воля и гибкость мысли нужны там не меньше, чем на поле боя.

Вспомнился разговор с адъютантом командующего фронтом И. В. Кузьминым. Неужели это было вчера? Кажется, целая вечность прошла! Когда я шел из кабинета Малиновского, он взял меня под руку, спросил тихо:

— Ну как, согласился?

Я кивнул.

Он пожал мне руку, и мы вышли на деревянное крылечко. Стояли молча. Кузьмин закурил, предложил папиросу и мне; хотя я никогда не курил, тогда не стал отказываться, рука машинально потянулась к коробке. Затянувшись несколько раз, закашлялся с непривычки, но все-таки табак подействовал как-то успокаивающе.

Кузьмин доверительно рассказал мне, что мою кандидатуру предложил Павловский.

— После того, как была отвергнута первая кандидатура.

— Чья же?

— Главным парламентом вызвался быть сам Павловский. Но командующий возразил: « У вас много другой, не менее ответственной работы в управлении. Вам необходимо руководить всеми парламентарскими миссиями, а для главной миссии, надеюсь, вы подготовили и дублера ». Павловский молчал, пока маршал не спросил: « Кого все-таки будем посылать к Ямаде? » Тогда генерал и назвал тебя...

Я очнулся от громкого голоса штурмана В. И. Сидоченко. Он докладывал:

— Прошли Большой Хинган, подходим к Лубею.

Лубей, как и вершины Хингана, был закрыт облаками. Но Горский легко вздохнул и, передав управление второму пилоту, вытер лоб, улыбнулся:

— Самое худшее уже позади.

Самолет снизился до 1500 метров. Под нами так называемая Прихинганская низменность. Все поля залиты водой, как берега реки в весенний паводок. Когда снизились до 500—600 метров, увидели колонны наших войск. Танки, автомашины, люди двигались по черным полоскам дорог среди сплошного моря воды.

— Подходим к Тунляо с востока, — доложил штурман.

Попросил Горского еще снизиться, чтобы по возможности определить положение наших войск. Город, особенно его восточная окраина, в дыму.

Самолет кружит над восточной окраиной Тунляо. Здесь аэродром. Вокруг самолетов бегают люди. Выложен знак посадки — Т. Блестят мокрые крыши домов. Горский отлично приземляет наш корабль на узкую бетонную дорожку аэродрома.

Нас встретили командующий 6-й гвардейской танковой армией генерал-полковник А. Г. Кравченко, его начальник штаба генерал-лейтенант А. И. Штромберг и группа офицеров штаба. Си-47 отрулил в сторону, освободив посадочную полосу для наших «яков». Пока шла подготовка самолетов к полету, мы тщательно согласовывали все вопросы, связанные с посадкой в Чанчуне, вызовом бомбардировщиков и десанта на случай отказа японцев принять условия капитуляции.

Меня познакомили с командирами десантов: в Чанчунь — Героем Советского Союза П. Н. Авраменко, в Мукден, а затем в Порт-Артур и Дайрен — майорами И. К. Белодедом и Н. Н. Чelyшевym. Полковник И. М. Горский оставался в Тунляо для организации аэродромной службы. Он познакомил меня с экипажем, который поведет наш парламентарский Си-47 в Чанчунь: командир корабля гвардии

капитан Н. Д. Барышев, инспектор 21-й гвардейской авиадивизии по пилотированию; второй пилот — уже знакомый мне капитан В. И. Сидоченко; радист старший лейтенант А. А. Ордиянц. Экипаж расположился на ночь под крылом самолета. Тут же находилась и вся наша группа. Рядом, под деревом на траве, отдыхали летчики-истребители группы Нещерета; они будут сопровождать нас до Чанчуня. Я решил ночевать, как и все, под крылом самолета. Прилег рядом с майором Моисеенко на плащ-палатке и прикрылся шинелью. Жарко, душно, над аэродромом повис густой туман. Стрекогут кузнечики. Беспокойно, кто похрапывая, кто сопя, спят офицеры и солдаты нашей группы. Заснул я лишь под утро.

Утром, едва взошло солнце, на аэродром прибыли генералы Кравченко и Штромберг, чтобы проводить нас в Чанчунь. Во время завтрака командарм Кравченко сказал с уверенностью:

— Будем надеяться, что Будапешт не повторится. Но при удобном случае вы должны напомнить японцам об уроках Будапешта, — посоветовал он и дружески похлопал меня по плечу.

Мы снова в воздухе. Тунляо остался далеко позади. Наш Си-47 в сопровождении истребителей держит курс на Чанчунь.

Скоро будем у цели. Смотрю на людей. Серьезные, собранные. У иных лица вовсе непроницаемые. Чтобы как-то снять напряжение, пробую петь: «Что ты, Вася, приуныл, голову повесил?» Но было, видно, не до песен. Первым заговорил наш переводчик капитан Титаренко:

— Повадки самураев, их фанатичность мы знаем, так что рассчитывать на встречу с музыкой не приходится.

— Что гадать на кофейной гуще? — сказал Барышев. — Вот через час посажу самолет — тогда посмотрим.

Все оживились, послышался смех.

Но скоро опять приумолкли. Наверное, каждому захотелось побыть один на один с самим собой.

Летим на большой высоте. Прогнали Сыпингай. Что за чертовщина? В небе японские истребители! Неужели атакуют нас? Ведь на наших самолетах парламентерские опознавательные знаки!

Барышев доложил:

— Наши истребители ведут бой с японскими.

Далеко слева мы увидели горящий самолет — японский! Но был подбит и наш истребитель, он пошел на посадку в районе Сыпингая.

Под нами Чанчунь!

Я это заметил прежде, чем доложил Барышев. Наш Си-47 делает три круга над городом. На посадку идут только два истребителя, остальные блокируют с воздуха японский аэродром. Барышев низко прошел над крышами центральной части города, на высоте 250—300 метров. Посадив самолет, он выкруливает к штабу авиабазы, где на флагштоке виден японский флаг. Смотрю на часы: без малого десять по местному дальневосточному времени.

В иллюминатор видно, как из штаба к самолету бегут японские офицеры. Старший лейтенант Ордиянц уже успел передать радио-

грамму о приземлении. Дверь открыта, спущен трап. Никонов и еще два солдата с пулеметом и автоматами лежат под плоскостью.

Схожу по трапу. Ноги ступают тяжело. Делаю несколько шагов навстречу быстро идущим ко мне японским офицерам. Когда расстояние между нами сократилось до нескольких десятков шагов, почувствовал, что волнение как рукой сняло. Шагах в тридцати от самолета японский полковник, шедший во главе группы офицеров, остановился и представился:

— Полковник Асада Хати́ро, начальник разведки Квантунской армии.— Затем он сказал, что главнокомандующий генерал Ямада просит меня пожаловать к нему.

Я тоже представился с помощью переводчика капитана Титаренко и потребовал немедленно обеспечить мне проезд по городу в штаб.

С нашего самолета уже сгрузили «виллис», на радиаторе которого был укреплен красный шелковый флажок. Асада предложил мне зайти в штаб авиабазы, где меня ожидал генерал Томокацу, заместитель начальника штаба Квантунской армии, которому поручили сопровождать меня. Он пригласил ехать на его автомашине.

Я поблагодарил и сказал, что меня устраивает моя, тогда оба японца — генерал и полковник — предложили мне снять красный флажок и поднять белый, парламентерский. Отвечаю: благодарю, мол, за совет, этого делать уже не нужно. Улыбаясь, они переглянулись между собой, и Асада заговорил вдруг по-русски:

— Как русский представитель желает...

Генерал потребовал снять блокаду аэропорта. Я пояснил, что истребители обеспечивают наше прикрытие. Он кивком головы показал, что понимает.

Японские самолеты подняться не могли, все они были под прицелом пушек наших «яков». Момент для высадки десанта был самый подходящий.

Условным знаком я показал Барышеву и Ординцу, что можно дать сигнал: «Немедленно высылайте десант, посадка обеспечена». Через несколько минут, пока мы с японским представителем обменивались любезностями, Ординец доложил, что сигнал принят, десант готов к вылету. С облегчением вздохнув, я дал команду майору Мои-сеенко и капитану Барышеву обеспечить посадку самолетов и высадку десанта.

Вместе с капитанами Титаренко, Беззубым, Барякиным и старшиной Никоновым едем в штаб Квантунской армии. Меня сопровождает полковник Асада, генерал Томокацу следует на своей автомашине.

Подъезжаем к штабу Квантунской армии. У самого здания на высокой флагмачте — японский военный флаг, невдалеке на постаменте фигура всадника, торжественно въезжающего на покоренную землю Квантунского полуострова. У ворот — взвод офицеров во главе с полковником; все салютуют мечами и что-то трижды выкрикивают. Медленно проезжаем под обнаженными мечами. Чувствую, как по спине ползут капли холодного пота. Отвечаем на приветствие.

Машина останавливается у подъезда. Навстречу выходит полковник генерального императорского штаба принц Такэда, он приглашает следовать за ним к главкому.

Перед нами широкая, белого мрамора, лестница, устланная зеленой ковровой дорожкой. Иду впереди, сзади капитан Титаренко и старшина Никонов.

Томокацу открывает дверь в небольшую приемную. У дверей кабинета стоят с обнаженными мечами два офицера из личной охраны генерала Ямады. Японцы салютуют. Переступаю порог кабинета. Громадный квадратный зал, высокая дверь открыта на балкон. Пол устлан персидским ковром цвета лесного мха. Посредине кабинета стоит маленький, худенький старичок лет под семьдесят. Коротко стриженные волосы, реденькие стриженные усики, на боку «меч духа» с позолоченным двойным эфесом, одет в полевую форму. Это и есть барон Ямада, главнокомандующий всеми японскими и марионеточными войсками в Маньчжурии.

Представляюсь:

— Полковник Артеменко, уполномоченный советского командования. Прибыл предъявить вам ультиматум о прекращении огня, безоговорочной капитуляции и сдаче в плен. Вот мой мандат.

Капитан Титаренко, а затем переводчик Ямады переводят сказанное. Ямада тоже представляется:

— Главнокомандующий императорскими войсками в Маньчжурии генерал барон Ямада. Готов вас выслушать. — На лице его появляется подобие улыбки. — Разрешите мне, как старшему военачальнику, к которому вы прибыли с визитом, пригласить вас сначала по старому армейскому обычаю к столу как дорогого гостя. Отведаете японские закуски и сакэ, а если господин русский представитель захочет, то и русской водки; стол накрыт лично для вас. Прошу, очень прошу. — Он прикладывает руку к сердцу и кланяется.

«Ну, — думаю, — старая лиса, уклоняется от дела».

— Благодарю вас, генерал, за столь любезное приглашение и гостеприимство. Не будем терять времени. Прежде всего — приступим к делу.

— Тогда, — отвечает Ямада, наклонив учтиво голову, — я готов выслушать русского уполномоченного и требования его командования. Прошу к рабочему столу.

Он зашел за свой рабочий стол и стал, опершись на эфес меча. Японцы расположились с левой стороны против стола, я стоял посредине, мои товарищи — справа. Нас разделял стол.

Отчетливо помню свое состояние в тот момент. Куда девалось учащенное сердцебиение, неловкость, мрачные предчувствия? Чувствую себя спокойно и уверенно.

— Требования советского командования заключаются в следующем:

первое — немедленно прекратить огонь и сопротивление на всех участках фронта;

второе — сложить оружие и сдаться в плен;

третье — немедленно вывести все войска из столицы — города Чанчунь и других районов в указанные пункты;

четвертое — открыть все пути для ввода советских войск в Маньчжурию;

пятое — подписать акт о безоговорочной капитуляции;

шестое — для выполнения этих требований предлагается 48 часов.

Японцы угрюмо качают головами.

— Вам лично, господин главнокомандующий, — продолжаю я, — необходимо выступить по радио с приказом своим войскам — немедленно прекратить огонь, капитулировать и сложить оружие. Бельми флагами ваши части должны обозначить свою готовность к капитуляции.

И, наконец, я излагаю требование советского командования к гражданской администрации: премьер-министру Маньчжоу-Го Чжан-Цзинхуэю необходимо обратиться к народу Маньчжурии с сообщением о том, что японские войска капитулировали и сложили оружие, что война окончена и советские войска вступают в столицу.

Когда переводчик умолк, Ямада стал странно подергивать плечами и рукой, нервно щипать редкий седой ус. Остальные японцы возбужденно переговаривались.

Потом Ямада медленно, дрожащим голосом начал отвечать:

— Ваших войск близко нет. Фронт еще за 400—500 километров. Мои войска с успехом могут сопротивляться. В столице Маньчжоу-Го пока вас одиннадцать советских военных, перед которыми мне как командующему и старому военачальнику стыдно, позорно соглашаться на капитуляцию. Приказать своим войскам сложить оружие, не видя ваших основных сил? Нет! К тому же пленить меня и моих генералов может лишь равный по званию, а ведь вы только полковник и выполнить это, независимо от ваших полномочий, не можете.

— Ваши войска уже испытали на себе действия наших основных сил.

Генерал поспешил отпарировать:

— Вы, русский полковник, слишком смело и, я бы сказал, очень решительно и рискованно предъявляете мне ультимативные требования своего командования. Вы забываете, молодой человек, что вы не на линии фронта, а в кабинете главнокомандующего японскими императорскими войсками, которые без приказа не сдаются.

Снова — перевод. Оценивая каждое слово, лихорадочно думаю, что отвечать. Коротко повторив требования советского командования, заканчиваю фразой: «Всякое промедление с капитуляцией смерти подобно».

— Не совсем, господин русский полковник, — ответил Ямада. — Вы забываете, где вы сейчас находитесь, вы сейчас полностью в наших руках. Не исключено, что разговор о перемирии мы вынуждены будем прекратить...

Слова «разговор о перемирии» меня сразу обожгли. Помня указания маршала Малиновского — никаких разговоров о перемирии, только безоговорочная капитуляция, — я ответил:

— Прошу вас, генерал, и всех присутствующих учесть, что я, безусловно, не забываю, где нахожусь. Смею вас также заверить, что со всей решительностью вынужден требовать от вас немедленного и точного выполнения условий советского командования. Ваши замечания, генерал, о том, что я нахожусь в ваших руках, да не будут истолкованы как угроза. Неприкосновенность личности парламентаря обеспечивается международными законами, которые, я надеюсь, вы, как военачальник, хорошо знаете и уважаете. Надеюсь, вы не посмеете, подобно немецким фашистам в Будапеште, совершить варварское преступление.

Ямада выслушал меня и, переступив с ноги на ногу, сказал:

— Возможно, и вы генерал в полковничьих погонах, как и ваш командующий — маршал в генеральских погонах... Но все же, что будет, если я не приму требования вашего командования? Если императорские войска будут продолжать сопротивление и дальше?

Слушая переводчиков, напрягаю мысль. Реагировать надо было мгновенно. И я схватился за конец фразы: «Продолжать сопротивление».

— Сопротивление в такой обстановке никогда к добру не приводило. А ваши войска сражаться дальше не могут. Считаю, что ваши действия будут не только неверными, но и несправедливыми. Ваши солдаты, как и все люди, хотят жить, а не умирать. Мирные города и села, дети, женщины, все мирные жители не должны быть уничтожены по вашей вине. Вам об этом следует подумать.

Не успел переводчик перевести сказанное мною, как в кабинет вошел, нет, не вошел, а вбежал дежурный офицер и растерянно, взволнованно стал что-то говорить.

Я попросил перевести мне сказанное. Оказывается, дежурный офицер докладывал:

— Ваше превосходительство, к столице приближается большая армада русских тяжелых самолетов под сильным прикрытием истребителей. Наши самолеты подняться не могут, аэродром блокирован русскими истребителями.

Ямада растерянно посмотрел на меня, затем в упор спросил:

— Господин парламентар! На сей раз, смею вас спросить, что это означает? Надеюсь, вы сможете объяснить?

Я ответил, что самолеты вызваны для обеспечения успеха возложенной на меня миссии.

— Смею вас заверить, что независимо от вашего обращения со мной, если в установленное время я не сообщу своему командованию положительных результатов, разгром ваших войск в этом и других укрепленных районах будет неминуем. Затягивание переговоров ничего хорошего вам не сулит.

Время приближалось к полудню. После доклада дежурного офицера прошло минут пятнадцать. Уже явственно доносился рокот моторов наших бомбардировщиков. Задребезжали стекла окон. Генерал Томокацу поспешил на балкон, другие также подошли к окнам, стали смотреть в небо.

Я не двинулся с места. Остался стоять и Ямада.

— Господин полковник, если это в вашей власти, прошу предотвратить бомбардировку города.

Я не спеша подошел к заранее установленному полевому телефону, позвонил на аэродром. Отозвался майор Моисеенко. По установленному шифру я продиктовал приказ передать по радиции Си-47 сигнал: «Самолетам с десантом идти на посадку на аэродром по сигналу Барышева. Бомбардировщикам барражировать над городом до моего сигнала...»

— Каким временем располагает советский парламентар для ведения переговоров? — обратился ко мне Ямада.

— Времени осталось очень мало. Но вполне достаточно для того, чтобы вы как командующий, осознав безнадежность сопротивления, отдали приказ вашим войскам сложить оружие, сдаться в плен.

Ямада очень внимательно выслушал перевод, обвел взглядом присутствующих японцев и закрыл глаза. Наконец произнес:

— Надеюсь, что ваше слово — слово офицерской чести. Это полная гарантия того, что во время наших переговоров и до их окончания Чанчунь не будет подвергнут бомбардировке.

Я ответил, что генерал может положиться на слово советского офицера и уполномоченного маршала Малиновского.

Ямада по-русски ответил: «Хорось, хорось» — и, заложив руки за спину, зашагал вдоль своего длинного рабочего стола. Вдруг остановился против меня и четко, по-военному произнес:

— Господа генералы и офицеры доблестных императорских войск, мои подчиненные! Я решил... — Наступила тягостная пауза. — Слушайте меня!.. — Снова пауза.

Что же он решил? Капитулировать? Или продолжать сражаться, воевать до полного разгрома своей армии? Наклонив голову, Ямада медлил объявить свое решение. Нервное напряжение достигло, казалось, предела. Я чувствовал, что выдержка вот-вот покинет меня.

Наконец Ямада высоко поднял голову и дрожащим голосом заговорил:

— Я несу ответственность перед богом и перед императором за судьбу нашей армии... И посему решаю сохранить жизнь своей армии, своих солдат. — И закончил: — Я согласен на капитуляцию.

При этих словах он быстро выхватил из ножен свой «меч духа», дрожащими руками поднял его высоко над головой, затем медленно поднес к губам, трижды поцеловал и быстро двумя руками подал его мне через стол в горизонтальном положении. Низко наклонив голову, произнес:

— Я ваш пленник, диктуйте свою волю.

Присутствующие в кабинете офицеры делают то же: вынимают мечи из ножен, целуют их и протягивают мне.

Все это было настолько неожиданно, что я на какое-то мгновение растерялся. Вот уж не ожидал такой церемонии! Приняв меч у Ямады, не знал, что с ним делать. И вдруг отчетливо вспомнил слова генерала Захарова: «В случае пленения холодное оружие можно японцам оставить, они этим очень дорожат». Еще какое-то

мгновение подержал я саблю-меч Ямады, затем передал ему через стол, сказав:

— Советские офицеры личное оружие противника берут только в бою, а кабинет главнокомандующего не поле боя. Советское командование разрешает вам и всем офицерам холодное оружие оставить при себе.

Прошу генерала немедленно передать свое решение войскам, прямо отсюда, из кабинета, по радио, а также дублировать другими видами связи. Ямада отдает соответствующее распоряжение, а затем говорит, что еще вчера генерал Хата вылетел в Харбин для предварительных переговоров с русским консулом в Харбине, откуда есть прямая связь с советским высшим командованием на Дальнем Востоке. Потом спрашивает, не будут ли мои требования парламентарера о безоговорочной капитуляции расходиться с условиями и требованиями, которые, очевидно, поставит перед Хатой маршал Василевский, ибо Хата имеет задачу договориться лишь о перемирии. Я отвечаю, что у советского командования и правительства требования едины, а именно — только безоговорочная капитуляция.

В кабинет вносят микрофон и устанавливают на треногу посредине комнаты. Как бы крадучись, генерал Ямада подходит к микрофону:

— Волей, данной мне императором и богом, для сохранения вашей жизни, городов и деревень — от разрушения, населения — от нищеты и разорения я, Ямада Отодзо, главнокомандующий всеми вооруженными силами в Маньчжурии, приказываю: немедленно прекратить бесполезное сопротивление русским, прекратить огонь и сложить оружие. Пункты сбора оружия и время сдачи в плен на местах уточните с русским командованием, для чего на всех участках фронта и соприкосновения с русскими выслать своих парламентареров с белыми флагами, в пунктах сосредоточения вывесить белые флаги. Войскам, обороняющим столицу Чанчунь и ее зону, складывать оружие на местах и походным порядком следовать в район Ганчжулин. Все командиры частей в пути получают дополнительные указания. Предупреждаю, что за порчу оружия и военного имущества все виновные будут отвечать ценой жизни. Все указания русского командования на местах выполнять точно и беспрекословно.

Дежурный доложил о прибытии премьер-министра Маньчжурии Чжан-Цзинхуэя. Ямада обратился ко мне:

— Разрешите просить?

Минуту спустя в кабинет вошел старый седой китаец в черном фраке, с цилиндром в руке, низко поклонился и через переводчика спросил, чем может быть полезен.

— Вам необходимо обратиться к своим соотечественникам и сообщить им, что японские войска безоговорочно и полностью капитулировали, сложили оружие и сдались в плен. Советские войска повсюду вступают в города и села страны как освободители китайского народа.

Услышав слова «полная капитуляция», Чжан-Цзинхуэй вздрогнул, побледнел и дрожащим голосом обратился к Ямаде:

— Значит, господин Ямада Отодзо, это конец?

Затем премьер-министр, тяжело вздохнув, подошел к микрофону. Он сообщил «дорогим соотечественникам» о капитуляции Квантунской армии и призвал их оказывать содействие советским войскам, вступающим в города и села.

Теперь оставалось выступить мне.

— Японская армия безоговорочно капитулировала, сложила оружие и пленена во главе со своим командующим и штабом. Советские войска повсюду вступают в города и села вашей страны не как завоеватели, а как освободители всех трудящихся Маньчжурии. Прошу всюду оказывать содействие и помощь советским войскам, за что советское командование и советское правительство будут вам благодарны.

В заключение я предложил генералу Ямаде оформить капитуляцию подписанием соответствующего акта. Достал из своей полевой сумки текст акта о безоговорочной капитуляции на русском и японском языках и подал Ямаде. Он прочитал несколько раз текст, дрожащей рукой взял кисточку, обмакнул ее в тушь и поставил свой фамильный иероглиф. Я взглянул на часы: было 14.00.

По полевому телефону условным шифром я доложил в штаб Забайкальского фронта о том, что акт о безоговорочной капитуляции Квантунской армии подписан и что командование армии во главе с генералом Ямадой пленено.

Через семь минут Ординец передал, что штаб Забайкальского фронта принял это сообщение.

Ямада и Томокацу стали настоятельно приглашать нас к столу.

Теперь, когда дело было сделано, мы решили принять «любезное» приглашение.

Генерал Томокацу налил в рюмки русскую водку. Выпили. Закусили японскими крабами. Крабы мне показались очень вкусными, и я сказал об этом Ямаде.

— Благодарю, господин полковник. Приятно это слышать. Тем более что консервы с моих заводов.

Я был крайне удивлен: в моем представлении военачальник и предприниматель — понятия несовместимые. Ямада, довольно улыбаясь, ответил:

— Так, немножко, ради интереса.

Меня позвали к полевому телефону. Майор Авраменко доложил, что десант численностью в 250 человек приземлился.

...19 августа 1945 года.

Самый длинный и, может быть, один из самых счастливых дней в моей жизни. Оставшись одни, мы дали волю своим чувствам. Поздравляли, обнимали друг друга, радовались безгранично.

Здание бывшего штаба Квантунской армии, где группа советских парламентариев выполнила свою миссию, превратилось в здание советской комендатуры Чанчуня. Мы стали выполнять комендантские функции. Выставили свою охрану к трофейному оружию, выделили конвой для сопровождения пленных в пункты указанной дислокации.

Надо было разместить заставы хотя бы на выходе японских войск из городской черты, на Ганчжулин, Сыпингай и другие пункты. С этой целью я выезжал на аэродром, где находились мои «основные силы» — десант в 250 человек.

На аэродроме меня радостно встретили Барышев, Авраменко, Спиженко, Моисеенко и мой ординарец Сухарский. Все крепко жали мне руку и поздравляли, ординарец приплясывал и весело напевал кем-то сложенную песенку:

Ну-ка, ну-ка, самурай,
Расквитаемся давай!
Я и весел, я и зол,
Мы те вспомним Халхин-Гол.

— Откуда такая песня? Сам сочинил?

— Не я. Один солдат из десанта еще в самолете пел.

Начальник авиабазы доложил, что личный состав сложил оружие, находится в казарме в ожидании приказа. Спросил, можно ли отправить личный состав базы в количестве 1210 человек в Ганчжулин, где есть свободные казармы и кухня. Я разрешил и приказал Авраменко выделить сопровождающих.

Из японского гарнизона были оставлены только шоферы с автомашинами. На каждую машину выделили нашего солдата, нашлись водители и среди десантников.

На аэродроме приземлился Як-9. Летчик вручил мне пакет от маршала авиации С. А. Худякова. «Чанчунь. Гвардии полковнику Артамонову (так на время операции была зашифрована моя фамилия). Тов. Малиновский ждет от вас к 8.00 20 августа подробного донесения о положении в Чанчуне. Донесение пришлите мне истребителем. Худяков. 19.08.45 г. 18.40. Тунляо».

Донесение было написано тут же, на аэродроме. В нем говорилось, что по состоянию на 20.00 19 августа сложило оружие более 10 000 человек, пленные выведены за пределы города. Аэродром полностью в наших руках. Банк, почта, радио, телеграф, штаб Квантунской армии, железнодорожный узел и управление дороги находятся под нашим контролем и охраной подразделений десанта. Разоруженные солдаты под командой своих офицеров размещены в пунктах, установленных мною. Принято самолетов более 300, танков свыше 100, орудий более 200, винтовок и ручных пулеметов до 7000, станковых пулеметов до 300.

Покончив с первоочередными делами, предупредил Барышева, Авраменко и остальных, кого это касалось, чтобы к 22.00 они прибыли в кабинет бывшего командующего Квантунской армией аккуратно одетыми и побритыми для следования на банкет.

Те взмолились: какой банкет?! Война...

— В нашу честь. Таков ритуал. Так положено. Дипломатия. Без этого не обойтись.

Возвращаемся «к себе» — к зданию штаба Квантунской армии. Машина наша едва движется: улицы запружены народом. В руках почти у всех маленькие бумажные флажки — синие с белым кругом

в центре. Перед самыми воротами штаба машина остановилась. К нам подошли два старика китайца. Оба хорошо говорили по-русски. Один из них, как я потом узнал, в период революции жил и работал в Полтаве и был женат на полтавчанке, другой долгие годы жил в России, воевал в частях И. Э. Якира на Украине, затем жил в Хабаровске.

Старики просили меня сказать людям несколько слов: «Пусть увидят и услышат представителей Красной Армии».

В подобной обстановке мне никогда не приходилось держать речь. Но отказываться нельзя. Поднимаюсь в кузов подошедшей машины с солдатами. Говорю о том, что советские войска вступают в Чанчунь как освободители китайского народа от японских оккупантов.

Старики, выбиваясь из сил, кричат, переводя мои слова.

До штаба мы дошли пешком. У здания на высокой мачте развевался красный флаг, освещенный тремя пересекавшимися лучами прожекторов.

Охрану несли наши десантники, возглавлял их лейтенант Николай Иванов. Когда я зашел в бывший кабинет Ямады, там уже находились капитан Беззубый, майоры Моисеенко, Спиженко и мой вездесущий ординарец.

— Разве это кабинет? — иронически улыбаясь, рассуждал Савва.

— Ни дивана, ни кресла, один маленький столик, и тот без прибора. А где ж телефон?

Савва не знал, что вход в кабинет вел через тамбур охраны и комнату связи.

Время приближалось к 22.00. Пора собираться на банкет. Савва, как и всегда, быстро привел в порядок мой китель, начистил сапоги и шпоры до блеска и доложил, что все готово. Он попросил разрешения тоже поехать на банкет:

— Буду сидеть в машине с автоматом.

Я сказал, что японцы гарантируют полную безопасность.

— Гарантируют — это хорошо, — возразил Савва, — но пара гранат и автомат не помешают.

Обязанности шофера на бывшей машине Ямады теперь выполняет старшина Иван Никонов, некогда командир взвода фронтовой роты разведки, кавалер трех орденов Славы.

Во дворец Гей-Хан-Кан для приема высокопоставленных гостей мы прибыли с опозданием более чем на полчаса. По этому поводу хозяевам пришлось понервничать (о чем мне позже рассказал полковник Асада). Ямада расхаживал по залу, заложив руки за спину, и, обращаясь к своим генералам, заметил:

— Наши гости что-то задерживаются. Это не похоже на русских.

— Если вспомнить историю, ваше превосходительство, — отозвался генерал Томокацу, — то русские в Порт-Артуре ожидали представителя японского командования на подобный банкет более часа. Надо полагать, этот полковник как представитель русского командования отблагодарит нас тем же.

Томокацу был недалек от истины.

По пути к банкетному залу по обе стороны коридора стояли высшие чины японской армии. Приложив правую руку к груди, каждый приветствовал нас наклоном головы.

В сопровождении Ямады мы вошли в зал. Ямада представил нас своим генералам:

— Высокоуполномоченный русского командования маршала Малиновского господин Артеменко...— Обращаясь уже ко мне, сказал: — Ваше превосходительство, я выражаю вам от имени всех присутствующих наилучшие пожелания и благодарность за то, что вы не отказали своим присутствием разделить с нами горечь поражения...

Ямада пригласил нас и всех гостей к столам. У каждого стола стояли гейши и японский переводчик. Гейши разливали японское саке в маленькие фарфоровые чашечки.

Генерал Ямада провозгласил первый тост в честь победителей.

Настал мой черед сказать тост. Еще по дороге на банкет наш эрудит майор Моисеенко советовал предложить поднять бокалы за дедов и отцов наших, за героев Порт-Артура.

Я встал с бокалом в руках:

— Господа генералы и офицеры японской армии, дорогие мои товарищи — советские офицеры, я предлагаю тост за наших дедов и отцов, доблестно защищавших интересы России здесь, в Маньчжурии, на Востоке, за их славного командира, героя Порт-Артура, моего деда, генерала Кондратенко Исидора Романовича, за нашу победу на сопках Маньчжурии 40 лет спустя.

Все мои товарищи бурно аплодировали. Японцы следуют их примеру, правда, без особого энтузиазма. За столом завязывается разговор, переводчики еле успевают.

Японцы хотят знать, действительно ли я внук Кондратенко. Конечно, родство это весьма условное. Генерал Кондратенко был крестным отцом моей матери. Мой дед Иван Федорович Кракотица в 1904—1905 годах воевал в Порт-Артуре, служил в дивизии, которой командовал Кондратенко. Вместе с дедом оказался в японском плену и мой отец, тогда молодой прапорщик, старший ветфельдшер батареи.

Без малого неделю выполнял я функции коменданта Чанчуня. Каждый день был до предела насыщен заботами, которых хватило бы на долгие месяцы. Наряду с контролем за разоружением японских частей решалось бесконечное множество других вопросов. Нужно было наладить торговлю, водоснабжение, работу железнодорожного транспорта, организовать охрану мостов, банка, телеграфа, почты, радиостанции, позаботиться о питании и приюте для беженцев, пресечь имевшие место случаи мародерства со стороны хунхузов.

Сохранились записи, которые позволяют восстановить все, что нами делалось в те дни в Чанчуне,— день за днем, час за часом.

В ночь на 21 августа началась стычка на подступах к Чанчуню и в других местах с вооруженными японскими подразделениями,

Советские военные представители во время вручения ультиматума о капитуляции главнокомандующему Квантунской армией О. Ямаде (третий справа).
Чанчунь, август 1945 года

которые не знали приказа Ямады о капитуляции и разоружении. Пришлось потребовать у Ямады немедленного разоружения этих групп. Требование было выполнено с помощью курсантов офицерской школы под командованием старших офицеров бывшего штаба Квантунской армии.

Утром 21 августа я получил радиogramму: передовой отряд 7-го мехкорпуса к 20 часам 20 августа достиг населенного пункта Кунань и просит выслать встречу. Прекрасно! Это нам поможет покончить с бандами хунхузов и бродячими японскими группами.

Я приказал капитану Беззубому и старшине Никонову с небольшим отрядом на автомашинах выехать навстречу отряду мехкорпуса.

Наши солдаты рассказывали, что всюду их с восторгом встречали толпы китайцев. Бойцы делились с населением хлебом, сухарями, колбасой. Старики брызгали на них «святой водой», выкрикивая лишь одно слово: «Шанго, шанго!» — «Живите, живите!».

Утром же поручил майору Спиженко с интендантом японской армии проверить интендантские и продовольственные склады, уточнить запасы продовольствия.

21 августа закончился срок сдачи японцами оружия. Только в Чанчуньской зоне обороны было разоружено более 45 000 солдат и офицеров.

Постоянно поддерживалась связь с нашим командованием.

Еще в 6.00 я получил радиogramму от генерала Захарова. Он требовал немедленно организовать работу управления дороги и железнодорожного узла Чанчунь, открыть движение на линии Ванмяо — Чанчунь — Мукден — Порт-Артур.

Сделать это оказалось значительно сложнее, чем разоружить японские войска. Через генерала Хату и его офицеров я вызвал министра путей сообщения Маньчжурии, вице-президента Южно-Маньчжурских железных дорог, начальника управления военных сообщений, директора Фушунского угольного комбината, начальника Чанчуньского железнодорожного узла и других лиц. Совещание было коротким. Я задал собравшимся вопрос: могут ли они немедленно организовать движение на железных дорогах Маньчжурии? Если могут, то что для этого нужно? Все присутствовавшие заявили, что при наличии угля движение можно открыть незамедлительно. Пришлось спросить директора Фушунских угольных копей, есть ли уголь, необходимый для обеспечения паровозов хотя бы на пять — десять дней.

Директор ответил, что уголь железной дороге он может дать, но тут же усомнился, оплатит ли его стоимость железная дорога.

Выяснилось, что вице-президент Южно-Маньчжурских железных дорог сейчас необходимыми суммами не располагает. Что делать? Решать надо было немедленно. Выход был один: оплату за уголь должно гарантировать советское командование. Я готов был подписать контракт с директором угольных копей.

Движение на участке Ванемяо — Чанчунь возобновилось.

Возвратясь к себе в штаб, застал там наших корреспондентов и кинорепортеров: подполковника Величко («Правда»), майора Байкова («Красная звезда»), Пухова (ТАСС) и других. Надо было принять товарищей, устроить их, ознакомить с положением дел в городе, возникшими проблемами.

Я пообещал товарищам на следующий день организовать поездку по Чанчуню. Но утром уехал на аэродром встречать заместителя командующего Забайкальским фронтом генерал-полковника М. П. Ковалева и генерала Ф. В. Карлова, назначенного моим преемником — комендантом Чанчуни. А когда возвратился в штаб, то там захлестнули дела до самого вечера.

Звонили со станции Чанчунь Спиженко, из управления дороги — Моисеенко, докладывали, что движение на линии налаживается, надо решить вопрос о питании обслуживающего персонала. Потом вызовы интенданта и городского головы. Выяснение бесконечного количества вопросов.

Только вечером смог встретиться с корреспондентами. Собрались в комнате отдыха за ужином, который нам принесли из столовой. Очень аппетитно пахла свежая жареная картошка со свиной, зеленый лук и нарезанная редиска в постном масле.

Корреспонденты были довольны ужином, но больше работали пером, чем вилок. Допоздна затянулась непринужденная, задушевная беседа.

Об этом вечере у меня осталась память — машинописный текст статьи «Освобожденный Чанчунь», которую написал майор Байков в тот же вечер. Через три дня она была опубликована в «Красной звезде». И оригинал и газету берегу как дорогие реликвии.

23 августа 1945 года был издан приказ Верховного Главнокомандующего о последнем салюте в честь наших войск. В нем перечислялись все соединения, принявшие участие в разгроме врага на Дальнем Востоке.

Принимая приказ по радио отрывками, радист старший лейтенант Ордиянц передавал нам его содержание тоже частями. Каждый новый абзац приказа вызывал бурную реакцию, радость непередаваемую. В этом приказе была упомянута и моя фамилия.

Выслушав очередную «порцию» текста приказа по телефону, я крепко пожал всем товарищам руки, поздравляя с победой.

— Значит — войне конец! — возбужденно сказал генерал Карлов. — Дайте я вас всех обниму и расцелую! Пусть и нашим родным и близким так же будет радостно, как и нам. Это значит — мир для нас, для наших детей, для всех людей.

Савва вытирает глаза.

— Хочешь не хочешь, а от таких известий слезы сами бегут...

24 августа в Чанчунь прилетели командующий Забайкальским фронтом маршал Р. Я. Малиновский, начальник штаба генерал армии М. В. Захаров, член Военного совета генерал-лейтенант А. Н. Тевченков, начальник оперативного управления генерал-лейтенант Н. О. Павловский и другие генералы.

После официальной церемонии встречи на аэродроме (докладывали генералы Ковалев и Карлов) я также пытался доложить маршалу, но он не стал меня слушать, крепко обнял, расцеловал и, улыбаясь, сказал:

— Ну, временный правитель Маньчжурии, принимай, веди, показывай... — и приказал садиться в свою машину.

Подъехали к зданию штаба Квантунской армии, где высоко на флаг-мачте гордо реял наш советский флаг. Въехали во двор. Все вышли из автомашины и с интересом рассматривали помещение штаба. Рядом глубокий котлован, откуда торчали каркасы арматуры: в первые дни войны было начато строительство подземного бункера — для командующего Квантунской армией и его штаба. Строительство приостановлено 19 августа.

Я сопровождал маршала и генералов по штабу. В кабинете Ямады генерал армии Захаров первый подошел к оперативной карте японцев и висящей рядом нашей карте, внимательно стал рассматривать их.

— Вот смотрите, Родион Яковлевич, смотрите все, это, можно сказать, главный трофей. Оперативный план главкома всегда становится достоянием победителя. Правильно Артеменко сделал, что забрал и сберег, как говорится, в подлиннике.

Я доложил:

— Товарищ генерал, обстановка нанесена по состоянию на десять ноль-ноль девятнадцатого августа.

— А дальше? — спросил Павловский.

— Обстановку на этой карте пришлось дальше наносить нам. Отметки красным сделаны мною, японцы красным не работают.

— Эту вещь, Матвей Васильевич, надо сохранить как реликвию наших побед в Маньчжурии. Для Исторического музея пригодится, — добавил член Военного совета генерал Тевченков.

В течение нескольких дней в Чанчунь прибыли все управления и отделы штаба Забайкальского фронта, они были размещены в здании бывшего штаба Квантунской армии.

Все это время я был поглощен так называемой текущей работой: докладывал о сделанном командующему фронтом, начальнику штаба, присутствовал при официальных допросах японских генералов и офицеров. Наряду с работой в оперативном управлении приходилось заниматься и другими вопросами — невольно стал «консультантом» приезжавших в Маньчжурию наших дипломатов, экономистов, торговых работников, железнодорожников. Кстати, по старой памяти занимался также делами железных дорог и оперативной перегруппировкой наших войск, особенно в период вывода частей и соединений из Маньчжурии.

2 сентября 1945 года в Токио на борту американского линкора «Миссури» был подписан акт о безоговорочной капитуляции Японии. От Советского Союза этот документ скрепил своей подписью генерал-лейтенант К. Н. Деревянко.

Весть о подписании Японией капитуляции была встречена в войсках Забайкальского фронта всеобщим ликованием. В частях проходили митинги, собрания.

В этот день главнокомандующий войсками на Дальнем Востоке маршал А. М. Василевский, маршал К. А. Мерецков, главный маршал авиации Н. А. Новиков, командующий Тихоокеанским флотом адмирал И. С. Юмашев вылетели из Чанчуна в Порт-Артур. В числе сопровождавших лиц был и я.

Выдающиеся наши полководцы и военачальники осмотрели город русской славы, побывали на кладбище, где похоронено 34 800 защитников крепости, погибших в 1904—1905 годах, почтили память героев Порт-Артура.

Впоследствии там, где сражались русские воины, побывали многие солдаты и офицеры нашего фронта. Вторично я был в Порт-Артуре вместе с Саввой. Сорок лет тому назад при защите Порт-Артура погиб его отец Евтихий Иванович Сухарский. Савва написал мелом на огромном камне по-украински: «Спы, батьку, я за тэбэ видомств». Я заметил Савве, что надпись смывается дождем.

— Зато в моем сердце николи це не змыветься, — ответил он.

В той поездке нас сопровождал бывший адъютант генерала Кондратенко — Алексеев, которого мы случайно встретили в пригороде Чанчуна. После сдачи Порт-Артура он, как и мои отец и дед, побывал в японском плену, потом возвратился на родину, воевал в первую мировую войну, дослужился до подполковника, а после революции эмигрировал в Харбин.

Мы повезли Алексеева в Порт-Артур, и он больше месяца сопровождал экскурсии советских воинов, делился воспоминаниями.

Не забудутся встречи с первым комендантом Порт-Артура Иваном Константиновичем Белодедом. Заместителю начальника оперативного отдела штаба 9-го гвардейского Днестровско-Рымникского мехкорпуса гвардии майору И. К. Белодеду 22 августа было приказано во главе десанта лететь в Порт-Артур, захватить аэродром, город, порт и удерживать их до подхода наших сухопутных и морских частей. Гвардии полковник Лихачев возглавил десант на Дайрен (Дальний). В Мукдене, куда прибыли сначала оба десанта, генерал А. Г. Кравченко поставил перед ними оперативную задачу. Общее командование десантом на Порт-Артур принял заместитель командующего Забайкальским фронтом генерал-лейтенант В. Д. Иванов, а на Дайрен — генерал А. А. Яманов.

Гвардии майор Белодед с большой группой десантников занял порт, захватил суда, банк и другие учреждения. Тревожная, напряженная, боевая ночь. Действуя смело и решительно, десантники заставляли офицеров японских войск отдавать приказы о разоружении морской пехоты, четырех кораблей, катеров, вспомогательных судов, гидросамолетов. Командир морской пехоты подполковник Садава заявил Белодеду, что он в 1904 году в числе первых ворвался в Порт-Артур, а вот теперь первым приветствует русских. И передал советскому офицеру тяжелую связку ключей Порт-Артура.

Генерал Иванов поздравил десантников с успешным выполнением боевой задачи и назначил гвардии майора Белодеда первым советским военным комендантом Порт-Артура.

Тогда же я узнал, что в боях за Дайрен советские десантники разгромили центр русской белой эмиграции, были арестованы палач рабочих и крестьян Забайкалья атаман Семенов, начальник белоэмигрантского бюро, бывший комендант Читы, по приказу которого расстреляны тысячи людей, генерал Нечаев и многие другие «бывшие». Все они были доставлены сначала в Чанчунь, а затем в Хабаровск, где состоялся судебный процесс. Убийц настигло справедливое возмездие...

Вдали от Родины, в Чанчуне, встречали мы 28-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Командование Забайкальского фронта приурочило к празднику вручение правительственных наград солдатам, сержантам, офицерам, генералам, отличившимся в боях за Родину против японских милитаристов.

В большом зале штаба собрались награжденные, на сцене, за столом президиума, — командование, Военный совет фронта. Мы сидим торжественные, притихшие, чувства радости и гордости переполняют нас. Гордости за нашу великую и могучую социалистическую Отчизну. Во имя ее свободы, счастья, будущего мы не щадили ни сил своих, ни крови, ни самой жизни. Об этом мне хотелось сказать, когда маршал Р. Я. Малиновский вручил мне высокую награду — орден Кутузова II степени. Но, преодолевая волнение, смог только произнести:

— Служу Советскому Союзу!

Маршал Малиновский горячо поздравил награжденных:

— Мы с вами честно потрудились на полях сражений, достигли замечательной победы, закончили вторую мировую войну тут, на сопках Маньчжурии, дожили до мирных дней. Страна высоко оценила наши заслуги. Так будьте же достойны высоких наград.

С ответным словом от имени всех награжденных поручили выступить мне. Изрядно волнуясь, заверил командование, что мы и впредь будем с честью умножать боевую славу наших Вооруженных Сил. Затем подошел к Р. Я. Малиновскому и М. В. Захарову, от имени всех награжденных и офицеров штаба поздравил их с присвоением им звания Героя Советского Союза.

Товарищи тут же окружили Р. Я. Малиновского и М. В. Захарова и под дружное «Ура!» подняли их на руки. Грянул оркестр...

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
В. С. Шапков. На ильинском рубеже	3
Ф. Г. Шаповалов. Так сражались пароходы (<i>Литературная запись Н. Ф. Заборовского</i>)	28
И. А. Вязанкин. Бои местного значения	83
С. П. Ивлев. На фронтовых аэродромах (<i>Литературная запись Л. В. Кондаковой</i>)	134
С. М. Лисогор. Полевые крепости (<i>Литературная запись Н. Т. Радченко</i>)	157
А. И. Никулин. На огненной земле	206
А. А. Сосенков. Возрождение танков (<i>Литературная запись Б. А. Мясникова</i>)	225
А. И. Сорокин. Строки победы (<i>Литературная подготовка текста И. Т. Павлова</i>)	247
В. А. Воробьев. Это было под Брестом (<i>Литературная запись С. В. Миронова</i>)	337
И. Т. Артеменко. Последнее задание (<i>Литературная запись Г. И. Каца</i>)	353

НА ЗЕМЛЕ, В НЕБЕСАХ И НА МОРЕ

Сборник седьмой

Редактор *М. Д. Конюшенко*
Художественный редактор *Н. Б. Попова*
Технический редактор *Л. С. Афанасьева*
Корректор *Н. Г. Худякова*

ИБ № 2475

Сдано в набор 11.12.84. Подписано в печать 01.04.85. Г-80323. Формат 60×90/16. Бумага офсетная № 2. Гарн. обычн. новая. Печать офсетная. Печ. л. 24. Усл. печ. л. 24. Усл. кр.-отт. 24,5. Уч.-изд. л. 27,06. Тираж 65 000 экз. Изд. № 3/9939. Зак. 4-514. Цена 2 р. 00 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160

Харьковская книжная фабрика «Коммунист». 310012, Энгельса, 11

FURY

